

В. С. СЕРГЕЕВ

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО РИМА

ЧАСТЬ

II

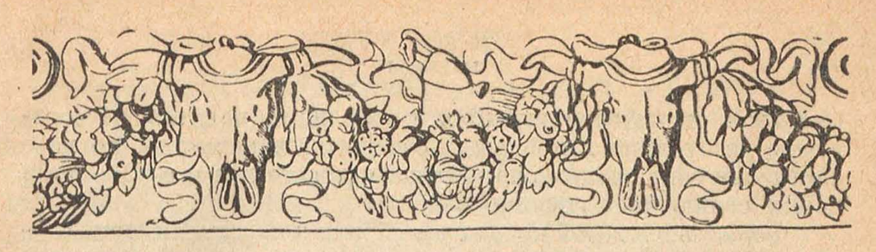
Допущено в качестве учебного пособия для исторических факультетов Всесоюзным Комитетом по делам высшей школы при СНК СССР

ОГИЗ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА
1938

ИМПЕРИЯ

Глава XIV

ПРИНЦИПАТ

1. ПРИНЦИПАТ АВГУСТА

С окончанием гражданской войны, после смерти Антония и конца второго триумвирата, главой Римского государства сделался *Октавиан*. В 29 г. Октавиан вернулся в Италию. В Брундизии, месте его высадки, в честь его была воздвигнута триумфальная арка, на всем пути до Рима победителя приветствовали многочисленные депутации, толпы народа, женщин и детей. В Риме в честь Октавиана был дан тройной триумф по случаю победы в Далмации, при Акции и в Египте, устроены великолепные игры, совершались жертвоприношения, торжественные молебствия, улицы были полны народом и в течение нескольких дней производились раздачи. Среди военнопленных, особенно привлекавших внимание толпы, находились дети Клеопатры Александр и Селена, следовавшие за маской их матери, снятой на смертном ложе и несомой на особых носилках.

Гражданская война была окончена, храм бога Януса закрыт. Еще до того сложивший с себя звание триумвира, Октавиан в 29 г. получил пожизненное императорство и приступил к реорганизации доставшегося ему колоссального наследства в виде Римской республики. Однако, не чувствуя себя еще в достаточной мере прочным и помня недавний горький опыт своего «божественного» отца Юлия Цезаря, Октавиан держал себя в высшей степени осторожно. С целью сгладить остроту государственного переворота он выступал не в роли основателя монархии, а в более скромной роли реставратора республики. Республиканские учреждения, привычки и нравы слишком крепко срослись со всем строем римской жизни, чувствами и нравами современников Октавиана, чтобы можно было сразу порвать с прошлым и превратить граждан в подданных. Этого не желал и сам

Октавиан, достаточно умный и расчетливый политик. Превращение республики в монархию совершалось медленно, по мере изменения социально-экономического фундамента и образования новых социальных группировок.

Формальной датой конца Республики и начала Империи считается *27 год*, когда в торжественном заседании сената Октавиан просил освободить его от врученных ему чрезвычайных полномочий. В качестве предлога Октавиан выставлял слабость здоровья, подорванного походами и нуждавшегося в продолжительном отдыхе.

В «Римской истории» Кассия Диона сохранилась *речь Октавиана*, произнесенная им в заседании сената 13 января 27 г. в связи с предполагаемым его отказом от чрезвычайных полномочий. Речь эта, как и вообще все речи, передаваемые античными историками, представляет литературную композицию, но композицию, составленную на основе определенного исторического факта и потому не лишенную значения исторического документа.

«Мои слова, — так начал свою речь Октавиан, — многим из присутствующих могут показаться фальшивыми, ибо фальшивым всякий считает то, чего сам не в состоянии сделать. В настоящее время в моей власти удержать или сложить врученные римским народом чрезвычайные полномочия. Все, оказавшие мне какую-либо услугу, в настоящее время вознаграждены и привязаны ко мне.

Мои войска пышат силой и довольством. Меня окружают любовь, сила, богатство, многочисленные союзники. Самое же главное — то, что вы и римский народ своим благорасположением, любовью и доверием вознесли меня на вершину власти. И вот, чтобы ни у кого не оставалось мысли, что я насильственным путем удерживаю врученную мне единодержавную власть, я в настоящий момент перед вашим лицом слагаю с себя все свои полномочия и возвращаюсь к частной жизни.

Мне кажется, что я выполнил все, что только позволяли мои силы и способности. В исполнении моих обязанностей меня не устрашало ничто: ни угрозы и подкопы врагов, ни множество мятежников, ни бешенство недоброжелателей. Я все преодолел и благодаря этому спас родину. Теперь вы благодаря мне наслаждаетесь приятным миром и свободой.

Едва ли можно удивляться моему намерению сложить власть, зная мой характер, не позволяющий мне принимать все предлагаемые мне знаки отличия. Сколь скромными, сравнительно с моим отказом от единодержавной власти, кажутся все эти завоевания Галлии, покорение Египта, Фарнака, Юбы, походы в Британию и др. То, из-за чего проливалось так много крови, — единодержавная власть — уничтожается добровольным отказом от нее.

Конечно, мой добровольный отказ не может быть рассматриваем как желание бросить государство и вас на произвол судьбы, отдав вас во власть честолюбивых и порочных людей и столь же порочной черни, всегда подрывающей общественный порядок. Вам самим, почтеннейшие и уважаемые люди, отныне я передаю управление государством. Я сделал для общего блага все, что только мог. Теперь же я чувствую себя утомленным и нуждаюсь в глубоком покое. Мой дух, мои силы исчерпаны»[1].

Август

Трудно сказать, вызывался ли отказ Октавиана от чрезвычайных полномочий усталостью и лойяльностью в отношении республиканской конституции или же это было его обычное лукавство, тонко рассчитанный политический шаг.

В сенате речь Октавиана вызвала большое смятение — сенаторы просили его не слагать своих полномочий до полного успокоения государства, указывая на то, что намеченная его отцом, «божественным Юлием», программа еще не выполнена, Парфия и Британия не покорены и мир внутри государства не обеспечен[2].

Объективная обстановка последних десятилетий Римской республики не позволяла рабовладельческому классу Италии совершенно отказаться от военной диктатуры и вернуться к прежним республиканским формам общественной жизни. Хозяйственное расстройство, отсутствие внешнего порядка, неопределенность имущественных отношений и правовых норм, постоянная угроза вспышки новой гражданской войны, восстания в провинциях, восстания рабов и пр. заставляли даже принципиальных республиканцев итти на политический компромисс в виде признания военной диктатуры в смягченной форме «республиканской монархии» или принципата.

За твердую власть стояли прежде всего 90 тысяч ветеранов, посаженных Октавианом на территории италийских муниципиев.

---

[1] *Dio Cass.*, LIII, 3—10.

[2] *Horat.*, Od., III, V; 1, 21, 15; *Verg.*, Georg., I, 30.

Многие из них уже успели превратиться в зажиточных собственников, сделались членами (декурионами) местных муниципальных советов (курий), обзавелись хорошей обстановкой, семьей и пр. и жаждали только одного — мира и порядка. В стремлении к миру с ветеранами и офицерами сходились также другие социальные группы. Кроме того, концентрации власти требовало столичное население, страдавшее от недостатка продовольствия, подвоз которого был затруднен во время войны. Республиканские органы (сенат) не могли обеспечить правильное снабжение.

Состояние римского общества конца Республики запечатлелось в современной литературе, поэзии и исторических сочинениях. Достаточно привести в виде примера несколько выдержек из произведений двух популярных римских писателей-республиканцев, отделенных друг от друга более чем столетним промежутком времени, — *Горация* и *Тацита*.

«Вот уже два поколения, — говорит Гораций, — томятся гражданской войной. Рим разрушается собственной силой. Рим не могли погубить ни сильное племя марсов, ни грозная рать этрусского царя Порсены, ни мятежный дух Капуи, ни ярость Спартака, ни аллоброги, использовавшие внутренние смуты Римского государства; наконец, не дрогнул Рим и перед дотоле непобедимым Ганнибалом и синеокой ордой германцев. Все римский дух победил, все он одолел. Не может он одолеть только одного — братоубийственной междоусобицы. Внутренняя война грозит последствиями, о которых страшно даже и подумать» [1].

Положение государства представляется римскому поэту ужасным и безвыходным. Всколыхнувшееся римское общество сравнивается с кораблем, носящимся по волнам бушующего, разъяренного моря:

О, корабль, отнесут в море опять тебя
Волны. Что ты? Постой! Якорь брось в гавани.
    Неужели ты не видишь,
    Что твой брат потерял уже
Весла — бурей твоя мачта надломлена,
Снасти жутко трещат, скрепы все сорваны,
    И едва уже днище
    Может выдержать властную
Силу волн. У тебя нет уж ни паруса,
Ни богов на корме — в бедах прибежища...
О, недавний предмет помысла горького,
Пробудивший теперь чувства сыновние,
    Не пускайся ты в море,
    Что шумит меж Цикладами [2]

[1] *Horat.*, Epod., I, XVI.
[2] *Horat.*, Od., I, XIV.

Варвар, увы, победит нас и, звоном копыт огласив
Наш Рим, над прахом предков надругается.
Кости Квирина, что век не знали ни ветра, ни солнца,
О, ужас! — будут дерзостно разметаны [1].

Ту же самую картину общей усталости, растерянности и жажды мира рисует римский историк Корнелий Тацит. Тацит отмечает глубокую усталость, парализующую творческие силы римского общества, жажду мира и демагогическую политику Октавиана, привлекавшего к себе одних раздачами и обещаниями, других страхом, а всех вообще надеждой на «сладкий мир» [2].

«После актийской битвы правление одного сделалось условием мира» [3].

Еще категоричнее ту же самую идею выражает историк III века Кассий Дион: «Правление приняло в эту эпоху лучшую и более спасительную, с точки зрения общественного блага, форму, ибо для всех римлян стало ясно, что абсолютно невозможно спасти себя при республиканской форме» [4].

«О, Мелибей, — заявляет Титир в первой буколике Вергилия, написанной около 41 г. до н. э., — это бог, кто дал нам настоящий покой. Да, он всегда останется для меня богом» [5].

Современники на события 27 года смотрели *не* как на официальное признание монархии, а как на возвращение к республиканскому строю, свободе, праву и законности и как на конец гражданской войны.

«Наконец, — читаем в «Римской истории» Веллея Патеркула, — гражданские раздоры потушены, внешняя война погребена, мир восстановлен, безумство оружия повсюду приглушено, законам возвращена сила, судьям — авторитет, сенату — величие» (revocata pax, sopitus ubique armorum furor; restituta vis legibus, iudiciis, auctoritas senatui maiestas) [6]. Те же самые чувства выражены и в дошедших до нас эпиграфических памятниках (надписях).

«Он (Август) восстановил республику римского народа», — говорится, например, в одной надписи из Пренесте. На монетах Август квалифицируется как «защитник свободы» (libertatis vindex).

Объективная необходимость иметь твердую власть, с одной стороны, и горький опыт «божественного Юлия», с другой, заставляли республиканцев и Октавиана пойти на компромисс. Республиканцы, а таковых в римском обществе тогда было не-

---

[1] *Horat.*, Epod., XVI, 10—15.
[2] *Tacit.*, Annales, I, 1.
[3] *Tacit.*, Historiae, I, 1.
[4] *Dio Cass.*, LIII, 19.
[5] *Vergil.*, Bucolica, I, 6—7.
[6] *Vell. Pat.*, II, 89.

мало, соглашались на предоставление в ограниченных пределах чрезвычайных полномочий Октавиану. Политический строй, установившийся в Риме со времени Октавиана, носит название *Принципата*, бывшего «некоторым подобием республики» (quaedam imago rei publicae, — по выражению Тацита) [1].

Вначале думали провозгласить Октавиана царем, но по политическим соображениям от этого отказались, так как самое слово «царство» или «монархия», по словам Кассия Диона, было тогда столь ненавистно римлянам, что они не называли своих императоров ни диктаторами, ни царями. Но так как верховная власть все же находилась в их руках, то почему бы не сказать, что они были осчастливлены царями. Все делается так, как того захотят императоры. Однако, чтобы сохранить видимость, будто они владеют всем не по произволу, а по праву, они присваивают все общественные функции и права, имевшие наибольшее значение при народовластии [2].

Термин *«принцепс»* шире термина «император», входящего в него как один из основных признаков. Принцепс — это первый магистрат государства, власть которого признана народом и ограничена народным суверенитетом, с одной стороны, пожизненна и непередаваема по наследству — с другой [3].

«Принцепс» — республиканский термин, не содержавший ничего одиозного с конституционной точки зрения. Принцепс — первый гражданин (princeps civitatis) и первый сенатор (princeps senatus). Но уже при Октавиане принцепс означал нечто большее, чем только первый гражданин и первый сенатор. «После этого я отличался от всех по своему влиянию (auctoritate omnibus praestiti), — так характеризует свое положение в государстве сам Октавиан, — но не имел в распоряжении большей власти, чем мои коллеги по должностям» [4]. В дальнейшем, в течение двух первых столетий нашей эры, принцепс эволюционирует в императора в позднейшем значении этого термина, т. е. в неограниченного самодержца, или царя. В общих обзорах римской истории и истории римского права *принципатом* обычно называют первую половину Римской империи — Раннюю империю I—III вв. н. э., которая противополагается *доминату*, или Поздней империи (IV—V вв.). Аналогичную эволюцию прошел и титул *цезаря* (Caesar), сперва бывший родовым прозвищем (cognomen) Юлиев, а затем превратившийся в один из титулов римских принцепсов и императоров. Титул императора, в свою оче-

---

[1] *Tacit.*, Annales, XIII, 28.
[2] *Dio Cass.*, LIII, 17.
[3] *Léon Homo*, Auguste, Paris 1935, p. 168.
[4] *Monum. Ancyr.*, 34.

редь, из узкого значения почетного звания военных командиров переродился в титул главы государства, императора в позднейшем смысле.

Наряду с принцепсом, цезарем и императором римские правители назывались еще *августами*. В качестве почетного наименования титул *Августа* был поднесен Октавиану сенатом в историческом заседании 13 января 27 г., когда он сложил с себя диктаторские полномочия. С юридической точки зрения, «Август» не имел никакого содержания, но он имел сакральное значение. Август (Augustus) от глагола augere — увеличивать, умножать; (по-гречески Sebastos) — умножатель и податель благ — заключает в себе нечто мистическое, божественное, роднящее носителя этого почетного титула с авгурами, истолкователями божественной воли, выражаемой в различных посылаемых богами знамениях (divinatio).

С 27 г. Октавиан стал называться *Августом*, и с этого времени Август сделался его личным именем и титулом для всех последующих носителей верховной власти в Риме. На дверях вновь отстроенной курии Юлия (curia Iulia) был повешен золотой щит, посвященный Августу, с надписью: «Senatus populusque Romanus Augusto dedit clupeum virtutis, clementiae, iustitiae, pietatis causa» (сенат и народ римский посвятили Августу щит за его доблесть, милосердие, справедливость, благочестие) [1].

По предложению народного трибуна Пакувия, шестой месяц римского календаря (sextilis) был переименован в месяц Августа [2] (Augustus).

Современники, в том числе и сам Август, считали 13 января 27 г. днем окончания гражданской войны и восстановления Республики (res publica restituta), история же должна считать этот день началом Империи.

С точки зрения конституционного права, Республика и Империя представляли политические организации, исключающие одна другую, но при всем формальном различии между ними имелось одно существенное сходство. Как Республика, так и Империя были политическими надстройками рабовладельческого общества, хотя различно организованными и находящимися на разных стадиях исторического развития.

«Во времена рабовладельческие, — говорит Ленин, — в странах, наиболее передовых, культурных и цивилизованных по тогдашнему, например, в древней Греции и Риме, которые целиком покоились на рабстве, мы имеем уже разнообразные формы государства. Тогда уже возникает различие между монархией и республикой, между аристократией и демократией...

---

[1] *C. I. L.*, IX, 581.
[2] *Macrob.*, Sat. I, 12, 35;

Все эти различия возникли в эпоху рабства. Несмотря на эти различия, государство времен рабовладельческой эпохи было государством рабовладельческим, все равно — была ли это монархия или республика аристократическая или демократическая»[1].

2. РОСТ ИМПЕРАТОРСКОЙ ВЛАСТИ

Отмирание республиканских учреждений и рост императорской власти являлись закономерным следствием превращения города-государства в Средиземноморскую империю, создания постоянной армии и бюрократического аппарата. В течение пятисот лет Римской империи социальная природа императорской власти не оставалась неизменной, меняясь параллельно с изменением соотношения социальных сил. Императоры первой династии из дома Юлиев — Клавдиев больше были связаны с Италией и нобилитетом, нежели последующие династии, опиравшиеся на привилегированные верхи, провинциальную плутократию и ветеранов.

Основным документом по истории первых десятилетий принципата являются «Деяния божественного Августа» (Res gestae divi Augusti), нечто вроде политического завещания, составленного в конце жизни Августа и охватывающего всю историю его правления, с первого выступления на политическую арену и до последнего года его жизни. Написанные на двух бронзовых досках, «Деяния» были поставлены в Риме перед мавзолеем Августа и воспроизведены во многих италийских и провинциальных городах. Одна из таких копий была найдена австрийской экспедицией в половине XVI в. в малоазиатском городе Анкире (Ангора) и известна в науке под именем *Анкирской надписи* (Monumentum Ancyranum)[2].

Политический смысл «Деяний божественного Августа» не оставляет сомнений. Это было тонко продуманное оправдание всей политики Октавиана Августа, написанное сухим, деловым и серьезным стилем, рассчитанным не на чувства, а на логику. Часто отступая от исторической реальности, Август стремится представить свою деятельность как совокупность законных конституционных актов, совершенных с согласия и по воле сената и римского народа.

«Девятнадцати лет от роду, — гласит 1-й параграф «Деяний», — по собственному почину и на свои средства (privato consilio et privata impensa) я собрал войско, благодаря которому вернул свободу государству, угнетенному партией злоумышленников (rem publicam dominatione factionis oppressam in libertatem vindicavi).

---

[1] *Ленин*, О государстве, Собр. соч., т. XXIV, стр. 369—370.
[2] *Th. Mommsen*, Res gestae divi Augusti, 2 Aufl., 1883.

Во имя этого сенат особыми почетными декретами ввел меня в свой состав, дав мне право подавать мнение вместе с консулярами, и вручил мне imperium» [1].

«Море я очистил от пиратов. В этой войне я захватил около 30 тыс. рабов... и предал их для наказания их господам. Вся Италия присягнула мне добровольно и потребовала, чтобы я был вождем в той войне, в которой я одержал победу при Акции. Провинции — Галлия, Испания, Африка, Сицилия и Сардиния — принесли мне такую же присягу» [2].

«В благодарность за мои заслуги постановлением сената я был провозглашен Августом» (Quo pro merito meo senatus consulto Augustus apellatus sum) [3].

Исторически власть принцепса, закономерно превращавшегося в абсолютного монарха «божиею милостью», развилась из двух республиканских магистратур: *проконсульства* и *народного трибуната.* При Республике проконсульский империй (imperium proconsulare) предоставлял его носителю верховную команду в пределах одной (imperium finitum) или нескольких провинций (imperium maius infinitum). Трибунская же власть (potestas tribunicia) предоставляла право законодательной инициативы и облекала ее носителя санкцией народного авторитета. Но при Республике и Империи между названными магистратурами была существенная разница. В то время как при Республике та и другая магистратура были ограничены во времени и пространстве определенной территорией (провинция, городской померий) и годичным сроком с правом пророгации (продления власти), проконсульство и трибунат Августа не ограничивались ни пространством, ни временем. В этом и заключалось его принципиальное отличие от республиканских магистратур.

В силу проконсульского империя Август являлся верховным командиром (императором) вооруженных сухопутных и морских сил на всем протяжении государства, в том числе и в Италии и в самом Риме, поскольку там находились военные части — преторианская гвардия, городские когорты охраны, пожарная дружина и т. д. Большая же часть войск была сосредоточена в пограничных провинциях, еще не вполне освоенных Римом, где существовала постоянная опасность восстаний и вторжений. За этими провинциями, к числу которых принадлежали Испания, Галлия, Фракия, Далмация, Сирия, утверждалось название *императорских*, или *цезарских* (provinciae Caesaris), т. е. провинций, находящихся на военном положении. К императорским провинциям надо отнести также и Египет, составлявший личную

[1] *Monum. Ancyr.*, 1.
[2] Ibid., 25.
[3] Ibid., 34.

собственность, или патримоний, императора. Императорским провинциям противопоставлялись *сенатские* (provinciae senatus), управляемые республиканскими магистратами — пропреторами и проконсулами — и только в военном отношении подчиненные Августу — императору.

В силу постоянного военного положения власть императора в императорских провинциях по существу была диктаторской. Подобно диктатору, император по «праву меча» (ius gladii) имел власть над жизнью и смертью жителей подчиненных ему провинций—туземцев и римлян, издавал декреты, распределял и устанавливал налоги, руководил общественными работами, постройками, общественным продовольствием и был высшим апелляционным и кассационным судебным органом. Но все это не имело бы значения, если бы император не имел прочной *материальной базы*. Сила Октавиана Августа заключалась не только в его диктаторских правах, но также и в его колоссальном земельном и денежном богатстве. Он был крупнейшим земельным магнатом. Поместья принцепса и его семьи были разбросаны по всему государству, следы их сохранились как в императорских, так и в сенатских провинциях.

В поместьях принцепса, составлявших основное ядро его богатства, велось обширное хозяйство, руководимое императорскими управляющими — *прокураторами* (procuratores), которых назначал и оплачивал сам император, независимо от общегосударственных учреждений. В подведомственных им областях императорские прокураторы имели не только специально фискальные функции, но также и судебные права. В их распоряжении находился обширный служебный персонал свободных, либертинов и рабов. Сами прокураторы большей частью принадлежали к всадническому сословию. По сравнению со всеми остальными землевладельцами виллы принцепса находились на особом положении, пользуясь многими привилегиями.

Наряду с патримонием Август как император распоряжался всеми доходами императорских провинций, поступавшими не в общегосударственную казну (aerarium Saturni), а в специальную императорскую казну — «корзину» — *фиск* (fiscus). Фисками (fisci) в Риме называли плетеные корзины, в которые собирали оливы при выжимании масла, а также корзины или кошельки для хранения денег и ценностей.

При наличии колоссальных средств принцепс мог вербовать себе клиентов, вести агитацию, устраивать торжества, игры, закупать хлеб, оплачивать долги сенаторов, приобретать земли для ветеранов, вести на собственный счет войну, рекомендовать угодных ему кандидатов на общественные должности и устранять неугодных; формально все это протекало в законных рамках конституции.

Но самым важным было то, что войско целиком и полностью зависело от императора, который его комплектовал из угодных ему людей, снабжал, раздавал награды и чины (praemia militiae), размещал по колониям, назначал и сменял командный состав.

«Четыре раза, — заявляет Октавиан-Август, — я из личных моих средств (pecunia mea) помогал государственной казне и в общей сумме передал заведующим государственным казначейством 150 млн. сестерций» [1]. В 6 г. н. э. по инициативе Августа было учреждено специальное войсковое финансовое ведомство (aerarium militare) с основным фондом в 170 млн. сестерций из личных средств императора. Для пополнения военного эрария отчислялся один процент с налогов на имущество [2]. Из войсковой казны выплачивались пенсии солдатам и командирам, делались единовременные подарки. В распоряжении военного ведомства находился штат чиновников и слуг, верховной главой которых считался сам император.

Рост императорской власти отразился и на *титулатуре* ее носителя. К скромному наименованию главы государства «принцепс» присоединился ряд новых почетных титулов, и создалась пышная титулатура с перечислением всех магистратур, совмещаемых в лице императора, и всех одержанных им побед, действительных и мнимых. Полный титул римского императора гласил: «Император, Цезарь, Август, сын божественного, верховный жрец, носитель власти народного трибуна, отец отечества, консул, потомок Венеры и Энея» (Imperator, Caesar, Augustus, Divi filius, pontifex maximus, tribunicia potestate, pater patriae, consul, suboles Veneris Aeneisque). Особа принцепса как народного трибуна и верховного вождя считалась священной (sacrosancta persona). Внешне император отличался от остальных граждан одеждой (toga praetexta paludamentum), и подобно консулам имел свиту в 12 ликторов. Местопребыванием принцепса был обширный дворец на Палатинском холме, занимавшем господствующее положение над городом.

Сверх постоянных магистратур — проконсульства и трибуната — Август время от времени принимал на себя еще некоторые чрезвычайные полномочия, например заботу о продовольственном снабжении Рима (cura annonae), заботу об общественной нравственности (cura legum morumque) и т. д. Особенно важное значение имело присоединение к проконсульской и трибунской власти верховного жречества, превращавшее Августа в пожизненного верховного жреца (pontifex maximus), главу всех жреческих коллегий, посредника между людьми и богачами.

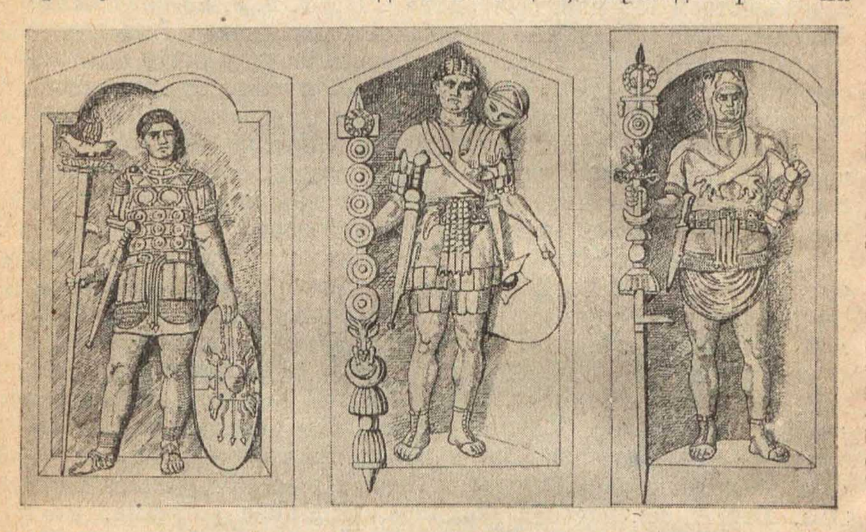
---

[1] *Monum Ancyr.*, 17.

[2] *Dio Cass.*, LV, 23.

3. РЕОРГАНИЗАЦИЯ АРМИИ

После актийской битвы самой крупной, грозной и организованной силой Римской республики была *римская армия*. С ней прежде всего и должен был считаться Октавиан Август, в распоряжении которого после разгрома Антония и Клеопатры оказалась внушительная военная сила в 500 тыс. человек. Содержать такую большую армию было трудно и опасно, и потому Август приступил к постепенной демобилизации, переводя армию на

Римские легионеры

мирное положение и по возможности превращая солдат в земледельцев. Из 500 тыс. солдат 300 тыс. были освобождены и получили в виде награды деньги и земли. Из боязни вызвать недовольство мирного населения в результате массовой конфискации Август отказался от своего прежнего метода насильственного внедрения колонистов на муниципальные территории, перейдя к другому методу приобретения земель — *покупке*.

Земли для ветеранских поселений приобретались в Италии и провинциях. Сам Август отмечает две крупные *закупки земель в Италии*, сделанные им на свой собственный счет в 30 г. до н. э., непосредственно после Акция, и в 14 г. до н. э. На покупку земель были истрачены громадные суммы — 600 млн. сестерций в Италии и 260 млн. сестерций в провинциях [1].

Массовое испомещение ветеранов на землях вызывалось двумя соображениями: 1) требованием самих ветеранов, тяго-

[1] *Dio Cass.*, LI, 3; 23.

тившихся военной службой, и 2) соображениями государственной политики, стремлением укрепить мелкое и среднее землевладение, что частично и было достигнуто.

«В Италии находятся 28 основанных мною колоний, которые при моей жизни были весьма многолюдны и находились в цветущем состоянии» (celeberrimae et frequentissimae fuerunt) [1]. Остав-

Всадник

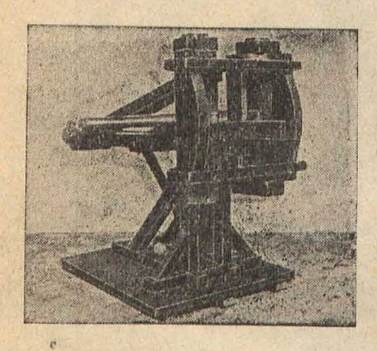
шаяся же часть армии была расквартирована по границам, находилась под командой императора и превратилась в *постоянную* армию. Тенденция превращения гражданской милиции в постоянную регулярную армию наметилась уже при Республике, но законодательную санкцию получила только при Империи. Кадровая армия состояла из 25 легионов, по 6 тыс. человек в легионе при 700 кавалеристах. В общей сумме римская армия в первые десятилетия принципата едва ли превышала 250 тыс. человек.

Основной военной единицей оставался *легион* (legio), делившийся на 10 когорт по 6 центурий. 8 легионов стояли на рейн-

[1] *Monum. Ancyr.*, 28.

ской границе, 8 — в Испании, 2 — в Африке, 2 — в Египте, 4 — в Сирии и т. д. Все наличные войска данной провинции находились под командой императорского *наместника — легата* (legatus Augusti pro praetore). От легата легиона зависели *военные трибуны* (tribuni militares). Самой мелкой единицей римской армии была центурия, возглавляемая *центурионами*. Глава сухопутной армии, император, был также и главой морских сил Рима.

Экипаж *римского флота* рекрутировался из низших слоев римского гражданства — пролетариев, вольноотпущенников, а частью из рабов. Флот был наиболее демократической частью римского войска и занимал второстепенное место в системе военной организации Рима. Флот нес сторожевую службу, будучи сосредоточен в двух гаванях — в Мисенской на юге и в Равеннской на севере Италии.

Палинтонон по Герону, Филону и Витрувию

В армии строго проводился классовый принцип. Командные посты в легионах, когортах и манипулах предоставлялись исключительно высшему классу — сенаторам или всадникам. Предварительную военную подготовку аристократическая молодежь проходила в специальных военных школах, называвшихся *«союзами молодежи»* (collegia iuvenum), в которых дети сенаторов и всадников получали общее и специальное образование. В провинциях тоже существовали «союзы молодежи» для детей местной аристократии (декурионов), имевшей право на занятие командных постов. Аристократизацией командного состава Август надеялся прежде всего ослабить влияние низших командных чинов — центурионов, игравших большую роль в период гражданской войны и близко стоявших к солдатам.

Положение солдата в армии, его обязанности, права и привилегии (conditio militiae) определялись специальным воинским уставом. Согласно уставу, срок службы определялся в легионах в 20 лет, в гвардейских частях (преторианской гвардии) — 16 лет. За свою службу солдат получал определенное жалованье — 250 денариев, т. е. 1 000 сестерций, в год для легионера и 360 для преторианца. К этому надо прибавить еще экстраординарные награды и подарки в виде земельных наделов и денег. Обязательным условием службы в римской армии было безбрачие, при вступлении в армию браки расторгались. Права и привилегии

ветеранов (privilegia veteranorum) перечислялись в особых отпускных грамотах (diploma militum), которые воинские чины получали по окончании положенного срока службы.

Отношение императора и командного состава к солдатам сравнительно с республиканской эпохой изменилось; была введена строгая дисциплина, повышена мера наказаний и т. п.

«По окончании гражданской войны Август ни на сходках, ни в приказах не называл солдат сотоварищами (commilitones), как это было прежде, но просто солдатами (milites) и не допускал, чтобы их называли иначе его сыновья или пасынки, занимавшие высшие командные посты. Первое же обращение он находил чересчур заискивающим и несоответствующим ни порядку военной службы, ни наступившей устойчивости политического положения, ни высокому рангу своему и своего дома. Вольноотпущенников он брал в солдаты только для пожарной службы в Риме или когда по причине дороговизны возникало опасение народных волнений»[1].

Двойная катапульта по Витрувию

Наличная армия, распыленная по окраинам, императорским провинциям, была недостаточна не только для наступления, но даже для обороны. Увеличение же армейских кадров не представлялось возможным ни по финансовым, ни по политическим соображениям. Содержание армии стоило очень дорого и было непосильно для римского государства, истощенного предшествующими войнами.

Выход из положения был найден в возвращении к старым союзническим *вспомогательным отрядам* (auxilia), служившим в пехоте (cohortes) и кавалерии (alae) и вербуемым не из италиков, а из подчиненных Риму варварских народностей — фракийцев, иберов, галлов и германцев. За службу в римских войсках варвары жалованья не получали, удовлетворяясь лишь одной наградой — правом римского гражданства.

Включение в состав римской армии союзных варварских народностей имело существенные последствия для дальнейшей истории Рима. С одной стороны, оно способствовало романизации окраин, а с другой — на окраинах создавалась вооруженная сила, совершенно не подчиненная гражданским законам и зави-

[1] *Suet.*, August., 25.

сящая исключительно от своих командиров и главного начальника всех войск Империи — принцепса, или императора.

Значение вспомогательных войск с каждым столетием увеличивалось, и римская армия постепенно варваризировалась, растворяясь в массе провинциального войска. Вместе с вар-

Преторианцы в полном вооружении

варизацией исчезала дисциплина, понижалась боевая техника армии, грубели тактика и стратегия. Мятежи и восстания в союзнических частях составляли обычное явление, несмотря на предохранительные меры, принимавшиеся императорами, — частые перемещения, избежание скопления родственных народностей, говорящих на одном языке, введение наград, повышений по службе, с одной стороны, и строгих наказаний, с другой.

Наряду с пограничной армией и вспомогательными отрядами при Августе существовала еще *преторианская гвардия* из 9 когорт по тысяче человек в каждой когорте (cohortes praeto-

rianae). По идее преторианская гвардия составляла личную охрану императора и полицейский корпус. Преторианские когорты находились при императоре и, по сравнению с другими военными частями, пользовались многими привилегиями. Часть преторианцев была размещена в предместьях Рима, другая расквартирована по италийским городам. Преторианские когорты подчинялись двум *преторианским префектам* (praefecti praetorio) из сословия всадников. Среди преторианцев имелась особая когорта германцев (cohors germanorum).

В истории императорской власти преторианская гвардия сыграла очень большую роль: из слуг и телохранителей императора преторианцы с течением времени превратились в их протекторов, от которых зависела судьба главы государства. Префекты претория часто назначали и смещали императоров, не считаясь с их волей.

4. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА АВГУСТА

Вследствие сильного истощения государства, политической неустойчивости и всеобщей усталости Август вынужден был ослабить завоевательную политику и удовлетвориться защитой границ римского государства от покушений на них со стороны соседних государств и народностей. Эпоха Августа и его преемников—принцепсов I в. известна как *период «римского мира»* (pax romana) и внутренней консолидации стран средиземноморского бассейна, входивших в состав римских владений.

В Анкирской надписи Август в отношении внешней политики выдвигает два противоположных момента. С одной стороны, он подчеркивает свое миролюбие, но с другой — не забывает указать также на успехи римского оружия и дипломатии. «Храм Януса Квирина, — гласит 13-й параграф «Деяний», — который, по обычаю наших предков, запирался, когда во всех подвластных римскому народу землях и морях царил добытый победами мир, и который за все время от основания города до моей жизни запирался лишь дважды, в мой принципат, по постановлению сената, был заперт три раза» [1].

Но миролюбие Августа, как видно из дальнейших параграфов, не помешало ему снаряжать сухопутные и морские экспедиции в отдаленные страны, завоевывать эти страны и облагать их данью. «Я расширил, — читаем мы в 26-м параграфе Анкирской надписи, — границы всех провинций римского народа, смежных с племенами, не подчинявшимися нашей власти (quae non parerent imperio nostro). Мой флот поднялся по Океану до устья Рейна, на Восток до границ кимвров (ad fines cimbrorum

[1] *Monum. Ancyr.*, 13.

navigavit), куда до сего времени не доходил ни один римлянин ни по морю, ни по суше»[1].

По сравнению с Республикой принципат действительно был эпохой мира; правда, войны в течение «римского мира» в I и II вв. н. э. никогда не прекращались, но разница была в масштабе и количестве извлекаемых из них выгод[2].

При Августе войны велись на востоке, западе, севере и юге. На востоке самым крупным государством при Августе было *Парфянское царство* (Regnum Parthorum), между Каспийским морем и Индийским океаном. В состав Парфянского царства входили многие старые культурные народы — халдеи, персы, мидяне и др., большая же часть парфянского населения состояла из номадов и полуномадов. Управлялась Парфия царем, носившим титул «царя царей», имевшим массу слуг, клиентов и рабов. Экономическая сила Парфянского царства состояла в посреднической торговле между Дальним Востоком и Римом. Центром посреднической торговли, денежных операций и ремёсл была *Селевкия* на реке Тигре, один из самых больших городов античности (более 700 тыс. жителей); из других городов Парфии следует отметить *Вавилон и Ктесифон*, старинные культурные центры. Своего расцвета Парфия достигла при царе Ороде, в середине I в. до н. э., затем началась династическая война, во время которой Ород был убит своим сыном Фраатом, завладевшим его престолом.

Внутренней слабостью Парфии объясняется легкость, с какой Август достиг значительных дипломатических успехов в восточных делах. Дипломатическим путем римлянам удалось укрепить свое влияние в ряде восточных царств, расположенных между Римом и Парфией: в Каппадокии, Армении, Коммагене, и Боспорском царстве. Не чувствуя себя прочно внутри и не веря в надежность своих вассалов, Фраат пошел на уступки: вернул римлянам знамена, отнятые в битве при Каррах (53 г.), и согласился на исправление границ. Границей между Римом и Парфией была признана река Евфрат (20 г.).

После многих лет затишья и поражений достигнутые на Востоке успехи произвели сильное впечатление на римское общество и способствовали укреплению положения Августа. Выразителями общественного мнения в то время были придворные поэты и писатели. В их воображении победы Августа представлялись началом того момента, когда Рим, возглавляемый единым властелином, дойдет до границ Океана и подчинит себе все народы мира.

---

[1] *Monum. Ancyr.*, 26.

[2] *Gardthausen*, Augustus und seine Zeit, 1891—1904; *Drumann, Groebe*, Geschichte Roms, 2 Auflage.

«От страны восхода солнца и до края его заката царит величие Империи. Никто не смеет нарушить приказов Цезаря... ни те, кто пьет воду голубого Дуная, ни геты, ни серы (китайцы), ни коварные персы (парфяне), ни уроженцы далекого края у Дона»[1].

Восторженность Горация разделяли и другие поэты, современники Августа: Вергилий, Проперций, Тибулл и др., увлеченные волной милитаризации.

Сам Август с гордостью повествует об успехах восточной политики Рима:

«Ко мне бежали, умоляя о защите, цари парфянский и мидийский... парфянский и мидийский народ приняли от меня через посредство своих послов просимых ими царей»[2].

Замирение Востока имело не только стратегическое, но и первостепенное коммерческое значение — к римлянам переходила посредническая торговля между Западом и Востоком. Вновь открывались торговые пути и устанавливались торговые связи с восточными странами — Китаем и Индией, занимавшими одно из первых мест во внешней торговле Рима.

«Ко мне, — гласит 31-й параграф «Деяний божественного Августа», — индийские цари не один раз присылали посольства, никогда не виданные до тех пор ни при одном вожде... Нашей дружбы искали через своих послов бастарны, скифы и сарматы, жившие по эту сторону Танаиса»[3].

Включение в состав римских владений Египта обеспечивало за Римом торговые пути по Красному морю в Индию и по Нилу в глубь Африки — в Эфиопию.

Через Египет шли торговые пути в Аравию и Индию, откуда ввозились предметы богатой индийско-аравийской природы, пряности, предметы роскоши и туалета, хлопок, индиго, свинец. Страбон говорит о целых флотилиях, отправлявшихся на юг по Красному морю[4].

Не последнее место торговые интересы занимали и в *северо-западной политике Рима*. Многочисленные войны римлян на севере и западе имели целью обеспечить торговые пути и охранить границы от набегов соседних племен и пополнить пустевший невольничий рынок. Главный торговый путь шел через Альпы, на закрепление альпийских проходов и было направлено внимание Августа. Римлянам удалось покорить горные племена и закрепить за собой дороги и золотые рудники и захватить рабов. Особенно много труда стоило покорение племени *салассов*, живших в Циспаданской Галлии (около Малого Бернара). После

---

[1] *Horat.*, Od., IV, 15.
[2] *Monum. Ancyr.*, 32, 33.
[3] Ibid., 31.
[4] *Strab.*, XVII, 1.

долгого сопротивления салассы в 25 г. потерпели жестокое поражение, многие погибли, оставшиеся же в живых 44 тыс. человек были проданы в рабство с торгов [1].

Закрепление за Римом Альпийских проходов обеспечивало правильную связь с Галлией, столица которой Лугудун (Лион) была связана с Италией дорогой, пролегавшей через Бернарский проход. Из Северной Италии до Лугудуна путь продолжался не более двух дней. Покоренные альпийские местности были разделены на три небольшие провинции, управлявшиеся прокураторами из всаднического сословия.

Около того же времени Галлия в административно-политических целях была разделена на четыре провинции: *Нарбонская Галлия* (Gallia Narbonensis), *Лугудунская Галлия* (Gallia Lugudunensis), *Бельгика* (Belgica) и *Аквитания* (Aquitania). За исключением Нарбонской Галлии, оставленной за сенатом, вся остальная Галлия была объявлена императорской провинцией и управлялась имперской бюрократией.

Одновременно с войнами с альпийскими племенами велась *война в Испании* с горными испанскими племенами — астурами и кантабрами, жившими в северо-западной части полуострова. Военными операциями против испанских племен руководил Випсаний Агриппа (29—19 гг.). После многих усилий и трудов Агриппа покорил горные племена Испании, разрушил их «орлиные гнезда» и большую часть горных жителей переселил в долину. В административно-фискальных целях Пиренейский полуостров был разделен на три провинции: 1) *Тарраконскую* (Tarraconensis), или *Ближнюю, Испанию* (Hispania Citerior), 2) *Лузитанию* (Lusitania) и 3) *Бетику* (Baetica), или *Дальнюю Испанию* (Hispania Ulterior). Каждая из названных провинций делилась на несколько округов (civitates).

Стремление удержать Галлию приводило римлян к столкновению с *германцами*, где недовольные галлы находили убежище и поддержку против римлян. В 12 г. до н. э. римское войско под начальством Друза Клавдия Нерона, пасынка Августа, перешло Рейн и продвинулось далеко в глубь Германии. Оперируя с суши и с моря, римляне в походах 12—8 гг. захватили всю северную часть Германии до Эльбы, образовав из покоренных земель новую провинцию Германию. Одновременно с покорением зарейнских областей шло покорение *придунайских земель* (14—9 гг.), населенных гетами и другими варварскими народностями. Помимо торговых мотивов и захвата рабов при покорении северных народностей, в особенности германцев, первостепенное значение имело приобретение военной силы. Из покоренных областей набирались вспомогательные отряды (auxilia), значение которых

[1] *Dio Cass.*, LIII, 25; *Plin.*, Nat. hist., XVIII, 20.

в составе римской армии все возрастало. На этом, собственно, успехи римлян в Германии и окончились.

Общее состояние провинций в последние годы правления Августа не было спокойным; повсюду происходили брожения и росло недовольство фискальной политикой Рима, поборами и вербовками. Брожение имело место во всех провинциях Египта, Испании, Галлии, но особенно сильно оно было в двух северо-восточных провинциях — *Далмации* и *Паннонии*. Долго накоплявшееся недовольство перешло в 6 г. н. э. в открытую

Покоренные германцы перед Августом

войну. Воспользовавшись отъездом наместника провинции Марка Валерия Мессалы на германский фронт, далматинцы восстали, уничтожили оставшийся римский гарнизон и уже готовы были итти на самый Рим. К далматинцам присоединились паннонцы. Общее число восставших, по свидетельству Веллея Патеркула, доходило до 800 тыс. человек, из них 200 тыс. находились под оружием при 9 тыс. кавалерии [1].

Под влиянием тревожных слухов, приходивших из мятежных провинций, общественное настроение в Риме в эти годы было отчаянное, создавшееся положение сравнивали со временем второй пунической войны. Общему настроению поддался и сам император, говоривший в одной из своих речей в сенате, что враги

---

[1] *Vell. Pat.*, II, 110, 3.

через 10 дней возьмут Рим. В спешном порядке производился набор войск, отовсюду стягивались ветераны, вербовались в войска рабы и вольноотпущенники; вновь навербованные легионы немедленно же отправлялись на фронт, был дан приказ о переброске восточных легионов в Иллирик.

Повстанческая армия образовала три фронта: одна часть двинулась через Триест в Италию, вторая — на Салоны, а оттуда в Македонию, третья же, паннонская армия, концентрировалась около Сирмия. Положение римлян ухудшалось еще тем, что в самом Риме в эти годы на почве продовольственных затруднений происходили волнения, отвлекавшие внимание правительства; не было спокойно также и в других провинциях, в особенности в соседних Галлии и Германии. И тем не менее, несмотря на столь отчаянное положение, Рим преодолел и эту опасность. Отправленный с 15 легионами на театр военных действий Германик, пасынок Августа, с большим трудом и потерями подавил восстание [1].

Пять дней спустя по окончании далматинской войны в Рим пришло известие о разгроме *Квинтилия Вара в Германии*. Восстание в Паннонии подняло дух германских племен, объединенных князем из племен херусков *Арминием*, мечтавшим о создании германской федерации. Поводом к восстанию послужила неосторожная политика римского наместника Публия Квинтилия Вара, обложившего германцев налогом и ограничившего самостоятельность племенных князей, отменившего родовую месть, родовые суды и т. д. В 9 г. н. э. Квинтилий Вар, завлеченный Арминием в засаду, с отрядом в 20 тыс. человек пехоты и 9 тыс. кавалерии был уничтожен германцами в Тевтобургском лесу (Teutoburgiensis saltus), на север от города Оснабрюка.

Поражение Вара являлось следствием двух причин — неосторожной политики римского наместника, с одной стороны, и усиления германских племен, с другой. Под влиянием соприкосновения с римской культурой и внутреннего роста германские племена крепли, от кочевого образа жизни переходили к оседлому, основывали городские поселения (oppida), составляли федерации и успешно отражали нападения римлян.

Известие о поражении Вара в Риме благодаря своей внезапности произвело тяжелое впечатление. Город был переведен на положение усиленной охраны. Сам принцепс был в полном отчаянии, рвал на себе одежду, бился головой о стену, в течение нескольких месяцев не брился, беспрерывно повторяя одну фразу Quintili Vare, legiones redde! (Квинтилий Вар, верни легионы!)[2]. Сверх всего негодование и глубокая печаль дряхлеющего прин-

---

[1] *Vell. Pat.*, II, 110—115; *Dio Cass.*, LV, 33.

[2] *Suet.*, Augustus, 23.

ценса усиливалась сознанием невозможности, при оскудении Италии людьми, вновь навербовать три отборных легиона взамен погибших в непроходимых лесах Германии.

5. СВОБОДНЫЕ СЛОИ РИМСКОГО ОБЩЕСТВА В ПЕРВЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ ПРИНЦИПАТА

За годы гражданской войны государственные учреждения, социальная организация и сословная иерархия Рима совершенно расстроились. Много людей погибло, много опустилось и возвысилось, произошли перемены в общественных группировках. Требовалась безотлагательная реорганизация государственных учреждений и установление более четкой грани между сословиями.

С момента прекращения второго триумвирата и сложения Октавианом чрезвычайных полномочий триумвира вопрос будущей политической конституции Римского государства служил предметом горячих дебатов в кругу друзей и советников Августа. О характере этих дебатов и высказывавшихся на этот предмет точках зрения мы узнаем из «Истории» Кассия Диона, сохранившего речи главных участников этих бесед и руководителей высшей политики при Августе — Випсания Агриппы, Мецената и др.

Несмотря на всю допускаемую Дионом, историком III века, модернизацию, историческое ядро передаваемых им речей сохраняет свое значение исторического документа [1].

Из всех высказывавшихся по вопросам политической конституции друзей Августа генеральную линию принципата полнее всего отразил всадник *Гай Цильний Меценат*, ближайший друг принцепса.

Свою речь Меценат начинает с описания состояния Римского государства в момент окончания войн вторых триумвиров и прихода к власти Октавиана Августа.

«Наше государство, — говорит Меценат, — подобно огромному грузовому судну, наполненному всевозможным сбродом, но без кормчего, в течение нескольких поколений качается во все стороны» [2].

За вступительными словами следует критика «черни» и обоснование «республиканской монархии», или принцепса.

«Пресловутая свобода черни, — продолжает оратор, — является горчайшим видом рабства для всех лучших людей. Она в конце концов принесет гибель и первым и последним... Все беды, восстания, мятежи и т. д. проистекают от черни и являются

---

[1] Из новейших исследователей на такой точке зрения стоит *Hamond*, The Augustan principate, 1934, p. 197.

[2] *Dio Cass.*, LII, 16.

неизбежным следствием роста населения и величины государства».

Из этого делается вывод о необходимости монархии и сотрудничества с ней «лучших людей» — сенаторского и всаднического сословий, классовым органом которых должен быть реформированный сенат, орудие в руках военного диктатора.

«Я считаю необходимым, — обращается Меценат к принцепсу, — чтобы ты не обманулся, обратив внимание на красивые слова, но чтобы взвесил настоящее положение вещей по существу, прекратил дерзкие выходки толпы и предоставил управление государством себе и другим лучшим людям... А что я советую тебе предпочесть всякому другому строю монархию, то, как мне кажется, ты в этом и сам убедился. Если это так, то охотно и с готовностью бери на себя верховную власть, а главное, не упускай ее» [1].

«Господином положения в государстве должен оставаться сенат. Все законы проводи через сенат и вообще ничего не проводи в жизнь без постановления сената» [2].

Но сенат ни в каком случае не может быть предоставлен самому себе: высшее учреждение в государстве должно находиться под бдительным контролем высшего государственного органа — «*полиции нравов*», состоявшей из городского префекта и пользующихся особым доверием принцепса сенаторов, следивших за происхождением, состоянием и образом мыслей высшего сословия как мужчин, так и женщин.

Назначение и смещение членов сената зависит исключительно от самого главы государства — принцепса. «Все выбирай сам и не предоставляй выбора городской массе, ибо это грозит возмущением. Но не предоставляй этого дела также и сенату, ибо тогда начнутся интриги».

С ликвидации демократических учреждений и *реорганизации* сената и сенаторского сословия в указанном Меценатом направлении и начинается политическая деятельность первого римского императора.

За время гражданской войны *сенат* претерпел много изменений. Личный состав сената постоянно менялся и разбухал, к концу Республики число членов сената возросло до тысячи человек. Вместе с тем изменялась и политическая роль сената, из самостоятельного органа превращавшегося в государственный совет — орган бюрократии [3].

С утверждением принципата эволюция сената в указанном направлении продолжалась и пошла более быстрым темпом. Превращение сената в государственный совет совершалось в те-

---

[1] *Dio Cass.*, LII, 14.
[2] Ibid.
[3] *Abele*. Der Senat unter Augustus, 1907.

чение всей истории Ранней империи, окончательно завершившись лишь в III в. при Северах.

Политическая конституция принципата и социальная политика Августа определялись соотношением социальных сил — влиянием аристократии и плутократии и слабостью демократии. Поэтому Август, следуя совету Мецената, стремился прежде всего примирить со своей властью сенаторов и всадников, две наиболее влиятельные группы римского общества, с которыми он к тому же был тесно связан общими классовыми интересами и традициями, и реорганизовать сенат, классовый орган аристократии.

Для поднятия престижа сената в глазах общественного мнения Август *очистил* его от элементов, пребывание которых в составе высшего государственного учреждения по каким-либо мотивам казалось нецелесообразным или опасным. Вместе с тем число сенаторов было сокращено до 600 человек, т. е. сведено к нормальному составу, установленному Суллой в начале I в. до н. э.

«Число сенаторов было очень велико. Они представляли собою нестройную, беспорядочную корпорацию. Их было свыше тысячи, и между ними — люди, совершенно недостойные и принятые после убиения Цезаря путем протекции и за деньги. Народ называл их выходцами с того света (orcini). Август восстановил прежнее число сенаторов и вернул им старое значение путем двойных выборов» [1].

Путем троекратной чистки (28 г., 18 г. до н. э. и 4 г. н. э.), произведенной лично самим Августом, из сената были удалены все «замогильные чины» и оставлены только люди, достойные, по мнению принцепса, высокого сенаторского звания.

Вступление в сенат и получение сенаторского звания рассматривалось как высокая честь и происходило двояким путем: или через занятие республиканских магистратур, дававших право на место в сенате, что предполагало принадлежность к сенаторским фамилиям, или же через пожалование (adlectio) принцепса. Обязательным условием для вступления в сенаторское сословие (ordo senatorius) являлся *имущественный ценз* в миллион сестерций и принадлежность к «латинской расе», хотя это последнее положение *не* соблюдалось даже при первых, аристократически настроенных принцепсах (Августе и Тиберии). «Август и Тиберий, — замечает Тацит, — по новому обычаю (novo more) ввели в сенат весь цвет колоний и муниципий (omnem floram ubique coloniarum ac municipiorum), мужей, конечно, хороших и богатых» (bonorum scilicet virorum ac locupletium) [2].

---

[1] *Suet.*, Augustus, 35.
[2] *Tacit.*, Annales, III, 55; XII, 23; *Dio Cass.*, LIX, 9.

В дальнейшем географический круг, из которого пополнялись сенат и сенаторское сословие, все более расширялся, пока, наконец, не охватил весь римский мир.

Материальной основой сенаторского сословия служила *земля*; ядро сенаторства составляли земельные магнаты, среди которых первое место занимал сам принцепс, его семья и многочисленные родственники. Верхний слой сенаторства составляли потомки республиканских нобилей, за которыми следовали различные разряды сенаторов в зависимости от занимаемого ими положения на военной или гражданской службе.

Первопредседательствующим сената был сам император (princeps senatus).

По сравнению с другими сословиями, сенаторское сословие пользовалось в государстве многими привилегиями. Высшие военные и гражданские должности могли занимать только члены сенаторских фамилий; сенату принадлежал суд по особо важным делам и выбор магистратов — функция, некогда принадлежавшая комициям; далее сенату принадлежало право выбора и смены самих императоров, по идее считавшихся избранниками сената и римского народа (senatus populusque Romanus); наконец, право их обожествления (consecratio) или предания забвению их памяти (damnatio memoriae, rescissio actorum).

Сенаторское сословие выделялось из остальной массы гражданства не только своим богатством и привилегиями, но и внешним видом: костюм — тога с широкой пурпуровой каймой, особые места в театре и общественных собраниях и огромная свита клиентов и рабов отличали сенаторов от всех остальных сословий. Все это имело своей целью превращение сената в настоящий, окруженный авторитетом и всевозможными внешними знаками отличия, классовый орган имперской знати.

Как в отношении одежды, так и в отношении внутреннего порядка в сенате сенаторы связаны были определенным сословным уставом, утвержденным принцепсом. «Что же касается тех сенаторов, которые были признаны достойными и оставлены в их звании, то с целью заставить их проникнуться сознанием священного значения своих обязанностей и не тяготиться ими он (Август) постановил, чтобы каждый, раньше чем занять свое место в заседании, приносил жертву ладоном и вином на алтаре бога, в храме которого заседание происходило. Он (Август) постановил также, чтобы ежемесячно было не более двух регулярных собраний сената, в календы и иды, далее, чтобы в сентябре в сенате присутствовали только специально избранные жребием, которых было бы достаточно для составления декретов» [1].

---

[1] *Suet.*, Augustus, 35.

При всей сословной узости и раболепии сенат после фактического закрытия комиций оставался единственным политическим учреждением, где в какой-то степени еще теплилась жизнь, ставились и обсуждались вопросы и даже высказывались критические мысли в отношении нарастающего императорского абсолютизма и бюрократического произвола.

Точно юридически сфера деятельности и права сената и императора не были разграничены и всякий раз определялись реальным соотношением сил. Этим объясняется расхождение взглядов историков и юристов на социально-политическую природу принципата. В то время как одни вслед за Моммзеном [1] считают возможным говорить о двоевластии (диархии) сената и императора, другие (Дессау, Корнеманн, Гардтгаузен) подчеркивают монархический элемент в государственном строе Рима с самого начала принципата. Несомненно одно, что сенат, как объединяющий орган аристократии и плутократии, сохранял за собой политическое значение и влияние в течение всей Римской империи, в особенности же при первых принцепсах, когда были еще свежи республиканские традиции, императорская власть не окрепла, а аристократия более других сословий сохраняла свою экономическую независимость и республиканские настроения. Ядро республиканской оппозиции в сенате составляли потомки италийской знати (нобили), к которым примыкали представители и из других слоев, не мирившиеся с утверждением единодержавия.

Более широкую и прочную социальную опору императорства составляло второе сословие Рима — *всадничество*. По сравнению с тонким слоем сенаторов, высшей имперской знати — землевладельцев-магнатов, высших чиновников и военных, всадничество (ordo equester) являлось вторым сословием Рима, к которому принадлежали граждане с имущественным цензом в 400 тысяч сестерций. Подобно сенаторскому сословию, имперское всадничество вышло из всадников республиканской эпохи, пополненных новыми людьми на основе имущественного ценза и личных пожалований принцепса. Но социальная роль имперского всадничества представляется уже иной, чем при Республике. Всадники императорской эпохи — прежде всего военные и чиновники, связанные с военной службой администрацией и государственным хозяйством. Всадничество составляло ступень к сенаторству — «питомник сената» (seminarium senatus). Карьера всадников начиналась службой в войске в звании префекта или трибуна вспомогательных когорт, городских когорт, пожарных дружин и т. д. Всадниками считались также дети сенаторов до получения ими первых магистратур — квестуры или эдилита.

---

[1] *Th. Mommsen*, Das römische Staatsrecht, 1888, II, 748; III, S. 1252.

Наряду с сенаторами всадники занимали все высшие должности военного и финансового ведомства, государственного и частного хозяйства принцепса. Большая часть префектур и прокуратур находилась в руках всадников, имевших в своем распоряжении штат подведомственных чиновников и технический персонал из либертинов и рабов. Высшими всадническими должностями были различные прокуратуры (procuraturae), в особенности финансовые прокураторы (a rationibus), и префектуры (praefecturae) — префект анноны, префект флота, префект Египта и самая высшая префектура — префект претория.

Среди других граждан всадники выделялись своим богатством, положением на государственной службе и внешним видом. Подобно сенаторам, всадники имели свои места в театре, в общественных собраниях, носили золотое кольцо (anulus aureus) и заносились в списки получателей государственного коня (equites equo publico). В действительности всадники никакого коня не получали, но это было почетное звание, открывавшее доступ в высший разряд всадничества (equites illustres). Проверка всаднических прав (recognitio) происходила ежегодно в июле в присутствии императора и имела значение военного смотра.

Чиновничество составляло ядро имперского всадничества, вокруг которого группировались различные социальные прослойки, удовлетворявшие требованиям всаднического ценза. К всадническому сословию принадлежали богатые негоцианты, хозяева рабских мастерских, откупщики, предприниматели, интеллигенция и т. д., среди которых большинство составляли провинциалы и вольноотпущенники [1].

Следующий общественный слой между всадниками и народом составлял среднезажиточный слой с цензом в 200 тысяч сестерций, носивший название *эрарных трибунов* (tribuni aerari). В старину эрарными трибунами назывались плебейские казначеи, ответственные за взнос подати (трибута). Впоследствии эрарные трибуны исчезли, а термин «эрарный трибун» сделался синонимом богатого плебея. Эрарные трибуны занимали места старост городских округов и кварталов (vicorum magistri), имели парадную одежду — претексту — и двух ликторов. Рим делился на 265 кварталов; в каждом квартале было 4—5 старост, в общей сумме, следовательно, около 1 200 человек.

За эрарными трибунами следовал низший слой городского населения — плебс, тоже делившийся на несколько разрядов. Низший слой гражданства составляли *пролетарии*, за которыми

---

[1] *O. Hirschfeld*, Die kaiserlichen Verwaltungsbeamten bis auf Diocletian, 1905; *P. Willems*, Le Sénat de la République Romaine, 1883; *W. Drumann*, Geschichte Roms in seinen Uebergängen von der republikanischen zur monarchischen Verfassung, 1919; *A. Stein*, Der römische Ritterstand, München 1927, S. 54 и сл.

в общественной иерархии следовали *вольноотпущенники* и *рабы*, служившие фундаментом вышеописанной социальной пирамиды, о числе и роли которых в римском обществе говорится в другой связи.

По типу Италии развивались также и римские провинции. С установлением «римского мира» начинается период возрождения провинций на новой основе. «Империя не только не устранила... эксплоатацию (провинций), напротив того, сделала ее правилом» [1], но формы эксплоатации провинций радикально изменились. При Империи управление провинциями организовано было более рационально и, несмотря на фискальные поборы и рекрутские повинности, первые два века Империи характеризуются развитием производительных и культурных сил на новой основе. На западе ядро населения провинциальных городов составляли римские колонисты—купцы, ремесленники, финансисты, служащие и ветераны. К этому основному ядру присоединялись туземцы, по преимуществу романизированные верхушки туземного населения, образовавшие на западе галло-римскую, испано-римскую, на востоке же эллино-римскую и т. д. аристократию.

Установление «римского мира», водворение порядка, улучшение транспорта, прекращение пиратства, административные реформы, замена откупов прямым обложением и пр. — все это должно было благоприятно отразиться на социально-экономическом состоянии провинций. О подъеме провинций свидетельствуют *муниципальные уставы* (leges municipales), развалины городов и многочисленные надписи, прославляющие Августа и его семью. В одной малоазийской надписи Август прославляется как «спаситель человеческого рода, промыслы которого не только исполнили, но и превзошли всеобщие молитвы... Отныне в мире пребывают земля и море, города пользуются законом и процветают... Все блага находятся в изобилии...»

При настоящем состоянии науки больше всего археологических данных имеется в отношении галльских и африканских городов. В общих и специальных работах французских ученых Жулльана, Клерка, Базена, Шателена и др., посвященных Галлии и отдельным галльским городам, имеется достаточно материала, указывающего на развитие городской жизни Галлии в эпоху Цезаря и Августа. Из галльских городов, низшие археологические пласты которых принадлежат изучаемой эпохе, можно отметить Forum Julii (Фрежюс), Арелате, Лугудун, Толозу, и др. Кроме того, за последние годы накопилось много археологических данных, относящихся к *Испании*, восточным провинциям, Германии, Британии и Африке.

---

[1] *Энгельс*, Происхождение семьи, частной собственности и государства, М. 1932, стр. 150.

Характерная для Империи зависимость социального положения людей от их богатства и службы в провинциях проявлялась с еще большей силой, чем даже в самом Риме. Наступало время, когда богатство «делало человека», превращая незнатного в знатного, глупого в умного. В провинциях богачи чаще всего выходили из вольноотпущенников, составлявших большой процент среди провинциального и общеимперского (городского) населения.

6. СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА АВГУСТА

Консервативно-компромиссный отпечаток лежит на всех социальных мероприятиях и на всей социальной политике Августа. Естественная эволюция римского общества с конца Республики шла в направлении разложения родовых организаций, ослабления племенных и локальных различий и повышения значения богатства как основного фактора социальной диференциации. Наряду с землей, торговлей и ремеслами, источниками обогащения и средством социального возвышения являлись государственная служба и личная близость к принцепсу. Старая знать вырождалась и сменялась *служилой имперской знатью*, пополняемой из италиков, провинциалов и варваров.

Этот естественный исторический процесс плутократизации и провинциализации римской знати Август, в соответствии с общим стилем своей политики, старался задержать или, по крайней мере, смягчить, облекая новые отношения и новое содержание в старые, привычные для глаза и уха формы. Это обстоятельство придавало всей его политике отчетливо выраженный *консервативно-реставраторский характер*. Принцепс надеялся смягчить резкость перехода, удерживая старые учреждения или сохраняя прежние наименования для новых отношений. Исторически складывавшиеся социально-экономические отношения он стремился закрепить и освятить авторитетом старины.

Лавирование между старым и новым заключалось в самой природе Римской империи, сложившейся в результате массы самых разнообразных противоречий. Императорский строй был призван не только охранять интересы рабовладельцев против рабов, но также и консолидировать противоречия, возникавшие в недрах самого рабовладельческого общества. Политика римских императоров, выступавших в роли примирителей центра и провинций, города и деревни, крупного и мелкого землевладения, свободных и вольноотпущенников, республиканских и имперских учреждений и многих других, всегда оставалась двойственной, противоречивой и компромиссной [1].

---

[1] *Th. Mommsen*, Das römische Staatsrecht, III, I, 449 и сл.

Все социальные мероприятия Августа имели целью возродить старые порядки, учреждения, нравы и обычаи, поскольку они, конечно, не стояли в прямом противоречии с принципатом.

«Издавая новые законы, я старался восстановить многие уже забытые обычаи предков и во многих отношениях поставил себя в пример потомкам» (ipse multarum rerum exempla imitanda posteris tradidi), — гласит восьмой параграф «Деяний» [1].

Политика Августа была направлена на закрепление классовой структуры римского общества, обеспечение привилегий высших сословий, перемены в личном составе аристократии и ее очищении от всех чуждых «латинству» примесей.

Стремление восстановить «латинскую расу» вполне гармонировало с общим политическим курсом, взятым первым римским императором.

Для достижения этой цели было необходимо преодоление двух обстоятельств: численного уменьшения гражданского населения и просачивания в ряды гражданства провинциалов и вольноотпущенников. На эти два опасных, с точки зрения консервативного политика, каковым был Август, фактора и было направлено внимание законодателя. Повышение рождаемости среди граждан рассчитывали повысить введением *брачных законов* (lex Julia de maritandis ordinibus) [2], устанавливавших налог на холостяков и вводивших награды многосемейным, «право троих детей» (ius trium liberorum) [3]. Несколько лет спустя, в 9 г. н. э., последовал *закон о браках*, названный именем консулов того года — Папия Мутила и Поппея Секунда (lex Papia—Poppaea), дополнивший закон Юлия и предоставлявший многосемейным привилегии при соискании магистратур [4]. Изданию законов предшествовала усиленная подготовка в соответствующем направлении общественного мнения. По инициативе самого принцепса и его «министра по делам просвещения» Мецената открыта была целая литературная кампания против ослабления семейных уз, бездетности и нравственной испорченности. Следы этой кампании сохранились в «Одах» Горация, одного из главных поборников политики семейного и нравственного оздоровления римского общества. Испорченным нравам римлян Гораций противопоставлял чистые нравы и сильные характеры скифов.

Не лучше ль скифом жить в степях,
У коих шаткий дом в походной весь кибитке?
Не лучше ль гетом на полях
Немерянных плоды и хлеб сбирать в избытке?

---

[1] *Monum. Acyr.*, 8.
[2] *Gaius*, I, 145; *Ulp.*, 16, 2; *Dio Cass.*, LVI, I, 2, 10.
[3] *Dio Cass.*, 54, 16; *Gaius*, I, 145.
[4] *Gaius*, I. 145; *Ulp.*, 16, 2; *Dio Cass.*, LVI, 1, 2, 10.

Там больше года земледел
Трудиться над своим участком не желает,
И тот, кому велит раздел,
Преемником его в работах заменяет.
У них, невинности полна,
Хозяйка пасынков несчастных не обмерит;
Приданым хвастая, жена
Там мужем не вертит, любовнику не верит.
У них в приданое дают
Родительскую честь и страх перед мужчиной
Чужим. Там верность свято чтут.
Там лучше смерть, чем быть бесчестия причиной [1].

Правда, несколько парадоксально было то, что сам Гораций, бичевавший испорченность своих современников, не принадлежал к числу слишком нравственных людей и к тому же он, как и большинство поэтов и писателей, окружавших принцепса, был неисправимым холостяком[2]. Особой честью для Горация было предложение, сделанное ему принцепсом, составить кантату для праздника молодежи (carmen saeculare), на который сначала даже не хотели и допускать холостяков.

Против просачивания в ряды граждан провинциалов и рабов были изданы ограничительные законы, затруднившие приобретение римского и латинского права для провинциалов и ограничивавшие число отпускаемых рабов.

«Август придавал большое значение тому, чтобы римский народ сохранял чистоту своего состава и не примешивал к своей крови чужестранцев и рабов. Поэтому он весьма скупо давал римское гражданство и ограничил право отпуска рабов на волю»[3].

Закон *Фуфия Каниния* (lex Fufia Caninia) 2 г. н. э. устанавливал определенное число отпускаемых рабов: при наличии 3 рабов разрешалось отпускать 2, при 10 — 4, при 100 — 25 и т. д., но в общей сложности не более 100 человек. Другой закон, *Элия Сентия* (lex Aelia Sentia), предусматривал случай возвращения отпущенных рабов в прежнее состояние.

В общем августовская политика ограничения количества римских граждан не дала осязаемых результатов. По данным переписи, число граждан возрастало — с 4 063 тыс. в 28 г. до н. э. до 4 233 тыс. в 5 г. и 4 937 тыс. в 14 г. н. э. Но эти цифры свидетельствуют не столько о росте гражданства, сколько об инфильтрации в ряды гражданства провинциалов и рабов.

Среди остальной массы людей, населявшей Римскую империю, численность которой в то время доходила до 75 млн., римские граждане составляли меньшинство, находившееся по срав-

---

[1] *Horat.*, Od., III, 24.

[2] Письмо Энгельса Марксу от 21 дек. 1866. Собр. соч., т. XXII стр. 390.

[3] *Suet.*, August., 40.

нению со всеми другими подданными римского императора в привилегированном положении. Этим объясняется страстное стремление провинциалов и вольноотпущенников стать римскими гражданами и тот большой восторг, который они проявляли при осуществлении своего идеала, не забывая упомянуть об этом в своих надгробных плитах. Римские граждане выделялись среди массы неграждан, населявших территорию Римской империи, а среди самих римских граждан в особо привилегированном положении находилось *гражданство города Рима*, стоявшее под особым покровительством самого императора.

Привилегией столичного населения было получение дешевого и дарового хлеба и бесплатные развлечения, со времени Августа носившие не случайный, как это было при Республике, а организованный характер «*политики хлеба и зрелищ*» (panem et circenses) [1].

С раздачей хлеба и устройством праздников, цирковых и театральных представлений тесным образом была связана проблема снабжения города необходимыми продуктами, в первую очередь, конечно, хлебом и мясом. Снабжение города продовольствием (cura annonae) становилось особенно серьезным и важным в периоды кризисов, частых во время гражданской войны. При Республике чрезвычайные полномочия по снабжению города вверялись особому «*попечителю снабжения*» (curator annonae), почти с диктаторскими полномочиями. При Империи же забота о снабжении вместе с другими общественными «заботами» автоматически перешла к принцепсу. Во время жестокого голода и эпидемий, свирепствовавших в Риме в 22 г., сенат, по требованию народа, предложил Августу диктатуру, возлагая на него тем самым всю ответственность за разрешение продовольственного вопроса. От предложенной ему диктатуры принцепс предусмотрительно отказался, но принял на себя «заботу о продовольственном снабжении» города, на государственные и личные средства закупил хлеб и ослабил голод [2].

Принцепсу принадлежало только руководство, вся же техническая часть возлагалась на специальное *ведомство снабжения*, подчиненное *префекту снабжения* (praefectus annonae).

Делами водоснабжения, составлявшего особую отрасль ведомства снабжения, ведал *водный префект* (praefectus aquarum).

Общее число получателей дарового хлеба при Августе было установлено в среднем в 200 тыс. человек, в отдельных же случаях оно превышало 300 тыс. человек и более. Это была внушительная масса людей, равная настоящей армии. Размеры продоволь-

---

[1] «Дешевый хлеб воздвиг царский трон, и в дальнейшем дешевый хлеб составлял неотъемлемую заботу римских императоров». *K. Hoffmeister*, Die wirtschaftliche Entwicklung Roms, Wien 1899, S. 76.

[2] *Monum. Ancyr.*, 5; *Dio Cass.*, LIV, 1, 4.

ственного пайка, отпускаемого казной, не были велики. Рацион получали только одни взрослые мужчины — по 5 модиев (модий — около 9 литров) в месяц на семью, что в среднем составляет около 2,5—3 фунтов зерна на день. Такую же норму у Катона получали и рабы, работавшие на сельских плантациях. «Политика хлеба и зрелищ» являлась сознанием рабовладельческим обществом собственного бессилия найти более радикальные и менее разорительные, с общественной точки зрения, средства разрешения социального вопроса [1]. При особо торжественных событиях — по случаю одержанных побед, семейных торжеств императорской фамилии, освящения храмов и т. п. — производились чрезвычайные выдачи денег и всевозможных подарков.

В «Деяниях божественного Августа» приведено несколько примеров особо крупных раздач, которыми принцепс хотел затмить своих предшественников.

«Каждому римскому плебею я отсчитал: по завещанию моего отца (44 г.) по 300 сестерций, а от моего имени в мое 5-е консульство (29 г. до н. э.) по 400 сестерций из военной добычи; затем в мое 10-е консульство (24 г. до н. э.) по 400 сестерций в виде подарка из моих личных средств. Далее, в 11-е консульство (23 г. до н. э.) я 12 раз покупал на свои средства хлеб для раздачи и в 13-е консульство (2 г. до н. э.) я дал народу, получавшему хлеб на государственный счет, по 60 денариев на душу, причем получателей было более 200 тысяч» [2]. В общей сумме за все время пребывания Августа у власти народу и войску было выдано около 2,5 млрд. сестерций, или 600 млн. денариев.

Наряду с хлебными раздачами и подарками для поддержания благоприятного настроения в императорской столице давались грандиозные *театральные и цирковые представления*, привлекавшие в Рим со всех концов земли тысячи зрителей. Массовые римские зрелища не отличались художественностью и были рассчитаны на очень грубый и низкий эстетический вкус зрителей. Наибольшим успехом у столичной и провинциальной публики пользовались гладиаторские и кулачные бои, любимые потехи и развлечения римлян, в том числе и самого императора.

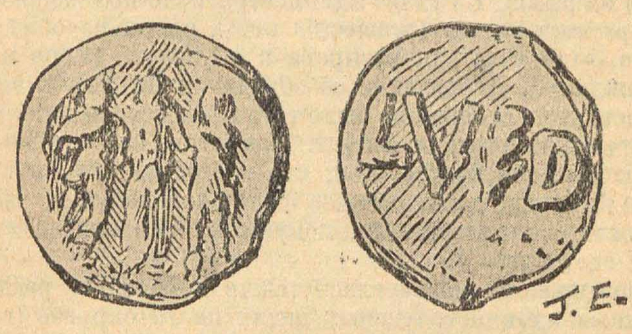
«Август с величайшим удовольствием смотрел на кулачных бойцов (pugiles), особенно латинских, притом не только профессионалов, дерущихся по правилам, которых он любил выставлять против греческих бойцов, но также и любителей из горожан, которые дрались стенкой в тесноте улиц, как попало и без всяких правил искусства» [3]. Атлеты и гладиаторы были освобо-

---

[1] *А. И. Тюменев*. История ант. рабовл. обществ, ОГИЗ, 1936.
[2] *Monum. Ancyr*, 15.
[3] *Suet.,* August., 45.

ждены от обязанности сражаться до последнего издыхания, а магистраты лишены принадлежавшего им издревле права в любое время и в любом месте налагать на актеров дисциплинарные наказания. Гладиаторские бои и игры устраивались в связи с какими-либо торжественными событиями общегосударственного значения, например, актийской победой, освящением храмов, возвращением из путешествия императора и т. п.

«Гладиаторские игры, — повествует в своих «Деяниях» Август, — я три раза устраивал от своего имени и пять раз от имени своих сыновей и внуков. В играх приняло участие около 10 тысяч гладиаторов».

Тессера на право посещения зрелищ

Кроме гладиаторских боев, большой популярностью у римской публики пользовалась травля африканских зверей и морские сражения (навмахии), в которых участвовали настоящие боевые суда. Для навмахий Август устроил огромный бассейн у Тибра, вблизи «рощи цезаревой».

Август не упускал случая поразить столичную публику всякого рода неожиданностями, раритетами, морскими чудовищами, зверями, говорящими птицами, пляшущими слонами и т. д. «Если в Рим привозили что-либо необычайное и заслуживающее интереса, Август даже и вне назначенных для зрелищ дней выставлял эти вещи напоказ в каком-либо месте, как, например, носорога в оградах на Марсовом поле, тигра на театральной сцене, змею длиной в пятьдесят локтей перед комициями» [1].

Немало внимания Август уделял также *строительной политике*, преследовавшей самые различные цели. Украшение столицы постройками поднимало престиж императорской власти, привлекало иностранцев, ослабляло царившую в городе безработицу и удовлетворяло эстетическим потребностям насе-

[1] *Suet.*, August., 43.

ления. О постройках августовской эпохи более подробно рассказывается в главе, посвященной культуре принципата.

Чем больше укреплялась императорская власть, тем больше центр управления, все силы и соки страны концентрировались в столице мира (caput mundi), в административном, торговом, финансовом и культурном центре. При Августе *Рим* из деревянного и кирпичного превратился в мраморный и подвергся коренной реорганизации; он был разбит на *14 кварталов* (regiones), 265 участков (vici). Управление городом находилось в ведении *городских преторов*, *трибунов* и *эдилов*. Полицейскую службу в городе несли преторианские когорты, специальные *когорты полицейских* (cohortes urbanae) и *пожарные дружины* (cohortes vigilum) из рабов. Во главе административно-полицейской части стоял *префект города* (praefectus urbi), одной из обязанностей которого была «быстрая расправа и обуздание рабов и мятежных граждан» [1]. Добавление об обуздании мятежных элементов указывает, что в столице не было того спокойствия и покорности, на которые рассчитывал Август. Напротив, из отдельных замечаний источников чувствуется, что в столице, как и в других городах Империи, далеко не все было благополучно, часто происходили мятежи, восстания и покушения на жизнь самого принцепса и его слуг.

Реорганизации подверглась также и *Италия*, разделенная в финансово-административных целях на 12 округов (regiones), координированных с прежним племенным делением [2].

Общую численность населения Италии при Августе определяют в 14 млн., из них 10 млн. составляли свободные, а 4 млн. рабы и вольноотпущенники [3].

Нигде консервативно-реставраторский характер политики принципата не выявился с такой очевидностью, как в *религиозной области*. Август поставил перед собой нелегкую задачу восстановления древней римской религии, старинной веры в богов и возрождения религиозных эмоций. Достичь этого он надеялся реставрацией ветхих храмов, постройкой новых, введением новых культов, введением обязательного почитания богов и строгим соблюдением обрядов. В одном только Риме при Августе было вновь выстроено и реставрировано 82 храма, восстановлено почитание ларов, изображения которых находились в домах и были расставлены по всем улицам и переулкам. Сам Август был членом главных римских жреческих коллегий. Август старался пользоваться всяким случаем, чтобы подогреть религиозные эмоции своих подданных и продемонстрировать свою соли-

---

[1] *Tacit.*, Annales, VI, 11.
[2] *Plin.*, Nat. Hist., III, 46.
[3] *T. Frank*, Census Statistics from 225, «Class. Phil.», 1924, XIX.

дарность с ними. С необыкновенной пышностью был отпразднован первый год нового столетия (17 г. до н. э.), как начало новой эры мира и блага на земле, «золотого века» [1]. Хор мальчиков и девочек пел «песнь веков» (carmen saeculare), сочиненную лучшим поэтом августовского времени Горацием.

Религиозная политика Августа, однако, не ограничивалась реставрацией святилищ и борьбой с иноземными, по преимуществу восточными, культами, находившими многочисленных почитателей на всем протяжении Римской империи. В противовес восточным, большей частью тайным, культам Август стремился организовать *императорский культ* в форме почитания «божественного Юлия», своего отца (divus Iulius), его матери Венеры (Venus Genetrix) и в особенности почитания гения самого Августа (genius nomen Augusti). Наибольшее распространение почитание Августа получило в восточных провинциях, где оно раньше всего и возникло. В малоазиатских городах — Пергаме, Эфесе, Никомедии и др. — были сооружены первые храмы в честь Августа и богини Ромы, установлена специальная жреческая коллегия императорского культа и введены празднества. В посвятительных надписях Август совершенно открыто именуется богом и ему, наравне с другими богами, посвящают алтари, приносят жертвы и клянутся его именем. «Я клянусь, — читаем в одной присяге из Малой Азии от 3 г. до н. э., — Зевсом, Землей, Солнцем, всеми богами и богинями и самим Августом содействовать Цезарю Августу, его детям и потомкам во всем и во все времена словом, делом и мыслью.

Его друзей буду считать своими друзьями, его врагов своими врагами. Для защиты его интересов не пожалею ни моих сил, ни моего ума, ни моей жизни, ни моих детей, невзирая ни на какие опасности» [2].

7. ФИНАНСОВЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ АВГУСТА

Необходимые для покрытия расходов на армию, флот, двор, бюрократию и «политику хлеба и зрелищ» суммы покрывались из личных средств принцепса и из государственных средств. При Августе к прежним источникам дохода прибавились еще новые источники, рационализировалась система сбора и вводились новые налоги на труд, доход и капитал. При Августе существовали прямые и косвенные налоги, сборы и пошлины, распространявшиеся на всю Империю в том числе и на Италию.

Из прямых налогов при Августе был введен *5%-ный налог на наследство* (vicesima hereditarum et legatorum); с одних только

[1] *Horat.*, Carmen saeculare, 57.

[2] *Fr. Cumont*, Un serment de fidelité à l'empereur Auguste. «Revue des études grècques», Paris, 1900, p. 26.

наследств, перешедших к Августу, было получено до 3,5 млн. рублей на золотой расчет; затем налог в 1% *на продаваемые в Риме и Италии* товары (centesima rerum venalium), налог в 4% *на продажу и отпуск рабов* (vectigal quintae et vicesimae venalium mancipiorum) с покупателя. Далее идут *пошлины* (portoria), введенные в Италии Цезарем и удержанные Августом.

Торговые пошлины и налоги на капитал в римском бюджете занимали второстепенное место по сравнению с *поземельным* (tributum soli) и *поголовным налогом* (tributum capitis), уплачиваемыми провинциалами. По инициативе Августа была образована под руководством Агриппы особая комиссия с привлечением специалистов-землемеров (agrimensores) римлян и греков для производства *переписи населения* Римского государства (descriptio imperii Romani). Цель переписи — установление наличных ресурсов и численности населения Римского государства на предмет их обложения налогом и привлечения к государственным повинностям. Сама по себе в высшей степени трудная работа по переписи протекала в неблагоприятных условиях, вызывая недовольство населения, а в некоторых провинциях, как например, в Галлии, о которой мы, собственно, и имеем сведения, переходившее в прямое восстание (tumultus, qui ab censum exortus in Gallia erat) [1].

В целях повышения доходности государства и увеличения числа плательщиков предполагалось использовать свободный земельный фонд для раздачи участков средним и мелким съемщикам. Воссоздание средних и мелких производителей и возрождение сельского хозяйства являлось одной из главных задач социально-экономической политики Августа и его преемников.

Точка зрения руководящих кругов Рима на аграрный вопрос отражена в вышецитированной речи Мецената, бывшей в своем роде программной речью принципата.

«В нашем государстве, — говорил Меценат, — имеется огромный земельный фонд, в значительной степени лежащий мертвым капиталом».

Меценат предлагал распределить этот фонд в интересах посессоров, «собственными руками обрабатывающих свою землю». Большая часть государственного земельного фонда должна быть продана, а вырученные деньги отданы в ссуду под умеренные проценты.

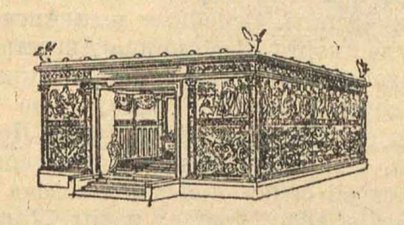
«Таким образом будет поднята производительность земли, предоставленной хозяевам, обрабатывающим ее собственными руками, а последние, приобретши таким путем средства к жизни, станут богаче, государство же будет иметь вполне достаточный постоянный доход» [2].

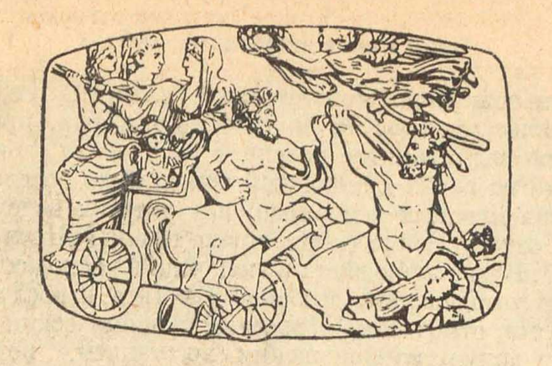
[1] *Liv.*, Epit., 136, 137.

[2] *Dio Cass.*, LII. 23.

К мерам социально-экономической политики надо отнести также *поселение варваров* на римской территории, преследовавшее двоякую цель: занятие границ и увеличение рабочей силы. При Августе во время Германской войны было поселено в Галлии 40 тысяч пленных германцев, получивших надел и размещенных по берегу Рейна (iuxta ripam Rheni sedibus adsignatis conlocavit)[1]. Вопросы бюджета и экономии в расходах государственных средств сделались особенно острыми в последние годы жизни Августа, отмеченные серьезным экономическим кризисом, вызванным далматско-паннонским восстанием, поражениями в Германии и, как их следствием, сокращением торговли, приостановкой подвоза добычи и рабов. Введение новых налогов и более суровое их взимание сделали Августа непопулярным среди широких слоев плательщиков. Отягченный государственными заботами, годами и разладом в собственной семье, Август умер в 14 г. в Ноле, в возрасте 76 лет, не оставив прямого потомства.

[1] *Suet.*, Tiberius, 9; *Eutrop.*, VII, 9.

Глава XV

ДИНАСТИЯ ЮЛИЕВ—КЛАВДИЕВ

1. ТИБЕРИЙ (14—37 гг.)

После смерти Августа, не оставившего прямого наследника и не выработавшего закона о престолонаследии, тотчас же встал вопрос об его преемнике. Семейные дела Августа были сложны и запутаны. После смерти племянника Августа Марцелла, имевшего больше всего прав на престол, в преемники намечался Марк Агриппа, муж дочери Августа Юлии, тоже вскоре умерший, и затем его дети от Юлии — Гай и Луций Цезари. После того как они умерли, Август усыновил единственного оставшегося в живых члена своей семьи *Тиберия Клавдия Нерона* (Tiberius Claudius Nero), сына своей третьей жены, Ливии Друзиллы, от ее первого брака.

С Тиберия начинается первая римская *династия Клавдиев*, представленная четырьмя императорами: 1) *Тиберий* (14—37 *гг.*), 2) *Калигула* (37—41 гг.), 3) *Клавдий* (41—54 гг.) и 4) *Нерон* (54—68 гг.).

Тиберий выдвинулся во время германских походов и принимал участие в подавлении восстания в Паннонии. За оказанные государству услуги Август щедро его наградил и назначил своим наследником. Сперва Тиберий упорно отказывался от верховной власти, говоря: «Один только гений божественного Августа был способен охватить все части столь великого дела.

По собственному опыту он (Тиберий) знает, как трудно и как подвержено всевозможным случайностям управление государством; легче исполнять государственные обязанности многими соединенными усилиями» [1].

И лишь, наконец, уступая настоятельным просьбам сенаторов и всадников, Тиберий согласился принять на себя «дикого

[1] *Tacit.*, Annales, I, 11.

зверя» (quanta bellua esset imperium), как он называл императорскую власть. Сенат приветствовал избрание нового императора. «Консулы, сенаторы и всадники раболепствовали, и чем кто был знатнее, тем с бóльшим лицемерием, поспешностью, а также с поддельным выражением лица, — чтобы не казаться слишком веселым по случаю смерти (одного) принцепса и слишком печальным при вступлении нового,—мешал слезы и радость, сожаление и лесть»[1].

Тиберий

Принципат как политическая форма почти уже никем не оспаривался. «Некоторые, — иронически замечает Тацит, — все еще распространялись о благах свободы, но большинство боялось возобновления междоусобных войн»[2].

2. ВОССТАНИЕ ПАННОНСКИХ И РЕЙНСКИХ ЛЕГИОНОВ

За централизованную власть правящему классу приходилось держаться еще и потому, что последние годы жизни Августа ознаменовались серьезными военными бунтами на северной, рейнско-дунайской, границе. Римские завоевания на севере были значительны, но непрочны. При Августе Рим не мог удержать завоеванных германских территорий, подобно тому как это было сделано при Юлии Цезаре с галльскими землями. Для этого у римлян нехватало ни военных сил, ни финансов, ни внутренней крепости.

К тому же, как показала недавняя катастрофа в Тевтобургском лесу, германский мир уже не был тем, чем он был при Юлии Цезаре, группой разрозненных, враждующих друг с другом племен.

Ослабление страха перед несокрушимостью римских легионов, с одной стороны, и неблестящее состояние римской армии, с другой, создавали почву для всякого рода брожений и восстаний на рейнско-дунайской границе. Стоявшая на границе рим-

[1] *Tacit.*, Annales, I, 7.
[2] Ibid., I, 4.

ская армия, наполовину составленная из германцев, испытывала страшную нужду и всевозможные лишения. Условия службы были невыносимо тяжелы, отпуска затягивались годами, никаких обещанных наград и земель легионеры не получали или же вместо пахотных земель им давались невозделанные участки на горах и болотах, к тому же в войске царила палочная дисциплина и широко применялись телесные наказания.

Враждебное настроение войска время от времени прорывалось в виде военных бунтов, особенно частых и грозных в последние годы правления Августа. При императорском режиме солдатские бунты были наиболее действительной, почти единственной формой классовой борьбы. После сокращения политической роли комиций при Августе и полной их ликвидации при Тиберии в Риме не существовало общеполитического органа, в какой-либо мере отражавшего общественное настроение и дававшего выход политическим страстям. Политическая жизнь, как отмечалось выше, распылилась, все свободомыслящее и протестующее ушло в нелегальные коллегии (collegia illicita), которых при Империи было очень много, но все это были мелкие организации с профессионально-религиозным уклоном. Единственной крупной организованной силой являлось войско, в рядах которого было немало римских пролетариев и пограничных народностей, еще не свыкшихся с римскими порядками и произволом начальников.

В 6—9 гг. н. э. произошло, как отмечалось выше, восстание в недавно покоренных паннонских и далматских областях, с большим трудом подавленное Тиберием, будущим императором, и его племянником Германиком, сыном Друза. Еще более грозным было *восстание паннонских и германских легионов* в год смерти Августа (14 г.). Стоявшие в Паннонии, на Дунае, три легиона, утомленные, помногу лет не получавшие полностью жалованья и не отпускаемые домой после окончания службы, воспользовались междуцарствием и предъявили ряд требований. Зачинщиком восстания был некто *Перценний*, до военной службы театральный клакер. В скомпанованной Тацитом речи Перценний рисует положение римского легионера действующей армии в далекой от Рима северной провинции. «Зачем, — говорил Перценний, — вы, как рабы, повинуетесь немногим центурионам и трибунам? В самом деле, не достаточно ли уже вы пострадали из-за вашего малодушия и рабства? Ведь вы совершили по 30—40 походов и все изнурены до крайней степени. И, несмотря на все это, вас до сих пор оставляют под знаменами, тащат в далекие страны, вместо полей в награду за службу дают ни на что не пригодное болото или негодный участок...» [1].

[1] *Tacit.*, Annales, I, 17.

«Служба в войске тяжела и не дает ничего: душа и тело оцениваются по 10 ассов в день. На эти деньги должны мы припасать платье, оружие, палатки, откупаться от жестокости центурионов и от лагерных работ. Зато — свидетель Геркулес! — нет конца побоям и ранам. Зимой мерзни, летом трудись, проливай кровь на войне и голодай во время мира» [1].

Речь Перцения попадала в самое сердце легионеров. Солдаты выражали свое горячее сочувствие и одобрение. Одни указывали на свежие следы ран на своем теле, другие — на седину, третьи — на рваную одежду, через которую просвечивало голое тело.

При известии о начавшемся восстании солдаты соседних лагерей побросали общественные работы, которые они там выполняли, принялись грабить ближайшие деревни, разнесли и самый Навпорт, где помещался лагерь, и растерзали лагерного префекта.

Встревоженный слухами о мятеже легионов, Тиберий послал в мятежный лагерь своего сына *Друза* со знатнейшими сановниками государства, двумя преторианскими когортами и преторианской конницей. Прибывший в легерь Друз тонко повел дело. Выслушав жалобы солдат, он обещал все принять к сведению, передать дело на рассмотрение отца и сената. После некоторых усилий Друзу удалось расколоть легионеров: одних запугать, других привлечь к себе подарками, третьих устрашить, ссылаясь на волю богов, проявлявшуюся в чудесах и предзнаменованиях. После этого Друз, по выражению Тацита, склонный к суровым мерам, приказал схватить главных организаторов мятежа, Перцения и Вибулена, и умертвить их.

Еще более грозным было восстание нижнерейнских легионов. На рейнской границе мятежом были охвачены целых четыре легиона, в которых находилось много римских пролетариев, за последний набор взятых в армию.

«Пришло время, — говорили ораторы-солдаты, — когда ветеранам следует требовать скорой отставки, молодым солдатам — увеличенного жалованья, всем вообще — мести центурионам за жестокость».

«И это, — прибавляет Тацит, — говорил не один какой-либо человек, озирающийся по сторонам вроде Перцения среди паннонских легионов, а множество мятежных глоток и голосов, в чьих руках находится судьба Рима» [2].

«Вдруг эти бешеные люди, обнажив мечи, бросаются на центурионов: это самый давний предмет ненависти солдат, и с него начинается их ярость. Повалив их на землю, солдаты бьют их

---

[1] *Tacit.*, Annales, I, 17.
[2] Ibid., 31.

батогами, каждого — шестьдесят человек... затем изуродованных и истерзанных и частью уже мертвых бросают их в окопы лагеря или прямо в Рейн» [1].

Восстание дунайских и германских легионов, с непревзойденным художественным талантом описанное Тацитом, поражает не только своим массовым характером, но также силой протеста и единством воли его участников. Это был вулканический взрыв давно накоплявшейся скорби и горя отчаявшихся в своей судьбе людей.

«Для людей, глубже проникающих в настроение солдат, было особенным признаком сильного и ожесточенного движения то, что они не вразброд или по подстрекательству немногих, а все одинаково воспламенялись, одинаково молчали, обнаруживая такое согласие и стойкость, что можно было подумать, что ими кто-нибудь управляет» [2].

Попытка главнокомандующего германской армии *Германика* прекратить восстание едва не стоила ему жизни. На упреки Германика, что солдаты поступили вероломно, нарушив военную дисциплину и присягу, солдаты бросились к нему, показывая рубцы от ран на всем теле, и, раскрывая беззубые рты, жаловались на невыплату жалованья, задержку отпусков и тяжелые лагерные работы — рытье каналов, доставку корма, строевого леса и т. д.

Ввиду чрезвычайно грозного положения, возможности распространения восстания по всей границе и объединения повстанцев с галлами и германцами, Германик пошел на уступки, удовлетворив требование восставших. Прослужившие 20 лет получали полную отставку, прослужившие 16 лет освобождались от лагерных работ, прежняя задолженность выплачивалась в двойном размере.

Такова была политическая ситуация в момент прихода Тиберия к верховной власти. Паннонские и германские восстания являлись первым звеном в длинной цепи военных бунтов и мятежей, проходящих через всю историю Империи.

Для отвлечения внимания легионеров и восстановления дисциплины была предпринята новая *военная экспедиция против германцев* в отмщение за понесенное римлянами поражение в Тевтобургском лесу. Во главе экспедиции был поставлен племянник Тиберия *Германик*, одержавший несколько побед над германцами (14—16 гг.). Экспедиции Германика, однако, были очень трудны и поглощали массу людей и средств, что не могло нравиться экономному Тиберию. Кроме того, Германик, пользовавшийся большой популярностью среди войска, казался опас-

---

[1] *Tacit.*, Annales, I, 32.
[2] Ibid.

ным конкурентом на императорский трон. На этом основании Тиберий приказал остановить дальнейшее продвижение во внутренние области Германии и признать границей Рима Рейн, предоставив германские племена за Рейном их собственным раздорам. По предписанию императора, Германик отказался от похода на Эльбу и вернулся на Рейн, оставив после себя трофей, сложенный из отобранного у неприятеля оружия.

«Сей памятник войска императора Тиберия, в честь их победы над германскими племенами между Рейном и Эльбой, посвящают Марсу, Юпитеру и Августу», — гласила надпись, вырезанная на скале по приказанию Германика.

Большая часть завоеванных германских земель была очищена, оставшаяся же за Римом территория по Рейну организована в виде военной границы под названием *Верхней и Нижней Германии* (Germania Superior, Germania Inferior).

По окончании экспедиции Германик, подозреваемый императором в стремлении к государственному перевороту, был удален из Рима под предлогом войны на Востоке.

3. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ТИБЕРИЯ

В своей социально-экономической политике Тиберий следовал заветам Августа: держаться «республиканской монархии» и не увлекаться внешней политикой. Исходя из этого, он прежде всего желал установить хорошие отношения с сенатом. При нем на рассмотрение сената поступали все как крупные, так и мелкие дела государства: введение или отмена податей, монополии, постройка новых зданий, набор и увольнение войск, определение числа новых контингентов легионов и вспомогательных когорт, продление командований, назначение чрезвычайных полномочий, установление дипломатических связей, прием послов и многое другое. В своих суждениях сенаторы пользовались относительно большей свободой слова. Кроме того, сенат признавался высшим судебным органом, разбиравшим дела об оскорблении римского народа и императора (crimen laesae maiestatis).

Аппарат управления в значительной степени тоже находился во власти сената, поскольку теперь выборы магистратов от комиций перешли к сенату. Это вполне согласовалось с политическим идеалом Тиберия как представителя «республиканской монархии», не желавшего порывать с республиканскими традициями. Политический идеал Тиберия выражен в одной из его сенатских речей, где он заявляет: Для рабов я — господин, для войска — император, для сенаторского сословия и римского гражданства — я принцепс.

Тиберий намеревался оздоровить общество, улучшить управление провинциями, очистить нравы и возродить древнюю добродетель путем сокращения «политики хлеба и зрелищ», уменьшения расходов на зрелища, гладиаторские игры и т. п. Далее, предполагалось регулировать цены на продукты, поднять нравственность женщин и сократить чужеземные культы. Урезана была также и строительная программа, широко развернутая при первом принцепсе. Большая часть намеченных Тиберием реформ осталась, однако, невыполненной.

Причину неуспеха социально-политической программы первого представителя Клавдиевого дома следует искать в *общем положении Италии*. После сильного потрясения последних десятилетий Италия переживала социально-экономический кризис, обезлюдела, была разорена и опустошена и лишь медленно оправлялась от кризиса. К тому же общеэкономическая конъюнктура Империи, после установления принципата и «наступления римского мира», была неблагоприятна для Италии.

«Римский мир» знаменовал конец италийской гегемонии и превращение колониальной державы римского полиса в средиземноморскую империю. Как известно, гегемония Италии над провинциями держалась не на экономическом ее превосходстве, а на военно-политической и торговой монополии. С прекращением же завоеваний монополистическое положение Италии пошатнулось, приток военной добычи, ценностей и рабов уменьшился, все это в совокупности вело к экономической депрессии Италии и к зависимости от провинций. Напротив, в провинциях с установлением мира начинается период экономического и культурного подъема. В общем положение провинций в первые столетия Империи было лучше, чем при Республике, когда на провинции смотрели как на «добычу римского народа».

В одной из своих речей в сенате Тиберий указывал на серьезную опасность для государства, вытекающую из зависимости Италии от провинций. «Италия, — говорил он в сенате, — не может жить без чужеземной помощи: жизнь римского народа каждый день зависит от случайностей моря и непогод. Если наши господа, рабы и поля не будут получать помощи из провинций, то, конечно, наши сады и виллы нас не прокормят! Вот, уважаемые сенаторы, забота, которая давит государя!» [1].

Сильнее всего депрессия отражалась на *сельском хозяйстве*, главной отрасли италийской экономики. Сокращение покупательной силы населения, конкуренция провинций и вздорожание цен на рабов вследствие прекращения войн и пиратства подрывали италийское хозяйство. В биографии Тиберия Светоний сообщает, что во времена Августа италийские рабовладельцы

---

[1] *Tacit.*, Annales, III, 54.

для пополнения пустующих казарм рабов прибегали к самым разнообразным мерам: хватали прохожих на глухих улицах и тащили их в свои эргастулы, укрывали в них дезертиров, сманивали и крали чужих рабов и т. п.

Всеобщее возмущение, вызванное такого рода своеволием, заставило Августа произвести ревизию эргастулов, освободить находившихся в них граждан и вернуть укрывавшихся дезертиров [1].

Вследствие малой доходности сельского хозяйства и отсутствия дешевого кредита многие землевладельцы разорялись, входили в долги, за бесценок продавали свои виллы и уходили в город или же переселялись в провинции. Богатые же люди, сенаторы, всадники и вольноотпущенники, за бесценок скупали земли, превращая их в пастбища или лесные хозяйства. Экстенсивное пастбищно-лесное хозяйство обеспечивало определенный доход, не требуя ни значительных издержек, ни больших организационных хлопот. Капиталы находили более выгодное приложение в провинциях или же отдавались в ссуду под высокие проценты.

Капиталы шли главным образом на приобретение предметов *роскоши*. Эпоха Клавдиев, период глубокой политической реакции, известна как время большого распространения роскоши, когда все, имевшие к тому возможность, строили роскошные виллы, тратили целые состояния на стол и пиршества, приобретали дорогую обстановку, мебель, наряды, произведения искусства, содержали огромный штат прислуги и рабов-слуг. В конце концов неудержимый рост роскоши на фоне массовой бедности начинал внушать серьезные опасения с государственной точки зрения. По этому поводу в сенате выступил сам император с предложением восстановить забытый закон против роскоши.

«В самом деле, — говорил Тиберий, — против чего следует прежде всего бороться, что запретить, что ограничить и как вернуть общество к прежним нравам? Ограничить ли беспредельные размеры поместий? Сократить ли число рабов различных национальностей? Уменьшить ли вес серебра и золота? Ограничить ли приобретение чудесных изделий из бронзы и произведений искусств? Запретить роскошные из тонкого шелка и шерсти одежды, украшенные драгоценными камнями, на покупку которых уходит за пределы Римской империи масса золота?» [2].

Отлив золота из Италии в Индию и Китай в I в. н. э. был настолько велик и оказывал столь разрушительное действие на римское хозяйство, что некоторые ученые считают его главной

---

[1] *Suet.*, Tiber., 8.
[2] *Tacit.*, Annales, III, 53.

причиной экономического и культурного кризиса Римской империи. Согласно Плинию Старшему, ежегодно из Рима утекало в Индию около 100 млн. сестерций — сумма по тогдашнему времени громадная.

Однако попытка императора возобновить закон, ограничивающий роскошь (lex sumptuaria), разбилась о пассивное сопротивление сената. «Мне небезызвестно, — писал Тиберий сенату, — что на пиршествах и в кружках осуждают это зло и требуют его ограничения; но если кто-то издает закон, назначит наказания, то те же самые лица станут кричать, что переворачивается государство, что хотят истребить всю знать, что никто не свободен от обвинения в этом преступлении» [1].

Закон против роскоши издан не был, и роскошь продолжала развиваться до конца династии Юлиев — Клавдиев, достигнув высшей точки при Нероне. Не лучшая участь постигла и второй закон Тиберия, предписывавший ростовщикам (feneratores), к числу которых, по словам Тацита, принадлежала большая часть сенаторов, $^2/_3$ своего состояния вложить в земельные владения Италии.

Стремление Тиберия оздоровить римское общество встречало отпор как в высших, так и в низших классах. Римский плебс был недоволен преемником Августа за сокращение раздач, за суровые долговые законы и за его аристократизм. Внутренним миром правление Тиберия не отличалось. На почве задолженности и суровых законов против должников в городе постоянно вспыхивали народные волнения, беспощадно подавляемые вооруженной силой. «Народные волнения Тиберий старался предупредить всеми мерами. В случае же возникновения он подавлял их с нечеловеческой жестокостью» [2].

В народных волнениях, имевших место при Тиберии, участвовали как рабы, так и низшие слои свободных, интересы которых тесно переплетались. В 24 г. на юге Италии подготовлялось крупное *восстание рабов*, организованное бывшим солдатом преторианской когорты *Титом Куртизием* (T. Curtisius). Восстание было широко задумано и подготовлялось в конспиративных обществах, распространявших воззвания среди пастухов-рабов, «диких и неустрашимых». Грозившее разрастись в настоящую войну рабов, восстание было подавлено в самом начале карательной экспедицией квестора Кутия Лупа и трибуна Стая по приказу императора. «Цезарем (Тиберием) был спешно послан с сильным отрядом трибун Стай, который притащил главного вождя и ближайших по смелости его помощников в Рим, находившийся в панике вследствие множества рабов, страшно уве-

[1] *Tacit.*, Annales III, 54.
[2] *Suet.*, Tiber., 37.

личившихся в своем числе, в то время как свободнорожденное плебейство уменьшалось с каждым днем» [1]. Собственно, увеличивалось не число рабов, а число вольноотпущенников, совершенно растворявших в себе свободное гражданство, в особенности римлян и италиков, все более уменьшавшихся в числе.

Вражда Тиберия с аристократией обострилась с момента неожиданной смерти племянника Тиберия Германика. Отправленный с высокой миссией реорганизации восточных провин-

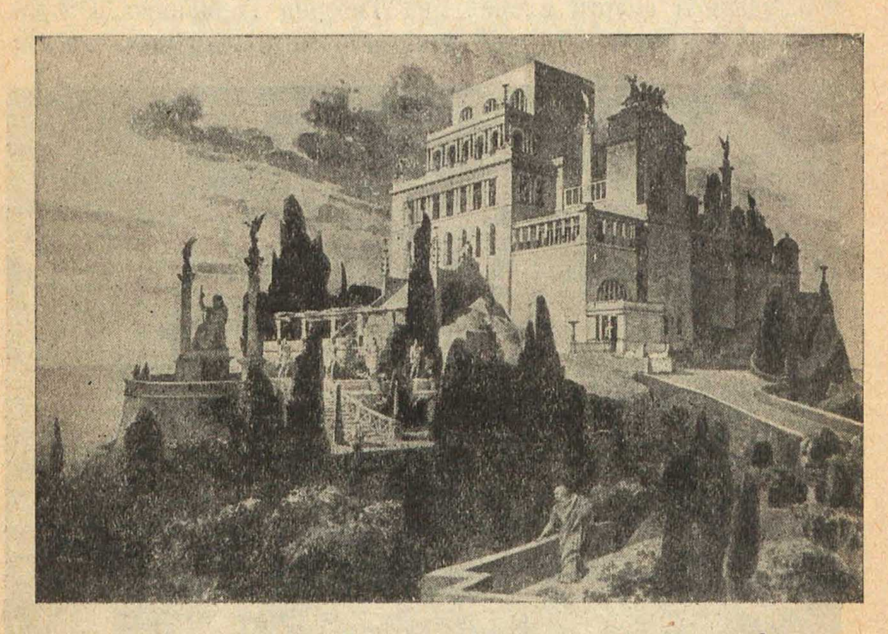
Агриппина Старшая

ций, Германик энергично принялся за дело, реорганизовал управление в Каппадокии, восстановил ослабевшее влияние Рима в армии и заключил союз с парфянским царем. Но столь блестяще начавшаяся деятельность племянника Тиберия была прервана его неожиданной смертью в Антиохии, в 19 г. Враждебная Тиберию партия, возглавляемая женой умершего Германика Агриппиной, приписывала смерть Германика наместнику Сирии Пизону и его жене Планцине. Косвенно подозрение в преждевременной смерти Германика падало и на императора, дружившего с Пизоном. В возникшем по этому случаю судебном про-

[1] *Tacit.*, Annales, IV, 27.

цессе сенат стал на точку зрения партии Агриппины и признал Пизона виновником смерти Германика. Обвинение Пизона послужило началом открытой вражды между сенатом и Тиберием.

В обществе циркулировали самые нелестные слухи относительно личности Тиберия. Императора считали убийцей своего племянника Германика, превращенного партией Агриппины

Вилла Тиберия Реконструкция

в национального героя. Тиберия обвиняли в самых гнусных и отвратительных преступлениях, в диком разврате, крайнем эгоизме, зависти и человеконенавистничестве. Слухи эти, благодаря литературному мастерству Тацита, сделались достоянием истории. Доверенным лицом Тиберия отныне сделался префект претория Элий Сеян.

Раздраженный император направил свой гнев прежде всего против Агриппины и ее второго сына Друза, затем против своей матери, властолюбивой Ливии, и, наконец, против всего сената в целом. Друз, сын Тиберия, был отравлен Сеяном. Друз, сын Германика, заключен в подземную тюрьму на Палатине, Агриппина выслана, а многие сенаторы, подозреваемые в сочувствии Агриппине, высланы из Рима или казнены. Вошедший в доверие императора Сеян убедил его отказаться от тяжелых забот правителя, покинуть Рим и удалиться в одну из своих вилл — «виллу Юпитера» (villa Iovis), на острове Капри. После

отъезда Тиберия (26 г.) фактическим правителем Рима стал Сеян, глава преторианцев.

Дружба Тиберия с начальником преторианцев продолжалась, однако, недолго. Через доверенных лиц Тиберий узнал о честолюбивых замыслах Сеяна и подготовляющемся государственном перевороте. Не рискнув выступить открыто против всемогущего временщика, император поручил преданному ему префекту города Макрону прочесть в сенате составленный им обвинительный акт против заговорщиков. Послание было заслушано, заговорщики, в том числе и Сеян, были обвинены и казнены, Макрон назначен начальником преторианской гвардии.

Измена Сеяна произвела неизгладимое впечатление на Тиберия, совершенно изверившегося в людях. Во всех сколько-нибудь выдающихся людях он видел своих врагов, заговорщиков и бунтовщиков. Начались бесконечные процессы об оскорблении величества; профессия доносчика сделалась самой популярной и выгодной. Одна опала следовала за другой, один смертный приговор сменялся другим. «Островной император», своим террором наводивший страх на окружающих, совершенно обезумел. Престарелый император не мог долго оставаться на одном месте и постоянно переезжал из одной виллы в другую, пока, наконец, не умер в вилле на Мисенском мысе. Его смерть была ускорена префектом претория Макроном, приказавшим задушить одеялами больного императора, своего недавнего покровителя.

Тиберий умер в 37 г., не сделав никакого распоряжения о престолонаследии [1].

4. ГАЙ КАЛИГУЛА (37—41 гг.)

Преемником Тиберия преторианцы провозгласили 24-летнего *Гая Цезаря Калигулу* (Gaius Caesar Augustus Germanicus), сына Германика и Агриппины Старшей. В отличие от первых принцепсов, старавшихся держаться в конституционных рамках принципата, Калигула вернулся к абсолютистской политике Юлия Цезаря и открытой военной диктатуре. На престол Гай Калигула был возведен по воле солдат и офицеров, не любивших сурового и экономного его предшественника Тиберия.

«Сколь сильна была любовь и преданность к нему солдат, вызванная долговременным воспитанием среди них, явствует особенно из того, что во время их мятежа после смерти Августа, когда они готовы были на всякие неистовства, только он действовал на них успокаивающе» [2].

---

[1] *Lang*, Beiträge zur Geschichte des Kaisers Tiberius, 1911.
[2] *Suet.*, Caligula, 9.

Враждебно настроенный к сенату, новый император помимо войска искал опоры в городском плебсе и с этой целью восстановил даже выборы магистратов комициями, отмененные его предшественником.

Для поддержания военной дисциплины и военного духа Калигула предпринял несколько небольших походов против германцев, галлов и британцев. По окончании походов был отпразднован блестящий триумф с раздачами, играми, увеселениями, зрелищами — гладиаторскими и кулачными боями и травлей зверей.

Своей внешней и внутренней политике Калигула стремился придать широкий размах в стиле «божественного» Юлия Цезаря, которому он старался во всем подражать, не имея ни его материальной базы, ни его ума и таланта.

Кроме расходов на войско, постройки и зрелища, массу средств поглощал *императорский двор*. От сравнительно скромного двора Августа и Тиберия двор Калигулы отличался большей пышностью, напоминал дворы восточных царей: при дворе находился целый штат слуг-рабов и свободных, совершались торжественные церемонии, введены были восточные обычаи преклонения перед императором, почитание его богом, целование ноги и пр. С сенаторами Калигула обращался высокомерно, заставляя обоготворять не только его самого, но и его умершую сестру Друзиллу, с которой он некоторое время даже находился в связи.

Следствием расточительной политики нового принцепса было истощение государственной казны, запасы которой при Тиберии доходили до 100 млн. сестерций. Для пополнения опустевшего фиска были введены новые налоги. В изыскании средств правительство Калигулы доходило до величайшей изощренности. Не было ни одной доходной статьи, которая не подлежала бы обложению. Земля, ремесла, интеллигентные профессии, профессии носильщиков, извозчиков, содержателей публичных домов, проституток и пр. — ничто не ускользало от бдительного ока императорского фиска. Самым беспощадным образом применялся «закон об оскорблении величества», служивший предлогом для конфискации и вымогательств. Одна конфискация, один аукцион следовали за другими.

Аукционы происходили в присутствии самого императора, который назначал цены на продаваемые предметы, заставляя покупать всех, кто слыл за богатого человека. Цены были таковы, что большая часть покупателей разорялась. Своими конфискациями и аукционами Калигула навел такой страх на сенаторов, всадников и вообще всех богатых людей, что многие спешили назначить его своим наследником, не дожидаясь соответствующего приказания.

Главной и единственной опорой «второго Цезаря» было войско, поддерживавшее его до тех пор, пока Гай во всем потворствовал ему. Но когда Калигула попытался несколько обуздать преторианцев и поднять военную дисциплину, его авторитет в войске тотчас же пошатнулся. По возвращении Калигулы из Галлии при дворе составился заговор, положивший конец жизни и деятельности третьего римского принцепса. Глава заговора *Херея* во время разговора Гая с каким-то мальчиком ударил его мечом по затылку, и принцепс упал замертво.

Так погиб на 29-м году жизни «лучший раб и злейший господин», как современники называли Гая Калигулу.

5. КЛАВДИЙ (41—54 гг.)

Террористическая политика последнего принцепса заставила сенат после его смерти более осторожно отнестись к выбору его заместителя. Многие даже высказывались за отмену единодержавия и за восстановление республики, но их предупредили преторианцы и городская масса, провозгласившие принцепсом Клавдия, дядю убитого императора, младшего брата Германика.

Клавдий (Tiberius Claudius Nero Drusus Germanicus) сын Друза Нерона, родился в 10 г. до н. э. в Лугудуне, в Галлии, был человеком слабого здоровья и считался малоспособным, презираемым окружающими, в том числе и императором Гаем. Об императорстве ни сам Клавдий, ни придворная среда даже и не думали. В характере Клавдия, казалось, не имелось ни одной черты, необходимой для государственного деятеля, тем более императора. И тем не менее по воле преторианцев, вопреки всем ожиданиям, расчетам и комбинациям, Клавдий оказался у власти. В момент провозглашения его императором Клавдий, имевший тогда 50 лет от роду, находился в ванной комнате, куда он спрятался, перепуганный убийством Гая. Извлеченный из своего убежища, Клавдий явился на сходку солдат и принес присягу, пообещав при этом подарить каждому преторианцу по 15 тыс. сестерций.

«Так Клавдий провел большую часть своей жизни, а на 50-м году он по какой-то поразительной случайности получил императорскую власть» [1].

Политика Клавдия была продолжением политики его предшественника Гая Калигулы, следовавшего абсолютистским традициям Юлия Цезаря. Главное внимание нового принцепса было направлено на организацию государственного аппарата, суда, фискальной системы и возобновление завоевательной поли-

---

[1] *Suet.*, Claudius, 10.

тики. В истории римского абсолютизма и имперских учреждений правление *Клавдия* (41—54 гг.) составляет целую эпоху. При нем в основных чертах уже сложился бюрократический аппарат, получивший свое окончательное завершение в последующие столетия. Отмиравшие республиканские магистратуры заменялись бюрократическими учреждениями — канцеляриями (officia), возглавляемыми и обслуживаемыми всадниками, вольноотпущенниками и рабами. Всеми делами государственного управления при Клавдии руководили два влиятельных вольноотпущенника — *Паллант*, глава финансового ведомства (a rationibus) и *Нарцисс*, начальник императорской канцелярии (ab epistulis), высшего государственного органа. Паллант и Нарцисс играли роль настоящих временщиков при дворе Клавдия.

Сам император больше всего внимания уделял судебным делам, число которых при Империи значительно возросло. Клавдий с раннего утра до позднего вечера просиживал иногда на площади за разбором судебных тяжб, жалоб и кляуз. Случалось, что не отличавшийся физической крепостью император засыпал на судейской трибуне, давая тем самым повод для всякого рода острот и насмешек.

Улучшение организации государственного аппарата положительно отразилось на состоянии финансов и оживлении внешней политики. При Клавдии был предпринят *поход в Британию*. Под личным предводительством императора римское войско дошло до Темзы, взяло город Камалодун, Лондиний (Лондон) и другие города. Британия была превращена в римскую провинцию.

В Африке за Римом была закреплена Мавретания, разделенная на две провинции. Сложнее всего дело обстояло в Иудее. Клавдий вернул Иудее самостоятельность, поставив во главе ее царя из рода Ирода — *Ирода Агриппу*, но после смерти Ирода (44 г.) Иудея вновь вошла в состав Римского государства, будучи соединена с провинцией Сирией.

Помимо захвата добычи и поддержки воинственного духа армии, походы преследовали политическую цель: укрепить императорскую власть и затмить сенат. В ознаменование британских походов Клавдий назвал одного из своих сыновей Британником и устроил грандиозное зрелище — *морской бой* на Фуцинском озере (52 г.). В бою приняли участие 50 кораблей с экипажем в 19 тыс. человек, навербованном из преступников, обреченных на смерть. Берега озера были оцеплены войсками на случай, если сражающиеся вздумают бежать или повернуть оружие против публики. Позади солдат стояла огромная толпа зрителей, восхищавшаяся кровавым зрелищем.

Следующей заботой Клавдия было урегулирование *продовольственного снабжения* столицы. Сделано это было по настой-

чивому требованию столичного населения, страдавшего от перебоев в хлебоснабжении. Однажды, когда принцепс проходил по форуму, толпа задержала его, осыпала ругательствами и забросала кусками хлеба, так что император едва сумел спастись через задний ход своего дворца. Это обстоятельство заставило Клавдия серьезно отнестись к проблеме продовольствия. Хлеботорговцам и владельцам перевозочных средств были предоставлены разные льготы, давались гарантии на случай кораблекрушения, производились раздачи хлеба из правительственных магазинов и пр. Одновременно с тем предпринята была постройка *гавани в Остии*, главном порте Рима [1]. Старая гавань была слишком мала и не обеспечена надежной стоянкой судов в зимнее время. Для бесперебойного обеспечения подвоза во все времена года Клавдий выстроил новый порт Августа, снабженный дамбами и береговым бассейном, сообщающимся с морем. Хотя многие и возражали против такого грандиозного сооружения, указывая на громадность расходов и трату человеческих сил, император все же настоял на своем, и проект был осуществлен. «Гавань в Остии он соорудил, провел справа и слева рукава, а при выходе в глубоком месте выстроил мол; чтобы придать более солидное основание, он предварительно затопил корабль, на котором в свое время был привезен в Рим большой обелиск из Египта, и вбил множество свай» [2].

Над молом возвышалась световая башня, построенная по типу знаменитого фаросского маяка в Александрии, облегчившая подход судов в ночное время.

Вторым крупным предприятием Клавдия был *спуск Фуцинского озера*, находившегося в области марсов в центральной Италии. Осушение гнилого озера имело целью оздоровить местность, превратив ее в цветущие поля, и поднять уровень воды в Тибре. Принимая во внимание вообще невысокий уровень античной техники, этот проект поражает своей смелостью и грандиозностью. Постройка одного отводного канала заняла целых 11 лет при непрерывной работе 30 тыс. человек. Был вырыт огромный канал в 3 тыс. футов длиной, проходивший через горы и скалы. На постройку этого сооружения была затрачена масса средств и человеческой энергии, но все-таки работу до конца не довели. О стиле построек клавдиевой эпохи свидетельствуют поражающие еще до сих пор руины *клавдиева водопровода* (aqua Claudia).

В строительной политике Клавдий, как и вообще все римские императоры, руководствовался не столько хозяйственными, сколько политическими соображениями. Наряду со стра-

---

[1] *Suet.*, Claudius, 18.
[2] Ibid., 20.

стью ко всякого рода зрелищам, у принцепса была еще одна страсть, разделяемая с ним многими его современниками, — страсть к старине, истории и археологии. Одним из его любимых занятий было занятие историей карфагенян и этрусков, в особенности их религией. По приказанию Клавдия, были собраны этрусские оракулы и восстановлена коллегия этрусских жрецов — гаруспиков (haruspices).

В заключение следует отметить еще деятельность Клавдия в отношении *провинций*. Вследствие продолжавшегося роста провинций вопрос о слиянии их с Италией становился все более актуальным и неотложным. Одной из главных римских провинций в I в. н. э. была *Галлия*. К этому времени галльские города, в особенности города Нарбонской Галлии, достигли значительного материального и культурного расцвета.

Из галльских городов выделялись Арелате, Ним (Nimes), Виенна и др. Столицей Галлии считался *Лугудун*, место рождения Клавдия. Как в общей политике, так и, в особенности, в отношении провинций Клавдий следовал Юлию Цезарю, щедро раздавая права провинциалам, в особенности же галлам. По этому поводу в 48 г., в связи с предложением принцепса ввести в сенат несколько богатых галлов, в римском сенате развернулись любопытные дебаты по вопросу об отношении центра и провинций вообще и в частности о провинции Галлии, как самой близкой к Риму и богатой, к тому же родине императора. Противники расширения прав римского гражданства и тем самым, следовательно, введения в сенат галлов, принадлежавшие к старой италийской знати, доказывали нецелесообразность введения новых членов в римский сенат. Италийцы, говорили они, не настолько еще бедны, чтобы они из своей среды не могли заполнить сенат, и вообще политически нецелесообразно заполнять сенат богатыми иностранцами, деды и прадеды которых истребляли римские войска огнем и мечом.

С ответом выступил сам Клавдий. В остроумно построенной речи Клавдий пункт за пунктом опровергал доводы своих противников, защищавших привилегии италиков и возражавших против распространения прав римского гражданства на провинциалов. «Мои предки, — говорил император, — происходят из Сабина, предки божественного Юлия вышли из Альбы, Корункании — из Камерия, Порции — из Тускула и т. д. Италия расширилась от моря до Альп, впитала в себя самые различные народности, и это создало ее силу и величие. Храбрейшие из провинциалов оказали поддержку ослабевшей Империи».

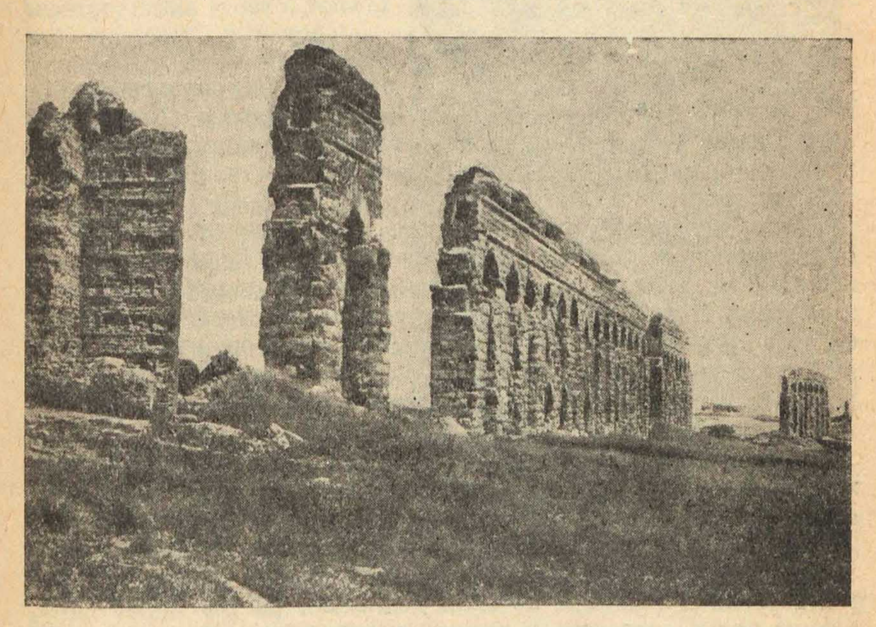
Свою речь, часть которой дошла до нас на одной бронзовой доске в Лионе [1], Клавдий закончил осторожным призывом по-

---

[1] *C. I. L.* XIII, 1568; *P. Fabia*, La table Claudienne, 1928; *Bruns*, Fontes, 195.

следовать его совету и ввести галлов (эдуев) в состав римского сената.

«Привязанные к нам правами, искусствами, родством, пусть они принесут к нам свое золото и богатство, чем пользоваться ими отдельно от нас. Все, отцы сенаторы, что теперь считается очень старым, когда-то было ново (omnia, patres conscripti, quae nunc vetustissima credentur, nova fuere).

Остатки Клавдиева водопровода

После патрицианских магистратов явились плебейские, после плебейских — латинские, после латинских — магистраты из других народов Италии. То, что мы сегодня подкрепляем примерами, вскоре само будет в числе примеров» [1].

Демократизм Клавдия проявлялся также и в его сравнительно мягком отношении к вольноотпущенникам и рабам. В качестве примера мудрости древних, достойной подражания, он приводил предоставление вольноотпущенникам высших должностей и сам издал закон, смягчавший положение больных рабов.

В придворных сферах Клавдий слыл за чудака. Хилый телом, безобразный и дряхлый, Клавдий служил мишенью для всякого рода насмешек, острот и издевательств. Большую роль

---

[1] *Tacit.*, Annales, XI, 24.

при Клавдии играли честолюбивые женщины, заставлявшие императора исполнять их капризы. Первое время Клавдий находился всецело под влиянием своей жены *Мессалины*, близкой к аристократии. В последние годы жизни Клавдия Мессалину сменила не менее властная и честолюбивая *Агриппина*, младшая дочь Германика, которая в конце концов отравила своего мужа грибами, после чего власть перешла в руки ее сына Клавдия Нерона.

6. НЕРОН (54—68 гг.)

После умерщвления Клавдия преторианцы провозгласили императором 17-летнего *Тиберия Клавдия Нерона* (Nero Claudius Drusus Caesar Germanicus), внука Германика. Нерон — прозвище Клавдиев, присоединяемое ко всем членам клавдиевой династии.

Провозглашенный императором, Нерон вначале отклонился от цезарианских традиций своих предшественников и искал сближения с сенатом. Руководство политикой в первую половину правления Нерона находилось в руках философа *Сенеки* и префекта претория *Бурра*, воспитателей императора, имевших поддержку в сенате и старавшихся освободить императора из-под влияния его матери Агриппины, тоже имевшей поддержку в сенате и войске.

Свою политическую программу молодой император изложил в речи, произнесенной им в конце 55 г. в сенате. Он обещал следовать примерам просвещенных и мудрых правителей, прежде всего, конечно, заветам великого Августа. Нерон говорил, что его юность прошла в мирной обстановке, он не пережил междоусобной войны и не знал домашних раздоров. Его правление будет протекать в рамках конституции, он постарается устранить дефекты предшествующих принцепсов, его дворец не будет смешиваться с дворцовым ведомством. Сенат сохранит свои прежние права и обязанности. Италия и провинция будут управляться консулами и трибунами. Для себя же он считает достаточным одних императорских провинций [1].

В первую половину правления Нерона были проведены законы о сложении государственных податей, поддержке обедневших сенаторов, сокращении произвола доносчиков, выдаче подарков народу и т. д. [2].

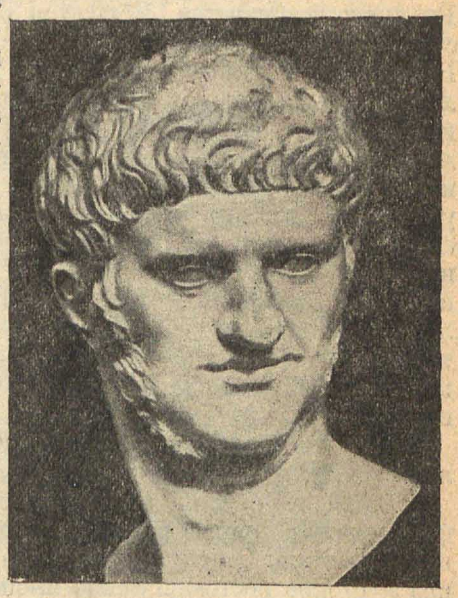
Однако либеральная политика нового императора продолжалась недолго. Назревал новый конфликт с аристократией, ближайшим образом вызванный придворными династическими распрями.

---

[1] *Tacit.*, Annales, XIII, 4.

[2] *Suet.*, Nero, 10; *Tacit.*, Annales, XIII, 5.

Серия убийств, преследований и конфискаций, выделяющая Нерона из всех представителей клавдиевой династии, началась с убийства Британика, сводного брата Нерона, сына Клавдия и Мессалины. Объявленный слабоумным, Британик был отравлен (55 г.) с ведома, если только не по инициативе, матери Нерона Агриппины, через несколько лет в свою очередь убитой по настоянию любовницы Нерона Поппеи Сабины (59 г.). Терроризированные Поппеей, воспитатели Нерона оправдали убийство Агриппины, а Сенека даже составил особую докладную записку, в которой он перечислял злодеяния покойной в отношении своего сына и говорил о подготовлявшемся заговоре на жизнь императора.

Нерон

Сенат, со своей стороны, в знак сочувствия Нерону назначил всеобщее благодарственное молебствие и приказал поставить в курии рядом со статуей императора статую Минервы, в день праздника которой Нерон был «спасен» от грозившей ему опасности.

После убийства матери и устранения жены Нерона Октавии молодой император совершенно потерял равновесие. Переодетый, он шатался со своими товарищами по темным кварталам, публичным домам, совершал бесчинства, вступал в драки с прохожими и однажды был избит до полусмерти. Самой сильной страстью Нерона была страсть музыканта, певца и наездника. В этом отношении он был вполне человеком своего времени и своего круга. Увлечение театром, цирком императорского периода, пением, игрой и спортом было присуще всему римскому обществу, в особенности его верхам. Славу певца, поэта и спортсмена Нерон предпочитал всему на свете.

Высшее удовольствие императору доставляли устроенные по греческому образцу музыкальные, спортивные и цирковые зрелища, в которых вместе с самим принцепсом принимали участие представители самых знатных фамилий. По словам Светония, в одном кулачном бою, устроенном на Мар-

совом поле, приняли участие 400 сенаторов и 600 римских всадников [1].

Поворот во внутренней политике отразился также и на *внешней политике*. В первые годы правления Нерона внешняя политика Рима обнаруживает симптомы агрессивности. На Востоке римский полководец *Гай Домиций Корбулон* уладил конфликт с парфянами, возникший из-за Армении, захватил Артаксату и заставил армянского царя Тиридата признать верховенство Римского государства. Корбулон возглавлял военную группу, стремившуюся расширить римские границы, включить в состав Римской империи весь Передний Восток, Аравию и даже Индию, открыть пути римской торговле и увенчать честолюбивого императора, считавшего себя вторым Александром Македонским, новыми победоносными лаврами. Римская экспансия на Восток, сметавшая на своем пути все страны и народы, уничтожая их самобытность и растворяя их в массиве цезарской державы, послужила причиной ожесточенной Иудейской войны 66 г., о которой расказывается на последующих страницах. В Британии после долгих войн и многих неудач римляне закрепили за собой Камалодун (Camulodunum — Кольчестер), Линд (Lindum — Линкольн), Дева (Deva — Честер) и несколько других пунктов, где были расположены римские легионы.

Все эти завоевания, однако, не были прочны, Рим не был в состоянии удержать подчиненные ему области.

В 61 г. в Британии среди племени иценов произошло серьезное *восстание* против римлян, виновником которого не без основания считали Сенеку, ссудившего британцам 10 млн. денариев под жестокие ростовщические проценты. Восстанием руководили друиды, поддерживавшие связь с европейскими кельтами, а главой восстания была *Боудикка*, или *Бондикка*, жена князя племени иценов, «народа сильного и несокрушимого в битвах», среди которого и началось восстание. В восстании принимали участие как мужчины, так и женщины, на которых жрецы оказывали наибольшее влияние. Воспользовавшись отсутствием наместника Британии Светония Паулина, британцы произвели погром и истребили 70 тыс. римских граждан и их союзников. Брожение в Британии продолжалось и после Нерона, при новой династии Флавиев. Причинами недовольства были задолженность, налоги и в особенности насилия, чинимые в отношении провинциального населения римскими колонистами-ветеранами. В биографии британского наместника Агриколы, составленной Тацитом, в речи одного из британских вождей (Калгака) в стилизованной форме охарактеризована политика

---

[1] *Suet.*, Nero, 12.

Рима в отношении провинций и оценка этой политики провинциалами.

«В своей надменности и наглости, — говорил Калгак, — римляне дошли до того, что уже с ними стало невозможно мирное сожительство. Грабители мира (raptores orbis), когда им, все обшаривающим, недостает земель, начинают уже обшаривать море; если их враг богат, они корыстолюбивы, если беден — честолюбивы; это люди, которых не может насытить ни Восток, ни Запад. Они одни из всех с одинаковой жадностью накидываются на богатство и бедность. Похищать, убивать, грабить

Цирковые ристалища

и т. п. — все это на их лживом языке называется управлением, а когда все превратят в пустыню, то это называют миром» (auferre, trucidare, rapere falsis nominibus, imperium, atque, ubi solitudinem faciunt, pacem apellant) [1].

В дальнейшей части своей речи оратор подчеркивал внутреннюю слабость Рима, указывая, что римляне сильны не сами по себе, а вследствие раздробленности и несогласия между их врагами. «Их делают великими наши раздоры и несогласия, они обращают в славу своего войска пороки своих врагов. Этот сброд из самых различных народов (contractum diversissimus gentibus) как держится вместе успехом, так распадается с неудачей». «Итак, — заканчивает оратор, — после того как у нас отнята надежда на милость, будьте мужественны вы, которым так

---

[1] *Tacit.*, Agricola, 30.

же дорога жизнь, как дорога слава. Я неизменно питаю твердую уверенность, что нынешний день и наше единодушие будут началом свободы для всей Британии» [1].

Взятых в плен людей британцы не превращали в рабов, а убивали на месте, вешали, сжигали или же распинали на крестах. Паулину стоило немалых трудов подавить восстание «своих недавних рабов». Перевес все же остался за римлянами: туземцы сдались, потеряв 80 тыс. убитыми. Восстание в Британии открывало собой целую серию других восстаний.

В год британского восстания в Риме произошло одно интересное событие, проливающее яркий свет на характер римского рабовладельческого общества и на отношения между рабами и рабовладельцами. Префект города *Педаний Секунд* был убит одним из своих рабов. По этому вопросу в сенате открылись оживленные прения: должны ли быть казнены все рабы Педания Секунда в количестве 400 человек, как этого требовал обычай, или же можно ограничиться казнью лишь одного непосредственного виновника? Интерес этих прений заключается в том, что в них с полной отчетливостью выявилась классовая сущность рабовладельческого Рима. С принципиальной мотивировкой необходимости казни всех рабов выступил сенатор Гай Кассий, указывавший на опасность делать какие-либо уступки рабам и тем самым возбуждать их к неповиновению господам.

«Сегодня, — говорил он, — убит своими рабами муж консульского звания Педаний Секунд. Вы предлагаете освободить виновных, но я вас спрашиваю, что же будет тогда с остальными гражданами рабовладельцами, не занимающими столь высокого положения?.. Кого могут охранить немногие рабы, если Педания Секунда не охранило 400 рабов? Кого рабы будут бояться и защищать, если они не обращают внимания на наши учреждения даже под угрозой смертной казни?».

Вывод же из сказанного был таков: рабы должны быть наказаны даже в том случае, если бы Педаний Секунд был убит справедливо. «Нашим предкам душевные свойства рабов внушали недоверие даже в том случае, когда эти последние родились на одних с ними полях или в одних и тех же домах и с детства питали любовь к своим господам. Так было в старое время, когда еще существовали патриархальные отношения между господином и рабами, но насколько положение стало более серьезным теперь, когда мы имеем в качестве рабов целые племена, нравы, обычаи и культы которых совершенно отличны от наших.

Рабов можно обуздать только одним страхом. При этом, — доказывал оратор, — нечего печалиться, что вместе с виновниками погибнут и невиновные. Всякое крупное обобщение

---

[1] *Tacit.*, Agricola, 30—32.

всегда заключает в себе кое-что несправедливое, но зато от ущерба отдельных лиц выигрывает все общество в целом» [1].

Выступление Гая Кассия достигло своей цели. Испугавшиеся рабовладельцы высказались за смертную казнь, а особенно рьяные из них предлагали возложить ответственность не только на рабов, но и на вольноотпущенников. Но тогда в дело вмешалась городская масса, солидаризировавшаяся с обвиняемыми и протестовавшая против казни рабов и вольноотпущенников. В день казни большая толпа народа преградила путь страже, угрожая камнями и пожарами. Толпа была рассеяна вооруженной силой, но казнены все же были только одни рабы, вольноотпущенники же освобождены.

В 62 г. умер Бурр, и префектом претория был назначен *Софоний Тигеллин*, один из самых порочных людей своего времени. При Калигуле Тигеллин был выслан из Рима за незаконную связь со своими сестрами, затем был возвращен и при Нероне занимал высокое положение. Тигеллин был послушным орудием в руках Поппеи Сабины, во всем стараясь предупредить желания императора и его возлюбленной [2].

С именем Тигеллина связывают огромный *пожар*, вспыхнувший в 64 г. в Риме и еще более подорвавший в глазах населения авторитет и без того непопулярного императора. Пожар начался на территории владений Тигеллина, рядом с большим цирком между Палатином и Целием. Раздуваемое ветром пламя охватило примыкавшие к цирку деревянные постройки, мастерские, лавки и дома бедного люда и перекинулось на самый цирк. Отсюда пожар перебросился на другие кварталы города. Пламя уничтожало древние постройки, храмы, портики, базилики, статуи, склады товаров и т. д. Из 14 кварталов, на которые был разделен Рим, выгорело целых десять. Все превратилось в груду развалин, число пострадавших не поддается даже учету — так оно было велико.

«Шесть дней и семь ночей свирепствовало это бедствие, а народ искал себе убежища в могильных и иных памятниках. В эти дни, помимо огромного количества больших доходных домов, от пожара погибли дома древних полководцев, украшенные боевыми трофеями, а также храмы богов, выстроенные в силу обетов царями и в эпоху пунических и галльских войн, равно как и все достопримечательные памятники древности» [3].

Самого императора во время пожара в Риме не было: он находился тогда в городе Анции на музыкальных состязаниях и прибыл в столицу уже к концу пожара. Желая использовать народное бедствие в своих интересах, Нерон проявил благотворитель-

---

[1] *Tacit.*, Annales, XIV, 44.
[2] Ibid., 51; Hist. I, 72.
[3] *Suet.*, Nero, 38.

ность, приказал отвести пострадавшим сохранившиеся общественные здания, устроить временные помещения, снабдить их съестными припасами и утварью. И тем не менее все это не предохранило императора от подозрений и нареканий. По городу ходили самые нелестные для него слухи: говорили, что виновником пожара был сам император, мечтавший заменить кирпичный Рим мраморным и золотым.

«Зрение принцепса как бы оскорблялось невзрачностью старых зданий, кривизной и теснотой улиц, и он зажег город, сделав это совершенно открыто» [1].

Рассказывали, что слуги императора бегали по улицам с горящими факелами, поджигая старые здания. Каменные здания расшатывали особыми машинами и затем сжигали.

Официальными виновниками пожара были объявлены христиане. Христианами назывались тогда члены одной из иудейских сект, имевшей много сторонников среди бедного населения Рима, особенно в еврейских кварталах. Христиане пользовались дурной репутацией «зловредной религиозной секты» (genus hominum superstitionis novae ac maleficae) [2], проповедовавшей скорое наступление конца мира, отрицавшей культ императора и презиравшей всех остальных, инакомыслящих людей. Виновных подвергли суровому наказанию. Одних, завернутых в звериные шкуры, отдавали на растерзание собакам, других пригвождали к крестам, третьих превращали в смоляные «факелы Нерона» и обмазанных смолой и маслом сжигали на глазах народа. Вместе с тем было увеличено число раздач и празднеств [3].

Поводом к распространению слухов о поджоге города Нероном послужила постройка *«золотого дома»* (domus aurea) — великолепного дворца, воздвигнутого на освободившейся после пожара площади между Палатином и Эсквилином [4]. Нерон уже давно тяготился старым Римом и высказывал желание построить новый город и в нем великолепный дворец, который своим блеском, грандиозностью и совершенством архитектуры затмил бы все здания старых времен. Пожар ускорил осуществление давнишней мечты императора. Несмотря на все трудности финансового и технического порядка, принцепс настоял на осуществлении своей затеи.

«Золотой дом» с примыкавшими к нему зданиями занимал площадь в 270 гектаров, составляя продолжение Палатинского

---

[1] *Suet.*, Nero, 38.

[2] Ibid., 16.

[3] Следует, однако, отметить, что вопрос об участии христиан в поджоге Рима 64 года не считается в науке установленным фактом. Многие ученые сообщения наших источников (Светония и Тацита, Ann. XV, 44) считают позднейшей вставкой (интерполяцией) христианских переписчиков.

[4] *Suet.*, Nero, 38.

дворца. О размерах и украшениях дворца свидетельствуют следующие детали. Дворец имел вестибюль, в котором стояла колоссальная конная статуя Нерона, в 120 футов (36 метров). В самом же дворце имелись три портика, длиной в 1 000 футов каждый, кроме того, пруд, наподобие моря, окруженный зданиями, представлявшими целые города, затем шли поля, виноградники, леса и луга со множеством всякого рода зверей и птиц.

Во внутренних частях дворец был отделан золотом, украшен драгоценными камнями и перламутром. Столовые имели потолки из слоновой кости, вращавшиеся на особых шарнирах, дабы можно было сыпать сверху цветы и брызгать благовония. Главная столовая изображала вселенную и вращалась наподобие вселенной. «Наконец-то теперь начнем жить по-человечески»,— заметил Нерон при осмотре дворца. На остальной площади, оставшейся от дворца, предполагалось построить общественные здания и дома фаворитов императора, проложить широкие улицы, построить портики, колоннады, фонтаны и т. п. Одновременно с этим проектировалось прорыть судоходный канал от Авернского озера, в Кампании, до Тибра по морскому берегу, через горы.

Государственные ресурсы не покрывали безумных трат Нерона на зрелища, двор, подарки, художественно-увеселительные поездки и постройки, не оправдываемые общественными нуждами, вызванные исключительно капризами деспота и его эстетическими увлечениями. Недостающие средства приходилось добывать путем массовых конфискаций, всякого рода поборов и вымогательств. Политика Нерона вызывала недовольство во всех общественных слоях, особенно же среди аристократии и офицерства. В 65 г. был открыт заговор, подготовлявший государственный переворот. Заговорщики предполагали устранить Нерона и возвести на престол *Гая Кальпурния Пизона*. Среди заговорщиков было много знатных людей и преторианских офицеров. План заговорщиков разделяли Сенека, Тразеа, Пет, Барей Соран и другие видные люди Рима. Часть заговорщиков была казнена, другие высланы из Рима.

Заговор Пизона и смерть Поппеи не изменили поведения Нерона. Артистические увлечения императора возрастали. После смерти Поппеи он окончательно отстранился от государственных дел и всецело отдался артистической деятельности. Не довольствуясь похвалами римской публики, Нерон захотел показать свои таланты грекам, тонким ценителям художественной красоты, и с этой целью, ободренный удачным выступлением в Неаполе, Нерон предпринял художественно-артистическое турнэ по Греции и имел успех. На всех играх и состязаниях благодаря предварительной организации и подбору зрителей, одерживал победы, получал овации и награды.

Между тем общественное недовольство в Италии возрастало. Оставленный в качестве заместителя императора вольноотпущенник Эпафродит напрасно приглашал Нерона вернуться в Рим. Вскоре же после того, осыпанный лаврами и почетом, «олимпийский триумфатор» вернулся в Рим. В марте 68 года против Нерона поднял оружие легат Лугудунской Галлии Гай Юлий Виндекс (C. Iulius Vindex). К нему присоединился испанский легат *Сервий Сульпиций Гальба* (Galba), дальний родственник Августа по жене Ливии. На улицах Рима появились нацарапанные углем оскорбительные для принцепса надписи: «Римский петух (gallus) допелся до того, что разбудил галльских петухов» (Gallos) [1]. Вскоре к Виндексу присоединился начальник преторианского корпуса.

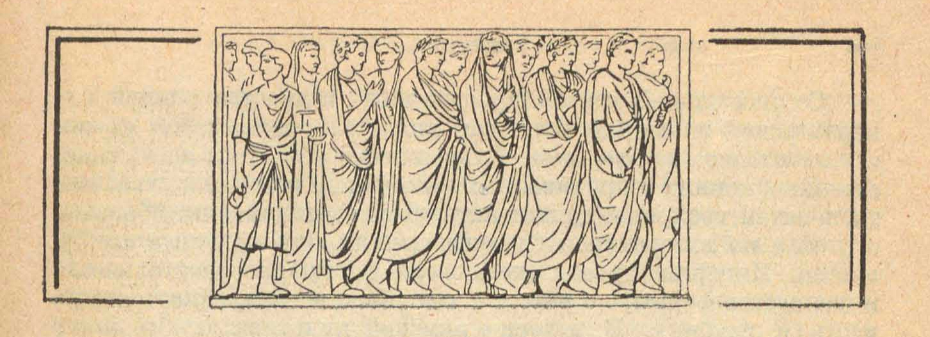
При известии об измене испанского наместника Нерон впал в отчаяние, бросился на землю, разрывал на себе одежду и, ударяя себя в грудь, повторял, что «песня его спета». Затем, придя в себя, развлекся театральными представлениями и вином и стал придумывать самые фантастические планы, чтобы выйти из критического положения, — думал отравить ядом весь сенат, зажечь город, напустить на народ диких зверей, перебить всех командиров военных частей и т. д. Но все это не имело никакого значения, тщетной оказалась также и попытка найти поддержку в придворной охране. Преторианская гвардия вместе с ее начальником Отоном перешла на сторону победителя, оставила опустевший дворец и в нем бывшего императора — Нерона. После этого у Нерона не оставалось никакого иного выхода, кроме бегства. И вот, вчерашний «господин и бог», перед которым трепетала вся страна, отдав последний приказ о вывозе новых декораций и театральных принадлежностей в безопасное место, с немногими слугами бежал из Рима в поместье одного из своих вольноотпущенников. Но и там бывший император и «великий артист» (artifex magnus) не нашел желанного покоя. Тревожимый страхом смерти, он приказал вырыть себе могилу и приготовить все необходимое для погребения. При известии о приближающейся погоне отрешенный от власти римский император лишил себя жизни. «Какой великий артист погибает во мне», — были последние слова Нерона.

«Нерон, — заканчивает свое повествование Кассий Дион,— жил 30 лет и 9 месяцев, правил он 13 лет и 8 месяцев. Вместе с ним кончился род Энея и Августа. Событие это незадолго до того предвещали увядшие лавры, некогда посаженные Ливией, и смерть белых кур» [2].

---

[1] *Suet.*, Nero, 45.

[2] *Dio Cass.*, LXIII, 29.

Глава XVI

КУЛЬТУРА ПЕРВОГО СТОЛЕТИЯ ПРИНЦИПАТА

1. «ЗОЛОТОЙ ВЕК» РИМСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ПОЭЗИИ

В культурном отношении последний век Республики и первый век Империи представляют законченное целое — период *классического стиля*, классического латинского языка и классической художественной литературы. С конца же I в. н. э., с эпохи Флавиев, уже наблюдается вырождение присущих классическому стилю черт: простоты, торжественности, четкости линий и гармонии. На смену классическому стилю приходил императорский стиль с его грандиозностью, экстравагантностью и диспропорциональностью.

Учителями римлян в области искусства и науки в течение всей истории оставались греки. По образцу греческих писателей, римские поэты и прозаики составляли свои произведения, художники лепили, ваяли и рисовали, архитекторы строили, философы создавали философские системы, историки повествовали о давно прошедших веках. По количеству произведений императорский Рим превосходил не только Республику, но даже и греко-эллинистический мир, уступая им, однако, в самобытности и свежести.

Красивые здания строились не только в столице и больших городах, но и в мелких городах и местечках, портики украшались картинами и статуями; в храмах, служивших тогда и музеями, выставлялись произведения знаменитых художников и демонстрировались коллекции старинных предметов, представлявших художественную ценность и интерес старины. В театрах и цирках, составлявших необходимую принадлежность каждого города, ставились драмы, пантомимы и фарсы, давались гладиаторские бои, показывались редкие звери, в концертных залах (одеонах) устраивались музыкально-вокальные представления, чтения и декламации.

Отличительной чертой произведений искусства ранней императорской эпохи (до Флавиев) является *совершенство формы и великолепное мастерство*. В этом легко убедиться по художественным копиям и оригиналам: постройкам, статуям и музейным экспонатам, воспроизводящим античные художественные образцы, а также по литературным произведениям римских писателей и поэтов. Империя довела до совершенства изобразительность и изящество формы, но вместе с тем убила всякую самостоятельность и глубину. В истории римской культуры особое место занимает эпоха Августа — «*золотой век*» римской литературы и искусства, когда еще были свежи республиканские традиции и когда еще не иссякли самобытные черты римского творчества.

Центральной идеей исторических, литературных и пластических произведений принципата была *идея величия Рима*. В это время и создались легенды о происхождении римлян и возникновении города Рима, ставшие предметом поэтических и историко-публицистических обработок.

В основных чертах содержание легенд о происхождении римлян и основании Рима таково.

При разрушении Трои, когда город был охвачен пламенем, один из троянских героев, *Эней*, со своим престарелым отцом *Анхизом*, женой Креузой, дочерью Приама, сыном *Асканием* (или *Юлом*) и со спутниками на 20 кораблях покинули горящий город и отправились в путь искать новых поселений для оставшихся в живых троянцев. После долгих и трудных скитаний, борьбы и бед, переселенцы прибыли на берег Италии, в греческую колонию Кумы, а из Кум — в Лаций, где они смешались с туземными племенами латинов. Из смешения троянцев с латинами, которыми правил царь *Латин*, и вышли римляне, отожествляемые в легенде с италиками. Сын Энея Асканий, или по-римски Юл, основал город Альбу-Лонгу. После Юла в Альбе-Лонге правил младший брат Юла Сильвий, родоначальник альбанских царей, от которых произошли Ромул и Рем, основатели города Рима.

В таком приблизительно виде легенда о начальной истории Рима рассказана в «Истории римских древностей» Дионисия Галикарнасского [1], которой в главных чертах следовали поэты и историки августовского времени.

Наиболее последовательную и яркую поэтическую обработку легенды о происхождении и величии Рима и римлян дал *Публий Вергилий Марон* (Publius Vergilius Maro), один из лучших поэтов римского «золотого века» (70—19 гг.). «*Энеида*» (Aeneis) Вергилия представляет собою поэтическую обработку легенд и домыслов о начальной истории Рима. Автор в XII книгах

[1] *Dion., Halicarn.*, Antiquit. rom., I, 45—63.

дал в стихах римскую историю. Центральной фигурой «Энеиды», героем поэмы, является Эней, опоэтизированный образ Августа.

«Энеида» — обширное произведение, представляющее плод многолетней упорной работы ее составителя. В окончательном виде «Энеида» появилась уже после смерти автора, но создавалась она под непосредственным впечатлением политических событий второго триумвирата и насквозь пропитана политическими настроениями. «Энеида» отражает настроение руководящих политических кругов Рима и прежде всего самого Августа. Цель «Энеиды» — исторически и телеологически оправдать внешнюю и внутреннюю политику Августа, как естественно необходимое следствие исторического процесса, воли богов и судьбы. «Так прародитель Эней при общем внимании рассказывал волю богов, излагая скитанья» (fata renarrabat divum, cursusque docebat) [1]. По воле богов, Эней со своими спутниками отправляется из пылающей Трои искать обетованную землю (tu, genitor, cape sacra manu patriosque penates) [2]. Волей Судьбы римлянам предопределена великая будущность—покорить, объединить и быть вождями всех народов.

«Известно, — говорит Венера, покровительница Энея и его спутников, обращаясь к Юпитеру, — что некогда в потоке времени из восстановленной крови Тевкра (первого троянского царя) выйдут римляне-вожди, которые одной волей будут держать в своей власти море и земли».

(Certe hinc Romanos olim, volventibus annis,
Hinc fore ductores revocato a sanguine Teucri
Qui mare, qui terras omni dicione tenerent) [3].

«Оставь свой страх, Киферея (Венера), — отвечает Юпитер, — предназначенная твоим Судьба остается неизменной. Ты увидишь город и обетованные стены Лавина и до небесных звезд вознесешь великодушного Энея. Мои решения неизменны. Твой сын, — я покажу тебе тайны судеб (fatorum arcana), — поведет страшную войну в Италии, сломит дикие племена, поставит народам стены и даст им законы» [4].

«Я им не ставлю ни пределов в их делах, ни ограничиваю их во времени. Я им дал власть без конца»

(His ego nec metas rerum, nec tempora pono
Imperium sine fine dedi) [5].

От прекрасного троянского рода родится Юлий Цезарь, имя которого происходит от Юла, власть которого дойдет до

---

[1] *Verg.*, Aen., III, 717.
[2] Ibid., II, 717, 721—725.
[3] Ibid., I, 234—236.
[4] Ibid., 256—265.
[5] Ibid., 278—279.

Океана, а слава — до звезд. От Цезаря произошел Август Цезарь, — его божественный потомок, распространивший власть Рима на гарамантов в Африке и на далекую Индию, заставивший трепетать Каспийское царство и Меотийскую землю.

Покоряя народы под власть Рима, Август Цезарь тем самым только выполняет волю Судьбы, предопределившую римлянам власть над всем миром.

«Ты, римлянин, помни, что тебе надлежит управлять народами. В этом твое будет искусство: водворять мир, щадить покоренных и укрощать надменных»

(Tu regere imperio populos, Romane, memento;
Hae tibi erunt artes, pacisque imponere morem,
Parcere subiectis, et debellare superbos) [1].

Подчинив власти народа весь «круг земель», примирив гордых и надменных, даровав законы и утвердив мир, Август тем самым восстановил «золотой век» (aurea saecula), как это было при Сатурне, некогда правившем над полями Лация

(Augustus Caesar, Divi genus; aurea condet
Saecula qui rursus Latio, regnata per arva
Saturno quondam) [2].

Патриотические ноты слышны также и в сочинениях другой литературной знаменитости августовского века — *Квинта Горация Флакка* (Quintus Horatius Flaccus, 65—8 до н. э.). Сын вольноотпущенника из города Венузии, республиканец, сражавшийся в рядах Кассия и Брута, Гораций позорно бросил щит (parma male relicta) после разгрома при Филиппах и перешел на сторону Октавиана. Чувствуя глубокую усталость после пережитой общественной и личной бури, Гораций, подобно большинству своих современников, жаждал только одного — прекращения войны, водворения мира и порядка. Продолжение войны грозит страшными бедами, могущими разрушить римское общество и погубить всю его культуру. Всколыхнувшееся римское общество Гораций сравнивает с кораблем, носящимся по волнам бушующего, разъяренного моря.

В седьмом эподе Гораций обрушивается на все мятежные элементы, разжигающие и поддерживающие внутренние раздоры:

Куда, куда стремитесь, окаянные,
Мечи в безумье выхватив?
Неужли мало и полей и волн морских
Залито кровью римскою?
Не для того, чтоб Карфагена жадного
Сожгли твердыню римляне,

---

[1] *Verg.*, Aen., VI, 851—853.
[2] Ibid., 792—794.

Не для того, чтобы британец сломленный
Прошел по Риму скованным,
А для того, чтобы парфянам на-руку,
Наш Рим погиб от рук своих?
Ни львы, ни волки так нигде не злобствуют,
Враждуя лишь с другим зверьем.
Ослепли ль вы? Влечет ли вас неистовство?
Иль чей-то грех? Ответствуйте.
Молчат... И лица все бледнеют мертвенно,
Умы — в оцепенении...
Да. Римлян гонит лишь Судьба жестокая,
За тот братоубийства день,
Когда лилась кровь Рема неповинная,
Кровь правнуков заклявшая [1].

Конец войне положил Цезарь Октавиан Август, который в глазах Горация является ниспосланным богом спасителем — Мессией, избавителем Рима от дикого произвола Антония и «развратной женщины» (Клеопатры).

Отец мирозданья и вечный блюститель,
Ты Цезарю в стражи избранный судьбами,
Даруй, чтоб второй по тебе повелитель
Был Цезарь над нами.
Ведет ли в триумфе, отрадном гордыне,
Он парфов, пред Римом, кичливых без меры,
Дрожат ли пред мощным в восточной пустыне
Индийцы и серы,
Меньшой по тебе, он да правит вселенной;
Ты ж горний Олимп сотрясай колесницей,
Ты рощи нечистые жги раздраженной
Громовой десницей [2].

Гораций прославляет Августа за его реставрационную политику, за стремление возродить римскую доблесть, реставрировать храмы, оздоровить нравы и семью. Железный век миновал, занимается утренняя заря нового золотого века, мира счастья и радости.

Верность, мир и честь, и справедливость древних,
Доблесть, что была в небреженье, — смело
К нам идут, и льет Изобилье полный рог благодатно [3].

Республиканский строй, говорит Гораций, пал не от меча Цезаря, Антония и Октавиана, а разложился от внутренней порчи, утраты древней чистоты и доблести. Отсюда делается вывод, что политический строй должен переродиться, потому что выродились люди.

Не от таких отцов был некогда рожден
Народ, который дал пучине цвет багровый
От карфагенских тел, кем Пирр был побежден
И мощный Антиох, и Аннибал суровый.

---

[1] *Horat.*, Epod, I,7,
[2] Ibid., Od., I, 12.
[3] *Horat.*, Carm. saec., 56—60.

То были воинов-оратаев сыны,
Привычные вращать сабинскою киркою
Бразду: им матерью заранее внушены
И страх и труд; они вечернею порою
Несли ей дров, когда над сумраком земли
От солнца выси гор блистали багряницей,
И без ярма волы, качаясь, тихо шли,
И ночь гналась во след за ясной колесницей... [1]

Идея прославления Рима и обоготворения носителей этого величия — Цезаря и Августа — захватили также и третьего крупного поэта августовского времени, *Публия Овидия Назона* (Publius Ovidius Naso, 43 г. до н. э. — 17 г. н. э.). В «Метаморфозах» (превращениях) Овидий излагает историю мировой эволюции, начиная с хаоса и кончая апофеозом Юлия Цезаря, божественного предка Августа. Августовский Рим в изображении Овидия, так же как и Вергилия, представляется последним звеном мировой эволюции, воплотившим в себе все достижения человечества. Цезарь после своей смерти не исчез, но превратился в блестящую звезду, что, подразумевается, должно произойти и с Августом.

В истории литературы Овидий более известен как эротический поэт, автор любовных элегий «*Искусство любви*» (Ars amandi) и «*Лекарство против любви*» (Remdia amoris). В период реакции стремления людей концентрировались на двух вещах — на наживе и сексуальных эмоциях. Рим превратился в огромный город торгово-ростовщического капитала мирового масштаба, в который стекались все богатства мира, город спекуляции, наживы, развлечений и разврата. Общей страстью сделалась страсть к деньгам.

«Мы роем землю, чтобы найти в ней золото, вместо того чтобы пахать ее для жатвы» [2].

Накопленное богатство использовалось прежде всего для личных удовольствий. Прожигание жизни сделалось модой среди высших классов, среди римской золотой молодежи. Психологию этой молодежи как раз и запечатлел в своих любовных элегиях Овидий Назон, сам не чуждый подобных настроений.

Основной мотив поэзии Овидия составляют страсть и любовь.

«Подобно тому как всадник, напрасно удерживая повода, забрызганные пеною, не может сдержать коня, несущего его в пропасть; подобно тому как корабль, уже достигая земли, бывает вдруг отброшен порывом налетевшего ветра, так точно я влеком постоянно Купидоном и попадаю всегда под его стрелы»,

---

[1] *Horat.*, Od., III, 6.
[2] *Ovid.*, Met., I, 135.

Эротическая легкомысленная поэзия Овидия не гармонировала с консервативной политикой Августа. На этой почве должны были произойти разногласия между ними, окончившиеся высылкой Овидия на северо-западный берег Понта (город Томы).

Царем когда-то послан был
Полудня житель к нам в изгнанье
(Я прежде знал, но позабыл
Его мудреное прозванье).
Он был уже летами стар,
Но млад и жив душой незлобной;
Имел он песен дивный дар
И голос, шуму вод подобный.
И полюбили все его,
И жил он на брегах Дуная,
Не обижая никого,
Людей рассказами пленяя.
Не разумел он ничего,
И слаб, и робок был, как дети;
Чужие люди за него
Зверей и рыб ловили в сети;
Как мерзла быстрая река
И зимни вихри бушевали,
Пушистой кожей покрывали
Они святого старика.
Но он к заботам жизни бедной
Привыкнуть никогда не мог;
Скитался он иссохший, бледный,
Он говорил, что гневный бог
Его карал за преступленье,
Он ждал: придет ли избавленье,
И все несчастный тосковал,
Бродя по берегам Дуная,
Да горьки слезы проливал,
Свой дальний град воспоминая...
И завещал он, умирая,
Чтобы на юг перенесли
Его тоскующие кости,
И смертью — чуждой сей земли —
Неуспокоенные гости [1].

У всех вышеназванных писателей и поэтов «золотого века» — Вергилия, Горация, Овидия и других, — наряду с патриотическими мотивами и восхищением перед величием Рима и его олицетворением в личности Октавиана Августа, выступает еще одна характерная черта эпохи — *идеализация сельской простой жизни* и *преклонение перед стариной*. Такого рода патриархальная настроенность вполне гармонировала с официальным консервативно-реставраторским курсом августовской политики. Художественным образцом римской идиллической поэзии, воспевающей природу и жизнь среди природы, являются пастушеско-крестьянские элегии Вергилия — «*Буколики*» и «*Георгики*», ди-

---

[1] *А. С. Пушкин*, Цыганы.

дактические поэмы, посвященные описанию главных видов сельского хозяйства Италии — скотоводства, хлебопашества, садоводства, пчеловодства и пр. Написанные изящным языком и легким стилем, крестьянские и пастушеские песни (элегии) Вергилия воспевают природу, сельскую жизнь и деревенский уют. Вергилий восхищается величием природы и освежающим действием сельского труда. На великолепном фоне природы вырисовывается тип благочестивого, трудолюбивого земледельца, опоэтизированной опоры нового политического строя.

Образцом буколических идиллий для римских поэтов служили идиллии сицилийского поэта *Феокрита*.

Сентиментально-идиллические мотивы и архаизация имеются также и в главном произведении Вергилия «Энеиде». Латины, с которыми смешались троянцы, в противоположность изнеженным восточным народам изображаются грубыми людьми (durum genus), закаляющими своих младенцев со дня их рождения в студеной воде. «Их юноши проводят время в охоте, войне, укрощении коней, стрельбе из лука или в трудах на своих полях». «Молодежь в трудах терпелива и малым довольна, землю мотыкой скребет или войной города потрясает» [1].

Простота древне-латинской молодежи противопоставляется испорченным нравам римского общества «золотого века».

Те же самые мотивы восхищения естественными красотами — чистотой и привольем сельской жизни среди виноградников, у журчащего ручья, плеском воды, — с налетом некоторой меланхолии и эпикуреизма отражены в лирических произведениях Горация, Овидия, Тибулла и Проперция.

Большая часть поэтов августовского века сами принадлежали к средним землевладельцам-помещикам и потому с сочувствием поддерживали Августа в его аграрной политике возрождения среднепоместной деревни, выражая в стихах хорошо знакомые им переживания. «Я, — говорит Гораций, — любитель деревни.... я в восторге от ручейков, очаровательной деревни, от скал, проросших мохом, и от рощи. Словом, я оживаю, я царствую, лишь только оставлю то, что все вы вместе с толпою превозносите до самого неба. Как беглый слуга жреца, я не хочу медовых жертвенных лепешек, мне нужен хлеб, который для меня вкуснее всяких сластей» [2].

С идеализацией природы сплеталась *идеализация старинных учреждений* и патриархального уклада жизни, противопоставляемого современному одряхлевшему миру. Окружавшая действительность с ее жестокой борьбой за существование, с пресыщенностью одних и тяжелой нуждой других, представлялась

---

[1] *Verg.*, Aen., IX, 603—613.
[2] *Horat.*, Epist., I, 10.

полной противоположностью социальному идеалу. Социальные утопии о *«золотом веке»* (aevum aureum, aurea aetas) занимают очень видное место в греческой и римской литературе и поэзии. Поэты «золотого века» — Вергилий, Гораций, Овидий, Тибулл, Проперций — не удовлетворялись окружавшей их действительностью и, следуя моде своего времени, уносились в мечтах в далекое прошлое, в «золотой век» Сатурна, когда не было ни бедных, ни богатых, ни вражды, ни обмана.

До Юпитера, говорит Вергилий, не было нужды в обработке поля и размежевании земли на отдельные участки в частную собственность, — все тогда было общим; земля все доставляла сама по себе и в большом количестве, не было поэтому и насилия [1].

Поэты призывают римлян, утомленных долголетними войнами и пресыщенных городской культурой, бежать в страну блаженных, по ту сторону Океана, бежать из атмосферы рабства и рафинированной культуры на лоно природы, в глухую деревню, на остров блаженных. В царстве Сатурна люди жили действительно хорошо: тогда корабль еще не бороздил темнеющие волны моря, парус не подставлял свою открытую грудь штурму ветра, дома не имели дверей и межевые камни не были поставлены на широких тучных полях.

В первой «Метаморфозе» Овидия рассказывается, как землемер тщательно отметил длинной линией границы полей, до того времени находившихся в общем пользовании, подобно воздуху и солнечному свету. На той же самой почве недовольства существующим строем вырастали религиозно-мистические идеи и настроения тесно сплетавшиеся с идеализацией старины и культом природы.[2]

Патриархально-идиллические настроения захватили также и самого значительного историка августовского времени, падуанца *Тита Ливия* (Titus Livius, 59 г. до н. э. — 17 г. н. э.), автора «Римской истории» в 140 книгах. Историко-культурное значение «Истории» Ливия аналогично «Энеиде» Вергилия. На основе солидного исторического материала (аннал, легенд, этиологических, мифов, исторической публицистики и т. д.) Ливий дал стройное изложение римской истории от основания города (ab urbe condita) до начала принципата. История Ливия есть одновременно историческое и художественное литературное произведение, написанное «профессором красноречия». Некоторые картины ливиевой истории, в особенности книги XXI и XXII, описывающие эпопею борьбы Рима с Карфагеном, принадлежат к лучшим историческо-художественным памятникам античной литературы.

---

[1] *Verg.*, Georg., I, 125—128.
[2] *Ovid.*, Metamorph., I.

Ливий поставил себе целью показать, из каких исторических корней выросла современная ему Римская держава и как город Рим и Италия сделались гегемоном всего Средиземноморья. Выяснению этого вопроса и была посвящена «Римская история» в 140 книгах, в которой Ливий развивает целую философию истории, вознося на недосягаемую высоту республиканские доблести и тонко противопоставляя не во всем удовлетворяющую его современность великому прошлому, создавшему imperium Romanum, полному сильных характеров, драматизма и неподражаемого геройства. Силой, создавшей великий Рим, Ливий считает *римскую доблесть* (virtus romana), включающую в себя все высокие качества общества и индивида — справедливость (iustitia), умеренность (moderatio), верность (fides) и благочестие (pietas). В силу этих качеств древние римляне всегда предпочитали войне союз с окружающими народами, а в течение самой войны старались больше действовать предупреждением и доверием, чем угрозами. Прямую противоположность римлянам в этом отношении представляют враги Рима — этруски и пунийцы, действовавшие путем обмана (fraus), вероломства (perfidia) и всякого рода козней (insidiae) [1]. Все эти качества римлян, объединяемые в одно слово «римская доблесть» (virtus), по Ливию, как и по Вергилию, заложены в самой натуре римлян — народа, избранного Судьбой для совершения великих дел [2].

Внешняя и внутренняя история Рима полна тяжелых испытаний и борьбы с внешними врагами, с одной стороны, и борьбы между самими гражданами, с другой. И все-таки, несмотря на все трудности, Рим в силу присущих ему высоких качеств из всех испытаний вышел победителем.

«Римская история» Ливия не является историческим исследованием в обычном смысле, она более походит на исторический роман, полный драматизма, или эпос, написанный первоклассным мастером, хорошо владеющим историческим материалом и наделенным даром исторической композиции.

Влияние поэтов и историков августовского времени, в особенности Вергилия и Ливия, на последующие поколения было очень велико: их прославляли, читали, переписывали, изучали и компилировали. Ливий был последним крупным историком Рима, примыкавшим по стилю своего письма и образу мыслей к плеяде республиканских историков и литераторов, более всего к Саллюстию и Цицерону. После Ливия римская историография в течение приблизительно 100 лет не дала крупных оригинальных историков. Причина этого заключалась в объективных политических условиях, сложившихся при преемниках Августа,

---

[1] *Liv.*, I, 15, 4; I, 53, 4.
[2] Ibid., XLIV, I.

принцепсах клавдиевой династии. Ожесточенная борьба внутри господствующего класса, наличие в среде свободного гражданства многих противоречий и, как следствие этого, сознание императорами непрочности своего положения исключили возможность сколько-нибудь правдивого изложения событий и не привлекали к истории людей независимого образа мысли. Все, что было написано по римской истории в период между Ливием и Тацитом, не представляет большой историко-культурной ценности, полно умолчаний и сознательных отступлений от действительности.

Другая причина трудности составления истории заключалась в обширности самого объекта исторического исследования. По сравнению со старой городской Республикой Империя представляла огромную державу, состоящую из множества отдельных частей, из которых каждая имела свою собственную историю. Обширность материала и множество действующих лиц совершенно подавляли историка, со всей серьезностью выдвигая вопрос о методе и отборе исторического материала. По этому предмету имеется интересное высказывание историка Кассия Диона, хронологически относящееся к более позднему времени, но по смыслу вполне приложимое и к настоящему периоду.

«С тех пор как, — рассуждает Дион, — установилась монархия, обо всем умалчивается, как о государственной тайне. Даже, если что-либо и опубликовывается, то на это нельзя полагаться, так как все сказанное и все сделанное так сказано и так сделано, как того желает монарх и его слуги... Наконец, самое увеличение государства и громадное количество происходящих в нем событий делают для серьезного историка его работу чрезвычайно трудной. В Риме, в провинциях, на театре военных действий всегда, почти ежедневно, происходит очень много событий, о которых не легко узнать чистую правду, если он только сам не принимал в них участия, большинство же людей никогда ничего не узнают о случившемся» [1].

Типичным историком императорского Рима был префект кавалерии *Веллей Патеркул*, живший при Тиберии. Не лишенный литературного дара, много путешествовавший и много видевший, Веллей Патеркул по выходе в отставку на досуге принялся за составление исторического труда, часть которого в виде *«Римской истории до консульства М. Виниция»* дошла до нас в двух книгах. Веллей Патеркул, подобно большинству историков императорского периода (Тацит, Флор, Дион и др.), трактует исторический процесс с биологической точки зрения, различая период детства, отрочества, юности и старости. Жизнь народов — такова точка зрения названных историков — протекает по за-

[1] *Dio Cass.*, LIII, 19.

конам, аналогичным законам всякого живого организма и прежде всего, конечно, человека. Римская история в изображении Веллея Патеркула представляется историей отдельных лиц, творящих историю, или, другими словами, сводится к биографии великих людей. В этом отношении Патеркул отдал дань своему времени. Биографический жанр исторического повествования был одним из наиболее распространенных видов исторического письма в императорский период.

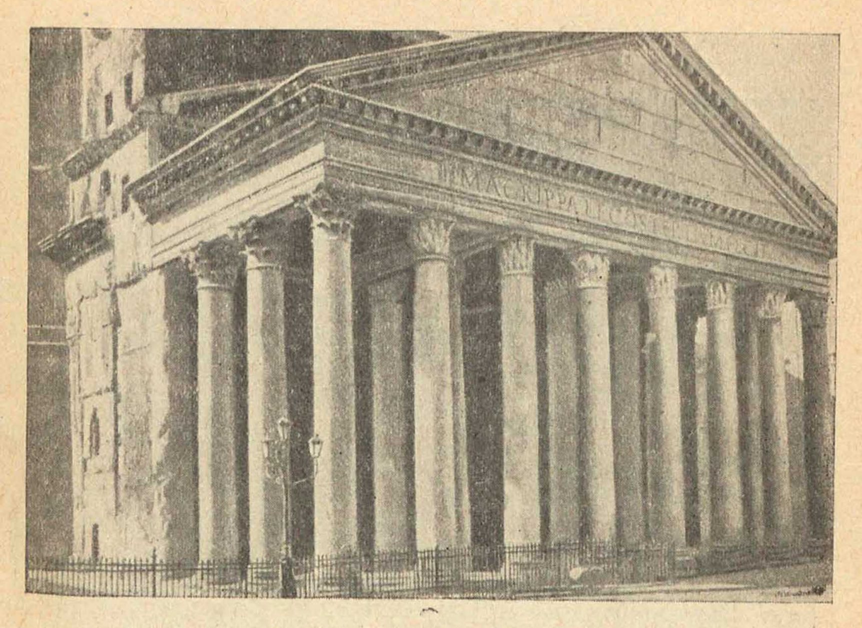
Внутренняя связь между событиями в изложении Веллея Патеркула не выступает с достаточной отчетливостью, события следуют друг за другом без указания их причинной связи и взаимообусловленности. В центре истории Патеркула стоит император Тиберий, покровитель историка и предмет его обожания.

2. ПЛАСТИЧЕСКИЕ ИСКУССТВА, НАУКА, ФИЛОСОФИЯ

Художественный стиль Принципата запечатлен в памятниках *строительного* и *пластического* искусства. С конца Республики открывается эра строительства, продолжающаяся до самого конца Империи. Все, что в этом отношении было сделано предшествующими поколениями, по количеству, грандиозности и блеску не могло итти в сравнение с императорским периодом. Постройки императорского времени, отличавшиеся разнообра-

«Благоденствие Италии».
Рельеф с «Алтаря мира»

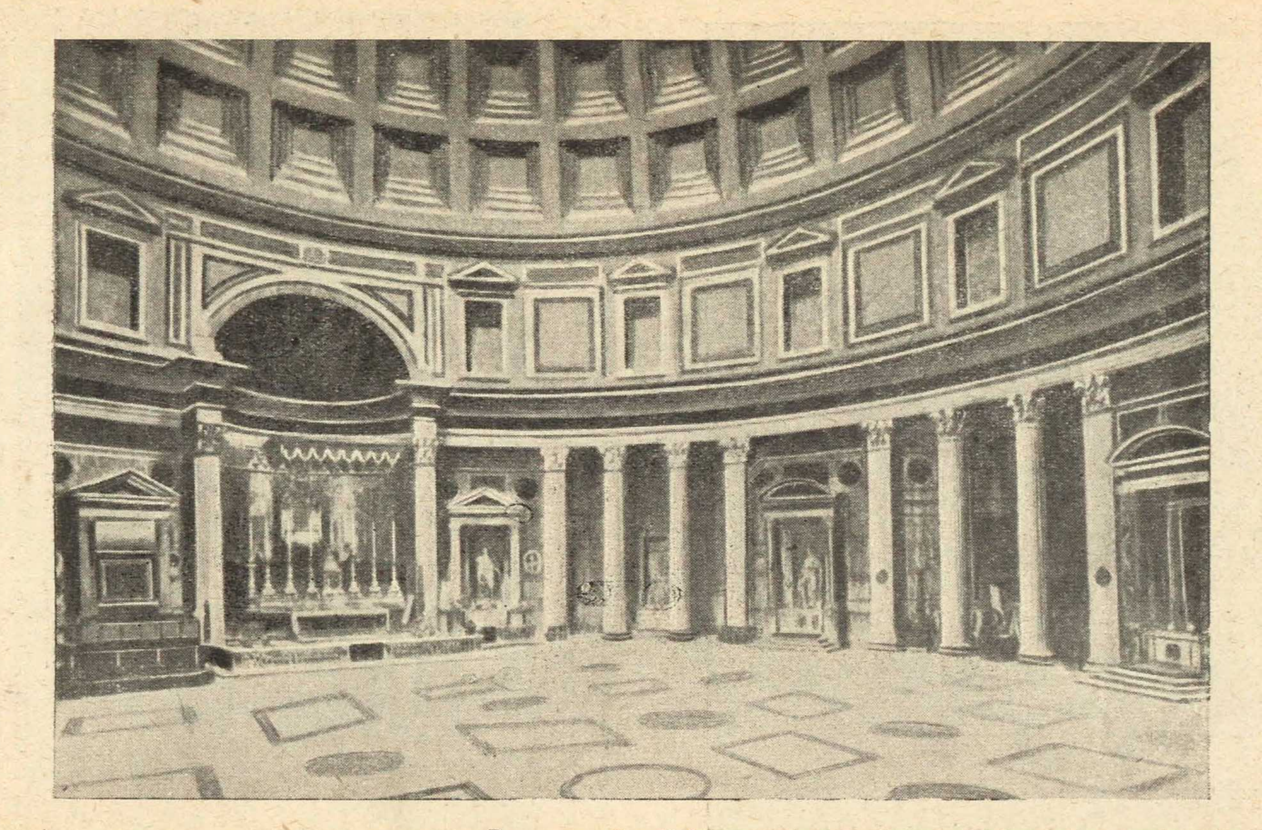

Пантеон Агриппы

зием и великолепием, создавались знаменитыми художниками-архитекторами из дорогого материала, по преимуществу из мрамора.

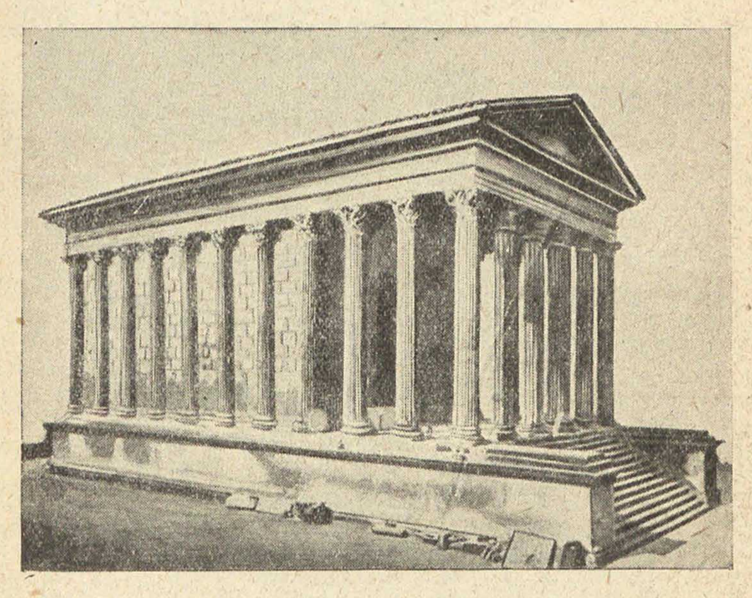
Общая черта времени — совершенство формы, мастерство и изящество — не в меньшей степени запечатлена в пластических и изобразительных искусствах, чем в литературе и поэзии. Но вместе с тем на всех произведениях искусства Империи лежит печать заимствования, подражания греко-эллинистическим образцам, чувствуется влияние хороших школ, но почти совершенно отсутствует самобытность и самостоятельность. Отсюда холодность, поверхностность и невысокая художественная ценность произведений римских классических пластических и изобразительных искусств по сравнению с их греческими образцами.

Из построек августовской эпохи наибольшую художественную ценность представляли: «*Алтарь мира*», «*Алтарь фортуны*», «*Мавзолей*» — усыпальница Августа и его дома, окруженная роскошным парком, — и многие другие. На одном из фризов «*Алтаря мира*» (ara Pacis) изображена богиня плодородия с двумя младенцами, символизирующая счастливую Италию, богатую хлебом, вином, плодами и скотом. В торжественной процессии в честь императора, составляющей содержание композиции, дан ряд характерных портретов императора, его жены Ливии и его семьи.

Внутренний вид Пантеона

Большая часть построек была сооружена на личные средства самого принцепса или его друзей. Из построек, сооруженных на средства друзей Августа, наибольший интерес представляет *«Пантеон» Агриппы*[1], *общественные бани* (термы) Агриппы, *театр Марцелла*, племянника Августа, рядом с заново отремонтированным театром Помпея, и др. Во всех зданиях господствует

Храм в Ниме

одна идея — величие Рима и его обожествленного главы — Августа.

Строили не только общественные здания, храмы, портики и дворцы, но и *частные здания* (palatia). Быт высших классов Рима в эпоху принципата отличался большой роскошью. Магнатские дома были полны дорогой столовой и кухонной посуды из позолоченного серебра, ложек, солонок, всякого рода кратеров, кубков, сковород, бокалов, канделябров, зеркал и самых разнообразных бронзовых, медных и деревянных предметов. Наибольшим изяществом отличались *геммы* — резные изображения на драгоценных камнях — и в особенности гемма Августа (gemma Augustea), изображающая Августа в виде Юпитера в окружении богини плодородия, Нептуна — бога морей, Ки-

[1] «Пантеон» Агриппы был заново перестроен во II веке Апполодором; в этом виде мы его и знаем.

Развалины распределительного бассейна водопровода Юлия (Aqua Julia)

белы — богини земли и производительных сил. Нижняя часть рельефа изображает триумфы Тиберия — римские солдаты сооружают трофей в честь победы Тиберия над паннонцами.

Стены, колонны и полы богатых вилл и домов украшались *цветной мозаикой*, декоративной живописью, иногда с весьма затейливым сюжетом и изящным орнаментом. Образец *декоративной стенной живописи*, орнаментики и рисунка представляет

Гемма Августа

стенная роспись виллы Ливии в окрестностях Рима. Много образцов мозаичной работы римлян сохранилось на стенах помпеянских домов. Таковы, например, фрески «Вакханки-танцовщицы», «Виноделы», «Канатные плясуны», «Актерские маски» и др.

Первостепенный источник по изучению *римской орнаментики* представляют изображения на кубках, бокалах и вазах, рассыпанных по всем музеям, общественным и частным коллекциям всех стран мира. Одна из самых богатых коллекций — *коллекция Боскореале* (Boscoreale). Боскореале и Боскореназе — две итальянские деревни на месте древних Помпей. Сохранив-

Серебряный кубок из Боскореале

шиеся образцы художественных, ювелирных граверных и разных других работ свидетельствуют о богатстве и художественном вкусе древнеримского общества.

Больше всего самобытности римские художники и скульпторы проявили в *портретном искусстве*, соединяя реальные черты с идеализацией изображаемого лица в одно художественное целое — полуреальный портрет. Такова, например, извест-

ная *статуя Августа*, держащего речь к войску. При сохранении портретного сходства фигуре приданы идеальные черты правителя в понимании римлян — спокойное величие, сила воли и мягкость в чертах лица. Те же самые художественные приемы отображены в портретах Ливии, Агриппы, Юлия Цезаря, Цицерона и в особенности в портретах детей, дышащих непосредственностью, реализмом и самобытностью. В общем же пластические и изобразительные искусства императорского Рима не пошли дальше своих греко-эллинистических образцов, будучи как бы подавлены их совершенством и авторитетом.

Ливия, жена Августа

Памятники литературы, поэзии и изобразительных искусств не исчерпывают богатства культурных ценностей Рима. Параллельно с художественной литературой расширялся также и объем сведений по *специальным дисциплинам* — *праву*, *строительной и военной технике*, *сельскому хозяйству*, *землеведению*, *земледелию* и т. д. Рост товарно-денежных отношений, увеличение числа торговых сделок, кредитных операций, земельных покупок, наймов (locatio-conductio), сервитутов, фидеикомиссов и многих других деловых операций способствовали развитию гражданского (ius civile) и международного права (ius gentium) и большей гибкости судебного процесса.

Римское право складывалось, главным образом, путем судебной практики, обычаев, решений магистратов (edicta magistratum), сенатских решений (senatus consulta), комментариев и высказываний авторитетных юристов по поводу неясных или спорных мест закона (consilia prudentium, opiniones, sententia, regulae). С течением времени число судебных казусов чрезвычайно возросло, накопилось много противоречивых решений и эдиктов, что неблагоприятно отражалось на судебной практике. И потому уже при Юлии Цезаре возникла мысль о систематизации юридических казусов и составлении сборника законов. При Августе эта мысль получила свое конкретное осуществле-

ние. С Августа начинается *систематизация римского права*, в конечном итоге приведшая к созданию знаменитых кодексов римского гражданского права (corpus iuris civilis). В основу римского права положено несколько общих принципов (ius boni et aequi), охватывающих всю совокупность юридических казусов и тем самым облегчающих работу юриста-практика.

Римское право исходит из интересов правоспособной личности, свободной в своих действиях и несущей за них ответственность. Римское право, подобно праву буржуазных государств нового времени, построено на индивидуалистических основах, чем и объясняется возможность его рецепции (заимствования) и влияния на право западноевропейских обществ. Среди юристов существовали различные школы и направления. При Августе были две влиятельные юридические школы — *аналогистов* и *аномалистов*. Во главе первой стоял видный юрист *Лабеон* (Labeo), во главе второй *Капитон* (Capito). Лабеону приписывали около 400 сочинений различного наименования, впоследствии переработанных юристом Павлом и в переработанном виде вошедших в Дигесты. Последователи Лабеона, известные под именем прокулеянцев, по имени Прокула, ученика Лабеона, держались либеральных взглядов и во многих вопросах отступали от традиционных норм и обычаев. Напротив, последователи Капитона (сабинианцы) держались более консервативных взглядов, избегая введения в право каких-либо новшеств и свободных толкований права, как это делали прокулеянцы. Свое полное развитие римское цивильное право получило при Антонинах и Северах, в век великих классических юристов (II—III вв.).

Венера победительница

Из технических дисциплин в Риме более всего развилась строительная механика, с состоянием которой знакомит нас трактат римского инженера-строителя *Витрувия*, энциклопедия

по строительной механике и по механике вообще. Уже одно перечисление сочинений по данной отрасли, известных Витрувию, говорит о высоком уровне римской строительной техники. Иначе нельзя было бы объяснить совершенство, прочность и размеры римских построек.

Опыты и наблюдения по сельскому хозяйству собраны в обширном труде в 12 книгах *Колумеллы*. В «*Сельском хозяйстве*» (De re rustica) *Колумеллы* в систематическом порядке излагаются все отрасли хозяйства — хлебопашество, скотоводство, разведение садово-огородных культур, пчеловодство, лесоводство, травосеяние и т. д. Колумелла предлагал читателю — сельскому

«Альдобрандинская» свадьба

хозяину — систематизированный опыт греческих и римских агрономов, дополненный советами хозяина-практика, автора трактата.

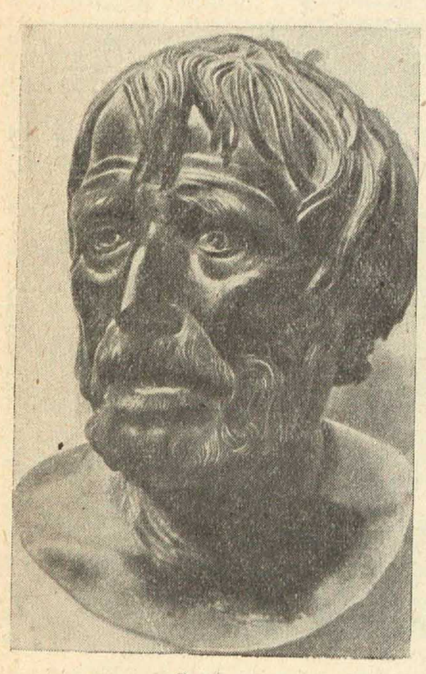
В смысле энциклопедичности сведений еще большее значение имеет «*Естественная история*» (Naturalis historia) *Плиния Секунда Старшего* (Plinius Secundus, 23—79 гг.) в 37 книгах, содержащая компендии по самым различным дисциплинам — космогонии, геологии, географии, антропологии, естественной истории, истории и искусству. Научно-теоретическое значение плиниевой энциклопедии не велико, но как исторический источник «Естественная история» Плиния представляет первостепенную ценность. Автор использовал огромный материал, в общей сложности около 600 римских и греческих сочинений.

Для изучения хозяйственного строя, техники, языка, быта и нравов Римской империи энциклопедия Плиния представляет памятник исключительной ценности, не имеющий равного себе во всей античной литературе.

Младшим современником Плиния был *Фронтин* (40—103 гг.), написавший ряд специальных трактатов: «О военных хитростях» и «О водопроводах». Первый трактат пользовался большой попу-

лярностью среди итальянских кондотьери в эпоху западноевропейского Ренессанса.

Господствующими философскими направлениями принципата были две философские системы — *стоицизм* и *эпикуреизм*, — в одинаковой мере проникнутые пессимизмом, хотя и различно выраженным. Одним из наиболее талантливых философов стоического направления Ранней империи был *Сенека* (4—65 гг.), принадлежащий к плеяде первоклассных римских писателей «серебряного века». Сочинения Сенеки содержат много интересных, заимствованных и оригинальных идей, блестящи по форме и остроумны по содержанию, но с начала до конца проникнуты глубоким пессимизмом. Философия Сенеки — философия отчаяния, сложившаяся в период нероновского террора.

«Сенека»

«Жизнь — бурное море, которое бросает нас от одной скалы к другой», — такова центральная идея стоического пессимизма.

Все идеальное находится или позади или же в потустороннем мире, куда люди приходят после смерти. Этим определяется задача философии. Задача философии, по мнению Сенеки, состоит в освобождении высшего начала человеческой природы — души (animus) — от тела. «Причина всех зол — наше тело, тело — цепи души. Тело порочно, и только философия избавляет человека от зла, переводя его от земного к божественному; задача философии — освобождение духа от тела. Дух же человека велик и благороден, он не имеет границ, ибо его границы общи с богом», — таково последнее слово философии воспитателя Нерона.

Назначение философии — не вырабатывать отвлеченные понятия, «спорить о словах», а учить жизни, добру и хорошим поступкам. Таким образом в сознании Сенеки философия сливается с этикой и религией, что сближает ее с христианством. Создалась даже легенда о переписке римского философа с апостолом Павлом

и о заимствовании у него идей тожественности философии и религиозной догмы.

«Высшая добродетель есть любовь к человеку. Все люди равны, даже и рабы. Оказывай помощь даже своим врагам».

Личная жизнь Сенеки, дельца и ростовщика, как известно, была весьма далека от проповедуемого им этического идеала.

Продолжателем Сенеки в области философии был *Эпиктет* (род. в 50 г.) из Фригии, раб вольноотпущенника Нерона Эпафродита, одного из самых влиятельных людей при дворе Нерона. Развивая мысли Сенеки, Эпиктет учил, что высшим жизненным принципом являются терпение и воздержание, охраняющее человека от внешних влияний, нарушающих душевный покой человека и стесняющих его внутреннюю свободу. Учение Эпиктета так же, как и его учителя Сенеки, оказало большое влияние на последующую философскую мысль Рима, в частности на философию Марка Аврелия, «философа на троне», из династии Антонинов (II в.).

Глава XVII

ДИНАСТИЯ ФЛАВИЕВ

1. ИУДЕЙСКАЯ ВОЙНА

Сменивший Нерона 73-летний Гальба правил всего несколько месяцев и был смещен не любившими его за скупость и суровость офицерами и солдатами. 13 января 69 г. преторианцы провозгласили императором легата Лузитании *Сальвия Отона*, прельстившего их подарками, раздачами денег и обещанием повышения по службе. Отона сменил командир нижнерейнских легионов *Авл Вителлий*. Прославившийся кутежами и обжорством, Вителлий совершенно не мог сдержать армию, утратившую дисциплину, занимавшуюся грабежом, пьянством и насилиями.

То было время, когда Римское государство находилось в состоянии полной анархии. Деморализованные войска совершенно вышли из повиновения, убивали своих командиров и производили бесчинства. Особенно жестоко пострадал город Рим, несколько раз переходивший из рук в руки. Площади, храмы и дома были полны трупов, убивали без различия и без всяких мотивов. «Свирепость насыщалась кровью, а затем обратилась в корыстолюбие». Со всех сторон стекались доносчики — рабы и свободные, доносившие на своих господ. Всюду стоны, крики... участь завоеванного города [1].

То было время, «когда среди победителей не было ни власти, ни законов, а гражданам недоставало законного государя».

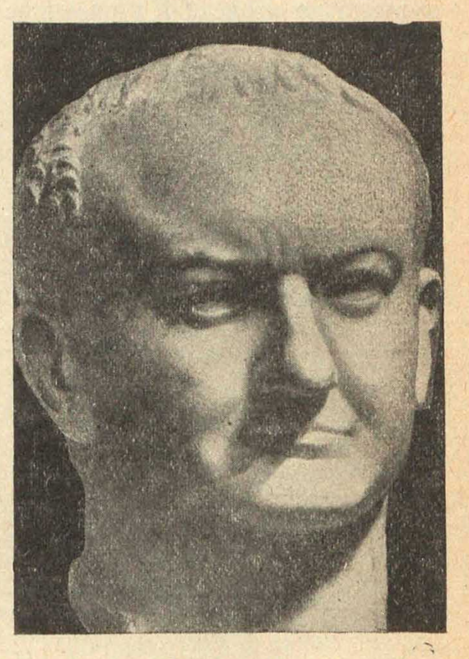
События, имевшие место непосредственно после смерти Нерона, со всей очевидностью показали зависимость императорской власти от войска, и притом уже не столько от преторианцев, как это было до сих пор, сколько от армий, стоявших по

---

[1] *Tacit.*, Hist., IV, 1.

границам. Армия становилась вершителем судеб не только римских императоров, но и всего римского государства.

«Смерть Нерона, — замечает с присущей ему лаконической силой и выразительностью Тацит, — после первых порывов радости произвела различные движения в умах не только в Риме, среди сената, народа и столичного войска, но привела в движение все легионы и полководцев, после того как была обнаружена тайна императорской власти, что главою государства можно сделаться не только в Риме, но и в другом месте»[1].

Веспасиан

В то время как солдаты Вителлия бесчинствовали в Италии, легионы, находившиеся на театре военных действий — в Палестине, — провозгласили римским императором своего командира *Тита Флавия Веспасиана*. Возвышение Веспасиана связано с *Иудейской войной* (66—70 гг.).

Иудея принадлежала к числу самых непокорных и неспокойных римских провинций. Постоянные восстания, беспорядки, погромы и покушения, имевшие место в Иудее, вызывались внутренними и внешними причинами. Провинция Иудея была страной с развитой городской жизнью, торговлей, ремеслами и сельским хозяйством. Социально-экономическое неравенство и выраставшая на этой почве классовая борьба в Иудее были древнее и острее, чем во многих других провинциях Римской империи. Вследствие исторических особенностей Иудеи классовая борьба выливалась в форму столкновений различных религиозных сект и направлений.

Классовые противоречия в Иудее в еще большей степени осложнялись рознью между различными народностями, населявшими Палестину, выраставшей на социально-экономической почве, а также на почве религиозного фанатизма и этнических предрассудков. Особенно сильна была вражда между евреями, греками и римлянами в городских центрах Иудеи — Кесарии, Иеру-

---

[1] *Tacit.*, Hist., I, 4.

салиме и др. Столкновением иудеев с не-еврейским населением, называвшимся общим именем сирийцев, в Кесарии в 66 г. и началась иудейская война. Римский наместник (прокуратор) *Гессий Флор* издал декрет, лишавший евреев многих преимуществ, которыми они пользовались в главном центре своей страны. Декрет Флора вызвал ликование среди не-еврейской части населения Кесарии и страшно озлобил иудеев. Ожесточение иудеев выросло до последней степени вследствие покушения римского прокуратора на их святыни и захвата 17 талантов из казны Иерусалимского храма [1].

После того как восстание охватило большую часть Иудеи, на помощь Флору явился наместник (императорский легат) Сирии, *Цестий Галл*, потерпевший поражение при осаде Иерусалима и вынужденный отступить с большим позором и потерями. Римляне потеряли около 5,5 тысяч пехоты и 300 кавалеристов. Это было самое крупное поражение римлян на Востоке после битвы при Каррах [2]. При таком положении вещей, ввиду нараставшего всеобщего восстания и возможной потери Иудеи, Нерон в 67 г. поручил командование на Востоке Титу Флавию Веспасиану, испытанному солдату, человеку незнатного происхождения и, казалось, неопасному претенденту на императорский трон. Имея в своем распоряжении внушительную армию в 60 тысяч человек, Веспасиан приступил к очищению от партизанских отрядов и покорению Галилеи и Самарии, предполагая на следующий год приступить к осаде Иерусалима, где верх взяла партия «мстителей Израиля» (зелотов), вождями которых были *Иоанн из Гискалы* и *Симон, сын Гиора*. Известие о государственном перевороте в Риме отвлекло внимание Веспасиана от осады Иерусалима. Провозглашенный императором в июле 69 г., Веспасиан отбыл с театра военных действий, поручив продолжение иудейской войны своему сыну Титу, а сам отправился сначала в Александрию, а оттуда в Рим.

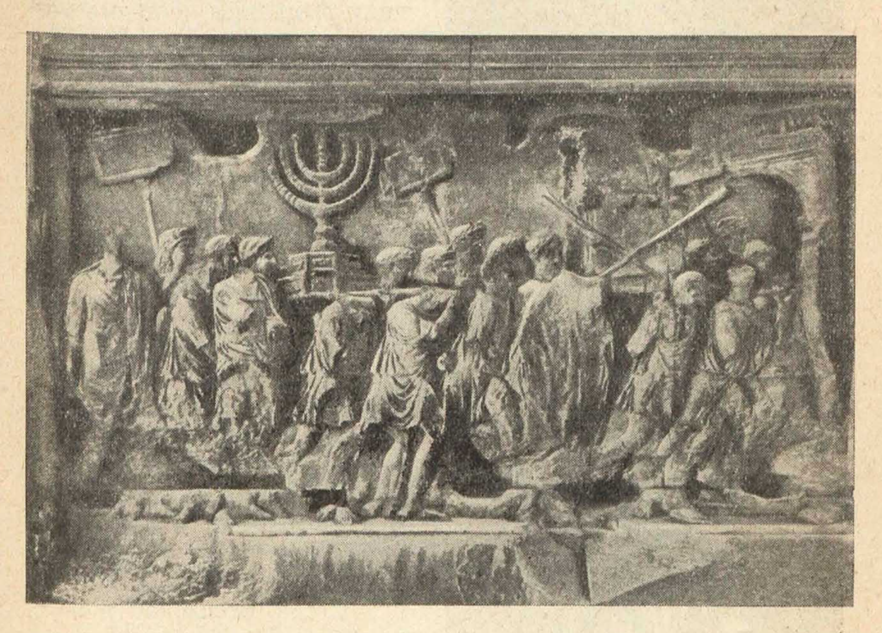
В момент провозглашения Веспасиана в Италии императором был Авл Вителлий, не желавший уступать императорский трон своему сопернику. Спор должен был решиться оружием. Командир иллирийских легионов *Антоний Прим*, разбив при Кремоне армию Вителлия, опустошая и разоряя попадавшиеся ему на пути города, двинулся на Рим, где в это время находился сам Вителлий. Под стенами города и в самом городе между флавианцами и вителлианцами произошло отчаянное сражение, одно из наиболее кровавых в течение всей «революции четырех императоров», как иногда называют период от низложения Нерона до вступления Веспасиана (68—70 гг.). «Самым пора-

---

[1] *Jos. Flav.*, Bellum Iudaicum, II, 239.
[2] Ibid., 562—584.

зительным в этой войне, — рассказывает Дион Кассий, — было то, что ведь сражались-то не настоящие враги, а хорошо знавшие друг друга граждане, да притом сознававшие, что они являются пешками в руках честолюбивых командиров. И тем не менее они с ожесточением резали и убивали друг друга на глазах своих жен и детей... Да, поистине велика сила военной дисциплины!..».

«Даже наступившая ночь не могла разнять сражавшихся, так велики были их пыл и мужество, хотя они знали друг друга

Триумфальное шествие с добычей из разрушенного Иерусалимского храма

и разговаривали друг с другом. Ни голод, ни усталость, ни мороз, ни темнота, ни раны, ни кровавая баня, ни вид костей павших раньше на этом поле, ни память о прежнем поражении, ни сожаление об огромном числе бессмысленно погибших не занимали их. Оба войска были охвачены страшной тягостью. Одни хотели победить, а другие не хотели быть побежденными, как будто они сражались с чужими, а не с братьями, как будто этот момент должен был решить — умрут они или попадут в рабство. Истощенные, нуждаясь в покое, они отдыхали один момент и даже беседовали друг с другом, а в следующий момент они уже снова бросались друг на друга...».

«Когда снова взошла луна и много больших и малых облаков неслось по небу, часто заслоняя его, тогда можно было ви-

деть, как они то сражались, то стояли, опершись на свои копья, то сидели на земле, выкрикивая, с одной стороны, имя Веспасиана, с другой — Вителлия. То насмешками, то похвалой вызывали они один другого, то по отдельности говорили друг с другом: «Товарищи сограждане! Что же мы делаем? Из-за чего мы сражаемся? Иди ко мне».— «Нет, уж ты иди ко мне».

Из города ночью приходили женщины и приносили вителлианцам пищу и питье. А они не только ели и пили сами, но предлагали также и своим противникам. Один звал другого по имени (так как почти все знали и узнавали друг друга). «Вот, возьми, товарищ, ешь. Это не меч, а хлеб. Вот бери, это не щит, а кубок я тебе предлагаю, чтобы, если ты меня убьешь или я тебя, — нам было бы легче умирать и чтобы мы прикончили друг друга не утомленной и обессиленной рукой. Такие поминки устраивают нам Вителлий и Веспасиан, прежде чем они заколют нас, как жертву за упокой уже павших душ» [1].

Когда Веспасиан в 70 г. прибыл в Рим, войска, сенат и народ признали его императором.

Тит

Римское государство в момент провозглашения Веспасиана находилось в состоянии полного распада. Подвластные Риму народности восставали и готовы были отложиться, финансы находились в хаотическом состоянии, хозяйственная жизнь расстроена, войска деморализованы. Война в Иудее продолжалась. Осадой Иерусалима руководил сын Веспасиана Тит. В праздник пасхи 70 года Тит приступил к генеральной осаде города, пустив в ход все имевшиеся в его распоряжении стенобитные машины и орудия. Осажденные сражались до последней возможности, но в конце концов, доведенные до изнеможения голодом, эпидемией и

[1] *Dio Cass.*, LXIV, 12.

римским оружием, сдались на волю победителя. Иерусалим был взят и разграблен, иерусалимский храм, религиозно-политический центр иудейства, очаг антиримских движений, был разрушен, территория города объявлялась личной собственностью императора, а уплачиваемый правоверными в пользу Яхве налог отныне уплачивался в пользу Юпитера Капитолийского. В числе перешедших на сторону римлян, между прочим, находился равви, историк *Иосиф Флавий*, автор капитального труда по истории иудейской войны, главного нашего источника по истории Иудеи и иудейской войны [1]. В истории иудейского восстания Иосиф и его друзья, иудейский царь Агриппа и его сестра Вероника, сыграли очень большую роль. Иосиф и его друзья принадлежали к группе эллинизированной и романизированной знати, провинциальной аристократии и плутократии, своими экономическими интересами связанной с Римской империей и искавшей поддержку в державном Риме против революционно настроенных масс своей страны. Только при поддержке палестинской и вообще провинциальной знати могла быть подавлена иудейская революция, сохранена Римская империя и провозглашена новая династия Флавиев, основатель которой Тит Флавий Веспасиан был даже объявлен еврейскими раввинами Мессией, ниспосланным богом спасителем мира.

Вместе с огромной добычей и предметами религиозного культа в иудейской войне римляне захватили в общей сложности до 100 тысяч рабов. Оставшиеся в живых иудеи расселялись по всему пространству Римской империи, не теряя, однако, надежды на скорое возрождение Иудейского царства и пришествия Избавителя (Мессии).

2. ВОССТАНИЕ ЦИВИЛИСА

Не менее опасно было *галло-германское восстание* под предводительством Цивилиса. *Юлий Клавдий Цивилис* (Civilis), происходивший из германского племени батавов, пользовался славой «храброго, умного и образованного человека» (ultra quam barbario solitum sollers) не только у германцев и их соседей-галлов, но и у римлян. За организационные способности, ненависть к Риму и внешний вид Цивилиса сравнивали с Ганнибалом — тот и другой не имели одного глаза. За самовольный уход с фронта Цивилис при Нероне был обвинен в государственной измене, арестован и содержался в римской тюрьме. После смерти Нерона он был освобожден и стал во главе галло-германских племен, отложившихся от Рима.

---

[1] Художественное изображение иудейской войны и связанных с ней событий дано в романе Лиона Фейхтвангера «Иудейская война».

Причиной недовольства германцев и галлов, действовавших на этот раз заодно, являлись подати и рекрутская повинность, особенно тяжелые во время войны. «На нас, — говорил Цивилис на ночном собрании батавской молодежи в «Священной роще», — римляне смотрят уже не как на союзников, а как на рабов, отдавая нас в полное распоряжение даже не проконсулов и легатов, а префектов и центурионов, насыщающихся нашей кровью и наживающих у нас целые состояния». Далее Цивилис указывал, что римляне в настоящее время не представляют ничего значительного, что могло бы внушить к ним страх и уважение.

«Поднимите только глаза и не пугайтесь пустых имен легионов» [1].

Ответом на призыв Цивилиса к отложению были массовые погромы римских купцов, во множестве рассеянных по всей стране, разрушение римских крепостей, нападение на римские когорты, пожары и т. д.

Восстание Цивилиса, к которому примкнули почти вся Германия и Галлия, было крайне упорно и продолжалось более двух лет (69—71 гг.). Цивилис оказался прекрасным стратегом и организатором, увлекавшим за собой не только германцев и галлов, но также и римских легионеров. Сочувствовавшие Цивилису легионеры убивали своих офицеров и переходили на его сторону. Римские лагери один за другим примыкали к восставшим. Наибольшее сопротивление оказал гарнизон «*Старого лагеря*» (Castra Vetera), сдавшийся лишь после того, как голод достиг крайней степени, когда были истреблены все кошки, собаки, крысы и им подобные «нечистые и отвратительные животные». Сдавшиеся на милость победителя все до одного были перебиты ожесточившимися германцами. После падения «Старого лагеря» весь нижний Рейн находился в руках восставших. Четыре римских легиона сражались на стороне Цивилиса, поколебался даже город *Кёльн*, столица убиев, старых римских союзников.

Конечной целью Цивилиса было освобождение от римской гегемонии и образование независимой галло-германской империи наподобие Римской империи. Но эта последняя цель Цивилиса не была осуществлена. Новый император двинул против него лучшие силы Италии под начальством *Петилия Цереалиса*. После поражения Цивилиса при том же «Старом лагере» галло-германское движение пошло на убыль, племена стали отпадать, и Кёльн снова перешел на сторону римлян.

Восстание Цивилиса заставило римлян быть более осторожными в отношении вербуемых на римскую службу германцев.

---

[1] *Tacit.*, Hist., IV, 14.

Во главе германских когорт отныне стояли уже не германские, а италийские офицеры и, кроме того, германские вспомогательные отряды теперь служили не на территории их родины, а за ее пределами, чем уменьшилась опасность образования племенных союзов и восстаний. Германцы левого берега Рейна постепенно растворились в Римской империи, а германцы правого берега были предоставлены самим себе. Рейнско-дунайская линия была укреплена рядом крепостей и лагерей (Могонтиак, Виндобона, Карнунт и др.).

3. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ФЛАВИЕВ

Династия Флавиев возвысилась в период гражданской войны когда Рим, по выражению Тацита, находился в состоянии горя и печали. Это определило отношение к новому императору сената и народа, жаждавших мира, порядка и прекращения произвола войска. С другой стороны, и сам победитель Веспасиан еще не чувствовал себя достаточно прочно и уверенно. Требовались взаимные уступки. На почве взаимных уступок состоялось *соглашение между сенатом и императором* (69 г.), закрепленное особым *законом о верховной власти* (senatus consultum de imperio Vespasiani). В силу этого закона император считался избранником народа и сената. Императору предоставлялись верховные права в государстве для проведения в жизнь законов и постановлений на благо народа, согласных с действующей конституцией. «Право и власть (ius potestasque), — гласил один из пунктов соглашения, — выполнять все акты, которые он сочтет полезными для государства и достойными для божеских и человеческих, общественных и частных нужд, как это было предоставлено божественному Августу, Тиберию, Юлию Цезарю Августу, Тиберию Клавдию Цезарю, Августу Германику» [1].

«Все акты, совершенные императором Цезарем Веспасианом Августом, декреты и приказания, исходящие от него, все, что совершено в силу его империя им самим или через его делегатов до принятия настоящего закона, — все это должно считаться столь же законным и правильным, как если бы совершено было по приказанию народа» [2].

В момент прихода к власти Веспасиана римское государство переживало финансовый кризис. Для покрытия государственных нужд требовалась колоссальная сумма в 40 миллиардов сестерций, т. е. около 3 миллиардов рублей. На пополнение опустевшей государственной кассы и была направлена деятельность

---

[1] *Bruns*, Fontes iur. Rom. ant., 7 ed., 202.
[2] Ibid.

нового экономного императора, происходившего из сабинского города Реате (Reate), из дома сборщика пошлин и откупщика. В управление при Флавиях был введен *принцип экономии*: раздачи сокращены, урезаны расходы двора и введены новые налоги. Веспасиан ввел ряд новых налогов, в том числе налоги на отхожие места и погребение. Когда его сын Тит выразил удивление по поводу первого налога, отец поднес к его носу золотой денарий, полученный в качестве такого налога, и спросил, чувствует ли он какой-либо особо неприятный запах. «Деньги не пахнут» (non olet) — таков был девиз Веспасиана. Узнав, что на похороны одного только человека было истрачено 10 миллионов сестерций, император воскликнул: «Дайте мне 10 миллионов и бросьте меня хоть в Тибр!». Повышена была также эксплоатация государственных доменов, находившихся при прежней династии в хаотическом состоянии.

Общий стиль жизни при Флавиях, по сравнению с клавдиевой династией, поражает экономностью, хозяйственностью и грубоватой провинциальной простотой. Флавиям были чужды художественно-эстетические увлечения их предшественников.

Приход к власти Флавиев означал не только простую смену одной династии другой, но это была смена социальной опоры Римской империи, политическое выражение *преобладания провинций*. В социальном составе аристократии, на которую опиралась Римская империя к моменту возвышения Флавиев, наблюдались значительные сдвиги. Старая римско-италийская знать, составлявшая главную опору Клавдиев, к этому времени вымерла, выродилась или обеднела, что прежде всего отразилось на составе сената. При Веспасиане в римском сенате, политическом центре старой знати, из 450 человек только 10 принадлежали к старой римской знати. Поредевшие ряды сенаторских и всаднических фамилий Веспасиан пополнил новыми членами из провинциалов и богатых вольноотпущенников.

Второй заботой нового императора была *армия*. Мятежные легионы были распущены, распущена также и преторианская гвардия, в которой имелось много сторонников Вителлия. Общая численность преторианцев с 16 когорт снижена до 9, напротив, число кадровых войск значительно увеличено. Большая часть легионов сосредоточивалась на рейнско-дунайской границе, в так называемых *десятинных полях* (agri decumates), где был воздвигнут ряд крепостей и селились союзные с Римом варварские племена, вносившие Риму за пользование территорией плату в размере $^1/_{10}$ дохода — отсюда произошел и самый термин «десятинные поля».

К концу правления Веспасиана, обнаружившего самодержавные тенденции, отношения между сенатом и императором

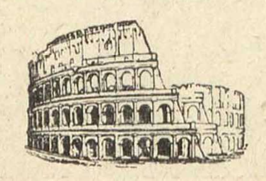
Сенатское постановление о вручении верховной власти Веспасиану
(S. C. de imperio Vespasiani)

испортились. Выражением оппозиционных настроений являлись памфлеты и политико-философские проповеди стоиков и киников, вызывавшие недовольство императора. В конце концов дело дошло до того, что Веспасиан изгнал из Рима философов этих направлений и поручил преподавание философии более надежным, с его точки зрения, людям.

После Веспасиана правили его сыновья *Тит* (79—81 гг.) и *Домициан* (81—96 гг.). Правление Тита древние историки характеризуют как правление мягкого человека, прозванного «Утехой человеческого рода» (deliciae generis humani). Титу приписывали известное изречение, что он считает потерянным тот день (amici, diem perdidi), в который он не совершил какого-либо доброго дела. Крупным событием при Тите было извержение Везувия (79 г.), засыпавшего золой несколько городов, в их числе Помпеи и Геркуланум.

После «мягкого» правления Тита тем более свирепым должно было казаться правление его младшего брата Домициана. Домициан вновь вернулся к цезарианским традициям, к открытой военной диктатуре и окружил себя военными, вчетверо увеличив жалованье солдатам. При нем было предпринято несколько походов, из которых самым значительным был поход на даков, вторгшихся в римские владения. Поход окончился поражением римлян, Домициан вынужден был купить мир дорогой ценой — уплатой ежегодной дани дакийскому царю Децебалу (90 г.).

Вследствие больших расходов на армию и других затрат государственные запасы были исчерпаны и снова наступил финансовый кризис: конфискации, вымогательства, доносы и т. п. — словом, возвратились времена Нерона. В 96 г. Домициан был убит заговорщиками [1]. Провозглашение после смерти Домициана императором влиятельного римского сенатора Кокцея Нервы знаменовало победу аристократии и на некоторое время восстановило равновесие между сенатом и императором.

[1] *Suet.*, Domitianus, 17.

Глава XVIII

СРЕДИЗЕМНОМОРСКАЯ ИМПЕРИЯ

1. ПОСЛЕДНИЕ УСПЕХИ РИМСКОГО ОРУЖИЯ

Флавиев сменили *Антонины*. Династия Антонинов представлена следующими шестью императорами: *Нерва* (M. Cocceius Nerva, 96—98 гг.), *Траян* (M. Ulpius Traianus, 98—117 гг.), *Адриан* (P. Aelius Hadrianus, 117—138 гг.), *Антонин Пий* (Aelius Hadrianus Antoninus Augustus Pius, 138—161 гг.), *Марк Аврелий* (Marcus Aurelius Antoninus, 161—180 гг.) и его сын *Коммод* (L. Aelius Aurelius Commodus, 180—192 гг.).

К началу II в. борьба между сенатом и принцепсом ослабела и между ними установилось относительное равновесие, свидетельствовавшее о некоторой гармонии интересов в среде господствующего класса. Более устойчивое внутреннее положение сделало возможным продолжение завоевательной политики Рима, ослабевшей при первых династиях. Из императоров династии Антонинов наиболее воинственным был *Ульпий Траян*, уроженец Испании. Главным театром военных действий была дунайская граница, где в то время находилось *Дакийское царство* Децебала. В результате долгой и упорной войны Траян разгромил Децебала и из бывших дакийских земель образовал римскую провинцию *Дакию* (Dacia), по нижнему течению Дуная [1]. Отсюда римляне продвинулись на северо-восток, по направлению к Крыму и Кавказу.

Дакийская война дала в руки римлян огромное количество всевозможной добычи: военнопленных, военных машин, оружия, амуниции и пр. По этому случаю был устроен грандиозный триумф, превосходивший все ранее известные триумфы, были орга-

---

[1] *J. Carcopino*, Les richesses des Daces et le redressement de l'Empire romain sous Trajan, 1924.

низованы празднества, продолжавшиеся целый год. Во время празднеств давались представления, гладиаторские бои, устраивались травли зверей, производились раздачи деньгами и продуктами. В честь дакийских побед была сооружена *Траянова колонна* 39 метров высотой, воспроизводившая сцены траяновых походов.

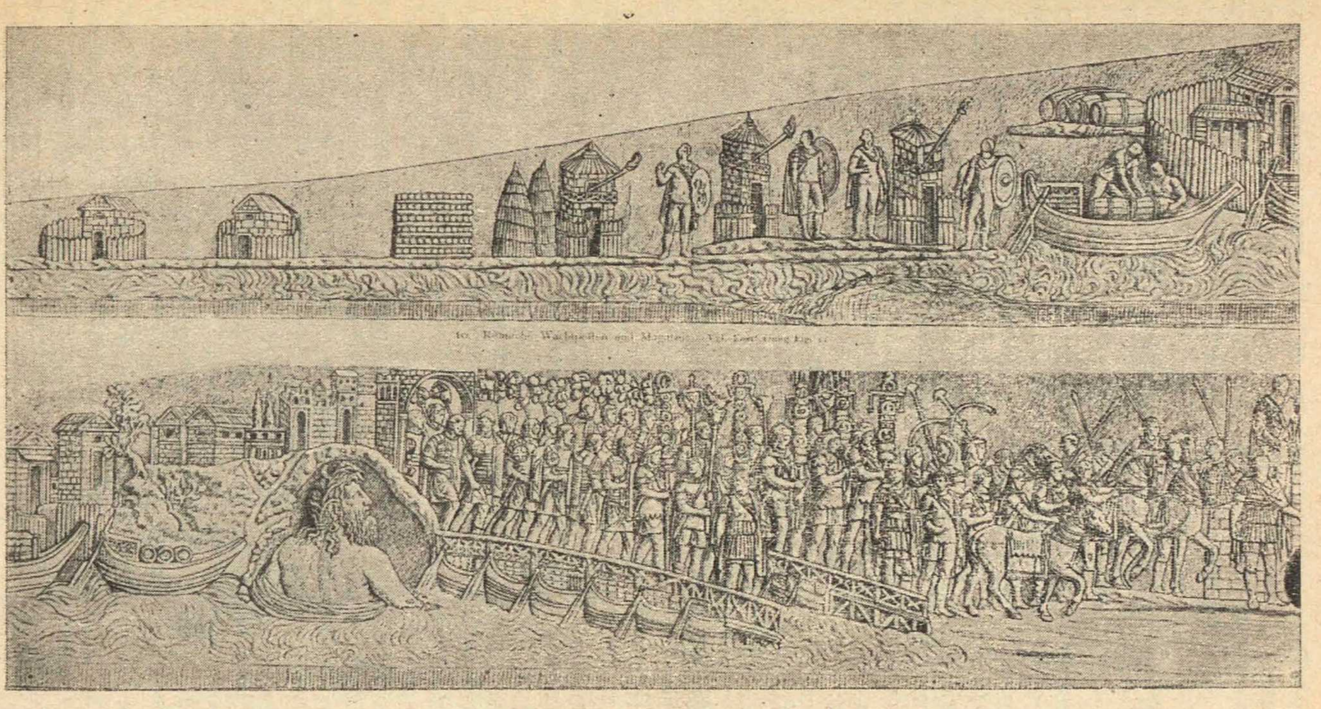
На востоке полководцами Траяна было покорено Набатейское царство, превратившееся в *провинцию Аравию*. К концу царствования Траян для округления римских владений предпринял поход против *парфян*, занял Армению, превратив ее в римскую провинцию. Некоторые народы Кавказа признали власть Рима.

Траян

После этого Траян перешел парфянскую границу и без боя занял города Месопотамии, занял Вавилонию и захватил Ктесифон, резиденцию парфянского царя. Дальнейшему продвижению римских войск в глубь Азии помешали *восстания евреев* в тылу действующей армии. Эти восстания, бывшие прямым продолжением Иудейской войны, носили мессианский характер, отличались большим ожесточением и охватили много земель. Восстания охватили Вавилонию, Месопотамию, Сирию и Палестину, перекинулись на остров Кипр и Кирену. Повсюду происходили погромы и избиение римских гарнизонов. Против восставших были двинуты войска. Траян самолично захватил города Селевкию и Эдессу, подверг их жестокой экзекуции и организовал еврейские погромы. Восточная кампания тем не менее была сорвана, пришлось начать отступление. Вскоре после этого император заболел лихорадкой и умер в киликийском городе Селинунте в 117 г.

Военные действия Траяна были последними успехами римского оружия, блеснувшими на пасмурном горизонте римской внешней политики императорского периода. На современников походы Траяна произвели сильное впечатление, нашедшее свое выражение в многочисленных монументах, воздвигнутых в честь Траяна, и в панегириках, произнесенных в честь Рима и его главы.

Сторожевые башни и склады на Дунае
Изображение на Траяновой колонне в Риме

Дальнейшие завоевания уже превосходили силы римского государства. После Траяна римляне всюду от наступления переходят к обороне, о чем свидетельствуют многочисленные пограничные рвы для защиты Рима от набегов соседних племен.

2. ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОДЪЕМ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ в I—II вв. н. э.

К концу II в. в состав римской державы кроме Италии входили следующие страны: 1) северные провинции с кельтским населением: *Галлия* (Belgica, Lugudunensis, Aquitania, Narbonensis), *Испания* (Tarraconensis, Baetica, Lusitania), *Британия* (Britannia), *Альпийские провинции* (Alpes Poeninae, Alpes Cottae, Alpes Maritimae, Rhaetia, Noricum); 2) южные провинции: *Сардиния* (Sardinia), *Африка* (Africa), *Нумидия* (Numidia), *Мавретания* (Mauretania), части бывшей Карфагенской республики; 3) придунайские местности с фракийским населением: *Паннония* (Pannonia), *Мёзия* (Moesia), *Дакия* (Dacia), *Фракия* (Thracia), и 4) ряд азиатских провинций: *Азия* (Asia), *Ликия* (Lycia), *Памфилия* (Pamphylia), *Писидия* (Pisidia), *Киликия* (Cilicia), *Вифиния* (Bithynia), *Понт* (Pontus), *Галатия* (Galatia), *Пафлагония* (Paphlagonia), *Каппадокия* (Cappadocia), *Сирия* (Syria), *Палестина* (Palaestina), *Аравия* (Arabia), *Месопотамия* (Mesopotamia), наконец, *Египет* (Aegyptus).

Часть перечисленных провинций имела свою многовековую историю и достигла высокого культурного уровня; таковыми прежде всего были эллинистические провинции, в культурном отношении занимавшие первое место в Римской империи.

Римская империя в середине II столетия, в «счастливый период» Антонинов, занимала около 100 тыс. кв. миль. Это была в полном смысле мировая держава (Oicoumene), простиравшаяся от Шотландии на севере до Африканского Атласа и Нильского катаракта на юге, от Атлантического океана до Кавказа, Евфрата, берегов Аравийского и Персидского заливов. Какое впечатление производило это на современников, сторонников правящей династии, говорят находящиеся в нашем распоряжении панегирик Траяну, произнесенный римским сенатором *Плинием Младшим*, и речь знаменитого софиста *Элия Аристида*, обращенная к Марку Аврелию.

В своих рассуждениях оба автора исходят из одного положения, что римские завоевания прекратились, наступила эпоха «римского мира» (pax Romana). Империя достигла своих естественных границ и из государства италийских граждан превратилась в Средиземноморскую империю, объединившую все народы под главенством города Рима. «Теперь, — восклицает Аристид, обращаясь к римскому народу и императору, — пре-

делы вашей державы широко раздвинулись, и нельзя измерить то, что они обнимают. Все подчинено вам: все города, народы, гавани, местности, кроме разве тех из них, которые вы признали негодными, чем вы пренебрегали как бесполезным. И Красное море, и водопады Нила, и Меотидское озеро, о которых прежде говорили как о пределах земли, теперь для вашего города как бы забор для двора. Столь велика и пространна ваша держава...» [1].

«Демон зависти утратил силу вредить целым странам и народам, вредные элементы изгнаны за далекие окраины, целительные же сошлись в мировое государство с границ земли и моря» [2].

Под влиянием социально-экономических и культурных факторов прежнее деление на граждан и провинциалов утрачивало свой смысл и стиралось. Италики и провинциалы сливались в единую массу римских граждан, подчиненных единой власти, пользующихся одинаковыми правами и имеющих одинаковые культурные идеалы и учреждения.

Писатели II в. с особой настойчивостью подчеркивают именно *вселенский* характер Римской империи. Плутарх называет Рим «якорем спасения», который приютил в тихой гавани мир, обуреваемый страстями и блуждающий без кормчего. Рим организовал общечеловеческое общество среди ожесточенной борьбы людей, стран и племен. Водворив среди покоренных народов мир, Рим приобщил их к гражданскому порядку и благам цивилизации, предоставив им широкий простор самостоятельного развития.

«При вас все для всех открыто, — писал в панегирике городу Риму Элий Аристид. — Всякий, кто достоин магистратуры или общественного доверия, перестает считаться иностранцем. Имя римлянина перестало быть принадлежностью города, но стало достоянием всего культурного человечества. Вы установили управление миром наподобие строя одной семьи» [3].

«В единый город превращен весь мир (urbem fecisti quod prius orbis erat), — заявляет другой писатель-провинциал того же времени. — Римская власть из зла покоренных народов превратилась в их благо. Рим создал многим народам единое отечество».

При всей специфичности подобного рода документов и изрядной дозы раболепия, проявляемой панегиристами в отношении правящих династов, все же известная доля истины в их речах несомненно имеется. Историко-культурное значение Римской империи отрицать, конечно, не приходится.

---

[1] *Ael. Aristid.*, XXVI, 28.
[2] Ibid., 65.
[3] Ibid., 63.

Превращение города-государства Рима в Средиземноморскую империю способствовало оживлению *торговых связей* между средиземноморскими странами, расширению меновых связей и перемещению торгово-ремесленных центров на периферию. Обмен и товарно-денежное хозяйство в странах Средиземноморского бассейна в первые три столетия Римской империи достигли самого высокого уровня в античном мире.

Римская ойкумена, занимавшая огромное пространство, населенная различными народностями и богатая разнообразными естественными продуктами, связывалась морскими путями и сухопутными дорогами со всеми странами тогдашнего мира. *Дорожная сеть* увеличилась и разветвилась. Исходной точкой всех римских дорог был город Рим. От позолоченного милевого камня на римском форуме начинались дорожные магистрали, шедшие во всех направлениях и разветвлявшиеся на множество мелких дорог и дорожек. Самая древняя магистраль шла на юг — от Рима до Капуи и Регия. Второй путь шел в восточном направлении на Брундизий, продолжаясь на греческом побережье Адриатического моря до Византии с ответвлениями на север и юг; на азиатском берегу начиналась сеть азиатских дорог.

Выходившая из Рима *Аврелиева дорога* шла по берегу моря через Аквы Секстиевы, Арелате и Нарбон, загибая в юго-западном направлении в Испанию, до Гадеса. На севере широко разветвленная густая сеть дорог, соединяясь с *Фламиневой* и *Эмилиевой* дорогами, шла в самых различных направлениях — в Германию, Галлию и Британию, на Дунай, в Паннонию, Мёзию, Дакию и в юго-восточном направлении — на Византию. Коротко — весь римский мир был связан густой сетью шоссейных и проселочных дорог и каналов, в первую очередь предназначенных для военно-административных и уже потом для коммерческих целей.

Значительно расширилась внешняя торговля Рима с *восточными странами*: Индией, Китаем и Аравией. Доказательством существования оживленных связей Рима с Индией служат римские монеты, находимые в Пенджабе и других частях Индостана. В индусских поэмах упоминаются предметы, привозимые с Дальнего запада: вино, лампы, бронзовые и стеклянные изделия [1].

Восточная торговля велась морем или сухопутьем по караванным путям. Главными гаванями по обмену с Востоком служили *Миос-Гормос* (Myos-Hormos) и *Береника* (Berenice) на Красном море, и затем города сирийско-палестинского побережья, конечные пункты караванных путей. Посредническую роль в торговле между Востоком и Римом, центром которой была *Пальмира* (Palmyra), играли арабские шейхи и купцы. Торговля

[1] *R. Mookerji*, Indian shipping, a history of the sea-borne trade and maritime activity of the Indians from the earliest times, London 1912.

с восточными странами носила пассивный характер, невыгодный для римского торгового баланса. Восточные страны — Аравия, Индия и Китай — поставляли в Рим слоновую кость, шелк, ткани, всевозможные ароматы, утонченные произведения восточной кулинарии, пряности и пр. Дорогие восточные товары по большей части оплачивались драгоценными металлами, та-

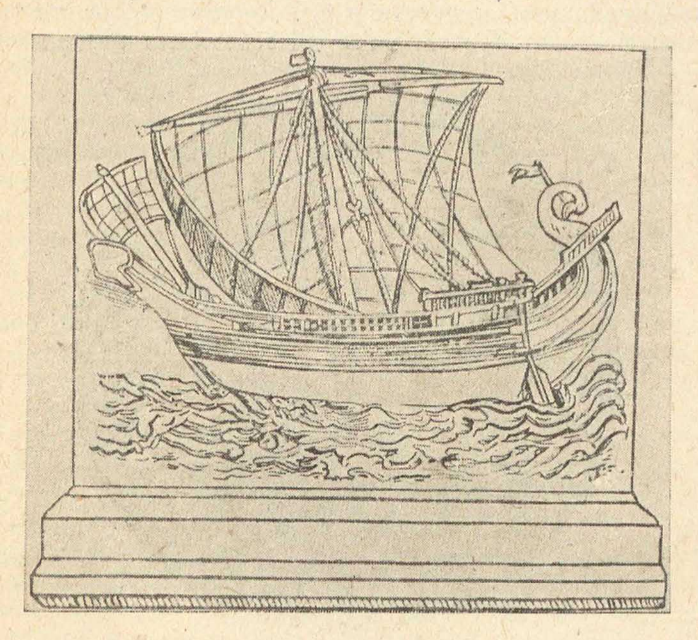
Индия
Серебряный диск

ким путем утекавшими за границу Империи. По словам Плиния, ежегодно из Рима на Восток уходило более 100 миллионов сестерций. Эта сумма настолько значительна, что некоторое время кризис Рима, а за ним и кризис всей античной культуры объясняли отливом золота в восточные страны, особенно в Индию.

В посреднической торговле Средиземноморья с Востоком особое место занимала египетская *Александрия*, один из самых больших (до 1½ миллиона жителей), богатых и культурных городов древнего мира. Через Александрию проходили товары со всего мира, в Александрии проживали купцы и торговые посредники, говорившие на самых разнообразных языках, — евреи, греки, италики, финикийцы, арабы, персы и много других. Александрия не только ввозила, но также и вывозила товары собственного производства — ткани, стеклянные и металлические изделия, папирус и пр.

В отношении торговли и ремесл египетская Александрия

занимала одно из первых мест в Римской империи, будучи известна как богатый торгово-промышленный город, в котором никто не сидит без дела. Одни занимаются ткачеством, другие прядут нити, третьи выдувают стекло, четвертые приготовляют

Торговое судно из Сидона

папирус и т. д. Даже подагрики и паралличные находят дело. Единственная страсть египтян — нажива [1].

Внутренняя торговля велась между провинциями и внутри самих провинций. Чтобы в этом убедиться, достаточно хотя бы перелистать «Географию» Страбона, из которой видно, что торговые связи существовали не только в восточных частях Римской империи, имевших за собой тысячелетнюю историю, но также и в северо-западных провинциях, только еще выступавших на историческую арену. Из италийских областей наибольшее торговое оживление замечалось в северной части Италии (Ломбардии) с примыкавшими к ней галльскими областями. Согласно Страбону, все северо-италийские города вели оживленную торговлю. Для лигуров торговым центром служит *Генуя*, в стране венетов отдельные торговые города и местности связываются сетью судоходных рек и озер в одно целое, объединяемое «достойной удивления» рекой Падом (По). Из других торговых городов в Север-

[1] *Script. Hist. Aug.*, Saturninus, VIII.

ной Италии Страбон упоминает Патавий (Patavium), сплавляющий в Рим для продажи большие партии всевозможных товаров, преимущественно всякого рода платья, и Аквилею (Aquilea), торговый центр венетов и иллирийских народностей. В Аквилею привозят товары с моря и континента: вино в деревянных бочках, невольников, скот, кожи и т. п.

Александрия
Серебряный сосуд с эмблемой из Боскореале

Центром средиземноморской торговли был *Рим*, в котором сходились нити не только торговой, но также и финансовой спекулятивной деятельности. В Риме заключались сделки на подряды и строительные работы, делались займы, находились банкирские конторы (трапезы), продавались и покупались акции (partes) откупных товариществ. В Рим по рекам Тибру, Арно и др. в «достойных удивления размерах» сплавлялся камень, лес и вообще весь материал для построек. В торговлю с Италией все более начинали втягиваться даже такие отдаленные провинции, как Испания. «Торговые пути до Геркулесовых столпов (columnae Herculis — Гибралтар) удобны для плавания и находятся в благоприятной полосе ветров, что особенно важно для тяжелых грузовых кораблей. Из Турдетании (Южной Испании) ввозится хлеб, много вина и большое количество превосходнейшего масла. Затем идет медь, воск, смола, много всякого рода красящих веществ, особенно киновари. Кроме того, Турдетания изобилует лесом для постройки судов и имеет большие

минеральные запасы, жители ее занимаются солением рыбы и выделывают прекрасные шерстяные ткани» [1].

Торговля совершалась по морям, рекам и сухопутным дорогам. В эпоху Империи, наряду с расширением сети шоссейных и проселочных дорог [2], было построено много каналов, соединявших важнейшие реки в один обширный водный бассейн. Немалое значение имели также *государственная почта* (cursus publicus), *страхование грузов* и общеимперская *монета* — «*золотой*» (aureus), весивший 8,5 грамма, серебряный денарий, весом в 3,9 грамма, и медный асс, разменная монета, весом в 1 унцию (27,3 грамма).

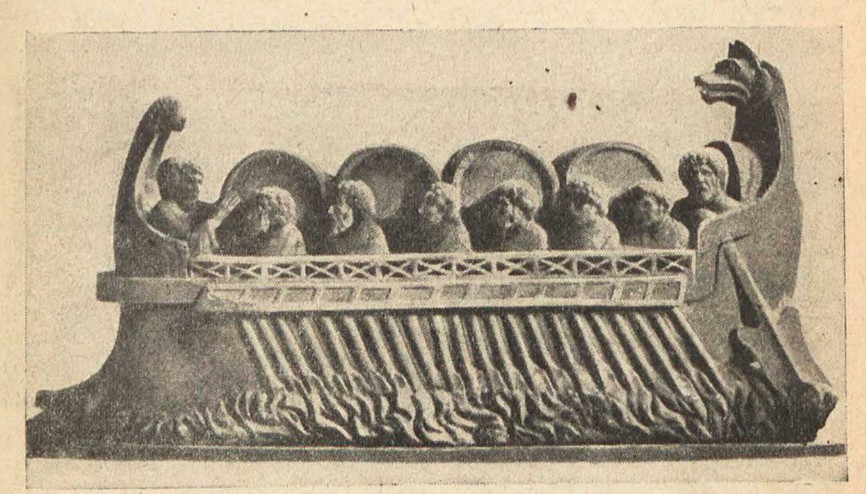
Перевозка вина в Галлии

Торгово-спекулятивная деятельность римских купцов и аргентариев распространилась по всему «кругу земель». По всему Средиземноморью — берегам, островам и внутренним частям orbis terrarum, находят следы существования многочисленных «*Союзов римских граждан*» (Conventus civium Romanorum). Исследования в этой области (Корнеманна, Франка, Гвидо и др.) показали, что проживавшие в провинции римские граждане, входившие в конвенты, как правило, занимались торговлей и ремеслами или же состояли на государственной и частной службе. «Римские граждане, занимающиеся торговлей, денежными операциями, предпринимательством и пр.» (cives Romanis qui consistunt, qui negotiantur и т. д.) — обычное выражение надписей. Наряду с римскими и местными купцами и торговцами средней руки источники упоминают купцов-оптовиков. Таков, например, Оппрам Зевксид, объехавший всю римскую ойкумену. Другой купец — предприниматель *Фирм* из Александрии, на-

[1] *Strab.*, III, 2, 5, 6.

[2] *M. P. Charlesworth*, Trade routes and commerce of the Roman Empire, Cambridge 1926.

доходы, получаемые с одного только папирусного производства, с «бумаг и клея», мог снарядить целую армию, с помощью которой он оспаривал власть у римского императора Аврелиана. Фирм жил с царской роскошью, находился в дружбе с пальмирской царицей Зиновией, поддерживал связи с полуразбойничьими ливийскими и арабскими племенами — блемиями и сарацинами — и снаряжал целые торговые флотилии в Индию.

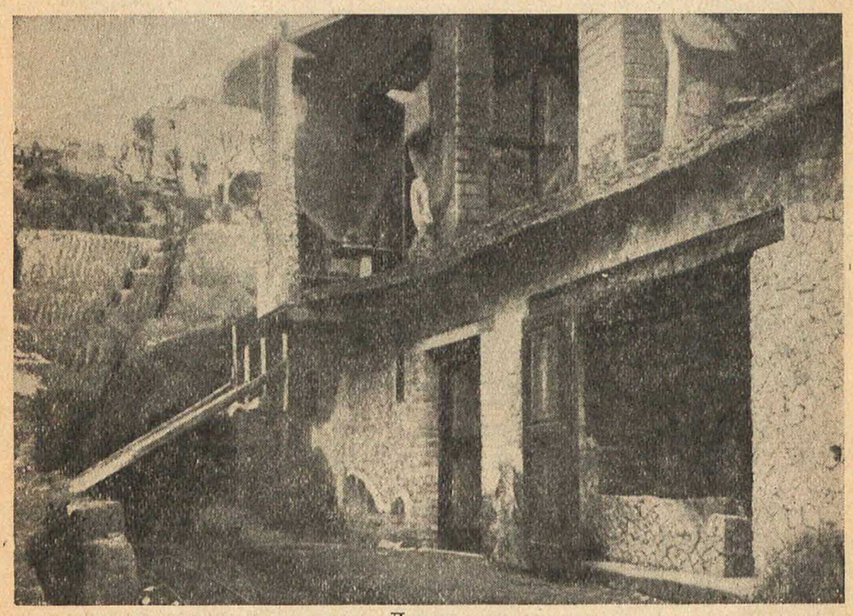

Перевозка вина на речном судне

Одним из показателей высоты и сложности римской экономики служит *римское право* с его отчетливо выраженным частновладельческим, индивидуалистическим характером. В окончательном виде римское право сложилось в эпоху классических юристов II в. н. э. К этому времени в *вещном праве* установилось более точное различие понятий собственности (proprietas) и владения (possessio), в право собственности введены понятия погашающей и приобретающей давности (possessio longi temporis), расширены способы установления и передач сервитутов (пользования чужими вещами), фидейкомиссов (свободное назначение наследников), в области семейного права введено ограничение власти отца и признаны права за женщинами. Столь же показательны перемены и в *обязательственном праве.* Сюда относятся безыменные формулярные контракты (per formulas), ускорявшие сделки, обмен и передачу вещей по формулам: «даю, чтобы ты дал» (do ut des), «даю, чтобы ты сделал» (do ut facias) и т. д.

В юридических памятниках вопросам торговли, кредита, денежного обращения и вытекавших из этого судебных конфликтов посвящено очень много внимания. Торговый контракт

(emptio venditio), по учению римских юристов, есть такой договор, посредством которого один контрагент обязуется к выдаче купленной вещи, другой — к уплате ее цены (pretium). Торговое соглашение входит в силу тотчас же, когда договаривающиеся стороны соглашаются относительно вещи и цены (emptio venditio contrahitur), при этом не требуется никаких формальностей, ни письменных обязательств, ни наличной уплаты денег. Расплата же в конечном счете должна быть произведена чеканной монетой (pretium in numerata pecunia consistere debet) [1].

Лавка
Раскопки в Геркулануме

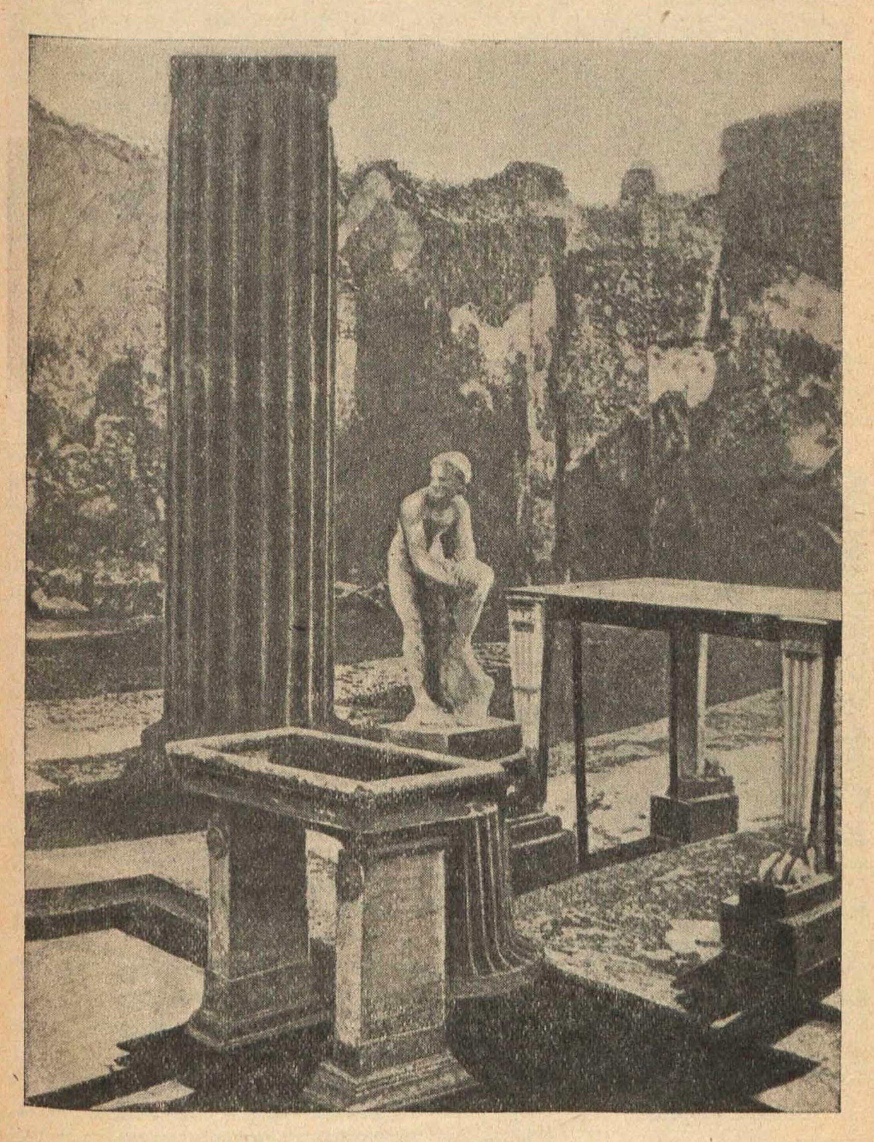
Интересы покупателя и продавца защищались рядом специальных исков (actio empti, actio venditi). Чаще всего сделки производились при посредстве аргентариев, имевших в своих конторах счета доверителей (argentariae rationes) [2].

3. РЕМЕСЛА И РЕМЕСЛЕННЫЕ МАСТЕРСКИЕ

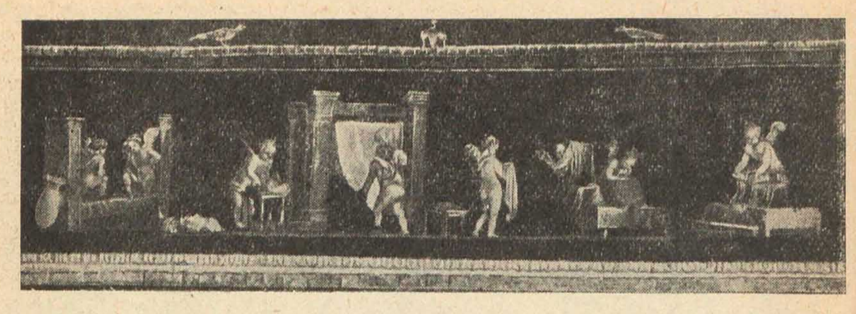
Состояние римского ремесла лучше всего изучить на конкретных примерах двух наиболее нам известных италийских городов — *Помпей* (Pompeii) и *Геркуланума* (Herculaneum) [3].

---

[1] *Instit.*, III, 23.
[2] *Р. Зом*, «Институции римского права», 1888 г., стр. 247.
[3] *E. Kornemann*, De civibus Romanis in provinciis imperii consistentibus, 1891.

Дом Обеллия Фирма
Помпеи

Сукновальня
Стенная живопись дома Веттиев в Помпеях

Помпеи и Геркуланум расположены в Счастливой Кампании (Campania Felix). Смешанное греко-италийское население с древних времен занималось здесь ремеслами и торговлей, процветавшими благодаря приморскому положению этих городов и близости Аппиевой дороги. При Сулле в Помпеях были поселены ветераны, и вскоре после этого город получил права муниципия. Расцвет Помпей продолжался до катастрофы в 79 г. при императоре Тите, когда три города — Помпеи, Геркуланум и Стабии — были засыпаны золой и залиты лавой.

Мелкий торговец

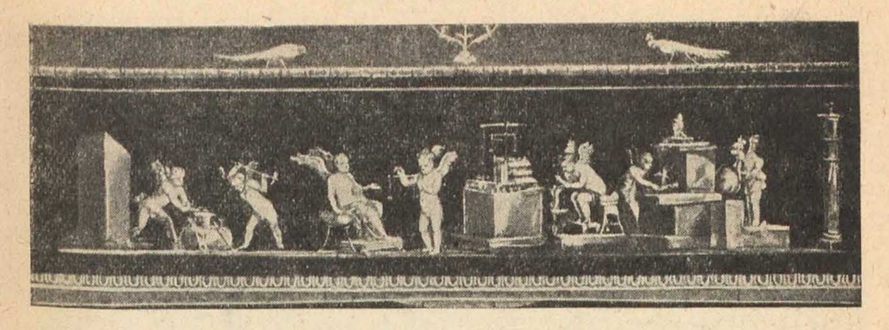
Освобожденные от пепла Помпеи и Геркуланум представляют исторический памятник высокой ценности — живой музей римского города I в. н. э. [1].

В последнее время наши сведения по социально-экономической истории Помпей расширились благодаря новым обследованиям и лучшей систематизации материала [2].

Помпеи знакомят нас со всеми сторонами быта небольшого римского города, в том числе и с бытом трудового населения — ремесленников и торговцев.

При первом знакомстве поражает обилие всевозможных *лавок* и *мастерских*, следы существования которых на каждом шагу встречаются в Помпеях и меньше в Геркулануме. Среди открытых в Помпеях и Геркулануме вещей

[1] *H. Thédenat*, Pompei, Les villes d'art célèbres, 1906.
[2] *Della Corte*, La fouille de Pompée, 1935.

Ювелирная мастерская
Стенная живопись дома Веттиев в Помпеях

находятся разнообразные предметы: лампы, тазы, стекла, железные грабли, бронзовые доски, заступы, глиняные тарелки, бронзовые деньги, весы, банки с помадой, медицинские инструменты и масса других предметов.

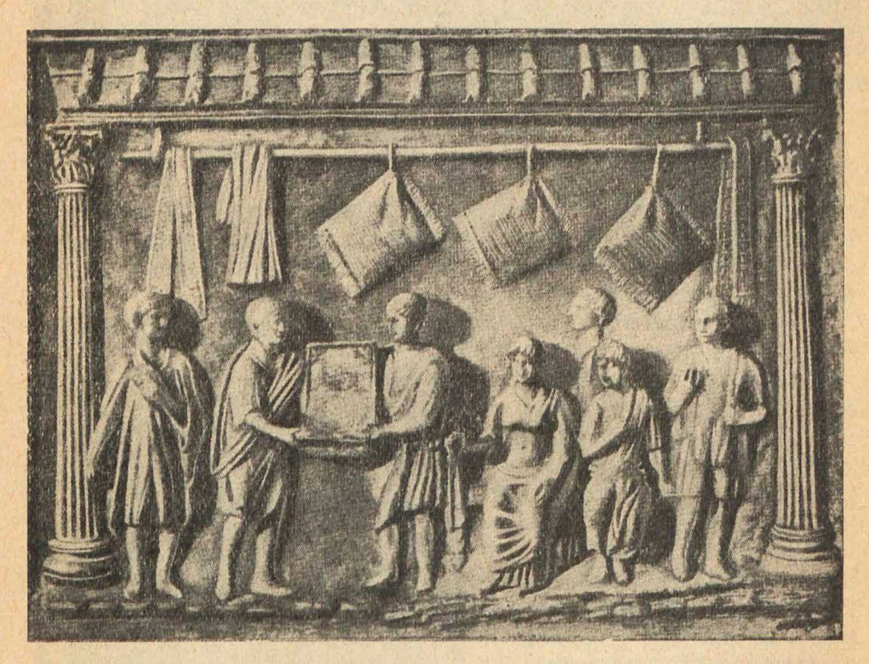

Мыловарня

На стенах можно разобрать объявления о сдаче помещений, продаже домов, отдаче в аренду бань и пр. Почти в каждом помпеянском доме имеется лавка или мастерская. Из ремёсл упоминаются ювелирное, парфюмерное, дубильное, валяльное, папирусное, пекарное и некоторые другие. Работал сам мастер, большей частью вольноотпущенник, один или с небольшим числом рабов. На колонне одного дома в Помпеях изображена сукновальная мастерская — *фуллоника* (fullonica), помещавшаяся во дворе, где находилось три бассейна и чаны для промывания шерстяной материи. Двор окружен колоннадой, вокруг которой размещены небольшие комнаты (cellae) для рабочих-рабов. Число рабочих-рабов, занятых в мастерской, определяют в 6—12 человек. Мастерская принадлежала вольноотпущеннику, может быть, даже тому, чья роскошная вилла находилась под городом.

Около Помпей находится кладбище с мраморными гробницами и урнами (urnae vel testae). Кладбище испещрено всевозможными надписями: «Да будет легка тебе земля» (sit tibi terra levis), «Посвящено подземным богам» (diis manibus sacrum) и т. д. Производство этих гробниц и урн составляло особую профессию.

Картина торгово-ремесленной жизни Помпей с известными оговорками может быть перенесена и на другие города Среди-

Лавка продавца поясов и подушек

земноморья. Интенсивнее всего торговля и ремесла развивались в приморских городах и местечках, между тем как в континентальных районах крепче сохранялось натуральное хозяйство, обмен был развит слабее и большое значение имели поместные мастерские. Владельцами городских мастерских чаще всего были вольноотпущенники, не порывавшие связи со своими господами и считавшиеся их клиентами.

Особое место занимали *интеллигентские* профессии, требовавшие долгой и сложной выучки. Сюда относятся профессии врача, архитектора, механика, педагога, актера и многие другие. Одно из первых мест занимала *врачебная профессия*, достигшая в императорский период большого совершенства. Врачи делились по школам — методики, эмпирики, эклектики, гидро-

терапевты и др. — и по специальностям — зубные врачи, хирурги, глазные врачи, врачи по нервным и женским болезням, специалисты по грыжам, фистулам и пр. Известные врачи, особенно придворные, своей практикой в короткий срок наживали огромные состояния.

Большим почетом в римском обществе пользовались также архитекторы и механики, что и понятно при множестве колоссальных построек, возводившихся в течение всего императорского периода. Высшее положение среди представителей интеллигентских профессий занимали профессора, пользовавшиеся особым вниманием и почетом при дворе. Очень скромное положение занимали школьные учителя, едва сводившие концы с концами. Среди интеллигентских профессий не последнее место занимали также представители сценического искусства. Театром, цирком и актерами увлекались все слои римского общества. Большая часть римской интеллигенции выходила из рабов и вольноотпущенников. Первое время интеллигентские профессии находились в руках исключительно иностранцев, чаще всего греков, рабов и вольноотпущенников. Но с течением времени, в особенности при Империи, интеллигентскими профессиями охотно занимались также и свободные граждане.

Интеллигентские профессии были той областью, где труд свободных раньше и успешнее всего вступил в конкуренцию с трудом рабов.

4. РЕМЕСЛЕННАЯ ТЕХНИКА

Не стояла на месте и *ремесленная техника*. Первые столетия нашей эры ознаменованы многими усовершенствованиями в строительной, военной и производственной технике. Римская империя I—III вв. — высшая точка античной экономики и техники. Усовершенствования в ремесленной и сельскохозяйственной технике, имевшие место в этот период, находятся в связи с сужением применения труда рабов, о чем говорится в другом месте.

Как можно заключить из материалов Помпей и других италийских и провинциальных городов, основной производственной единицей в I—III вв. н. э. оставались *ремесленная мастерская* (officina), часто служившая одновременно также и *лавкой* (taberna), где продавались готовые продукты данного производства и принимались заказы. Изготовляемые мастерами товары частью рассчитаны были непосредственно на заказчиков, частью же поступали на городской рынок (basilica vestiaria, olearia, vasana и др.) или же продавались мелким торговцам и разносчикам (institores, circitores).

Из нижеприводимого списка владельцев или арендаторов ремесленных мастерских, составленного на основании надписей со штемпелями хозяев горшечных мастерских, можно составить представление о размерах римских официн:

Владельцы мастерских	Число мастеров
1. P. Cornelius	58
2. L. Rasinius Pisanus	44
3. G. Annius	33
4. Publius	26
5. L. Unibricius Scaurus	20
и т. д.	

Прибавляя к основному ядру рабов-мастеров, подмастерий, учеников (discentes) и служителей, Гуммерус, составитель данной таблицы, приходит к выводу, что число людей, занятых в горшечных мастерских-мануфактурах, в среднем равнялось 100 человекам. К аналогичным выводам приходят и на основании археологических данных, остатков обжигательных печей в Лезу (Lezoux), Гейгенберге (Heigenberg) и других центрах горшечного производства Рима [1].

Основную массу ремесленников составляли рабы, вольноотпущенники и свободные, притом число представителей двух последних категорий с каждым столетием возрастало [2].

В одной помпеянской надписи (graffiti) упоминается ткацкая мастерская, имевшая 13 рабынь, работниц по тканью [3]. В другой надгробной надписи фигурирует богатый булочник, М. Вергилий Евризакес (M. Vergilius Eurysakes pistor), владелец или арендатор (redemptor) крупного пекарного предприятия [4]. Список подобного рода богатых владельцев мастерских-мануфактур легко было бы увеличить. В категорию ремесленников-предпринимателей надо отнести и вышеупомянутого александрийца Фирма, собиравшегося на доходы со своих «бумаг и клеев», т. е. с папирусного производства, снарядить целую армию. «Он имел так много с своего бумажного производства, что часто публично заявлял, что он в состоянии со своих папирусов и клеев навербовать армию» (tantum habuisse de chartis ut publice saepe diceret exercitum se alere posse papyro et glutine) [5].

Помимо богатого эпиграфического материала, для доказательств широкого распространения городского ремесла и торговли в Римской империи можно привести и высказывания авторов по этому вопросу.

Заслуживает, например, внимания следующее, вскользь брошенное замечание архитектора Витрувия, что «никто ведь дома не пытается заниматься никакими другими ремеслами, как, на-

[1] *J. Déchelette*, Manuel d'archéologie, I, 146.

[2] *Kuehn*, De opificum Romanorum conditione privata quaestiones, 1913.

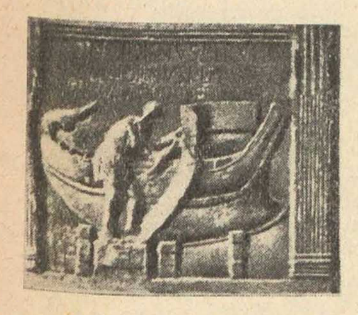
[3] *C. I. L.*, IV, 1507.

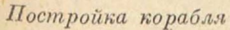
[4] Ibid., 1013—1016; VI, 1958.

[5] *Script. Hist. Aug.*; Firmus, III, 2.

пример, сапожным, валяльным или прочими, более легкими ремеслами, за исключением архитектуры» (itaque nemo artem ullam aliam conatur domi facere, uti sutrinam, fullonicam aut ex ceteris qui sunt faciliores nisi architecturam) [1].

Организационная сторона в больших официнах лежала на обязанности особых управляющих (officinatores) и их помощников (magistri, praepositi). В больших мастерских весьма широко проводилось *разделение труда*. Так, в металлообрабатывающих ремеслах существовали следующие специальности:

Постройка корабля

Кузнец

формовщики, полировщики, вырезатели украшений, кузнецы и др. Разделение труда имело место также в стекольном, строительном, красильном, ткацком, керамическом, пекарном и других производствах. Процесс крашения тканей, например, проходил несколько стадий. Сперва материал вымывался и протирался садским маслом, затем окуривался серой и очищался кимольским маслом натурального цвета, после очистки и окраски ткань сушилась и посыпалась серой. Наконец, остающаяся после серы тусклость и темнота удалялись кимольским меловым камнем, оживлявшим потускневшие цвета [2].

Больше всего сведений имеется по горному делу и металлообрабатывающей промышленности.

Из описаний Диодора, Страбона, Плиния и других источников можно заключить о существовании в римско-эллинистическую эпоху *обжигательных* и *плавильных печей*. Диодор рассказывает, что в окрестностях города Популонии имеются богатые залежи сидерита. Породы, содержащие железо, обжигаются в «прекрасно устроенных печах». Сильный огонь расплавляет куски и отделяет содержащийся в них металл. Выплавленный

---

[1] *Vitruv.*, VI, praef. 7.

[2] *Plin.*, Nat. Hist., XXXV, 197—198. Относящийся к данному вопросу материал синтезирован Гуммерусом в статье «Индустрия и торговля» в энциклопедии Pauly-Wissowa, IX, 2, стр. 1530.

металл делится на симметрические куски (болванки), напоминающие губки. К месту разработки руд приезжают скупщики; они скупают болванки и затем продают их специалистам-мастерам для дальнейшей обработки. Кузнецы выделывают из этих болванок оружие, кирки, серпы и прочие искусно приготовляемые ими орудия [1].

Наряду с железными инструментами и предметами производилось большое количество предметов из *меди* и *бронзы*. Процесс производства был сложен и требовал квалифицированных мастеров. Металл расплавлялся, смешивался с соответствующим количеством олова или цинка и выливался в особые формы. Большое количество медных и бронзовых предметов, сохранившихся от римской эпохи, свидетельствует о распространенности медно-бронзовых производств [2].

На совершенство римских плавильных печей указывает высокое качество и разнообразие изготовляемых из них *сортов железа*, о которых говорится в «Естественной истории» Плиния. *Качество железа*, повествует Плиний, зависит от климата, почвы и характера выплавки. Некоторые сорта железа выплавляются одним способом, другие — другим. Полосовое железо, например, идет для приготовления гвоздей, наковален, молотов и пр. Лучшими сортами железа считались китайские и парфянские. Оба эти сорта изготовлялись из чистого металла, между тем как другие содержали большую примесь мягких соединений. Качество выплавляемых руд, согласно Плинию, зависит от воды, в которую опускается болванка после накала и от совершенства печей масляных и точильных камней.

«При точении различаются масляные и водяные точильные камни: масло делает лезвие тоньше. Замечательно, что железо при плавлении делается жидким, как вода, и ломается. Гашение более тонких изделий из железа обыкновенно производится маслом, чтобы вода не придала им ломкой твердости» [3]. О *размерах горного производства* достаточно выразительно говорит цифра рабочих, занятых на испанских серебряных рудниках. *Серебряные рудники* близ Нового Карфагена (в Испании) занимали площадь в 400 стадий и насчитывали более 40 тысяч рабочих. Приводимая цифра рабочих не покажется преувеличенной, если иметь в виду невысокую механизацию производства, отсутствие машин и, с другой стороны, большую потребность в металлах.

Добывание руд не ограничивалось одними только верхними слоями почвы. Горные шахты глубоко врезывались в землю и по

---

[1] *Diod.*, V, 13, 1—20.

[2] *T. Frank*, An economic history of Rome to the end of the Republic, 2 ed., 1927.

[3] *Plin.*, Nat. hist., XXXIV, 146.

своей технической конструкции были довольно сложны [1]. При работах в рудниках применялись *водоотливные машины*, носившие название «египетских улиток». «Механизм этих улиток устроен так, что при самой обыкновенной работе против всякого ожидания увлекается наверх огромное количество воды, и весь речной поток быстро направляется из глубины на поверхность» [2]. «Египетские улитки» — подъемные механизмы — достигали высокого совершенства в античных обществах.

Испанские рудокопы

Один из таких подъемников описан в технической энциклопедии римского инженера конца I в. до н. э. Витрувия. Описывая разного рода *водоподъемные механизмы*, Витрувий более подробно останавливается на описании тимпана. «После того как механизм приведен в движение упором ног, он начинает черпать воду ковшами, сделанными на краях тимпана, проводя ее каналами, выдолбленными вдоль по оси, в деревянные корыта, откуда вода течет в большом количестве по трубе, приделанной к корыту, и проводится в сады, которые хотят поливать, или в солеварни, где вываривают соль» [3].

[1] *Ardaillon*, Dict. Antiq., Metalla; *O. Davies*, Roman mines in Europe, 1935.
[2] *Diod.*, V, 37.
[3] *Vitruv.*, X, 4, 2.

Работа в горных промыслах, будучи крайне опасной и вредной для здоровья работающих, представляла большие трудности. «Те люди, которые занимаются работою в рудниках, рабы и свободные, и которые приносят своим господам невероятные по размерам доходы, изнывают от своей работы в подземных шахтах и денно и нощно, и многие из них умирают от чрезмерного труда. Нет у них ни освобождения от работы, ни перерыва в ней. Надсмотрщики бьют их и заставляют переносить весь ужас их бедственного положения, доводя их до смерти» [1].

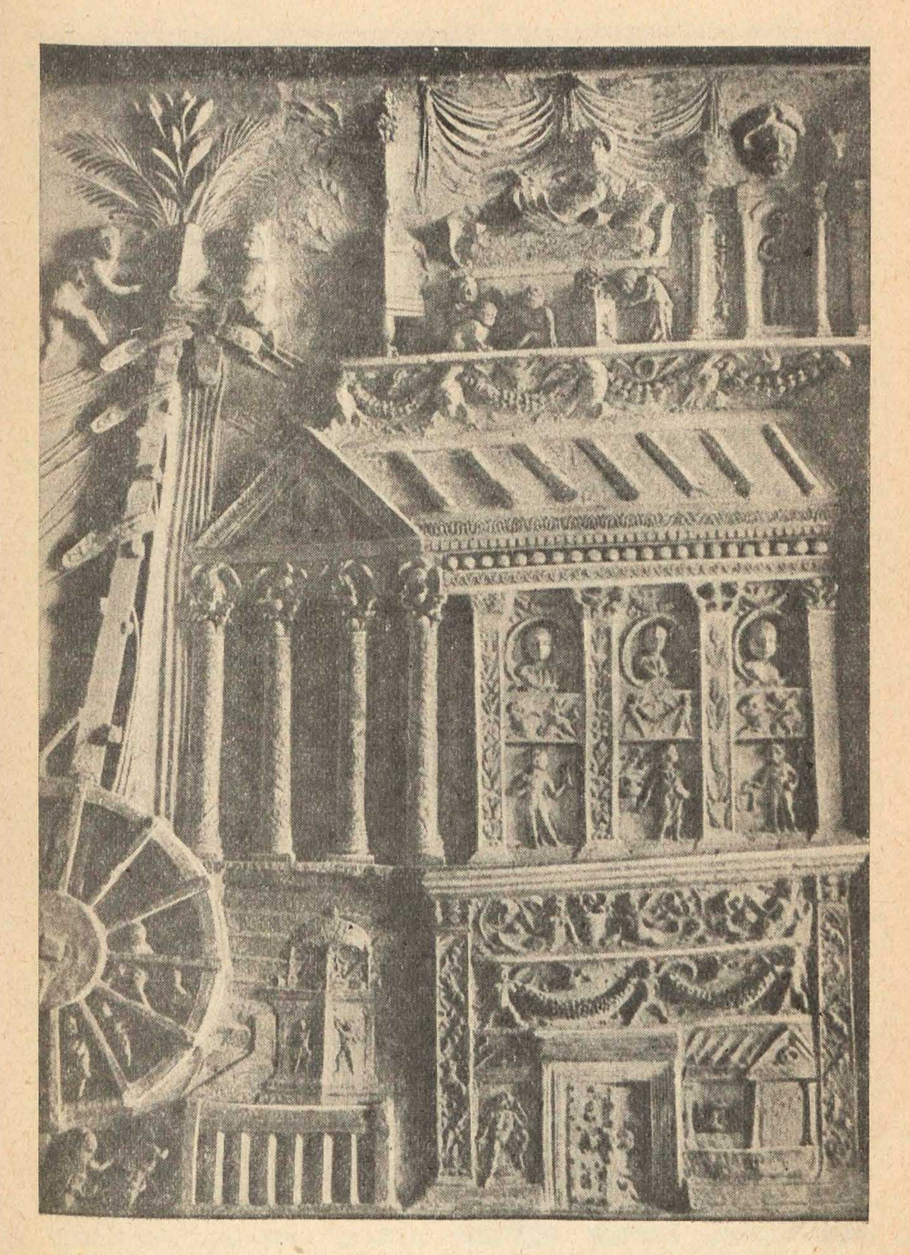
Применение механизмов не ограничивалось одним только горным производством. *Машины* (machinae) применялись также и в других производствах, по преимуществу связанных с подъемом тяжестей и с транспортом. Сельскохозяйственные орудия — тяжелые плуги, молотилки, приводимые в движение животной силой, жнейки и пр. орудия, описанные в другой главе (о колонате), тоже могут быть отнесены к разряду античных машин. Античные писатели высоко оценивают роль машин, подчеркивая главным образом их значение как движущей и передаточной силы. Машины изготовлялись из дерева, железные же детали применялись в ограниченном количестве. «Машина есть деревянное, во всех своих частях связанное приспособление, имеющее огромное преимущество для передвижения. Действие машины зависит от искусства, основанного на вращательном движении» [2].

В качестве примера строительной техники достаточно назвать *Траянов мост* через Дунай. «Траян, — рассказывает Дион, — выстроил каменный мост, в отношении которого я не нахожу слов для выражения своего восхищения. Кроме него, было много и других замечательных сооружений, но этот мост превосходит все. Он был поставлен на 20 огромных каменных быках из квадратных каменных плит высотой в 150 римских футов (50 метров), не считая фундамента шириной 60 футов (20 метров), быки связаны между собой особыми арками».

«Не знаешь, чему в этом случае надо удивляться: тем расходам, которые были на это дело потрачены, или же тому способу, каким каждый из этих быков был поставлен среди многоводной реки, при богатом водоворотами течении, на илистом грунте».

Грандиозное сооружение Траяна простояло, однако, недолго. Преемник Траяна Адриан приказал разобрать мост из боязни, что задунайские племена воспользуются им и участят свои набеги. «Теперь его быки стоят бесполезно, не давая возможности переходить с одного берега на другой, как будто они сделаны для того, чтобы показать, что нет ничего столь трудного, чего не мог бы сделать человек» [3].

[1] *Diod.*, V, 38, 1—20.
[2] *Vitruv.*, X, 1, 4.
[3] *Dio Cass.*, LXVIII, 14.

Подъемный механизм

Для знакомства с римской архитектурой, а косвенно и вообще с античной техникой большую ценность представляет сочинение вышеназванного римского архитектора *Марка Витрувия Поллиона «Об архитектуре»* (Marcus Vitruvius Pollio, De architectura) в 10 книгах. Произведение Витрувия относится к концу I в. до н. э., но оно с успехом может быть использовано и для характеристики техники более позднего периода. В VI книге Витрувий высказывает общий взгляд на архитектуру, из которого можно заключить о высоком состоянии римского строительного искусства, его разнообразии и теоретической оформленности.

«Оценки всех архитектурных сооружений, — пишет Витрувий, — производятся с трех точек зрения: с точки зрения технического совершенства исполнения, с точки зрения блеска и великолепия и с точки зрения архитектонической планировки. Когда перед глазами здание, представляющее верх великолепия, то оно вызовет хвалы денежным тратам, т. е. тому, что зависит от его собственника. Когда же налицо совершенство технического исполнения, тогда вызовет одобрение кропотливая работа техника. И, наконец, когда здание будет носить отпечаток зрелой законченности благодаря гармонии пропорций и соразмерностей, тогда только будет настоящая слава архитектора.

Такой успех, однако, достигается лишь при правильной постановке дела, когда архитектор и от техников-ремесленников и от профанов-хозяев стройки не гнушается выслушивать советы. Ибо все люди, а не только одни архитекторы, могут судить о том, что хорошо. Но между специалистами-архитекторами и их работодателями-диллетантами та разница, что ни один из последних не может знать, что получится, раньше чем увидит перед собой готовое здание. Архитектор же с того момента, как сконструирует здание в своем уме, еще не приступивши к делу, уже имеет перед собой вполне определенную концепцию здания, каким оно имеет быть в смысле изящества, в смысле практичности и в смысле подобающей его назначению внешности»[1].

В другом месте Витрувий перечисляет виды построек, производившихся в его время для различных общественных и частных нужд и профессий.

«Для лиц, связанных с сельскохозяйственной продукцией, вместо вестибюлей требуются стойла, лавки; вместо разубранных хоро́м — погреба, закрома, склады и прочие помещения, могущие служить для хранения продуктов, а не для щегольства изяществом, и устраиваемые сообразно со своим утилитарным назначением. Равным образом должны быть приспособлены к их профессии помещения аргентариев и публиканов, отличаясь

---

[1] *Vitruv.*, VI, 8, 9—10.

комфортабельностью и импозантностью, а также предохраненностью от возможных покушений. С другой стороны, для государственных деятелей и литераторов требуется помещение, отличающееся изяществом и простором для приема и собраний.

Наконец, для знатных особ, которые, занимая почетные должности и магистратуры, по долгу службы обязаны оказывать содействие гражданам в общественных делах, должны строиться соответствующие их званию и положению помещения: царские вестибюли, высокие атриумы и монументальные перистили, посадки садовых аллей в соответствии с высоким положением владельца и сверх того библиотеки, пинакотеки, базилики, своим устройством выдерживающие сравнение по великолепию с общественными зданиями этого наименования, так как в домах этих высокопоставленных особ сплошь и рядом происходят и государственные совещания и разбирательства частных дел»[1].

До фабричного производства и индустрии в собственном смысле античный мир, однако, не поднялся, развитие античных обществ пошло по иному пути, нежели развитие буржуазных государств нового времени. Античный путь в силу ряда причин не мог привести ни к машинизму, ни к индустриализму, и потому он, следовательно, не мог создать рабочего класса (пролетариата) в собственном смысле, характерного для европейского индустриализма. Главным тормозом технического прогресса, а вместе с ним и развития крупного производства фабричного типа служили: широкое применение рабского труда, наличие поместных мастерских (ойкосов), система клиентства, невысокая покупательная сила населения и ряд других социально-экономических и психологических особенностей античных обществ. Господствующим видом производства в течение всего античного мира оставались ремесленные мастерские и работа на заказ (redemptores, conductores) [2].

Последняя форма ремесла более всего была распространена вне города, в поместьях. Ремесленники работали поодиночке или же целыми артелями по нескольку человек под ответственностью подрядчика (conductor, redemptor). Работа по соглашению (locatio — conductio operarum) через подрядчиков практиковалась во всех видах ремёсл, чаще всего при постройках. Оплата труда рабочих производилась поденно или же поштучно (locatio — conductio operis) с определенного количества работы.

Машины употреблялись главным образом для подъема тяжестей, где требовалась моторная вращательная энергия, производственные же приборы (станки) даже в период наибольшего развития античной техники оставались весьма примитивными.

---

[1] *Vitruv.*, VI, 5, 2.

[2] *H. Gummerus*, Industrie und Handel, Pauly-Wissowa, IX, 2.

Низкий уровень производственной техники и плохие гигиенические условия работы при относительно широких размерах производства, в особенности в металлургии и сельском хозяйстве, предполагали *большой* запас рабочей силы и были причиной *перманентного кризиса рабочей силы*, характерного для античных обществ. Все особенности античной экономики и техники резче всего выступают при сопоставлении экономики и машинной техники эпохи капитализма, анализ которой дан в XIII гл. I тома «Капитала» *Маркса*.

Специально в вопросы античной техники и ее влияния на социальный строй вводит работа французского ученого *Лефевр де Ноэтт* «Двигательная сила животных на протяжении столетий» [1] и другая работа того же автора «Римская дорога и современная дорога» [2]. Немало ценных замечаний на этот счет содержится в книге *Макса Вебера* «Римская аграрная история в ее значении для государственного и частного права» [3] и в статье Зорлинг Дориньи «Сельское хозяйство» [4] и др.

5. МУНИЦИПАЛЬНЫЙ СТРОЙ И МУНИЦИПАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ В ПЕРВЫЕ ВЕКА РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

Развитие ремёсл, сельского хозяйства и интеллигентских профессий происходило параллельно с ростом городов и развитием *городской жизни*. История Римской империи есть история роста городов, возвышения провинций и превращения римско-италийского государства в Средиземноморскую империю. Рост провинций начался с конца Республики и продолжался до конца Империи. Эпоха расцвета провинций падает на первые два столетия нашей эры, на период Флавиев, Антонинов и отчасти Северов, выдвинутых провинциальными легионами и верхним слоем муниципий.

Первые два столетия нашей эры отмечены большими сдвигами в средиземноморской экономике: перемещением хозяйственных центров, запустением старых городов и появлением целого ряда *новых городов*. В одних случаях городские поселения вырастали органически, под влиянием внутренних социально-экономических и культурных сил, в других насаждались искусственно центральной властью по военно-политическим и фискаль-

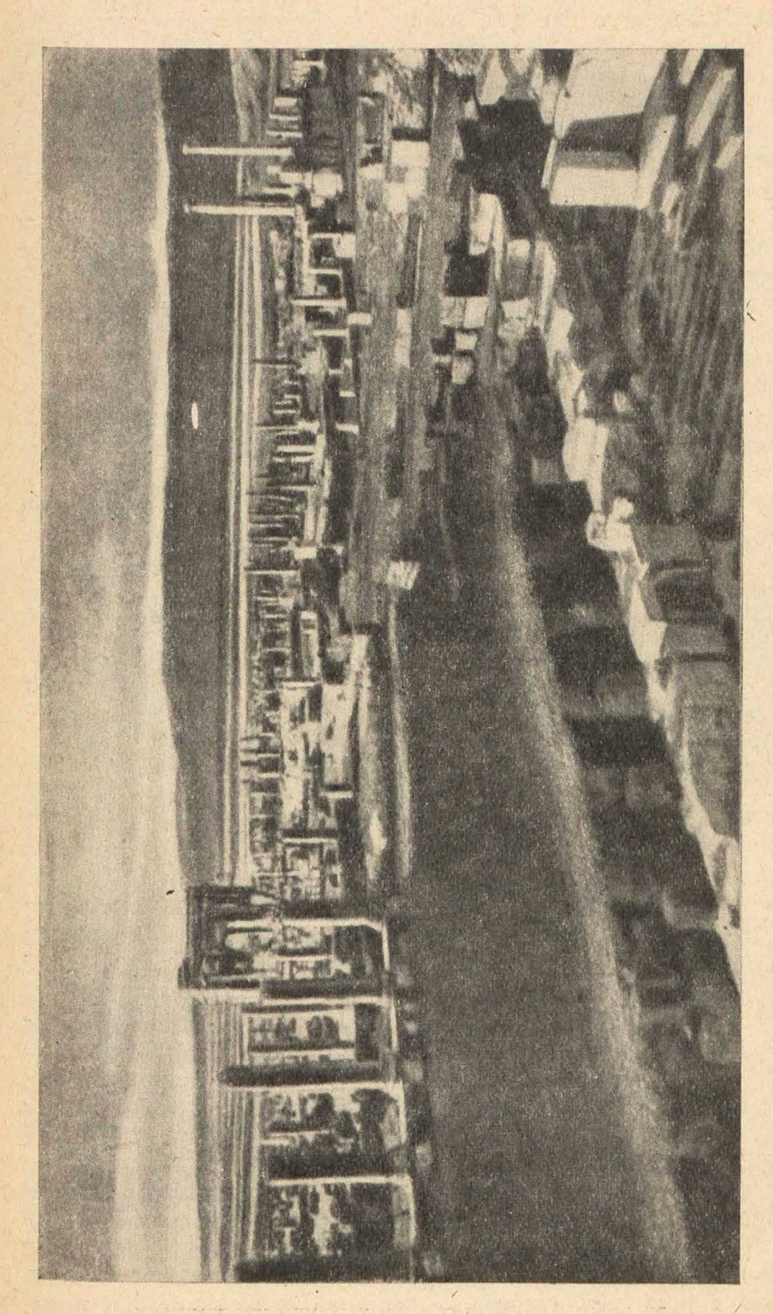
---

[1] *Lefebvre de Noette*, La force motrice animale à travers les âges, Paris 1924.

[2] La voie romaine et la route moderne. «Revue archéologique», 1925, t. XXII.

[3] *M. Weber*, Die römische Agrargeschichte in ihrer Bedeutung für das Stats- und Privatrecht, Stuttgart 1891.

[4] *Sorling Dorigni*, Rustica res.; *Daremberg et Saglio*, Dictionnaire des antiquités, t. IV, p. 916.

Развалины города Тамугади
Тимгада

ным соображениям. Иногда города вырастали из военных лагерей, как это было, например, в Дакии, Британии, на Рейне и в Северной Африке. Иногда города складывались из соединения нескольких деревень или поселков (Лион). На греческом Востоке и на месте Карфагенской державы большая часть городов досталась римлянам в качестве военной добычи от прежних жителей.

К старым городам присоединились города, основанные самими римлянами. Число городов все время увеличивалось, достигнув высшей точки при Антонинах и Северах. Целый ряд современных городов Италии, Франции, Испании, Бельгии, Германии, Югославии и Британии возник на месте крупных римских провинциальных центров: *Кёльн* (Colonia Agrippina), *Майнц* (Mogontiacum), *Страсбург* (Argentorate), *Вена* (Vindobona), *Будапешт* (Aquincum), *Белград* (Signidunum), *Лион* (Lugudunum), *Тарракон* (Tarraco), *Кольчестер* (Camulodunum), *Иорк* (Eburacum) и много других.

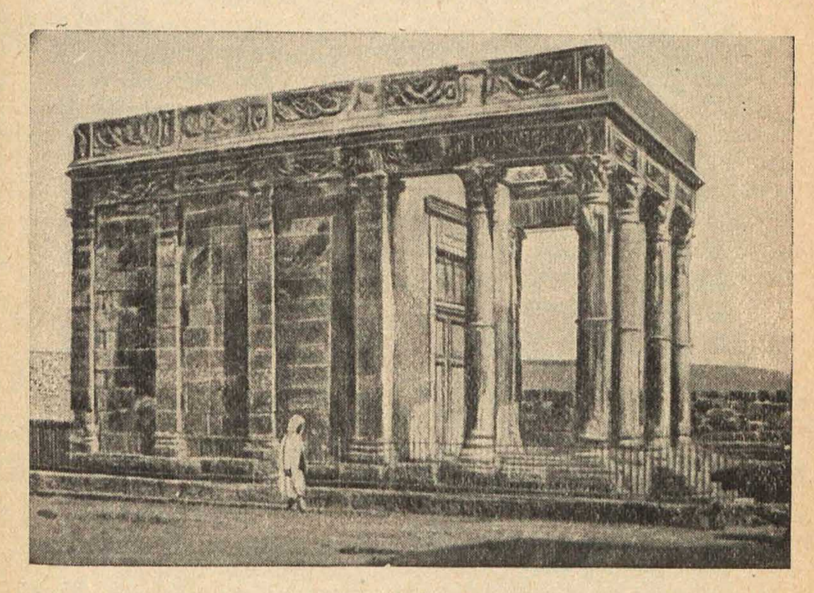
Из внеевропейских городов наибольшей известностью пользовались: *Александрия* в устьях Нила, *Карфаген*, *Антиохия*, *Эфес*, *Смирна* —экономические и культурные центры Африки и Азии.

Каждый город имел свою историю и свои особенности. Развитие городов началось еще при Республике и продолжалось при Империи.

«Римский мир» (pax Romana) оказал благоприятное действие на социально-экономический и культурный рост провинций. В первые века Империи в Галлии, Германии, Африке, Египте и дунайских провинциях распространяются виноделие, культура овощей, фруктов и винограда. Одновременно с сельским хозяйством развивались также и ремёсла. Провинции во всех отношениях не без успеха конкурировали с Италией. Во II в. особенно серьезным конкурентом Италии являлась *Галлия*, заполнявшая италийский рынок разрисованными керамическими изделиями (terra sigillata), ткацкими, стекольными, металлическими и пр.

Провинциальные города представляли копию италийских городов, а прежде всего самого Рима. В каждом муниципии существовал *местный сенат* (curia, ordo, senatus), состоящий из 100 человек (decuriones, curiales), избиравшихся городским народным собранием из местных богачей. Для выбора в курию требовался высокий имущественный ценз — не менее 100 тысяч сестерций. Исполнительная власть находилась в руках *выборных магистратов*: 1) дуовиров (duoviri), исполнявших функции консулов и судей; 2) двух эдилов — полиция и снабжение города; 3) двух квесторов — управление хозяйственной частью и сбором налогов. Списки курии составлялись избиравшимися один раз в пять лет дуовирами (duoviri quinquennales), наде-

ленными цензорскими полномочиями. Кроме курии, существовал еще *совет десяти первых членов курии* (decemprimi), фактически руководивший всеми делами города [1]. Со времен Траяна в некоторые из муниципиев назначается особый чиновник, городской куратор (curator rei publicae), в задачу которого входило наблюдение над городскими финансами. Это назначение обозначало вмешательство правительства в местные дела. С течением

Храм в Тебессе
Алжир

времени кураторы появляются во многих городах, должность куратора из временной становится постоянной, и сфера компетенции куратора расширяется.

С организацией муниципального строя знакомит нас городской *устав испанских городов Сальпензы и Малаки*, сохранившийся в виде надписей (lex Salpensa, lex Malacitana) [2].

Общественная жизнь в римских муниципиях с конца Республики и приблизительно до середины III в. н. э., как показывают городские уставы испанских городов, археологические данные Помпей и другие памятники, была весьма развита. Занятие общественной должности считалось высшим почетом не только для того, кто ее занимал, но и для всего его потомства. Выборные кампании превращались в настоящую борьбу между

[1] *W. Liebenam*, Städteverwaltung im römischen Kaiserreiche, 1910.
[2] *Bruns*, Font. iuris Romani, 142—157.

соревнующимися кандидатами, не щадившими средств для привлечения на свою сторону избирателей. В жизни италийских и провинциальных муниципий *выборные кампании* составляли яркий момент, общественный праздник, отвлекавший людей от монотонной повседневной жизни. Живое участие в предвыборной кампании принимали *коллегии*, как наиболее организованные социальные единицы. Коллегии рекомендовали своих кандидатов на муниципальные должности, без всякого стеснения расхваливая в своих избирательных плакатах, написанных на стенах, положительные качества рекомендуемого кандидата — щедрость, внимательность, честность и справедливость.

В технику избирательных кампаний италийских и провинциальных муниципий вводят избирательные плакаты, нацарапанные на стенах Помпей. «Цирюльники, — говорится в одной избирательной афише, — желают иметь своим эдилом Тиберия». «Торговцы фруктами единогласно поддерживают Голькония Приска на дуумвират». «Носильщики, погонщики ослов, торговцы чесноком и другие рекомендуют своего кандидата в лице некоего Клавдия; Везоний Прим голосует за Гнея Гельвия как достойного человека».

Даже уличные дамы и те имеют своих кандидатов в лице некоего Клавдия. При этом нередко прибавляется, чего собственно выборщики желают от своего кандидата: сооружения новой колоннады, нового форума, амфитеатра гладиаторских состязаний, на которых прольется много крови.

В качестве кандидатов на муниципальные должности выступали состоятельные люди, *местная знать*, состоявшая из землевладельцев данного муниципия, богатых торговцев, хозяев ремесленных мастерских и лиц интеллигентских профессий. Среди муниципальной знати было много отставных военных, офицеров и заслуженных солдат-ветеранов. Кроме того, немалый процент составляли разбогатевшие вольноотпущенники, спекулянты и дельцы. Вольноотпущенники, имущество которых равнялось всадническому цензу, получали право ношения золотого кольца (ius aureorum anulorum), что считалось как бы символом перехода в свободное состояние, новым рождением (natalium restitutio). Богатые вольноотпущенники состояли членами местных курий и членами *коллегии августалов* (seviri augustales), влиятельной жреческой коллегии из шести человек, связанной с культом императора.

Высшей мечтой каждого богатого провинциала было занять почетную общественную должность — дуовира, севира, квинквинала, эдила и пр.—в своем муниципии. Помимо удовлетворения честолюбия и тщеславия, которыми были заражены все без исключения богатые муниципалы, отправление муниципальных должностей открывало доступ в местный сенат, а в отдельных

Храм Аполлона
Помпеи

случаях и в общеимперский сенат в Риме, а тем, следовательно, и вступление в сенаторское или всадническое сословие, что считалось величайшей честью для всякого провинциала. Богатые люди, желавшие получить общественные должности, соревновались друг с другом в обещаниях отблагодарить своих выборщиков, устроить богатый праздник, выписать гладиаторов, построить бани, водопровод, храм, театр и вообще позаботиться о красоте города и благосостоянии его граждан. Бывали случаи, когда магистраты за время своей магистратуры совершенно разорялись, становились нищими и принимались на общественное содержание. Как показывают археологические исследования, с внешней стороны римские города I—II вв. представляются культурными городами, с красивыми общественными и частными зданиями, водопроводами, парками, театрами и прочими объектами развитой городской жизни.

«В наше время, — торжественно заявляет вышеназванный ритор Элий Аристид в «Панегирике городу Риму», — все города соперничают между собой в красоте и привлекательности. Везде множество площадей, водопроводов, пропилеев, храмов, ремесленных мастерских и школ. Города сияют блеском и привлекательностью, и вся земля украшена, как сад» [1]. Не менее восторженно говорит о провинциях и провинциальных городах христианский писатель конца II в. Тертуллиан, имея в виду африканскую провинцию.

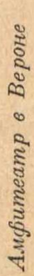
«Сколько этот век принес всяких реформ! Сколько городов построено и сколько доблесть настоящих правителей их основала, увеличила или возвратила к жизни. Сколько спасено народностей! Сколько чинов (ordines) прославлено! Сколько изгнано варваров! Поистине можно сказать, что весь мир в это царствование сделался цветущей деревней» [2].

Большая часть известных нам общественных и частных построек римских муниципий сооружена за счет местных богачей, патронов города. Щедрая политика местных богачей вызывалась не столько благотворительностью и любовью к родному городу, сколько более реальными мотивами. Чем больше патрон имел клиентов, тем большим влиянием он пользовался в местных советах, проводивших политику в интересах верхушки муниципалов. «Политика хлеба и зрелищ» в муниципиях, так же как и в самом Риме, была подачкой господствующего класса муниципальной аристократии низшим классам — муниципальным плебеям и пролетариям — за их разорение. То, что муниципальная плутократия тратила на украшение города и «политику хлеба и зрелищ», она с большой лихвой наверстывала при распределении налогов и повинностей.

---

[1] *Ael. Arist.*, Orat., XXVI.

[2] *Tertul.*, De anima, 30.

Амфитеатр в Вероне

6. КОЛЛЕГИИ

Одним из показателей развитой городской жизни и наличия большого числа городских профессий как в Италии, так и в провинциях в последние столетия Республики и первые века Империи являются многочисленные союзы и объединения.

История римских союзов, носивших различные наименования — *коллегий*, *товариществ*, *братств* и т. п., — восходит к самому началу римской истории — к эпохе семи царей. Наиболее распространенным названием для всех типов социальных объединений была *коллегия* (collegium). В Риме коллегией называлось всякое объединение публичного или частного характера из трех и более членов (tres collegium faciunt). В коллегии объединялись люди самых различных профессий и состояний. Известны союзы купцов, ремесленников всех специальностей (collegia opificum, artificium, mercatorum, negotiatorum), морских и сухопутных транспортников, ветеранов (collegia veteranorum), рыбаков, продавцов цветов, продавцов мазей, духов; гимнастические ассоциации, ассоциации целомудрия, союз «поздно ложащихся спать», союз «много пьющих» и т. д.

«Товарищами (sodales) называются члены товариществ (qui eiusdem collegii sunt), которые на греческом языке носят название гетерий. По закону им предоставляется право издавать уставы и распоряжения, если, конечно, таковые не противоречат закону»[1].

Ученые, специально занимавшиеся римскими коллегиями (Вальтцинг, Либенам, Корнеманн), отмечают как особенность римских союзных организаций *религиозный* мотив. Римские коллегии не были только профессиональными учреждениями, преследовавшими одну только цель защиты и помощи своим сотоварищам. Наряду с профессиональными целями в римских коллегиях большое значение имели мотивы религиозного порядка. Религиозный характер римских коллегий объяснялся двумя причинами: 1) политической, желанием под религиозной оболочкой (sub praetextu religionis et vote solvendi) скрыть истинные цели организации, и 2) повышением религиозного чувства, характерного для римского общества Империи. При императорском режиме с его абсолютистскими и нивеллирующими тенденциями религия являлась единственно возможной идеологической формой, доступной широким массам.

Помимо религиозно-профессиональных союзов существовали еще специально *похоронные союзы* (collegia funeratitia), так называемые «коллегии маленьких людей» (collegia tenuiorum). В коллегии люди чувствовали себя бодрее, увереннее и сильнее.

---

[1] *Dig.*, XLVII, 22.

Во внутреннюю жизнь римских коллегий вводит *Устав коллегии почитателей Дианы и Антиноя* (133 г.) (collegium salutare cultorum Dianae et Antinoi), начертанный на внутренних стенах портика одного храма, открытого в 1816 г. среди развалин древнего Ланувия.

«Кто может войти в союз? — гласит один из параграфов устава. — В союз может войти всякий, согласившийся уплачивать ежемесячный взнос на погребение членов союза. Первоначальный взнос, согласно уставу, определяется в 100 сестерций и 1 амфору хорошего вина, при ежемесячном взносе по 5 ассов. Союз собирается один раз в месяц исключительно с целью взносов на погребение».

«Во славу и благоденствие императора нашего Цезаря Траяна Адриана Августа, всего царственного дома, нас и нашего союза, мы будем делать взносы прилежно и аккуратно, чтобы с честью сопровождать усопших членов. Делая правильные взносы, мы будем чувствовать, что мы можем жить до глубокой старости».

«На погребение каждого члена союза выдается 300 сестерций, из которых 50 распределяется между сопровождающими покойника у костра. Союз не отвечает за долги своих членов».

Постановлено: «Никакой иск (ни господина, ни кредитора) не имеет силы для нашего союза, за исключением одного случая: если претендент назван в завещании».

В коллегию почитателей Дианы и Антиноя допускались также и рабы.

Если раб будет лишен своим господином надлежащего погребения, «то союз за свой счет устраивает ему фиктивное погребение (кенотафию)».

Внутренняя организация коллегий повторяла муниципальную организацию, в свою очередь воспроизводившую порядок Рима.

Удостоившиеся великого почета быть распорядителями пиров поставляют в союз «1 амфору хорошего вина, по 2 асса на каждого члена союза, по 4 сардинки, подушки для обеденного ложа, горячую воду и столовые приборы». Для торжественных собраний выбирался особый распорядитель (квинквеннал), который в нарядном белом костюме совершал возлияния в честь богов. На собраниях союза, в особенности же на торжественных пиршествах, предписывалось «соблюдать порядок и благочиние — не переходить с одного места на другое, не ссориться и не ругаться. Виновные в нарушении устава подвергаются штрафу. Важнейшие дела и жалобы рассматривались на общем собрании союза (конвента)» [1].

Состав коллегий не был однородным: наряду с людьми одинаковой профессии в коллегии входили представители других

---

[1] *C. I. L.*, XIV, 2112.

профессий, свободные, вольноотпущенники и рабы. Более всего рабов было в «коллегиях маленьких людей», существовали даже коллегии, состоявшие исключительно из одних рабов. Общим же правилом для всех коллегий считалось, что и рабы могут быть членами коллегий только с согласия их господ [1]. Социальное значение коллегий очень велико. Бедным слоям свободного населения, а также рабам они заменяли семью и государство. Коллегии имели свои помещения — *клубы* (scholae), обычно при каком-либо храме, где они регулярно в назначенные дни собирались на общие собрания (conventus) [2]. В «школах» члены коллегий на некоторое время забывали о тяжестях повседневной жизни, удовлетворяли потребности в общении, отдыхе, отвлечении от монотонной и скучной действительности в совместной беседе, встречах и разговорах.

Семейственный характер коллегий выступает в отношениях членов коллегий друг к другу, называвших себя братьями, сестрами, отцами и матерями (fratres carissimi, mater, pater, sorores). С религиозно-увеселительными мотивами переплетались профессиональные и политические мотивы.

В своей организации в малом масштабе коллегии воспроизводили римское государство (ad exemplum rei publicae), имели свою территорию (area), свою кассу, имущество (res communes), магистраторов (magistri, actores, syndici), свою аристократию (decuriones) и демократию — плебс коллегии (plebs collegii) [3].

Число членов коллегий было неодинаково, известны коллегии в 3, 5, 50, 100, 1 000, 1 500 и 2 000 человек. Каждая коллегия помимо бога-покровителя имела также патрона из богатых и влиятельных людей данного муниципия. Коллегии, как правило, существовали только в городах, в особенности в больших коммерческих центрах, таких, как Рим, Остия, Путеолы, Александрия, Антиохия, Иерусалим и т. д. У каждой коллегии имелись свои отличительные знаки, свое *коллегиальное знамя* (vexillum), свои места собраний, часовни, кладбища и свои праздники. Основной целью коллегий, как указывают уставы или *«законы коллегий»* (lex collegii, pactio collegii), было устройство похорон, поминок и празднеств. Праздники справлялись по всякому поводу: по случаю дня рождения императора, местного благодетеля-патрона, его семьи, дня основания данной коллегии, похорон умерших членов коллегии и многого другого. Надгробные

---

[1] Dig., XLVII, 22, 3.

[2] С течением времени коллегии получили право иметь собственную землю и собственное имущество и в известном смысле приобрели права юридических лиц. Так, в одной надписи из Пренесте говорится об «освободившемся из телесной темницы» (умершем) человеке, завещавшем свое поместье коллегии (*Bruns*, Fontes., Statua a collegio errecta, p. 400).

[3] *Dig.*, III, 4, 1.

надписи показывают, с какой заботой тогда относились к почитанию памяти умерших и какие проклятия угрожали нарушителям этих обычаев.

При всей бросающейся в глаза сакральности римских коллегий, все-таки было бы неправильно сводить их роли исключительно к роли религиозных и увеселительных союзов. Социальное значение римских коллегий шире и глубже. Несмотря на стремления императорского абсолютизма вытравить политиче-

Члены коллегии глашатаев со знаменами и отличительными знаками
Рим. Мозаика

ский дух из коллегий и превратить их в похоронные бюро, а позже в фискальные органы государства, «неразрешенные коллегии» все-таки продолжали существовать, время от времени напоминая своими выступлениями и забастовками о своем существовании. Избирательные афиши, начертанные на стенах Помпей (graffiti), показывают, что коллегии принимали живейшее участие в общественной жизни города. Известны случаи, когда коллегии защищали интересы своих членов и более радикальными средствами, чем предвыборные кампании. Некоторые коллегии играли роль *тайных клубов*, подготовлявших восстания и коллективные протесты. Инициаторами восстаний и протестов против существующих порядков чаще всего являлись «нелегальные коллегии» (collegia illicita). Известно, например, что при Нероне произошли волнения в Помпеях, зачинщиками которых, по расследованию сената, оказались коллегии, и после этого декретом

сената «нелегальные коллегии» были немедленно закрыты (collegia quae contra leges instituerant dissoluta) [1]. Еще отчетливее выступает значение коллегий в крупной забастовке монетчиков при Аврелиане (III в.), о которой рассказывается в другой главе.

Побоище между помпеянцами и нуцерийцами

Отношение государства к коллегиям в разное время было различным — то более, то менее стеснительным. При Империи ни в какой форме, как это показывает переписка Траяна с Плинием, не допускались коллегии с политическим уклоном (heteriae), «*собрания мятежных людей*» (coetus factiosorum hominum), но поощрялись «коллегии маленьких людей». Они избавляли государство от расходов на похороны и содержания на случай

[1] *Tacit.*, Annales, XIV, 17.

инвалидности «маленьких людей» и вместе с тем использовались в качестве противовеса другим коллегиям и союзам, опасным с политической точки зрения.

«Малоимущим людям, — гласит один из рескриптов императора Севера,— разрешается собирать ежемесячные приношения (stipem menstruam conferre) при обязательном условии собираться не чаще одного раза в месяц и не под предлогом образования какой-либо нелегальной коллегии. По религиозным мотивам (religionis causa) составлять коллегии не возбраняется, лишь бы только это не противоречило сенатус-консульту о запрещении нелегальных ассоциаций. Настоящее распоряжение сохраняет силу не только в отношении города Рима, но также Италии и провинций, как это предписано божественным Севером» [1].

В разъяснение приведенного положения юрист Ульпиан прибавляет, что «всякий дерзнувший образовать нелегальную коллегию подлежит столь же тяжелому наказанию, которое налагается на людей, занявших вооруженной силой какие-либо общественные места или храмы» (qui hominibus armatis loca publica vel templa ocupasse iudicati sunt) [2].

7. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ II в.

Перемены в соотношении социальных сил и в отношении центра и провинций, происшедшие в средиземноморском мире в первые столетия нашей эры, повлекли за собой изменения и в *политической организации Римского государства*. Развитие политического строя при Флавиях и Антонинах совершалось в направлении централистских и абсолютистских тенденций, наметившихся еще при первых принцепсах. Ожесточенная борьба между принцепсом и сенатом, составляющая содержание политической истории первых десятилетий принципата, с конца I в., со времени вступления на престол Нервы, ослабела. Между принцепсом и сенатом установились миролюбивые отношения, продолжавшиеся до конца II в. Установление мирных отношений между принцепсами и сенатом объяснялось переменой социального состава сената и изменениями курса римской политики в интересах провинций, вернее, в интересах муниципальной плутократии.

В «счастливый век» Антонинов старая римско-италийская знать, сильная еще при Клавдиях, почти совершенно исчезла. Новая же аристократия, выходившая из провинциалов или возвысившаяся на государственной службе, в гораздо большей степени чувствовала свою зависимость от императора и не имела

[1] *Dig.*, XLVII, 22, 1.
[2] Ibid., 22, 2.

прочных сословных традиций. С другой стороны, и сами императоры II в., по своему происхождению, родственным связям и культуре принадлежавшие к провинциальной знати, не имели оснований с ней ссориться. На почве солидарности интересов на некоторое время и установились мирные отношения в среде господствующего класса, позволившие смягчить особенно грубые проявления императорского абсолютизма, освободить общественную мысль от давивших ее тисков и обеспечить, хотя бы в ограниченных пределах, свободу слова. Отношение аристократии к императорам «счастливого периода» выражено в словах *Тацита* в «*Жизни Агриколы*», сказанных в отношении Нервы, но которые с полным правом можно отнести также к Траяну, Адриану и вообще ко всем представителям римского «просвещенного абсолютизма», как иногда, по аналогии с западноевропейским абсолютизмом XVIII в., называют римский абсолютизм II в. «Нерва, —замечает Тацит, — сочетал, казалось бы, две несочетаемые вещи — свободу и принципат».

Политику «просвещенного абсолютизма» Нервы продолжал усыновленный им начальник нижнерейнских легионов испанец *Ульпий Траян*, первый принцепс провинциального происхождения. Траян отменил суды об оскорблении величества, понизил налоги, в частности снизил непопулярный налог на наследство, вернул «коронное золото», взимавшееся при вступлении нового принцепса, строго соблюдал традиционные правила при выборе магистратов, ослабил цензурные условия, из года в год принимал звание народного трибуна, подчеркивая тем самым политическое значение этой магистратуры, и т. д. За это благодарный сенат увенчал Траяна почетным титулом «наилучшего» (optimus) [1].

Либеральную политику Траяна продолжали его преемники — Адриан и в особенности Антонин Пий и «император-философ» Марк Аврелий, усыновленные своими предшественниками-императорами. С конца I в. вошло в обычай усыновление правящими императорами полководцев или видных государственных деятелей.

Умеренно-конституционный уклон императоров II в. не изменил, однако, общего смысла государственной организации и не ослабил исторически закономерного роста императорского абсолютизма. Функции государства как определенной общественной организации в принципе оставались теми же, что и прежде. Как и раньше, государственная организация являлась средством закрепления диктатуры рабовладельческого класса над массой рабов и мелких производителей свободного состояния для под-

---

[1] *R. Paribeni*, Optimus princeps, saggio sulla storia, e sui tempi dell'imperatore Traiano, Messina 1927.

держания внутреннего порядка и для защиты границ от покушений соседних народов. Разница заключалась только в том, что в предшествующий период государство являлось политической организацией рабовладельческого класса по преимуществу Италии, в период же «просвещенного абсолютизма» государство консолидировало и охраняло интересы рабовладельцев всего Средиземноморья, всей римской Ойкумены. Императорская власть росла в силу «объективных причин», помимо воли того или иного носителя верховной власти. Перерождение республиканских учреждений и магистратур в бюрократические органы совершалось медленно, но закономерно.

В организации государственного аппарата и государственных учреждений после Августа и Клавдия больше всего было сделано *Адрианом*. Разрозненные мероприятия своих предшественников Адриан систематизировал, расширил и дополнил, сделав государственную машину более мощной, централизованной и механизированной. Римская конституция при Адриане выглядела приблизительно таким образом. Нити всего государственного управления сходились в интимном *совете императора* (consilium principis), состоявшем из приглашаемых императором, по собственному усмотрению, сенаторов и всадников. От императорского совета зависела целая *сеть департаментов*, носивших различные названия: *финансовый* департамент (a rationibus), *юридический* (a libellius), департамент прошений на *имя* императора (ab epistulis). В каждом департаменте работала масса мелких чиновников различных рангов и специальностей: писцов, счетоводов (tabularii), кассиров (dispensatores) и пр. Особое место в системе государственного управления занимало ведомство *личного имущества* и *личной казны императора* (patrimonium).

Стоявшие во главе военных и гражданских ведомств сенаторы и всадники постепенно утрачивали свои сословные отличия, сливаясь в один разряд имперской служилой аристократии.

Откупная система при сборе налогов и пошлин при Адриане была заменена прямым сбором через императорских прокураторов. Интересы фиска при возникавших на почве обложения и сборов конфликтах защищал специальный уполномоченный императора фискальный чиновник, *адвокат фиска* (advocatus fisci).

В целях контроля и поддержания связей между отдельными областями государства при Адриане была учреждена государственная почта (cursus publicus).

К той же серии централистических мероприятий Антонинов относится создание «Постоянного эдикта» (Edictum perpetuum) Адриана, создавшегося в результате сложной редакционной работы ученой комиссии под председательством видного юриста

Сальвия Юлиана. Работа комиссии состояла в пересмотре прежних преторских эдиктов (alba pretoris), выборке и составлении из них единого свода законов. Потребность в «Постоянном эдикте» вызывалась административной практикой. Императорские чиновники (прокураторы) нуждались в сборнике законодательных норм, которыми они могли бы руководствоваться в своей административной практике. Эдикт Адриана знаменует важный сдвиг в правовых понятиях и судебной практике Рима.

В основу «Постоянного эдикта» положено «*право народов*» (ius gentium), рассматриваемое римскими юристами классического периода II—III вв. как естественное право (ius naturale), противопоставляемое старому гражданскому, или квиритскому, праву. Исторически «право народов» развилось из преторского права, в особенности из права провинциальных преторов (ius honorarium). В силу предоставленного римской конституцией преторам права согласовывать юридические нормы с жизненными запросами преторы могли по своему усмотрению толковать, расширять и даже в отдельных случаях создавать новые правовые нормы.

С каждым столетием преторское право, как и вообще все права республиканских магистратур начинали отмирать, управление государством переходило в руки назначаемых императором чиновников и велось не устным, как это было прежде, а письменным путем через канцелярии. Со времени Адриана развитие права представляется уже не в виде развития преторского права, а в виде развития императорского права.

Находившиеся на государственной службе чиновники получали от императора *жалованье* в размере от 100 до 600 тысяч сестерций, в зависимости от занимаемой должности, и чины, располагавшиеся по известной градации, вошедшей в практику с конца династии Антонинов: vir clarissimus (*светлейший*), vir perfectissimus (*совершеннейший*), vir egregius (*выдающийся*) и т. д. Постепенно создавалась иерархия должностей и чинов, характерная для Поздней империи.

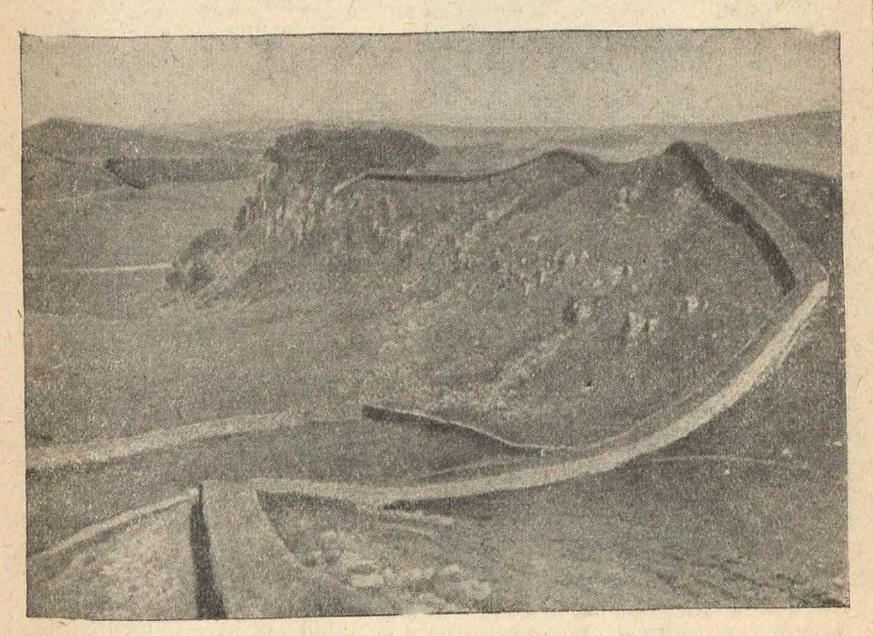
Сложные задачи управления требовали более квалифицированного и образованного чиновничества. Особенно ценилось юридическое образование, необходимое условие для занятия всех высших должностей. Для подготовки кадров высшего чиновничества Адриан основал в Риме *Атеней* (Athenaeum), высшую школу, нечто вроде академии с двумя отделениями: греческим и латинским. Преподававшие в Атенее профессора считались состоящими на государственной службе и обеспечивались определенным содержанием.

Как во всех других отношениях, так и в отношении образования пример подавал сам император. «Он лепил, рисовал и хотел быть сведущим во всех видах мирного и военного искусства,

относящихся к верховному правителю и частному человеку, не терпя при этом никакого превосходства с чьей бы то ни было стороны» [1].

8. АРМИЯ

Одновременно с преобразованием государственного аппарата происходили *преобразование армии* и укрепление имперских границ. В истории римской армии первостепенное место зани-

Остатки Адрианова вала

мает деятельность Траяна и его преемника Адриана, на личном опыте убедившихся в слабости римской армии и недостаточности оборонительной линии.

Отказавшись от наступательной политики, Адриан, «восстановитель и умножатель мира» (restitutor et locupletor orbis terrarum), все свое внимание сосредоточил в первую очередь на обороне страны и реорганизации армии. Достаточно посмотреть на любую карту Римской империи II в., чтобы иметь представление о колоссальной работе, произведенной римлянами по укреплению границ, постройке валов, возведению крепостей, устройству лагерей и пр. Остатки валов сохранились не только по Рей-

[1] *Dio Cass.*, LXIX, 1.

ну и Дунаю, но и в далекой Англии и Шотландии (vallum Hadriani, vallum Antonini).

Следы законодательства императоров II века в отношении армии имеются в юридических памятниках, сохранивших отдельные параграфы военных уставов Траяна и Адриана, служивших образцами для императоров более позднего времени. В дошедших до нас статьях речь идет главным образом об отставках и отпусках и перечисляются различные меры наказания, налагаемые за нарушение военной дисциплины — дезертирство, непослушание или оскорбление начальников, шпионаж, бегство к врагам, небрежное отношение к своим обязанностям, леность, пьянство, дерзость (vel segnitiae crimen, vel contumaciae, vel desidiae) и пр. «Совершаемые военными чинами проступки могут быть двоякого рода: собственно военные или общегражданские» (propria aut cum ceteris communia).

Адриан
Рим. Ватикан

Отсюда и наказания, налагаемые на военных чинов, совершивших тот или иной проступок, бывают двоякого рода — общегражданские и чисто военные. Военным проступком в собственном смысле (militum delicta) считается «нарушение закона солдатом, как таковым» (quod quis uti miles admittit). Самым тяжелым преступлением с точки зрения воинского устава считалось злостное дезертирство во время войны и оскорбление начальства. То и другое каралось высшей мерой наказания — смертью. «Солдат, потерявший во время войны оружие или его продавший, подлежит смертной казни» (capite punitur)[1].

«В отношении тех, кто ранил себя и пытался причинить себе смерть каким-либо иным путем, император Адриан предписывает устанавливать мотивы подобного рода поступка (ut modus eius rei status sit). И в случае, если выяснится, что по-

[1] *Dig.*, XLIX, 16, 2.

кушавшийся предпочитал смерть жизни вследствие нестерпимой боли, беспросветной тоски (taedio vitae), безумия или позора, то он не подлежит наказанию. Если же ничего подобного не обнаружится, то виновный с позором изгоняется из армии и подлежит высшей каре. Уличенные в пьянстве и разврате смертной казни не подлежат, но понижаются по службе» (militiae mutatio irroganda) [1].

Разнообразие преступлений, суровость налагаемых на провинившихся кар и частые напоминания об этом свидетельствуют, что римская армия во II в. была далека от того идеала, который рисовался императорам «счастливого периода». Трусость, леность, дезертирство, самокалечение, оскорбление начальников словом и действием, разврат, пьянство, игры, спекуляции и масса подобных пороков подрывали боеспособность римской армии и заставляли Антонинов изыскивать меры оздоровления войска.

С переходом от наступления к обороне задачи армии расширились и усложнились; армия превращалась в охранительную силу, защищавшую римские границы от набегов варваров и приобщавшую окраины к римской культуре, вербуемую по преимуществу из жителей данной местности. С Траяна и Адриана римская армия теснее связывается с определенным районом, превращаясь в полуоседлую армию *военных поселенцев* на границах. Вытекавшая из этого опасность потери боеспособности и «омужичения» предупреждалась методическими упражнениями, военной дисциплиной, внушением солдатам сознания социальной важности их службы (munus) и запрещением до окончания срока службы и перехода в разряд ветеранов приобретать земли в тех провинциях, где солдаты отбывали службу [2].

Сами императоры показывали пример военной дисциплины, выносливости и сознательного отношения к службе, совершая трудные переходы по холодным и суровым местам Германии или по раскаленным пескам Египта. «Адриан, — повествует Дион Кассий,— старался во всем быть образцом для своего войска. Он проявлял интерес не только к тому, что касалось оружия, военных машин, рвов, валов и т. д., но исследовал и изучал также и то, что имело отношение к отдельному солдату: его образ жизни, жилищные условия, его нравственный уровень. Это относилось как к рядовым, так и к командному составу. Все, что казалось отжившим и потерявшим свой смысл, он устранял или изменял. Себя самого он тренировал во всех видах боя. Отличавшихся он награждал, а всем остальным указывал то, что они должны делать, чтобы служить всем примером; он сам вел исключительно

---

[1] *Dig.*, XLIX, 16, 16.
[2] *Ibid.*, 13.

строгий образ жизни. Большей частью ходил пешком или ездил верхом на лошади и только в редких случаях пользовался четырехколесной повозкой.

Коротко говоря, за время своего пребывания у власти он сумел и словом и делом так поставить и воспитать армию, что его военный устав еще до сих пор сохраняет свою силу как образец военных порядков» [1].

9. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ИМПЕРАТОРОВ II в.

Социально-экономическая политика императоров «счастливого периода» была направлена на *возрождение среднего и мелкого землевладения*, в особенности в Италии. Из мероприятий, направленных на поддержание среднего и мелкого землевладения, в первую очередь надо отметить *введение алиментарных учреждений* (alimenta). Сущность института алиментаций состояла в следующем. В италийских городах открывались специальные фонды, из которых выдавались за небольшие проценты ссуды нуждавшимся отцам семейств на воспитание их детей. Необходимые для этого средства получались с процентов, вносимых местными землевладельцами за полученные ими от государства кредиты под залог земель (obligatio praediorum) [2].

Этим надеялись достичь сразу двух целей: 1) задержать убыль населения и 2) обеспечить кредитом мелких и средних хозяев. Забота римских императоров о детях диктовалась не столько гуманностью, сколько хозяйственными и военно-политическими соображениями. Прежде благотворительность была делом частных лиц, жертвовавших свои капиталы на общественные нужды. Из эпохи Августа, например, известно, что некто Гельвий Базила пожертвовал 400 тысяч сестерций в пользу нуждающихся детей. Известны и другие примеры подобного же рода. С течением времени благотворительность из частного института превратилась в общественный и государственный институт.

Император Нерва разрозненную практику благотворительности обобщил, передав заботу о детях из рук частных лиц в ведение государства. Примеру Нервы последовал Траян, взявший на государственное содержание 5 тысяч детей [3]. В том же самом направлении действовали Адриан, Антонин Пий и Марк Аврелий. Мальчики до 18 лет, а девочки до 14 лет получали ежемесячное содержание по 10 сестерций.

Одновременно с этим Нерва возобновил *земельные раздачи* мелким владельцам, которые таким образом становились в непо-

---

[1] *Dio Cass.*, LXIX, 9.
[2] *C. I. L.*, XI, 1147; IX, 1455.
[3] *Plin. Secund.*, Panegyricus, XXVII.

средственную зависимость от императора. По его предложению, для раздачи участков малоземельным италикам в одной только Италии было скуплено земель в общей сумме на 50—60 миллионов сестерций [1]. Приобретением и раздачей земель заведывала особая комиссия из сенаторов.

Для облегчения тяготевших на землевладельцах долгов в 113 г. последовал *декрет о сложении задолженности* фиску за последние 16 лет. В дополнение этого декрета при Марке Аврелии последовал второй декрет о частичной кассации долгов.

Алиментации
Рельеф с Траяновой арки в Беневенте

Не ограничиваясь отдельными мероприятиями, императоры II в. пытались *централизовать и урегулировать* императорское хозяйство и расширить императорские домены. Аграрные отношения, отношения между непосредственными производителями, крупными съемщиками (кондукторами) и владельцами поместий со времени гражданской войны I века были неопределенны и запутаны. В целях их регулирования издавались специальные уставы или законы, образцы которых дошли до нас в виде надписей. Урегулирование земельных отношений началось еще до Антонинов, при Флавии Веспасиане. При Антонинах же оно было продолжено, расширено и видоизменено согласно требованиям времени.

С характером подобного рода законов или уставов знакомит нас земельный устав, касающийся специально африканских по-

[1] *Dio Cass.*, LXIX, 2.

местий, относящийся к эпохе Флавиев. Приведение в порядок земельных отношений в Африке было возложено на легата Манция, по имени которого и названный устав носит название Манциева устава, или *Манциева закона* (lex Manciana).

Издание специального устава, регулирующего аграрные отношения при Флавии Веспасиане, вполне согласуется с общим направлением его социальной политики, преследовавшей повышение доходов государственной казны, увеличение числа плательщиков налогов и аренд и расширение личных владений императора.

Вследствие массовых конфискаций Нерона и земельных перемен в течение бурных 68—69 гг. земельные отношения были чрезвычайно запутаны и требовали немедленного вмешательства государственной власти. Оброки и повинности поступали плохо, население снималось с насиженных мест и уходило, повсюду имелась масса запущенных земель (agri rudes, terrae relictae).

Устав Манция устанавливал общую норму, которой должны руководствоваться владельцы, арендаторы (conductores) и управляющие (villici) императорских и частных земель в провинции Африке. На основании этого закона прокураторы округов, районов и поместий составляли свои уставы и решали спорные случаи, возникавшие по разным поводам. Такого рода уставы и извлечения, носившие название *«писем»* (epistulae, litterae) или *«решений»* (sermo procuratorum), вырезывались на алтарях. Алтарь считался священным местом, и все, написанное на алтаре, считалось тоже священным, находящимся под защитой гения императора.

При Адриане установленные Манцием нормы были проредактированы, дополнены и превратились в *закон Адриана* (lex Hadriana), известный нам в извлечениях прокураторских указов (seromnes procuratorum). Извлечения из Манциева и Адрианова уставов найдены в различных местах Африки.

Главное содержание обоих законов касается двух основных вопросов: 1) отношения владельцев поместий (domini) или их арендаторов-кондукторов (conductores) и вилликов к государству и 2) обязанности проживающих в поместьях колонов (coloni, inquilini). Законы Манция и Адриана устанавливают норму натуральных и денежных взносов, предусматривая всевозможные статьи дохода.

В качестве образца поместного законодательства II в. приведем постановление прокураторов *поместья «Большая вилла»* (Villa Magna), известное нам из одной африканской надписи и представляющее извлечение из Манциева закона.

«На благо Августу, императору нашему, Траяну, — гласит названный устав, — принцепсу и всему священному его дому,

великолепному, германскому, парфянскому. Дано прокураторами Лицинием Максимом и Фелиционером, вольноотпущенником Августа по примеру Манциева закона» (ad exemplum legis Mancianae).

После этого введения идет перечисление норм платежей проживающего в данном поместье «плебейского народа» (populus plebeius). «Всем проживающим на территории поместья «Большая вилла» Вариана, т. е. Mappalia Siga (туземное название), разрешается обрабатывать свободные земли, оставшиеся неразделенными при сдаче в аренду (agros qui subcesiva sunt) по закону Манция на условиях, что, кто их обрабатывает, получает их в вечное пользование (usum proprium habeat). Из полученного с этой земли урожая рожденные в поместье колоны (qui eo loco nati sunt)уплачивают согласно Манциеву закону владельцам поместья, их кондукторам или вилликам определенную долю урожая на следующих условиях. Колоны сообщают, по собственному исчислению (arbitratu suo), сумму урожая, которую им надо доставить на гумно и обмолотить. Колоны должны сдать кондукторам и вилликам долю урожая, которую они обязаны представить полностью (in assem): пшеницы с гумна третью часть, ячменя с гумна третью часть, гороха с гумна четвертую часть, вина из чана третью часть, собранных олив третью часть, меда в пчелиных ульях по одному секстару».

«...За скот, который пасется на территории «Большой виллы», обязаны уплачивать кондукторам и вилликам владельцев имений с каждой головы по четыре асса».

«...Если кто-нибудь из проживающих в поместье «Большая вилла» срубит, подрежет, вывезет, заберет, сожжет, отсечет плод, стоящий, висящий, зрелый или незрелый, — (возместит) убыток... сколько следует возместить».

«...Кто невозделанный участок возделает и на нем построит здание, ... с того времени как участок перестал и перестает обрабатываться, право на его обработку (ius colendi) сохраняет только в течение ближайших двух лет... По истечении же двух лет кондуктор или виллик должен сдать (пустующий участок) под обработку. Ни один кондуктор или виллик (не может прогнать инквилина)... Проживающие на территории «Большая вилла» колоны обязаны предоставить владельцам имения, кондукторам или вилликам по два рабочих дня на каждого человека в год для пахоты, жатвы, полки и всякого рода (другой работы) по два дня» (Lex de Villae Magnae colonis data ad exemplum legis Mancianae)[1].

Кроме вышеназванных законов, известен еще специальный *закон Адриана о пустующих и заброшенных землях*, возможно, составлявший одну из глав общего поместного устава Адриана.

---

[1] *Bruns*, Fontes, 295—300.

Подобно предшествующему статуту, закон о пустующих землях (Lex Hadriana de agris rudis) сохранился в виде надписи, вырезанной на алтаре Адриана (ara legis Hadrianae) [1]. Цель закона — расширить площадь зерновых и садово-огородных культур, привлекая к обработке необработанных участков съемщиков предоставлением льготных условий (эмфитевсис).

«Цезарь, — гласит названный закон Адриана, — в неустанных заботах, коими он постоянно печется о пользе человеческой, приказывает возделать все участки земли, годные нивы, виноградники и зерновые культуры... Тем, кто займет эти земли, дается право пользования и передачи по наследству, предусмотренное законом Адриана о пустующих землях и оставшихся невозделанными в течение десяти лет... От олив, которые кто-либо вновь засадит в ямах или привьет к дикой оливе, в течение ближайших десяти лет не будет взыскиваться никакой доли урожая, а от фруктов — в течение ближайших семи лет»[2].

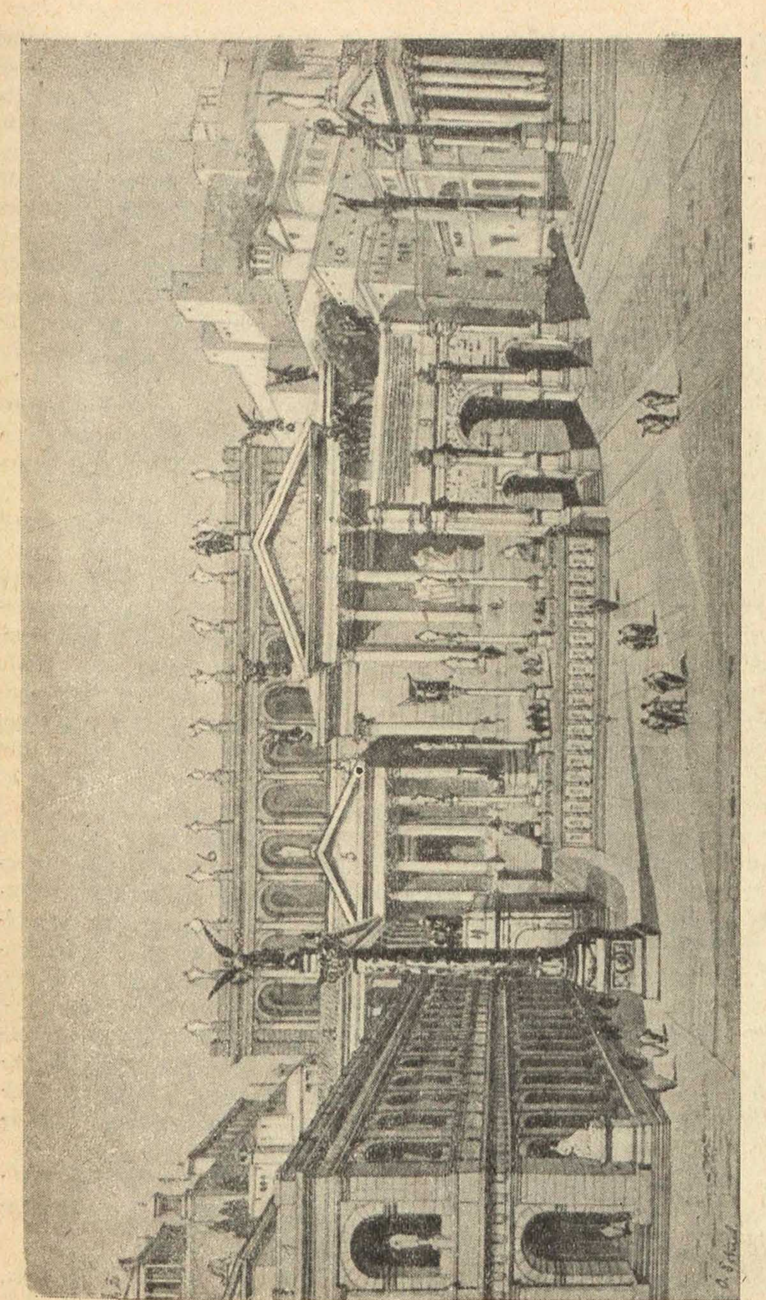
В состав императорского хозяйства входили не только поместья, но и многие другие статьи общественной экономики — рудники, леса, пошлины, налоги и некоторые отрасли торговли и промышленности.

Важнейшей отраслью императорского хозяйства, наряду с поместьями, являлись рудники и каменоломни. С организацией *императорских рудников* знакомит нас *устав* одного из испанских *рудников в Випаске* (lex metalli Vipascensis)[3]. Как видно из устава, рудниковая территория была обширна и делилась на несколько *рудниковых поселков* (pagi, vici, saltus), представлявших самостоятельные участки, населенные рабочими и рудниковой администрацией. В экономическом и юридическом отношениях рудниковые поселки представляли один из видов императорских доменов, или сальтусов, не зависимых от окружающего мира. В рудничных поселках имелись собственные мастерские, лавки, цирюльни, купальни и пр. Все статьи хозяйства сдавались на откуп мелким подрядчикам (conductores) на устраиваемых в сальтусах аукционах. Высшим административным лицом рудничного поселка являлся назначаемый императором *прокуратор*.

Добывавшиеся из недр земли металлы поступали в *императорские мастерские*, оружейные мастерские, монетные дворы и т. д. [4], находившиеся в ведении императорских прокураторов (procuratores metallorum) и эксплоатировавшиеся трудом рудниковых рабочих из рабов, свободных и в особенности трудом осужденных за какие-либо преступления. Ссылка в рудники

---

[1] *Bruns*, Fontes, 295—300.
[2] Ibid., p. 300.
[3] Ibid., p. 289.
[4] *Podles*, Jahrbücher der Nationalökonomie, XV, S. 185.

Римский форум. Юго-западная часть
Реконструкция

была одним из наиболее распространенных видов наказаний (damnatio ad metalla). Положение рудниковых рабочих было исключительно тяжелым. К вышеприведенным свидетельствам источников прибавим еще одну выписку из письма *Киприана*, карфагенского епископа (III в.), рисующего условия работы в римских рудниках. «Их ноги, — пишет о рудничных рабочих названный писатель, — в оковах, которые может снять не кузнец, а разве только один бог. Их тело лишено места для отдыха и всякой заботы; оно должно лежать на голой земле. Осужденные не получают воды, чтобы обмыть толстый слой пыли, которым они, естественно, покрыты. Хлеб подается скудно, одежда не защищает от холода. Голова наполовину обрита, а оставшиеся на голове волосы торчат от грязи» [1].

Наряду с императорскими рудниками продолжали существовать также и рудники частных лиц, но их значение при Империи по сравнению с императорскими рудниками было ничтожно.

Кроме отмеченных первостепенных отраслей общественной экономики, в составе императорского хозяйства немаловажную роль играли и многие другие виды хозяйства — в особенности поместные мастерские и мастерские многочисленных вольноотпущенников Цезаря, работавшие на своего высокого патрона.

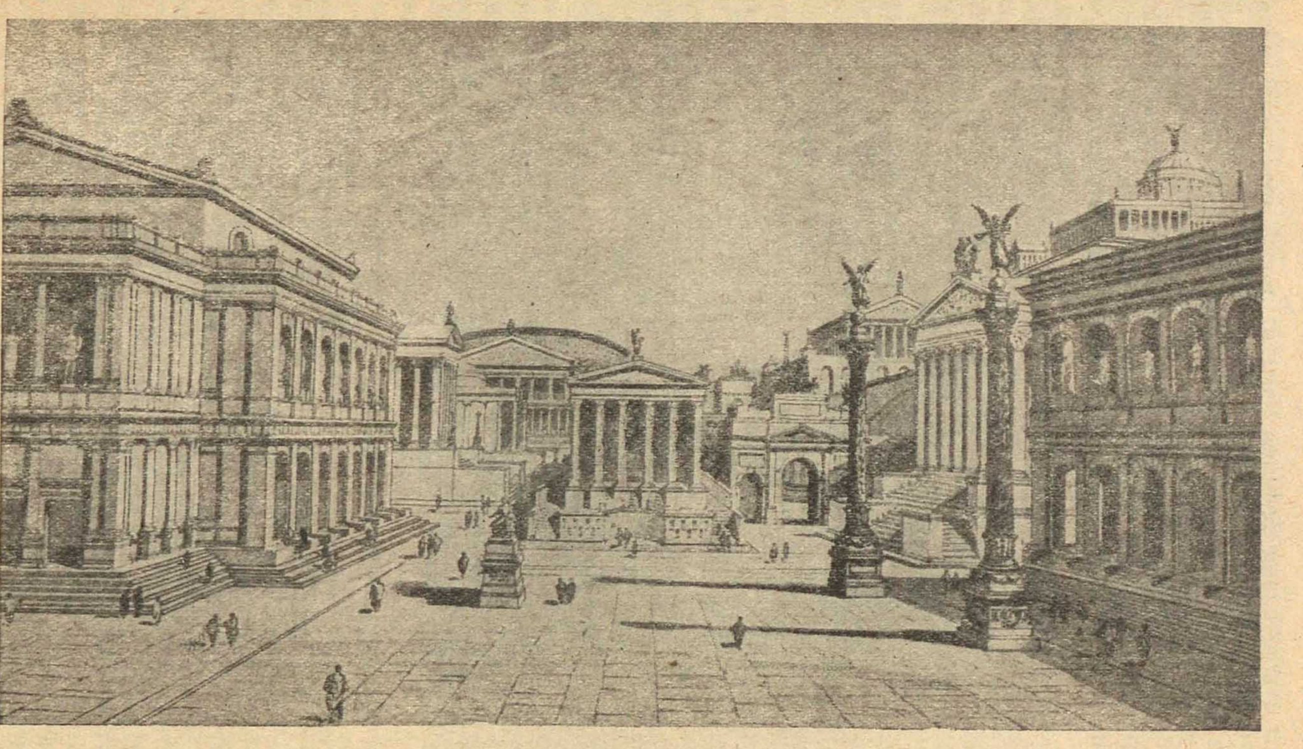
Из сказанного можно заключить, что в общем и целом хозяйственная централизация, характерная для Поздней империи, наметилась уже при первых римских династиях. Наряду с экономическими соображениями централистская политика императоров направлялась также и политическими мотивами — стремлением императоров создать императорское хозяйство с массой средних и мелких производителей (колонов, рабов и вольноотпущенников) и обширной администрацией, подчиненной непосредственно главе государства и его фиску. Рост императорского абсолютизма являлся оборотной стороной хозяйственной централизации. К концу Империи римское государство превращается в обширный императорский ойкос (дом), в котором тонули все другие виды хозяйств. В этой части в известной степени находит свое подтверждение ойкосная теория *Родбертуса — Бюхера*, подчеркивающая ойкосность и натуральность экономики античного мира, но ошибочно распространяющая эту ойкосность на всю античность и притом несомненно сильно ее преувеличивающая [2].

Местопребыванием императора, центром управления и культуры попрежнему оставался *город Рим*. Императоры-провин-

---

[1] *Cyprian*, Epist., 77.

[2] *Rodbertus*, Zur Geschichte der agrarischen Entwicklung Roms, «Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik», 1864, II. *K. Bücher*, Die Entstehung der Volkswirtschaft, 1904.

Римский форум. Северо-восточная часть
Реконструкция

циалы с неменьшим рвением, чем их предшественники, старались сохранить первенствующее положение Рима и Италии в системе средиземноморских обществ и муниципий. В отношении «политики хлеба и зрелищ» императоры «счастливого периода» следовали примеру своих предшественников. Искавшие популярности в широких слоях римского общества Антонины не только не сократили раздач, триумфов, гладиаторских и кулачных боев, травлю зверей и пр., но еще более их увеличили. При Траяне, например, на арене выступало 13 тысяч пар гладиаторов, при Адриане на арене цирка осталось убитыми 100 львов, число праздников доходило до 100, 150 и 200 дней в году. «Просвещенная монархия» чрезвычайно дорожила внешними эффектами, блеском театральных и цирковых представлений, раздачами, крупными постройками и т. д.

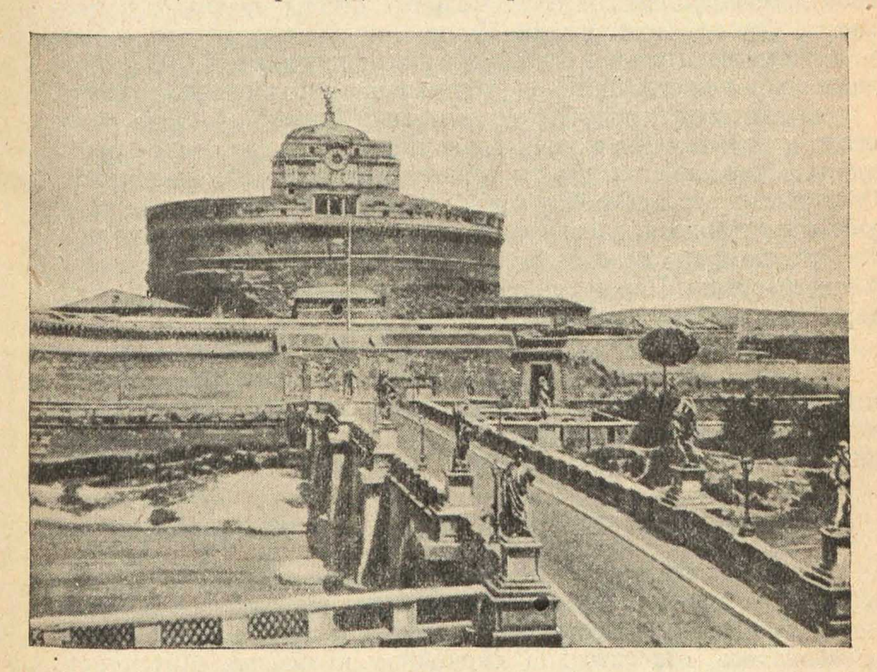

Водопроводная арка времен Адриана

Из построек следует отметить: при Нерве — *новый форум*, *храм Минервы*, водопроводы и новые (мощеные) улицы; при Траяне — триумфальные арки (*арка Траяна*), *Траянову колонну*, бани, театры, колоссальный каменный мост через Дунай; при Адриане — валы (рвы Адриана) крепости, *мавзолей* (современный Замок Ангела), *Тибуртинскую виллу Адриана* и много других. Общественные здания, цирки, театры, водопроводы, гавани, хлебохранилища и прочее воздвигались не только в столице, но и в провинциях, даже на самых далеких окраинах римского мира. Перенесение римских учреждений на окраины способствовало их романизации и приобщению их к внешним формам греко-римской культуры.

Подводя итог всему сказанному, видим, что при Антонинах государственная машина была уже вполне налажена, долголетняя эволюция государственных учреждений в основном завершилась, в дальнейшем речь могла итти только о дополнении

или изменении деталей, а не самых принципов. Республиканские магистратуры — консулы, трибуны, эдилы, преторы и т. д. — почти сходили на-нет, превращаясь в простые фикции, не имевшие никакого реального значения. С эпохи «просвещенного абсолютизма» тон в общественной жизни, политике, искусстве и науке начинают задавать чиновники, и так продолжалось до самого конца Империи. Дальнейшее развитие Римской империи

Мавзолей Адриана

пошло по пути греко-эллинистических царств, в особенности эллинистического Египта. Республиканский строй классического полиса вырождался в военно-бюрократическую деспотию.

Бюрократический аппарат обеспечивал более правильное поступление налогов, лучший учет фискальных возможностей и контроль местных органов. Но, с другой стороны, очевидны были также и отрицательные стороны бюрократической системы — дороговизна содержания государственного аппарата, его негибкость, схематизм, чиновничье бездушие и мелочность, убивавшие самобытность и самостоятельность местных учреждений и ослаблявшие индивидуальную инициативу. Правда, все это относится уже к более позднему времени, к III и последующим векам, ко времени ослабления муниципий, но симптомы бюро-

кратической опеки и бюрократического давления ощущаются уже и при Антонинах. Стоит прочесть переписку Траяна с наместником провинции Вифинии Плинием, чтобы представить себе, до какой степени уже тогда доходила бюрократическая мелочность. Плиний, пользовавшийся особым расположением и доверием императора, по всякому поводу обращается в центр, лично к самому императору, за директивами и советами и на все свои вопросы получает обстоятельные ответы, советы и приказания. Личная инициатива Плиния почти отсутствует, он не может самостоятельно, без обращения к императору, разрешить даже вопрос о постройке бань, театра или о сломке ветхого здания.

«У жителей города Прузы, — пишет Плиний, — баня очень стара и грязна. Они хотели бы ее перестроить, если ты соизволишь... Мне кажется, что ты можешь удовлетворить их просьбу. Средства на эту постройку будут: во-первых, я уже начал собирать с частных лиц деньги на это, а потом они сами решили употребить на баню те средства, которые, по обычаю, собирались у них на масло. Перестройки же бани требуют достоинство государства и блеск твоего царствования» [1].

На письмо Плиния последовал ответ императора:

«Если постройка новых бань не обременит жителей Прузы, мы можем снизойти к их желанию. Только, чтобы от этого не возросли налоги, которые они платят, и не уменьшилась на будущее время их платежеспособность по обычным статьям» [2].

10. СОЦИАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ ПРИ АНТОНИНАХ

Отрицательные стороны императорского абсолютизма и бюрократии с наибольшей ощутительностью выступали в периоды хозяйственных и политических кризисов и депрессий, которыми перебивалось относительно спокойное правление Антонинов. Кризисы эпохи Антонинов с вытекавшими из них социальными движениями порождались экономической и политической неудовлетворенностью угнетенных слоев Империи.

По сравнению с предшествующим периодом клавдиевой династии и последующим кризисом III в. правление Антонинов считается временем относительного внешнего и внутреннего мира. Но это был мир лишь в условном смысле. Развитие внутренних противоречий и нарастание классовой борьбы продолжались также и в «счастливый век», поскольку римское общество оставалось классовым обществом с разделением на рабов и свободных, эксплоататоров и эксплоатируемых. По внешнему блеску муниципальных городов и эпитафиям, говорящим о благососто-

[1] *Plin.*, Epist., XXXIV.
[2] Ibid.

нии потребенных, нельзя заключать об общем благосостоянии. Муниципальная плутократия составляла тонкий слой римского общества, масса же рабов, вольноотпущенников и мелких производителей свободного состояния жила в далеко не блестящих условиях, и вследствие этого потенциально всегда была готова примкнуть к любому движению, направленному против существующего порядка, с какой бы стороны оно ни шло и какими бы причинами оно ни вызывалось. Социально-экономический фундамент Римской империи не был достаточно крепок, и потому при первых же ударах государство испытывало серьезные толчки и потрясения, грозившие полным распадом.

Восстания при Антонинах имели место на всем пространстве Римской империи, но, по состоянию материалов, мы всего более осведомлены о восстании в провинции Иудее, известном под именем *восстания Бар-Кохбы* (132—135 гг.).

Как и в предшествующие царствования, причиной восстаний послужила централистская политика, стремившаяся из боязни политических осложнений стереть все местные особенности и водворить повсюду господство римской администрации и римских обычаев. Поводом к восстанию Бар-Кохбы послужили попытки «нечистых», т. е. римлян, построить римский храм Юпитера Капитолийского на месте разрушенного Титом храма Яхве в Иерусалиме, запретить обрезание и вообще вмешательство римлян во внутренние обрядовые дела иудеев. Духовным главой движения был старый равви *Бен Акиба* (Ben Akiba) из Ямния, местопребывания главного совета иудеев — синедриона, а военным вождем был *Бар-Кохба* (Bar-Kochba — сын звезды), которого синедрион признал Мессией.

Воспользовавшись пребыванием Адриана в Египте, иудеи стали заготовлять оружие, строить укрепления, рыть подземные ходы и готовились к восстанию. Не рискуя вступать в открытую войну, они делали набеги на римлян, частью тайные, частью открытые. Район восстания все более расширялся, со всех сторон подходили партизанские отряды. Число сочувствующих движению было так велико, что, казалось, все «римское государство пришло в движение».

Потерпев поражение в первых стычках, римляне двинули в Иудею большие силы под начальством лучшего полководца *Юлия Севера*, в спешном порядке вызванного из Британии. Число восставших было очень велико, а их революционный энтузиазм так силен, что Север не рискнул на открытый бой, предпочтя открытому бою мелкие столкновения, осаду, прекращение подвоза провианта, лишение осажденных воды и пр. И лишь после того, как силы осажденных были исчерпаны, Север овладел одним укреплением за другим. Результаты расправы были ужасны: было разрушено 50 крупных и множество мелких крепостей,

в общей сложности выбыло из строя, погибло, сгорело, утонуло, разбежалось и продано в рабство более 80 тысяч человек. Иудея превратилась в пустыню. Потери римлян неизвестны, но, повидимому, были тоже весьма значительны. Восстание продолжалось более двух лет. В результате поражения Иудея потеряла свою самостоятельность и была включена в состав соседней провинции Сирии, на месте храма Яхве был выстроен небольшой храм Юпитера. Еврейский синедрион день разрушения иерусалимского храма объявил днем траура иудейского народа. Восстания, начавшиеся при Траяне и Адриане, широкой волной разлились при Марке Аврелии в связи с осложнениями во внешней политике.

С 60-х годов II в. Рим вновь вступает в полосу войн. С 161 г. начинается *парфянская* (161—165 гг.), за которой следует еще более тяжелая *маркоманнская война* (167—180 гг.). Воспользовавшиеся ослаблением рейнско-дунайского фронта, часть войск которого была переброшена на Евфрат, германские племена — гермундуры, маркоманны, языги, квады и др. — двинулись на Италию. Война велась со страшным упорством и стоила колоссальных жертв.

Римское государство было потрясено в самых своих основах, получив смертельный удар, от которого оно никогда вполне уже не излечилось. Особенно много бедствий причинила *чума* (lues, pestis), занесенная с Востока [1]. Куда бы ни приходил император с войском, тотчас же начиналась эпидемия, возникало недовольство и сыпались проклятия на голову императора [2].

Охватившая все провинции и Италию чума страшно опустошила государство. Виллы, поля и города были заброшены, обезлюдели и превратились в руины и леса [3].

Одним из симптомов кризиса и неустойчивости римской государственности в эпоху Империи было появление в различных местах *узурпаторов*, претендовавших на верховную власть. В 175 г. против Марка Аврелия восстал наместник Сирии *Авидий Кассий* (Avidius Cassius), увлекший за собою почти все восточные провинции и называвший себя Катилиной. В конце концов победителем из внутренней и внешней войны вышел Марк Аврелий, но эти войны, стоившие огромных жертв, подорвали материальные и идеологические устои Римской империи. За 20 лет войны наполовину уменьшившееся население Римской империи обнищало, огрубело, выбилось из нормальной колеи и массами бежало к варварам, спасаясь от налогов и военной службы. По степени принесенных ею бедствий римские историки сравнивают маркоман-

[1] *Haeser*, Jahrbuch der Geschichte der Medizin, III, 24.
[2] *Script. Hist. Aug.*, Verus, 8.
[3] *Eutrop.*, VII, 15.

нскую войну со второй пунической войной [1]. Так же как и во вторую пуническую войну, были призваны на военную службу поголовно все граждане: италики и провинциалы, гладиаторы, рабы, вольноотпущенники и даже разбойники (et servos, quem ad modum bello Punico factum fuerat, ad militiam paravit... armavit etiam gladiatores, quod obsequentes apellavit; latrones etiam Dalmatiae atque Dardaniae milites fecit) [2].

На эпоху маркоманнской войны приходится *движение буколов* (пастухов) в Египте и подготовка аграрной революции в Галлии. Движение буколов, как и одновременные с ним восстания в Галлии и Испании, не были кратковременной вспышкой протеста, но представляли целую серию движений, тянувшихся в течение нескольких столетий, то потухая, то вновь разгораясь.

На примере буколов можно видеть отношение массы населения к существующему строю и ее главе—римскому императору.

«Египтяне — народ мятежный, тщеславный и склонный к насилию», — так характеризует их историк Аммиан. «Они стыдятся, когда на своем коричневом сухом теле не могут показать много рубцов, полученных ими за отказ от уплаты налогов. До сих пор еще не изобретено средство, которое заставило бы закаленного египетского разбойника назвать свое имя» [3]. Во главе движения буколов стоял жрец *Исидор*, выделявшийся среди соплеменников храбростью, организаторскими способностями и фанатизмом. Для большей прочности союза буколы приносили торжественные клятвы над внутренностями убитых врагов и после этого вступали в отчаянное сражение. В сражениях с карательными отрядами римлян буколы проявляли отчаянную храбрость. Восставшие уже намеревались взять Александрию, когда в Египет в спешном порядке был вызван из Сирии Авидий Кассий, считавшийся лучшим полководцем своего времени. Но даже Кассий, устрашенный «отчаянной отвагой и великим множеством восставших», не рискнул на открытое сражение и для борьбы с мятежниками использовал внутренние противоречия в повстанческом лагере; только таким путем ему удалось ликвидировать восстание [4].

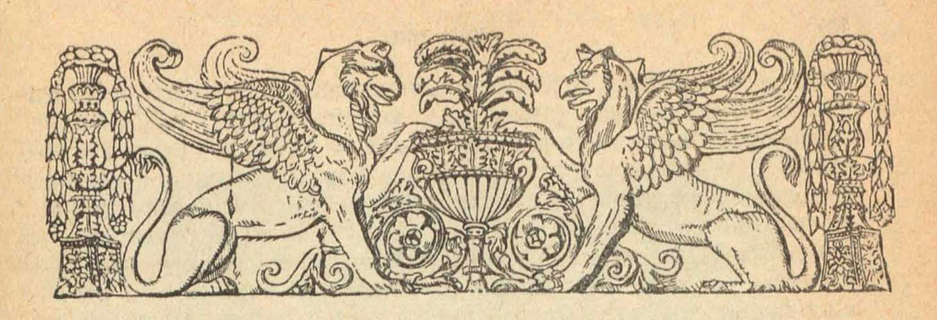
Неудачные войны и внутренние потрясения, имевшие место при последних Антонинах, неблагоприятно отразились на римской государственности и на положении императора. Миролюбивые отношения между императором и аристократией стали расстраиваться, теневые стороны абсолютизма выступали резче, а вследствие этого увеличивалось недовольство самодержавной политикой императоров, которым теперь приходилось крепче держаться за войско, напрягать государственный аппарат и

[1] *Eutrop.*, VIII, 12.
[2] *Script. Hist. Aug.*, Marc. Anton., XXI.
[3] *Amm. Marcell.*, XXII, 16, 23.
[4] *Dio Cass.*, LXXI, 4.

искать расположения среди деклассированных элементов города. Конечным следствием этого процесса было превращение «республиканской монархии» в императорский абсолютизм, или доминат.

Новая фаза в истории императорской власти проявилась уже при последнем представителе дома Антонинов *Коммоде*, сыне Марка Аврелия (180—192 гг.). Коммод порвал с конституционными приемами своих предшественников, объявил себя «божественным, счастливым победителем германцев и британцев», преследовал сенаторов, конфисковывал их имущество, покровительствовал войску и искал популярности у народа устройством гладиаторских игр и представлений. Таким путем Коммод сумел продержаться на троне около 12 лет, после чего был убит заговорщиками во время возникшего на почве голода восстания в Риме в 192 г.

Глава XIX

РИМСКАЯ КУЛЬТУРА II в.

1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Для общекультурного роста социально-политические условия в «счастливый период» Антонинов были более благоприятны, чем в первые десятилетия принципата. Социально-экономический уровень Римской империи повысился. Сфера распространения римской культуры расширилась. В орбиту культурного влияния вошли провинции, увеличилось число писателей и читателей; литературно-исторические, философские и научные произведения становились достоянием более широких кругов италийского и провинциального общества. Общее и специальное образование становилось необходимым условием государственной службы и общественного положения, увеличилась сеть учебно-просветительных учреждений, повысились требования к науке, расширилось применение труда интеллигенции во всех сферах государственной и частной жизни, число интеллигентских профессий возросло, соответственно этому увеличилась и социальная роль интеллигенции.

Политический террор, свирепствовавший при Клавдиях, ослабел. Окрепшая монархия теперь уже не имела нужды прибегать к той цензурной строгости, какая практиковалась при предшествующих династиях. Этим объясняется тот факт, что большая часть памятников римской литературы, искусства и науки относится к эпохе Флавиев и Антонинов. Памятники римского строительного искусства, скульптуры и живописи разбросаны по всему огромному пространству Римской империи, от вала Адриана в Шотландии до африканской пустыни, от Океана до Рейна, Понта и Евфрата [1]. Даже мелкие города украшались памят-

[1] *E. Wigand*, Baalbek und Rom, die römische Reichskunst in ihrer Entwicklung und Differenzierung, 1914.

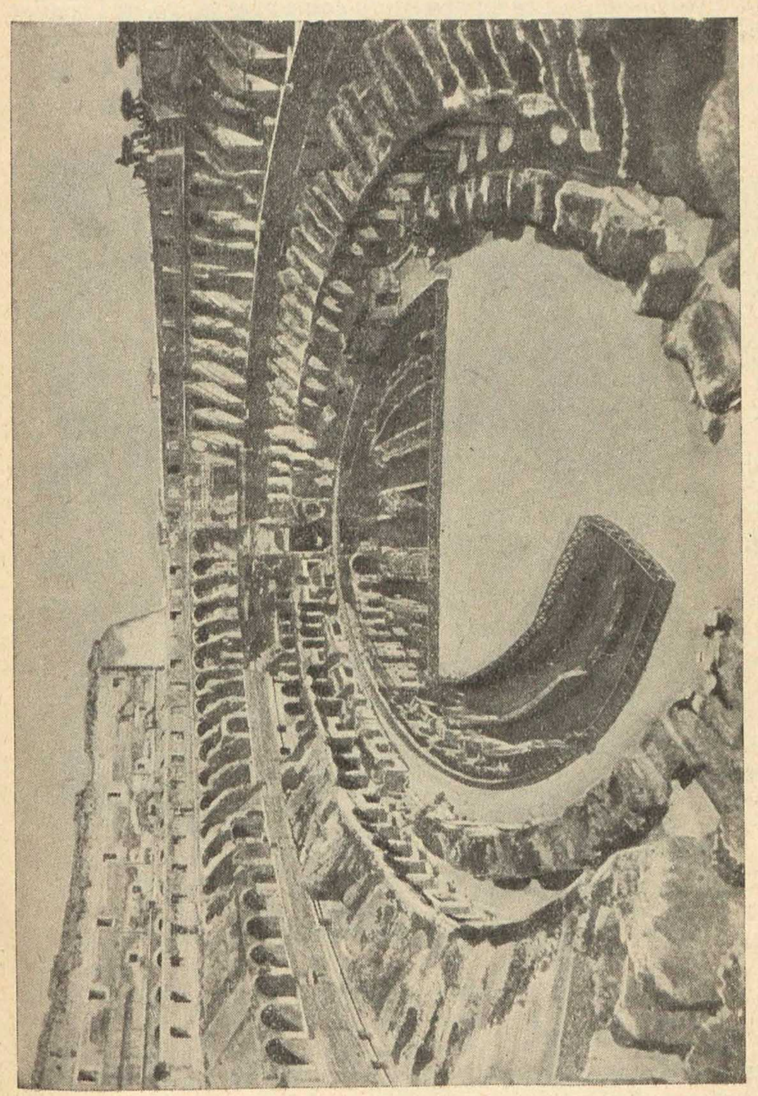
никами искусства. В каждом провинциальном городе имелись храмы, водопроводы (акведуки), термы, театры, амфитеатры, гимназии, ворота, арки и колоннады, а на площадях стояли бронзовые и мраморные статуи императоров, наместников, поэтов, художников, знаменитых местных людей, полководцев и т. д... Повышение художественного вкуса и спрос на художественные предметы вызвали к жизни *художественную промышленность* и связанные с ней профессии скульпторов, чеканщиков, литейщиков, штукатуров, бронзовщиков, живописцев, мастеров по мозаике и т. д. Влияние искусства не ограничивалось одним только общественным слоем — аристократией, но проникало и в широкие слои общества — средние и даже низшие классы. Глиняная посуда с украшениями, домашняя утварь — столы, кресла, сосуды, лампы, треножники и другие предметы домашнего обихода, изготовляемые местными мастерами, находили большое число покупателей.

2. СТРОИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО. ЛИТЕРАТУРА. ТЕАТР

Римское искусство, как уже отмечалось выше, не было оригинальным. Больше всего самобытности римляне проявили в *строительном искусстве*. Оригинальной чертой римской архитектуры считается широкое применение различных типов сводов — полукругообразный, коробовой свод, крестовый и купольный своды. Своды давали возможность римским архитекторам возводить многоэтажные здания и строить арки, доводя это искусство до высокого совершенства. Примером строительного искусства императорского Рима является *Храм мира* и *Колизей* (Colosseum) Флавия. Колизей — огромный амфитеатр, вмещавший до 90 тысяч зрителей, имел в окружности 524 метра и в диаметре 188 метров. Капитолий был заново отстроен и украшен статуями и картинами. Из прочих построек большой интерес представляет *арка Тита* в Риме, *арка Марка Аврелия* в Триполи, *ворота Адриана* в Афинах, *колонны Траяна* и *Марка Аврелия* и ряд других сооружений этого типа.

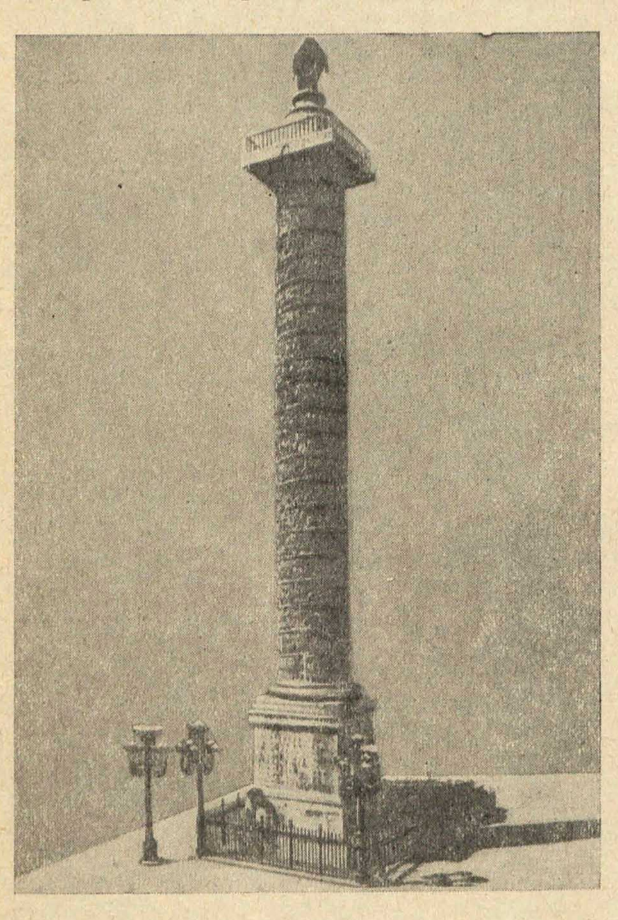
Общественные здания и частные дома украшались *скульптурными произведениями* — статуями императоров, сановников, общественных деятелей, владельцев вилл и домов, их родственников и близких. В одном только Риме насчитывалось 4 тысячи бронзовых статуй императоров. Императорские дворцы и дворцы магнатов были полны всякого рода художественных коллекций, дорогой золотой и серебряной посуды, статуй, портретов, резных, лепных и мозаичных украшений. О стиле императорских вилл дает представление *вилла Адриана в Тиволи* [1], показываю-

[1] *H. Winnefeld*, Die Villa des Hadrians bei Tivoli; «Jahrbuch des kaiserlichen deutschen archeologischen Instituts», 1895.

Колоссей (Колизей)
Внутренний вид в современном состоянии

щая, какой высоты достигли римское строительное искусство, роскошь и художественная фантазия. По замыслу строителя, названная вилла, имевшая в окружности 15 километров, должна была являться воспроизведением всего замечательного, что только находилось в римском мире. Здесь были Ликей Аристотеля,

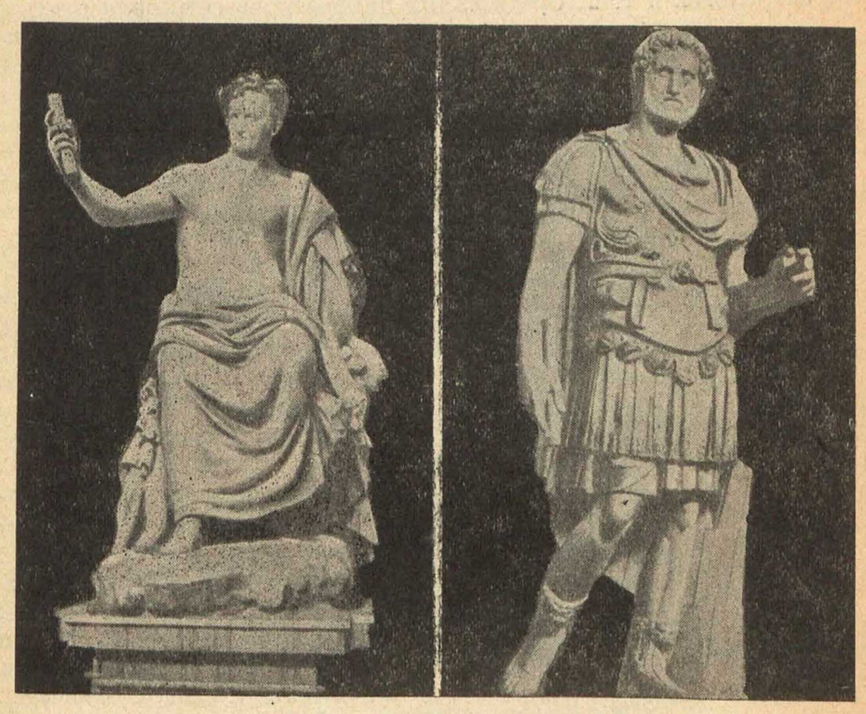

Колонна Марка Аврелия

Академия Платона, Пестрая галлерея, Пританея, роскошные сады, фонтаны, библиотеки, театры и много других замечательных в отношении художественного оформления построек и предметов.

Памятники строительного искусства, скульптуры и художественные произведения создавались не только в центре, но и

в провинциях. Известен например колоссальный *храм Зевса Олимпийского в Афинах*, построенный при Адриане, громадная библиотека с перистилем в сто колонн, колоссальные здания открыты в Карии, Гелиополе, Петре [1] и в других местах римского мира. Здания украшены *декоративными скульптурами*, представлявшими комбинацию растительного мира с человеческими фигурами. В восточных провинциях греко-римский стиль сопри-

Нерва *Антонин Пий*

касался с восточными стилями и испытывал на себе их влияние, что достаточно отчетливо выступает, например, в архитектурных памятниках из *Петры, в Аравии*. В отличие от классического стиля I в., с его стремлением к сохранению пропорциональности и гармонии формы и содержания, в архитектуре и скульптуре II в. появляются новые эллинистические мотивы — стремление к грандиозности, вычурности, экстравагантности и формализму. Все это, как нельзя лучше, гармонировало с общим стилем императорского Рима, в котором тон задавали двор и чиновничество,

[1] *W. Kennedy*, Petra, its history and monuments, London 1925.

выше всего ценившие внешний эффект и склонные к бездушному формализму.

Придворное общество состояло из военных и чиновников, их жен и детей. К этому основному ядру примыкала масса всевозможных «друзей» и «собеседников» императора, занимавших государя беседами и разговорами. В числе «друзей» императора было немало ученых, художников, философов, врачей, гадателей, астрологов и т. п. Среди самих императоров встречались люди, не лишенные литературных дарований и художественного вкуса. Таковы, например, были Адриан и Марк Аврелий.

Антиной

Покровительство двора литераторам, художникам и ученым оказало свое влияние как на содержание, так и на форму литературно-художественных произведений. Высокопарность, манерность и нарочитое стремление к изяществу стиля, характерные для римской литературы и искусства II в., обусловлены влиянием двора и вкусами придворного общества.

Сказанное в отношении императорского двора может быть перенесено также и на дворы чиновной аристократии. Литературные вечера, чтение и декламация вошли в обычай как в столице, так и в провинциях. В определенные дни представители высшего общества собирались в городской или загородной вилле то у одного, то у другого из друзей. От художника и писателя прежде всего требовались совершенство формы, изящество речи и ее ритмичность. Содержание стояло на втором плане: сперва форма, а потом мысль и содержание. Выражением формалистического направления в литературе II в. служила так называемая *вторая софистика*, где культ формы был доведен до высокого совершенства. Большая часть софистов по национальности были греки и вышли из риторических школ Малой Азии и Египта, в особенности из Александрии, мирового центра тогдашней цивилизации. Среди писателей и ораторов-софистов II в. большой популярностью пользовались *Герод Аттик*, *Полемон*, *Элий Аристид* и др. С софистическим направлением уживалось также и *архаическое*

направление — стремление украшать речь попеременно то неологизмами, то архаизмами. Так поступал, например, *Марк Корнелий Фронтон*, воспитатель Марка Аврелия, подражавший стилю Катона, Энния и им подобных архаических писателей.

Среди писателей аристократического круга при Траяне большой славой пользовался *Плиний Младший* (C. Plinius Caecilius Secundus), племянник Плиния Старшего. Благодаря аристократическим связям и образованию Плиний достиг высокого положения на государственной службе, сделавшись близким лицом императора Траяна. В 111 г. Плиний получил проконсульство в провинции Вифинии. Подобно многим людям своего круга, Плиний государственную службу совмещал с литературными занятиями, к которым он всегда имел влечение. Литература для того круга, к которому принадлежал Плиний, служила отдыхом, отвлечением от служебных обязанностей, средством выражения своих мыслей и чувств и вместе с тем средством удовлетворения своего честолюбия и приобретения популярности. Литературное наследство Плиния заключается в *переписке с друзьями* и императором Траяном и в «*Панегирике в честь Траяна*». По содержанию «Письма» (Epistulae) Плиния чрезвычайно разнообразны, захватывают самые различные вопросы, но не глубоки по мысли и не оригинальны по форме. Образцом Плинию служили «Письма» Цицерона.

Весталка

В сравнении с придворной литературой, из которой вытравлено все живое содержание, совершенно иными настроениями и чувствами проникнута *сатирическая литература* I—II вв., отображающая живую действительность, гораздо менее связанная всевозможными условностями и рассчитанная на иной круг читателей. Среди римских сатириков II в. в первую очередь следует назвать троих: *Марциала* (ок. 42—102 гг.), *Ювенала* (ок. 60—140 гг.) и *Лукиана* (ок. 125—190 гг.). Римская сатира в выс-

шей степени многообразна по содержанию, остра и блестяща по форме. На основании 1 500 эпиграмм Марциала, сатир Ювенала и Лукиана можно составить ясное представление о социально-экономическом быте и культурном облике античного города. Перед умственным взором читателя проходит длинная вереница людей раз-

Марк Аврелий

ного положения, возраста, пола и характера. Из произведений названных писателей, как и из других литературных и археологических памятников, видно, что античный город императорского периода представлял настоящий человеческий муравейник, переполненный людьми самых разнообразных состояний, положений, нравов и племен. Городская жизнь была напряженной, суетной и нервной. Большая часть городского населе-

ния принадлежала к бедным классам и с трудом сводила концы с концами.

На фоне массовой бедности тем более яркими представляются фигуры отдельных богачей и аристократов, живших в роскошных особняках-дворцах и появлявшихся на улицах в окружении целой армии слуг и клиентов. Погоня за наживой, карьеризм и жестокая борьба за существование составляли содержание городской жизни. Сатирики, правда, часто в преувеличенном виде, передают борьбу страстей, пороки и преступления мировой столицы, сосредоточия мирового богатства и бедности. Для социальной истории Рима особенно интересна третья книга сатир *Ювенала*, изображающая жизнь городского пролетариата. Утомленные дневными заботами бедные люди даже ночью не имели покоя. Помещаясь в передней части дома, выходящей на улицу, римские пролетарии не могли спать от грохота экипажей, шума, криков и уличной брани.

«Здесь от бессоницы много больных умирает, а самый
Этот недуг несваренная пища рождает, засевши
В их воспаленном желудке. В каких же наемных квартирах
Спать есть возможность? За деньги большие лишь спится
в столице.
Тут-то источник болезни; проезд повозок по тесным
Улиц изгибам и ругань застрявших погонщиков стада
Сон способны отнять у Друза и у тюленей»[1].

Наряду с описанием всякого рода страстей и пороков в сатирах содержится немало ценного материала, касающегося и других сторон социальной жизни. Богатый материал имеется, например, по истории религии. По различным поводам сатирики постоянно упоминают и описывают различных богов, культы, верования, обряды жрецов и жриц. В особенности в этом отношении замечательны произведения Лукиана, запечатлевшего кризис старой греко-римской религии — язычества—и первые шаги новой религии — христианства. По богатству и разнообразию содержания и исключительной художественности формы сочинения Лукиана представляют действительно памятник мировой литературы, являясь вместе с тем незаменимым источником по римской религии и христианству. Вопросам религии и мистики в греческой и римской литературе II в. уделялось много внимания. Это, так же как и преобладание формализма и архаизма в искусстве и литературе, свидетельствовало о начале идеологического и общего кризиса, в полосу которого вступало римское общество и симптомы которого уже ощущались в «счастливый век» Антонинов. Религиозно-мистические настроения захватили не только специфически религиозную, христианскую и нехристианскую (языческую) литературу, но также и светскую литературу.

[1] *Iuven.*, III, 232—238.

В различной степени религиозно-мистический покров лежит на всей литературе императорского периода. Религиозно-мистическими настроениями пропитаны, например, «*Превращения*» (Metamorphoseon) *Апулея*, фантастически сатирический бытовой и правоучительный роман в XI книгах. В «Метаморфозах», или «Золотом осле» — другое название романа, — выведен погрязший в пороках юноша Луций, превращенный волшебницей в осла, затем становящийся мистиком и через мистические акты очищения возрождающийся к новой жизни, более чистой и совершенной.

Наряду с пластическими искусствами и литературой в императорском Риме широкое распространение получили *сценическое искусство — цирк и театр*. В столице и провинциальных городах появилась масса разнообразных развлечений и забав, рассчитанных на внимание широкой публики. Сюда надо отнести цирковые и театральные представления, народные праздники, триумфальные шествия, выставки и пр. Число праздничных дней с каждым столетием увеличивалось. Во II в. общее число праздничных дней в Риме в среднем равнялось 180 дням в году. Зрелища привлекали массу народа, начиная с самого императора, придворных и кончая самыми низшими слоями людей всех состояний, звания, полов и возрастов. Находившийся между Палатином и Авентином «*Большой цирк*» (Circus Maximus), при Августе рассчитанный на 150 тысяч зрителей, после перестройки при Нероне вмещал 250 тысяч, а при последующих императорах в нем могло поместиться уже более 400 тысяч человек. Характерные для эпохи тенденции грандиозности и формализма в сценическом искусстве нашли свое выражение в постепенном оттеснении театра цирком и амфитеатром.

Классические трагедии и комедии заменились *пантомимой*, *аттеланами* и *мимами*, представлявшими смесь «героического балета», комедии и мелодрамы, нечто в роде фарса и оперетты. Девизом театрального искусства было: меньше слов и больше музыки, пения, балета и мимики. Зрители, не удовлетворяясь размеренным, высокопарным стилем старого времени, требовали более ярких красок, мелодичной звучности, красоты и разнообразия в движении. Игра на флейте, хоры, мимика, жесты и куплеты заменили прежние слова. Составители театральных репертуаров использовали весь запас имевшихся в их распоряжении материалов, переделывая классические греческие и римские драмы и комедии, инсценировались даже диалоги Платона. «Цирковые зрелища, — жаловался один церковный писатель II в., — привлекают народ больше, чем места упокоения христианских мучеников». Провинция старалась не отставать от центра. Не только в больших и малых городах провинций, но даже в солдатских лагерях существовали цирки и амфитеатры.

3. ИСТОРИЯ. НАУКА

Среди римской литературы как республиканского, так и императорского периодов первостепенное место занимала *история*. Римское общество предъявляло к истории сложные и ответственные требования. История объясняла причины возникновения существующего строя, оправдывала или отрицала его, показывала примеры доблести и порока в прошлом на конкретных примерах древних героев. К истории обращались с тем большим интересом, чем меньше находили удовлетворения в окружающей действительности, стараясь найти утешение в далеком прошлом. Не случайно, что характерной чертой историков и вообще писателей II в. было восхваление минувших времен (laudatio temporis acti). Исторические события излагались как в прозаической, так и в поэтической форме. Со времени Вергилия вошел в моду исторический эпос, трактовавший исторические легенды или исторические события. К эпическим произведениям относится «*Аргонавтика*» (Argonautica) Валерия Флакка в 8 книгах, «*Фиваида*» (Thebais) Папиния Стация в 12 книгах, повествующая о судьбах детей Эдипа, поэма «Punica» Силия Италика в 17 книгах, изображающая вторую пуническую войну, и многие другие.

Алтарь, изображающий легендарную историю основания Рима

Из римских историков эпохи Антонинов, писавших прозой, самым крупным был *Публий Корнелий Тацит* (P. Cornelius Tacitus). Тацит (ок. 55—120 гг.) —историк мирового значения — жил в период острой борьбы за утверждение нового политического режима — абсолютной монархии — и на собственном опыте испытал тяжесть домициановского правления. Вынужденный в течение 14 лет находиться вдали от общественной деятельности, Тацит всецело ушел в самого себя, затаив глубокое отвращение и злобу к новому политическому строю.

Отрицательное отношение к абсолютизму красной нитью проходит через все произведения Тацита. Отвращение к абсолютизму и любовь к республике чувствуются уже в его раннем

произведении — *«Диалоге об ораторах»* (Dialogus de oratoribus), — излагающем историю падения римского красноречия со времени Цицерона, убитого цезарским деспотизмом. Столь же пессимистично звучат слова Тацита в другом его сочинении, *«Агрикола»* (De vita et moribus Julii Agricolae), написанном после смерти Домициана. При «просвещенном абсолютизме» Антонинов политическая атмосфера сделалась более благоприятной для литературно-исторической работы, но творческая энергия Тацита после пережитых потрясений ослабела, и прежняя душевная бодрость исчезла. «...Как тело растет медленно, но быстро умирает, так точно мужество и духовная жизнь легче умирают, чем возрождаются. В конце концов нам, людям, даже начинает нравиться приятное ничегонеделание и бездеятельность, которые вначале отвергаются».

И, несмотря на все это, у Тацита оставалось еще достаточно сил для продолжения творческой деятельности. Вскоре после биографии Агриколы появился новый труд Тацита *«Германия»* (Germania. De situ ac populis Germaniae liber), описывающий положение, социальный строй и быт германских племен. Кроме прямой цели ознакомления римлян с германцами, что было вполне естественно в век частых сношений и столкновений с германскими племенами, «Германия» преследовала также и другие публицистические цели. Описывая простой строй германцев и изображая их сильными и здоровыми людьми, Тацит противопоставлял порядки германских дикарей римским порядкам, как лучшее худшему. За «Германией» последовали *«Истории»* (Historiae) в 14 книгах, охватывавшие период от Гальбы до Домициана (69—96 гг.). По окончании «Историй» Тацит принялся за составление своего последнего и самого совершенного труда — *«Летописей»*, или *«Анналл»* (Annales), трактующих период клавдиевой династии от смерти Августа (ab excessu divi Augusti) до смерти Нерона (14—68 гг.).

При всем разнообразии сюжетов и обширности материала произведения Тацита представляют единое целое, связанное определенной идеей и философской концепцией. Через все его сочинения проходит одна центральная идея — *вырождение римского общества* и, как его следствие, кризис республики и утверждение монархии. Тацит не верит в творческие силы римского общества. Его общественный идеал лежит позади, в далеком прошлом, в царстве Сатурна или же в далеких лесах Германии.

Причиной кризиса республики Тацит считает *порчу нравов*, как следствие чрезмерного развития страстей и эгоизма. Страсти порождают зависть, разделение на группы, обеднение одних и возвышение других. Усиливающееся же социально-экономическое неравенство приводит к ожесточенной борьбе между людьми, гибели Республики и утверждению абсолютизма. Абсолютизм,

полагает Тацит, так глубоко пустил корни в римскую почву, что он сделался исторически необходимым, и потому борьба с новым режимом объективно обречена на неуспех. При данных конкретных условиях наиболее разумной политической формой Тацит считает *«умеренную монархию»* Траяна, сочетавшую самодержавие с аристократией. Стоящий во главе государства «просвещенный принцепс» действует по указанию сената и в первую очередь считается с интересами аристократии. Отношение Тацита к народу сдержанное, а иногда и прямо враждебное. Условием прочности политического порядка Тацит считает политическую свободу (libertas), но свободу не для всего гражданства, а только для его верхних слоев, для избранных людей.

Согласно стоической философии, к которой был близок Тацит, задача историка заключается прежде всего в этической оценке исторических личностей и событий. Какой-либо общей историко-социологической концепции у Тацита, как и вообще у историков императорского периода, не имеется. Задача историка, по его мнению, есть задача моралиста, а история как научная дисциплина принадлежит к *разряду этики и политики*. Сила Тацита заключается в его замечательных характеристиках и драматическом изображении страстей действующих лиц на фоне социальной и политической борьбы.

Во всех отношениях слабее Тацита другой римский историк, младший его современник, — *Светоний Транквилл* (C. Suetonius Tranquillus, ок. 75—160 гг.). Секретарь императора Адриана, Светоний представляет тип ученого историка, собирателя сырого материала, склонного к chronique scandaleuse. Главным историческим трудом Светония считаются *«Биографии цезарей»* (De vita Caesarum), содержащие биографии 12 цезарей, начиная с Юлия Цезаря и кончая Домицианом.

Биографии Светония написаны по определенному шаблону (ранняя история, история правления, внешность, образ жизни, характер, мирная и военная деятельность, смерть, погребение, некролог), повторяющемуся в каждой биографии. Они не оставляют цельного впечатления, в них не чувствуется центральной идеи и совершенно отсутствуют какая-либо философия истории и политическая идеология. История растворяется в биографиях императоров и тонет в придворных сплетнях и интригах.

Риторический элемент, свойственный Светонию, заметен также и у историка-александрийца *Аппиана* (середина II в.), по профессии адвоката, занимавшего должность прокуратора фиска в Египте. «Римская история» Аппиана делилась на несколько отделов, посвященных важнейшим событиям римской истории. Для избежания синхронистических трудностей, возникающих при изложении одновременных событий, у Аппиана группировка исторического материала дается по войнам, что

в значительной степени облегчает задачу историка. Из сохранившихся книг одна (VII) посвящена войне с Ганнибалом, одна — сирийской и парфянской истории, войне с Митридатом и т. д. Важнейшую часть сочинения составляют *«Гражданские войны в Риме»* в пяти книгах (XIII—XVII).

Историографическая ценность трудов Аппиана состоит, во-первых, в том, что они содержат много данных, взятых из утраченных сочинений других историков, которыми Аппиан пользовался и которые он почти дословно повторял, и, во-вторых, в том, что он обратил внимание на классовую борьбу как движущую силу истории. Маркс в письме к Энгельсу от 27 февраля 1861 г. писал: «...По вечерам отдыха ради увлекался «Гражданскими войнами в Риме» Аппиана в греческом оригинале. Очень ценная книга. Он — родом египтянин. Шлоссер говорит, что у него «нет души», вероятно, потому, что он (Аппиан. — *В. С.*) старается докопаться до материальной подкладки этих гражданских войн» [1]. Высоко оценивал Аппиана также и Энгельс: «Из древних историков, которые описывали борьбу, происходившую в недрах римской республики, только Аппиан говорит нам ясно и выразительно, из-за чего она велась: из-за землевладения» [2].

Индивидуализм и вера в крупную личность, творящую и видоизменяющую исторические события по своему желанию, характерные для историографии императорского Рима, положены в основу замечательного историко-литературного труда *«Сравнительные биографии»* (Vitae parallellae) *Плутарха* из Херонеи (ок. 46—120 гг.), воспитателя Адриана. Задача истории, по Плутарху, сводится к внедрению в сознание людей определенных этических ценностей или добродетелей, позволяющих человеку развить всю совокупность заложенных в него природой возможностей. Добродетели же и пороки лучше всего постигаются на исторических примерах. В «Сравнительных биографиях» Плутарх рисует ряд портретов великих людей Греции и Рима, «галлерею славы», возвеличивая добродетель и бичуя пороки. Художественно скомпанованная «галлерея славы» должна расширить горизонт читателя, внедрить в его сознание идею прекрасного и показать ему различные человеческие типы в их жизни и действии.

«Для нас, — говорит Плутарх во вступительной главе перикловой биографии, — бывает полезен тот цвет, яркость и приятность которого укрепляют зрение и приносят ему пользу. Так точно и ум человеческий должен обращать внимание на то, что, доставляя ему приятное, может в то же время вызвать в нем свойственное ему стремление к прекрасному. Прекрасное же

---

[1] *Маркс и Энгельс*, Соч., т. XXIII, стр. 15.
[2] *Энгельс*, Л. Фейербах, Партиздат, 1936 г., стр. 53.

всегда связано с понятием полезного, ибо нет действительно полезного без действительно прекрасного. Прекрасное имеет в себе что-то возбуждающее к деятельности. Оно тотчас же внушает нам желание действовать, оно облагораживает душу зрителя, даже самый рассказ о нем... оказывает благотворное влияние на его выбор» [1].

Из второстепенных историков «счастливого периода» достаточно назвать *Флора* (L. Annaeus Florus), написавшего сжатый очерк римской истории на основе трудов своих предшественников, главным образом Тита Ливия (in brevi quasi tabella, totam eius imaginem amplectar).

Своим трудом Флор надеется оказать услугу читателю и государственному деятелю, у которого нет возможности освоить большие исторические труды. С точки зрения языка и группировки материала, сжатая история Флора (breviarium) представляет очень хорошее пособие по римской истории, охватывающее период от основания Рима до Траяна.

Симптомы приближающегося кризиса ощущаются и в области научно-философского творчества изучаемого периода. Количественно научные произведения растут, но научные методы грубеют, оскудевает творческая фантазия и исчезает оригинальность мысли.

В смысле систематизации и расширения материала значительные успехи были достигнуты в области строительного искусства, механики, медицины, географии и математики. Одно из первых мест среди научных дисциплин в императорском Риме занимала медицина, а среди ученых медиков заслуженной славой пользовался врач *Клавдий Гален* (Claudius Galenus), родившийся в Пергаме в 131 г. н. э. Благодаря своим обширным познаниям и врачебной практике Гален стал известен в Риме, был приглашен ко двору и сделался лейб-медиком молодого Коммода. Галену принадлежит масса сочинений общего и специального характера. Специальные трактаты посвящены отдельным отраслям и вопросам медицины — хирургии, дыхательным органам, пищеварению, головному и спинному мозгу, анализу питательных веществ, пиявкам и т. д. «Врачебное искусство» Галена долгое время считалось образцовым учебником по медицине. При всей широте своего образования Гален не остался чужд влиянию религиозно-мистических идей, характерных для его времени. В вопросах философии и мировоззрения Гален стоит на популярной в его время религиозно-мистической точке зрения, полагая, что все совершающееся в природе и организме человека подчинено мировой целесообразности, мировому разуму-богу, стоящему над миром и управляющему им.

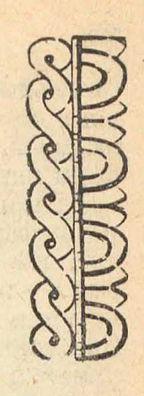
---

[1] *Plut.*, Pericles., I.

Не меньшей популярностью в своей области пользовался другой знаменитый ученый античного мира, *Клавдий Птолемей*, современник Антонина Пия, выдающийся математик, географ и астроном. Научная деятельность Птолемея протекала в Александрии, где он делал наблюдения над звездами и написал большую часть своих сочинений. В геоцентрической системе Клавдия Птолемея земля признается центром вселенной, вокруг которого вращается небесный свод с находящимися на нем солнечными мирами. Сочинения Клавдия Птолемея и вообще сочинения всех ученых II в. поражают обилием материала, содержат массу математических выкладок, цифр, географических имен, дат и астрономических записей. У последующих поколений авторитет Птолемея был не менее велик и всеопределяющ, чем у современников. Геоцентрическая система оставалась непоколебимой до XVI в., до времени Коперника.

Глава XX

ХРИСТИАНСТВО

1. РЕЛИГИОЗНО-МИСТИЧЕСКИЕ НАСТРОЕНИЯ В РИМСКОМ ОБЩЕСТВЕ I—II вв.

Философско-этические учения, о которых говорилось в предшествующей главе, захватывали только небольшие группы римской интеллигенции. Народным же массам философские системы вследствие их сложности и трудности понимания не были доступны. Из всех философских систем наибольшим распространением среди широких слоев римского общества пользовалась *философия циников*. Проповеди циников находили сочувствие среди рабов, вольноотпущенников и низших слоев свободного населения благодаря смелой критике существующего строя, отрицанию богатства и знатности и значительной доли религиозной настроенности. Мистико-религиозные настроения, являвшиеся своеобразным пассивным протестом и одновременно приспособлением к существующему укладу жизни, захватившие высшие слои, в еще большей степени захватили низшие классы римского общества. Религия в императорском Риме была единственной идеологической формой, дававшей выход чувству неудовлетворенности существующим строем. Живя скучной, однообразной жизнью изо дня в день, задавленные материальной нуждой, бесправные и ревниво опекаемые императорской бюрократией, люди теряли веру в собственные силы, общественные условия приводили их таким образом к отрицанию культуры и даже самого смысла жизни, заставляли предпочитать мир идей и фантазий реальному миру.

«Всеобщему бесправию и утере надежды на возможность лучших порядков соответствовала всеобщая апатия и деморализация. Немногие оставшиеся еще в живых староримляне патрицианской складки и патрицианского образа мыслей были устранены или вымерли; их последним представителем был Тацит.

Остальные были рады, если могли держаться совершенно в стороне от общественной жизни. Их существование заполнялось наживой, наслаждением богатством, частными сплетнями, частными интригами»[1].

Таким путем создавалась почва для развития всякого рода религиозно-мистических настроений и учений. «Где же был выход, где спасение для порабощенных, угнетенных и обнищавших, — выход, общий для всех этих различных групп людей с чуждыми или даже противоположными друг другу интересами?.. При тогдашнем положении вещей он мог быть лишь религиозным»[2]. На понижение веры в мощь человеческого разума указывали распространение веры в чудеса, пророчества, гадания, широкая популярность астрологии, по небесным светилам предсказывающей будущность человека, появление «одержимых святым духом» проповедников и пророков и тому подобные проявления религиозно-мистических настроений[3].

Распространение суеверий было столь велико, что оно начинало даже вызывать серьезные опасения государственной власти. Август, стремившийся, как мы видели, к восстановлению старой римской религии, в целях борьбы с суевериями издал специальный указ, предписывавший сожжение пророческих книг, за исключением избранных отрывков сивиллиных книг, освященных стариной и не содержащих, с точки зрения власти, ничего предосудительного. Ослабление суеверий ставила своей целью и общая религиозная политика Августа, пытавшегося организовать религиозные чувства своих подданных. Уступая духу времени, требовавшему всего мистического, таинственного и освященного седой стариной, Август и следовавшие за ним императоры воскрешали давно забытые культы и религиозные братства (sodalicia), наряду с которыми устанавливались новые, связанные с почитанием гения императора, обожествленного после смерти Августа (divus Augustus), его божественного отца Юлия Цезаря (divus Iulius) и других императоров, обожествленных после смерти сенатом. Так воскресли старинные жреческие коллегии и братства — Арвальских братьев, Луперков, Салиев, Тициев (sodales Titii) и много других.

Реставрацией старинных культов и введением некоторых элементов восточных религий надеялись оживить омертвевшую официальную религию Рима, не дававшую простора для выхода эмоций. Однако чем дальше, тем все очевиднее становилось, что старая религия не могла выполнить возлагавшихся на нее со-

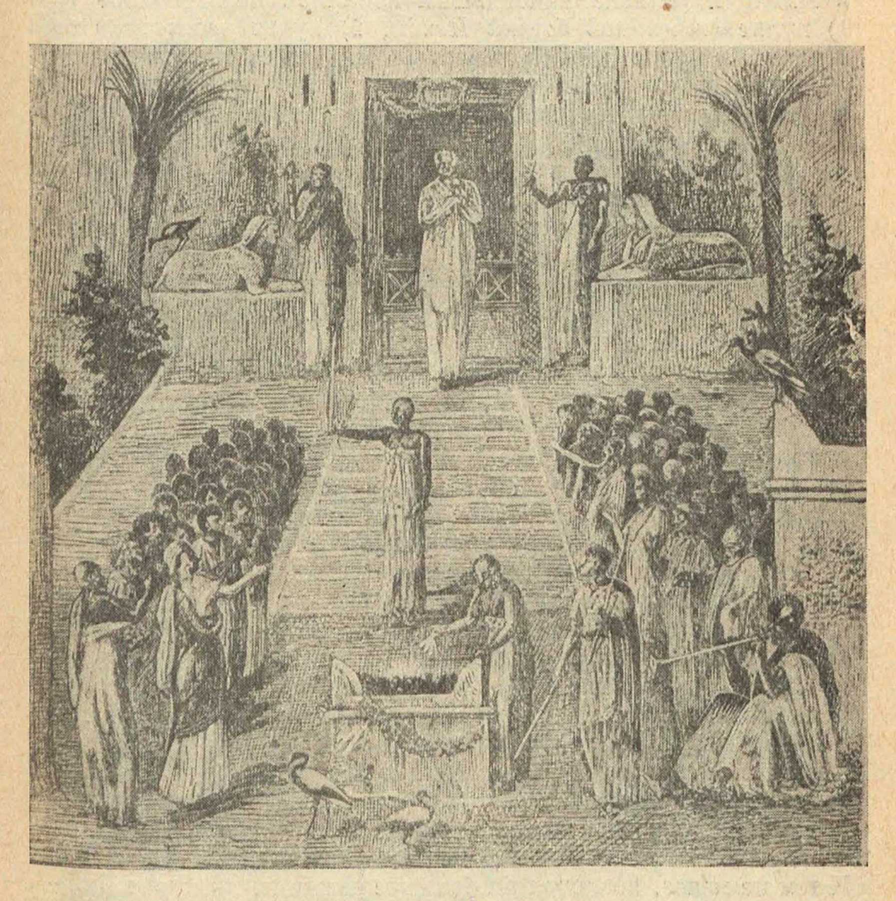
---

[1] *Энгельс*, Бруно Бауэр и раннее христианство, М., Партиздат, 1933 г., стр. 9.

[2] *Энгельс*, К истории первоначального христианства, Огиз, 1933 г., стр. 35.

[3] *C. Birt*, Kulturgeschichte Roms, 1909.

циальных функций, и потому была необходима новая религия, более соответствовавшая условиям нового общества. Превращение Римской империи в Средиземноморскую империю, государственная централизация и романизация разлагающим образом действовали на римскую религию, возникшую в совершенно

Культ Изиды

иных социальных условиях и на ином культурном уровне, в условиях родового строя, почитания сил природы, аграрных божеств и божеств — покровителей города. Связанные с этой религией чувства давно уже иссякли, а религиозные обряды выродились в сухие формулы, не связанные ни с какой реальностью и механически выполняемые жрецами и чиновниками. Больше шансов на роль всеимперской религии имела религия, связанная с культом императоров, но и она в силу своего официального

происхождения не могла захватить чувства людей и превратиться в мировую религию.

Вместе со старой римской религией и культом императора в Римской империи существовали еще другие религии, претендовавшие на роль мировых религий. Из существовавших тогда в Империи религий наибольшим влиянием пользовались три: 1) культ *египетской богини Изиды*, 2) культ *персидского бога Митры*, 3) культ *иудейского бога Яхве*. Долгое время принадлежавшие к числу запрещенных культов, названные религии привлекали своей таинственностью, пророчествами, верой в бессмертие и в потусторонний мир и более интимными формами общения[1]. Не последнюю роль в восточных (оргиастических) религиях играл и эротический момент.

По учению восточных религий, жизнь человека представлялась вечной борьбой телесного и духовного начала. Высшим началом человеческой природы признавалась душа, сверхматериальная основа человеческого существа. В качестве средств, освобождающих душу из-под власти тела, проповедовались молитвы, посты, культовые обряды и церемонии, вызывающие религиозный экстаз. Полагали, что в мистическом экстазе человек, как бы освобождаясь от телесной оболочки, соединяется с богом и получает часть божественной силы. Связующим звеном, посредником между богом и людьми, в религии Изиды является *Озирис — Серапис*, в персидской — *Митра*. В честь Озириса, источника вечной жизни, божественного супруга всемогущей Изиды, в самом Риме справлялись два больших праздника, сопровождавшихся религиозными церемониями, факельной процессией, шествием в белых одеждах, музыкой и танцами и несением изображений божеств. Многие из перечисленных идей и обрядов впоследствии вошли в христианство. Большую часть приверженцев восточных культов составляли вольноотпущенники и рабы восточного происхождения; от них эти культы переходят и к другим слоям населения Рима и западных городов. Дольше всего вера в старых богов сохраняется среди сельского населения. Число приверженцев восточных религий было так велико, что при Калигуле в Риме даже появился первый храм Изиды. И тем не менее, несмотря на большое влияние, ни культ Изиды, ни культ Митры не стали государственной религией Римской империи. Таковой сделалось *христианство*. Причина победы христианства заключалась в большей приспособленности христианской религии к социально-экономическим, политическим и культурным условиям Римской империи.

---

[1] G. *Wissowa*, Religion und Kultus der Römer, 1902, «Handbuch der klassischen Altertumswissenschaft»; *J. Toutain*, Les cultes païens dans l'empire romaine, 1917.

Святилище митры

Христианство зародилось в Палестине, в Иудее, и в своей идеологии и практике восприняло в чистом или переработанном (эллинизированном) виде многие черты иудейской (древнееврейской) религии, что и заставляет нас изучение христианства начать с краткого ознакомления с историей Иудеи.

2. ИУДЕЙСТВО И МЕССИАНСТВО

История иудеев, или израильтян, представляет одну из наиболее интересных страниц истории античного мира. Лишь немногие страны древнего мира могут сравняться с еврейской историей по числу и силе революционных движений, глубине социально-политических катастроф, богатству и яркости идеологии.

Первое еврейское царство (Древний Израиль) образовалось около тысячного года до н. э. при *царе Давиде* и его *сыне Соломоне* в Палестине. При Давиде был построен город Иерушалаим, или *Иерусалим*, а при Соломоне сооружен храм в честь еврейского бога Яхве, в течение многих столетий служивший центром религиозного и политического объединения еврейства. После смерти Соломона Израильское царство распалось на две части — северную и южную, или собственно Иудею. Постоянная вражда между северными и южными царями ослабила Израиль и облегчила победу врагам. В VIII в. до н. э. Израиль был покорен ассирийским царем Салмонасаром V[1] и порабощен. «Все богатство и самарийская добыча — в руках царя Ассирии». В VI в. (586 г.) произошел новый, еще более опустошительный разгром царства Иуды вавилонским царем Навуходоносором. «Яхве посылает раба своего Навуходоносора на землю сию, и вся земля эта превратится в пустыню и ужас», — говорится в одной из древнееврейских священных книг. После девятимесячной осады Иерусалим пал, храм Яхве был сожжен, царский дворец уничтожен, часть жителей переселена в Вавилон, оставшиеся же на прежних местах были обложены данью в пользу победителя. Вавилонское пленение составляет переломный момент в истории евреев. С этого времени начинается *иудейская диаспора*, т. е. расселение евреев по всей обширной Вавилонской империи, ослабление старых обычаев и верований и проникновение в Иудею вавилонской культуры. В сознании еврейского народа вавилонское пленение оставило глубокий след, породив, с одной стороны, чувство глубокой скорби о потере былой самостоятельности, а с другой — надежды на возрождение и создание нового, лучшего царства. Подчинение Иудеи вавилонянам продолжалось около 50 лет, до разгрома царства Навуходоносора персидским царем Киром, установившим более легкую для

---

[1] Точно — в 722 году.

иудеев зависимость. Дальнейшая история Иудеи связана уже с историей македоно-эллинистических царств и затем с историей Рима. В 63 г. Помпей занял Иерусалим и поставил Иудею в зависимость от Рима.

Ко времени появления в Палестине римлян иудейская община уже достигла высокого социально-экономического уровня, развились товарно-денежное хозяйство, торговля, ремесла и земледелие. Как составная часть Римской империи Иудея была втянута в социально-экономические, политические и культурные интересы греко-римской ойкумены. Социальные противоречия в Иудее развивались в том же направлении, как и в других частях Римской империи, с той только разницей, что в Иудее большую роль играло жречество, группировавшееся вокруг Иерусалимского храма. Управление страной находилось в руках *синедриона* — совета города Иерусалима, состоявшего из первосвященника, наиболее влиятельных жрецов (левитов) и ученых юристов, выходивших из иудейской аристократии, — *садукеев*, названных так по имени первого жреца Яхве Садока. Второй слой составляли *фарисеи*, учителя еврейских школ (раввины), проповедники в еврейских молельнях (синагогах) и ученые толкователи «Закона Моисея», по которому жила иудейская община. Подобно садукеям, фарисеи в большинстве случаев не пользовались народными симпатиями. Народ, который ученые раввины называли презрительным именем «сынов земли» — амхарез (amhaarez), не любил фарисеев за их сухое, чисто формальное толкование закона, консерватизм, мелочность и требование строгого выполнения всех предписываемых законом и обычаем правил. Враждебное отношение массы иудейского населения к жречеству и книжникам увеличивалось еще потому, что верхи иудейского общества часто действовали заодно с представителями римской власти, так называемыми *иудейскими царями*, ставленниками римских императоров. «Молись о благополучии правительства, — говорил один раввин, — ибо если бы не страх перед ним, то один другого съел бы живьем».

Помимо уплаты десятины в пользу храма и дани в пользу Рима, простой народ был обременен всякого рода податями и повинностями, налагаемыми на него иудейскими царями. Иудейские цари, не щадя народных средств и сил, возводили дорого стоившие постройки, сооружали цирки, театры, содержали блестящий двор, тратили деньги на приемы гостей, делали богатые подарки фаворитам и т. д. Особенную славу в этом отношении приобрел *Ирод Великий*, живший при Августе и оставивший о себе дурную память в еврейском народе как раб римского цезаря, «жрущего свиное мясо». В угоду жрецам и фарисеям Ирод отстроил заново с небывалой роскошью Иерусалимский храм, построил себе блестящий мраморный дворец

в Иерусалиме, театр и амфитеатр, город украсил статуями римского императора, на берегу моря соорудил великолепную бухту в г. Кесарии, сделавшейся резиденцией римских наместников (прокураторов).

Политика иерусалимского жречества и казуистическая мелочность фарисеев раздражали не только простой народ, но также и еврейскую плутократию, в особенности купцов и денежных людей, стесняемых в своих коммерческих операциях предписаниями закона. Разногласия существовали также между еврейскими и нееврейскими купцами, проживавшими на палестинской почве, в особенности на севере Палестины, в богатой и многолюдной Галилее.

Создавался сложный узел социальных противоречий, выступавших на поверхность в виде борьбы партий, образования массы легальных и нелегальных сект, революционных вспышек, заговоров, террористических актов и т. п. Особенно частые и острые социальные конфликты в Иудее происходили в первом столетии нашей эры, в правление Ирода (37—4 гг.) и его преемников. Углубление классовых противоречий и обострение классовой борьбы вызывались ростом задолженности, усилением поборов, произволом иудейских и римских властей. Восстания вспыхивали как в Иерусалиме, так и в других городах Иудеи и Галилеи. Главная масса протестующих выходила из низших классов: рабов и свободных, разорившихся земледельцев и ремесленников, число которых все более возрастало. Во главе восставших становились *«иудейские цари»*, как называли себя вожди восстаний. «Иудейским царем» назывался, например, *Иуда*, сын Езекии, поднявший восстание в Галилее, затем *Симон*, раб Ирода, пастух *Афрон*, *Иуда Гавлонитянин* и многие другие, о которых сохранилась память у потомков как о борцах за независимость Иудеи, за права бедных и угнетенных против богатых и знатных. Революционные брожения в Иудее продолжались в течение всего I и II вв. Последним крупным восстанием на палестинской почве было известное нам восстание Бар-Кохбы при Адриане. Большая часть революционных вождей принадлежала к *партии зелотов*, религиозных фанатиков, ревнителей закона и старины, непримиримых врагов чужестранцев (римлян) и поддерживавших их фарисеев и садукеев. Подвергавшиеся преследованиям властей, зелоты убегали на север Галилеи, в болотистые и пустынные места Меромского озера. Отсюда они совершали налеты на соседние города, сжигали дома, захватывали имущество и грабили по дорогам богатых путешественников.

Движение зелотов находилось в связи с *мессианским учением*, характерным для иудейской истории. Самая идея мессианства, т. е. вера в пришествие Мессии — пророка, царя или бога, освободителя людей от их страданий, не является особенностью

исключительно одной Иудеи. Аналогичная мысль о пришествии спасителя и освободителя рода человеческого известна также и другим народам, но нигде она не получила столь яркого выражения, как в древнееврейской литературе.

Мессианские чаяния проходят через всю историю иудейства, но для истории христианства наибольшее значение имеют мессианские идеи более поздней римско-эллинистической эпохи, когда были составлены главные произведения еврейской религиозной литературы, содержащей пророчества и *откровения* (апокалипсисы) о конце мира и грядущем Мессии. К этому времени принадлежат: «*Книга пророка Даниила*», «*Мудрость Соломона*», «*Книга Еноха*», «*Оракулы Сивиллы*», «*Апокалипсис Баруха*», «*Третья книга Ездры*» и много других.

В той или иной окраске мессианские идеи разделяли все группировки, существовавшие в иудейской общине. Образ Мессии и картина грядущего социального переворота по-разному рисовались различными авторами, в зависимости от социальных симпатий. Но при всех различиях в этих изображениях имелись и общие черты. Таковыми являлись скорая гибель языческого мира, возрождение Израиля, царства Давида и Соломона и основание нового града Иерусалима, расположенного у райской реки жизни. К этому присоединились апокалипсисы о страшном суде и воскресении мертвых. Господство иноземных и туземных угнетателей рассматривалось как начало конца, как начало грозящей социальной катастрофы.

«Подошли времена к концу, — говорили проповедники, — над миром господствуют безбожные и порочные люди... Они пожирают добро бедных, утверждая, что все это они делают из жалости.

Но уже слышны первые раскаты грома, приближается день гибели неправедных, знатных, могучих, богатых и сильных».

«Горе вам, могущественные, насилием поражающие праведного, ибо придет день вашей гибели! Горе вам, богатые, ибо на богатство надеялись вы и от сокровищ ваших будете извержены».

«Ничто не спасет от гибели — ни царское достоинство, величие и мощь повелителя, серебро, пурпур и золото, пития и яства: как вода, будете вылиты вы со всеми вашими сокровищами, со всею вашею славой и блеском погибнете вы, и со срамом, со смертельными ударами, в нищете будете брошены в пещь огненную!» [1]

В то время как грешные будут мучиться в «огненной печи», праведные будут наслаждаться всеми благами материальной и духовной жизни.

«В те дни облечется вся земля правдою, вся обсажена будет деревьями и полна будет благословенных даров. Всякие деревья

---

[1] *Н. М. Никольский*, Древний Израиль, 1922 г., стр. 350.

злачные произрастут на ней; будут посажены на ней виноградники, и дадут они без конца вина; семя всякое, на земле посеянное, принесет урожай в 1 000 крат, одна мера олив даст 10 мер масла... Кто был голоден, досыта упитается; каждый день чудеса узрят праведные» [1].

Мессия рисовался или в образе «сына человеческого», могущественного царя, божьего помазанника (Христа) или же в образе сына божьего, рожденного богом-отцом до сотворения мира.

Мессианскими идеями были проникнуты все партии и секты, существовавшие в Палестине, в том числе и христианство, как одна из иудейских сект. С наибольшей отчетливостью мессианские чаяния выражены в древнейшем памятнике христианской письменности — в *«Откровении* (апокалипсисе) *Иоанна»*, составленном в период Иудейской войны (66—70 гг.) под непосредственным впечатлением великих событий.

Составитель «Откровения» полон горячего сочувствия иудеям, предвещая скорое падение Рима — «вавилонской блудницы».

Падение Рима описывается в духе древних апокалипсисов и пророческих проповедей. «Семь чаш гнева божия выльются на землю... Дым мучения жителей нечестивого Вавилона (Рима) будет восходить во веки веков, и они не будут иметь покоя ни днем, ни ночью; на людях появятся жестокие и отвратительные раны, солнце будет жечь людей огнем, затем померкнет солнце, и люди от страдания будут кусать свои языки, разразятся молнии и громы, земля потрясется» [2]. В результате всех бед и ужасов падет нечестивый город Рим, а его место займет святой город — «Новый Иерусалим».

При этом будущее царство, идущее на смену разлагающемуся, полному насилий, пороков и несправедливостей Риму, изображается в ослепительно фантастических красках. Стены города «Нового Иерусалима» будут украшены сапфиром, смарагдом, сардоником, хризолитом, бериллом и им подобными драгоценными камнями. В царстве будущего будет изобилие всех яств, напитков, будут царить вечный покой и блаженство. Но все это будет доступно не всем людям, но только избранным, святым или блаженным, живущим по заповедям божьим, не поддающимся соблазну и творящим правду.

Мессианство составляет основу христианской религии, обеспечившую ей победу над другими религиями, в частности над религией Изиды и Митры. Ни в одной из религий того времени, претендовавших стать господствующими религиями Римской империи, будущее царство не рисовалось с такой яркостью и грубой материальностью, как в христианстве. Надежда на скорый

---

[1] *Н. М. Никольский*, Древний Израиль, 1922 г., стр. 350.

[2] *Johan.*, Apocalyps., XVI, XIV.

конец мира и наступление вечного блаженства одухотворяла почитателей имени Христа и, наполняя фанатизмом, делала презрительно равнодушными к окружающему миру и как бы возвышала над общим уровнем. К этой основной идее присоединялись еще другие, облегчавшие победу христианства. Сюда надо отнести идею бессмертия, тесно связанную с мессианством, уравнение всех людей во всеобщей первородной греховности, незначительность обязанностей, требуемых от своих прозелитов христианской сектой, отсутствие в первое время сложной ритуальной обрядности и т. д.

3. ХРИСТИАНСКИЕ ОБЩИНЫ

Начальная история христианства покрыта туманом неизвестности. По церковным преданиям, основателем христианства был Иисус Христос из города Назарета в Галилее, сын плотника. За свои проповеди, призывавшие к покаянию ввиду приближения конца мира, и резкое осуждение садукеев и фарисеев за творимое ими зло в отношении «детей земли» он был предан суду, осужден синедрионом за присвоение себе царского звания и объявление себя Мессией и распят при римском наместнике Пилате, в царствование Тиберия, в 30 г. н. э. Так рассказывает церковная история, но современная наука трактует этот вопрос иначе.

При критическом подходе к вопросу передаваемые церковной историей рассказы о рождении и жизни Христа, его проповедях, творимых им чудесах, смерти и воскресении оказываются сочиненными гораздо позже и не имеют ничего общего с исторической действительностью. При отсутствии критически проверенных фактов о начальном периоде христианства и его основателе, при настоящем уровне исторической науки приходится ограничиться признанием, что христианство зародилось в Палестине в I в. н. э. и было одной из иудейских сект, именно — *сектой назареев*. Дальнейшая история христианства есть история *христианских общин*, их распространения по всему римскому миру, освобождения христианства от иудейских элементов и его приспособления к социально-политическим и культурным формам Римской империи. В соответствии с переменами в организации христианских общин и их социального состава менялась также и христианская идеология, все более порывавшая с революционными идеями, имевшимися в архаическом христианстве, когда оно еще было иудейской сектой.

В конце I в. н. э. *христианские общины* существовали во всех крупных торгово-ремесленных городах античного мира — Иерусалиме, Антиохии, Эфесе, Коринфе, Риме, Путеолах и др. По своей организации христианские общины напоминали римские

коллегии, «погребальные коллегии маленьких людей» (collegia funeraticia). По римским законам, «изуверская иудейская секта христиан» принадлежала к разряду нелегальных союзов, и потому собрания христиан могли происходить только в потаенных местах, пустых зданиях, в горах, на кладбищах, в катакомбах и т. п. Специальных молитвенных домов (церквей) в первое время не существовало, не существовало также и каких-либо уставов и определенного ритуала, все было делом «боговдохновения» и случая. Каждая община жила самостоятельной жизнью, никакой общей связи между отдельными христианскими общинами не существовало. Единственной связью была «вера в Христа» или, вернее, в «имя Христово» (nomen Christi), ибо в разных общинах образ Христа рисовался различно.

Входившие в состав общин «почитатели Христа», называвшие себя братьями и сестрами, считались равноправными и одинаково «боговдохновенными». Каждый верующий, «святой», мог быть учителем, проповедником, пророком и слугой под воздействием высшей силы благодати (charisma), осенявшей его в данный момент (харисма — состояние экстаза, получаемого непосредственно свыше или же через особые религиозно-мистические действия).

Вступавшие в общину члены проходили обряд очищения, омовения водой. Главную часть собраний «во имя Христа» составляли «вечери любви», совместные трапезы, проповеди, чтение и толкование «священного писания». Целью христианских собраний была забота о погребении своих членов и приготовление к скорому пришествию Мессии и концу мира.

Число членов в первых христианских общинах было неодинаково, но в общем невелико. «Где двое или трое собираются во имя мое, там и я нахожусь среди них» [1], — говорится в евангелии Матфея. Социальный состав общин не был однороден, но бесспорно, что первоначально в христианских общинах, как и в «союзах маленьких людей», преобладали представители низших классов — рабы, вольноотпущенники и близкие к ним по своему социальному положению и настроению свободные.

Пронизанная мессианскими идеями христианская религия — столь блестящими красками разрисованный «Новый Иерусалим», расположенный у райской реки жизни, — привлекала к себе всех отчаявшихся людей, не находивших иного выхода из своего безрадостного положения. «Из каких людей рекрутировались первые христиане? Преимущественно из «удрученных и обремененных», принадлежавших к низшим слоям народа, как и подобает революционному элементу. Из кого же состояли последние? В городах — из разорившихся свободных людей

---

[1] *Matth.*, 18, 20.

из всех слоев народов, подобно «mean whites» [1] южных рабовладельческих штатов или европейским бродягам и авантюристам колониальных и китайских портов, затем — из вольноотпущенников и главным образом рабов; в латифундиях Италии, Сицилии и Африки и в сельских округах провинций — из мелких крестьян, все более и более попадавших в кабалу из-за долгов» [2].

Вступление в христианские общины должно было казаться тем более заманчивым, что христиане, подобно всем сектантам, считали себя богоизбранными, святыми людьми, осененными высшим вдохновением, — святым духом, и свысока смотрели на всех остальных «непосвященных» и «небоговдохновенных» людей.

По мере расширения общин и усложнения их организации из массы рядовых «братьев и сестер» выделились диаконы (служители), заведовавшие хозяйственными делами общины, получением и распределением приношений членов общины, устройством общих трапез и т. д. Согласно преданию, первоначальные руководители христианских общин, *апостолы* (посланцы), не справлялись со всеми возложенными на них обязанностями и жаловались общине, что они не могут одновременно проповедовать, объяснять «слово божие» и обслуживать общины — собирать приношения, устраивать «вечери любви» и помогать бедным. Это и послужило поводом к образованию специальной и выборной *коллегии диаконов*, заведовавших хозяйственной частью. Для этой цели, по предложению апостолов, в иерусалимской общине было выбрано 7 человек, отличавшихся высокой репутацией.

По образцу коллегии диаконов вскоре возникла другая коллегия — *пресвитеров*, старейших проповедников и толкователей «священного писания», к которым постепенно перешло руководство всеми делами общины. Но и на этом дело не остановилось. Во II в. выделилась еще новая должность, — *епископа* (попечителя или блюстителя). Епископ ведал общинным имуществом, состоявшим из приношений и дарений, довольно обильно притекавших в христианские общины, и вместе с тем был представителем общины перед светскими властями. Епископская власть утвердилась не сразу. Сначала епископы выбирались на общинном собрании и находились под непосредственным его наблюдением. В дальнейшем же это положение радикально изменилось: над общиной верующих стал епископ и его помощники — священнослужители (клир).

Впоследствии выгодную для клира перемену старались поддержать ссылкой на апостольское предание, согласно которому епископы, пресвитеры и клир появились одновременно с общинами; первые пресвитеры были рукоположены самими апостолами

---

[1] Белыми из низших классов.

[2] *Энгельс*, О первоначальном христианстве, стр. 34.

по указанию святого духа, и с тех пор благодать божья продолжает пребывать на священнослужителях, в особенности же на главных из них — епископах и пресвитерах.

Первостепенное значение имело то обстоятельство, что только епископы и пресвитеры могли совершать таинство евхаристии (причащения), т. е. самый важный акт христианского культа. Раздача милостыни, устройство трапез, приютов, странноприемных домов, распоряжение общинными средствами и т. д. тоже целиком зависели от епископа и подчиненного ему клира. «Кого ненавидит епископ, того должен ненавидеть и весь народ общины. С кем епископ не говорит, с тем не должны говорить и члены общины», — читаем в одном наставлении II века. Особенное значение приобретают епископы в наиболее крупных городах Римской империи: Александрии, Карфагене, Константинополе, Антиохии и Риме. С конца II в. и еще более с III в. из всех христианских епископов по своей материальной силе и влиянию выделяется епископ центральной римской общины — будущий римский папа.

4. ЗАРОЖДЕНИЕ КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ

Благодаря своему столичному положению, большему числу членов и богатству римская община приобрела господствующее положение среди всех остальных христианских общин. Благодаря пожертвованиям, дарениям, церковным сборам (воскресный сбор) и землям, получаемым по завещанию умерших членов, римская община была богаче других, ссужала им деньги и располагала большим числом служителей. Все это в совокупности выдвинуло римскую общину на передний план среди других общин, а римского епископа сделало первым епископом и главой всего христианского мира. Этим было положено начало *христианской церкви* (ecclesia christiana) как объединению всех христианских общин под главенством Рима.

В подтверждение законности своих притязаний римские епископы ссылались на авторитет апостолов Петра и Павла, якобы основавших римскую общину. Впоследствии притязания римских епископов были подтверждены императорскими конституциями. «Мы желаем, — гласила одна из таких конституций, — чтобы все народы, которыми управляет наша кротость, пребывали в вере, переданной римлянам божественными апостолами Петром и Павлом и которой следует епископ Дамасский» [1].

Все другие христианские общины, или церкви в узком смысле слова, должны беспрекословно признавать авторитет и под-

[1] *Cod. Theod.*, XVI, 1, 2.

чиняться предписаниям римской церкви, якобы продолжавшей традиции апостолов.

Одной из основных причин, способствовавших объединению христианских общин в единую христианскую церковь, являлась ожесточенная борьба между отдельными христианскими группами, в особенности борьба церкви с *сектами гностиков*. Гностицизм возник на почве аллегорического толкования «Книг ветхого завета» (библии) и воспринял влияние восточных религий. Гностики (просвещенные) полагали, что истинный смысл библии доступен только немногим избранным, осененным особой, сверхъестественной благодатью (гносис). «Много званных, но мало избранных»[1] — таков девиз гностицизма.

Познание глубин мира и тайн природы, доступное немногим избранным, достигается путем сильного возбуждения (экстаза), особых обрядов и действий (мистерий). В мистериях человек, очищаясь от грехов, как бы сбрасывает свою человеческую природу и воссоединяется с богом. В этом, по учению гностиков, заключается смысл христианской евхаристии (таинства причащения), когда человек ест тело и пьет кровь Христа.

С учением гностических сект знакомят нас апокрифические, т. е. не признанные церковью, евангелия, из которых сохранилось довольно много отрывков[2].

При многих различиях все гностические секты сходились в одном, а именно в признании необходимости для «просвещенных» освобождения духа от материи, телесной оболочки человека, проникновения в тайный смысл священных книг и удаления от мира, что с логической неизбежностью вело к отрицанию земных учреждений, радостей и даже самого смысла жизни. Наиболее радикальные проповедники гностицизма доходили до крайних положений, требуя полного изменения всех установленных понятий и радикальной переоценки всех ценностей. «Если вы не делаете правое левым и левое правым, — говорится, например, в одном из апокрифических евангелий (Египетское евангелие), — верхнее нижним и нижнее верхним, переднее задним и заднее передним, то вы не можете постичь царствия божия...». «Двойственное должно сделаться единым, наружное слиться с внутренним, мужское с женским, не должно быть мужчины и женщины».

В социальных воззрениях гностиков крайний индивидуализм переплетался с крайним коллективизмом. Отрицая всякую организацию и какую бы то ни было догму, гностики проповедывали платоновский коммунизм, в частности общность имущества и общность жен (секта Карпократа). Некоторые секты гностиков

---

[1] *Matth.*, 22, 14.
[2] *E. de Faye*, Gnostiques et gnosticisme, Paris 1901.

проповедовали полный социальный индиферентизм, бедность и аскетизм. Из гностических вождей наибольшим влиянием пользовались *Карпократ*, *Маркион*, *Басилид и Валентин*.

Гностицизм возник в период расслоения и изменения социального состава христианских общин и, следовательно, имел под собой глубокие социальные корни. Ко времени появления гностицизма, т. е. к концу II в., социальный состав христианских общин заметно аристократизировался и плутократизировался, что нашло отражение также и в христианской идеологии того времени, в особенности в оценке богатства и бедности. В принципе все еще порицая богатство, церковные писатели вместе с тем начинают отмечать также и отрицательные стороны бедности. «Человек, находящийся в стесненном материальном положении, — говорится, например, в сочинении «Пастырь» Ермы (середина II в.), — терпит муки, пытки и мучает себя, как закованный в цепи, и многие, очутившись в подобном положении, истерзанные нуждой, налагают на себя руки».

Еще далее в этом направлении идет Ориген, писатель III в., заявляющий, что бедность является результатом слабости человеческой природы и лености. «Никто, — говорит он, — не станет без разбора хвалить нищих, из которых большинство по своей жизни люди негоднейшие».

Против омертвления и бюрократизации христианских общин поднялась сильная реакция среди «братьев и сестер», идеологами которой были гностики. Гностические учения находили больше всего сочувствующих в низших слоях населения и части интеллигенции, не удовлетворявшейся существующими порядками и искавшей выхода в гностическом анархизме.

Учение гностиков об отрицании богатства и проповедь коммунизма встречали резкий отпор со стороны правоверных (ортодоксов), оправдывавших социальное неравенство и стоявших за крепкую организацию христианских общин в виде церкви и за епископскую власть. Отчетливее всего аргументация за необходимость церковной организации представлена в сочинении карфагенского *епископа Киприана*, одного из наиболее сильных церковных писателей ортодоксального направления. Можно сказать, что, собственно, Киприан и был настоящим создателем теории церковной власти и епископского авторитета.

«В самом деле, — писал Киприан, — мы ведь знаем, что существует единый бог, единый владыка Христос, которого мы исповедуем, единый святой дух, — следовательно, должен быть и единый епископ...». «Без посредничества церкви нет спасения»[1].

«Счастливый век» Антонинов и Северов был временем напряженной деятельности христианской публицистики, напра-

[1] *Cypr.*, De unitate ecclesiae, 49, 2.

вленной на защиту новой веры против нападок язычников, на полемику с сектантами, систематизацию и формулировку основных положений христианской догматики и на выработку принципов церковной организации. По вопросам необходимости церкви и обоснования епископского авторитета возгорелась ожесточенная литературная борьба между ортодоксами и их противниками.

В результате долгой и упорной борьбы не на жизнь, а на смерть победа оказалась на стороне ортодоксов, опиравшихся на более жизнеспособные социальные элементы. Борьба с сектантами, в особенности с гностиками, способствовала оформлению христианской догмы, утверждению новозаветного канона богословских положений о церковных книгах в качестве твердой основы церкви и укреплению культа. В этот период, собственно, и сложилась вся христианская идеология, создался миф о Христе и были составлены или отредактированы основные книги христианского вероучения: четыре (синоптические) евангелия, Деяния и Послания апостолов, а также Апокалипсис. Главным центром литературно-проповеднической деятельности «отцов церкви» старшего поколения была египетская Александрия — центр античной учености и просвещения, и большая часть христианской литературы этого периода написана на греческом языке.

Из христианских писателей эпохи Антонинов и Северов наибольшей известностью пользовались *Минуций Феликс*, автор «Октавия», живший при Марке Аврелии, *Тертуллиан*, *Климент*, *Ориген* и др. По своему характеру сочинения «отцов церкви» (апологетов) являются полемическими сочинениями, наполненными угрозами по отношению к своим противникам и всему языческому миру. Апокалиптическая форма письма более всего выражена в произведениях Тертуллиана, аскета и визиониста, стоявшего на грани между ортодоксией и сектантством. «В мире,— писал Тертуллиан в «Послании к мученикам», — царит одно сплошное зло. Богатство, слава, почет, положение — все это пустая суета. Мир носит тягчайшие цепи, изнуряющие душу. Мир преисполнен вредных испарений, это соблазн распутства и сладострастия». Аналогичные мотивы отрицания мира имеются также и у других писателей, старших и младших современников Тертуллиана. Так, в «Послании апостола Иоанна» говорится, что в мире царит «похоть плоти, похоть очей и гордость житейская». Из этого делается общий вывод: «Не любите мира, ни того, что в миру, ибо кто любит мир, в том нет любви к богу».

Отрицая «языческий мир» вообще, христианские публицисты вместе с тем принимали социально-политический строй Римской империи в его основной социальной сущности.

«Каждый пусть остается в том звании, в котором он в настоящее время находится, — говорится в «Послании Павла к Корин-

фской общине», — кто принял христианство рабом, тот пусть им и остается»[1].

Уже самым отрицанием земных ценностей и перенесением идеала с земли на небо христианство сглаживало классовые противоречия, освящая и укрепляя тем самым существующие порядки. «Социальные принципы христианства оправдывали античное рабство, превозносили средневековое крепостничество...»[2].

В своих сочинениях и проповедях церковные идеологи противопоставляли испорченному языческому миру разрисованный апокалиптическими красками «Новый Иерусалим», на практике же церковь копировала привычные формы языческой Империи. Да иначе и не могло быть, поскольку христианство являлось идеологической надстройкой — религией, а христианские общины потребительными коммунами, удерживавшими старые производственные основы. Производственные основы языческой Империи — рабство и колонат — не отрицались ни церковью, ни христианской религией. Одинаковостью производственной основы объясняется и дальнейшая эволюция католической церкви в направлении централизованной бюрократической организации, закономерно враставшей в «царство сатаны», т. е. в языческую Империю.

Столь различные по своей идеологии организации — Империя и церковь — по существу преследовали одни и те же цели: организацию и эксплоатацию рабов, колонов и подобных им разрядов непосредственных производителей, в интересах светской и церковной аристократии и обслуживающего их бюрократического аппарата. Апокалиптическая же критика мира облегчила работу церкви и гарантировала ей успех в борьбе с Империей, поскольку церковь в форме «небесного царства» имела социальный идеал и целеустремленность, чего не имела языческая империя. Самым же важным было то, что церковная организация, возникшая в период кризиса рабовладельческой системы и начинавшейся феодализации Римской империи, гораздо лучше и легче приспособилась к зарождавшимся феодальным порядкам и усваивала феодальную идеологию. В этом и заключается секрет победы церкви над государством, в значительно большей степени связанным с рабовладельческим строем и классической культурой и классической греко-римской религией.

Параллельно с утверждением церкви усложнялась также и внешняя *обрядовая сторона христианской религии*. В отношении ритуала христианство было не менее синкретично, чем в отношении догматики. Все, что можно было взять из богатого

---

[1] *Paul*, Ep. ad Corinth., I, 7, 20—21.

[2] *Маркс*, Коммунизм рейнского обозревателя, *Маркс* и *Энгельс*, Собр. соч., т. V, стр. 173.

арсенала старых языческих религий, христиане брали полной рукой, рассматривая заимствованное как «богооткровенное наследие». Вера в загробную жизнь, воскресение мертвых, посредничество богочеловека (Христа), чудеса и им подобные элементы старых религий перешли также и в христианскую религию.

Христианский культ состоял из ряда символических действий, слов, проповедей, пения и молитв. Центральную часть христианского ритуала составляло «таинство» причащения, состоявшее из вкушения хлеба и вина, символизировавшее мистическое соединение человека с богом. Другим «таинством» было крещение, состоявшее в купании в чистой воде, очищавшей принимаемого в христианскую общину нового члена от первородного греха. Горящие свечи в руках молящихся символизировали рождение, смерть и воскресение. Большая часть символов и обрядов, принятых христианской церковью, связанных с верой в добрых и злых духов, являлась пережитком далекой старины и была заимствована из грековосточных религий. Христианство, как и все религии того времени, не исключая и иудейства [1], глубоко синкретично. В нем сплелись элементы трех стран тогдашнего мира: Иудеи, Эллады и Рима. Своей догматикой христианская церковь обращена в сторону Иудеи, философией — в сторону Эллады, а практической стороной — в сторону Рима.

Все вышеописанные качества делали христианскую религию универсальной, космополитической религией, по духу близкой *Римской империи*, впитавшей в себя все жизнеспособные элементы других религий. Благодаря всему этому христианство могло стать государственной религией Римской империи и постепенно срастись с ней. В условиях императорского режима, бюрократии и социально-политического омерщвления христианство оказалось наиболее действенным «опиумом для народа».

«Христианство, — пишет Энгельс, — не знало никаких вносящих разделение обрядов, не знало даже жертвоприношений и процессий классической древности. Отрицая, таким образом, все национальные религии и общую им всем обрядность, обращаясь ко всем народам без различия, христианство само становится *первой возможной мировой религией*» [2].

Чем больше плутократизировался социальный состав христианских общин и чем больше выветривалась революционная фразеология, тем настойчивее выступало стремление объединения церкви и государства. Однородные по своему социальному составу и организации церковь и государство шли навстречу друг другу.

---

[1] *Fr. Cumont*, Les mystères de sabazius et le judaisme. Comptes rendus de l'Académie des Inscriptions, 1906.

[2] *Энгельс*, Бруно Бауэр и раннее христианство, М. 1933 г., стр. 12.

Уже в сочинениях церковных апологетов II в. проскальзывает идея о возможности совместного существования церкви и Империи. Так, например, Юстин Мученик, церковный писатель первой половины II в., готов признать цезарское государство при условии признания государством христианской церкви и наказания всех, кто клевещет на христианскую религию и церковь.

Еще далее по пути сближения с государством идет епископ города Сард *Мелитон*, живший при Марке Аврелии (конец II в.). В своем трактате об истине, сохранившемся на сирийском языке и посвященном Марку Аврелию, Мелитон перечисляет выгоды, которые принесет государству сближение с церковью. «Наша вера, — пишет *Мелитон*, — возникшая среди чуждой народности, начала расцветать в провинциях твоего государства при твоем великом предшественнике Августе и принесла государству великие блага. Лучшим доказательством того, что вера наша процветала на благо монархии, служит тот факт, что со времени правления Августа ни одно несчастье не постигло вашу державу, напротив, все умножало ее славу и великолепие. Только Нерон и Домициан, совращенные злонамеренными людьми, устремились очернить нашу веру. От них и пошла ложь на христиан» [1].

Государство со своей стороны шло на сближение с церковью.

«Потребность дополнить всемирную империю всемирной религией, — писал Энгельс в «Людвиге Фейербахе», — ясно обнаруживается в том, что Рим пытался ввести у себя поклонение всем сколько-нибудь почтенным чужим богам наряду с местными. Но подобным образом, императорскими декретами нельзя создать новую всемирную религию» [2].

По мере того как Римская империя превращалась в мировую державу и республиканский строй уступал место централизованной монархии, римский император силой вещей превращался в абсолютного монарха, сверхчеловека — Августа. В провинциях император почитался наравне с богами. В одной малоазиатской надписи, относящейся ко времени Августа, император называется «спасителем», «миротворцем», «богом» и т. п. «Этот день (день рождения Августа), — говорится в надписи, — преобразил весь мир. В дне рождения императора — начало всей жизни, всех жизненных благ. Он ниспослан как спаситель нам и будущим поколениям. Великой гражданской смуте наступает конец, все получит великолепное устройство».

После этого уже нетрудно было приравнять императора

---

[1] *Euseb*, Hist. eccl., IV, 26.
[2] *Энгельс*, Людвиг Фейербах, М., Партиздат, 1936 г., стр. 55.

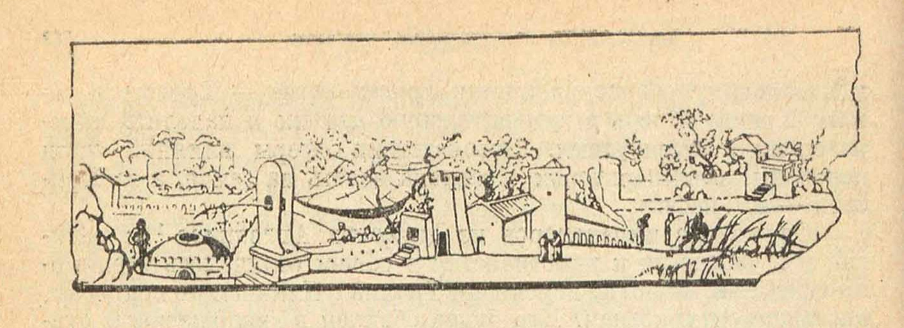
к идеальному основоположнику христианства — Христу, а самого Христа облечь в императорскую мантию и наделить императорскими атрибутами. Впоследствии сферы влияний были поделены: за императором оставлена власть на земле, а за Христом — на небе.

Отношение императоров из династии Антонинов [1] к религии и в частности к христианству в общем отличалось терпимостью, как это видно из переписки Траяна с Плинием по вопросам, касающимся христиан. Кто будет обвинен в «извращенном суеверии» и не раскается, подлежит наказанию, специальных же мер, направленных против христиан, вводить не следует — такова точка зрения императора. Антонин Пий допускал культ Христа наравне с другими культами, существовавшими в Римской империи.

Таким путем исподволь, в силу внутренней логики, подготовлялось сближение церкви и государства — двух равновеликих организаций рабовладельческого Рима. Обе они были организациями состоятельных классов, исключавшими одна другую в одних вопросах и дополнявшими в других.

[1] *H. Eberlein*, Kaiser Mark Aurel und die Christen, 1914.

Глава XXI

РАЗЛОЖЕНИЕ РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

1. ПЕКУЛИЙ И ВОЛЬНООТПУЩЕННИЧЕСТВО

Все вышеизложенные перемены в социально-политической и культурной сфере римского общества прямо или косвенно были связаны с переменами в производственной основе Римской империи. Рабовладельческая система, составлявшая основу римской экономики классического периода, уже с конца Республики начинала обнаруживать симптомы распада. Разложение рабовладения обусловливалось факторами внутреннего и внешнего порядка.

Как известно, рабовладельческий способ производства оправдывает себя только до определенного социально-экономического и технического уровня. По мере роста производительных сил, расширения производства и меновых отношений, разделения труда, усовершенствования методов работы и технического прогресса рабовладельческое хозяйство в чистом виде становилось нерентабельным и разлагалось в силу имманентных причин. К этим причинам с конца Республики присоединились еще дополнительные факторы — повышение цен на рабов, в особенности на квалифицированных, вследствие сокращения завоеваний, восстания рабов, колебавшие основы рабовладельческого строя, частые побеги, заговоры и покушения рабов на своих хозяев и т. п.

«Сколько рабов — столько врагов» [1] — такова формула классовых отношений между рабовладельцами и рабами. Конкретной иллюстрацией этой общей формулы служит нижеприведенная надгробная надпись негоциатора Элия Аспрена, в которой умерший выражает свою радость по поводу смерти, наконец освободившей его от рабства его рабов (Aelius Asprenas Commodi Caes.

[1] *Seneca*, Epist., 47, 5.

Negot., quo nemio mortem alacrius admisit quod ad servorum suorum servitute tandem liber evaderet. Hoc autem testamento cavit posteris inscribi) [1].

Одним из симптомов разложения рабовладельческого строя, был *пекулий* (peculium). Пекулием в римском праве называлось всякое владение, выделяемое домохозяином в индивидуальное пользование лицам, зависимым от него юридически,— сыну (peculium filii), рабу (peculium famuli, servi), вольноотпущеннику, и т. д. Пекулий — условное владение вещью, землей, мастерской или правом, которое на известных условиях домохозяин (pater familias) уступает зависимому от него субъекту. Раньше всего в пекулий стали отдавать скот, отчего происходит и самый термин — пекулий (от pecus — скот). Пекулий возник в интересах главным образом домохозяина — рабовладельца. Рабовладельцу он давал возможность в широком масштабе заниматься торговлей, расширять производство, улучшать методы работы и извлекать больше выгод из обработки земли. Рабу же пекулий обеспечивал минимум юридической свободы, позволял делать накопления, иметь собственных рабов, а в перспективе открывал надежду на вступление в состав гражданства [2].

В составе пекулия могли находиться всякие вещи, движимое и недвижимое имущество, в пекулий могли входить также и рабы (vicariorum peculium) [3].

Из высказываний юристов по этому предмету видно, что одним из наиболее распространенных видов пекулия служили *земля*, скот и инвентарь, которыми господин снабжал своего раба, предоставляя ему под собственную ответственность совершать юридические акты; кроме того при Империи особенно часто практиковалась отдача рабам в пекулий денег (sors) с предоставлением им права под юридической ответственностью господина заниматься торговлей, вести денежные дела, открывать мастерские и т. д. [4].

Ответственность за заключенные рабом сделки и договоры в силу особого иска о пекулии (actio de in rem verso) нес его патрон-доверитель, т. е. рабовладелец (in rem autem domini versum intellegitur, quidquid necessario in rem eius solveret) [5]; отчуждение или передача пекулиев запрещались законом. «Ни раб, ни колон не может отчуждать свой пекулий (nec servum nec colonum peculium suum distrahere). Кроме того, купившие пекулий несут ответственность в силу иска о воровстве» [6].

---

[1] *Fabretti*, Inscript. ant., X, 238.
[2] *Dig.*, XXIX, 1.
[3] *Dig.*, XV, 1, 19; *Ulp.*, 29.
[4] *Dig.* XV, I, De peculio.
[5] *Cod. Herm.*, XVI.
[6] *Instit.*, VI, 7, 3.

По букве закона господин отвечает за все сделки держателя пекулия, даже в том случае, если таковые заключены без его ведома (quamvis sine voluntate domini negotium gestum erit)[1].

«Ни сам раб не может делать долга, ни рабу нельзя быть должником» (Nec servus quicquam debere potest, nec servo potest deberi)[2].

Взаимоотношения между рабовладельцем и рабом достаточно отчетливо выступают из нижеприводимого юридического казуса, помещенного в качестве типичного примера в Дигестах. Некто сдал своему рабу для обработки участок земли и дал ему быков (quidam fundum colendum servo suo locavit et boves dederat). Быки оказались негодными. Тогда господин приказал продать быков, с тем чтобы на вырученные деньги купить других. Раб быков купил, но денег продавцу не уплатил. По этому поводу возник юридический казус, кто должен нести ответственность за неуплату. Юрисконсульт считает, что уплату, и притом полностью (in solidum), должен произвести господин раба, ибо раб, являясь действующим лицом фактически, не является таковым юридически (qui boves vendiderat nummos a domino petebat actione de peculio — aut quod in rem domino versum esset)[3].

На практике, однако, права держателя пекулия были значительно шире, чем это может показаться на первый взгляд. Уже в силу самого факта пекулия, отрывавшего раба от рабовладельца, раб становился в известном смысле свободным, имел собственную инициативу, действуя в качестве доверенного лица своего хозяина — управляющего имением, содержателя мастерской, торгового приказчика, шкипера (magister navis) и т. д. Существенно важно было то, что ответственность господина признавалась только в размере пекулия, в остальном же раб и кредитор, заключивший с ним сделку, предоставлялись самим себе. На практике формальное бесправие раба обходили при помощи фиктивных формул с прибавлением слов: «если бы он был свободным» (si liber esset), или специальных исков о пекулиях с перестановкой субъектов (actiones adiecticiae qualitatis)[4].

Таким путем для раба открывалась возможность делать известные сбережения (parsimonia), экономически освобождаться от зависимости своего господина и тем самым как бы переходить в разряд свободных. На повышение социально-экономического положения рабов, имевших пекулий, указывают встречающиеся в Дигестах характерные выражения, вроде того, что раб может иметь собственное имущество (proprium patrimo-

---

[1] *Instit.*, IV, VII, 4

[2] *Dig.* XV, I, 41

[3] *Dig.*, XVI, 16, 5.

[4] *Dig.*, XIV, I, 5; В. М. Хвостов, История Римского права, 1919 г., стр. 264.

nium), делать накопления и т. п. Самый пекулий рассматривается «как бы собственность свободного человека» (quasi patrimonium liberi hominis) [1].

Из сказанного вытекает, что развитие различных видов пекулиев с естественной необходимостью вело к образованию новых имущественных категорий и освобождению из-под власти отца и господина сыновей и рабов. Так разлагались главные устои древнего Рима — патриархальная семья и рабовладение.

С экономической точки зрения практика пекулиев представляла большие выгоды, делая хозяйство более гибким и многообразным, соответственно потребностям развитого обмена и денежного обращения. Благодаря пекулиям неподвижный рабовладельческий ойкос разлагался на мелкие полусамостоятельные хозяйства, труд отделялся от капитала, раб освобождался от казарменного режима и, отрываясь от своего господина, превращался в крепостного, т. е. подымался на новую более высокую ступень социальной лестницы.

Вторым показателем разложения рабовладельческого строя, неотделимым от пекулия, было *вольноотпущенничество*, в первых столетиях н. э. принявшее чрезвычайно широкие размеры. По мнению авторитетных ученых, число вольноотпущенников (liberti, libertini) в эти столетия в больших городах доходило до 40, 50 и даже больше процентов всего населения [2].

Институт вольноотпущенничества вызывался экономическими расчетами и политическими соображениями: с одной стороны, желанием максимально выгодно использовать энергию раба и освободиться от его содержания и организационных хлопот, а с другой — приобрести в лице отпущенного (либерта) нового клиента. Отношения между господином и рабом с момента отпуска не прекращались, но только изменяли свою форму. Рабовладелец, отпускавший раба, помимо денежной платы получал в качестве патрона право требовать от своего клиента различных услуг и работ, выражаемых римскими юрисконсультами формулой — *личные услуги* (operae officiales) и *ремесленные работы* (operae fabriles).

На личные услуги клиента (operae officiales) мог претендовать только сам патрон, и они не могли быть отчуждаемы (nec cuiquam alio deberi possunt quam patrono, cum proprietas earum et in edentis persona et in eius cui eduntur constit). Ремесленные же работы (operae fabriles) могли быть производимы также и в пользу третьих лиц (fabriles autem aliaeve eius generis sunt, ut a quocumque cuicumque salvi possunt. Sane enim, si in artificio sint, iubente patrono et alii edi passunt) [3].

---

[1] *Dig.*, XV, I, 47.

[2] *A. M. Duff*, Friedmen in the Early Roman Empire, 1928.

[3] *Dig.*, XXXVIII, 1, 9.

Права патрона распространялись не только на те знания и мастерства, которыми клиент обладал будучи рабом, но также на мастерства и знания, приобретенные им уже после отпуска.

Само собой разумеется, что при всех юридических конфликтах (казусах), возникавших между господином и вольноотпущенником, закон, как правило, всегда защищал права господина; в частности, это имело место в отношении передачи либертами своих имуществ по завещанию или каким-либо иным путем. «Некогда, — пишет Гай, — было позволено либерту в завещании обходить патрона. Потом эта юридическая несправедливость была исправлена преторским эдиктом. Впоследствии права патронов (iura patronorum) были еще более увеличены» [1].

Несмотря на все злоупотребления господ, институт вольноотпущенничества продолжал развиваться в течение всей Империи, а права и удельный вес либертов в римской экономике и обществе с каждым столетием возрастали. Большая часть отпускаемых рабов принадлежала к домашнему штату господина, торговым посредникам, ремесленникам и представителям интеллигентских профессий, и сравнительно редко отпускались рабы-чернорабочие, но все же и здесь наблюдалась общая тенденция к разложению рабовладения. Отпускаемые рабы, получавшие по завещанию или приобретавшие каким-либо иным путем средства, становились хозяевами мастерских, лавок, банкирских контор или же поступали на государственную и гражданскую службу. Кроме вышеотмеченных экономических расчетов, росту вольноотпущенничества благоприятствовала также и общеимперская политика. Больше всего вольноотпущенников и рабов имели сами императоры, использовавшие их как в своем личном хозяйстве и обиходе, так и на государственной службе.

Либертам предоставлялись, в особенности при Клавдии и Адриане, ответственные места в различных ведомствах управления, при дворе и в личном хозяйстве императора.

«Большая часть верховных правителей, — заявляет Плиний Младший в «Панегирике» императору Траяну, — держали себя, как господа, в отношении сограждан и, как рабы, в отношении своих вольноотпущенников. Они правили по их советам и указаниям, слушали их ушами и смотрели их глазами; через них они добивались для себя преторства и консульства, даже больше того, они их вымаливали для себя» [2].

Ограничивая число отпускаемых рабов определенной нормой, императоры исходили из чисто политических соображений. В тех же случаях, где этой политической опасности не ощущалось, они не только не задерживали, но скорее поощряли отпуски ра-

---

[1] *Gai*, Instit., III, 39.

[2] *Plin.*, Paneg., 88.

бов. В провинциях даже существовала особая организация богатых вольноотпущенников, коллегии *августалов* (augustales), официальной задачей которых было отправление культа императоров. Эти коллегии находились под покровительством самих императоров.

Социальная роль вольноотпущенников в римском обществе в императорский период не отрицается ни одним современным историком античности, напротив, в зарубежной литературе даже замечается тенденция преувеличивать значение этого факта и делать из него неправильные выводы. Многие западные историки рост вольноотпущенничества при одновременном сокращении свободного населения считают основной причиной вырождения и разложения античной культуры. Такова, например, точка зрения известного историка *Теннея Франка*, проведенная в его работе «Расовое смешение в Римской империи» [1].

В опровержение расовой точки зрения надо указать, что в поздней античности вольноотпущенники и колоны представляли наиболее устойчивую и здоровую часть населения. На их плечах держалось все здание Римской империи. В то время как высшие классы утрачивали интерес к общественной и семейной жизни и деградировали, среди вольноотпущенников наблюдалась более высокая оценка труда и возрождение семьи. Об этом свидетельствуют многочисленные эпитафии, в которых многие вольноотпущенники, недавние рабы, в трогательных словах выражают свою супружескую верность и семейственность, гордясь своей профессией кузнеца, сапожника, маляра, суконщика, ткача, бочара и т. п. В то время как древняя знать истребляла себя во взаимной борьбе и таяла вследствие пороков и излишеств, из недр рабовладельческого общества вырастали новые социальные силы, оттянувшие распад рабовладельческого Рима.

Изменялись также и взгляды на *физический труд* и на его представителей— свободных ремесленников, либертов и рабов. В римском классическом праве различные взгляды на труд нашли отражение в спорах по вопросу о *спецификации* (specificatio) материи и труда. Представители старого взгляда на труд—*сабинианцы*, последователи юриста Сабина, не проводили различия между трудом и материей, из которой сделана вещь. При таком взгляде на труд личность мастера, творца данной вещи, растворялась в материале, мастер полностью принадлежал владельцу материала. Противоположного взгляда держались *прокулеянцы*, отражавшие новую экономику и новые производственные отношения. По мнению прокулеянцев, труд отделим от материи, и тем самым, следовательно, личность мастера отделяется от

---

[1] *T. Frank*, Race mixture in the Roman Empire, «Amer. Hist. Review», 1916, v. 21, p. 689.

работодателя, и он становится юридически самостоятельной личностью. «Некоторые отожествляют материал (materia) и самую вещь (substantia), полагая, что вещь принадлежит тому, кому принадлежит материя. Такого взгляда держатся Сабин и Кассий. Другие же считают, что вещь (res) принадлежит тому, кто ее сделал. Это утверждают авторитеты другой школы» [1].

Точка зрения прокулеянцев получала признание по мере вытеснения труда рабов трудом вольноотпущенников и свободных, число которых возрастало как в городском, так и в сельском хозяйстве.

Соответственно изменению взгляда на труд улучшалось также и правовое *положение рабов*, из «говорящих машин» превращавшихся в людей [2]. В истории римского законодательства о рабах целую эпоху составляют *закон Клавдия* (edictum Claudii), освобождавший больных рабов [3], и *закон Петрония* (lex Petronia) при Нероне, запрещавший без санкции магистрата посылать рабов на борьбу с дикими зверями [4].

Указом императора Адриана господину было запрещено убивать рабов по собственному произволу [5], при Антонине Пии убийство своего раба было приравнено к убийству чужого, и рабы получили право убежища [6].

В римском праве все более утверждался взгляд, по которому свободное состояние является естественным (libertas est naturalis facultas), рабство же, хотя и признается всеобщим социальным институтом, считается противоречащим природе (servitus est constitutio iuris gentium, qua quis dominio alieno contra naturam subiicitur) [7]. «С точки зрения гражданского права, — рассуждает Ульпиан, — рабы — ничто (servis pro nullis habentur), но, с точки зрения естественного права (quod ad ius naturale attinet), все люди равны» (omnes homines aequales sunt) [8].

Признание человеческих (естественных) прав за рабами развилось в результате долгой социально-экономической и идеологической подготовки, стиравшей различие между рабами и свободными, знатными и незнатными, италиками и провинциалами и создавшей новые различия между людьми по имуществу и богатству. Друзья и рабы (amici et servi) суть люди, которые пили одно и то же молоко. Суть дела не в происхождении, а в судьбе, — замечает одно из действующих лиц «Сатирикона» Петрония [9].

---

1. *Gai*, Instit., III, 39—42, ed. Huschke Iust., III, XIII.
2. *E. Ciccotti*, Il tramonto della schiavitu nel mondo antico.
3. *Suet.*, Claudius, 25.
4. *Dig.* XXXXVIII, 8, 11.
5. *Script. hist. Aug.*, Hadrian., 18.
6. *Dig.*, I, 6, 2.
7. Ibid., I, V, 4, De statu hominum.
8. *Ibid.*, L, XVII, 32.
9. *Petron.*, Satyr., 71, 1.

Как все это далеко от совета Катона Старшего, рекомендовавшего продавать или выбрасывать старых и больных рабов вместе с прочей рухлядью (servum senem, servum morbosum et si quid aliud supersit vendat)[1].

Несмотря на симптомы начинавшегося разложения рабовладельческого строя, римское общество все же еще оставалось *рабовладельческим*. С полной очевидностью это явствует из высказываний и формулировок римских юристов. Так, в первой книге «Институций» в титуле о персональных правах разделение общества на свободных и рабов принимается в качестве незыблемого, естественного социального института. «Основное деление прав личности покоится на том, что все люди суть свободные или рабы» (summa itaque divisio de iure personarum haec quod omnes homines aut liberi aut servi). Под свободой (libertas), откуда происходит и название свободные (liberi), понимается естественное право (naturalis facultas) делать все, что не ограничивается силой или правом.

Рабство же есть институт международного права (servitus autem est constitutio iure gentium), по которому один человек вопреки природе подчиняется воле другого человека (qua quis domino alieno contra naturam subicitur). Само название рабы (servi) происходит от того, что полководцы продавали своих пленных, сохраняя им жизни (servant), вместо того чтобы их убивать. Другое название mancipia происходит от того, что они захватывались рукой врагов (ab hostibus manu capiuntur).

В состоянии рабов нет никакого различия (in servorum condicione nulla differentia est). Между свободными же существуют многие различия. Они суть или свободнорожденные (ingenui) или же вольноотпущенные (libertini)[2].

Эксплоатация рабов при Империи в связи с расширением менового хозяйства и повышением уровня жизни *не* только *не* уменьшилась, но даже увеличилась, как это, например, видно из приводимого описания положения рабов, работающих на мельнице. «Великие боги, что за жалкий люд окружал меня! Кожа у всех была испещрена синими подтеками, исполосованные спины были скорее оттенены, чем покрыты драными лохмотьями, у некоторых короткая одежонка до паха не доходила, рубашки у всех дырявые, везде сквозит тело, лбы клейменные, полголовы обрито, на иных кольца, лица землистые, глаза выеденные дымом и горячим паром, все подслеповаты, к тому же на всех мучная пыль»[3].

---

[1] *Cato*, De re rust., II, 7.
[2] *Instit*, I, 3; *L. Lange*, Römische Alterhümer, I, 144.
[3] *Apul.*, Metam., IX, 12.

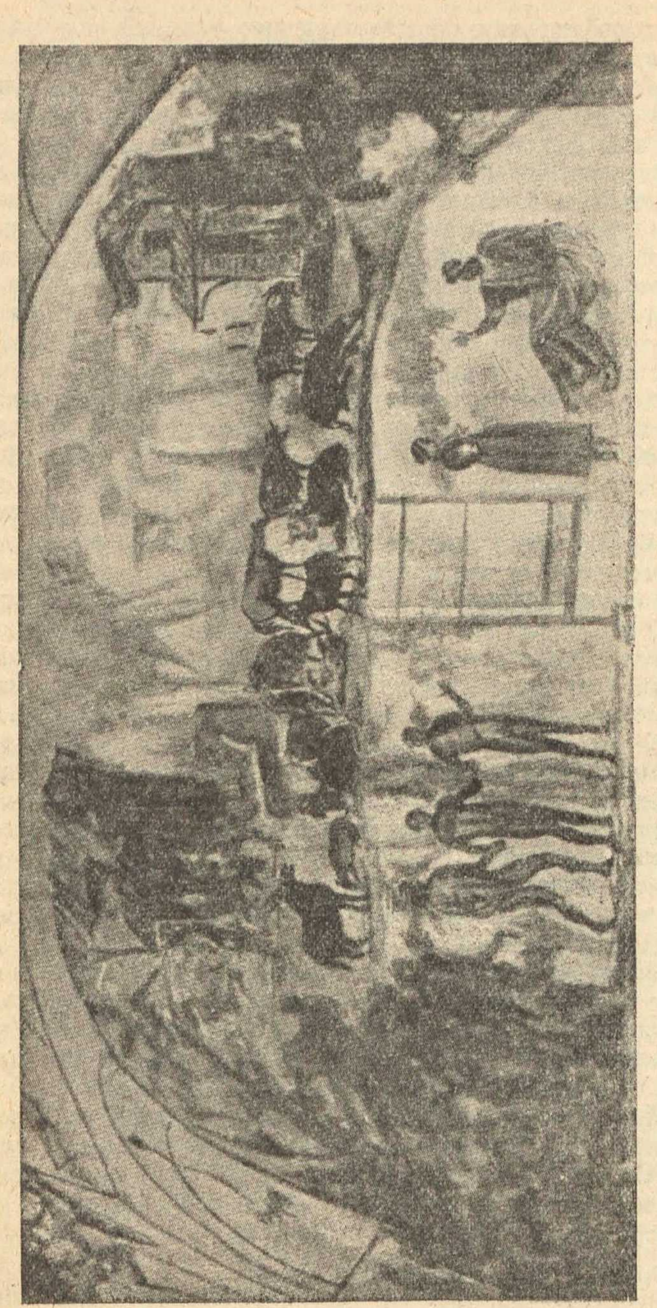
2. СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО в I—II вв. н. э.

Социально-экономические причины, приводившие к разложению рабовладения в городском хозяйстве, оказывали свое влияние также и в *сельском хозяйстве.* При сложившейся в I—II вв. н. э. экономической конъюнктуре в Римской империи, оправдывали себя только два вида сельскохозяйственных культур, одинаково плохо совместимые с рабским способом производства в чистом виде: 1) интенсивные садово-огородные плантации (виллы), производившие высокие сорта вин, овощей, фруктов и пр., и 2) экстенсивные полуфеодальные поместья — пастбища, леса, поля, луга и пр.

Устроенные по всем правилам тогдашней агрономии и агротехники, рабовладельческие виллы являлись идеалом агрономов Ранней империи, среди которых наибольшим авторитетом пользовался *Луций Модерат Колумелла*, современник Нерона. Колумелла не советует разбивать больших плантаций, так как опыт показывает, что только виллы среднего размера, но с значительным вложением капитала, рационально поставленные и находящиеся под надзором самого владельца или его доверенного лица (вилика или прокуратора), приносят солидный доход. Хозяин, желающий извлечь из виллы доход, должен всецело отдаться своему делу. «Кто задумал приобрести земельный участок, пусть продаст свой дом, дабы он не возымел больше охоты жить в городе, чем в деревне». «Кто больше любит городскую жизнь, тому не к чему обзаводиться поместьем...». «Поместье приходит в негодное состояние, если не хозяин наставляет вилика в том, что надлежит делать, а сам слушает его наставления».

«К прочим наставлениям я прибавлю еще одно, которое один из семи мудрецов на вечные времена передал потомству: *во всех видах должно соблюдать меру.* Само собой разумеется, что это сказано как для всех вообще, так и для тех, кто собирается обзавестись имением, дабы они не покупали имения большего размера, чем какой допускается рациональным расчетом. Сюда же относится прекрасное изречение нашего поэта: «Хвали поля бесконечные, а возделывай малое поле (laudatio ingentia rura, exiguum colito)».

«Ученый поэт, как мне кажется, хотел в этих стихах оправдать старинную поговорку, которой мы обязаны самой экономически развитой нации мира — карфагенянам. Они говорили, что «пахарь должен быть сильнее своего поля» (imbecilliorem agrum quam agricolam esse debere). В самом деле, если поле будет сильнее, то хозяин, вступив с ним в борьбу, потерпит поражение. Нет сомнения, что обширное поле, плохо возделанное, принесет меньше дохода, чем малое, но возделанное тщательно».

Пригородная вилла

При соблюдении соответствующих условий, полагает Колумелла, при непосредственной заинтересованности в делах хозяина и тщательном отборе рабочей силы виллы небольшого размера принесут гораздо больше пользы, нежели сдача поместья в аренду.

«Если климат и почва мало-мальски приличны, то личное хозяйничанье владельца всегда принесет больше дохода, чем сдача в аренду колонам; даже хозяйство через виллика даст больший результат, при условии, конечно, что виллик не окажется небрежным и алчным рабом» (non nunquam etiam villici nisi si maxima vel negligentia servi vel rapacitas intervenit) [1].

Первой заботой хозяина организованной на рациональных основах виллы должна быть забота о *рациональном использовании рабочей силы* поместья (tum maxime in hominibus); самое существенное — люди, будь то колоны или рабы, закованные или незакованные (atque hi vel coloni, vel servi sunt, soluti aut vincti) [2]. Первое дело — надо хорошо обращаться как с теми, так и с другими. Палка не является единственным воспитательным и организационным средством, необходимы еще и другие, более тонкие средства поощрения.

«В отношении рабов следует придерживаться следующих правил, в соблюдении которых я никогда не раскаивался. С приставленным к сельским работам рабом, отличающимся хорошим поведением, я разговариваю чаще и непринужденнее, чем с рабами, занятыми личным услужением. Видя, что ласковое обращение господина позволяет им легче переносить их непрерывный труд, я иногда шучу с ними и допускаю шутки с их стороны. Часто я даже советуюсь с ними, как бы с людьми опытными, насчет новых работ и таким путем узнаю характер и степень сообразительности каждого» [3].

Ту же мысль проводит Плиний Секунд, заявляя: «Нет ничего хуже, как поля, обработанного скованными рабами из эргастулов» (rura coli ab ergastulis pessime est).

Описываемые агрономами образцовые, рационально поставленные виллы, по своей организации уже выходящие за грани рабовладельческого хозяйства, помимо доброго желания и усердия со стороны владельца, требовали вложения солидного капитала и, следовательно, были по силам лишь немногим богатым помещикам-предпринимателям, каковым, например, был философ Сенека. Большой известностью пользовались две италийские виллы Сенеки — Альбанская и Номентанская, — производившие высокие сорта вин и приносившие большой доход.

---

[1] *Colum.*, I, 7.
[2] Ibid.
[3] Ibid.; *Heitland*, Agricola, Cambridge, 1921 г; *Orth*, Landwirtschaft. Pauly — Wissowa Real — Encycl., XXIII, I.

Разумные сами по себе советы агрономов-рационализаторов, однако, не совмещались с рабовладельческой системой хозяйства. Пожелания агрономов о рационализации плантаций и более рациональном использовании труда рабов упирались в социально-экономическую природу рабовладельческого хозяйства, не допускавшего ни очень больших размеров, ни большой интенсификации труда, ни значительных вложений капитала.

По сравнению с Республикой, *сельскохозяйственная техника* при Империи обнаруживает заметный прогресс как в отношении методов работы и использования рабочей силы, так и в отношении сельскохозяйственных орудий. Наибольший технический прогресс наблюдался в тех странах, где производилось наибольшее количество продуктов и где труд рабов имел ограниченное приложение. К числу таких стран принадлежали Галлия и римская Африка. Для иллюстрации технического прогресса в сельском хозяйстве достаточно нескольких примеров, подтверждающих высказанное положение. В агрономическом трактате Палладия «О сельском хозяйстве» (IV в.) описан *жатвенный прибор* (carpentum gallicum), по своей конструкции напоминающий жатвенную машину. Прибор состоял из двухколесной тележки, на квадратной поверхности которой находились направленные во-вне доски. Верхняя часть их была более широкой, чем нижняя, и на передней части повозки они были поставлены ниже, чем на задней. Доски снабжались большим количеством мелких зубьев, загнутых наверху, срезавших попадавшие в них колосья. Сзади в повозку впрягался бык, который толкал ее по полю, обрезанные колосья падали в тележку, а солома оставалась на поле. Экономический эффект описанного прибора был очень велик. Благодаря механизации производственного процесса достигалась огромная экономия рабочей силы; в течение дня бык с одним вожатым мог сжать *целую пашню* [1].

Исходной точкой перемен в сельскохозяйственной технике служили перемены в основном сельскохозяйственном орудии — *плуге*. У римских писателей в различных сочетаниях часто упоминаются или описываются сельскохозяйственные орудия, в том числе и плуги.

Ценный материал по вопросам сельского хозяйства, агротехники, свойствах и качествах почвы, качествах веса, окраске семян и сельскохозяйственных орудий имеется в «Естественной истории» Плиния, уже самое заглавие которой указывает на интерес к естественным наукам.

«Известны, — говорит Плиний, — многочисленные виды плугов (vomerum plura genera). Резаком зовется кривой нож, которым режут, прежде чем поднять ее, очень плотную землю,

[1] *Pall.*, De re rust., VII, 2.

намечая этими надрезами линии будущих борозд, в которые при пахоте вопьется загнутый лемех. Другой вид плуга — это обычный плуг, в виде рычага с клювом. Третий — для легких, у которого лемех надет не на всю подошву, а представляет только маленькое острие на конце. Он шире и острее у четвертого вида, заканчиваясь острием, как у меча, который одновременно прорезывает и подрезает землю своими острыми сторонами и корни трав. Недавно в Реции придумали к плугу прибавить пару колесиков. Этот вид плуга называется plaumoratum. Лемех у него имеет форму лопат. С таким плугом сеют, только предварительно хорошо обработав землю, преимущественно новь. Широкий лемех (latitudo vomeris caespites versat) переворачивает дерн. Затем сейчас же бросают семена и проходят по ним зубчатыми боронами» (cratesque dentatas supertrahunt).

«Посевы, произведенные таким путем, не нуждаются в окучивании, но пахать так можно только на двух-трех парах волов. Одной паре полагается вспахать за год сорок гектаров легкой земли и тридцать трудной» [1].

Из другого источника известно, что в Галлии употреблялся *плуг* на колесах, глубже пропахивавший землю и вырывавший сорные травы, дававший большую экономию во времени и рабочей силе [2].

В провинции Африке применялась *механизированная молотилка* (tribula, plaustra punica), тоже род повозки (genus vehiculi), усеянной зубьями, которыми выбивали из хлебных колосьев зерна [3].

Описанные сельскохозяйственные орудия, употреблявшиеся как в провинциях, так и в Италии, однако, не получили широкого применения и не произвели технической революции в агрикультуре. Как уже отмечалось выше, в условиях рабовладельческого строя механизации орудий производства и техническому процессу был поставлен определенный предел. Механизированные приборы могли употребляться только в крупных хозяйствах с предпринимательским уклоном, работавших на большой рынок, хорошо организованных, с солидным вложением капитала и пр. Ни одного из этих условий в Римской империи не существовало. Идеалом римского помещика всегда оставался *ойкос*, замкнутое полунатуральное хозяйство барского, но не предпринимательского типа. Римский магнат освобождал себя от больших хлопот, предпочитая обрабатывать свои владения рабами или же сдавать их в аренду мелким арендаторам — колонам.

---

[1] *Plin.*, Nat. Hist., XVIII, 171—173.
[2] *T. Magerstedt*, Bilder aus der römischen Landwirtschaft, V, 238.
[3] *Serv.*, Verg. Georg., I, 160.

3. РОСТ ЛАТИФУНДИЙ И РАЗОРЕНИЕ МЕЛКИХ ПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ

В общем масштабе сельского хозяйства Римской империи образцовые садово-огородные плантации занимали не много места. С утверждением принципата садово-огородные культуры расширяются в провинциях и, напротив, постепенно сокращаются в Италии. Место садово-огородных плантаций в Италии заступали экстенсивные луговые, лесные и зерновые хозяйства [1].

«Многие находят выгодным, — пишет Колумелла, — иметь луга и лесные хозяйства». Названные виды хозяйства, не требуя больших вложений капитала и организационных хлопот, обеспечивали хотя и не очень большой, но зато верный доход и допускали безграничное расширение владений. По расчету Колумеллы, доходность виноградников в его время не превышала 6%, доходность же зерновых хозяйств в среднем равнялась 4% на затраченный капитал, т. е. была немногим ниже доходности виноградников [2].

Если к этому прибавить массу хлопот и риск, связанный с культурой винограда, то станет понятным, почему италийские землевладельцы предпочитали экстенсивные хозяйства интенсивным культурам. Императоры, стремившиеся уменьшить зависимость Италии от провинций, со своей стороны, поощряли культуру хлебов в Италии. Такого рода поворот в италийской экономике начался еще во время Второго Триумвирата, во время борьбы Октавиана с Секстом Помпеем, желавшим заморить Италию голодом. Процесс земельной концентрации, начавшейся при Республике, еще более усилился при Империи.

Последующие императоры продолжали политику Октавиана Августа поощрения зерновых культур. При Домициане был издан специальный декрет о запрещении в Италии разведения новых виноградников и сокращении наполовину виноградных посадок в провинциях [3].

Как уже отмечалось выше, общеэкономическая конъюнктура как в Италии, так и в провинциях в первые столетия нашей эры не была благоприятна для процветания среднего и мелкого землевладения. Вытеснение мелких и средних хозяйств крупными, начавшееся при Республике, продолжалось также и при Империи. Распыление среднего и мелкого землевла-

---

[1] *М. Сергеенко*, Два типа сельских хозяйств в Италии I в. н. э., «Известия Академии Наук» № 6, ИОН, 1935 г.

[2] *Colum.*, De re rust., III, 3. 8.

[3] *Suet.*, Domit., 7.

дения вызывалось рядом экономических и неэкономических факторов:

1) острой конкуренцией между хозяйствами и малой доходностью сельского хозяйства; 2) ростом городов и политикой раздач и 3) широким развитием клиентеллы. «Продажный клиент, порхающий кругом вельможных порогов» (circum volantis limina potentiorum) [1].

В различной степени земельная концентрация, неотделимая от рабовладельческой системы, имела место во всех странах средиземноморского бассейна, но с наибольшей силой она развернулась в Италии, Сицилии, Африке и других провинциях с пастбищным и зерновым хозяйством.

Общая и специальная литература Ранней империи, посвященная вопросам сельского хозяйства, полна сообщений и жалоб о катастрофическом разложении сельской демократии и поглощении средних и мелких хозяйств латифундиями.

Данные о росте крупных поместий и о вытеснении ими мелких повсюду рассыпаны в сочинениях Горация, Колумеллы, Плиния, Гигина, Ювенала, Апулея и др.

Колумелла, констатируя всеобщую страсть своих современников приобретать целые территории, указывает на «могущественных лиц» (potentiores possessores), владеющих целыми областями, которые они не могут объехать даже на лошади. Они предоставляют вытаптывать их скоту, опустошать зверям или же отдают в обработку своим должникам и закованным в цепи рабам [2].

«До каких же пределов, — восклицает Сенека, обращаясь к своим современникам, земельным магнатам, — вы намерены расширять границы ваших владений (quousque fines possessionum propagabitis?) [3].

Поле, на котором мог прежде поместиться целый народ, в наше время тесно для одного владыки. До каких же пор вы намереваетесь простирать ваши пашни, если не удовлетворяетесь даже размером провинций?» [4].

«Богачи, придвигая один сальтус к другому и поглощая мелких владельцев (de confiniis pauperibus exclusis), простирают свои владения до бесконечности» (sine terminis rura latius porriget) [5].

Не менее потрясающую картину поглощения крупным землевладением мелкого находим в сатирах Ювенала и «Метаморфозах» Апулея.

---

[1] *Colum.*, praef., I, 9.
[2] Ibid., De re rust., I, 3.
[3] *Seneca*, Epist., 89, 20.
[4] Ibid.
[5] *Cypr.*, Ad. Don., 12.

...Строишь
Виллу другую себе, как деревни одной недовольно,
Хочется также расширить границы, и большей и лучшей
Кажется нива соседа; торгуешь ее ты и рощу,
Вместе с горой, что белеет от маслины, густо растущей.
Если ж владельца нельзя одолеть никакою ценою,
То отощавших быков и голодный, ярмом утомленный
Ночью скот по его зеленеющим пустишь колосьям...
Трудно сказать, как много людей от этого плачет,
И как много поместий обида пустила в продажу [1].

В «Метаморфозах» Апулея (конец II в.) рассказывается о грабительских помыслах богатого посессора, покушающегося на владения своего бедного соседа [2].

Поглощение мелких собственников крупными в I в. стало столь частым явлением, что даже сделалось предметом школьных риторических упражнений (декламаций). «Я не всегда был соседом богатого человека, — читаем мы, например, в одной из «Декламаций» псевдо-Квинтилиана. — Вокруг меня жили по многочисленным дворам одинаково зажиточные собственники, поддерживавшие между собой дружеские отношения и хозяйничавшие на своих небольших участках. Но как изменилось все это теперь! Земля, прежде питавшая всех граждан, представляет собою теперь единую обширную плантацию, принадлежащую одному богатому владельцу. Его имение увеличилось со всех сторон. От поглощенных им крестьянских дворов ничего не осталось, отеческие святыни разрушены. Прежним владельцам пришлось с домашними богами, женами и детьми отправиться на чужбину. Все кругом на далекое расстояние обратилось в однообразную пустыню...

Владения богача со всех сторон окружают меня, как стена: здесь вилла богача, там его поля, здесь его виноградники, там его леса и пастбища. И я охотно переселился бы, но не могу найти такого места, где моим соседом не был бы какой-нибудь магнат.

Повсюду наталкиваешься на владения магнатов. Они не довольствуются расширением своих поместий, доводя их до размеров территорий, некогда принадлежащих целым племенам, границами которых служат реки и горы, но захватывают еще и отдаленные горные пустыни и леса. Эти захваты кончаются лишь там, где один магнат наталкивается на другого» [3].

Земельная концентрация имела место также и в провинциях, хотя и не в одинаковой мере.

Классической страной магнатского землевладения считается римская провинция *Африка*, где магнатские поместья (сальтусы)

---

[1] *Iuven.*, Sat., XIV, 139—147; 150—151.
[2] *Apul.*, Metam., IX, 35.
[3] *Pseudo-Quintil.*, Declamationes, XIII,

занимали территории, на которых прежде жили целые племена. Составитель специального трактата «О земельных спорах» (De controversiis agrorum), *Фронтин*, в I в. н. э. выделяет Африку как пример магнатского землевладения. «В Африке, — говорит он,— частные лица имеют поместья, не меньшие размерами, чем государственные территории, даже больше того — многие сальтусы далеко превосходят территории (quin immo multis saltus longe maiores sunt territoriis)» [1].

По словам Плиния Старшего, современника Фронтина, половина Африки принадлежала шести римским магнатам, павшим жертвой нероновского террора (sex domini semissem Africae possidebant, cum interfecit eos Nero princeps) [2].

Межевые камни показывают, что имения римских сенаторов в большом количестве имелись в Апулии, Калабрии, Бруттии, Кампании и пр. К той же самой эпохе Нерона относится знаменитая, хотя, конечно, и сильно риторическая сентенция Плиния: «Латифундии уже погубили Италию, а в недалеком будущем грозят погубить также и провинции» (verum confitentibus latifundia perdidere Italiam iam vero et provincias) [3].

Вытеснение мелких хозяйств крупными продолжалось и во II в., хотя и не с такой силой, как в I в. В виде примера можно сослаться на судьбу двух колоний римских ветеранов, некогда выведенных Суллой: *Велей* на севере и *Беневента* на юге. Колонии ветеранов составляли последний резерв мелкого и среднего землевладения, противостоящий латифундиям. Из 100 земельных собственников, записанных в велейской таблице (земельном кадастре), земли 46 владельцев идут уже под вторую закладную. Из таблицы видно, что более крупные из велейских поселенцев владеют поместьями, составленными из многих мелких участков (coloniae), некогда бывших самостоятельными владениями. Упоминаемый в таблице Антоний Приск владеет, например, поместьем, сложившимся из 30 некогда самостоятельных владений, на что указывают прилагательные, присоединяемые к слову fundus (участок): fundus Vetutianus (участок Ветуция), fundus Acutium (участок Акуция), fundus Meccianus и т. д. Поместье Клавдия Прокула состоит из 10 усадеб, Меммия Приска — из 37 поместий, оцененных в 1 180 600 сестерций, братья Луций и Гай Ваннии за свои земли, пущенные под вторую закладную, выручили 1 104 600 сестерций и т. д.

Наглядное представление о земельных изменениях велейской и беневентской колоний приблизительно за 100-летний период дает нижеприводимая таблица числа владений, поме-

---

[1] *Corp. agrimens. Rom.*, Thulin., V, I, fasc. I, 1913, p. 45.
[2] *Plin.*, Nat. Hist., XVIII, 35.
[3] Ibid.

щенная в «Истории античных рабовладельческих обществ» академика А. И. Тюменева [1].

Размеры владений (в гектарах)	Велейя и Плаценция		Беневент	
	В конце Республики	В начале II в. н. э.	В конце Республики	В начале II в. н. э.
До 5	58	6	57	47
6—10	23	19	27	18
11—15	7	4	8	9
16—25	—	7	—	4
26—50	1	3	—	—
51—100	—	9	—	2
Свыше 100	—	2	—	—
Всего . .	89	50	92	80

Земельная концентрация вызывалась не только экономическими, но также и другими причинами — политическими и психологическими, «красотой приобретения» (pulchritudo iungendi), по выражению Плиния Младшего. «Красота приобретения» станет тем более понятной, если иметь в виду, что многие сенаторы и всадники из боязни политического террора оставляли столицу, уезжали в свои поместья и там превращались в настоящих земельных сеньеров, предаваясь любимой страсти римлян — охоте, рыбной ловле, разведению диких зверей и вообще всем удовольствиям помещичьей жизни.

Многие ученые склонны даже преувеличивать в образовании латифундий императорского периода значение внеэкономических факторов. Так, например, известный германский историк *Гейстерберг*, автор сочинения о возникновении колоната, составившего эпоху в истории античной историографии, субъективный момент считал основным фактором земельной концентрации в Риме.

«Субъективные причины образования латифундий, — пишет Гейстерберг, — не были хозяйственными мотивами, они были направлены не на увеличение дохода и не на эксплоатацию, но исключительно на расширение владений. Гордость, высокомерие, властвование, военные, а не хозяйственные страсти служили побудительными причинами скопления земель» [2].

---

[1] *А. Тюменев*, История античных рабовладельческих обществ, 1935 г., стр. 227.

[2] *B. Heisterberg*, Entstehung des Kolonats, 1876, S. 67.

Покидавшие свои бездоходные хозяйства земледельцы продавали или отпускали своих рабов, эмигрировали в провинции, вступали в армию или же уходили в большие города, опускаясь в ряды люмпенпролетариата. «Посмотри, пожалуйста, эту массу людей, для которой тесны стены даже этого огромного города. Эта, не имеющая отечества, толпа собралась в Рим из муниципий, колоний и, наконец, со всего мира» (ex toto denique orbe terrarum confluxerunt) [1].

Говоря о росте латифундий в императорский период, не следует, однако, как это иногда случается, слишком упрощать и схематизировать действительную картину. Прежде всего надо иметь в виду характер источников. Большую часть сведений о росте латифундий и разорении мелких производителей мы получаем из сочинений философов, риторов, поэтов и сатириков, склонных к обобщениям и преувеличениям. При более внимательном же чтении тех же самых писателей картина получается не столь схематичной и трагической. Можно с полным основанием утверждать, что ни в императорский, ни тем более в республиканский период никогда не было такого состояния, чтобы латифундии и сальтусы совершенно поглотили среднее и мелкое крестьянство. Средние и мелкие хозяйства существовали в течение всей римской истории, то сокращаясь, то снова возрождаясь. В поэзии, литературе и эпиграфике по разным поводам постоянно упоминаются средние и мелкие землевладельцы, хотя и не всегда возможно установить: идет ли речь о земельных собственниках или же об арендаторах. Между прочим, к разряду и средних и мелких землевладельцев принадлежали почти все известные нам поэты «золотого века»: Вергилий, Гораций, Тибулл, Марциал и др. Марциал, например, поставил себе цель какими бы то ни было средствами приобрести деньги и землю, и к концу жизни он был уже довольно состоятельным человеком, имевшим поместье средних размеров. Обеспечивая приличное существование в столице, земля доставляла в то же самое время приятный отдых среди сельской тишины, которым так дорожили современники Марциала, утомленные шумом большого города.

Примером мелкого трудового землевладельца-крестьянина может служить Симул в «*Похлебке*» Вергилия. Богатство Симула невелико: у него имеется некоторый запас хлеба, овощей и рабыня Симбалла, «дочь знойной Африки, с курчавыми волосами и пухлыми губами», одновременно слуга и подруга Симула. Необходимые денежные средства Симул получает от продажи продуктов своего сада и огорода, которые он на собственных плечах носит на ближайший рынок [2].

---

[1] *Seneca*, Ad Helvia, 6, 2.
[2] *Verg.*, Moretum, 80.

4. РАЗВИТИЕ МЕЛКОЙ АРЕНДЫ И КОЛОНАТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В отдельных случаях магнатские поместья достигали, как показывает, например, описание галльских поместий, огромных размеров — до 5 и более тысяч югеров. Магнатские поместья в течение всей истории Рима оставались в значительной

Большое поместье в Африке II в. н. э.

своей части натуральными самодовлеющими ойкосами, в которых большая часть производимых в них продуктов потреблялась в самом же поместье владельцем поместья и его многочисленной дворней. Как показывают произведенные французским историком-археологом Альбертом Гренье раскопки большого имения Шираган, на верхней Гаронне, магнатские поместья представляли целое поселение со множеством самых разнообразных построек [1]. Наряду с роскошными постройками-дворцами —

---

[1] *A. Grenier*, Manuel d'archèologie, VI, II, 1934, p. 889.

виллами в узком смысле—в поместьях имелись обширные службы с кладовыми, амбарами, погребами, птичниками, огромные парки, сады, огороды, цветники, леса, пастбища, рыбные пруды и реки. Социальный состав людей, проживавших в магнатских поместьях, был весьма разнообразен. Наряду с рабами и либер-

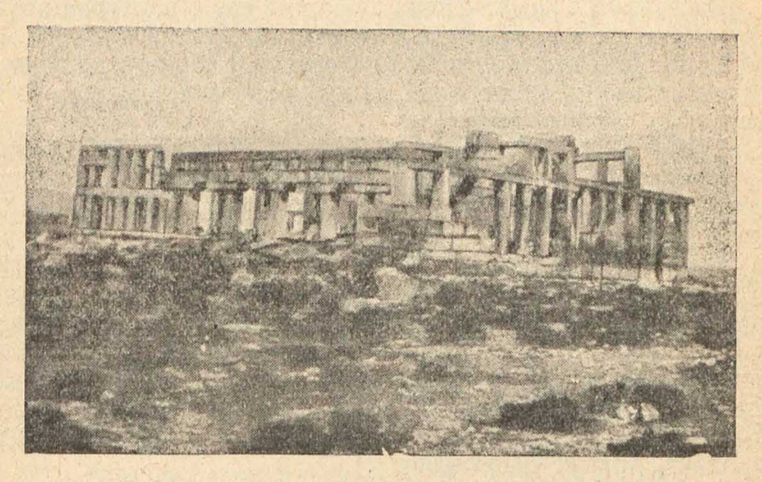

Гумно

тами в них проживало много свободных съемщиков (колонов), сливавшихся с рабами и дворовыми слугами в единый «*плебейский народ*» (populus plebeius). Число рабов и вольноотпущенников, проживавших в магнатских поместьях, было очень велико; они, по выражению наших источников, составляли целую армию и, подобно настоящей армии, делились на *сотни* (centuriae) и *десятки* (decuriae), находившиеся под надзором поместных командиров-управляющих (actores vel procuratores), с подведом-

ственным им служебным персоналом — конторщиками, счетоводами (dispensatores), надзирателями, сторожами и пр. Соответственно занимаемому в поместной иерархии месту, члены фамилии получали причитающийся им рацион (menstrua vel diaria cibaria).

Рабы работали на плантациях, были пастухами, работали в поместных мастерских и несли дворовые службы. В источниках упоминаются ювелиры, прядильщики и прядильщицы, золотых дел мастера, кожевники, портные, портнихи, чеканщики, маляры, засольщики рыбы, штукатуры, массажисты, массажистки и многие другие.

Помещение при усадьбе, приспособленное для выработки масла

Значительную часть фамилии составлял дворовый штат. Дворовые штаты римских магнатов исчислялись сотнями. Часть фамилий проживала в сельской вилле (familia rustica), другая — в городе (familia urbana). Впрочем, разделение на сельскую и городскую челядь происходит не столько по месту жительства, сколько по различию профессий (urbana familia et rustica non loco, sed genere distinguntur). По характеру своих профессий и служб дворовая прислуга делилась на много разрядов. Одно перечисление этих названий заняло бы несколько страниц. Источники упоминают до 150 разных наименований. Сюда входили повара, пирожники, кондитеры, парикмахеры, лакеи, гувернеры, грамматеи (literati), врачи (medici), художники, шуты, библиотекари, водворители тишины (silentiarii), вестники (nuntii), номенклаторы (nomenclatores) и т. д.

Низший разряд фамилии составляли: 1) обыкновенные слуги (vulgares), швейцары, сопровождающие (pedisequii), скороходы,

рассыльные и т. д., 2) сельскохозяйственные рабочие (mediastini), слуги первого ранга (ordinarii), поместная администрация и 3) рабы-ремесленники, сельские рабочие и пастухи [1].

Большая часть крупных землевладельцев-магнатов I века н. э. принадлежала к аристократии, сенаторам, но среди них было немало также и представителей «третьего сословия» Рима, всадников и богатых вольноотпущенников. К числу одного рода нетитулованных магнатов принадлежал *Тримальхион*, герой «Сатирикона» Петрония, писателя нероновского времени.

Биография Тримальхиона знакомит нас с карьерой вольноотпущенников, их нравами и обычаями. Вывезенный из Азии раб Тримальхион сумел войти в доверие к барину, получил некоторую сумму по завещанию, занялся торговлей, нажил состояние и стал скупать земли.

Тримальхион покупает в Таренте баранов, шампиньоны выписывает из Индии, пчел из Аттики; «богатства у меня, — говорит он, — много и на суше и на море» (et in mari, et in terra multa possideo) [2].

В кумской усадьбе Тримальхиона в один день от рабов родилось 30 мальчиков и 40 девочек, в амбары ссыпаны 500 тысяч модиев зерна, в кассу отчислено 10 млн. сестерций, которым не было найдено никаких других приложений. Тримальхиону принадлежит целый помпеянский парк. Сам хозяин проявляет живой интерес к своему хозяйству, проверяет отчеты управляющих (вилликов), дает им соответствующие инструкции, одних порицает, других награждает [3].

Тримальхион мечтал объединить все свои владения (praedia) в единый колоссальный ойкос, простирающийся от Кампании до Африки.

«Все родится дома» (omnia domi nascuntur), — таков идеал Тримальхиона, как и большинства помещиков его времени [4].

В магнатских поместьях рабовладение достигло своей высшей точки и здесь же началось его разложение. Сначала рабовладение и неотделимые от него латифундии поглотили мелкие хозяйства и разорили мелких производителей, а потом, на известном этапе развития, эти последние, превратившись в съемщиков из части продукта, в свою очередь растворили в себе рабов и впоследствии, в конце Империи, слившись с ними, образовали единую массу крепостных.

«Основанное на рабском труде хозяйство латифундий перестало приносить доход, но в ту эпоху оно являлось единственно

[1] *Petr.*, Satyr., LIII.
[2] Ibid., XXXVII, XXXVIII, XXXIX.
[3] Ibid., LIII.
[4] Ibid., XXXVIII.

возможной формой крупного земледелия. Мелкое хозяйство снова сделалось единственно окупающей себя формой. Одна вилла за другой подвергались разбивке на мелкие парцеллы, которые передавались наследственным арендаторам, уплачивающим определенную сумму, или дольщикам (partiarii), которые были скорее управителями, чем арендаторами, получая за свой труд одну шестую, а то и всего лишь девятую часть ежегодного продукта» [1].

Прежде всего необходимо установить содержание самого термина колонат.

Колонат (colonatus) происходит от слова колон (colonus). Под колоном (по-гречески georgos) первоначально понимали всякого свободного человека, который сам обрабатывает поле (qui agrum colit). С течением времени слово «колон» приобрело другой смысл—не собственника, а съемщика или арендатора земельного участка. Сохранялось также и прежнее словоупотребление: колон — собственник (colonus possessor) [2]. В памятниках римского законодательства I — III вв. под колоном обычно понимается свободный съемщик государственных или частновладельческих земель, уплачивающий оброк (census), выраженный в деньгах (colonus qui ad pecuniam numeratum conduxit) [3], иногда с прибавкой всякого рода натуральных подарков (accessiones, xenia). Арендный договор, как правило, заключался на 5 лет и юридически связывал обе стороны. По римскому праву, это был договор найма (locatio-conductio). Заарендованный участок колон обрабатывал собственноручно или же с помощью наемной силы и рабов [4], что свидетельствовало об известном материальном достатке съемщиков.

Эксплоатация поместий путем сдачи земли свободным арендаторам за деньги или из части продукта широко практиковалась уже в последнее столетие Республики. Переход на мелкую аренду вызывался двумя противоположными причинами — уменьшением числа рабов, с одной стороны, и обеднением массы свободных земледельцев, с другой. «Стены городов развалились, дома пусты, по пустынным улицам города бродят редкие люди, поля остаются необработанными за недостатком рабочих рук», — так характеризует состояние Римского государства во время гражданской войны Цезаря с Помпеем поэт Лукан в поэме «Фарсалии» [5]. В «Гражданской войне» Цезаря упоминаются магнаты, снаряжающие из своих колонов целые флотилии [6].

---

[1] *Энгельс*, Происхождение семьи, частной собственности и государства, М., Партиздат, 1932 г., стр. 150.
[2] C. I. L., VI, 9274.
[3] *Dig.*, XIX, 2, 25, 6.
[4] *C. I. L.*, XI, 1147.
[5] *Lucan*, Pharsalia, I, 170.
[6] *Caes.*, Bell. civ., I, 34.

При Юлии Цезаре и Августе, вследствие массового захвата рабов в галльской, иллирийской, испанской и германской войнах, рабовладельческое хозяйство в Италии на некоторое время оживляется, но в последний период еще больше обнаруживаются симптомы распада.

В I—II вв. н. э. колоны-арендаторы постоянно упоминаются как у писателей, так и в эпиграфических памятниках.

Сенека, например, ставит в пример мудрецу «хороших земледельцев» (agricolae boni), которые не только заботятся о прямых и стройных плодовых деревьях, но тщательно ухаживают за цветами и своим трудом и заботой побеждают бесплодность земли (cura cultuque sterilitatem soli vincam) [1]. В другом месте тот же писатель говорит о тысячах колонов, пашущих и роющих землю (aspice... quot millia colonorum arent, fodiant) [2]. Немало упоминаний о колонах имеется и у других писателей конца Республики и Принципата — Горация, Овидия, Тибулла, Марциала, Ювенала, Апулея и т. д.

На основании памятников литературы и эпиграфики можно проследить, как колоны в магнатских и в особенности императорских поместьях постепенно вытесняли рабов и как эти последние в свою очередь перерождались в псевдо-колонов (quasi coloni). Много внимания колонам уделено, например, в трактате Колумеллы. Предпочитая рабов в силу постоянства их труда и лучшей выучки в виллах среднего размера, рационально поставленных, в больших поместьях римский агроном советует, наряду с рабами, применять также и свободных съемщиков — колонов. Замена рабов колонами особенно полезна в отдаленных частях поместий потому, что они не так небрежны к посевам, скоту и орудиям труда, как рабы.

«Всем, ведь, хорошо известно, какой величайший вред рабы приносят хозяйству (maxime vexant servi), когда они работают в отдаленных имениях, будучи предоставлены самим себе. За деньги они отдают господский скот на сторону, пасут рабочий и вообще весь скот плохо, дурно пашут землю, показывают при посеве гораздо больший против настоящего расход семян, не заботятся о том, чтобы семена, брошенные в землю, дали богатый урожай. Свезя продукт на гумно, они уменьшают его количество во время молотьбы либо утайкой его части, либо небрежной работой. Воруя сами, они и от других воров плохо оберегают чужое добро. Наконец, при уборке зерна в амбар они сплошь и рядом неправильно показывают его количество в счетной записи. Таким образом как управляющий, так и рабы мошенничают, а поле приходит в негодное состояние» (rapinis magis quam culturos

---

[1] *Seneca*, De benef., VII, 32; De clementia, II, 7, 5.
[2] Ibid., Epist., 114, 26.

student) [1]. Главная трудность при переходе на колонат заключалась в недостатке состоятельных, более или менее надежных съемщиков. Причина этого заключалась в прогрессирующем обеднении средних и мелких производителей, о чем говорилось на предшествующих страницах. Следствием обеднения являлась апатия к труду вообще и к сельскому в частности. Продававшие свои участки сельские хозяева устремлялись в города, превращались в ремесленников, торговцев, мелких интеллигентов или же пополняли кадры босяцкого населения столицы.

Сказанное относится прежде всего к Италии, но отчасти приложимо также и к провинции. В общем и целом экономическая эволюция на всем пространстве Римской империи развивалась в одинаковом направлении. Недостатком рабочей силы объясняется та заботливость, с какой агроном-рационализатор рекомендует относиться к колонам.

«Владелец имения к колонам должен относиться снисходительно (comiter agat cum colonis), идя им навстречу в их нуждах. Он должен быть более требовательным к их работе, нежели к платежам (avarius opus exigat quam pensiones). Такое отношение для колонов менее обидно, хозяину же вообще более выгодно» [2].

«Господин не должен слишком настаивать на своем праве в обязательствах, наложенных на колона, как, например, на точном соблюдении сроков платежей, доставке дров и прочих мелких обязанностях колона, выполнение которых больше докучает земледельцам, чем приносит им ущерба» [3].

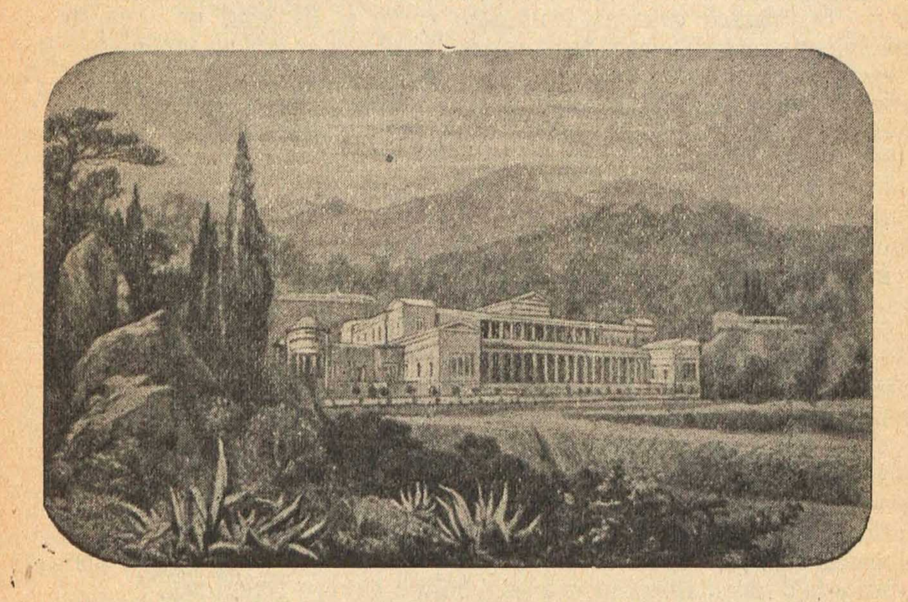
То поместье можно назвать «счастливейшим» (felicissimum fundum esse), в котором имеются колоны, издавна живущие в этой местности, как бы по наследству перешедшие к владельцу и связанные с ним близкими отношениями с самого рождения.

Недостаток рабочих рук и обеднение населения заставляли землевладельца сокращать денежную аренду и переходить на натуральную аренду из части продукта за счет денежной аренды. Переход на натуральную аренду был единственным выходом из кризиса при тогдашнем положении. *Колонат из части продукта* (colonatus partiarius), собственно, и послужил исходной точкой всего последующего развития аграрных отношений в Римской империи. На основании первоисточников, в частности по «Письмам» Плиния Младшего, можно проследить, как и почему денежная аренда заменялась натуральной арендой. Плиний, современник императора Траяна, принадлежал к числу перворазрядных италийских магнатов.

---

[1] *Colum.*, De re rust., praef., 1.
[2] Ibid., I, 7.
[3] Ibid.

Основой богатства Плиния, как и большинства высших государственных сановников его времени, была земля. «Все мое богатство, — заявляет Плиний, — заключается в земле» [1]. Плиний имел несколько поместий в разных частях Италии. Самым большим, доходным и красивым было Тосканское поместье. «Местность, — сообщает Плиний в одном из «Писем», — восхитительная, барская вилла, примыкая к Апеннинам, образует красивый амфитеатр, по холмам раскинулись богатые хлебные поля; у подошвы горы широко расположились виноградные по-

Вилла Плиния
Реконструкция

садки, затем опять поля, которые можно распахать только тяжелым плугом и на сильных волах; луга орошает быстро текущий Тибр» [2]. Из «Писем» Плиния узнаем, что в то время в Италии вследствие затяжного аграрного кризиса цены на землю сильно упали. В письме к своему другу Кальвизию Руфу Плиний пишет, что «в настоящее время цены на землю в Италии сильно упали». Имение, раньше стоившее 5 миллионов сестерций, теперь продается за 3 миллиона, да и то с трудом находит покупателя. Причину этого печального факта Плиний усматривает во все углубляющемся разорении средних и мелких владельцев (rusticani coloni). Плиний стоит перед дилеммой: покупать или не покупать новую виллу.

[1] *Plin.*, Epist., III, 19.
[2] Ibid., V, 6.

«По соседству с моими владениями, даже примыкая к ним, продаются имения. В этом деле многое меня прельщает, но не меньше у меня есть и опасений. Привлекает меня, во-первых, самая возможность красиво округлять свои владения (pulchritudo iungendi); во-вторых, возможность столь же полезная, как и приятная — навещать одним разом и без лишних путевых издержек оба имения, держать в них общего управляющего (procurator) и общих надзирателей, возводить постройки и украшать одну виллу, а другую держать в запасе. Здесь можно свести вместе расход на мебель, расход на дворецких, садовников, мастеров и на снаряжение для охоты; все это очень важно сконцентрировать в одном, а не оставлять разбросанным в разных местах».

«С другой стороны, я боюсь, не будет ли неосторожно подвергнуть столь огромное имущество риску одних и тех же условий погоды, одних и тех же случайностей; мне кажется гораздо спокойнее страховать себя от неожиданностей, приобретая владения в разных местах. Далее, перемена места и самое путешествие по своим владениям доставляют большое удовольствие»[1].

Больше же всего Плиния смущает невозможность найти подходящих, экономически крепких арендаторов (Instat et necessitas agrorum locandorum perquam molesta: adeo rarum est invenire idoneos conductores)[2].

«Основной пункт моих колебаний, — пишет Плиний, — земля плодородная, жирная, обильная водой, состоит из полей, виноградников и лесов, которые должны дать хоть умеренный, но верный доход; но эта счастливая земля обрабатывается маломощными землевладельцами. Прежний владелец слишком часто продавал взятые в залог средства производства колонов (pignora) и, таким путем погашая на время их долги (reliqua colonorum), на будущее совершенно истощал свои силы (virus in posterum exhausit), ибо за недостатком средств их задолженность вновь возрастала (quarum defectione rursus reliqua creverunt). По этой причине многих добросовестных съемщиков надо снабдить всем необходимым (sunt ergo instruendi complures frugi mancipes), ибо в нашей местности ни я, ни кто-либо другой не имеет рабов»[3].

Плиний указывает, что с каждым годом возраставшая задолженность колонов их дезорганизует, вселяя в них пессимизм, отчаяние и небрежное отношение к хозяйству.

«Многие совсем перестали заботиться об уменьшении своих долгов, так как они отчаялись в возможности их выплатить.

---

[1] *Plin.*, Epist., III, 19.
[2] Ibid., VII, 30, 3.
[3] Idid., III, 19.

Они расхищают и расходуют урожаи, полагая, что для себя им беречь нечего. Этим все растущим порокам надо оказать решительное противодействие, надо найти против них средство» (occurendum ergo augescentibus vitiis et medendum est).

Положение настолько серьезно, что Плиний вынужден отказаться от поездки в город, от общественных и государственных обязанностей, от посещения своих друзей и от приятного времяпрепровождения. Такие соображения приходят в голову Плинию в момент покупки им нового имения. Единственный выход из

Землевладелец

Крестьянин

создавшегося положения Плиний усматривает в отказе от денежной аренды и *переходе на аренду из части продукта*. «Единственный способ врачевания застарелой болезни заключается в одном — сдавать землю не за плату деньгами, а из части продукта» (medendi una ratio si non nummo, sed partibus locem).

Надзор за сбором урожая и взиманием причитающейся части следует поручить вполне надежным людям. Доход от сельского хозяйства — самый честный, но он зависит от почвы, климата и сезона, предполагает большое доверие в отношении персонажа, требует острых глаз и многих рук. Дело это, конечно, нелегкое, но, как говорится, при застарелой болезни надо использовать всевозможные средства помощи (experiendum tamen, et, quasi in veteri morbo, quae libet mutationes auxilia tendanda sunt) [1].

Одно из главных преимуществ парциарного колоната состояло в том, что он давал возможность использовать самые разнород-

[1] *Plin.*, Epist., IX, 37.

ные категории рабочей силы, помимо рабов и состоятельных колонов, также и малоимущие слои свободного населения. Этим разрешались сразу две первостепенной важности социально-экономические проблемы — проблема рабочей силы и проблема воссоздания мелкого производителя (колона), на котором держалась Империя. Воссоздание мелкого производителя должно было казаться особенно важным ввиду угрожающего роста латифундий и вымывания средних прослоек римского общества. Таковым представляется в основных чертах процесс образования колоната в Италии и провинциях. Новейшие исследования показали, что при одинаковости генеральной линии каждая область Римской империи имела свои особенности, обусловленные целым рядом внутренних и внешних причин. Колонатные порядки в Африке [1], например, складывались иначе, чем в Египте [2], Греции и Италии, Галлии и Германии [3].

5. ИМПЕРАТОРСКИЕ САЛЬТУСЫ

Колонат существовал и при Республике, но господствующее место в римском хозяйстве и юридическое оформление он получил лишь при Империи и раньше всего в поместьях (сальтусах) принцепса. *Императорские домены* (patrimonium) создавались по тем же самым экономическим и внеэкономическим причинам, как и поместья магнатов. Разница состояла в том, что в росте императорского землевладения политический фактор играл значительно большую роль, чем при создании частновладельческих доменов. Политика римских императоров I—II вв. в хозяйственной сфере была направлена на расширение императорских доменов, создание обширного фонда императорских земель и введение норм, регулирующих отношения между непосредственными производителями в императорских поместьях и мастерских и императорской администрацией. Процесс поглощения императорскими поместьями частных поместий начался с первых годов Принципата и продолжался до конца IV в., когда начался возвратный процесс роста частных поместий за счет императорского фонда, но уже на другой (феодальной) основе.

Исследования Гиршфельда [4], Моммзена, Дресселя, Кейля и других доказали наличие императорских поместий в первые века н. э. на пространстве всей Империи. Патримоний увеличивался разными путями: путем наследования выморочных имуществ, завещаний друзей и клиентов, путем заимки новых зе-

---

[1] *A. Schulten*, Die römischen Grundherrschaften, Weimar 1896.

[2] *O. Seeck*, Geschichte des Untergangs der antiquen Welt, I, 347.

[3] *Brunner*, Deutsche Rechtsgeschichte, S. 321.

[4] *O. Hirschfeld*, Der Grundbesitz der römischen Kaiser in den ersten drei Jahrhunderten. Beiträge zur Alten Geschichte, II, 1902.

мель, покупки и конфискации магнатских поместий, принявшей при последних императорах клавдиевой династии, Клавдии и Нероне, массовый характер.

При Флавиях и Антонинах императорский патримоний получил уже законченную организацию, вобрав в себя остаток старинного ager publicus. При современном состоянии материала организацию императорских земель лучше всего проследить *на примере Африки*, с аграрным строем которой мы более знакомы благодаря надписям и основанным на них специальным монографиям, в особенности монографии А. Шультена «Римские поместья». Императорские земли в Африке составляли особый земельный фонд, находившийся в ведении специального земельного управления Африки. Африканский земельный фонд делился на *три больших округа* (tractus или diocesis provinciae), примыкавших к трем главным городам Африканской провинции — Карфагену (tractus Carthaginiensis), Гадрумету (tractus Hadrumetarius) и Гиппону (tractus Hipponensis). Округа делились на *районы* (regiones), в каждом из которых находились один или несколько *сальтусов*. Сальтус состоял из вилл, вокруг которых располагались *поселки* (vici), состоявшие из нескольких изб (casae). Во главе округа стоял императорский управляющий, или *прокуратор* (procurator tractus), с многочисленным подчиненным ему штатом слуг — архивариусами (tabularii), счетоводами (dispensatores), переписчиками (librarii), стенографистами (notarii), курьерами (cursores), врачами (medici), педагогами (paedagogi), землемерами (agrimensores) и другим персоналом перечисляемым в могильных надписях римской Африки [1].

Аналогичным образом императорские поместья были организованы и в других частях римского государства, в частности в малоазиатских провинциях, как это показали недавние публикации документов, сделанных австрийскими учеными Кейлем и Премерштейном [2].

6. НАЧАЛО ЗАКРЕПОЩЕНИЯ КОЛОНОВ

Появление императорских сальтусов знаменовало переломный момент в социально-экономическом строе Римской империи — ослабление городского (муниципального) строя и начало поместного (феодального) строя. Особенностью императорских, а в известной мере и частновладельческих сальтусов было то, что они в юридическом отношении были совершенно независимы от соседних муниципиев. Они сами конструировались по типу муниципиев (municipii instar). С каждым столетием приобретав-

---

[1] C. I. L., VIII, 24, 678; 24, 686; Suppl. VIII, 12, 590.
[2] Denkschrift der Wienischen Akademie, LVII, I, 1914.

шие все большее значение экзимированные поместья-сальтусы разлагающим образом влияли на городской строй, узурпируя права города. Императорские домены существовали также и в Италии, в особенности в южной ее части, но они не имели такого распространения и самостоятельности, как в провинциях. Общим названием для италийских сальтусов было fundi excepti, т. е. поместья, изъятые из подчинения местной администрации. В конце II в. императорские земли и государственные земли слились в одно ведомство государственных или императорских земель (ratio), управляемых из одного центра.

Уплата аренды

Окруженные толстыми стенами (muro valido circumdati), сальтусы представляли самостоятельные социально-экономические тела, подобные муниципиям. В сальтусах проживало много народа (populus plebeius), выполнявшего различные функции, пользовавшегося неодинаковыми правами и положением. Все отношения между людьми, проживавшими на территории данного сальтуса, регулировались, согласно *уставу данного сальтуса* (lex, consuetudo praedii), прокураторами данного сальтуса. «Плебейский народ», проживавший в сальтусах, получал все необходимое для жизни на месте, на поместных базарах (nundinae), в поместных лавках и мастерских. В поместных уставах предусматривались все необходимые для жизни статьи — от купальни и парикмахерской до исправительного дома и церкви.

Поселения колонов (vici, casae) располагались около «господской виллы» (villa), служившей центром управления и пребывания прокуратора или его заместителя, окружая ее, по выра-

жению Фронтина, как бы кольцом укреплений (vicos circum villam in modum municipiorum) [1].

Подобно гражданам муниципия, проживавшие в сальтусах колоны и инквилины формально считались свободными и по окончании обычно пятилетнего срока аренды могли оставить поместье. Однако теория не всегда совпадала с практикой. Как съемщик земли, колон не был полным собственником заарендованного участка.

Участки колонов принадлежали к разряду подчиненной, так называемой *«пользовательской» собственности* (dominium utile), не имевшей главного признака полной собственности, т. е. права отчуждения владения. Это были не собственники, а только съемщики или держатели земли (detentores).

«В самом деле, — пишет юрист Цельс, — не все равно владеть вещью вообще или же владеть под чужим именем (alieno nomine possidere)... Колон и инквилин находятся в поместье, но они им не владеют» (colonus et inquilinus sunt in praedio et tamen non possident) [2].

Зависимость колонов от владельцев поместий, в первую очередь от главного помещика—императора, увеличивалась еще и потому, что в большинстве случаев арендаторы не имели собственных орудий труда, инвентаря, рабочего скота, помещений для хранения зерна, вина и масла и пользовались господским инвентарем. Как видно из многочисленных разъяснений римских юрисконсультов, передача имений по завещаниям и сдача в аренду всегда происходила вместе с инвентарем поместья (instrumentum fundi, apparatum rerum). При этом в состав инвентаря зачислялись самые разнообразные вещи, как-то: сельскохозяйственные орудия, прессы, бочки, ведра, кувшины, лопаты и перевозочные средства для вывоза продуктов на продажу (quae exportandorum fructuum causa parantur), помещения для хранения продуктов, помещения для рабов, мастерские и прочее [3].

Наряду с инвентарем поместья колоны нередко получали также и денежную ссуду.

«Колону, — гласит одна из статей Дигест, — надо дать бочки, пресс и мельницу, снабженные канатами, а если их нет, хозяин должен их доставить; испорченный пресс хозяин обязан починить, а корзины, которыми они пользуются при выжимании масла, колон должен сам себе заготовить».

«Если масло выжимается при помощи кружков, хозяин должен заготовить пресс, ворот, кружки, колеса и винты, кото-

---

[1] *Corp. agrim. Rom.*, Thulin, V. I, f. I, 1913, p. 45.
[2] *Dig.* XLIII, 26, 6.; 43, 26; *Ulp.*, 71.
[3] *Dig.*, XXXIII, 7, 12 (De instructo vel instrumento legato).

рыми поднимают пресс; также медный чан... и прочую масляную посуду должен дать хозяин, так же как и винные бочки, которые колон должен будет осмолить для предстоящего пользования» (Haec omnia sic accipienda, nisi si quid aliud specialiter actum sit) [1].

Таков экономический корень закрепощения римских колонов.

Поместье Юлия.
Карфагенская мозаика

«Чем дольше колон оставался на заарендованном им участке, тем он больше прирастал к земле и как «прилипший к земле» (adhaesus terrae) делался неотъемлемой частью поместья».

Подобно другим вышеперечисленным предметам долги и недоимки колонов, а вместе с ними, следовательно, и сами колоны с юридической стороны рассматривались как составная часть поместного инвентаря, передаваемая другому владельцу вместе с поместьем. Типичная формула передачи поместья по завещанию, например, гласила: «Желаю, чтобы поместье такое-то было передано такому-то с полным обору-

[1] *Dig.*, XIX, 2, 19.

дованием (ita ut est instructus), со всеми вещами, рабами и долгами колонов» (reliquis colonorum)[1].

Процесс закрепощения свободных арендаторов можно проследить в юридических актах, арендных договорах, контрактах и поместных уставах.

По вопросу о происхождении колоната в специальной литературе не существует единого мнения. Различные исследователи подчеркивали то одну, то другую сторону. По мнению одних (Фюстель де Куланж, Гревс, Пельгам, Пиганьоль, Пайс), основой колоната служила мелкая свободная аренда, другие (Савиньи, Цумпт, Марквардт и Зэк) на передний план выдвигают варварские поселения на римской почве, третьи (Рудольф, Франк) главным источником колоната считают рабов, посаженных на землю и т. д.

Ни одна из названных теорий не может быть принята полностью, ибо каждая из них, выдвигая на передний план один какой-нибудь источник, игнорирует или, по меньшей мере, недооценивает другой.

Как показывают новейшие исследования этого вопроса (Сегрэ, Кромайер, Корнеманн, Вестерманн, Чикотти и др.), социально-экономическая природа колоната более сложна и многообразна, чем это представлялось старым историкам, юристам и экономистам. Колонат вырос не из одного, а из многих исторических корней, некоторые из которых уходят далеко, еще в доримские порядки. Кроме того, при изучении колоната и колонатных отношений, как и при изучении рабства, необходимо иметь всегда в виду местные (региональные) особенности и доримские влияния.

Для синтетического обзора и историко-социологического понимания римской истории достаточно указать, что колонат, из каких бы исторических корней он ни произрастал, являлся новой производственной формой.

В период кризиса рабовладельческого строя парциарный колонат был единственной производственной формой, которая могла задержать распад Римской империи со всеми ее культурными надстройками и подготовить почву для дальнейшего вызревания феодальных отношений. Взятый в целом, колонат по сравнению с рабством, тоже взятым в целом, являлся прогрессивной социально-экономической формой, открывавшей возможность перехода к высшей — феодальной — организации. Этому не противоречит снижение социально-экономического и культурного уровня, имевшее место в последние века Рима в некоторых, по преимуществу центральных, рабовладельческих районах — в Италии, Греции и Сицилии.

[1] *Dig.*, XXXIII, 6, 27.

Виновником деградации античной культуры был *не колонат*, а рабовладельческая система в целом, не создавшая достаточного числа соответствующих технических, социально-экономических и психологических предпосылок, необходимых для перехода на высшую ступень общественного развития.

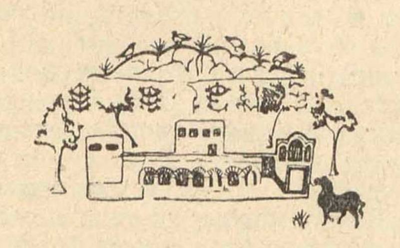
Как отмечалось выше, огромное преимущество колоната в условиях Римской империи состояло в том, что колонатная форма эксплоатации давала возможность использовать самые различные виды рабочей силы: свободных, рабов и варваров. Исторически колонат вполне оправдал возлагавшиеся на него надежды. На известное время кризис был ослаблен, посевная площадь расширена, опустевшие ряды армии пополнялись колонами, землевладельцы и государство приобрели даровую силу, масса же людей нашла приложение своих рук. Культурный подъем Средиземноморья при Антонинах не может быть понят вне связи с колонатом.

Оздоровляющее влияние колоната на средиземноморское хозяйство нашло свое отражение и в современной литературе, на что уже было обращено внимание выше. У римских и греческих писателей конца II и первой половины III в. имеются указания на прирост населения (multi sunt in domo liberi) и хозяйственный подъем не только провинций, но даже и Италии (iam repertus est orbis et mundus) [1], что, несомненно, стоит в связи с распространением колоната и возрождением среднего и мелкого производителя. Наконец, без допущения значительного увеличения средних и мелких землевладельцев, римлян и варваров, невозможно объяснить факт существования огромных армий, набиравшихся в III—V вв. не только в провинциях, но и в Италии. Веским подтверждением высказанной точки зрения является нижеприводимая цитата В. И. Ленина.

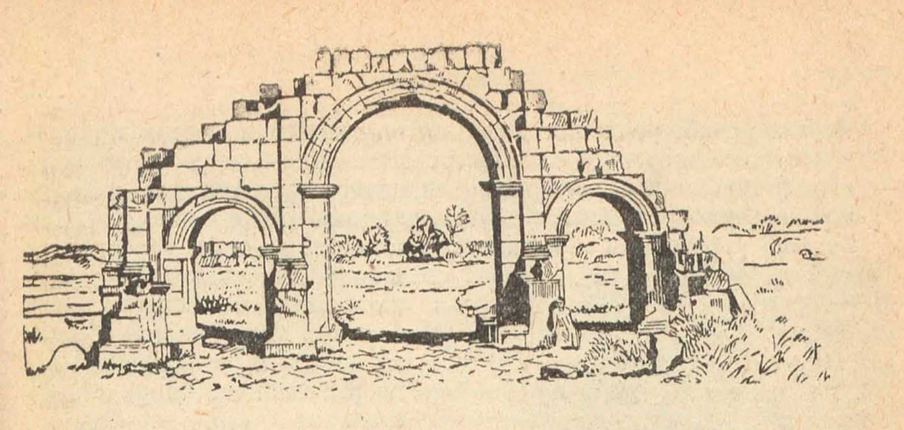
«Перемена формы эксплуатации, — пишет В. И. Ленин, — превращала рабовладельческое государство в крепостническое. Это имело громадное значение. В рабовладельческом обществе — полное бесправие раба, он не признавался за человека; в крепостническом — привязанность крестьянина к земле. Основной признак крепостного права тот, что крестьянство (а тогда крестьяне представляли большинство, городское население было крайне слабо развито) считалось прикрепленным к земле, — отсюда произошло и самое понятие — крепостное право. Крестьянин мог работать определенное число дней на себя на том участке, который давал ему помещик, другую часть дня крепостной крестьянин работал на барина. Сущность классового общества оставалась: общество держалось на классовой эксплуатации. Полноправными могли быть только помещики, крестьяне считались

[1] *Cypr.*, De hab. virg., 23.

бесправными. Их положение на практике очень слабо отличалось от положения рабов в рабовладельческом государстве. Но все же к их освобождению, к освобождению крестьян открывалась дорога более широкая, так как крепостной крестьянин не считался прямой собственностью помещика. Он мог проводить часть времени на своем участке, мог, так сказать, до известной степени принадлежать себе, и крепостное право при более широкой возможности развития обмена, торговых сношений все более и более разлагалось, и все более расширялся круг освобождения крестьянства. Крепостное общество всегда было более сложным, чем общество рабовладельческое. В нем был большой элемент развития торговли, промышленности, что вело еще в то время к капитализму. В средние века крепостное право преобладало. И здесь формы государства были разнообразны, и здесь мы имеем и монархию и республику, хотя гораздо более слабо выраженную, но всегда господствующими признавались единственно только помещики-крепостники. Крепостные крестьяне в области всяких политических прав были исключены абсолютно» [1].

[1] *Ленин*, О государстве, Соч., т. XXIV, стр. 370—371.

Глава XXII

ОТ ПРИНЦИПАТА К ДОМИНАТУ

1. ВОЕННАЯ МОНАРХИЯ СЕВЕРОВ

Последним представителем династии Антонинов был сын Марка Аврелия *Коммод* (180—192 гг.), павший от руки заговорщика в гладиаторской казарме во время приготовления к выступлению в роли гладиатора. После Коммода в течение нескольких месяцев правил *Гельвий Пертинакс* (192—193 гг.), убитый преторианцами, продавшими императорский престол богачу-сенатору *Дидию Юлиану*. Против непопулярного Дидия Юлиана поднялись провинциальные командиры: наместник Британии *Клодий Альбин*, наместник Сирии *Песценний Нигер* и наместник Паннонии *Луций Септимий Север*. Победителем из междоусобной войны, продолжавшейся четыре года и сопровождавшейся огромными опустошениями, вышел Септимий Север (M. Aurelius Severus Antoninus), начавший новую, по счету четвертую, династию Рима. К династии Северов принадлежали следующие императоры: *Септимий Север* (193—211 гг.), его сын *Каракалла* (M. Aurelius Antoninus Augustus, 211—217 гг.), *Элагабал* (218—222 гг.) и *Александр Север* (222 — 235 гг.). С 217 до 218 г. правил император *Макрин*, префект претория, человек низкого происхождения, он был в молодости рабом, «выставлявшимся на продажу» (homo prostibilis).

Правление Северов открывает новую страницу в истории Римской империи — период открытого господства армии и милитаризации римского общества. Роль военных командиров и армии при Северах выступает гораздо резче, чем при «республиканских» принцепсах. Правление Северов больше похоже на последние десятилетия Республики и в особенности на период Цезаря, во многом предвосхитившего политику Северов. «Республиканская монархия» вследствие обострения внутренних

противоречий, усиления внешних опасностей и ростом императорского хозяйства с каждым столетием все больше утрачивала свои республиканские черты, превращаясь из Принципата в Доминат, в военно-бюрократическую монархию (Militärmonarchie). Чем больше утрачивали свое значение республиканские учреждения и сокращалась автономия муниципальных советов, тем большее значение приобретали войско и бюрократия, непосредственная опора цезарства.

Септимий Север

С конца II в., со времени маркоманнской войны, императоры попадают в полную зависимость от окружающего их штаба и армии. С наибольшей очевидностью зависимость императора от войска обнаружилась в 193 г., после убийства Пертинакса, когда солдаты устроили настоящий аукцион императорской короны. После горячих споров корона досталась богатому сенатору Дидию Юлиану, надбавившему к предложенной цене еще 1 250 денариев. Зависимость императора от войска как нельзя лучше выразилась в ставшей классической фразе Септимия Севера, произнесенной им на смертном одре. Последними словами умирающего императора своим детям был совет: «Не ссорьтесь между собой и ублажайте солдат — всех остальных можете презирать» [1].

Скрытый смысл приведенной сентенции будет понятен, если иметь в виду обстановку, при которой Септимий Север пришел к власти. Север сделался императором не только против воли римского сената, открыто высказавшегося за его соперников Альбина и Нигера, но также и против воли большей части старых римских провинций, не желавших иметь на римском престоле «пунийца», уроженца африканского города Большого Лептиса, принадлежащего к местной романизованной аристократии, страстного почитателя Ганнибала. И только благодаря настойчивости и угрозам легионеров и страху перед новой гражданской войной Септимий Север признан был римским императором.

---

[1] *Dio Cass.*, LXXVI, 15.

Сын и преемник Севера, Каракалла отпустил солдатам по 2 500 денариев. Император Макрин за поддержку кандидатуры своего сына обещал каждому солдату по 5 тысяч денариев. Даже скупая Мамея, мать Александра Севера, не жалела средств для подкупа преторианцев. Мамея стремилась, говорит биограф Александра, привлечь на сторону Александра солдат деньгами, ибо «деньги они любили больше всего на свете».

Юлия Мамея

Вещественным доказательством военной опоры Северов и их зависимости от войска служат многочисленные монеты с именами легионов и надписи. Монеты и надписи являются одним из основных источников при изучении истории Северов, положенных в основу одной из важнейших работ по этой эпохе Мачиоро [1] «Римская империя при Северах».

В посвятительных надписях солдаты выражают свою благодарность императорам, обещая всегда оставаться им преданными и признательными (numine maiestatique deditissimi et dicatissimi).

Заискивания, подарки (dona) и обещания оказывали деморализующее влияние на войска, расшатывали дисциплину, не говоря уже об огромном переобременении бюджета. Военная дисциплина слабела, солдаты отвыкали от труда и не выдерживали долгих походов; они хотели, по выражению Диона Кассия, иметь все, не делая ничего. Даже такому популярному полководцу, как Септимий Север, только до известной степени удавалось достичь восстановления военной дисциплины и укрепления авторитета вождя. Своей популярностью среди солдат Север обязан щедрым раздачам по самым различным поводам, угощениям, увеличению продовольственного пайка, предоставлению солдатам различных прав и т. д.

И, несмотря на все это, дисциплина и боеспособность римской армии заставляли желать многого. Так, во время войны с Нигером Северу пришлось подавлять бунты в своей армии. В целях повышения дисциплины и борьбы с дезертирством Севе-

[1] *V. Macciоro*, L'impero romano nell'eta dei Severi. «Riv. stor. ant.», 1905, 10; 1906, 11.

ром был предпринят специальный поход в Британию. При этом, говорит Дион, императором руководили исключительно военные соображения, хотя он и не надеялся, что войско, охваченное ленью и бездеятельностью, выполнит эту задачу.

Зависимость императора от войска увеличивалась еще и потому, что в Риме не существовало *закона о престолонаследии*. Императоры династии Антонинов усыновлялись и утверждались войском и сенатом. И это глубоко вошло в сознание римского общества, никогда не порывавшего с республиканскими формами и словами. «Быть рожденным от царской крови, — говорит Тацит, апологет республиканской конституции, — есть чистая случайность. Напротив, тот, кто усыновляет другого, избирает его свободно и, если хочет хорошо выбрать, должен следовать общественному мнению» [1].

В период «солдатской монархии» Северов императоров избирали фактически офицерство и войско, народ же только «выкрикивал» предложенных кандидатов.

Социальный состав римской армии при Северах изменился в сторону провинциализации, демократизации и варваризации. С конца II в. в римской армии преобладали жители провинций, вольноотпущенники, варвары и рабы и очень немного насчитывалось италиков. Провинциализация армии объяснялась двумя причинами: сокращением общего числа италиков и последовательно проведенной антииталийской политикой Северов, исключавших из рядов войска италиков, в особенности италийскую аристократию, никогда не стоявшую на их стороне. Главный контингент армии составляло сельское население — колоны, — имевшие абсолютный перевес над горожанами. Писатели-современники жалуются на упадок воинских качеств солдат, набранных из городского населения (urbaniciani) как самого Рима, так и италийских и провинциальных муниципий.

«Римляне, — пишет Геродиан, — совершенно выродились, утратили боевые качества и страшно тяготятся лагерной жизнью. Они теперь занимаются земледелием и мирными делами. Пока Римом управлял народ и военных вождей назначал сенат, все италики были отличными воинами, господствовали на суше и на море, воюя с эллинами и варварами. Не было ни одного угла на земном шаре, ни одной страны, куда бы не простиралась власть Рима. С тех пор как вся власть перешла к Августу, он освободил италиков от военных забот, отняв у них оружие и учредив наемные войска. Римскую империю с этого времени стали ограждать большие реки, широкие рвы, пустыни и неприступные места [2].

---

[1] *Tacit.*, Histor., I, 16.
[2] *Herod.*, III, 11.

Ту же самую мысль более чем за 100 лет до Геродиана высказывал Тацит, заявляя, что «в римской армии нет ничего здорового, кроме чужестранцев» [1].

2. ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ ПРИ СЕВЕРАХ

Повышение удельного веса армии не могло не оказать влияния и на самую императорскую власть. Из «первого гражданина республики» — принцепса — римский император закономерно превращался в монарха «божьей милостью». Воля императора становилась единственным источником права и закона, и этот факт юристами классической эпохи был возведен в догму. «Воля принцепса, — заявляет юрисконсульт Ульпиан, — имеет силу закона, так как в силу «закона о верховной власти» (lex regia) народ передал ему свои верховные права» (populus ei et in eum omne suum imperium et potestatem conferat)[2]. «В силу древнего закона, — читаем в одной из статей кодекса Юстиниана, — все права римского народа перешли к императору» (omne ius omnisque potestas populi Romani in imperatorem translata sunt) [3].

Постановления императоров, заменявшие прежние leges, утверждавшиеся комициями, назывались общим именем *конституций* (constitutiones principis). Различали 4 вида конституций: 1) *эдикты* (edicta) — распоряжения общего характера, 2) *декреты* (decreta) — судебные приговоры императора, 3) *рескрипты* (rescripta) — ответы *императора* на различные, по преимуществу юридические, вопросы и 4) *мандаты* (mandata) или *письма* (epistolae) — разного рода инструкции, даваемые на имя чиновников, чаще всего на имя префекта претория. Управление сосредоточивалось в *совете принцепса* (consilium principis), в котором главную роль играли юристы. С самого начала Империи юристы занимали выдающееся положение в имперском аппарате, что объясняется сложностью управления, обилием законов и противоречивостью социальных интересов. Из римских юристов при Антонинах и Северах наибольшей известностью пользовались *Папиниан*, современник и друг Септимия Севера, *Ульпиан*, *Павел* и *Гай*. Юристы, члены императорского совета, давали ответы (responsa) по всем сложным правовым вопросам и занимали высшие государственные должности.

Юрисконсульты стояли даже во главе преторианской гвардии. *Префект претория* (praefectus praetorio) был одновременно начальником военного корпуса и высшей судебной инстанцией.

---

[1] *Tacit.*, Annales, III, 40.
[2] *Dig.*, I, 4,1.
[3] *Cod. Iust.*, I, 16; I, 17.

При Септимии Севере пост префекта претория занимал знаменитый юрист Папиниан. Следующее место занимал префект города (praefectus urbi), одновременно городской полицмейстер и судья в пределах городской префектуры. Старые магистратские должности — консулат, претура и квестура — превратились в определенные служебные этапы бюрократической иерархии. *Милитаризация* государственного аппарата сказывалась также и на личном составе государственных чиновников. Со времени Северов в управлении государством начинают играть большую роль военные чины, занимавшие должности в канцеляриях, хозяйственном ведомстве, личном ведомстве императора и при дворе, переносившие свои привычки и нравы на гражданскую службу. Доступ к офицерским и гражданским должностям был облегчен предоставлением заслуженным солдатам первого офицерского чина (primi ordinis), открывавшего путь ко всем государственным чинам до императора включительно. Карьера Макрина показала, что при известных обстоятельствах и простой солдат может стать императором.

Внешним выражением абсолютистских тенденций было *усложнение титула носителей верховной власти*. Уже при последних Антонинах сложилась длинная цепь разных эпитетов, прибавляемых в начале и конце личного и родового имени носителя верховной власти. Императоры Поздней империи имели особую склонность удлинять свое родство, доводя его по прямой линии до основателей династии Антонинов. Полный титул Септимия Севера, например, гласил: император Цезарь, сын божественного Марка, брат божественного Коммода, внук божественного Пия, правнук божественного Адриана, праправнук (proneроs) божественного Траяна, прапраправнук (adnepos) божественного Нервы. Сакральные прилагательные — божественный (divus), благочестивый (pius), счастливый (felix) — добавлявшиеся к собственному и родовому имени цезарей, свидетельствовали и о другой характерной черте Империи III в. — повышении мистико-религиозных настроений.

Усиление роли войска придавало римскому обществу своеобразный отпечаток солдатской монархии, но оно не изменяло его классовой сущности. Как до Северов, так и при них высшим сословием римского общества оставалась имперская аристократия. Но в личном составе аристократии произошли большие перемены. Пришедшие к власти с помощью войска и против воли аристократии Северы не скупились на подарки, пожалования званий сенаторов и всадников своим приверженцам. На данном этапе развития «солдатская монархия» обеспечивала оборону страны и охраняла интересы рабовладельческого класса в целом, хотя социальный состав аристократии при Северах по сравнению с предшествующим периодом сильно изменился

в сторону большей провинциализации и милитаризации верхнего слоя римского общества. Уроженцы далеких провинций, Северы, пришедшие к власти с помощью войска и против воли старой аристократии, создали свою собственную знать, поднявшуюся большей частью из офицеров и солдат, приверженцев Северова дома.

3. СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА СЕВЕРОВ

Социальная политика Северов в первую очередь была направлена на увеличение армии и привлечение ее на сторону императора. Ради этого Септимий Север увеличил денежное вознаграждение офицеров и солдат и совершенно устранил из армии римскую аристократию — сенаторов, заменив их новыми людьми из провинциалов.

Коренной реорганизации при Септимии Севере подверглась *преторианская гвардия*. Старые преторианские когорты, численность которых в конце II в. доходила до 15 тыс. человек, были распущены, а их обязанности переданы корпусу, составленному, главным образом, из солдат иллирийских легионов, расквартированных в предместье Рима. Должность префекта претория сохранилась, но из чисто военной она превратилась в полувоенную. Наряду с военными правами и обязанностями префект претория получал также и высшие судебные права. Этим и объясняется странное, на первый взгляд, обстоятельство, что должность префекта претория в III в. часто занимали не военные, а юристы. С политической точки зрения, расширением функций префекта претория и назначением на эту должность невоенных ослаблялось влияние преторианских командиров и понижалось значение самой преторианской гвардии.

В своей военной политике Север возвращается почти что к домарианскому периоду, превращая профессионального солдата в полукрестьянина и полумилиционера, посаженного на землю. Римский солдат теперь живет уже вне казармы, являясь в нее только в часы занятий, имеет семью, получает от правительства паек и земельный надел. Существовавшие до сих пор ограничения военных в гражданских правах отменялись. До Северов солдаты не могли заключать законных браков и иметь признаваемую законом семью, они могли находиться только в «сожительстве» — конкубинате — (concubinatus), не обеспечивавшем ни за женой, ни за детьми гражданских прав. Септимий Север разрешил солдатам иметь семьи в предлагерных поселках (canabae); рожденные от таких браков дети получали гражданские права при условии поступления их на военную службу. В отдельных же случаях солдатам разрешалось заключать браки

на общих основаниях с остальными гражданами (iustum matrimonium). Для содержания семей (focaria) солдатам разрешалось иметь на лагерной территории, принадлежавшей императору (solum Caesaris), земельные участки на правах арендаторов, близких к правам колонов. При возраставшем падении ценности денег, начавшемся уже при Антонинах, низкопробности монеты, когда серебряный денарий содержал всего 5% серебра, росте цен и дороговизне жизни перевод войска на самоснабжение подсказывался объективным ходом вещей.

Разрешение солдатам иметь семью и арендовать землю способствовало оседанию армии, сокращало расходы государства и создавало в лице самого солдата, его жены и детей новые кадры рабочей силы. Отрицательными сторонами оседания солдат были ослабление боеспособности армии, падение дисциплины, снижение качества командного состава и отрыв армии от центра. Превращение римской армии в пограничную милицию совершалось по мере ослабления завоевательной политики Рима и окончания далеких походов. Таким образом из силы наступательной римская армия все более превращалась в силу оборонительную, разбросанную по границам.

Но в этом была и своя положительная сторона. Поселение солдат по границам способствовало романизации окраин и слиянию римлян с провинциалами. Правовые различия между италиками и провинциалами при Северах почти уже исчезли. Из провинциалов Северы пополняли армию, вербовали чиновников, провинциалов же выводили в сенаторское и всадническое сословия.

Окраины при Северах ожили, приобрели права римского гражданства и приобщились к греко-римской цивилизации, другими словами, романизировались. Особенным расположением Септимия Севера, уроженца африканского города Лептиса, пользовались Африка, Нумидия, Мавретания и Дунайские провинции, о чем свидетельствуют благодарственные надписи и памятники в честь Севера, сохранившиеся в названных провинциях [1], прославляющие Севера как создателя чрезвычайно справедливых законов (legum conditor longe aequabilium) [2].

Аграрная политика Северов, направленная на воссоздание мелких и средних производителей, была прямым продолжением политики их предшественников Антонинов. Для воссоздания средних прослоек, из которых пополнялись кадры войска, Северы производили дарения и продажи на льготных условиях участков из государственного фонда, надеясь таким образом разрешить сразу два вопроса — военный и земельный.

---

[1] *C. I. L.*, VIII, p. 1014.
[2] *Aur. Vict.*, Caes., XX, 23.

С другой стороны, для привлечения на свою сторону городского населения Северы не только не сократили, но даже еще больше расширили «политику хлеба и зрелищ». Продовольственное дело (cura annonae) было заново реорганизовано; для бесперебойного снабжения столицы хлебом была учреждена специальная африканская флотилия, доставлявшая хлеб и масло из Африки. При ежедневной выдаче хлеба, равной 75 тысячам модиев [1], Септимий Север сумел еще сделать значительные запасы на случай крайней нужды. Обращено было внимание и на обеспечение столицы водой. Специальные хлебные и водные кураторы (curatores annonae, curatores aquarum) заведывали снабжением водой и хлебом.

Институт алиментаций был расширен, дети получали вспомоществование, а отцы семей специальные награды и льготы.

Продолжалась также и строительная деятельность. Из построек Северовой эпохи надо отметить *арку Севера* (arcus Severi), *храм Геркулеса*, *ворота Септимия* (porta Septimiana), казармы для преторианцев на свином рынке (forum suarium), водопроводы, дороги и др. Заведывание постройками находилось в руках целого штата чиновников, или кураторов общественных работ, храмов, дорог и т. д. (curator operum publicorum, curator aedium sacrarum) [2].

В отношении организации государственного аппарата Северы были прямыми предшественниками императоров Поздней империи. Развитие государственного аппарата шло в сторону усиления абсолютизма, превращения римского государства в обширный императорский ойкос, управляемый императорской бюрократией. Главной задачей управления было получение возможно большего количества податей, налогов, военной и рабочей силы. Достигалось это увеличением налогов, расширением императорского патримония и расширением прав фиска, из личной казны принцепса превращавшегося в государственную казну, к этому времени совершенно поглотившую эрарий. Фиск пополнялся экстраординарными и ординарными поступлениями. Наряду с экстраординарными доходами (конфискации, порча монеты и т. д.) в фиск поступали доходы с торговых пошлин, налоги на предметы роскоши, ввозные и вывозные пошлины и многие другие [3].

Налоги и повинности взимались деньгами и натурой. Выполнение государственных повинностей (functiones, obsequium) возлагалось на отдельных лиц и на целые корпорации — муниципальные советы (курии) и коллегии, мобилизованные на служ-

---

[1] *Script. Hist. Aug.* Sept. Sev., 23.
[2] *C. I. L.*, XIV, 2505—2510.
[3] *U. Wilcken*, Griechische Ostraka, B. I—II, 1899.

бу государству и связанные друг с другом круговой порукой (certa forma).

В целях получения возможно большей суммы налогов и обложения, возможно большего числа статей общественного и личного хозяйства в императорских канцеляриях была разработана специальная *форма обложения* (forma censualis), которой должны были руководствоваться на местах муниципальные курии и императорские чиновники, при производстве переписей и оценок имущества. О характере цензуальной формы достаточно ясное представление дает нижеприводимый отрывок из специальной книги об обложении (De censibus) Ульпиана, содержащий некоторые статьи цензуральной формы.

«При производстве ценза, — пишет юрисконсульт Ульпиан, — должно обращать внимание, чтобы земли заносились в цензуальные списки по следующему строго установленному правилу: имя каждого участка (nomen fundi cuiusque) с обозначением, в какой общине он находится и какие два ближайших участка к чему примыкают. Относительно пахотного поля (arvum) указывать, какими видами культуры будет поле засеяно в ближайшие десять лет и на скольких югерах. Относительно виноградников (vinea) сообщать сколько имеется виноградных лоз, оливковых рощ (olivae) — сколько они занимают югеров и сколько имеют деревьев; лугов (prata) — какие луга будут косить в ближайшие десять лет и сколько они занимают югеров; выгонов (pascua) — сколько предполагается югеров под выгоны и сколько предполагается леса на свод (silvae caeduae) [1].

1. Оценщик (censitor) должен проявить такую справедливость, чтобы при его помощи возможно было снять налог с того, кто указанным в цензуальных списках участком по каким-либо причинам не может пользоваться. Поэтому, если часть его поля погибла от провала земли, он будет иметь право при помощи оценщика получить скидку. Если бы у него погибли виноградные лозы или засохли деревья, то неравное (т. е. за вычетом их) число внести в ценз; если же он вырубит деревья или лозы, тем не менее необходимо, чтобы он объявил то число, которое было во время ценза, если он не объяснит оценщику причину вырубки...

2. Кто владеет землей в другой общине, то в этой общине он и должен сделать свою заявку, где у него земля (in ea civitate profiteri debet, in qua ager est), а налог с земли он должен заплатить в ту общину, на территории которой он ею владеет.

3. Хотя милость освобождения от податей, данная некоторым лицам, с их смертью уничтожается, но освобождение от налогов, данное местностям и общинам, переходит и к потомкам...

[1] *Dig.*, L., 15, 4 (De censibus).

4. При *заявках о рабах* (in servis deferendis) нужно наблюдать, чтобы были обозначены особо их национальность, возраст, занятия и ремесло.

5. Рыбные озера и заливы владельцы их тоже должны заносить в ценз.

6. Если есть какие-либо соляные копи в имении, то и о них в цензе должно быть упомянуто.

7. Если кто из инквилинов или колонов не будет упомянут, подлежит аресту на основании постановлений о цензе. Что родится после проведения описи или после будет найдено, то по окончании начатого дела может быть выправлено последующим заявлением.

8. Если кто будет просить разрешения, чтобы ему можно было бы исправить списки налога, а затем после этой просьбы узнает, что он не должен был просить об исправлении, так как это дело не требовало исправления, то, — как не раз это уже разъяснялось, — да будет ведомо, что ему не будет никакого ущерба или упрека из-за того, что он просил об исправлении списков» [1]. Ответственность за точное выполнение коллегиями своих обязанностей, за исправное поступление налогов и выполнение повинностей возлагалась на председателей коллегий, муниципальные советы (decaprotia) и провинциальную администрацию.

Уклонение от несения государственных обязанностей (munera publica) рассматривалось как тягчайшее государственное преступление. «Нет ничего более позорного, мало того, более жестокого, чем если кто-либо наносит вред государству, не споспешествуя его благу своим трудом (immo crudelius, quam si rem publicam is adroderet, qui nihil ineam suo labore conferret)» [2]. Важнейшей посредствующей единицей в системе Римского государства служили муниципии, чем и объясняется большое внимание, уделяемое в императорском законодательстве организации муниципий, муниципальных советов (курий) и всякого рода коллегий и корпораций. Муниципальные обязанности были двоякого рода: имущественные и личные (munerum civilium quaedaem sunt patrimonii alia personarum). К первой категории относилось все, что было связано с имущественными тратами, как-то: поставка перевозочных средств, сухопутных и речных, устройство представлений, празднеств, доставка лошадей для конных ристалищ и т. п. К категории же личных повинностей — все связанное с «физическим трудом, душевным волнением и бодрствованием», как-то: защита города (defensio civitatis), представительство от имени города в качестве городского уполномоченного (syndicus), отправление обязанности по производству

---

1 Ibid.

2 *Script. Hist. Aug.*, Pius, VII.

ценза и оценки имуществ, забота об общественных зданиях, водопроводах и о снабжении города провиантом (annona) и затем всякого рода мелкие повинности — охрана хлебохранилищ, доставка дров для топки бань и т. п. [1].

От несения повинностей освобождались: чиновники, римские сенаторы, арендаторы фиска, дети, больные, увечные и прочие, отцы больших семей, солдаты, осужденные и некоторые другие категории. Малоимущие (inopes, deficientes facultatibus) освобождались от несения имущественных повинностей, но несли личные повинности. С улучшением материального положения они немедленно же привлекались также и к несению имущественных повинностей и соответственно к получению соответствующих почетных должностей [2].

«Наместник провинции следит, чтобы повинности и почетные должности в городах распределялись в определенном порядке сообразно с возрастом и положением (secundum aetates et dignitates), чтобы без всякого разбора не обременялись одни и те же лица и чтобы благодаря этому не ослаблялись ни люди, ни силы государства» [3].

В поисках плательщиков Северы прибегали к самым различным методам. В значительной степени фискальными расчетами объяснялось распространение городского строя на те страны, как, например, Египет, где его раньше не существовало, превращение многих деревень и лагерей в города и, наконец, основание новых городов.

Чрезмерно интенсивная фискальная политика имела своим последствием частые отказы населения от налогов и повинностей, с одной стороны, и истощение остальной части плательщиков, с другой. Все, кто только мог, каким-либо путем уклонялся от несения налогов, приобретали иммунитет (освобождение) поступлением в войско, на государственную службу и пр. [4]. Из предшествующего обзора социально-экономической политики Антонинов и Северов видно, что уже в это время наметились основные линии перехода рабовладельческого Рима в крепостной, каковым он представляется нам в последние века Римской империи.

4. ПРЕЕМНИКИ СЕПТИМИЯ СЕВЕРА

Созданный Септимием Севером порядок в общем сохранялся и при его преемниках, не создавших ничего значительного ни

---

[1] *Dig.*, L, IV, I, De muneribus et honoribus.
[2] Ibid., V, I.
[3] Ibid., IV, 3.
[4] *Dig.*, L, 6, 6; *B. Matthiass*, Zur Geschichte und Organisation der römischen Zwangsverbände; Rostocker Festschrift f. H. von Buschka, 1891.

в одной области социальной и культурной жизни. Правление преемников Септимия Севера наполнено династической борьбой, военными бунтами, мятежами и заговорами.

После Септимия Севера императором сделался его сын *Каракалла*. Правление Каракаллы открылось убийством его младшего брата Геты. Завидовавший и боявшийся брата, Каракалла убедил свою мать пригласить Гету к себе для примирения, но эта мнимая попытка примирения закончилась убийством Геты. За убийством младшего брата императора последовали массовые убийства и конфискации имущества настоящих и мнимых сторонников убитого. Число убитых доходило до 30 тысяч человек. В их числе оказалось много вольноотпущенников и рабов, державших сторону Геты, причастных к его администрации или же просто упомянутых им в завещании.

Среди других при Каракалле погибли двоюродный брат Септимия Севера, сын Луциллы, сестры Коммода, дочь Марка Аврелия Корнифиция и многие другие. Своими действиями, замечает Ксифилин, византийский историк IX в., компилятор и комментатор Диона Кассия, Каракалла совершенно изувечил Рим, истребив в нем все лучшее и притом без всякой вины и без суда.

«Я не буду перечислять, — говорит Ксифилин, — всех знатных, которых он убил без суда и вины. У Диона Кассия приведен полный поименный список всех знатнейших жертв того времени. Достаточно сказать, что он убивал всех, кого только желал».

Каракалла был в полном смысле слова солдатским императором, называвшим себя вторым Александром Македонским. Главным объектом его забот всегда служила армия. На замечание матери, что он слишком много тратит на солдат, Каракалла, обнажив меч, ответил: «Не робей мать! Пока мы владеем этим мечом, у нас не будет недостатка в деньгах. Ни один человек в моем государстве, — прибавил Каракалла, — кроме меня, не должен иметь денег. Лишь мне одному необходимо золото для удовлетворения солдат!» [1].

Большую часть своей жизни Каракалла провел на войне: совершил несколько походов на Рейн и Дунай, организовал экспедиции в Сирию и Египет и погиб во время парфянского похода от руки заговорщика (217 г.).

Самым значительным актом шестилетнего правления Марка Аврелия Антонина Каракаллы было издание *Антониновой конституции* (constitutio Antoniana), распространявшей права римского гражданства на всю Империю (212 г.). Конституция Антонина (Каракаллы) имеет большое историческое значение как

---

[1] *Dio Cass.*, LXXVII, 10.

официальное признание слияния всех жителей римской Ойкумены, италиков и большинства провинциалов (свободных), в одну массу граждан единой Римской империи [1]. Ближайшим образом эдикт 212 года, как и большинство мероприятий императоров династии Северов, был вызван фискальными расчетами — стремлением увеличить число налогоплательщиков. Собственно говоря, уравнение в гражданских правах провинциалов и италиков было уравнением тех и других в общем бесправии перед лицом императорского абсолютизма.

Гелиогабал

После Каракаллы императором был провозглашен солдат *Макрин*, африканец по происхождению, стоявший во главе заговора. Через год Макрин был свергнут войском, а его место занял родственник Каракаллы, *Варий Авит* (Varius Avitus), которому тогда было всего четырнадцать лет. Во время провозглашения сирийскими легионами императором Варий Авит был верховным жрецом сирийского бога Солнца — *Элагабала*, или *Гелиогабала*, под именем которого он и известен в истории. Появление на римском троне «величайшего жреца непобедимого Солнца» *Элагабала* было весьма показательно для римского общества III в., склонного ко всякого рода религиозно-мистическим переживаниям и настроениям. В надписях Элагабал величается «счастливейшим, непобедимейшим, превыше всех принцепсов стоящим, милостивейшим цезарем».

Вся деятельность «величайшего жреца непобедимого Солнца Элагабала» (sacerdos amplissimus dei invicti solis Elagabali) окутана *религиозно-мистическим покровом.* Элагабал строил храмы, совершал жертвоприношения и устраивал торжествен-

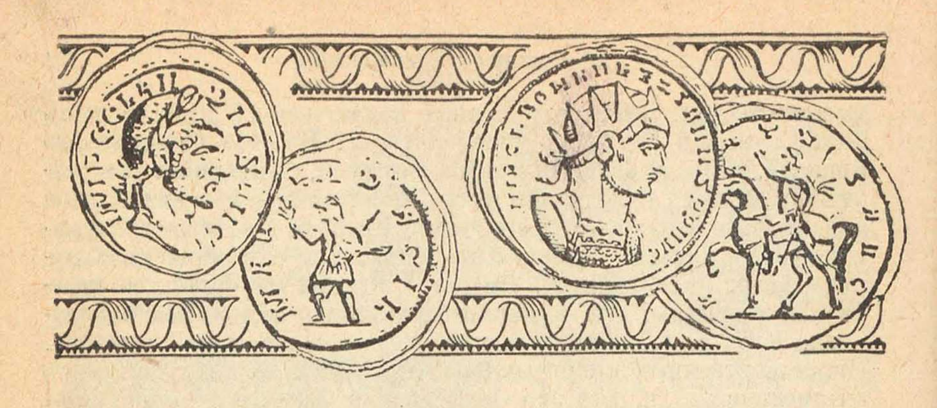
[1] Отрывки эдикта Каракаллы недавно найдены в Египте. См. *Meyer*, Juristische Papyri, I.

ные процессии. Так, он построил великолепный храм в честь бога Солнца и соорудил массу алтарей. Каждое утро, по его приказу, убивали сотню быков и массу овец, сжигали их на жертвенных алтарях и выливали много дорогого старого вина. Ручьи вина перемешивались с жертвенной кровью. После жертвоприношения у алтарей совершались танцы под аккомпанемент музыкальных инструментов. Вместе с жрецом-императором пировали и женщины, его землячки-сириянки, с кимвалами и флейтами. Кругом в полном составе стояли сенат и всадничество. Части жертвенных животных и пряности в золотых сосудах несли не простые слуги, как это обыкновенно бывало, но командиры войск и важнейшие гражданские чины в богатых финикийских одеждах. Император полагал, что доставляет им большую честь, разрешая участвовать в такого рода процессиях.

На посты наместников (praesides), легатов, консулов, командиров он назначал, говорится в его биографии, своих либертов и «вообще широко осквернял все звания неблагородством испорченных людей» (omnes dignitatis polluit ignobiletate hominum perditorum) [1]. В 222 г. распутный и развращенный Элагабал был умерщвлен солдатами, и престол перешел к его двоюродному брату Александру Северу, последнему представителю династии Северов, правившему до 235 г.

[1] *Script. Hist. Aug.*, Heliogabal, 11.

Глава XXIII

КРИЗИС III ВЕКА

1. ПРИЧИНЫ КРИЗИСА

С самого начала в Римской империи наблюдалось на первый взгляд одно странное противоречие: рост императорского абсолютизма, с одной стороны, и усиление децентралистических тенденций, с другой. Борьба централистических и децентралистических тенденций продолжалась до самого конца античного мира, закончившись победой децентрализма и распадом Империи. Исторически императорский абсолютизм можно рассматривать как борьбу против децентралистических тенденций, раздиравших Римскую империю. В итоге, абсолютистская политика имела двоякий результат: с одной стороны, она на известное время задержала действие центробежных сил, но с другой — своими методами управления и организации углубила сепаратистские тенденции. В последнем счете кризис Римской империи надо рассматривать как кризис рабского способа производства, запиравшего выход в новую формацию и с неизбежностью приводившего покоившееся на рабовладельческой основе общество к катастрофе или социальной революции.

«Там, где *рабство* является господствующей формой производства, там труд становится рабской деятельностью, т. е. чем-то бесчестящим свободных людей. Благодаря этому закрывается выход из подобного способа производства, в то время как, с другой стороны, требуется устранение его, ибо для развития производства рабство является помехой. Всякое покоящееся на рабстве производство и всякое основывающееся на нем общество гибнут от этого противоречия. Разрешение его дается в большинстве случаев насильственным покорением гибнущего общества другими, более сильными (Греция была покорена Македонией, а позже Римом). До тех пор пока эти последние, в свою очередь,

покоятся на рабском труде, происходит лишь перемещение центра и весь процесс повторяется на высшей ступени, пока, наконец, (Рим) не был покорен народом, введшим вместо рабства новый способ производства» [1].

Античные государства, в том числе и самое крупное из них, Римская империя, представляли объединения по преимуществу внеэкономического — военного и политико-административного порядка. Рабовладельческий способ производства, с его несовершенной техникой и транспортом, не был в состоянии органически связывать различные части Империи в одно социально-экономическое целое. Общества, построенные на рабском способе производства, ограничены в своем развитии, и в этом их коренное отличие от обществ с иным способом производства, как, например, от феодального и капиталистического.

«Вообще Рим, — говорит Энгельс, — так и не вышел из стадии города, и его связь с провинциями была почти исключительно политической и, конечно, могла быть также и нарушена политическими событиями»[2].

Раньше всего кризис охватил центральные рабовладельческие области — Италию, Сицилию и Грецию, за которыми последовали одна за другой провинции, втягивавшиеся в полосу кризиса.

Социально-экономическое ослабление Италии, как мы видели, явилось следствием внутреннего и внешнего кризиса рабовладельческого хозяйства, крушения завоевательной политики, уменьшения подвоза рабов и недостатка рабочей силы. Чем больше Римская империя с наступлением pax Romana превращалась в Средиземноморскую империю, тем больше материально слабевшая Италия утрачивала свое монопольное положение и попадала в зависимость от провинций. Отношения между центром и провинциями в первые века нашей эры развивались не к выгоде центральных областей. Утратившая монополию средиземноморской торговли и обезлюдевшая Италия не могла конкурировать с провинциями и попадала в экономическую зависимость от них.

Уже при Тиберии, т. е. в I в. н. э., признавалось общеизвестным, что Италия не может существовать без чужой помощи и что повседневная жизнь римского народа связана с капризами моря и непогоды. «Если богатства провинций не будут приходить на помощь нашим господам, рабам и нашим полям, то наши рощи и пашни не смогут прокормить нас» [3].

В последующее время, по мере развития производительных сил на всем пространстве Империи и распространения культуры,

---

[1] *Энгельс*, Диалектика природы, изд. 6-е, Партиздат, стр. 49.
[2] *Маркс и Энгельс*, Партиздат, 1933 г., т. IV, стр. 13.
[3] *Tacit.*, Annales, III, 54.

возрастала хозяйственная самостоятельность провинций и усиливалась *экономическая децентрализация*. За период почти двухсотлетнего «римского мира» провинции, предоставленные самим себе, несколько оправились от военных разгромов и административных насилий предшествовавших веков, окрепли экономически и культурно и развили чувство самостоятельности и независимости в отношении оскудевавшего рабовладельческого центра — Рима.

Развитию местного производства способствовал целый ряд факторов: экономия на транспорте, в течение всей истории Рима всегда дорогом и медленном, менее истощенная почва и дешевая рабочая сила. Колонат и колонатные отношения в провинциях складывались легче, шире и глубже входили в жизнь. Рост местного производства и торговли неблагоприятно отражался на общеимперском производстве и общеимперской торговле, размеров которой вообще не следует слишком преувеличивать.

Даже в «счастливый период» Римская империя сохраняла немало элементов натурального хозяйства. В обмен были вовлечены по преимуществу морские районы, внешняя же торговля была пассивной и ограничивалась предметами роскоши. С другой стороны, важнейшие предметы общеимперской торговли, как, например, хлеб, почти совсем были исключены из рыночного обращения, поскольку они составляли монополию государства и непосредственно поступали в распоряжение потребителя. Крупное производство, за исключением некоторых предприятий общегосударственного значения, в Римской империи тоже не играло большой роли. Основной производственной единицей всегда оставалась ремесленная мастерская. Как показывают археологические находки, ремесленные мастерские в первые века н. э. существовали даже в таких отдаленных частях Римского мира, как низовья Рейна или Дуная. Местные мастерские вполне обслуживали местные рынки и даже вывозили в центр или другие провинции продукты своего производства. Таким образом экономически муниципии были почти независимы от центра, можно скорее говорить о зависимости центра от провинций, нежели, наоборот, о зависимости провинций от центра.

Далее, говоря о *культурном влиянии* Рима на провинции (романизации), также не следует слишком преувеличивать степень римского влияния на туземное население. Романизация провинций, в особенности окраинных, всегда оставалась на поверхности, захватывая, главным образом, города, масса же сельского населения почти не была затронута римской культурой и никакой привязанности к Риму не питала. Под тонким покровом римской цивилизации сохранялись старые, доримские учреждения, обычаи, религии и языки. На латинском и греческом языках, двух официально признанных языках Империи, говорила

только аристократия, большая же часть населения говорила на местных наречиях: сирийском, кельтском, ливийском, пуническом и пр. Не имевшее прав римского гражданства туземное население смотрело на римских и романизованных местных землевладельцев, ростовщиков и чиновников, как на эксплоататоров, стремясь при первой же возможности освободиться от них.

Тенденция провинций к *сепаратизму* и самостоятельности еще более усилилась с конца II в. в связи с возобновлением войн, разорением, налогами и абсолютистской политикой последнего Антонина и сменивших его Северов. В связи с этим с конца II в. начинается *ослабление муниципий*, главного звена и опоры Римской империи и императорской власти. Об этом свидетельствует увеличение числа городских кураторов (curatores rerum publicarum) и усиление их роли [1]. Дружба императоров с муниципальной аристократией порывается, и с этого времени центробежные силы развертываются во всю ширь. Внешним показателем начинавшегося распада Империи и ее феодализации служили *узурпаторы*, провозглашавшие отделение провинций от Рима и поддерживаемые провинциалами. Развивавшийся сепаратизм провинций был одним из симптомов разложения рабовладельческого государства и вызревания новых, феодальных порядков.

Наряду с усилением экономической и культурной самостоятельности провинции, решающую роль в процессе разложения Римской империи сыграли императорские и частновладельческие *сальтусы*, о которых говорилось в предшествующей главе. Во всех отношениях сальтусы были самостоятельными социальными частями, жившими своим собственным поместным уставом, мало связанные с внешним миром и вследствие этого таившие в себе элементы децентрализации и сепаратизма. Производимые в сальтусах продукты в массе непосредственно поступали в распоряжение государства, оброки и оплата труда в сальтусах производились натурой. Парциарный колонат (из части продукта) получил широкое распространение именно в императорских сальтусах. Переход же на парциарный колонат являлся одновременно и симптомом и причиной разложения рабовладельческого строя и замены его феодальным. Императорское хозяйство, занимающее первостепенное место в экономике Поздней империи, в значительной мере покоится уже не на рабовладельческой, а на феодальной или вернее предфеодальной экономике и отчетливо выраженном преобладании натурального хозяйства при все более уменьшающемся обмене. Феодализация и натурализация экономических отношений с исторической закономерностью должна была повести к феодализа-

---

[1] *Liebenam*, Curator rei publicae (Philol., 1897, 56, S. 290).

ции политического строя и распаду политических форм, сложившихся на рабовладельческой основе.

Распад Римской империи, начинавшийся в ее экономических корнях, был углублен, обострен и ускорен *классовой борьбой*, развернувшейся в последние века Рима на всем пространстве Империи. Эта борьба была вызвана ухудшением положения непосредственных производителей—рабов, вольноотпущенников, колонов, свободных ремесленников и интеллигенции, слившихся в одну массу эксплоатируемых тяжелым прессом рабовладельческого государства. Чем больше росли общеимперские потребности, тем сильнее был нажим на податные классы населения, на так называемых «неблагородных» (humiliores). Усиление эксплоатации объяснялось повышением расходов рабовладельческих классов и колоссальными потребностями государства. Материальные же основы римского общества, его технический уровень и степень производительности труда, нравы и привычки и весь психофизический склад античного человека не соответствовали предъявляемым к нему требованиям. Отсюда неизбежность переобременения, перенапряжения и численного уменьшения населения Римской империи. Нажим, как сказано, шел с двух сторон: 1) со стороны землевладельцев всех разрядов и 2) со стороны государства, организованной силы рабовладельческого общества.

Об ухудшении экономического и правового положения колонов свидетельствуют дошедшие до нас *петиции колонов* императорских сальтусов, относящиеся к концу II и III вв., т. е. к началу кризиса. В своих петициях колоны обращаются к высшей инстанции, к «священной особе» императора, с жалобами на злоупотребления властью и именем императора. Одна из такого рода петиций на имя императора Коммода дошла до нас в виде надписи, вырезанной на камне и поставленной в *Бурунитанском сальтусе*, в Африке, о чем уже упоминалось в другой связи. Эта петиция заслуживает внимания, так как она вводит нас во внутренние порядки поместий и знакомит с положением колонов и рабов. В своей петиции колоны названного сальтуса жалуются на обиды и угнетения со стороны кондуктора Аллия Максима. Кондуктор, заявляют колоны, вызвал в поместье солдат ближайшего гарнизона, схватил и мучил некоторых подчиненных ему колонов, в том числе и римских граждан, других наказал розгами, третьих бросил в тюрьму. Несправедливость подобного поступка и злоупотребление властью само собою очевидны. Очевидно также и нарушение «поместного устава», вырезанного на медной доске, выставленной на видном месте, и подтвержденного уполномоченным самого императора (прокуратором). В конце петиции колоны указывают, что, сознавая свое бессилие, они обращаются со всепокорнейшей просьбой к самой

высшей инстанции — римскому императору, прося его защитить их от произвола и насилия главного арендатора и его слуг.

«Помоги нам, маленьким людям! Мы, ничтожные деревенские людишки (homines rustici tenues), тяжелым трудом своих рук поддерживающие свое существование, не можем сравняться у твоих прокураторов с влиятельнейшим, безмерно щедрым кондуктором (conductori profusis largitionibus gratiosissimo), который, по условиям аренды известен при всех сменах (прокураторам); сжалься и своим священным рескриптом удостой предписать, чтобы мы давали не больше, чем должны согласно «закону Адриана» и письменным распоряжениям твоих прокураторов, чтобы, благодаря твоему величеству, мы, твои колоны, рожденные в твоих сальтусах (tuae maiestatis rustici tui vernulae et alumni), не притеснялись кондукторами и их слугами» [1].

В дополнение к петиции африканских колонов можно привести еще другую петицию колонов одного из *малоазиатских сальтусов*, относящуюся ко времени Филиппа Аравитянина (середина III в.).

«В счастливейшие времена вашего царствования, — так начинается петиция, — добродетельнейший и счастливейший из императоров, когда все наслаждаются миром и спокойствием вследствие прекращения всех зол и притеснений, лишь мы одни терпим несправедливости, совершенно не свойственные нашему времени. Мы, обитатели одного из ваших поместий, святейший государь, целой общиной обращаемся за помощью к вашему величеству. Нас неслыханно угнетают и пьют из нас все соки те, кому, казалось бы, более всего надлежало заботиться о нашей защите. Солдаты, офицеры, влиятельные люди (династы) отрывают нас от работы, реквизируют рабочий скот, совершают беззаконные, недозволенные им вещи. По их вине мы терпим страшные, необычайные обиды и притеснения» [2].

Доведенные до крайней нужды и не видя никакого другого выхода из положения, колоны и рабы массами снимались с мест, покидали свои участки и бежали, куда глаза глядят, поступали добровольцами в армию, уходили в города и становились членами разбойничьих банд, чрезвычайно распространенных в эти годы, как показывает излагаемая в другом контексте история «счастливого разбойника» Буллы при Септимии Севере. С точки зрения благополучия рабовладельческого государства, особенно опасно было то, что недовольство существующим строем проникло в войска, пополнявшиеся из разоренных и революционно настроенных, главным образом, сельских элементов. Сколь ни велики, однако, были внутренние противоречия, раздиравшие

---

[1] Decretum Commodi de salto Burunitano; C. I. L., VIII, 10570.

[2] *Dittenberger*, Orientis graeci inscriptiones selectae, 519.

Римскую империю, сами по себе они все же никогда не прорвались бы наружу с такой страшной силой, как это случилось в действительности, если бы к внутренним факторам не присоединились толчки извне в виде войн и следовавших за ними «военных революций».

К внутренним причинам присоединились *внешние причины*, вконец расшатавшие социально-экономические основы Римского государства. С маркоманнской войны Рим почти не выходил из состояния войн, притом большей частью оканчивавшихся не к выгоде Рима. Неуспехи римской внешней политики объяснялись многими причинами: внутренней слабостью Рима, обширностью оборонительной линии, отдаленностью театра военных действий и трудностью условий ведения войн, частой сменой руководства, разнородным составом легионов и их малой устойчивостью. Войны велись одновременно на нескольких фронтах. На *севере* римляне воевали с коалицией маркоманнов, квадов, гермундуров, лангобардов и других германских племен, прорывавшихся через границы Паннонии, Норика и Реции и захватывавших североиталийские города, в том числе Аквилею, важнейший торговый центр италийского севера.

Второй театр военных действий при Северах находился на *востоке*. Осложнение римской политики на восточной границе стояло в связи с переменами в системе восточных государств и образованием *Новоперсидского царства Сасанидов*. В середине III в. династии Сасанидов удалось объединить разрозненные элементы, некогда входившие в состав Парфянского царства. Спор между Римом и Сасанидами шел о Месопотамской равнине, на которую издавна претендовали римляне, с одной стороны, парфяне и затем сменившие их персы — с другой. До III в. война велась с переменным успехом. В то время как римляне проникали в парфянскую столицу Ктесифон на Тигре, парфяне и персы осаждали главный оплот эллинизма на Востоке — Антиохию. С середины же III в. перевес окончательно переходит к персам. В 230 г. Сасанид *Ардашир* перешел Евфрат, занял Месопотамию и осадил г. Нисибис. Мирно настроенный римский император Александр Север вынужден был вместе со своей матерью-регентом Мамеей принять вызов и отправиться на театр военных действий в Антиохию. Военные действия были успешны, но император вскоре должен был покинуть восточный фронт и поспешить на рейнско-дунайскую границу. На северном фронте дела римлян пошли менее удачно. Север заключил позорный мир с германцами, что вызвало сильное возмущение среди солдат, окончившееся убийством императора и его матери (235 г.).

Одновременно с восточным и северным открылся еще третий фронт — *южный*. Мавретанские племена Северной Африки перешли в наступление, дойдя в своих набегах до границ римской

Африки. Все эти войны и походы поглощали массу средств и людей, не давая никаких ощутительных результатов: ни богатой добычи, ни квалифицированных рабов, ни плодоносных территорий.

Войны создавали благоприятную обстановку для появления всякого рода узурпаторов, провозглашавших себя римскими императорами. Узурпаторов поддерживали не только их армии, вербуемые из разорившихся колонов, бежавших рабов, вольноотпущенников и варваров, но также и провинции, стремившиеся освободиться от центра. Отпадавшие от Рима провинции и города, по большей части находившиеся в неприязненных друг к другу отношениях, выдвигали своих собственных императоров.

Излагая историю возвышения Септимия Севера, Геродиан замечает, что во всех провинциях и городах, куда достигала молва о победе Севера, начиналось смятение. При этом не столько симпатии или антипатии к воюющим императорам разделяли враждующие города, сколько зависть и несогласия между собой и стремление к взаимоистреблению. «Это древняя болезнь эллинов, беспрестанно враждовавших друг против друга и желавших гибели тому городу, который обладал какими-либо преимуществами, — это, собственно, и погубило Элладу. Ослабленные и истощенные междоусобиями эллины сделались жертвой македонян, а затем были порабощены римлянами. Та же самая болезнь ревности и зависти перешла и к современным нам городам» [1].

2. ВОЕННЫЕ ПЕРЕВОРОТЫ

Острый период гражданской войны начинается после смерти последнего представителя династии Северов Александра Севера, убитого взбунтовавшимися солдатами во время рейнского похода.

Причина непопулярности Александра Севера среди войска заключалась в его политике, направленной на повышение военной дисциплины, сокращение раздач, повышение престижа сената и привлечение на руководящие посты образованных гражданских чиновников с высшим юридическим образованием.

Во время германского похода издавна накопившееся недовольство прорвалось наружу и стоило жизни императору, его матери и многим приближенным. Правление Севера Александра было последней попыткой сохранить режим принципата, установленный Августом.

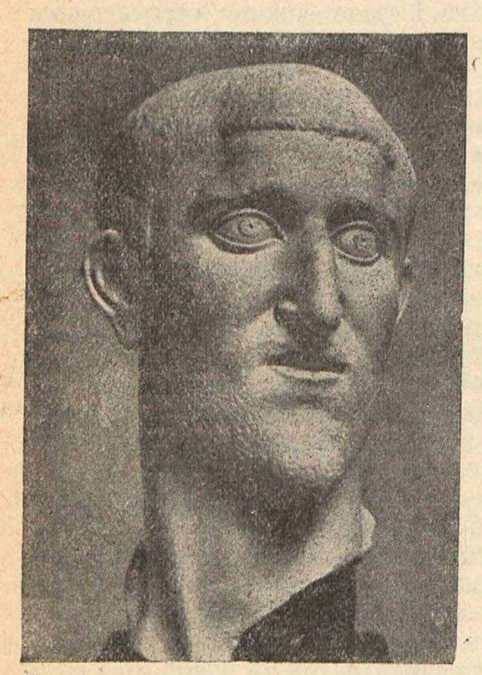
После Севера Александра следует серия чисто солдатских императоров, совершенно порвавших с республиканскими традициями.

Преемником Севера был провозглашен *Максимин* (235—238 гг.). Максимин происходил из Фракии (Maximinus Thrax),

---

[1] *Herod.*, III, 2.

вырос в деревне, был земледельцем-пастухом. Завербованный в армию, Максимин поражал своих товарищей огромным ростом, необычайной силой и храбростью. О физических качествах Максимина ходили самые странные слухи. Говорили, что он выпивает сразу целое ведро вина, съедает 40 или 60 фунтов мяса и т. д. Благодаря своей силе, росту, храбрости и исполнительности Максимин стал известен Северу, поручившему ему командование навербованным из варваров легионом.

Максимин Фракиец

«Мой дорогой, любимый Максимин, — писал император,— я не поручаю тебе команду над старыми солдатами потому, что боюсь, что ты не сумеешь исправить застаревшие при других начальниках пороки. Но ты имеешь новобранцев (tirones), которых ты должен воспитать в духе твоей доблести и выносливости; создай мне много Максиминов, в которых нуждается наше государство» (ut mihi multos Maximinos rei publicae optabiles solus efficias) [1].

Выдвинутый солдатами и действовавший прежде всего в их интересах, Максимин встретил резкий протест со стороны сената, не признававшего власти нового императора — «варвара». В ответ на это последовали со стороны Максимина преследования, конфискации и казни, которыми наполнено двухлетнее царствование Максимина Фракийца. Расправа была самая беспощадная. Одних распинали на крестах, других зашивали в шкуры убитых зверей, третьих забивали до смерти дубинами и т. д. «Никогда еще на земле,— возмущается составитель биографии Максимина, — не было более дикого зверя (neque enim fuit crudelius animal in terris). Фракиец не терпел около себя ни одного знатного человека...» [2].

---

[1] *Script. Hist. Aug.*, Maximini duo, 5.
[2] Ibid., Maxim., 9.

Совершенно противоположной политики Максимин держался в отношении войска, которое он ублажал, освобождал от работ, хорошо снабжал и перед которым всячески заискивал.

Большие траты на войско и походы заставляли Максимина прибегать к частым конфискациям имуществ знати и храмовых сокровищ, отбирать запасы городов и повышать налоги.[1] Все это вызывало недовольство не только высших, но и низших классов, страдавших от фискальной политики фракийца. На этой почве повсюду происходили восстания, самым значительным из которых было восстание в римской Африке. Раздраженные поборами прокуратора Максимина, местные посессоры составили заговор, вооружив рабов и колонов, убили прокуратора и его приближенных и провозгласили императором африканского проконсула *Гордиана*, сторонника сенатского режима. Вопреки своему желанию, престарелый Гордиан, происходивший из старинного римского рода, восходившего к Гракхам, уступил настойчивым требованиям заговорщиков и принял императорство [2].

В Риме избрание Гордиана было встречено с неописуемой радостью. Сенат тотчас же объявил Максимина и его сына врагами отечества, разослав по всем провинциям приказы о низложении Максимина: «Сенат и римский народ, освобожденные от дикого зверя (tristissima belua) нынешними принцепсами (Гордианом и его сыном), шлют свой привет проконсулам, легатам, командирам частей (ducibus), трибунам, магистратам, отдельным общинам и муниципиям, городам, поселкам и лагерям. С помощью богов мы признали верховным главой государства проконсула Гордиана, одного из наиболее уважаемых и почитаемых сенаторов. Ваш долг совместно с нами принять необходимые меры для спасения государства, для защиты от чудовища и преследования как его самого, так и его сообщников... Максимин вместе с его сыном объявляются врагами отечества (hostes, hostes, qui eos occiderit, praemium merebitur) [3].

Правление *Гордиана I* и его сына *Гордиана II* продолжалось недолго. Оба императора пали в битве с нумидийским легатом. Тогда сенат провозгласил императорами двух сенаторов, к которым, по желанию войска, был присоединен внук Гордиана I, будущий император Гордиан III.

Между тем Максимин двинулся из Германии, где он тогда вел войну, к Альпам, перешел их и приступил к осаде города Аквилеи. Но так как город был хорошо укреплен и обеспечен продовольствием, осада пошла неудачно. Продолжительность осады разлагающе действовала на осаждавшую армию, страдав-

---

[1] *Herod.* VI, 3.
[2] Ibid., VII, 7; *Zosim*, I, p. 15.
[3] *Script. Hist. Aug.*, Max., 16.

шую от недостатка продовольствия и начинавшую роптать, что вызывало гнев легко возбуждавшегося фракийца. Волнения перешли в открытый бунт, во время которого погиб Максимин и его сын.

После Максимина императором становится *Гордиан III* (238—244 гг.), выдвинутый преторианцами, за которым следует целая серия императоров. В 244 г. Гордиана, павшего от руки заговорщика, сменил *Филипп Аравитянин* (Marcus Iulius Philippus, 244—249 гг.), выдвинутый восточными легионами во время войны с персами. После этого сменяется ряд императоров, одним из которых был император *Галлиен* (260—268 гг.), сын императора Валериана, взятого в плен персами и там умершего. Правление Галлиена представляет высшую точку распада Римской империи, разлагавшейся на свои составные части. Тяготившиеся гегемонией Рима провинции (Галлия, Египет, Азия, Испания и Иллирия) объявляют себя самостоятельными империями, выдвигая в качестве императоров командиров расположенных в них воинских частей. Это был период *«тридцати тиранов»* (triginta tyranni) [1], правивших в различных частях Римской империи.

При Галлиене от Рима отложилась Галлия, выдвинувшая собственных императоров *Постума* и *Тетрика*, в Иллирии утвердился *Авреол*, в Египте — *Эмилиан*, на Востоке — пальмирский князь *Оденат* и его жена *Зиновия*, возводившая свой род к Клеопатре, и другие. В Сицилии в эти годы произошло большое восстание колонов и рабов, сравниваемое с «сицилийскими революциями» II в. до н. э.

«В заключение всех вышеописанных бедствий и потрясений, —повествует биограф Галлиена Требеллий Поллион, — как будто весь мир восстал против нас, в Сицилии разразилась почти что рабская война (quasi... bellum servile). Разбойничьи банды рассыпались по всему острову и лишь с трудом могли быть усмирены» [2].

Внутри государства кипела классовая борьба, провинции отделялись, границы оставались незащищенными, через них прорывались варвары.

Параллельно с этим за пределами Римской империи в «варварском мире» происходил противоположный *процесс образования государств и племенных федераций*. На северной рейнско-дунайской границе образовались сильные федерации германских племен: маркоманнов, франков, аламанов и готов, захвативших Галлию, Британию и Испанию. Несметная орда готов,

---

[1] Главный источник по истории этого периода — биографии императоров («Scriptores historiae Augustae»), — исторически мало надежен, содержит много малозначащего и трудно поддающегося критической проверке материала.

[2] *Script. Hist. Aug.*, Gallieni duo, 4.

Сражение.
Рельеф на саркофаге III века

по преданию, более 300 тыс. взрослых воинов, со множеством повозок, женщин и детей надвигалась на Балканский полуостров. Готы вступили во Фракию, заняли Македонию и разграбили Афины. Одновременно с готами на азиатские провинции нахлынули скифские племена, сметавшие на своем пути встречавшиеся им города и селения и распространявшие заразные болезни. Восточные провинции — Ахайя, Иллирия, Египет, Галлия, Британия — словом, большая часть провинций отложились от Рима. Рим находился во враждебном кольце. К внешним потрясениям прибавлялись еще внутренние: чума, землетрясение и голод, свирепствовавший во всей Империи.

Таково было состояние Римского государства в правление Галлиена. Положение римского императора в этот период достаточно выразительно охарактеризовал один из претендентов на цезарский трон: «Знаете ли вы, что это за несчастье — императорская власть? Над вашей головой постоянно висят меч и кинжал. Приходится бояться даже собственной стражи, не доверять своим друзьям, ни одно блюдо не доставляет удовольствия, ни одно путешествие не предпринимается ради почета, ни одна война не ведется согласно разумному расчету. Потому, провозглашая императором, вы вовлекаете меня в неизбежную гибель» [1].

Между тем, Галлиен как личность менее всего подходил для такой трудной и бурной эпохи, требовавшей сильной воли, смелости и организаторских способностей. Галлиен — типичный римский аристократ, писавший недурные стихи, увлекавшийся цирком, театром, нарядами и притом безмерно честолюбивый. Для прославления своего имени и затмения своих предшественников Галлиен приказал соорудить гигантскую статую, изображавшую его в виде бога солнца с копьем в руке, и поставить ее на самом высоком холме Рима — Эсквилине. В 268 г. презираемый всеми Галлиен был убит солдатами.

3. РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ДВИЖЕНИЯ III в.

Вызванная экономическим ослаблением Римской империи и обострением классовых противоречий гражданская война, с своей стороны, обострила и углубила эти противоречия, нанеся смертельный удар рабовладельческому строю и ускорив процесс перерождения рабовладельческого государства в крепостническое. Классовый антагонизм выливался в самые разнообразные формы, в зависимости от состава участников и условий, в которых развертывалась классовая борьба, — в виде военных бунтов, забастовок, разгромов имений, захватов городов и т. д. Число недовольных существующим строем

---

[1] *Script. Hist. Aug.*, Firm., Saturn., Proc. et Bon., 10.

было очень велико, но социальный состав участников движений был пестр, текуч и разноплеменен, силы слабо координированы, основные противоречия пересекались массой всевозможных противоречий второстепенного порядка.

При современном состоянии материала и его разработки в специальной литературе не представляется возможным дать сколько-нибудь законченную картину *социальной революции* III в., завершившей историю рабовладельческого Рима. По этой причине приходится ограничиться отдельными разрозненными сведениями из истории революционных движений Поздней империи, не претендуя ни на полноту изложения, ни, тем более, на углубленный анализ описываемых событий.

Оставляя в стороне целый ряд мелких или известных только по отдельным упоминаниям авторов движений, остановимся подробнее на нескольких наиболее крупных и характерных революционных движениях бурного III в.

Революционные движения имели место как в Италии, так и в провинциях. Одним из видов протеста против существующего строя являлись разбойничьи налеты, о которых имеются упоминания в источниках. Во всех частях Империи имелось много бродячих элементов — рабов, бежавших от своих господ, колонов и солдат, отбившихся от своих частей и превратившихся в настоящих ландскнехтов античности. Из этих бродячих элементов составлялись целые отряды, ставшие обычным явлением в Римской империи. В правление Септимия Севера *Феликс Булла* (Felix Bulla) образовал на севере Италии отряд из 300 человек и стал производить налеты на богатых людей и императорских чиновников почти на глазах самих императоров и их многочисленных войск. После того как все попытки поймать Буллу не дали результата, Север послал против него целую армию, приказав тщательным образом следить за всеми действиями «Счастливого атамана». Но все было напрасно. Буллу «видели и не увидели, ловили и не поймали, хватали и не схватили». Так велики были его ловкость и искусство подкупать своих противников.

Булла всегда знал, кто приходит в Рим и кто уходит, кто высадился в Брундизии, сколько он имел денег и пр. Если захваченные им богатые люди оставляли у него свой наличный фонд, то их немедленно отпускали за исключением художников, которых он на некоторое время задерживал у себя, пользовался их услугами, а затем отпускал с большими подарками. Когда однажды были захвачены двое из членов его организации, Булла переодетым явился к центуриону и освободил заключенных под предлогом, что их требует наместник провинции.

В конце концов Булла был пойман, привезен в Рим и представлен на допрос префекту претория Папиниану. На вопрос

Папиниана: «Почему ты занимаешься разбойным ремеслом?», Булла ответил: «А почему ты состоишь начальником корпуса преторианцев?»

Булла не составлял исключения. Другим примером явился в Северной Италии *Прокул*, происходивший из города Альбенги (Albingaunum), в генуэзской Ривьере. В биографии Прокула, помещенной в серии биографий римских императоров историков императорского периода («Scriptores historiae Augustae»), о нем рассказывается следующее: Прокул составил отряд из 2 тысяч вооруженных рабов, занимался разбоем, спекулировал скотом и рабами и таким путем сделался богатым и известным человеком. Слава, храбрость, богатство и влияние Прокула были так велики, что в Лугудунской Галлии, отпавшей от Рима, он был провозглашен императором. Во время войны с Пробом Прокул пытался поднять франков, но безуспешно, был разбит и ранен [1].

Одной из легальных форм выражения общественных настроений и общественного протеста после закрытия комиций сделался *цирк*, превратившийся в своеобразное народное собрание. По цветам цирковых наездников столицы население делилось на несколько партий — синих, голубых, красных и зеленых. При появлении в цирке императора или его уполномоченных собиравшаяся на представление в количестве нескольких десятков тысяч человек публика шумно выражала свои требования, порицая одни и одобряя другие мероприятия правительства. Так, при Каракалле собравшаяся в цирке публика, возмущенная перебоем в снабжении столицы продовольствием, кричала: «До каких же пор мы будем страдать? До каких пор с нами будут обращаться, как с врагами? Всему этому должен быть конец».

Социальная атмосфера была накалена до такой степени, что было достаточно какого-либо незначительного повода для того, чтобы недовольство превратилось в открытый мятеж или восстание, в котором принимали участие рабы, свободные ремесленники и местный гарнизон. Одно из таких восстаний имело место в Риме при Элагабале, окончившееся гибелью императора и его матери. Наиболее крупным из всех известных нам революционных движений III в. в Риме было *восстание мастеров монетного двора* (monetarii) при Авреливне. Причиной восстания послужила предполагавшаяся монетная реформа, невыгодная для низших слоев населения. Восстание организовал один из прокураторов монетного двора, вольноотпущенник *Фелициссимус*. К сожалению, мы не знаем подробностей ни о ходе самой стачки, ни об организации монетного производства, ни о составе рабочего персонала. Известен только конечный результат стачки — уличный бой монетчиков, свободных и рабов, отличав-

[1] *Script. Hist. Aug.*, Proculus, XIII.

шийся крайней ожесточенностью. Победа императора была куплена ценой потери 7 тысяч солдат. Потери же восставших должны были быть, конечно, гораздо значительнее. На Аврелиана стачка монетчиков произвела тяжелое впечатление. Император совершенно упал духом, как это явствует из его письма к консулу Ульпию Криниту, передаваемого историком Вописком.

«Какой-то рок, — писал Аврелиан, — тяготеет над всеми моими начинаниями. Все мои предприятия непременно вызывают беспорядки» (omnes motus ingravescunt).

Восстание в стенах самого Рима имело последствием тяжелую войну. «Монетчики, подстрекаемые последним из моих рабов (ultimo servorum), Фелициссимусом, которому я доверил должность казначея фиска, осмелились поднять против меня свои головы. Теперь они уже усмирены, но 7 тысяч человек береговой и лагерной службы, иберийцев и дакийцев, были при этом убиты (hi conpressi sunt septem millibus Lembariorum et Ripariensium et Castrianorum et Daciscorum interemptis).

Это доказывает, что бессмертные боги не даруют мне ни одной победы без больших трудностей» [1].

Вскоре после восстания Фелициссимуса из боязни повторения подобного рода стачек монетное дело было децентрализовано и монетные дворы из Рима переведены в провинции.

Среди всех известных нам революционных движений III в. по широте, глубине и продолжительности первое место занимает *движение багаудов* в Галлии и Испании. Термин «багауды», или «бакауды» (bagaudae, bakaudae), происходит от кельтского слова baga — борьба, багауды, следовательно, — борющиеся [2].

Римская Галлия была классической страной латифундий, размеры которых доходили до четырех и более тысяч югеров. На латифундиях галло-римской знати работало много колонов и рабов, положение которых с конца II в. значительно ухудшилось.

В своей основе движение багаудов было движением сельских элементов, определяемых в источниках как «сельчане» (vicani), «земледельцы» (agricolae) и «мужики» (rusticani). Наши источники по истории багаудов — позднеримские писатели и византийские хроникеры — рисуют положение сельского населения Галлии в самых мрачных красках. Большая часть населения разорена непомерными податями и повинностями (enormitate indictionum consumptis viribus colonorum) и угнетена (tenuioribus violentia oppressis), поля заброшены (agri et culturae verterentur in silvam), между тем как дома магнатов наполнены золотом и всякими иными сокровищами (ex auri copia privatae potentium repletae domus).

---

[1] *Script. Hist. Aug.*, Aurelianus, 38.
[2] *Pauly-Wissowa*, B. II, 2766.

«От чего другого они стали багаудами, как не от наших несправедливостей, нечестности судей, конфискаций и грабежей?», — задавал себе вопрос радикально настроенный священник Сальвиан, повествующий о багаудах [1].

Высший подъем движения багаудов приходится на годы правления Галлиена, совпадая с провозглашением самостоятельной Галльской империи Постума и Тетрика (253—273 гг.) и нашествием на Галлию германских племен — аламанов и франков.

Правление Галлиена как для всей Империи, так и, в особенности, для Галлии было временем страшных бедствий, голодовок, эпидемий и варварских нашествий; Галлия в то время была переполнена бедами и несправедливостями (Gallia iniuriis efferatas). Толпы голодных рабов, колонов, пастухов и ремесленников снимались с своих мест и, нищенствуя, большими толпами бродили по дорогам.

В период наибольшего подъема (80 гг. III в.) движение багаудов разлилось широкой волной по всей Галлии, захватив также и Испанию. Вооруженные «банды мужиков» вызвали смятение во всей Галлии (tumultum rusticani in Gallia concitassent), захватывая поместья (populando agros) и грабежами нарушая безмятежный покой их владельцев (quietem latrociniis persequerendo) [2]. Благодаря сочувствию городской массы багаудам удалось захватить один из самых больших и укрепленных толстыми стенами городов Галлии, город *Августодун* (Augustodunum), и превратить его в центр восстания. Вождями багаудов были *Элиан* и *Аманд*, провозглашенные галльскими императорами. Элиан (Aelianus) и Аманд (Amandus) закрепились на острове, образуемом при впадении Марны (Matrona) в Сену, где впоследствии находился Бенедиктинский монастырь (St. Maur sur les fossès), в «замке багаудов». Отсюда багауды делали набеги на соседние города, захватывая большую добычу и привлекая к себе сочувствующих из соседних деревень и городов [3].

Приблизительно на те же годы приходится восстание в *Лугудуне* (Лионе), упомянутое движение *Прокула*, сорганизовавшего целый отряд рабов в 2 тыс. человек, и восстание *Боноза*, командира рейнской флотилии. Все эти и многие другие движения и восстания находились в прямой или косвенной связи с революцией багаудов.

К концу 80-х годов III в., ко времени вступления на престол Диоклетиана, революционная волна захлестнула почти всю Галлию, грозя затопить всю галльскую и римскую знать. То было время, когда, по словам римского писателя Мамертина, «пахарь

---

[1] *Salv.*, De gubern. Dei, V, 25.
[2] *Eutrop.*, IX, 20.
[3] *Oros.*, Hist. adversum paganos, VII, 25.

превратился в пехотинца, пастух — в кавалериста, а крестьянин — в опустошителя» (suorum cultorum rusticus vastator), подражая врагу — варвару [1].

Диоклетиану удалось на время ослабить движение. «Когда в Галлии Аманд и Элиан, организовавшие крестьянское войско (collecta rusticanorum manu), которое называют «багаудами», подняли опасное восстание (perniciosus tumultus), он (Диоклетиан) назначил цезарем Максимиана, по прозванию Геркулия, и отправил его в Галлию» [2]. Максимиану Геркулию предстояла нелегкая задача подавления революционного движения, которому сочувствовала большая часть населения. Страх перед багаудами был столь велик, что Максимиан не решился вступить в открытый бой, и выжидал, пока голод и чума не разрядят рядов багаудов. Началась долгая и мучительная осада «замка багаудов». Наконец, в 285 г. Максимиан взял «замок багаудов» (agrestes domuit) и этим нанес восставшим тяжелый удар. Плохо вооруженные крестьянские отряды, к тому же еще ослабленные голодом и эпидемией, не могли устоять против регулярного войска и были разбиты. Несмотря на отчаянное сопротивление, большая часть их погибла, а другая сдалась в плен. Расправа с восставшими была беспощадной.

После расправы Максимиана, потрясенная внутренней и внешней войной, Галлия представляла печальную картину запустения. «Долина до Саоны, — пишет Мамертин, — некогда очень счастливая и богатая, пока содержалась в надлежащем порядке оросительная система, в настоящее время превратилась в большую лужу. Мощные виноградные лозы порублены или приведены в дикое состояние, новых же никто не культивирует. С того места, откуда идет дорога на Бельгийскую Галлию, все превратилось в мрачную немую пустыню. Даже военная дорога стала плохой, неровной и непригодной ни для транспорта фруктов, ни для государственных надобностей» [3].

Как ни жестока была расправа Максимиана с повстанцами, все-таки окончательно революционное движение багаудов не было подавлено. В следующем столетии оно вспыхнуло с новой силой.

4. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ СЛЕДСТВИЯ КРИЗИСА III в.

Экономическая основа Империи была подорвана, рабовладельческие хозяйства разрушены, рабы разбежались или умерли от эпидемий, торговля и ремесла ослабели, повсюду валялись

[1] *Mamert.*, Paneg. ad Maxim., 14.
[2] *Oros.*, VII, 25.
[3] *Mamert.*, Paneg. ad Maxim., 14.

трупы, города и селения были переполнены солдатами, толпами нищих и бродяг, нравы страшно огрубели.

«Наше государство, — доносил сенату преемник Галлиена Клавдий, — совершенно расстроено и изнурено; мы должны сражаться с врагами после восстания Валериана, Постума, Региллиана, Лоллиана, Цельса и тысячи других, поднявших мятеж из-за справедливого презрения к Галлиену. У нас недостаток в латах, мечах и дротиках. Сильнейшие провинции государства — Галлию и Испанию — отнял у нас Тетрик, и даже, сколь ни стыдно признаться, все стрелки служат в войсках Зиновии, царицы Пальмиры!» [1]

На почве всеобщей разрухи, расстройства транспорта и суженного воспроизводства развилась безудержная *спекуляция*, вконец разорившая массу населения, в том числе и служилые элементы. Государство не выходило из состояния перманентного *финансового кризиса*. Монета теряла свою ценность, уменьшалась в весе и качестве. Особенно неблагоприятно на денежном обращении отражалась потеря серебряных рудников в Испании и Британии и затем выпуск конкурирующих с римскими монетами монет узурпаторов. В каждой провинции, захваченной узурпаторами, появилась собственная монета с изображением императора данной провинции. Более всего монет чеканилось в египетской Александрии и Галлии. Ввиду неустойчивости денежного курса и ценности металла золотые и серебряные монеты совершенно исчезли из обращения, уступив место низкопробным — медным, бронзовым и т. д. монетам. При Каракалле была выпущена серебряная монета antoninianus, весившая около 5 граммов и приравненная к $^1/_{20}$ золотого (aures). В период «военной анархии» antoninianus пал в цене и весе и, наконец, превратился в разменную медную монету малого достоинства и очень плохого чекана. Денежный кризис внес еще большую неустойчивость в хозяйственные отношения, вконец подорвав меновое хозяйство [2].

Выходом из положения был переход на *натуральное снабжение*. Содержание высшим военным и гражданским чинам стали выплачивать натурой — мукой, хлебом, мясом, ветчиной, вином, овощами и даже женщинами. С характером натуральных платежей знакомит выдержка из письма императора Валериана, предписывающего городскому префекту выдать в награду за особые заслуги перед государством полководцу Аврелиану (будущему императору) 16 белых солдатских хлебов, 40 обыкновенных солдатских хлебов, 40 секстариев столового вина, половину поро-

[1] *Script. Hist. Aug.*, Claudius, 7.

[2] *A. Segrè*, Circolazione monetaria e prezzi nel mondo antico, Roma 1923; *Ferrero*, La ruine de la civilisation antique, Paris 1921.

сенка, 2 куриц, 30 фунтов свинины, 40 фунтов говядины, секстарий масла, всякого рода зелени и овощей по желанию... на разные расходы по 2 золотых в день, по 50 серебряных и по 100 медных денариев [1].

Расстройство денежного обращения и падение покупательной силы населения сократило круг заказчиков городских ремесленников и оказало отрицательное влияние на качество изготовляемых предметов и на ремесленную технику. Достаточно сравнить, например, глиняную посуду I, II и III вв., чтобы представить всю глубину кризиса и обнищания. За неимением средств и вследствие плохого качества поступавших на рынок изделий ремесленные предметы начинают приготовлять на дому, в особенности в поместьях.

В истории крупного землевладения и колоната социальная революция III в. составляет чрезвычайно важный момент. За время революции много поместий было разрушено или сожжено, рабы разбежались, хозяйство пришло в упадок. Уцелевшие же или вновь народившиеся магнаты дробили свои владения, продавая их или же сдавая в аренду колонам. Парциарный колонат в III в. получил новый импульс для своего развития, и рабовладельческая система — новый удар, ускоривший ее разложение.

Римская государственность находилась накануне полного распада; одним из ярких показателей ослабления римской государственности может служить начинавший входить в жизнь с III в. обычай окружения стенами и башнями городов и поместий, превращавшихся в неприступные крепости — замки. При Аврелиане даже сам Рим был обведен колоссальной стеной. Подобно другим городам Рим подвергался опасности быть разграбленным узурпатором или быть захваченным врасплох варварами.

Не менее значителен был также и культурный кризис в смысле огрубения нравов, потери человеческого достоинства как в отношении самого себя, так и других. Каждый город, каждое поместье, каждая колония, каждый, наконец, человек начинали жить только для себя, личными интересами, радостями и печалями. Интеллектуальный уровень понижался, творческая фантазия иссякала, вкусы грубели,— III век не знает ни одного изобретения ни в одной области искусства или ремесла. На почве интеллектуального понижения и потери веры в свои силы и в смысл существования развиваются суеверия, процветают астрология и гадания, все это открывает широкий простор для распространения восточных религий с их таинственными культами и верой

---

[1] *Script. Hist. Aug.*, Aurelianus, 8.

в загробный мир. Наряду с восточными религиями укрепляется также и *христианство*, число христианских прозелитов быстро растет, несмотря на преследования (гонения), имевшие место при императорах III в. Деции, Валериане и Диоклетиане. Христианские общины объединились в единую церковь.

В соответствии с общим стилем жизни изменились также и политические формы и методы политики. Республиканские учреждения и республиканские традиции в период «военной анархии» совершенно исчезли или выродились, перерождение Принципата в Доминат в III в. было уже совершившимся фактом. Общеимперский сенат и муниципальные курии заглохли, опустели и потеряли какое бы то ни было влияние, превратившись в фискальные органы государства, политика сделалась достоянием императора и его свиты, военных чинов и бюрократов.

Общее расстройство и обнищание Империи были так велики, что современникам кризис III в. казался началом конца мира. По этому поводу христианский писатель *Лактанций* сочинил даже целую «философию истории». Гибель Римской империи, полагает Лактанций, неизбежна в силу неизменных законов социальной жизни. Все, созданное человеческими руками, как бы оно по виду ни было величественно, должно погибнуть. Погибли Египетское, Ассирийское и Персидское царства, должна, следовательно, погибнуть и Римская империя. Наступление конца мира рисуется в самых мрачных красках: войны, междоусобицы, внутренние ссоры, распри, зависть, смятения, заразные болезни, голодовки, ссоры, нужда [1]. «Философия истории» Лактанция интересна как показатель глубины кризиса рабовладельческого строя.

Исторической особенностью социальной революции III в. было то, что тогда *не* оказалось налицо достаточно сильного прогрессивного (революционного) класса, подобного современному пролетариату, который мог бы организовать движение и перевести общество от одной формации к другой. Колоны и вольноотпущенники этого сделать *не* могли, потому что они сами являлись продуктом разложения рабовладельческого строя, тесно были с ним связаны, экономически слабы и политически неорганизованы. По этой причине классовая борьба конца Римской империи в конечном итоге должна была окончиться совместной гибелью обоих борющихся классов.

«Свободный и раб, патриций и плебей, феодал и крепостной, цеховый мастер и подмастерье, короче — угнетатель и угнетаемый, находились в постоянной вражде друг с другом, вели непрерывную, то скрытую, то явную, борьбу, оканчивавшуюся ка-

---

[1] *Lact.*, De mortibus persecutor., VI—XVIII.

ждый раз революционным переустройством всего общества или же совместной гибелью борющихся классов»[1].

Со времени кризиса III века все стремления были направлены не на создание новых культурных ценностей, а на охрану прежних культурных достижений и на защиту Империи от внешних врагов.

5. ПОПЫТКИ РЕСТАВРАЦИИ РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКОЙ ИМПЕРИИ

Последние века Римской империи полны попыток восстановления распадавшейся Средиземноморской державы. Попытки реставрации начинаются со второй половины III в., со времени *Клавдия II Готского* (268—270 гг.), преемника Галлиена. Возрождение Империи было связано с значительными победами, одержанными в эти годы римлянами во внешней политике, что еще раз подтверждает зависимость Римского государства от военной политики и военной добычи. «Божественный Клавдий», выдающийся римский полководец, одержал две крупные победы над германской федерацией аламанов при Гардском озере (Lacus Benacus) и над готами при Наиссе (Naissus), в Мёзии. Эти две победы дали в руки Клавдия колоссальную добычу и подняли дух римского войска.

«Мы,— доносил Клавдий, — уничтожили 300 тысяч готов и потопили 2 тысячи кораблей. Их щитами покрыты все реки, их мечами и копьями — все берега. Под сплошными костями не видно поля, все военные дороги загрязнены, их огромная крепость из повозок стоит покинутая; к нам попало в плен так много женщин, что победоносный солдат может взять себе две или три из них» [2].

По сравнению с ничтожным Галлиеном Клавдий представляется выдающимся правителем, равным Веспасиану, Траяну и Адриану. В честь него в Риме была поставлена на ораторской трибуне серебряная колонна весом в полторы тысячи фунтов. После многочисленных поражений и позорных мирных договоров предшествующих царствований понятны всеобщий подъем и восторг, вызванные победами Клавдия.

«Это он в короткое время сокрушил готов (ille bellum Gothicum brevi tempore implevit). Победителя прославляли сенат, весь народ, все провинции, все иноземные народности, все сословия, все возрасты, все города. Все прославляли замечательного героя статуями, знаменами, венками, алтарями и храмами»[3].

---

[1] *Маркс и Энгельс*, Манифест коммунистической партии, М., Партиздат, 1935 г., стр. 16.

[2] *Script. Hist. Aug.*, Divus Claudius, 9.

[3] Ibid., 3.

Реставрационную политику продолжали преемники Клавдия *Аврелиан* (270—275 гг.), *Проб* (276—282 гг.) и *Диоклетиан*, начавшие новый период Поздней, или Новой, империи.

Первой реформой названных императоров была *военная реформа*. Ввиду малой подвижности пограничных армий была образована особая резервная армия (palatini et comitatenses), вербовавшаяся из фракийских, иллирийских и других варварских племен и стоявшая в Риме. Вместе с тем была преобразована по персидскому образцу кавалерия. Военная реформа сделала возможными крупные победы Клавдия, Аврелиана и Проба. Аврелиан остановил наступление аламанов на Италию, разбил Тетрика, завоевал Египет, покорил отпавшую Сирию и *Пальмирское царство*. Самый город Рим Аврелиан обнес новой, «аврелиановой стеной» (murus Aureliani), развалины которой сохранились до настоящего времени.

Не менее значительны также победы преемника Аврелиана императора *Проба*, ставленника сирийских легионов. Проб, считавшийся одним из талантливейших полководцев Рима, восстановил рейнско-дунайскую границу, задержав напор германских племен — франков, аламанов, вандалов и готов. На восточном фронте Проб закрепил за Римом Сирию и остановил напор персов.

Годы правления Клавдия, Аврелиана и Проба воскресили в сознании давно прошедшие времена Римской республики. Победы дали солидную добычу в виде дорогих вещей, скота, повозок, оружия, рабов и плодородных земель. Таким образом, на известное время была разрешена самая острая проблема императорского Рима— вопрос о рабочей силе и финансах. В своем донесении сенату об одержанной победе Проб в торжественном тоне сообщал о блестящей победе римлян над германцами, о потере ими более 300 тыс. человек и о захвате несметной добычи. «Отныне, — писал Проб, — поля Галлии распахиваются варварскими быками, германские волы сгибают свои шеи под ярмом наших земледельцев, многочисленные стада покоренных народов будут служить нам пищей, наши сараи наполнены их хлебом, германские кони обеспечат нашу кавалерию» [1].

Восстановление римской гегемонии, приток добычи, рабов и ослабление разбойничества способствовали оживлению торговли, ремёсл и сельскохозяйственной деятельности. Опираясь на военные успехи, императоры конца III в. наметили целый ряд социальных реформ, долженствовавших поднять экономическую жизнь страны и укрепить престиж императорской власти. На первом месте стояла денежная реформа, реформа всего монетного дела. Затем предполагалось привести в культурное со-

[1] *Script. Hist. Aug.*, Probus, 15.

стояние пришедшие в запустение земли в Италии и провинциях. Аврелиан предполагал скупить необработанные земли и рассадить на них военнопленных германцев. Проб покровительствовал культуре винограда в провинциях: Галлии, Испании, Паннонии и даже Британии.

Особенное внимание было обращено на *военные поселения по границам*. Поселенцам на границах давались льготы и вспомоществования. Кроме того, солдатам отдавались в частную собственность земли на пограничных территориях. При недостатке римских колонистов в пограничные области допускались в значительном количестве также и варварские племена, дружившие с Римом. Возвращаясь с персидской войны, Проб поселил на фракийской границе 100 тысяч бастарнов.

Помимо наделения землей, солдаты и городской люмпен-пролетариат получали всякого рода *подарки и зрелища*, на которые позднеримские императоры были особенно щедры; кроме обычных норм хлеба и мяса раздавали свинину и вино. Аврелиан предполагал даже завести специальные виноградники, вина которых предназначались бы для угощения народа. Колоссальные суммы тратились на зрелища, конные состязания, гладиаторские бои, травли зверей и морские сражения (навмахии). По случаю триумфа Проба над германцами в Большом цирке Рима было дано грандиозное представление. Огромные деревья, вырытые с корнями, были посажены на арене цирка. Вся арена превратилась в сплошной зеленый лес. Затем по данному сигналу было выпущено множество разных пород птиц и зверей: тысяча страусов, тысяча оленей, тысяча кабанов, тысяча диких коз и других травоядных животных; затем на арену пустили народ, причем каждый мог взять любое из животных. На следующий день император приказал выпустить на сцену в амфитеатре 100 косматых львов, затем 100 сирийских и 100 ливийских леопардов, обыкновенных 100 львов, 100 медведей, и, наконец, представление закончилось сражением 300 пар гладиаторов.

В то же самое время императоры III в. усиленно стремились привлечь население и в особенности войско к *несению государственных повинностей*. Это делалось отчасти по хозяйственным, а отчасти по военно-политическим соображениям — из опасения деморализации армии. В отношении строгости военной дисциплины и использования трудовой энергии солдат дальше всех пошел император Проб, никогда не оставлявший свою армию без дела. Солдаты прокладывали дороги, рыли канавы, строили мосты, водопроводы, осушали болота и т. п.

Конечной мечтой Проба были слияние всех частей Римской империи в одно целое, прекращение войны и превращение легионеров в мирных работников. «Неужели же в самом деле, — патетически восклицает биограф Проба, — когда-либо наста-

нет время, когда не будет ни одного солдата? По всем государствам будет царить мир, никто не будет ковать оружие, отвозить поставки, исправлять конские и другие службы. Вол вернется к своему плугу, лошадь отдастся мирным занятиям, и какое богатство скопилось бы тогда в стране!

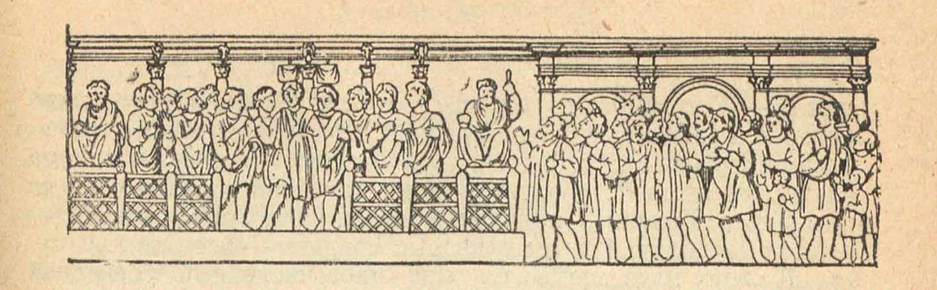
Итак, нет больше военного лагеря и боевого крика. Те, кто теперь режут друг друга в братоубийственной войне, губящей отечество, возьмутся за сельское хозяйство, мореплавание, науки, искусства и ремесла... Прибавь к этому еще и то, что ни один человек не будет убиваться на войне» [1].

В своем родном городе Сирмии (Sirmium) Проб наметил к осушке огромное пространство болот [2]. Для этой цели он собрал тысячу крепких солдат и сам лично руководил работами, стоя на высокой, обитой железом, башне. Работа была слишком тяжела и изнурительна, солдаты роптали и, наконец, не выдержали, взбунтовались и убили императора. Попытка Проба оздоровить армию и превратить ее в армию труда вызвала недовольство среди солдат, окончившееся смертью «императора-пацифиста».

---

[1] *Script. Hist. Aug.*, Probus, 23.
[2] *Boak*, The Geogr. Review, 1926 г., 353.

Глава XXIV

ПОЗДНЯЯ ИМПЕРИЯ (ДОМИНАТ)

1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

С огромным напряжением императорам III в. в конце концов все-таки удалось восстановить Римское государство. С конца III в. начинается последний период римской истории — *Поздняя империя*, называемая также в отличие от Ранней империи, или Принципата, Доминатом.

Как отмечалось в предыдущей главе, последний период Римской империи является переходным периодом от рабовладельческой формации к феодальной. Характерная для Республики и Принципата рабовладельческая основа производства утрачивала свой социально-экономический смысл и с каждым столетием все очевиднее вытеснялась крепостничеством (колонатом). В долгом историческом процессе перерождения рабовладельческой системы в крепостническую решающее значение имел вышеописанный кризис III в. В связи с финансовым кризисом, сокращением менового и расширением натурального хозяйства рабовладельческая система утрачивала свой социально-экономический смысл, раб или совсем исчезал, или же превращался в крепостного колона. Параллельно с изменением производственной базы изменялась и социально-политическая надстройка.

В отличие от Принципата, союза городов (муниципиев) и городских территорий, Доминат в своей основе представляет объединение сельских территорий — сальтусов, поместий и волостей. Деревенский отпечаток лежит на всем строе римского общества последнего периода. По своей организации Позднеримская империя представляет собой такую же военно-бюрократическую монархию, как и Ранняя империя, но только на другой стадии ее развития. Военно-бюрократический характер в Импе-

рии IV— V вв. выражен гораздо резче, чем даже в государстве Северов. Главной социальной опорой Поздней империи оставалась имперская аристократия, большинство которой составляли служилый элемент, провинциальные помещики (посессоры), из которых вербовались командные чины, чиновники многочисленных канцелярий и заслуженные солдаты — ветераны.

К этому надо прибавить еще многочисленный городской плебс (plebs urbana), поддерживавший императорскую власть и в качестве награды за эту поддержку получавший всякого рода подарки и освобождение от налогов и повинностей.

2. ГАЙ ВАЛЕРИЙ ДИОКЛЕТИАН

Продолжателем реставрационной политики императоров III в., принадлежавших к иллирийской далматийской династии, был *Гай Валерий Аврелий Диоклетиан* (C. Valerius Aurelius Diocletianus, 284—305 гг.). Сын простого вольноотпущенника из Далмации, Диоклетиан (собственно, Диокл, по имени города Диоклеи в Далмации, его родины) начал свою служебную карьеру рядовым солдатом при Аврелиане и Пробе. При Пробе он был уже наместником Мёзии, затем служил при императоре Каре в личной кавалерии императора и возвысился во время войны с персами. После смерти Кара, 17 сентября 284 г. в городе Халкедоне, солдаты провозгласили Диоклетиана императором. Не отличаясь крупным военным талантом и будучи человеком скромного образования, Диокл обладал незаурядными организаторскими и административными способностями, практическим складом ума, волей и железным характером. По своей натуре Диоклетиан был консерватором, цепко державшимся за старые порядки и идеи и весьма склонный к схематизму. Отпечаток сильной личности чувствуется и на его реформах [1]. Не будучи оригинальным человеком ни по складу ума, ни в отношении поставленной цели, Диоклетиан, большая часть жизни которого прошла в походах и переездах, систематизировал разрозненные мероприятия своих предшественников—императоров III в., расширил их и дополнил. Он не ставил себе целью создание нового общества. Его задача была значительно скромнее, сводясь к ослаблению кризиса, укреплению положения господствующего класса и более равномерному распределению внутри этого класса прибавочного продукта, доставляемого рабами и свободными производителями.

Первой реформой Диоклетиана была денежная, или *монетная, реформа* 286 г. Диоклетиан пришел к власти в самый раз-

---

[1] *G. Costa*, L'imperatore Dalmate (C. Valerius Diocletianus), Roma 1912. *A. Alföldi*, Die Vorherschaft der Pannonier im Römischen Reiche, 1930.

гар социально-экономического и политического кризиса III в., упорной войны на Востоке с персами, восстания багаудов в Галлии и Испании, революционного брожения в Египте и появления в разных местах узурпаторов, претендовавших на верховную власть. Государство переживало тогда глубокий хозяйственный и финансовый кризис. Вследствие сужения производства, а еще больше вследствие расстройства транспорта и денежного хаоса цены на продукты и рабочие руки возросли до чудовищных размеров, а вместе с ними росла также и спекуляция.

Диоклетиан
Изображение на золотом медальоне

Реформы Диоклетиана, как и продолжателя его Константина, проистекали не из какого-либо определенного, теоретически обдуманного плана, но вызывались насущными потребностями данного исторического момента. Это отразилось и на самом характере законов, наспех составленных, противоречивых, плохо продуманных и столь же плохо отредактированных.

Денежная реформа Диоклетиана, в основе повторявшая монетную реформу Аврелиана, должна была повысить курс денег и внести устойчивость в монетную систему. Римская монетная система строилась на соотношении между римским фунтом и золотой монетой denarius aureus, или просто aureus, из расчета 40 золотых полновесных монет на 1 фунт. В период хозяйствен-

ного кризиса соотношение между реальным (весовым) фунтом [1] и номинальным весом монет изменилось: в золотых монетах не стало золота, а в серебряных — серебра. На восстановление действительного соотношения между ценностью денег и их весом и была направлена реформа Диоклетиана, постановившего из фунта золота чеканить 60 золотых монет, из фунта серебра—96 серебряных денариев, а из фунта меди — 30 штук медных монет. Между монетами различного достоинства устанавливалось определенное соотношение по такой приблизительно схеме: фунт золота =60 золотым =1 500 серебряным монетам =24 000 медным; 1 серебряная монета =16 «мешкам» (folles) мелких разменных монет. Золотой денарий содержал около 5½ граммов золота.

Реформа Диоклетиана не оправдала возлагавшихся на нее надежд. Причина ее провала заключалась в том, что отношение между золотой монетой и разменной установлено было искусственно — курс золотой монеты был слишком высок, и потому вскоре золотые монеты исчезли из обращения, а число низкопробных увеличилось, что вело к еще большему обесценению денег и повышению цен на продукты первой необходимости [2]. На этой почве возникали недовольства и волнения, в некоторых местах переходившие в открытые восстания. Таким, например, было восстание Ахилея (Achileus) в Египте, с трудом подавленное Диоклетианом.

3. НАЛОГОВАЯ ПОЛИТИКА ДИОКЛЕТИАНА

Неудача денежной реформы имела своим последствием расширение *натурализации государственного хозяйства*, выразившейся в переводе значительной части государственных налогов на натуральные. При тогдашних обстоятельствах это был единственный выход из положения.

Перевод денежных налогов на натуральные подготовлялся всем предшествующим ходом развития римской экономики — падением денежного курса, уменьшением числа плательщиков и понижением производительности труда. Замена денежных налогов натуральными поставками должна была казаться тем более целесообразной, что в III в. важнейшие статьи государственных расходов покрывались натурой и масса плательщиков государственных налогов (колоны и рабы) являлись арендаторами из части продукта.

По этому пути пошел и Диоклетиан. До Диоклетиана существовало несколько податных категорий. Одни провинции пла-

---

[1] Римский фунт = 327 граммам; aureus = 8,18 грамма.

[2] Во все подробности финансовой реформы Диоклетиана вводят работы: *O. Grabe*, Die Preisrevolution im IV Jahrhundert und ihre Ursachen, 1923; *A. Segrè*, Circolazione monetaria e prezzi nel mondo antico, 1922.

тили определенную фиксированную норму трибута деньгами, другие платили в виде десятой, седьмой, пятой и т. д. части урожая с правом перевода натуральных поставок на деньги (in quibusdam [provinciis] fructus partem praestant certam, alii quintas, alii septimas, alii pecuniam et hoc per soli aestimationem) [1].

Неудобства подобного рода обложения обнаружились еще до финансовой катастрофы III в. Вследствие понижения реальной ценности денег и сокращения количества собираемого урожая фактическая сумма налога оказывалась ничтожной, и государство терпело ущерб.

При прежних династиях в качестве меры борьбы против уплаты налогов низкопробной монетой предписывалось производить государственные оплаты и совершать расчеты *не* в ходячей низкой монете, а в специально для этой цели выпущенной государственной монете с твердым курсом (pecunia signata forma publica populi Romani). Но и эта мера оказалась паллиативной, падение курса денег продолжалось, и вследствие этого общая сумма поступления все более сокращалась.

Тогда для выравнения платежной суммы, падавшей на каждого провинциала, государство стало прибегать к экстраординарным обложениям провинций натурой, взимавшимся на основании специальных императорских декретов, или постановлений — *индикций* (indictiones). Первое время экстраординарные поступления шли исключительно на содержание населения города Рима — curae annonae. В более широком смысле под анноной (annona) понимали годовую подать (annus—год), взимавшуюся с населения натурой—хлебом, вином, маслом, чесноком, луком, бобами и пр.

Нововведение Диоклетиана состояло в том, что он экстраординарные налоги (indictiones) возвел в общее правило, распространив их на всю Империю, в том числе и на Италию, низведенную тем самым на степень ординарной провинции, за исключением южной части Италии (regio suburbana, diocesis urbis Romanae), приписанной к городу Риму.

В 289/90г. была произведена *генеральная перепись* и согласно ей произведена раскладка налогов (census) [2].

После этого ценз повторялся каждые пять лет, три цензовых (индикционных) года составляли *индикционный цикл* в 15 лет, по которому производились генеральная перепись и счет годов [3].

Распределение налогов и повинностей, как и прежде, производилось на основании предварительной описи и занесения в *цензовые списки* (libri censuales) всех видов движимого и недви-

[1] *Corp. agrim. Rom.*, 205.
[2] *Cod. Theod.*, XI, 1, 3; 16, 17.
[3] *Cod. Iust.*, VIII, 53, 7; XI, 55, 1.

жимого имущества: пахотной земли, виноградников, лугов, пастбищ, рабов, скота и рабочей силы, с точным учетом всех изменений в составе имущества плательщика между двумя цензами [1].

Наместникам провинций (praesides provinciae) вменялось в обязанность «справедливо, поочередно, согласно с возрастом и достоинством распределить повинности и почести, как этого требуют интересы государства. Так как ведь общеизвестно, что при несоблюдении этого часть населения терпит ущерб, благодаря чему слабеют силы государства» (ne sine discrimine et frequenter isdem oppressis simul viris et viribus res publicae destituantur) [2].

Занесенные в цензовые списки подлежащие обложению статьи — люди, земля и имущество — распределялись не по долям урожая, как это делалось прежде, а по твердым платежным единицам, так называемым *головам* (caput); отсюда и самая операция оценки и распределения называлась поголовщиной (capitatio). Под «головой» подразумевалась голова одного взрослого мужчины-земледельца, безотносительно к его социально-правовому положению, — будь то свободный собственник, колон, инквилин, вольноотпущенник или раб. К единице обложения—мужской голове — приравнивались две женских головы, определенное количество обработанной земли (iuga), скота, луга и леса (cum antea per singulos viros, per binas vero mulieres capitis norma sit censa) [3].

В зависимости от качества и степени плодородности земли делились на несколько разрядов. Обычно кадастровая голова приравнивалась к 20 югерам земли первого разряда, 40 — второго и 60 — третьего, т. е. совсем малодоходного разряда. По тому же самому принципу доходности производилось обложение виноградников, оливковых посадок и пр. Одну кадастровую единицу составляли 225 старых виноградных лоз или 450 молодых лоз [4].

Аннона была чисто земельной податью, и потому обложению подлежали только жители деревень, усадеб и поместий, горожане же, как не имевшие прямого отношения к земле, от уплаты аннон освобождались. «Сельский плебс (rusticana plebs) уплачивает возложенную на него аннону», — гласит одна из статей кодекса Юстиниана [5].

Аннона не покрывала всех расходов Римского государства. Это была лишь часть, хотя и самая большая, римского бюджета. Наряду с анноной существовал еще целый ряд самых разнообразных налогов, падавших на торговлю (negotiatorum collatio),

---

[1] *Dig.* L, 15, 4.

[2] Ibid., L, 4, 3.

[3] *Cod. Theod.*, XIII, 11, 2.

[4] *Bruns und Sachau*, Syrisch-römisches Rechtsbuch aus V Jahrhundert, 1880.

[5] *Cod. Iust.*, XI, 48, 7; 55, 1.

ремесла (chrysargyrum) и другие статьи римского народного хозяйства (varia tributa rei familiaris). Сельское население от всех прочих налогов, кроме анноны, было избавлено.

Назначенные на провинции и города суммы распределялись богатыми куриалами и распределялись крайне неравномерно. Куриалы и действовавшие с ними заодно императорские прокураторы всю тяжесть налогов переваливали на бедную часть населения — колонов, поместных ремесленников и рабов (rusticos censitosque servos). Этим объясняются частые отожествления в императорских конституциях анноны с *плебейской податью* (capitatio plebeia) [1].

О злоупотреблениях чиновников при сборе и раскладке податей достаточно красноречиво говорят литературные памятники и эдикты императоров, пересыпанные угрозами по адресу административного персонала, уличенного в попустительстве богатым куриалам.

«Если викарий или ректор провинции,— гласит одно из постановлений императоров, —позволит себя убедить, что кому-нибудь следует сбавить, как это уже было сделано в отношении других, то он эту сумму возместит из своих средств» (Nam si qui vicarius aut rector provinciae aliquid iam cuiquam crediderit remittendum quod aliis remiserit, de propriis dare facultatibus compelletur) [2].

Положение осложнялось еще тем обстоятельством, что наряду с неравномерным распределением податей существовало много категорий граждан, освобожденных от налогов и повинностей. К ним надо отнести чиновников, посессоров, ветеранов, несовершеннолетних (adulescentes), слабых и больных (imbecilli et debiles) и большую часть городского населения, включая сюда городских пролетариев, вольноотпущенников и рабов. «Городской плебс должен менее всего приниматься в соображение при составлении цензовых списков (in censibus pro capitatione), но должен считаться свободным согласно нашим постановлениям и постановлениям нашего, блаженной памяти, родителя Диоклетиана» (plebs urbana immunis), — гласила одна из конституций Константина [3]. Норма обложения, принимая во внимание хозяйственную слабость плательщиков, была очень велика, а методы сбора жестоки.

Сколь ни пристрастны в отрицательной оценке диоклетиановой политики главные наши источники — христианский писатель Лактанций и антиохийский софист, ритор Либаний, все же в основном они дают правильное представление о том, как была встречена плательщиками налоговая реформа Диоклетиана.

---

[1] *Cod. Theod.*, XI, 23, 2; XII, 1, 36.
[2] Ibid., XI, 1, 1.
[3] Ibid., XIII, 10, 2.

Названные писатели рисуют жуткую картину злоупотреблений сборщиков податей (perceptores, persaequatores, inspectores), сопровождаемых военными отрядами.

«Ни возраст, ни болезнь, — пишет Лактанций, — не служили извинением. Больных и немощных приносили на носилках, самовольно устанавливали возраст, детям прибавляли, старикам убавляли, все наполнялось вздохами и слезами... были слышны удары железа» [1].

«Никакое гумно, никакой погреб не были изъяты из насилий разбойников (сборщиков налогов). Уносили все, что служило для поддержания жизни... все виды скота записывались, головы людей отмечались (animalia omnis generis scribebantur, hominum capita notabantur). Но как же все это выполнить, безумный тиран, когда ты отбираешь все плоды человеческих рук!» (unde igitur haec, o dementissime tyranne, praestare, cum omnes fructus auferas) [2].

При взимании податей пускались в ход плети, палки и широко применялись высылки и конфискации.

Аналогичную картину насилий и бед, чинимых властями, находим также и у другого писателя IV в., адвоката-софиста из города Антиохии Либания.

«В наше время, — возмущается Либаний, — повсюду видишь запущенные поля, которые привело в запустение взыскание податей с пристрастием... Оставшимся же в деревне (когда большая часть населения разбежалась) не к чему запирать дверей, ибо тому, у кого ничего нет, ничуть не приходится бояться грабителей» [3].

Подати взимались хлебом, вином, уксусом, свининой, луком и другими продуктами, предназначенными для нужд армии, двора, чиновников, городского населения и т. д.[4]. Плательщики не только уплачивали, но и доставляли продукты в указанные им иногда весьма отдаленные районы, к гаваням рек и морей, военным лагерям, государственным амбарам, складам и городам.

Самой тяжелой из всех натуральных повинностей была *транспортная повинность* — подвоз строительных материалов, доставка продуктов в государственные амбары и склады и поставка рабочей силы (exhibendis operariis et artificibus et plaustris omnibusque, quaecunque sint fabricandis operibus necessaria)[5].

Ответственность за сбор и правильное поступление налогов в императорский фиск возлагалась на *членов местных советов*

---

[1] *Lact.*, De mort. persecut., XXIII.
[2] Ibid., XXXI, XXIII; *Cod. Theod.*, VII, 6, 2.
[3] *Liban.*, Orat., II, 32.
[4] *Cod. Theod.*, VII, 4, 6.
[5] *Lact.*, De mort. persecut., VII.

(куриалов), иногда страдавших не меньше непосредственных плательщиков. Доведенные до отчаяния плательщики оказывали вооруженный протест, восставали, прогоняли сборщиков налогов и ревизоров или же покидали свои места, уходя куда глаза глядели.

Показателен, например, нижеприводимый рассказ одной вдовы, спасавшейся от преследований египетского наместника.

«После того как два года назад мужа моего бичевали за невзнос налога в размере 300 солидов и заперли в тюрьму, а троих любимых сыновей продали, я нахожусь в бегах, бродя с места на место. Теперь я плутаю по пустыне. Меня часто хватают и постоянно бичуют, теперь я уже третий день нахожусь в пустыне без пищи» [1].

«Налоги были так велики, что земледельцы принуждены были бежать, а их поля обращались в леса (ut enormitate indictionum consumptis viribus colonorum in silvam). Повсюду царил страх... Каждая страна и почти каждый город стонали под игом своих правителей. Всюду рыскали сборщики податей, захватывавшие запустевшие имения... Всюду говорили только об одних налогах и взысканиях...». «Налоги на всякого рода предметы взыскивались с величайшей строгостью» [2].

Обложению подлежала не только земля, но и все остальные виды имущества и труда.

В истории образования крепостнических отношений и разложения рабовладельческого строя налоговая политика Диоклетиана занимает очень существенное место.

Уравнивая в отношении государственных повинностей людей свободного и несвободного состояния — колонов различных разрядов и рабов, проживавших в поместьях, — и делая ответственным за исправное поступление податей помещика (possessor) и городские курии, Диоклетиан подготовлял почву для закрепощения населения и передачи государственных функций частным лицам и учреждениям, или, иными словами, шел по пути феодализации Римской империи.

Значение налоговой реформы Диоклетиана в истории закрепощения римского общества впервые выдвинул известный немецкий юрист Савиньи [3] и немецкий же экономист К. Родбертус [4].

В курс всех контроверз по налоговой реформе Диоклетиана вводит монография Ботта «Основы податной реформы Диоклетиана» [5].

---

[1] *Historia monachorum*, 16, 5.

[2] *Lact.*, De mort. persecut., VII.

[3] *F. K. Savigny*, Vermischte Schriften, II.

[4] *K. Rodbertus*, Zur Geschichte der römischen Tributsteuern seit Augustus; «Hildebrands Jahrbücher für Nationaloekonomie und Statistik», IV—VIII.

[5] *H. Bott*, Die Grundzüge der diocletianischen Steuerverfassung, 1928.

4. НОРМИРОВАНИЕ ПРОДАЖНЫХ ЦЕН И ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ

Следующим шагом на пути регулирования государственного хозяйства и борьбы с дороговизной и спекуляцией была реформа рыночных отношений. В 301 году был издан *эдикт о твердых рыночных ценах и заработной плате* (Edictum de pretiis rerum venalium), имевший целью восстановить нарушенное кризисом равновесие между номинальной ценой денег и реальной их стоимостью, между ценами на продукты и оплатой труда. Названный эдикт о максимуме продажных цен и заработной плате [1] заслуживает большого внимания как памятник законодательного творчества Поздней империи, содержащий богатейший материал по экономической истории Рима. Эдикт начинается с обширного, написанного высокопарным полупоэтическим языком введения, в котором в торжественных выражениях повествуется о преуспеянии, счастье и мире, наступивших в римском государстве по окончании войны, политической анархии и приходе к власти Диоклетиана.

«Счастье нашего государства, которому вслед за бессмертными богами должно приносить благодарение, помня о счастливо веденных нами войнах, после того, как наша держава безмятежно возлегла на лоне глубочайшего покоя, надлежит верно поддерживать и достойно украшать также благами мира, ради которого в обильном поте лица мы потрудились».

«Честь государства, достоинство и величие Рима требуют, чтобы мы, подавив благодатной милостью богов бушевавшие в прежнее время грабежи варварских племен и покорив самые народы, ограждали должными мерами справедливости тот покой, которому положены основы навеки».

За торжественным вступлением следует описание неприглядной реальной действительности, глубокого экономического кризиса, разъедающего государство и открывающего широкое поле деятельности для всякого рода насилий и спекуляций.

«Совершенно несомненно, что этого рода люди (спекулянты), искусившиеся в таких сделках, постоянно обдумывают, как бы отнять даже у движения светил власть над самым воздухом и погодой. И по своей преступности они не могут выносить того, что счастливые поля орошаются свыше дождями, подавая надежду на будущие всходы. Они считают потерей для себя, когда от благорастворения воздуха происходит обилие плодов. Они всегда стараются извлечь выгоду даже из божеских благодея-

---

[1] *H. Blümner*, Der Maximaltarif des Diocletians, 1893. *Th. Mommsen*, Über das Edict Diocletians, «De pretiis rerum venalium». — (Gesammelte Schriften, II, Berlin 1905); *K. Bücher*, Die Diocletianische Taxordnung.

ний и в годы бесплодия торгуются из-за посева семян и арендных обязательств. Сами, утопая в величайших богатствах, которые могли бы достаточно насытить целые народы, они преследуют личные выгоды и гонятся за грабительскими процентами. Положить конец их алчности и грабежу наших провинций властно требуют общечеловеческие соображения».

Составителя указа пугает больше всего тот факт, что кризис захватил также и войска, страдающие от высоких цен на товары и от недостатка денег, все более понижающихся в своей ценности.

«Кто в самом деле может не знать, что подкапывающаяся под государственные выгоды наглая преступность везде, куда бы по требованию общего блага ни направлялись наши войска, не только по селам и городам, но и на всем пути, встречает их как желанную добычу, с которой возможно брать цены за товар не в 4 или в 8 раз больше, но такие, что человеческий язык никак не может приискать название для такой расценки и сделки».

«Наконец, иногда приобретение одной вещи отнимает у воина его награду и жалованье, и весь сбор со всего государства на содержание войска поступает на увеличение возмутительных барышей грабителей. Оказывается, что наши воины отдают жатву своей службы и свои сверхсрочные труды скупщикам всяких вещей, чтобы грабители могли ежедневно похищать у государства столько, сколько они иметь захотят» [1].

Цель эдикта определяется как борьба со спекуляцией, выражающаяся в *установлении твердых цен* на продукты питания, ремесла и оплату труда.

«Итак, мы обращаемся к мероприятиям, уже давно ставшим необходимыми, и будучи равнодушны к жалобам и опасениям, чтобы вмешательство нашей исцеляющей руки не оказалось запоздалым или тщетным и не расценивалось бы как нечто маловажное бессовестными людьми, которые, зная нашу многолетнюю терпеливость, не пожелали ею воспользоваться во благо. Мы постановляем, чтобы цены, указанные в прилагаемом перечне, по всему государству так соблюдались, чтобы каждый понял, что у него отрезана возможность их повысить» [2].

За превышение установленных в указе цен налагается суровое наказание — смертная казнь.

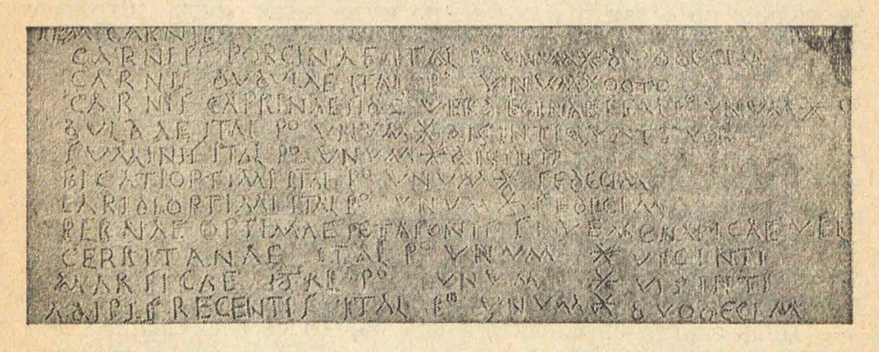
«Если кто дерзко воспротивится этому постановлению, тот рискует своей головой» (ut si quis contra formam statui huius conixus fuerit audentia, capitali periculo subiugetur).

«И пусть никто не считает это постановление жестоким, так как легко представляется возможность избежать наказания

[1] Edictum de pretiis rerum venalium, Praef., I, II.
[2] Ibid., II.

соблюдением умеренности. Тому же наказанию подвергается и тот, кто из-за страсти к наживе войдет в соглашение с алчным нарушителем нашего постановления. От такой же кары не будет избавлен и тот, кто, имея предметы, необходимые для пищи и употребления, вздумает после сего распоряжения скрывать их, так как наказание того, кто вызывает бедствие, должно быть более тяжелым, чем того, кто нарушает постановление»[1].

«Итак мы призываем всех к самоотверженной покорности. Пусть то, что постановлено для общего блага, соблюдается с благожелательным повиновением и должным почитанием, в особенности потому, что настоящее постановление имеет в виду пользу не отдельных общин, народов и провинций, а всего государства

Эдикт Диоклетиана о продажных ценах 301 г.

в целом, во вред которому свирепствуют, как мы знаем, очень немногие люди, алчности которых ни смягчить, ни насытить не могли ни продолжительность времени, ни богатства, собранные ими на наших глазах» (Cohortamur ergo omnium devotionem ut res constituta ex commodo publico benignis obsequis et debita religione custodiatur, maxime cum eius modi statuto non civitatibus singulis ac populis atque provinciis, sed universo orbi provisum esse videatur)[2].

За введением следует *список норм, или тарифов*, продажных цен и оплат труда (pretia statuta), разработанный с мельчайшими подробностями.

Для наших целей — для иллюстрации степени развития и характера римской экономики III в. в период кризиса—достаточно привести хотя бы один параграф Диоклетиановского эдикта, трактующего о ценах на льняные и полотняные изделия. Параграф о льне, тканях и полотнах, тщательнее других разработанный, свидетельствует о большом разнообразии ткацко-

---

[1] Edictum de pretiis rerum venalium, Praef., II.
[2] Ibid., II.

прядильных изделий, изготовлявшихся в Римской империи, рассчитанных как на узкий круг богатых заказчиков, так и на широкого потребителя.

5. О ЛЬНЕ

1.	Льна, так называемой кудели, первого сорта фунт	25 [1]
2.	» второго сорта фунт	20
3.	» третьего сорта фунт	16

Какой сорт льна, какой стоимости не должен превышать при продаже назначенной цены[2]:

4.	Первого сорта фунт	1 200
5.	Второго сорта фунт	960
6.	Третьего сорта фунт	840

Далее то, что хуже вышеуказанного третьего сорта:

7.	Первого сорта фунт	720
8.	Второго сорта фунт	600
9.	Третьего сорта фунт	450

Более грубой льняной пряжи для одежды простого народа и слуг:

10.	Первого сорта фунт	250
11.	Второго сорта фунт	125
12.	Третьего сорта фунт	72(75)

Полотно «без узора»

13.	Первого сорта:	скифополитанского 1 кусок	7 000
14.	» »	тарсосского 1 кусок	6 000
15.	» »	библосского 1 кусок	5 000
16.	» »	лаодикейского 1 кусок	4 500
17.	» »	тарсо-александрийского 1 кусок	4 000
18.	Второго сорта:	скифополитанского 1 кусок	5 000
19.	» »	тарсосского 1 кусок	5 000
20.	» »	библосского 1 кусок	4 000
21.	» »	лаодикейского 1 кусок	3 500
22.	» »	тарсо-александрийского 1 кусок	3 000
23.	Третьего сорта:	скифополитанского 1 кусок	5 000
24.	» »	тарсосского 1 кусок	3 500
25.	» »	библосского 1 кусок	3 000
26.	» »	лаодикейского 1 кусок	2 500
27.	» »	тарсо-александрийского 1 кусок	2 000

Полотно на «стиху» для воинов

28.	Первого сорта 1 кусок	1 500
29.	Второго сорта 1 кусок	1 250
30.	Третьего сорта 1 кусок	1 000

Полотно из грубой льняной пряжи для простых женщин или служанок

31.	Первого сорта 1 кусок	— [3]
32.	Второго сорта 1 кусок	—
33.	Третьего сорта 1 кусок	500

[1] Цена в денариях. [2] Порча в тексте.
[3] Цена в надписи не сохранилась.

Полотно для женских далматик без узора

34.	Первого сорта:	скифополитанского 1 кусок	. . .	11 000
35.	»	» тарсосского 1 кусок		10 000
36.	»	» библосского 1 кусок		9 000
37.	»	» лаодикейского 1 кусок		8 000
38.	»	» тарсо-александрийского 1 кусок	.	7 000

Полотно для мужских далматик или рубашек

39.	Первого сорта:	скифополитанского 1 кусок	. . .	10 000
40.	»	» тарсосского 1 кусок		9 000
41.	»	» библосского 1 кусок		8 000
42.	»	» лаодикейского 1 кусок		7 500
43.	»	» тарсо-александрийского 1 кусок	.	6 500

Полотно для женских далматик

44.	Второго сорта:	скифополитанского 1 кусок	. . .	9 000
45.	»	» тарсосского 1 кусок		8 000
46.	»	» библосского 1 кусок		7 000
47.	»	» лаодикейского 1 кусок		6 000
48.	»	» тарсо-александрийского 1 кусок	.	4 500

Полотно для мужских далматик или для рубашек

49.	Второго сорта:	скифополитанского 1 кусок	. . .	7 500
50.	»	» тарсосского 1 кусок		6 500
51.	»	» библосского 1 кусок		6 000
52.	»	» лаодикейского 1 кусок		5 000
53.	»	» тарсо-александрийского 1 кусок	.	4 500

Полотно для женских далматик

54.	Третьего сорта:	скифополитанского 1 кусок	. . .	7 000
55.	»	» тарсосского 1 кусок		6 000
56.	»	» библосского 1 кусок		5 000
57.	»	» лаодикейского 1 кусок		4 000
58.	»	» тарсо-александрийского 1 кусок	.	3 000

Полотно для мужских далматик или рубашек

59.	Третьего сорта:	скифополитанского 1 кусок	. . .	6 000
60.	»	» тарсосского 1 кусок		5 000
61.	»	» библосского 1 кусок		4 000
62.	»	» лаодикейского		3 000
63.	»	» тарсо-александрийского		2 000

О ткани без узоров

Цены на полотно хуже третьего (вышеуказанного) сорта, выработанные на большинстве предприятий, которые никому нельзя превышать:

Полотно для женских далматик

66.	Первого сорта 1 кусок	2 500
67.	Второго сорта 1 кусок	2 250
68.	Третьего сорта 1 кусок	1 750

Более грубое полотно для простых людей или для прислуги

69.	Первого сорта 1 кусок	1 000
70.	Второго сорта 1 кусок	800
71.	Третьего сорта 1 кусок	600

Полотно для мужских далматик или для рубашек

72.	Первого сорта 1 кусок	2 500
73.	Второго сорта 1 кусок	2 000
74.	Третьего сорта 1 кусок	1 500

Грубое полотно для простых людей или для прислуги

75.	Первого сорта 1 кусок	700
76.	Второго сорта 1 кусок	600
77.	Третьего сорта 1 кусок	500

Полотно для накидок

78.	Первого сорта:	скифополитанского 1 кусок	7 500[1]
79.	» »	тарсосского 1 кусок	7 000
80.	» »	библосского 1 кусок	6 000
81.	» »	лаодикейского 1 кусок	5 500
82.	» »	тарсо-александрийского 1 кусок	4 500
83.	Второго сорта:	скифополитанского 1 кусок	6 500
84.	» »	тарсосского 1 кусок	5 500
85.	» »	библосского 1 кусок	5 000
86.	» »	лаодикейского 1 кусок	4 000
87.	» »	тарсо-александрийского 1 кусок	3 000
88.	Третьего сорта:	скифополитанского 1 кусок	5 000
89.	» »	тарсосского 1 кусок	4 000
90.	» »	библосского 1 кусок	3 500
91.	» »	лаодикейского 1 кусок	3 000
92.	» »	тарсо-александрийского 1 кусок	2 500

Полотно для накидок хуже третьего сорта

93.	Первого сорта 1 кусок	2 250
94.	Второго сорта 1 кусок	1 750
95.	Третьего сорта 1 кусок	1 250

Грубое полотно для одежды простых людей или прислуги

96.	Первого сорта 1 кусок	800
97.	Второго сорта 1 кусок	600
98.	Третьего сорта 1 кусок	500

Полотно на полотенца без узоров

99.	Первого сорта:	скифополитанского 1 кусок	3 250
100.	» »	тарсосского 1 кусок	3 000
101.	» »	библосского 1 кусок	2 500
102.	» »	лаодикейского 1 кусок	2 250
103.	» »	тарсо-александрийского 1 кусок	1 750

---

[1] Не сохранившиеся в эдикте цены восстановлены по геронтрскому фрагменту.

104.	Второго сорта:	скифополитанского 1 кусок . . .	2 500
105.	» »	тарсосского 1 кусок	2 250
106.	» »	библосского 1 кусок	2 250
107.	» »	лаодикейского 1 кусок	2 000
108.	» »	тарсо-александрийского 1 кусок .	1 500
109.	Третьего сорта:	скифополитанского 1 кусок . . .	2 250
110.	» »	тарсосского 1 кусок	2 000
111.	» »	библосского 1 кусок	1 750
112.	» »	лаодикейского 1 кусок	1 500
113.	» »	тарсо-александрийского 1 кусок .	1 250

Полотенца хуже вышеуказанного третьего сорта

114.	Первого сорта 1 кусок	1 000
115.	Второго сорта 1 кусок	750
116.	Третьего сорта 1 кусок	500

Параллельно с тарификацией продажных цен в эдикте даны нормы *оплаты труда* людей самых различных специальностей — сельских рабочих, кузнецов, плотников, корабельных мастеров, ткачей, валяльщиков, мастеров по металлу, штукатуров, каменщиков, маляров, педагогов, врачей и многих других специальностей. Эти параграфы Диоклетианова эдикта представляют ценнейший исторический документ по истории античной экономики, кризиса рабовладельческого строя и генезиса западноевропейского феодализма.

6. О ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЕ

(de mercedibus operariorum) в денариях

1.	Деревенскому батраку (operario rustico) со столом за 1 день	25
2.	Каменщику, как выше, за 1 день	50
3.	Столяру, обделывающему внутренний дом, как выше, за 1 день	50
4.	Обжигателю извести со столом за 1 день	50
5.	Работнику по мрамору со столом за 1 день . . .	60
6.	Работнику по мозаике (за более тонкую работу) со столом за 1 день	60
7.	Работнику по мозаике за 1 день за более грубую работу	50
8.	Маляру со столом за 1 день	75
9.	Художнику-маляру со столом	150
10.	Тележнику со столом за 1 день	50
11.	Кузнецу со столом за 1 день	50
12.	Пекарю со столом за 1 день	50
13.	Морскому плотнику со столом за 1 день	60
14.	Плотнику для речных судов со столом за 1 день	50
15.	Плата за сырой кирпич, приготовленный для обжигания: 4 кирпича по 2 фута, если сам достает материал, со столом	2
16.	Плата за мелкий кирпич: 8 кирпичей, если сам достает материал, со столом	2

17.	Погонщику верблюда, или ослов, или мулов за день	25
18.	Пастуху со столом за 1 день	20
19.	Погонщику мулов со столом за 1 день	25
20.	Ветеринару (mulomedico) за стрижку мулов и устройство копыт, за скотину	6
21.	За кровопускание и очистку головы животного	20
22.	Брадобрею (tonsori) за человека	2
23.	За стрижку одной овцы со столом	2

О заработной плате металлистов (De aeramento)

24.	Меднику плата за работу по меди	8
25.	За работу по красной меди	6
26.	За изготовление посуды разного рода	6
27.	За изготовление фигур и статуй	4
28.	За железную обивку	6
29.	Формовщику статуй со столом за 1 день	75
30.	Формовщику гипсовых форм со столом за 1 день	50
31.	Носильщику воды за 1 день работы со столом	25
32.	Чистильщику клоак (cloacario) за 1 день работы со столом	25
33.	Точильщику и полировщику за старую саблю	25
34.	За старый шлем	26
35.	За топор	6
36.	За двойной топор	8
37.	За лезвие сабли	100

О плате за учение

64.	Учителю гимнастики (ceromatitae) за одного ученика ежемесячно	50
65.	Воспитателю (paedagogo) за одного ребенка ежемесячно	50
66.	Начальному учителю за одного мальчика ежемесячно	75
67.	Учителю арифметики (calculatori) за одного мальчика ежемесячно	75
68.	Стенографу (notario in singulis) за одного мальчика ежемесячно	75
69.	Переписчику за одного ученика ежемесячно	50
70.	Учителю греческого, латинского языков или геометрии за одного ученика ежемесячно	200
71.	Учителю риторики или софисту за одного ученика ежемесячно	250
72.	Адвокату или квалифицированному юристу за подачу жалобы	250
73.	За производство следствия	1 000
74.	Архитектору за одного ученика ежемесячно	100
75.	Сторожу купален (balnaeatori) от каждого купальщика	2

Приведенные расценки выражены в разменной ходовой монете, носившей название *денария*. Разменный денарий, равнявшийся 1/50 000 фунта золота, надо отличать от серебряного и золотого денариев, о которых говорилось выше, более полноценных, употреблявшихся по преимуществу для внешней торговли

и для оплат государственного значения. В дошедшем до нас экземпляре эдикта сохранилась таксация не на все, но лишь на некоторые продукты, но и этого совершенно достаточно, чтобы судить о характере указа.

Эдикт показывает, что, несмотря на только что пережитый тяжелый кризис, хозяйство Римской империи продолжало оставаться сложным и многообразным. Торговля и ремесла сократились, но не исчезли. На рынок поступали самые разнообразные товары: продукты питания — вина, масла, мясо, ветчина, — полотно, ткани, экипажи, металлические изделия, платье для рабов, кожи, ковры и т. п.; производство диференцировано по специальностям, городам и районам. В эдикте упоминается, например, несколько сортов льняной пряжи: скифополитанская, библосская, тарсосская, александрийская, лаодикейская и др. Центрами производства полотен, специально льняных полотен, были: Скифополь (Scythopolis), Лаодикея (Laodicea), Библ (Byblus), Тир (Tyrus) и Берит (Beritus).

В специальной литературе эдикту Диоклетиана дается очень различная оценка. В противоположность старым историкам (Моммзен, Зэк) новые историки (Штаде, Миквитц, Пиганьоль) придают ему гораздо большее практическое и политическое значение. В то время как Моммзен называл указ Диоклетиана просто административным безумием (gouvernementaler Wahnsinn), Штаде и другие считают тарификацию Диоклетиана объективно необходимой мерой борьбы со спекуляцией и кризисом, правда, имевшей в виду не столько интересы гражданского населения, сколько интересы войска [1]. При этом указывается, что Диоклетиан при издании эдикта учитывал наличие императорских сальтусов и государственных мастерских-мануфактур, которые могли в большей или меньшей степени обеспечить бесперебойное поступление на рынок предметов сельского хозяйства и ремесла и таким путем выравнять цены и поднять курс денег. Эдикт сохранял свою силу в течение всего правления Диоклетиана и был отменен лишь при Константине. Частично тарификация устанавливалась и последующими императорами, что также подтверждает объективную необходимость этой меры [2].

7. ВОЕННАЯ РЕФОРМА ДИОКЛЕТИАНА-КОНСТАНТИНА

Следующей реформой Диоклетиана была *военная реформа*, имевшая целью поднять боевую способность и дисциплину армии, упавшие за время «военной анархии» III в. Сущность воен-

[1] *K. Stade*, Der Politiker Diocletian und die letzte Christenverfolgung, 1926; *G. Mickwitz*, Geld und Wirtschaft im römischen Reiche des IV Jahrhunderts.

[2] *Amm. Marc.*, XXII, 14, 1; *Iulian*, Misop., 368.

ной реформы Диоклетиана и, как ее непосредственное продолжение, реформы преемника Диоклетиана—Константина, состояла в замене пограничных стабильных милиций, находившихся под командой наместников, мобильной армией, под командой самого императора или его ближайшего уполномоченного. До Диоклетиана римская армия состояла из легионов, расквартированных по границам, по пограничным лагерям (castra) и крепостям (castella). Войны III—IV вв. показали все неудобства подобного рода организации. Пограничные армии, предоставленные самим себе, были тяжеловесны, плохо вооружены, врастали в местные условия и с большим трудом снимались со своих мест. Кроме того, местные армии представляли постоянную угрозу выдвижения своего полководца на роль императора. Все это в совокупности и привело к замене пограничных милиций *мобильными* войсками, «спутниками» императора (comitatenses), размещенными во внутренних городах и легко перебрасываемыми с одного места на другое. Пограничные же войска — лимитаны — продолжали существовать, но по отношению к мобильным они заняли второстепенное положение. Для подкрепления лимитанов на особо опасные участки римских границ посылали вспомогательные полки, сформированные по типу комитатов и носившие название *псевдо-комитатов* (pseudo comitatenses).

Верховным вождем, главнокомандующим вооруженными сухопутными и морскими силами Рима считался сам император, от которого зависели командиры частей и полковники (magistri militum) с подчиненными им областными военачальниками — дуками (duces или comites rei militaris).

Военное ведомство имело самостоятельную организацию. Вся Империя делилась на *военные округа* (дукаты) — *Восток* (Oriens), Фракия (Thracia), Иллирик (Illyricum) и т. д., не совпадавшие с административными округами гражданских ведомств. В Риме и Константинополе стояли *гвардейские части* — дворцовые войска (auxilia palatina) и свита императора (protectores, domestici), предназначаемые для личной охраны императора и для столичных парадов. Дворцовые войска заменили старую преторианскую гвардию, источник постоянных смут и государственных переворотов, распущенную при Константине. В Поздней империи дворцовая охрана занимала более скромное положение и не играла той политической роли, какую выполняли старые преторианские когорты в эпоху принципата. Это была в собственном смысле дворцовая охрана и свита императора. Концентрация военных сил в руках императора гармонировала с общим курсом политики императоров Поздней империи, стремившихся соединить в своих руках все управление, все силы и средства государства. Численность римской армии в IV в. возросла до 72 легионов, в общей сложности до 400, а по другим

вычислениям даже до 600 тыс. человек. «Он разделил Империю на четыре части и увеличил армию. Каждая из этих частей стремилась иметь войска больше того, что в прежнее время имели римские принцепсы, когда они управляли Империей нераздельно»[1].

В последние столетия Империи армия лишь по имени называлась римской, по существу же она была варварской, главным образом германской. *Варваризация римской армии* началась еще в первые столетия Империи, но быстрым темпом она пошла лишь с Диоклетиана и Константина. Огромные потери в войнах III и IV вв. усилили приток варварских элементов в римские войска. При Константине большую часть командных постов уже занимали германцы, игравшие большую роль при римском и константинопольском дворах. Варваризация армии заметно отразилась и на ее технике и организации. Легион, предполагавший длительную выучку и дисциплину легионера, вырождался в «*число*» (numerus), более мелкую и неопределенную боевую единицу, состоявшую из 900—1 000 человек. Во главе «числа» стоял префект или *протектор*, половиной «числа» командовал *трибун*. За долгие годы войн с варварами тяжелая римская пехота утратила свой смысл, уступив первое место легкой кавалерии, организованной по образцу парфянской, персидской и германской конницы. Наряду с кавалерией все большее значение в римском строе приобретали стрелки из лука (sagittarii), прежнее деление на кадровое войско и вспомогательные отряды (auxilia) исчезло.

Ядро армии составляли *наемные войска*, вербовавшиеся путем добровольного поступления на службу. В случае недостатка добровольцев прибегали к принудительному набору римских граждан и варваров. С конца III в. в армии служили только низшие слои, по преимуществу колоны, вербовавшиеся их помещиками. Высшие же классы от службы были освобождены и при желании всегда могли откупиться от обязанности посылать своих колонов в армию. Военная служба потеряла свою былую привлекательность и теперь уже не притягивала к себе высшие и интеллигентские классы, предпочитавшие служить и добиваться почета и отличия на гражданской и церковной службе.

Во время походов заботы о содержании армии возлагались на командиров и префектов претория, добывавших все необходимое для войска путем экспроприации, натуральных сборов (annona) и реквизиций. Во время переходов отряды располагались в частных домах средних и мелких владельцев, высшие же классы были освобождены от постоев. Несмотря на многочисленность римской армии, ее боевая способность в IV—V вв.

---

[1] *Lact.*, De mort. persecut., VII.

была невелика. Концентрация военных сил во внутренних областях имела также и свои отрицательные стороны. Границы Империи были почти обнажены. Ничтожные пограничные отряды в лучшем случае могли только предохранить границы от вторжений небольших неприятельских отрядов. Кроме того, надежность варварских отрядов была сомнительна, а переброска воинских частей представляла непреодолимые технические трудности. Чем дальше, тем очевиднее становилось, что Римская империя не в состоянии даже сдерживать напор врагов. Вместе с тем слабая боевыми качествами римская армия стоила очень дорого, и ее содержание разрушительно отражалось и на без того уже расстроенных финансах и на общем состоянии государства.

8. РИМСКАЯ КОНСТИТУЦИЯ IV—V вв.

Первого мая 305 года Диоклетиан, согласно данному обещанию, сложил с себя императорскую власть. Отречение происходило при торжественной обстановке в присутствии войска и массы народа в трех милях от г. Никомедии. Император взошел на трибуну, произнес речь, снял с себя диадему и пурпуровую мантию и после этого уже как частный человек в открытой повозке проследовал по улицам города в свои родные Салоны. В Салонах Диоклетиан провел остаток своей жизни в замечательном дворце, вдали от людей, занимаясь разведением цветов и овощей. «Какая прелесть, — писал Диоклетиан своему соправителю Максимиану, — собственными руками выращивать овощи и цветы. Ничто теперь не заставит меня оставить это наслаждение и стремиться к овладению призраком власти». В кругу близких ему людей Диоклетиан не раз высказывал мысль о трудности управления такой обширной страной, как Римская империя, и об отчужденности императора от народа. Отрезанный от народа высотой своего положения, император не слышит народного голоса, воспринимая действительность глазами своих слуг (министров). Этим объясняется то, что даже лучшие и умные принцепсы не могли освободиться от тлетворного действия окружающей их придворной среды [1].

Преемником и продолжателем Диоклетиана был *Константин*, полное имя которого: *Гай Флавий Валерий Константин Август* (Gaius Flavius Valerius Constantinus Augustus, 306—337 гг.).

Сын соправителя Диоклетиана Констанция Хлора, Константин служил в войсках на Востоке и потом в Британии, где он после смерти своего отца в 306 г. был провозглашен императором. Уроженец одной из дунайских провинций, Константин, подобно Диоклетиану, отличался крайне властолюбивым

[1] *Script. Hist. Aug.*, Aurelianus, 43; *Eumen*, Panegyr., VII, 15.

характером, не останавливавшимся при достижении своих целей ни перед какими препятствиями. Большая часть жизни Константина прошла в борьбе со своими соперниками (Максимианом, Максенцием, Максимином Дазой, Галерием, Лицинием), претендовавшими на верховную власть. В результате многочисленных и упорных стычек и битв, Константин в конце концов одолел своих противников и сделался единодержавным правителем. Наиболее значительными сражениями, решившими исход гражданской войны, последовавшей за отказом от верховной власти Диоклетиана, была битва при Красных камнях (Saxa Rubra) в Этрурии, где был разбит Максенций (312 г.), и затем последняя *битва при Адрианополе* (323 г.), окончившаяся поражением сначала друга и соправителя, а потом смертельного врага Константина Лициния.

Несмотря на продолжительные внутренние и внешние войны, в общей сложности тянувшиеся около 18 лет, объективная обстановка при Константине, взятая в целом, была значительно лучше, чем при Диоклетиане. Наиболее острый период кризиса прошел, центробежные силы несколько ослабели, государственность окрепла, и жизнь начинала входить в колею. Это обстоятельство позволило новому императору развернуть широкую законодательно-административную деятельность, укрепить армию и одержать несколько крупных побед над внешними врагами, в особенности над германским племенем готов [1] и скифами. «Константин, выдающийся человек, стремившийся осуществить все, что только он задумал в своем уме, желая иметь власть над всем миром» (principatum totius orbis affectans)[2].

В истории Римской империи эпоха Константина и его сыновей по интенсивности законодательной деятельности и по количеству изданных законов и декретов занимает одно из первых, если только не первое место. Ни при одном правителе Рима не издавалось такой массы законов и правительственных распоряжений, как при Константине и его династии.

Социально-политическая деятельность Константина являлась одновременно продолжением, дополнением и исправлением диоклетиановых реформ. В конечном итоге тот и другой стремились к одной цели: к созданию военно-бюрократического аппарата, охранявшего интересы имперской знати, и укреплению императорского абсолютизма. Социально-экономические и политические реформы Диоклетиана и Константина составляют единое целое и потому в очерке общего характера могут быть изложены в одной главе, за исключением отдельных случаев, касающихся специально реформ Диоклетиана и Константина.

---

[1] *Iord.*, Get., 21

[2] *Eutrop.*, X, 5.

К концу правления Константина *конституция Поздней империи*, являвшаяся дальнейшим развитием абсолютистских идей Северов и императоров III в., в основных чертах уже сложилась. Преемникам Диоклетиана — Константина оставалось только видоизменять и дополнять работу их предшественников.

В схематическом виде конституция Поздне-римской империи выглядела следующим образом. Главой государства считался *император* — монарх, «рожденный богом» и «творец богов» (diis genitus et deorum creator). Монарх — представитель божественного начала на земле, «как бы присутствующий в телесной оболочке бог» (tamquam praesens et corporalis deus). В императорских конституциях IV—V вв., сохранившихся в кодексах Феодосия и Юстиниана, проводится взгляд на государство как на личную собственность императора, как на его дом, или ойкос. Воля императора признавалась единственным источником права. Императорские эдикты излагались в письменной форме, в виде обращений к народу, сенату или к какому-либо сановнику, чаще всего к префекту претория, и вывешивались на особых досках на площадях и базарах ко всеобщему сведению. Накапливавшаяся в течение многих лет масса всевозможных, часто противоречивых, эдиктов была пересмотрена, обобщена и издана в виде отдельных сборников или кодексов, приспособленных для практического руководства юристов и чиновников. Первый *кодекс Грегория* (Codex Gregorianus), содержавший все законы (конституции), начиная с Адриана, был составлен при Диоклетиане около 294 г. Второй *кодекс Гермогениана* (Codex Hermogenianus) составлен при Константине около 314 г.

Константин Великий

Согласно взгляду на государство, как на вотчину государя, должностные лица рассматривались одновременно как государственные чиновники и как *личные слуги* монарха (comites, do-

mestici). Высшим государственным чином был начальник *«священного ложа»* (praepositus или comes sacri cubiculi), за ним следовал конюший — начальник *императорской конюшни* (comes stabuli), *дворцовый маршал* (comes domorum), *хранитель «священной одежды»* (comes sacrae vestis), *начальник главной канцелярии* (magister officiorum) и т. д. Друзья и государевы слуги получали от императора в «кормление» различные должности, командировки и назначения и сверх того еще денежное вознаграждение, в зависимости от занимаемой должности. Начальник главной канцелярии, например, получал 300 тыс. сестерций в год.

Положение на государственной службе и отношение между гражданскими и военными чинами (dignitates) впоследствии (в конце V в.) было определено особой *табелью о рангах* («Notitia dignitatum omnium tam civilium quam militarium»). На верху служебно-иерархической лестницы находились «благороднейшие» (nobilissimi), по преимуществу члены императорской фамилии. За «благороднейшими», согласно «табели о рангах», следовали «сиятельные» (illustres), «почтеннейшие» (respectabiles), «светлейшие» (clarissimi) и «совершеннейшие» (perfectissimi).

Высшие государственные должности и чины присваивались только друзьям и спутникам императора, обычный же средний чиновник достигал лишь первого чина по «табели о рангах» — «выдающегося» (egregius). Все управление носило письменный, канцелярский характер. Распоряжения императора проводились в жизнь при посредстве многочисленного *штата чиновников* (officiales, cancellarii), наполнявших различные бюро (officia). Чиновники канцелярий были приравнены к военным и подобно им делились на *когорты* (cohortalini), а самая служба в канцеляриях приравнивалась к службе в войсках (militia).

За всякого рода правонарушения, попустительства или взяточничество чиновники несли строгие кары. И тем не менее, несмотря на всю строгость налагаемых штрафов и наказаний, административные правонарушения продолжались, чиновники позволяли себе постоянные злоупотребления своим положением, брали взятки, неправильно распределяли налоги — пренебрегали служебными обязанностями, спекулировали, скупали земли и т. п.

«Пусть, наконец, — гласил закон Константина от 331 года,— грабежи не притягивают руки чиновников. Пусть, говорю я, не притягивают, в противном случае, если они не сделают этого и после напоминания, то их руки будут отсечены мечом» (gladiis praecedentur) [1].

Нити всего управления сходились в «священном дворце» (sacrum-palatium), представлявшем точную копию восточных дворов, в особенности персидского. Подобно персидским царям,

---

[1] *Cod. Theod.*, I, 16, 7.

римского императора называли повелителем. Диоклетиан назывался сыном Юпитера (Iovius), а его соправитель Максимиан — сыном Геркулеса (Herculius) [1], Константин — сыном бога Солнца и т. д.

При дворе находился высший государственный совет, или *консистория императора* (consistorium principis), в которой обсуждались важнейшие государственные дела, вырабатывались законы, выслушивались иностранные посольства и решались в последней инстанции судебные акты. В качестве докладчиков выступали главы ведомств, чаще всего префект претория.

Все, что имело какое-либо отношение к особе императора, именовалось «священным» (sacrum) или «священнейшим» (sacratissimum). Внешним выражением власти принцепса, римского императора, мало чем отличавшегося от восточных царей, служили диадема и пурпуровая одежда, усыпанная драгоценными камнями. Яркие красные цвета, шелк и драгоценные камни служили знаком отличия императора и придворных. При дворе был введен строгий церемониал, установлена специальная форма для каждого ранга, поклоны, целование рук и ног. Императоров прославляли в торжественных гимнах и в честь их произносили полные сервилизма панегирики. Подданные римского императора при встрече с ним падали на колени, закрывали лицо и произносили славословие. В собраниях и общественных местах император появлялся редко, и всякий раз его появление сопровождалось большой помпой. Однако при всей кажущейся стройности и несокрушимости в конституции Диоклетиана — Константина содержалось немало *децентрализующих моментов*, предвещавших ослабление, а в дальнейшем и полный распад единого политического тела Рима.

Уже при Диоклетиане единая по идее Римская империя по административным соображениям расслоилась на две части — восточную и западную. Восточную половину с главным городом *Никомедией* (Nicomedia), в Вифинии, на берегу Мраморного моря, Диоклетиан удержал за собой, а западную, с резиденцией в *Милане* (Mediolanum), передал своему другу Максимиану. Диоклетиан и Максимиан именовались *августами* (augusti), а их ближайшие помощники носили титул *цезарей* (caesares). Западные провинции (Галлия, Британия, Испания), с резиденцией в Augusta Treverorum (Трир), получил цезарь Констанций Хлор, отец императора Константина Великого; сам же август Максимиан удержал за собой Италию и Африку. Второй цезарь — Галерий — получил восточные провинции (Иллирик, Македонию, Грецию), с резиденцией в *Сирмии*.

---

[1] *Cl. Huart*, La Perse antique et la civilisation iranienne, Paris 1925.

Разделение управления Римской империей вызывалось соображениями экономического и административно-политического порядка — хозяйственным обособлением отдельных частей Империи, с одной стороны, стремлением облегчить руководство административным аппаратом, обеспечить лучшую защиту страны и усилить контроль за провинциальными командирами и чиновниками, с другой. Создание же должностей августа и цезаря, ограниченных определенным сроком пребывания в них, удовлетворяло честолюбию претендентов, стремившихся к власти и не отказывавшихся от мысли об императорстве. Политический союз между августами и цезарями скреплялся династическими браками.

Каждая половина Империи делилась на *две префектуры* (praefecturae), возглавляемых *префектами претория* (praefecti praetorio). Префектуры состояли из *диоцезов* (dioceses), которых во всей Империи было двенадцать. Диоцезы управлялись *викариями* (vicarii). Следующей за диоцезами хозяйственно-административной единицей являлись *провинции* (provinciae), число которых при Диоклетиане равнялось 101, а к концу Империи увеличилось до 120. Начальники провинций—*ректоры* (rectores)—в зависимости от характера их провинций делились на 4 разряда — *проконсулы*, *консуляры*, *корректоры* и *президы* (praeses). *Префекту претория Галлии* (praefectus praetorio Galliarum) подчинены: 1) викарий Испании; 2) викарий семи провинций (галльских и германских); 3) викарий Британии (vicarius Britanniarum). *Префекту претория Италии* подчинены: 1) викарий города Рима; 2) викарий Италии; 3) викарий Африки. *Префекту претория Иллирии* — 1) проконсул Ахайи, 2) викарий Македонии. *Префекту претория Востока* (praefectus praetorio orientis)—1) комит Востока (Палестины, Финикии, Сирии); 2) префект августал (Ливии, Египта); 3) викарий Понта; 4) викарий Фракии (vicarius Thraciarum)[1]. В особую категорию были выделены провинции Азии и Африки, подчиненные непосредственно императору и управляемые его друзьями (comites primi ordinis). Военное ведомство было выделено в особую категорию.

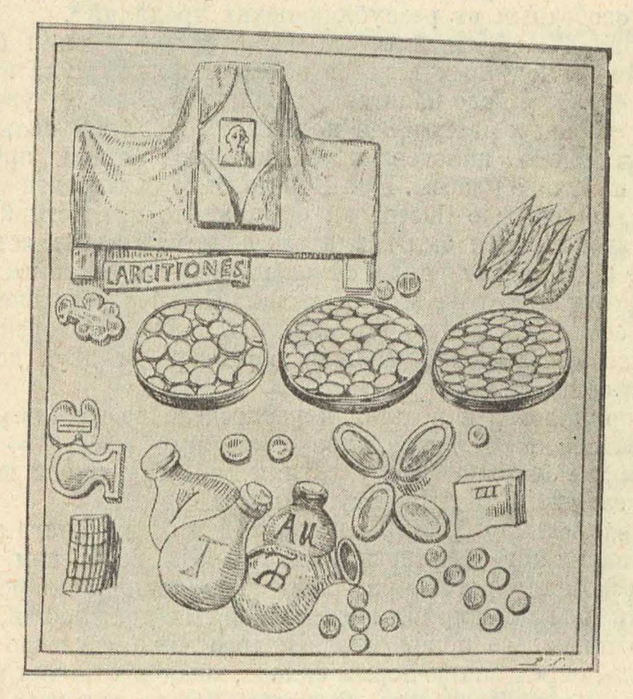
На всем пространстве Империи вводились единообразные порядки, вне зависимости от местных условий и особенностей. В число провинций попадала также и Италия, объединенная с Сицилией, Сардинией, Корсикой и Рецией в особый италийский диоцез (diocesis Italiciana).

Включение Италии в категорию провинций влекло за собой утрату главных ее былых привилегий — свободу от налогов и повинностей. При Диоклетиане Италия была разбита на *8 округов* (Транспадана, Венеция—Истрия, Эмилия—Лигурия, Флами-

[1] Notitia Dignitatum, ed. O. Seeck.

ния — Пицен, Этрурия — Умбрия, Кампания — Самний, Лукания — Бруттий, Апулия — Калабрия), подчиненных особым чиновникам, *исправителям*, или *корректорам* (correctores).

Корректорами же назывались направляемые из центра для контроля за местной администрацией чиновники. Функцию контролеров выполняли также и *агенты тайной полиции* (agentes in rebus), занимавшие одно из первых мест в административном аппарате Поздней империи.

Знаки отличия управляющего финансовым ведомством (Comites largitionem) по «Notitia Dignitatum»

Городская администрация в Риме сохранялась приблизительно в том же виде, какой она была в первые века Империи. Во главе «священного города» (urbs sacra) стоял *префект города*, снабжением заведовал *префект анноны* (praefectus annonae или praefectus frumenti dandi) и т. д. Кроме того, существовало много различных комиссий — по хлебо- и водоснабжению, постройке храмов, общественных и частных зданий (cura aedium caerarum et operum locorumque publicorum), специальная комиссия по регулированию русла и ремонту берегов Тибра (cura alvei et riparum Tiberis), очистке и гигиене города и многие другие.

Наибольшего развития абсолютизм достиг в восточной половине Империи, столицей которой с 330 года был Константинополь. Основание Константинополя, Нового Рима, явилось следствием ряда причин политического, военного и идеологического порядка. Расположенный на месте прежнего греческого города Византии, на границе с восточными странами, и укрепленный природой, Новый Рим был новым городом, выстроенным по воле императора и его советников—философов и проповедников, свободным от республиканских традиций [1].

Главной задачей императорской администрации было извлечение из податных классов населения максимума прибавочного продукта в виде налогов и повинностей. Ввиду увеличения государственных расходов и понижения податной силы населения к несению налогов и повинностей стали привлекать также и высшие классы. При Константине был введен *пятилетний налог* (collatio lustralis); официально пятилетний (денежный) налог должен был взиматься один раз в пять лет, в юбилейный год императора, на самом же деле он взыскивался чаще и распространялся на всех граждан. При Константине же был введен особый, довольно высокий, налог на сенаторские земли (gleba senatoria, aurum glebale) в размере от двух до восьми фунтов золотом.

Сбор налогов и пошлин и распределение сумм возлагались на финансовое ведомство, или *«священную щедрость»* императора (sacrae largitiones) с управляющим «священной щедрости» (comes sacrarum largitionum) во главе.

Параллельно с усовершенствованием фискального аппарата много внимания уделялось всякого рода переменам в бюрократическом аппарате — разграничению компетенции различных ведомств и канцелярий, введению новых должностей, установлению правового положения каждого чина согласно «табели о рангах», определению нормы оклада, знаков отличия и прочих деталей бюрократического аппарата. Число ведомств и чинов в каждом ведомстве по мере приближения Империи к ее концу все более увеличивалось. В ведомствах (officia) было занято по 500, 600, 800, 1 000 и более человек — чиновников различных рангов и специальностей. Закон предусматривал все возможные детали управления, требуя от чиновников только двух вещей: 1) неустанной заботы об интересах фиска и 2) формального соблюдения буквы закона. «Не следует требовать того, что приносит ущерб фиску или противоречит праву» (nec damnos fisco nec iuri contraria postulari oportet) [2].

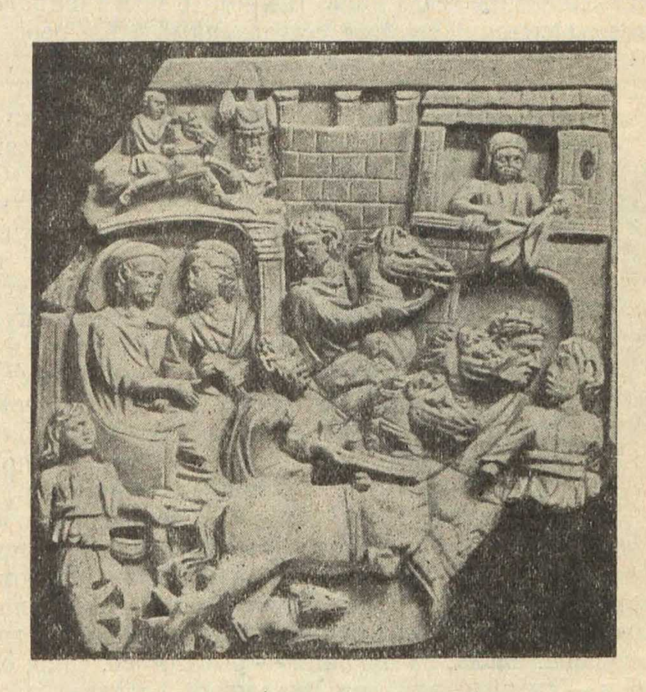
---

[1] *J. Maurice*, Origines de Constantinople, 1904 (Mémoires du centenaire de la Société des Antiquaires de France, 1904).

[2] *Cod. Iust.*, I, 19, 3.

9. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОЖИВЛЕНИЕ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ IV В.

При преемниках Диоклетиана — Константине и его сыновьях — внешнее и внутреннее положение Римской империи, как было отмечено, улучшилось, экономический кризис ослабел, вновь оживилось меновое хозяйство и повысился курс денег. Предпринятая Константином денежная реформа имела бо̀льший

Уличная жизнь большого города
Рельеф на саркофаге III—IV в.

успех, нежели несколько лет назад реформа Диоклетиана. Денежной единицей при Константине был признан *солид* (solidus), золотой, весом в 4,3 грамма. Из фунта золота чеканили 72 солида, а из фунта серебра — 144 силиквы (siliquae); мелкой разменной монетой был *нуммус* (nummus), подобно старинному ассу чеканившийся из меди. Соотношение между золотой и разменной монетой в системе Константина более соответствовало действительному курсу, и потому монетная система Константина оказалась более устойчивой и в измененном виде просуществовала до самого конца Империи и даже сохранялась в средние века.

Эдикт Диоклетиана о твердых ценах был отменен, и часть натуральных повинностей вновь была переведена на денежные,

Новейшие исследования по экономике Поздней империи — Миквитца [1], Гейхельгейма и других — показывают, что деньги в частном хозяйстве и обмене в IV—V вв. играли очень большую роль; напротив, государственное хозяйство почти сплошь было натуральным.

Подтверждением сказанного об экономическом оживлении Рима при династии Константина, наряду с другими данными, служит «Описание всего мира» (Expositio totius mundi) [2], небольшой географический трактат, составленный около середины IV в. Из «Описания» узнаем, что в то время существовали, в особенности в восточной половине Империи, развитая торговля и ремесла. Из всего Средиземноморья автор «Описания» выделяет египетскую *Александрию*, экспортировавшую сельскохозяйственные продукты, папирус, стекло, льняные материи и служившую посредническим пунктом в восточной торговле; затем идут города Финикии и Палестины с их шелковым и красильным производствами, Кипр, славившийся своими верфями и др.

Парфянский сосуд III—IV в. н. э.

Из западных и юго-западных стран отмечается *Африка*, снабжавшая хлебом Италию и сверх того в большом количестве вывозившая масло и вина и производившая текстильные товары. Из Италии вывозились дорогие вина, масла, из Испании — рыба, мясо, сало, одежда, из Сицилии — скот, шерсть, из Македонии — железо и свинец, из Паннонии и Мавретании — рабы и т. д. Начали оправляться также и северные страны. Из того же «Описания» юридических памятников, надписей и археологических данных узнаем об оживленной городской жизни в дунайских странах, Британии, Галлии и Германии.

Из городов римского Запада в «Описании» упоминаются: Милан, Аквилея, Арелате, Лугудун, Трир и др., расположенные на скрещении путей или по берегам морей. Из западных городов в последние века Рима мировой известностью пользовался город *Арелате* (Арль), как это видно из нижеприводимого места Феодосиева кодекса.

---

[1] *G. Mickwitz*, Die Systeme des römischen Silbergeldes im IV Jahrhundert n. Chr., 1933.

[2] *Geogr. lat. min.*, p. 108—126.

«Положение города так выгодно, число иностранцев, собирающихся в нем, так велико, торговля его так обширна, что туда стекаются и люди и произведения со всех концов света. Все, что производит богатый Восток, благоуханная Аравия, нежная Ассирия, плодородная Африка, прекрасная Испания и храбрая Галлия, — все находится там в таком изобилии, что вещи, удивляющие своим великолепием другие части света, в Арелате считаются обыкновенными продуктами. Притом соединение Роны с Тосканским морем сближает и делает соседними страны, прорезываемые первой и омываемые вторым... Таким образом весь мир приносит этому городу все, что в нем есть драгоценнейшего; произведения, свойственные каждой отдельной стране, перевозятся туда сухим путем, морем, реками, с помощью парусов, весел, повозок... В недрах этого города благостью божией словно соединены все наслаждения жизни и все удобства торговли ...» [1].

В известной степени города западной части Римской империи сохраняли свое значение до самого конца античного мира, но вместе с тем наблюдалось постепенное *передвижение* экономических и культурных центров с Запада на Восток. Чем ближе к концу Империи, тем больше города Запада пустели и превращались в деревни, а в восточной половине Римской империи начиналась заря новой жизни. Со времени Диоклетиана и в особенности Константина посредническая торговля в Римском мире становится монополией восточных (сирийских и еврейских) купцов. Караванные пути проходили через Сирию и Месопотамию до Индии и Аравии. Фактории сирийских негоциантов находились в Далмации, Галлии, Италии и Испании. Поднятые из земли археологией загородные дачи апамейских и антиохийских купцов и ремесленников, самые древние из которых, по авторитетному суждению Моммзена, возникли не ранее IV в., а более поздние — в половине VI в., также указывают на развитую торгово-ремесленную жизнь восточной половины Империи.

Роскошные золотые и узорчатые ткани египетского производства шли в Аравию, Индию, Абиссинию и Китай.

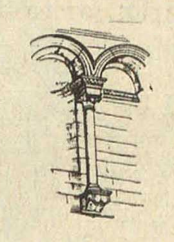
То же самое можно сказать и о другой восточной провинции Рима — *Малой Азии*. Благосостояние Малой Азии, подобно Сирии и Египту, покоилось на земледелии, ремеслах, торговле и в особенности на работорговле.

Аммиан Марцеллин повествует о регулярной торговле рабами, доставляемыми на малоазиатские рынки галатскими купцами. Рабы употреблялись в ткацких, шерстяных и льняных мастерских Малой Азии, пользовавшихся мировой известностью.

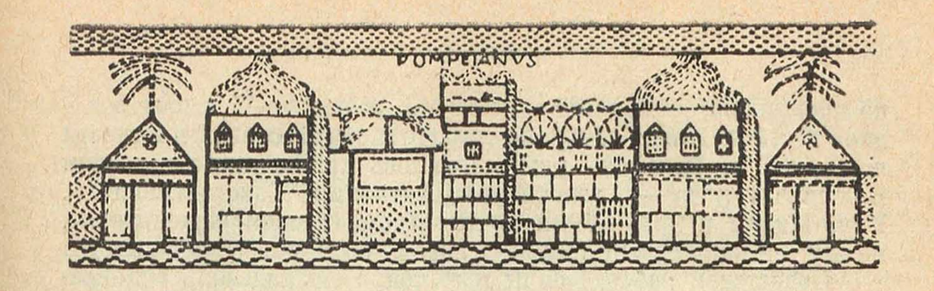
---

[1] *Cod. Theod.*, VIII, 16.

Милетская и галатская шерсть, перерабатывавшаяся во фригийских мастерских, не имела конкурентов во всем мире. В Филадельфии, одном из городов Лидии, открыты целые кварталы ткачей и башмачников [1]. В надписях Киликии упоминаются ремесленники (христиане): золотых дел мастера, медники, инструментальных дел мастера, ткачи, башмачники, торговцы и пр. С Константина среди городов восточной половины Римской империи первое место занимал Константинополь, возвысившийся благодаря своему выгодному географическому, международному и политическому положению.

[1] *Т. Моммзен*, Римская история, V, изд. 1885 г., стр. 334.

Глава XXV

ФЕОДАЛИЗАЦИЯ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

1. ЗАКРЕПОЩЕНИЕ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

Вышеописанный экономический подъем середины IV в. продолжался недолго, внутреннее разложение римского государства закономерно развивалось, расширялось и углублялось.

Со времени так называемого великого переселения народов к внутренним факторам, подрывавшим римскую государственность, присоединились еще внешние факторы в виде *усиленного напора варваров*, железным кольцом сжимавших Римское государство. Благодаря постоянным дворцовым переворотам, восстаниям в провинциях, появлениям узурпаторов, голодовкам, эпидемиям и войне с напиравшими варварами экономическое состояние Римского государства находилось в крайне печальном состоянии, монета катастрофически падала в цене, обмен суживался, производительность труда понижалась, ощущался острый недостаток рабочих рук в сельском хозяйстве, в государственных и частных предприятиях. Единственным выходом из положения при тогдашних обстоятельствах мог быть только переход на государственное *крепостничество*, т. е. новый шаг по пути натурализации и феодализации Римской империи. На этот путь с логической неизбежностью и вступили императоры константиновой и следующих за ней римских династий.

Закрепощение податного населения Римской империи началось с налоговой реформы Диоклетиана и развивалось до самого конца Империи. Регулярное поступление налогов предполагало стабильность населения и достаточное количество плательщиков, но ни одного из этих условий в то время не существовало. Число плательщиков и рабочих вследствие войн, эмиграций, эпидемий и голодовок все время продолжало сокращаться. В конце III в. общая численность населения Римской империи

не превышала 50 миллионов, между тем как во II в. она доходила до 75 миллионов. Кроме того, при общей слабой плотности население в Империи распределялось крайне неравномерно. Большие города — Александрия, Антиохия, Константинополь, Рим, Милан и др. — были до последней степени переполнены, между тем как деревни и мелкие города были совершенно пусты.

Недостаток рабочей силы и ее текучесть задевали одновременно как интересы государства в целом, так и интересы отдельных землевладельцев, в особенности средних и мелких посессоров, страдавших от недостатка рабочей силы. Колоны и рабы предпочитали работать в поместьях сенаторов, на государственных или церковных землях, пользовавшихся многими привилегиями, нежели сидеть на земле средних и мелких собственников. Частично податная реформа Диоклетиана ослабила текучесть рабочей силы, но она не достигла этого в полной мере. Для прекращения или по крайней мере ослабления текучести и неравномерности распределения населения потребовались еще новые, более энергичные вмешательства государственной власти.

Посессоры засыпали императорские канцелярии жалобами на бегство колонов и просили помощи. Императоры пошли навстречу среднеслужилому сословию и рядом конституций положили конец свободному переходу колонов от одного помещика к другому. Со времени Константина и до самого конца Империи следует ряд декретов о прикреплении колонов и рабов к *«месту приписки»* (origo). Первый закон «о беглых колонах» (de fugitivis colonis) был издан *Константином 30 октября 332 г.* Ближайшим поводом к изданию этого закона послужили тревожные сведения, поступившие с мест в связи с производством ценза. Сборщики и ревизоры доносили о сокращении числа платежных единиц и уменьшении рабочей силы, бегстве колонов и разорении средних и мелких посессоров. В ответ на это последовал названный декрет Константина, запрещавший принимать беглых колонов и рабов.

«Тот, у кого будет найден принадлежащий другому колон,— гласит названный закон Константина, — не только должен его вернуть туда, откуда он родом, но и должен заплатить подать, причитающуюся с него (колона) за все то время, какое у него колон находится. А самих колонов, которые вздумают бежать, надлежит заковывать в кандалы, как рабов, чтобы в наказание заставить их рабским способом исполнять обязанности, приличествующие свободным людям» (ipsos etiam colonos qui fugam meditantur, in servilem condicionem ferro ligari conveniet, ut officia, quae liberis congruunt, merito servilis condemnationis conpellantur inplere) [1].

---

[1] *Cod. Theod.*, V, 17, 1. De fugitivis colonis, inquilinis et servis.

Колоны и рабы закреплялись за теми поместьями, где они были зарегистрированы во время последней переписи. Никаких переходов из одного имения в другое отныне не допускалось. «Настоящим нашим распоряжением, — гласит один из императорских рескриптов, — еще раз подтверждается, что никому не позволено переносить уплату налога, причитающегося с одного владения, в другое (praestationes possessionum); пусть взнос (inlatio tributaria) производится в том месте, которое показано цензом» [1].

Большая часть известных нам императорских конституций, относящихся к отдельным провинциям и регулирующих отдельные вопросы, показывает, что крепостные отношения не были результатом единого законодательного акта, но что они складывались постепенно и не были одинаковыми на всем пространстве Римской империи. В Иллирике, например, закрепощение колонов введено было лишь при Валентиниане в 371 г. «Мы полагаем, что колоны и инквилины Иллирика и соседних областей не могут оставлять деревень, в которых они пребывают в силу рождения или родства. Пусть они служат земле не вследствие податных обязанностей, а вследствие имени и положения колонов» (inserviant terris non tributario nexu sed nomine et titulo colonorum) [2].

«Отныне,—гласила другая конституция того же императора,— колоны Палестины не могут пользоваться полным правом перемены местожительства, но, подобно колонам других провинций, они прикрепляются к земле, и никто не может безнаказанно удерживать их у себя» (exemplo aliarum provinciarum ita domino fundi teneatur, ut sine poena suscipientis non possit abscedere) [3].

Аналогичные постановления известны относительно Фракии и некоторых других провинций. Так, в одной конституции императора Феодосия колонам Фракийского диоцеза запрещается покидать участки, на которых они в данное время пребывают.

«Во всем Фракийском диоцезе отныне навсегда уничтожается поголовная подать и уплачивается только поземельная (iugatio terrena). Но это не следует рассматривать как освобождение колонов оброчного состояния (tributariae sortis) от податной зависимости и разрешение им свободного перехода, куда им будет угодно. Они удерживаются по праву наследственной зависимости (originario iure), и если они даже свободны по состоянию, то они являются рабами самой земли (servi tamen terrae ipsius), на которой они родились, и рас-

---

[1] *Cod. Theod.*, XI, 22, 5.
[2] *Cod. Iust.*, XI, 53, 1.
[3] Ibid., XI, 51, 1.

сматриваются как не имеющие права ухода и перемены места по своему желанию. Владельцу же их (possessor eorum) разрешается в отношении их пользоваться правом патрона и властью господина. Если же кто-либо сочтет, что можно принимать чужого колона, уплачивает два фунта золота»[1].

В конституциях в самых различных комбинациях повторяется одна и та же мысль, что колоны не могут переходить ни в какое другое состояние, ни отчуждать своих участков, ни быть отчуждаемыми собственниками земли. Земли, проданные или каким-либо иным способом отчужденные, подлежат немедленному возврату теми, кто их приобрел нечистым и незаконным путем [2].

Самих же колонов и рабов, нарушающих установленные нормы, закон предписывает карать строжайшим образом (servos vero et colonos cohercitio ab huiusmodi ausibus severissima vindicabit) [3], налагать суровые наказания (vinculus poenis que subdantu), заковывать в железо (ferro ligari) [4] и т. д.

Принцип «приписки» распространялся не только на колонов, но и на рабов, таким путем сливавшихся в одну категорию зависимых людей (obnoxii). Внесенные в податные списки рабы, колоны и свободные держатели земли объявлялись прикрепленными к «месту приписки» и автоматически переходили в разряд «приписанных» (adscripticii) или «цензовых людей» (censiti, obnoxii, servi censibus adscripti) [5]. В некоторых конституциях колонат называется ярмом рабства (iugum servitutis), а колоны приравниваются к рабам земли (servi terrae, adscriptio terrae), владелец же земли именуется их патроном (patronus) и господином (dominus). Длинную серию законов о закрепощении колонов и рабов заканчивает конституция императора Анастасия 500 года, вводившая 30-летнюю давность пребывания колонов, инквилинов и рабов в одном и том же поместье. По истечении же указанного срока не только сам держатель земли (servus terrae), но также его жена и все его потомство автоматически прикрепляются к «месту приписки».

«Может ли служить извинением для сына колона после смерти его отца то обстоятельство, что он в течение тридцати, сорока или большего числа лет находился на положении свободного человека, владелец же земли, удовлетворяясь работой его отца, не требовал его присутствия, и потому он в течение многих лет, не производя никаких работ и не неся никакой повинности, сделался бесполезным для деревни? При этом владельца нельзя

---

[1] *Cod. Iust.*, XI, 52,1.
[2] Ibid., VII, 38, 2.
[3] *Cod. Theod.*, XVI, 5, 54.
[4] *Cod. Iust.*, XI, 53, 1.
[5] *Cod. Theod.*, XI, 3, 2; VII, 1, 3.

было упрекнуть в нерадивости, потому что его отец уплатил все необходимое.

Нам кажется, что во всех подобного рода случаях было бы слишком жестоко заставлять владельца земли терпеть убыток от отсутствия колонов, родившихся в его деревне и потому обрабатывавших землю через посредство своих отцов, братьев или родственников. В силу того, что в таких случаях часть личности через родство до известной степени оставалась в имении, то и сама личность как бы не отсутствовала и не находилась на свободе. На этом основании право владельца земли должно оставаться непоколебимым, и колон считается пребывающим в имении до тех пор, пока остаются на земле его предки, потомки или родственники» [1].

Императорские конституции не только определяли правовое положение колонов, но также устанавливали характер и размер оброков и повинностей как в отношении их господ, так и в отношении государства. «На обязанности колонов лежит обрабатывать землю и платить налоги» (at enim hi quoque et terram et tributum solvere) — такова общая формула законодательных актов Поздней империи. На первом плане стояли государственные повинности, включавшие в себя, помимо поголовной подати (tributum capitis), уплачиваемой всеми разрядами «сельского плебса», всякого рода общественные повинности и сборы (publicae functiones, fiscalia). «Все владельцы земельных участков уплачивают государственные повинности, пусть они при этом не ссылаются ни на какие противоположные акты» (omnes pro his agris quos possident publicas pensitationes agnoscant) [2]. Никакие привилегии положения не могут служить предлогом для уклонения от государственных повинностей и установленных обязанностей (obsistere commodis publicis et statutis necessitatibus non possunt privilegia dignitatum) [3].

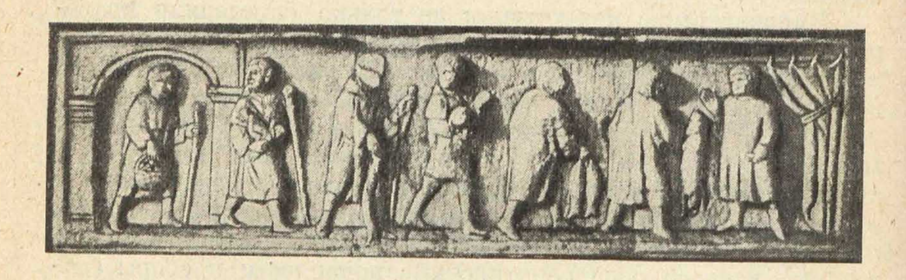
Отношения между колонами и владельцами поместья определялись поместным уставом (lex praedii), нарушение которого каралось верховной властью. Согласно поместному уставу, колоны уплачивали владельцу определенную долю урожая (partes fructuum, partes agrariae), обычно одну треть [4]. Взимание оброка деньгами воспрещалось, за исключением особых оговоренных в уставе случаев (nisi consuetudo praedii non exigat) [5]. К регулярным оброкам присоединялись еще нерегулярные экстраординарные повинности, так называемые «черные работы» (sordida munera), к числу которых принадлежали: постройка

---

[1] *Cod. Iust.*, XI, 48, 22; ср. XI, 48, 19; XI, 69, 1; XI, 48, 23.
[2] *Cod. Theod.*, XI, 3,3.
[3] Ibid., XI, 1, 25.
[4] *Lex Hadriana*, III.
[5] *Cod. Iust.*, XI, 48, 5.

и ремонт дорог и мостов, работа в пекарнях, доставка угля, обжигание извести, обеспечение транспорта повозками и лошадьми (paraveredorum et parangariarum praebitio) и т. п.

Высшей инстанцией в разрешении всех конфликтов, возникавших между владельцем поместья и его колонами, являлось государство в лице императора и его чиновников (officiales). По сравнению с выгодами отдельных посессоров, интересы государства в целом, т. е. интересы всех групп служилого сословия, были шире и не всегда совпадали с стремлениями отдельных лиц и групп. Из этого вытекала необходимость законодательного ограничения произвола отдельных посессоров в отношении налогов и повинностей, взимаемых с сидевших в поместье

Колоны, несущие оброк

людей. Посессору, взявшему с колона больше положенного, предписывалось вернуть излишек колону с обязательством не повторять этого в будущем. Колон считался закрепленным не за тем или иным лицом, а за определенным земельным участком, который ни он сам не мог покинуть, ни с которого не мог удалить его владелец поместья. Колон, по образному выражению римского права, являлся «рабом земли», но не рабом ее владельца [1].

«Всякий колон, с которого его господин взял больше, чем это установлено практикой и взималось в прежние времена, имеет право обратиться к ближайшему начальнику за судом и изложить ему сущность дела. Этим отнимается возможность у того, кто взял сверх нормы, злоупотреблять своим правом в будущем, предварительно взыскав с него полученный им излишек» (prius reddito quod superexactione perpetrata noscitur extorsisse) [2].

Землю можно было продавать только вместе с сидевшими на ней людьми — колонами и рабами, — и, наоборот, отчуждение людей разрешалось не иначе, как вместе с землей.

---

[1] *Cod. Iust.*, XI, 48, 19; XI, 69, 4.
[2] Ibid., XI, 50, 1.

Сказанным определяется *правовое различие* между колоном и рабом, заключавшееся в том, что раб классического периода был непосредственно подчинен своему господину-рабовладельцу, между тем как колон был связан с владельцем земли через обрабатываемый им участок и лежавшие на нем государственные и частновладельческие повинности, от которых он *de jure* всегда мог освободиться при соблюдении известных условий. Идея опосредственной зависимости колона отражена не только в законодательстве (servi terrae, membra terrae, agrorum pars и пр.), но также и в литературе Поздней империи, как например в «*Божьем граде*» Августина, выдвигающего на передний план не личную, а поземельную зависимость колона от посессора (propter agriculturam sub dominio possessorum) [1].

Правовое различие между колоном и рабом в принципе сохранилось до самого конца Римской империи, хотя на практике рабы и колоны постоянно смешивались в одну категорию зависимых людей. В самом деле, «какое различие может быть между рабом и приписанным (колоном), когда тот и другой находятся во власти господина» (cum uterque in domini sui positus sit potestate) [2], говорится в одном законе начала VI в.

Как станет ясно из дальнейшего, стремление императоров подчинить общегосударственным интересам интересы посессоров наталкивалось на многие препятствия и в общем не увенчалось успехом. Наибольшее сопротивление ограничительной политике государства оказывали светские и церковные магнаты, удельный вес которых в последние века Римской империи сильно повысился.

Исторический процесс шел в противоположном желанию императоров направлении. По мере приближения к концу Римской империи колоны и рабы из подданных римского императора превращались в подданных магнатов, присваивавших себе функции государственной власти — сбор налогов, поставку рекрутов и пр. «Колоны всех разрядов должны оставаться на своих местах и безусловно повиноваться своим господам» (domino possideri), — гласит одно из постановлений императоров.

Из неофициальных памятников, в особенности из христианской публицистики, например, из сочинений и проповедей Иоанна Златоуста, а также из сочинения «бедного священника» Сальвиана можно заключить, что положение сельского населения в конце Римской империи в массе было гораздо хуже, чем при Антонинах и Северах. «На колонов, — жалуется в одной из своих проповедей радикально настроенный христианский проповедник Иоанн Хризостом (Златоуст), — умирающих с голода, взвали-

---

[1] *Augustin*, De civitati Dei, 10, 1.
[2] *Cod. Just.*, XI, 49, 21.

вают бесконечные, невыносимой трудности работы; от них требуют непосильных услуг, их третируют, как ослов или мулов или как камни, не давая даже перевести дыхание. Независимо от того, приносит ли их участок доход или нет, с колонов требуют тех же повинностей, не имея никакого снисхождения. Кто может быть более достоин сожаления, чем крестьяне, проработавшие всю зиму, истощенные холодом, дождем и бессонными ночами, возвращающиеся домой с пустыми руками, оставаясь сверх того еще в долгу. Кроме голода и несчастий, они должны испытывать страх перед пыткой поместных диктаторов, перед жестоким обращением, требованиями возврата и неумолимым «требованием отбывания барщины» [1].

2. ЗАКРЕПОЩЕНИЕ РЕМЕСЛЕННИКОВ И РЕМЕСЛЕННЫХ КОЛЛЕГИЙ

Крепостнические тенденции, столь ярко выраженные в законодательстве о колонах, в различной степени наблюдались и в других отраслях государственного и частного хозяйства. Закрепощение имело место во всех отраслях государственной и частной экономики, в которых ощущался недостаток рабочей силы. Наряду с сельским хозяйством недостаток рабочих рук резче всего ощущался в крупных *имперских предприятиях*, тяжелых и вредных для здоровья, — в рудниках, железоделательных мастерских, красильнях, дубильнях и т. п.

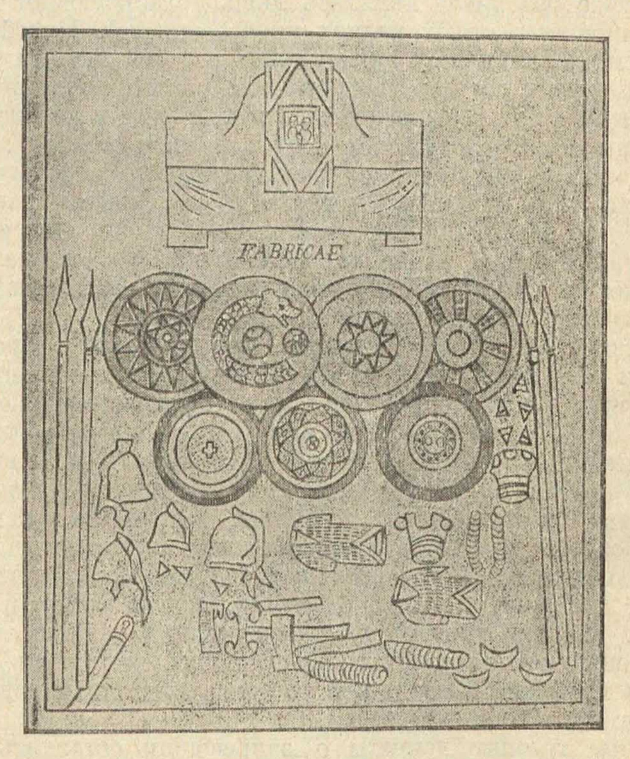
Императорское хозяйство расширялось с каждым столетием, в особенности оно сделалось обширным с конца III в., когда в руках императоров сосредоточилось большое количество земель, мастерских и рабочей силы. Важнейшие отрасли государственной промышленности почти все были монополизированы императорами. В собственных *императорских мастерских* (propriae fabricae) изготовлялись оружие, военное снаряжение и предметы роскоши, дорогие льняные, шерстяные материи и пурпуровые ткани.

Из эдикта Диоклетиана, из Кодексов и «Табели» о рангах мы узнаем, что императорские «фабрики», разбросанные по всему государству, чаще всего возникали в местах скрещения путей, богатых сырьем и важных в стратегическом отношении. Государственные мастерские находились в Милане, Аквилее и Равенне — словом, во всех важнейших стратегических пунктах италийского севера, Сирмии (Митровица), Августе Треверов (Трир), на Роне — Лугудун, на Британских островах — Вента (Винчестер) и др., в восточной части Империи — по сирийскому побережью, по евфратской границе и т. д. Кроме *оружейных*

[1] *Ioach. Chrysost.*, Homilia in Math., 61, 3.

мастерских в источниках упоминаются *красильни* (baphia), *прядильни*, *ткацкие мастерские* (gynaecea, linyphia, textrina), мастерские строительных материалов (figlinae) [1].

Основным потребителем императорских мастерских были армия, бюрократия и двор. Среди придворных и аристократов, живших широко, в большом употреблении были тонкие шер-

Знаки отличия начальника главной канцелярии по «Notitia Dignitatum»

стяные и льняные ткани, выкрашенные в красный цвет (пурпур). Карл Бюхер насчитывает семнадцать суконных мануфактур: две в Паннонии, две в Далмации, одну в Милане, одну в Риме, две в Апулии, одну в Карфагене, одну в Венте в Британии и т. д. [2].

В императорских мастерских, согласно исследованиям Моммзена, Блюмнера, Бюхера, Гуммеруса, Персона, были заняты

---

[1] *Not. dign.*, or. XIII, 16; occ. XI, 45; *Cod. Theod.*, I, 32, 1; IV, 6, 3.
[2] *K. Bücher*, Beiträge zur Wirtschaftsgeschichte, 1922, S. 220.

рабы (servi, mancipia), *осужденные* за уголовные и политические преступления, и свободные рабочие (ingenui, immunes) [1].

Организация императорских «фабрик» представляется двоякой. Иногда это были концентрированные мастерские с приписанными к ним рабочими-рабами и свободными. Но чаще рабочие-ремесленники работали в мелких мастерских на дому. В последнем случае «фабрика» являлась лишь организующим центром, объединявшим местных мелких производителей. Подобно колонам, ремесленники всех юридических состояний считались прикрепленными к государственному тяглу (publico canoni). Таковыми были ткачи г. Скифополя, упоминаемые в кодексе Феодосия (obnoxios Scytopolitanos linyfos publico canoni) [2].

К «фабрикам» прикреплялись не только отдельные ремесленники и их семьи, но и целые ремесленные коллегии или корпорации, как, например, ремесленные корпорации г. Карфагена, упоминаемые в одиннадцатой книге Феодосиева кодекса (textrinis vel gynaeceis ex more a corporatis Karthaginis species solitas praestari cognovimus) [3].

Императорские конституции предписывают строжайшим образом следить за тем, чтобы мастера оставались при своей профессии и не переходили на другие службы и положения.

Большая часть известных нам законов о прикреплении ремесленников относится ко второй половине IV и V вв., когда особенно остро ощущались недостатки и текучесть рабочей силы, между тем как потребность в оружии, одежде для войска, предметах роскоши для двора и высших классов возрастала. Наряду с этим возводились колоссальные здания, сооружались мосты, дороги, акведуки, каналы, базилики, общественные и частные здания. Низкий уровень производственной техники и слабое применение механической силы старались наверстать закрепощением мастеров, удлинением рабочего времени и повышением эксплоатации.

Самые грозные декреты о запрещении оставлять мастерскую относятся к *оружейным мастерам* (fabricenses).

Для выделки оружия и для построек требовалось большое количество железа, между тем железо добывалось простым кузнечным (кричным) способом, мало рациональным, требовавшим колоссальных расходов и многих рабочих рук. Для удержания оружейников при своей профессии применялись все меры вплоть до клеймения.

«Оружейным мастерам падлежит выжигать на руке клеймо как официальный знак, по образцу рекрутов, чтобы по крайней

---

[1] *Cod. Theod.*, VII, 181.
[2] Ibid, X, 20,8
[3] Ibid., XI, 1, 24.

мере таким образом можно было узнавать скрывающихся» [1] (stigmata, hoc est nota publica fabricensium brachiis ad imitationem tironum infligatur).

За нарушение устава или за невыполнение положенного тягла ответственность несла вся корпорация или, выражаясь языком законодательства Позднего Рима, все тело (corpus) оружейного цеха. «Закон предписывает, — читаем в одной конституции императора Феодосия, данной на имя начальника императорских имуществ, — оружейным мастерам так служить своему ремеслу, чтобы и по истощении своих сил они оставались со своим потомством при той профессии, в которой родились. За проступок, совершенный одним из них, отвечают все, так как поручительством за своих товарищей они до известной степени взяли на себя надзор за их поведением, и потому вина одного приносит ущерб и всем другим. Таким образом, в случае нужды все члены корпорации (in perpetuum servanda hac forma), составляющие как бы единое тело, отвечают за проступок каждого из своих товарищей» [2]. «И так должно оставаться навеки». В аналогичном положении находились ткачи шерстяных и льняных полотен, монетчики, красильщики, металлисты, горнорабочие и т. д., прикрепленные к цехам (коллегиям). Выход из коллегии разрешался лишь в редких случаях при условии рекомендации во всех отношениях достойных заместителей, признанных соответствующими административными органами. Принцип «приписки» распространялся не только на мастеров оружейных мастерских, но и на все военное сословие — дети солдат по достижении определенного призывного (16 лет) возраста должны были становиться солдатами, продолжая службу своих отцов. За оставление службы под какими бы то ни было предлогами устанавливались уголовные кары до смертной казни включительно. В статьях, относящихся к военной службе (res militaris), постоянно упоминаются самокалечение, отсечение пальцев, рук, ног, дезертирство, бродяжничество, разбойничество и им подобные методы избежания военной службы [3].

От 317 г. известен закон Константина, прикреплявший к государственному тяглу мастеров монетного дела (monetarii), одной из важнейших ремесленных корпораций Рима.

«Мастерам монетного двора надлежит всегда пребывать в своей профессии (monetarios in sua semper durare condicione oportet), и от этого состояния их не освобождают привилегии никакого другого состояния» [4]. Женщина свободного состояния, находящаяся в сожительстве с монетным мастером, долж-

[1] *Cod. Iust.*, XI, 10, 3.
[2] *Cod. Theod.*, X, 22, 1.
[3] Ibid., VII, De re militari.
[4] Ibid., X, 20, 1.

на немедленно оставить своего мужа, если она не желает лишиться «блеска своего положения» и «потерять украшение своей прирожденной свободы» (decus nativae libertatis). В противном случае, если она предпочитает объятия монетного мастера (complexus monetarii) своей свободе, она следует состоянию своего мужа, т. е. прикрепляется к цеху монетчиков[1].

За оружейниками и монетчиками следовали профессии, связанные с снабжением города: булочники (corpus pistorum), строительные рабочие (fabri, fabri tignarii), рабочие по ремонту зданий, водопроводчики (aquarii), транспортники и т. д., — словом, все профессии, на которые возлагалось снабжение города[2].

Высшее управление императорскими «фабриками» находилось в Риме. Во главе управления стоял начальник императорских канцелярий, имевший в своем распоряжении штат чиновников приблизительно в 400 человек, заседавших в канцеляриях разных наименований (officia). Из материалов можно заключить о постоянных злоупотреблениях, кражах и обманах, имевших место в императорских мастерских, и о массовом бегстве мастеров, рабов и крепостных. Для расследования преступлений на места снаряжались специальные комиссии, составленные из представителей различных канцелярий.

«Настоящим предписываем, — гласит одна из конституций Феодосия, — ежегодно в определенное время посылать в пурпуровые красильни Финикии седьмого из канцелярии по приему тканей, шестого из канцелярии по сбору налогов и пятого из канцелярии регистрации с целью пресечь всякое преступление бдительностью чиновников, дрожавших за свое, тяжелым трудом заработанное жалование. За соучастие же в преступлении устанавливается штраф в 20 фунтов золота»[3].

Закрепленные за государством профессии освобождались от всех или части общественных повинностей, «для того чтобы они имели досуг как для собственного усовершенствования в этих искусствах, так и для возбуждения интереса и обучения своих детей». В одной из статей Юстинианова кодекса перечисляются профессии, взятые на учет и пользующиеся льготами. Сюда входят: архитекторы, геометры, врачи, ветеринарные врачи, живописцы, литейщики, мраморщики, бронзовщики, ваятели, мастера музыкальных инструментов, золотых и серебряных дел мастера, мастера резной работы, зеркальщики, мастера по резьбе на слоновой кости, портные, стекольщики, керамисты, вышивальщики золотом, скорняки, сапожники, каретники, штукатуры, чеканщики монет, пурпуровщики, валяльщики, ткачи и др.[4].

---

[1] *Cod. Iust.*, XI, 8,7.
[2] *Symm.*, Epist., X, 27.
[3] *Cod. Iust.*, XI, 9,5.
[4] Ibid., X, 66, 1.

Льготами пользовались также ученые философы, грамматики и ораторы, своим внешним видом отличающиеся от остальных граждан. «Всякий, уличенный в непристойном и наглом присвоении внешности философа (платье, борода, прическа), за исключением признанных сведущими авторитетами профессоров, должен быть выслан на свою родину»[1], — гласит статья Юстинианова кодекса.

Несмотря на все угрозы и кары, прикрепленные к земле и повинностям колоны, ремесленники, рабы и вольноотпущенники часто покидали свои «места приписки» и устремлялись в города. Скопление людей в *больших городах* в конце Римской империи было так велико, что принимались даже специальные меры по очищению городов от лишних элементов.

«Лиц, не имеющих определенных занятий, — читаем в одной конституции Юстинианова кодекса конца V в., — следует помещать в работные дома, чтобы они зря не обременяли землю».

Тех же, кто не оказывал должного прилежания в работе, предписывалось безоговорочно изгонять из города. Каждый вновь прибывающий в город регистрировался у городских администраторов и по окончании того дела, ради которого он прибыл, немедленно покидал город и отправлялся на родину. В провинциях филиальные отделения квестуры следили за движением населения и назначали работу безработным.

«Всех, занимающихся бродяжничеством и нищенством и этим добывающих себе пропитание, необходимо тщательно осмотреть, установить качество их тела и силу их возраста. По этому распоряжению лентяи и люди, не заслуживающие сожаления вследствие слабости, если они принадлежат к сословию рабов, возвращаются в собственность того, кто настойчиво и прилежно их разыскивал. Свободнорожденные же навсегда отдаются в крепостную зависимость тех, кто указал и доказал их леность; сверх того, владельцам рабов предоставляется право жалобы на всех давших беглым рабам убежище или посоветовавшим им заняться нищенством»[2].

С полной достоверностью невозможно установить, распространялась ли приписка только на ремесленников и торговцев, работавших на государство, или же она захватила всех вообще ремесленников и торговцев как государственных, так и частных предприятий. Вернее первое предположение. Полного закрепощения в Римской империи не было ни в городе, ни в деревне. Одновременно с крепостными земледельцами, мастерами и торговцами существовали свободные мелкие и средние производители, равно как до конца античности существовали свободные

[1] *Cod. Iust.*, X,53,8.
[2] Ibid., XI, 26,1.

союзы и коллегии. В законодательных памятниках IV—V вв. имеются статьи, трактующие о ремесленных союзах, легальных и нелегальных соглашениях купцов, подрядчиков, хозяев мастерских и мастеров. Такова, например, статья Юстинианова кодекса от 473 г. (De monopoliis et de conventu negotiatorum... artificum ergolaborumque) [1].

3. ЗАКРЕПОЩЕНИЕ КУРИАЛОВ

Вместе с колонами и мастерами под действие origo подпадали также члены муниципальных советов — *декурионы*, или *куриалы*, на которых возлагалась ответственность за исправное поступление налогов, рекрутов и распределение повинностей.

В «счастливый век» Антонинов распределение и сбор налогов куриалами рассматривались как высокая честь, да и самое пребывание в курии считалось величайшим почетом для куриала и его родства. Со времени же податной реформы Диоклетиана картина резко изменилась. Не справлявшаяся со своей задачей бюрократия возлагала на курии тяжелую обязанность распределения и сбора налогов, особенно тяжелую потому, что многие курии в III в. вследствие военных опустошений, реквизиций, варварских набегов, эпидемий, захватов муниципальных территорий императорами и магнатами обеднели и разорились.

На каждый город приходилась определенная сумма податных «голов», распределявшаяся «советом десяти» между отдельными плательщиками. Плательщики и сборщики, связанные *круговой порукой*, за неисправное поступление налогов отвечали собственным имуществом. Отсюда стремление курии заносить в *списки* куриалов (album) возможно большее число людей. В курии записывали всех, удовлетворявших имущественному цензу куриалов, пониженному до 25 югеров земельной собственности. Всякий житель данного муниципия — гражданин, даже вольноотпущенник, имевший участок в 25 югеров, — становился членом курии. Занесение в список куриалов становилось уже не почетом (honor), а наказанием (loco supplicii).

Формальное прикрепление декурионов к куриям начинается с конституции императора *Константина* (316 г.), запрещавшего куриалам под каким-либо предлогом оставлять курии и переходить на другие службы. Куриал должен быть возвращен в свою курию (suae conditioni reddatur) даже в том случае, если ему будет предложено императором какое-либо высокое звание [2].

«Никакая ступень военной службы, никакая длительность ее не защищает того, кто, неся на себе куриальное происхож-

---

[1] *Cod. Iust.*, IV, 59, 1—2.

[2] *Cod. Theod.*, XII, 1, 5.

дение (curialem contrahens originem), привлекается к несению куриальных повинностей. Но и тот, кто будет избегать куриальной кабалы (nexum curialem) в силу преимуществ своего рождения, если он, когда ему исполнится 18 лет, не будет исполнять военной службы, по которой испрошен иммунитет для его родителей, он не будет оставлен в покое вследствие жребия своего происхождения» (securus esse non poterit propter sortem originis)[1].

За неисправное поступление налогов отвечали в первую очередь децемпримы не только своим имуществом, но и жизнью. При Валентиниане был издан декрет, которым предписывалось казнить по три куриала на город за неаккуратный сбор налогов.

«Те же из куриалов, которые не в состоянии были уплатить налоги, становились жителями тюрем, а многим из них так надоели жизнь и свет, что они вешались в тюрьмах».

Сколь ни грозны были декреты императоров, все же они далеко не всегда достигали своей цели. Несмотря на всю суровость закона, бегство из курий не прекращалось. Хватались за всякую возможность, освобождавшую от несения муниципальных повинностей: переходили в низшие сословия, женились на рабынях, служанках, дочерях колонов, отдавались под покровительство сильных и знатных людей (ad sordida descendere connubia servularum)[2].

Муниципальная жизнь замерла. Заседания курий протекали при незначительном числе членов, без всяких прений и оживления. Изобретались всевозможные средства, чтобы избавиться от высокой чести быть членом муниципальных сенатов. Все, кто имел возможность бежать из муниципий, переходили на другие службы, поступали в войско, канцелярии, избирали интеллигентские профессии или же попросту скрывались.

«В былые времена курии процветали во всех городах, и тогда у декурионов были земля, хорошие дома и деньги, заключали они брачные договоры друг с другом, а пребывание в курии считалось большой честью и признаком благосостояния... А теперь все пошло к худшему, нередко наблюдается бегство из курии в другие профессии, города пришли в упадок, состояние курии соответствует упадку и прочих сословий.

Ты видишь нас, стоящих, немногочисленных, двенадцать вместо тысячи двухсот. Это курия»[3].

«Всем ведь известно, что курии пустеют (curias desolari) вследствие того, что те, которые обязаны быть куриалами по рождению (per originem obnoxii sunt), выпрашивают себе службу,

---

[1] *Cod. Theod.*, XII, 1,58.
[2] Ibid., XII, 1,6.
[3] *Liban.*, Orat., XLIX.

записываются в войско, поступают на какую-либо другую службу (diversa officia)[1] или же убегают в пустыни и под предлогом религиозного рвения (specie religionis) объединяются в религиозные союзы»[2].

В целях воссоздания курий предписывалось производить обследование в легионах, когортах и канцеляриях, куда чаще всего убегали куриалы, и всех занесенных в список куриалов немедленно вернуть на свою родину, даже если они получили эти должности с разрешения самих императоров (qui derelicta curia militaverit, revocetur ad curiam... et si beneficio nostro fuerit liberatus)[3].

4. ПОЗДНЕ-РИМСКОЕ МАГНАТСТВО

Как отмечалось выше, римское рабовладельческое государство в последние века его существования наталкивалось на центробежные (феодальные) силы, вызревавшие в его собственных недрах. Наиболее крупной децентрализующей силой в последние века Империи было *сенаторское сословие*. Как политический орган *сенат*, в IV—V вв. состоявший исключительно из высших военных и гражданских чинов по назначению императора, не играл никакой роли. Большинство сенаторов, число которых в каждой из имперских столиц (Риме и Константинополе) доходило до двух и более тысяч, по своему происхождению принадлежало к богатым провинциалам, для которых получение сенаторского звания было большой честью (decus omnium provinciarum), несмотря на значительные расходы, налоги, устройство празднеств и подарки, связанные с этим высоким званием. Сенаторство в IV—V вв. было почетным званием, необходимым условием для политической карьеры[4]. Несмотря на второстепенную роль сената как государственного учреждения, сенаторское сословие при Доминате не только оставалось первым сословием в государстве, но его социальный вес по сравнению с предшествующей эпохой даже увеличился. Избавленные от службы в армии и освобожденные от обязательного присутствия на заседаниях сената, сенаторы занимали высокие гражданские должности, были шефами государственных канцелярий и в качестве друзей и спутников императора получали «кормления» в провинциях. При дворе, в свите и совете императора сенаторы занимали первое место, давая тон придворной жизни. Из массы гражданства сенаторы выделялись своим костюмом, обувью, количеством слуг, величиной

---

[1] *Cod. Theod.*, XII, 1, 13.
[2] *Cod. Iust.*, X, 32,26.
[3] *Cod. Theod.*, XII, 1, 13.
[4] *Em. Kuhn.* Die städtische und bürgerliche Verfassung des Römischen Reiches, I, 1864, 174.

и формой экипажа, столом и широким образом жизни. К числу сенаторов принадлежали и сам император, его семья и все его многочисленное родство.

С наибольшей резкостью социальные контрасты выступали в Константинополе, резиденции императора и местопребывании чиновной знати, светской и духовной, и богатых людей.

Ядро имперской знати Позднего Рима составляли военные и гражданские чины, к которым присоединилось немало лиц не аристократического происхождения из провинциалов и варваров. «Среди нынешних богачей, — повествует Либаний, — немало значится настоящих грабителей, самым нечестным путем присвоивших себе поместья, дома, квартиры, ограбивших грузовые суда и т. п... Новая порода грабителей значительно хуже и наглее старых взяточников и государственных воров».

Усиление магнатства стояло в тесной связи с расширением магнатского землевладения. Рост императорского хозяйства и императорского землевладения, о котором говорилось выше, продолжался также и после кризиса III в. Наибольшего развития императорский фонд и императорское хозяйство достигли при константиновой династии, когда к императору отошла масса конфискованных земель, языческих храмов и частных лиц, занесенных в проскрипции, пустырей, завоеванных территорий, выморочных наследств и пр. [1]. Эксплоатация императорских поместий, как и прежде, происходила двояко: 1) прямым путем—при посредстве императорской администрации и 2) путем сдачи в аренду крупным арендаторам (conductores) [2]. Крупное производство и собственно императорское хозяйство с конца IV в. становится невыгодным, и императоры предпочитают сдавать свои домены в аренду по преимуществу лицам сенаторского звания, которые обрабатывали их с помощью рабов или колонов. Вызывалось это, с одной стороны, трудностью ведения хозяйства вследствие недостатка рабочей силы, разбросанностью и отдаленностью императорских владений, частыми войнами и, с другой стороны, необходимостью обеспечивать землей служилое сословие. На этой почве развилась крупная долгосрочная *земельная аренда* на «вечном праве» (ius perpetuum), характерная для Поздней империи, усиливавшая магнатов и ослаблявшая императорскую власть [3].

Из долгосрочных аренд, известных поздне-римскому земельному праву, следует отметить следующие четыре: 1) наследствен-

---

[1] *Euseb.*, Vita Constantini, III, 54—58. *Liban.*, XXX (Pro templis).

[2] *Amm. Marcell.*, XXII, 4, 3, conductores или emphyteuticarii.

[3] *R. His.*, Die Domänen der römischen Kaiserzeit, 1896.

ная аренда без мелиораций с уплатой твердой арендной платы (ius perpetuum); 2) аренда с уплатой небольшого ежегодного налога с правом полной частной собственности на заарендованный участок (ius privatum salvo canone); 3) еще более льготная аренда даже без уплаты ежегодного налога (ius privatum dempto canone) и 4) эмфитевсис[1].

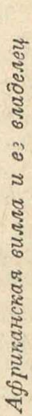
Общим названием крупных поместий в Поздней империи остается (fundus) — поместье, наряду с которым употребляются и многие другие, более специальные или описательные термины: сальтус (saltus), вилла (villa), масса (massa), могущество (potestas), владение (praedia) и т. п.

Общее число магнатов было невелико, но в их руках концентрировались громадные земли и денежные богатства. В кодексе Феодосия имеется специальная глава, посвященная сенаторским поместьям (fundi, praedia, possessiones senatorum), разбросанным по всему пространству Империи (possessiones per longinquas atque diversas provincias)[2]. Из другого источника узнаем о колоссальных доходах деньгами и натурой, извлекаемых сенаторами из их поместий, и о тех способах, которыми сенаторы стремились обойти ненавистный им налог на сенаторские земли[3]. Магнатские поместья IV—V вв., достигавшие 5—8 тыс. гектаров, представляли настоящие княжества, по своим размерам и удельному весу значительно превосходившие латифундии Ранней империи. В поместьях проживали «легионы рабов и колонов», работавших на плантациях, в поместных мастерских или в качестве слуг и клиентов, проживавших в виллах магната, влиятельного сановника, при храмах и монастырях. Как сами сенаторы, так и их поместья, и зависимые от них люди пользовались многими привилегиями в отношении налогов, повинностей, служб и военных постоев, чрезвычайно разорительных для населения.

«Мы приказываем, — читаем в одной конституции императора Констанция, чтобы сенаторские владения (senatorum substantias), находящиеся в разных местах и разных провинциях, точно так же, как и их люди (homines eorum), были свободны от денежных взносов, уплачиваемых за освобождение от рекрутских поставок и за поставку лошадей (a temonariis oneribus conferendis), равно как и от других подобных повинностей, налагаемых местными властями, включая сюда все грязные и экстраординарные и унизительные повинности (ab omnibus sordidis extraordinariisque et vilioribus muneribus)[4].

---

[1] *Novella Theod.*, 5, 2; *Cod. Theod.*, V, 13, 17.
[2] *Cod. Theod.*, VI, 3, De praediis senatorum.
[3] *Olympiodorus*, in Phot. biblioth., 1, p. 63.
[4] *Cod. Iust.*, XII, 1, 4.

Африканская вилла и ее владелец

Недостаток рабочей силы, остро ощущавшийся средними и мелкими посессорами, в гораздо меньшей степени ощущался в поместьях магнатов, располагавших тысячами рабов, колонов и клиентов. «Стада рабов дрожат не только перед господином, но и перед его агентами — прокуратором, надсмотрщиком, сборщиком и т. п.», — так характеризует магнатские поместья Сальвиан.

На фоне общей нищеты и разорения магнатские виллы блистали своей роскошью и комфортом, хотя в отношении архитектуры и художественного вкуса они уже во многом уступали виллам конца Республики и первых веков Империи. Магнатские виллы выглядели, как настоящие дворцы, украшенные богатыми фресками, с дверьми из слоновой кости, мозаичными полами, дорогой мебелью, обшитой заграничными тканями, и т. п.

С бытом поздней римской аристократии достаточно хорошо знакомят сочинения римских писателей-современников, в частности сочинения галльских писателей и поэтов: *Сидония Аполлинария*, *Авиэна и Авзония*, принадлежавших к галльской знати. Среди галльской знати первое место занимал писатель и поэт *Сидоний Аполлинарий*, приходившийся зятем галльского императора — М. Мецилия Авита. В честь Авита было названо одно из поместий Сидония «Авитакум» (Avitacum), о котором идет речь в последующем изложении.

«Ты хочешь знать, — спрашивает Сидоний своего друга, — что собою представляет моя вилла, куда я тебя приглашаю. Мое поместье носит название «*Авитакум*» и получено мною в качестве приданого от жены. На западной стороне у нас гора; она пускает отроги до самого луга, который раскинут перед нашей виллой; один фасад виллы обращен на север, другой — на юг. На юго-западе помещается баня; комната, где нагревают воду, равна по величине соседней комнате благовонных мазей; в последней находится ванна, в которую согретая вода втекает по трубам. Вблизи находится прохладительная ванна, крыша которой кончается конусом и имеет два окна, позволяющие видеть, с каким вкусом устроен потолок... С восточной стороны к вилле примыкает купальня. Сюда переходят из теплой бани через двери в форме свода; посреди бассейна возвышаются колонны. Снаружи вокруг купальни проложены трубы, по которым проходит вода с вершины горы; каждая из них кончается львиной пастью. Выходя оттуда, попадаешь в женскую половину, к которой прилегает съестной чулан, отделенный только перегородкой от рабочей комнаты. На востоке, с портика открывается вид на пруд, от передней начинается длинный крытый коридор без боковых стен. В конце он суживается и заключается весьма прохладной залой. По этой галлерее переходят в зимнюю половину; в ней

от слишком сильного огня верхние части каминов бывают покрыты сажей...» [1].

Другой галльский аристократ, поэт *Авиэн*, вводит нас в распорядок дня знатного хозяина виллы. «Ты меня спрашиваешь,— обращается к своему адресату Авиэн, — как я провожу время? Я тебе на это отвечу.

Утром я молюсь богам и с первым светом с толпою слуг обхожу имение и назначаю каждому работу; затем читаю и призываю Феба и Муз, до обеда натираюсь маслом и упражняюсь в палестре; с свежим духом, вдали от людской суеты, ем, пою, играю, купаюсь, а потом ужинаю; вечером же, когда небольшой светильник пожирает масло, я посвящаю эти строки ночным каменам».

В отличие от магнатов Принципата, проживающих в городах, магнаты Поздней империи большую часть времени проводили в деревне, всецело погруженные во внутренние дела своих поместий.

5. ПАТРОЦИНИИ

Рост крупных поместий в последние века Римской империи, так же как и в предшествующие столетия, совершался за счет средних и мелких собственников, тех, кого наши источники называют сельчанами (agricolae), жителями деревень (rustici, rusticani), поселянами (vicani), имеющими собственные участки (propria possidentes), и т. д. Судя по частым упоминаниям этих категорий сельского населения в источниках, можно предположить о довольно значительном числе мелких собственников в поздне-императорском Риме. В монографии *Г. Болкештейна* «Римский колонат и его происхождение» [2], специально посвященной аграрным отношениям императорского Рима, приведено достаточно примеров и соображений, свидетельствующих о наличии среднего и мелкого землевладения во все периоды римской истории, в том числе и в изучаемый период Позднего Рима.

Земельные собственники сохранились в течение всей Империи, но их положение в поздней античности, в связи с частыми войнами, поборами, эпидемиями и произволом имперской бюрократии, ухудшалось с каждым поколением. Больше всего вреда жителям деревень приносили сборщики податей и сопровождавшие их военные отряды, размещаемые по деревням. Солдаты допускали всякого рода бесчинства, брали взятки деньгами, ячменем, пшеницей, кормом для скота и т. д., отнимали земли, вырубали деревья, резали скот, насиловали женщин, «угоща-

---

[1] *Sid. Apoll.*, II, 9 (XXVIII); *Carm.*, XVIII, XIV, XXII.

[2] *H. Bolkestein*, De colonatu romano eiusque origine, Amsterodami 1916.

лись и наслаждались, далекие от опасения, что кто-нибудь проведает об их поступках...». «Покорись, — говорят, — вооруженному человеку, как бы пьян он ни был, выноси все терпеливо, закон в таких случаях не поможет»[1].

Следствием ухудшения общего положения римского государства, роста податей и повинностей и произвола чиновников были: разбойничество, принимавшее массовый характер, дезертирство к варварам, рост сектантства и, наконец, бегство под патроциний земельных магнатов, светских и духовных.

Начавшие развиваться со «смут» III в., *патроцинии* (patrocinia) в известном смысле являлись продолжением прежнего клиентства. Чаще всего под патронат шли свободные землевладельцы соседних с магнатским поместьем деревень, обложенные высоким налогом, связанные круговой порукой и сверх того страдавшие от произвола солдат и местных властей, попустительствовавших магнатам. При таком положении вещей мелкий землевладелец мог искать помощи только у своего богатого и влиятельного соседа, по сути дела отдаваясь ему в добровольное рабство.

Формально дело происходило таким образом. Отдававшийся под патроциний, отдельное лицо или целая деревня, оставался на своем участке (agellus, resecula), продолжая его обрабатывать, но уже не в качестве полного собственника, а лишь в качестве съемщика или держателя — клиента светского или духовного патрона.

Производственные отношения при этом не менялись. Держатель оставался на своем участке, продолжая его обрабатывать прежними методами. Вместе со старым участком иногда он получал из владений магната земельный прирез, который он обязывался обрабатывать собственными силами и силами своей семьи. Обязанности вступавших под патроцинии были те же, что и обязанности колонов: уплата натурального оброка, оказание всякого рода хозяйственных услуг, участие вместе со своим патроном в походах, всякого рода подарки и внимание как в отношении самого патрона, так и близких ему людей. После смерти клиента его участок переходил к патрону.

Источники не оставляют нас в неведении как о мотивах, побуждавших мелких и средних собственников становиться клиентами земельных магнатов, так и о реальной сущности этих отношений. Предоставим слово по этому вопросу современнику, церковному писателю первой половины V в. Сальвиану: «Задушенные материальной нуждой бедняки, — пишет Сальвиан, — сплошь и рядом оставляют свои огородики и домишки, чтобы спастись от притеснений, и, поставленные в безвыходное поло-

---

[1] *Liban.*, Orat., XLVII, 4, 5.

жение, отдают себя под покровительство и защиту богатых, делаются их рабами и, так сказать, предают себя их власти и суду...»

«В конце концов я не осуждаю эту меру. Я даже был бы готов похвалить богатых, в руки которых предают себя бедные, если бы они предлагали защиту бедным по человеколюбию, а не своекорыстно, и не торговали бы своим покровительством. Но то ужасно и бесчеловечно, что своим покровительством они грабят бедных и, защищая несчастных, делают их тем еще более несчастными. Всякий для приобретения защиты должен предварительно отдать своему защитнику почти все свое достояние» [1].

Из боязни усиления «могучих владык» (potentiores possessores) изыскивались всевозможные меры к прекращению или, по крайней мере, к ослаблению патроциниев, как это видно из нижеприводимых императорских декретов, под угрозой тяжелых наказаний (штрафов и конфискаций имуществ обеих сторон — патронов и клиентов) запрещающих патроцинии.

«Доводим до всеобщего сведения, — гласит например рескрипт императоров Аркадия и Гонория, данный на имя префекта Египта от 399 г., — что всякий, кто пытается предложить патроцинии земледельцам (rusticis), какого бы звания он ни был — будь то командир армии, комит, проконсул, викарий, августал, трибун или какого-либо иного звания, — подвергается штрафу в 40 фунтов золота за каждый участок земли, взятый им в патроциний (pro singulorum fundorum), если только он не откажется от этой дерзости. Итак, пусть знают все, что означенной каре подвергаются не только те, которые приняли клиентелу земледельцев (clientelam rusticorum), но и те, которые с целью уклонения от податей обманным путем убежали под патроцинии; эти последние уплачивают штраф в двойном размере» [2].

«Доводим до сведения твоей светлости, — гласит другой рескрипт тех же императоров, — что к ранее опубликованным законам прежних принцепсов о *запрещении патроциниев* мы прибавили еще более суровое наказание. Пусть будет всем известно, что всякий уличенный в предоставлении патроциниев сельчанам, имеющим собственные земли (vicanis propria possidentibus), рискует собственным имуществом; понесут наказание в виде лишения своих земель (agricolis terrarum suarum dispendio feriendis) также и земледельцы, убежавшие под патроциний» [3].

Аналогичные декреты имеются также и в Юстиниановом кодексе: «Никто не может принимать под свой патроциний сел

---

[1] *Salv.*, De gubern. Dei, V.
[2] *Cod. Theod.*, XI, 24, 4.
[3] Ibid., XI, 24, 5.

и их жителей» (ut nemo ad suum patrocinium suscipiat vicos vel rusticanos eorum),—гласит одна из статей названного кодекса [1].

К числу мер, направленных против патроциниев, надо отнести также прикрепление колонов и социальную демагогию императоров IV—V вв. В одной из конституций, например, говорится: «Двери секретариатов и ваших домов должны быть всегда открыты для бедных и обиженных людей (laesis tenuiribus), к голосу которых прислушиваются в императорском дворце». Нечестивым нарушителям «божественных» предписаний грозят суровые кары, штрафы, отсечение рук и головы [2].

Патроциниям императоры пытались противопоставить объединения мелких землевладельцев в кооперации (consortia vicanorum). Грозный тон императорских конституций, направленных против патроциниев, говорил о серьезности положения. И тем не менее, несмотря на всю строгость законов, число патроциниев не только не уменьшалось, но с каждым днем все увеличивалось. Состояние римского государства в то время было таково, что на патронат многие смотрели как на истинное благодеяние (beneficium, donatio), оказываемое патроном всякому клиенту. Находиться в «подданстве богатых» (deditios divitum esse) казалось более легким и почетным, чем быть подданным римского императора.

Наряду с отдельными мелкими земледельцами (parvi possessores) под «сень» магнатов становились целые деревни (patrocinias vicorum), как это явствует из 24 главы XI книги Феодосиева кодекса, посвященной «патроциниям сел» (De patrociniis vicorum) [3].

«Если обнаружится, что кто-либо из твоего ведомства (ex officio tuo) или кто-либо из людей иного звания принял под патронат *села* (vicos), то он смоет свою вину установленной карой. Посессоры будут надлежащим образом, пусть это даже будет против их воли, приведены к повиновению имперским законам и уважению общественного долга (muneribus publicis satisfacere cogantur). Вместе с тем да будет известно, что отдавшиеся под патронат села, возгордившиеся могуществом защиты и своим числом, пойдут навстречу общественным повинностям и подвергнутся наказанию, которое продиктует сам закон» [4].

«Должны отказаться от патроциниев под страхом наказания земледельцы (agricolae), если они таковую помощь (talia adiumenta) приобрели какими-либо дерзкими хитростями. Те же, которые щедро раздают патроцинии, коль скоро это обна-

---

[1] *Cod. Iust.*, XI, 54.
[2] *Cod. Theod.*, XVI, 6—7; *Cod. Iust.*, 1, 40, 1—4.
[3] *Cod. Theod.*, XI, 24.
[4] Ibid., XI, 24, 3.

ружится, уплачивают двадцать пять фунтов золота за каждое поместье»[1].

В то время как мелкие собственники, колоны и рабы, бежавшие под «сень» магнатов, видели в патроциниях единственное средство избавиться от тяжести налогов, повинностей и административного произвола, патроны в лице клиентов приобретали недостававшую им рабочую и военную силу, ничего им не стоившую массу работников, воинов и слуг.

Причина же бессилия императорских декретов в отношении патроциниев заключалась в состоянии самой римской государственности.

Выступая против патроциниев, императорское правительство в то же самое время вследствие своего бессилия не могло обойтись без помощи земельных магнатов. Не будучи в состоянии средствами государственного аппарата собирать налоги и пополнять армию, императоры стремились переложить эти неприятные функции на местные курии, на владельцев поместий и кондукторов государственных церковных и монастырских доменов. В силу этого помещик-патрон, ответственный за подчиненных ему людей, автоматически получал государственные права и превращался в местного владетельного государя (dominus), ответственного перед центральным правительством за состояние своего «государства», за исправное несение налогов, поставку рекрутов (tironum praebitio) и выполнение других государственных и муниципальных повинностей.

Предоставляя широкие права «могучим посессорам» в отношении «плебейского народа», их сальтусов, императорское правительство фактически отказывалось от своих верховных прав в отношении значительной части населения Римского государства. «Земельный магнат или генеральный арендатор, — говорится в одной конституции конца IV в., — должен объявлять своих рабов не в общей сумме, а по разрядам, обозначая место рождения каждого, его возраст, занятия или ремесло...». «Если же владелец пропустил одного арендатора, то он сам ответствен за налог с занятого им участка».

В случае налета врагов помещики данной местности со своими частными дружинами, навербованными из местного населения или из варваров, должны были снаряжаться в поход и на свой риск и страх отражать неприятеля. Такого рода частные дружины назывались *букцеллариями* (buccellarii), или сухарниками (от buccella — сухарь, кусок, приманка). Призванные к несению военных функций, поместья превращались в настоящие крепости-замки, окруженные оградами с башнями (turres). Автономные (fundi excepti) императорские сальтусы, маг-

---

[1] *Cod. Theod.*, XI, 24, 2.

патские поместья, патроцинии и букцеллярии свидетельствовали уже о нараставшей феодализации римского общества. Однако и патроцинии не могли спасти общество от растущего обеднения.

«Какое безумие или какая слепота, — восклицает Сальвиан, — думать, что богатства частных лиц могут сохраняться, когда государство переживает кризис» [1].

Та же мысль об общем обеднении выражена в десятой новелле императора Валентиниана, современника Сальвиана [2].

Одним из показателей ослабления государственной власти и разложения римской армии являлась передача расправы с дезертирами и разбойниками жителям той местности, где дезертиры и воры будут обнаружены, т. е., другими словами, узаконялся самосуд. «Мы предоставляем, — говорится в одном приказе Феодосия от 403 г., — провинциалам право захватывать дезертиров (opprimendorum desertorum facultatem) и в случае, если они попытаются оказывать сопротивление, приказываем производить суд на месте... Постановляем дезертиров задерживать всеми способами» [3].

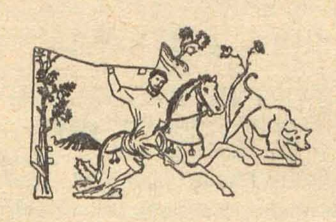
Одновременно с феодализацией, как ее органическое следствие, происходило *разложение государственного аппарата*. Законодательство мельчало и утрачивало свой внутренний авторитет, заменяя правовые нормы повышенными карами и угрозами. Утрачивая почву под ногами, императорское правительство издавало массу противоречивых законов, заменяя одну меру другой. Законы издавались по случайным мелким поводам, без соблюдения каких-либо принципов, столь же часто отменялись, как часто и издавались. Формулировка законов отличалась крайним несовершенством, расплывчатостью и витиеватостью. Все это свидетельствовало о вырождении государственной власти и глубоком культурном кризисе. Зарождавшееся в недрах рабовладельческого Рима феодальное общество на первых порах не нуждалось в такой сложной политической надстройке, каковой была Римская империя, и потому всеми силами старалось от нее освободиться. История последних столетий Римской империи есть история высвобождения феодальных элементов, выражавшаяся в борьбе централистических (рабовладельческих) и децентралистических (феодальных) тенденций. В конце концов центробежные тенденции получили перевес, и феодализм восторжествовал, но только не мирным, а революционным путем. Римская государственность была еще достаточно сильна, чтобы не распасться сама собой; необходим был революционный взрыв.

---

[1] *Salv.*, De gubern. Dei, I, 11.
[2] *Nov. Valent.*, 10.
[3] *Cod. Theod.*, VII, 18, 13, 14.

«Чем больше разлагалась империя, тем выше становились налоги и повинности, тем бесстыднее грабили и выжимали чиновники... Существовавшая раньше и еще сохранившаяся торговля погибла из-за вымогательства чиновников... Всеобщее обеднение, ухудшение путей сообщения и сношений, упадок ремесла, искусства, уменьшение населения, упадок городов, возвращение земледелия на низшую ступень — таков был конечный результат римского мирового господства» [1].

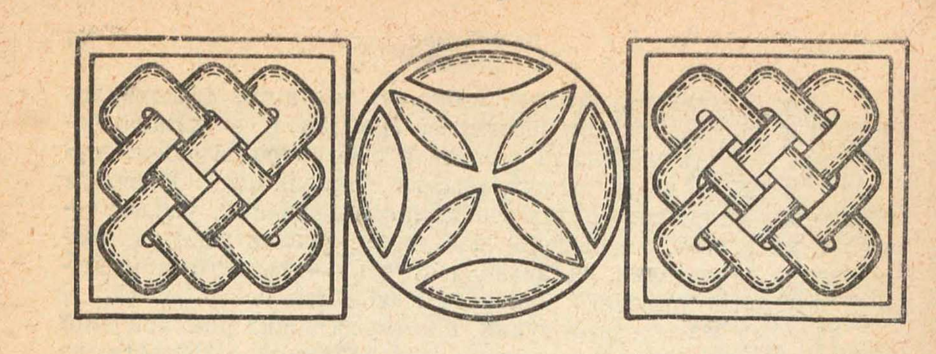
«То был безвыходный тупик, в который попал римский мир: рабство сделалось экономически невозможным... Вывести из этого положения могла только полная революция» [2].

---

[1] *Энгельс*, Происхождение семьи, частной собственности и государства, М. 1932, стр. 150.

[2] Там же, стр. 151—152.

Глава XXVI

ЦЕРКОВЬ И ГОСУДАРСТВО

1. РЕЛИГИОЗНАЯ ПОЛИТИКА ДИОКЛЕТИАНА И КОНСТАНТИНА

Последней опорой разлагавшейся римской государственности была *христианская церковь*. Но прежде чем христианская церковь соединилась с государством и стала его опорой, прошли многие годы напряженной борьбы церкви и государства, вконец потрясшие государственный организм. В лице церкви государственная власть наталкивалась на очень серьезного соперника. Влияние христианской церкви особенно усилилось в период кризиса III в. Кризис императорской власти способствовал росту церковного авторитета, а социально-психологическая атмосфера III в. как нельзя более благоприятствовала распространению христианской идеологии. Параллельно с идеологическим влиянием возрастала и экономическая сила церкви. Церковное имущество составлялось из взносов членов христианских общин, дарений и завещаний богатых и бедных членов церкви. В то время как императорская власть, абсолютистская по форме, внутренне слабела и разлагалась, церковь крепла и утверждалась, превращаясь в самостоятельное государство в государстве, с собственным хозяйством, административным аппаратом, массой слуг и клиентов и с собственной, претендовавшей на абсолютную значимость, идеологией.

Столкновение церкви с государством надо рассматривать как борьбу двух однородных, взаимно конкурирующих учреждений. «Ненависть христианства к империи, — говорит Э. Ренан, — была ненавистью людей, которым суждено было когда-нибудь полюбить друг друга» [1].

[1] *Ренан*, Рим и христианство, стр. 213.

Относительно мирное сожительство церкви и государства, существовавшее во II в., в III в., при императорах паннонской и иллирийской династий (Деций, Валериан и Диоклетиан), перешло в открытую вражду. Христианская церковь была объявлена антигосударственным учреждением, а христианство — враждебной культуре религией. Наибольшей жестокостью преследования или гонения христиан отличались при Диоклетиане, абсолютизм которого не мирился с неменьшим абсолютизмом епископальной церкви. Выступая против церкви и епископской власти, Диоклетиан полагал, что он выступает в защиту старинных учреждений, нравов и верований. «Великое преступление желать уничтожить то, что заведено и установлено древностью и что сохраняет с тех пор свой правильный ход и занимает исконное положение», — писал Диоклетиан в одном из своих антицерковных законов.

Собственно говоря, преследования Диоклетиана были направлены не столько против самой христианской веры, как таковой, сколько против христианских проповедников, пророков и епископов, возбуждавших умы подданных римского императора. «Все пророки и проповедники, воображающие, что они исполнены волей бога, должны быть изгнаны из города, дабы они не совращали, пользуясь легковерием людей, общественные нравы всякого рода надеждами на будущее и не возбуждали умы народа. На первый раз надо наказывать палками и изгонять из города. В случае же упорства их надлежит заключать в тюрьмы, ссылать на острова или же подвергать какому-либо иному наказанию. Всякий, кто основывает новые секты или проповедует неизвестные до сих пор религии, возбуждающие умы людей, подвергается изгнанию, если он принадлежит к высшим классам, и подлежит смертной казни, если он принадлежит к низшему сословию» [1].

Поводом к преследованию христиан при Диоклетиане послужил *пожар императорского дворца* в Никомедии, виновниками которого считали христиан. Инициатива преследования шла от жречества, ненавидевшего христиан как своих профессиональных соперников. Жречество находило поддержку среди части римского населения, в особенности среди аристократии, интеллигенции и у самого императора. Суеверный Диоклетиан приписывал все свои неудачи в государственных делах и личной жизни влиянию христианских демонов (богов) и в особенности главного из них — Христа.

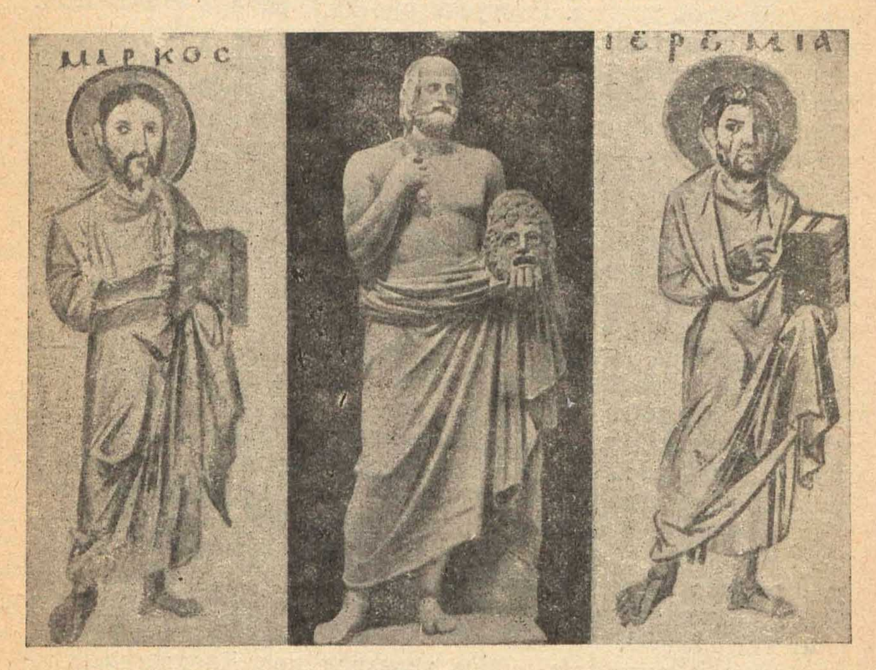
Преследования, открывшиеся 23 февраля 303 г., в день *бога Термина* (Terminus), бога границ и пределов, должны были по-

---

[1] Mosaicorum et romanorum legum collatio, XV, 3, 1. *A. Piganiol*, L'empereur Constantin, Paris 1932, 39.

ложить предел распространению христианства. Но столкновение государства с церковью скончилось неудачей для государства. Больше того, преследования дали противоположные результаты — породили христианских «мучеников», поднявших христианскую веру и церковь не только в глазах самих христиан, но даже и язычников.

Причина неудачи религиозной политики Диоклетиана заключалась, как уже не один раз отмечалось, прежде всего во

Марк *Еврипид* *Иеремия*

Изображения христианских святых, копирующие языческие образцы

внутреннем бессилии римского государства. Самодержавная политика Диоклетиана с ее непомерными налогами, повинностями и крепостническими тенденциями делала императорскую власть непопулярной среди населения, даже среди чиновников, лишь под угрозой штрафов и наказаний выполнявших императорские рескрипты. Идеологическая же опора Империи — старая религия — находилась в состоянии полного разложения. Вера в старых богов была подорвана, а жречество, разбивавшееся на много культов, группировавшихся около храмов, уже давно утратило свое влияние и было слабо организовано. Общей организации

типа христианской церкви у римских жрецов не существовало. Каждый храм представлял самостоятельную единицу, жившую собственной жизнью. Императоры не один раз пытались оживить старый культ, но императорскими декретами и философскими рассуждениями нельзя было ни создать новую религию, ни воскресить старую. Общественная психология требовала новых идеологических форм.

Все большее распространение получали восточные культы с их мистикой, экстазом и обрядовыми таинствами. Церковь в большей степени, чем государство, соответствовала вкусам и потребностям деградировавшего общества. Многие предрассудки и суеверия, входившие в старые греко-римские культы, были восприняты христианской церковью и в несколько измененном виде вошли в христианский ритуал. С другой стороны, и сами языческие культы и религиозные представления изменялись под влиянием христианства. Отчетливее всего *синкретизм* языческой и христианской религий можно доказать на «христианизации» культа бога Митры. Самым же главным преимуществом церкви являлась епископская организация, к IV в. превратившаяся уже в международную организацию.

Официальным признанием поражения государства и победы церкви являлся *Миланский эдикт*, изданный Константином и его соправителем Лицинием[1]. Миланский эдикт 313 г. провозглашал веротерпимость и признавал за христианской религией и церковью равноправие с государственными языческими культами. Признание же равноправия вследствие преимущества церковной организации почти равнялось признанию христианства господствующей религией Римской империи. Текст Миланского эдикта сохранился в двух редакциях — в сочинении Лактанция «О смерти гонителей» и в «Истории церкви» Евсевия.

«Мы, Константин и Лициний, августы, собравшись в Милане для обсуждения всех дел, касающихся благосостояния и безопасности государства, решили, что среди занимающих нас предметов ничто не могло быть так полезно нашим народам, как установление, прежде всего, способа служения божеству. Мы постановили даровать христианам и всем другим права свободного исповедания той веры, которую они предпочитают. Нам кажется, что будет хорошо и благоразумно не отказывать никому из наших подданных, — будь то христианин или принадлежит он другому культу, — в праве следовать религии, которая ему более подходит. Таким образом, верховное божество, которому отныне каждый из нас может свободно поклоняться, ниспошлет нам свою милость и обычное благоволение»[2].

---

[1] *J. Wittig.*, Das Toleranzreskript von Mailand, 1913.

[2] *Lact.*, De mort. persec., XLVIII.

Внутренним психологическим мотивом к обнародованию Миланского эдикта послужили суеверие и страх Константина перед всем сверхъестественным и в особенности перед «христианскими демонами». «Так скорее всего можно достичь, чтобы божество, находящееся на небе, было благосклонно к государю и его подданным. Божество, пребывающее на небесах, засвидетельствует свое удовлетворение, свое расположение к нам и всем народам, живущим под нами и нашей державой» [1].

Префектам провинций предписывалось вернуть христианам их владения, имущество, кладбища и помещения, в которых они совершали свои богослужения. В благодарность за свое расположение к христианам императоры надеялись получить вознаграждение от христианского бога и сокровища языческих храмов. Признание новой веры давало идеологическое оправдание крупной финансовой операции, произведенной Константином. Падавший курс денег был обеспечен храмовыми ценностями, поднявшими курс солида [2].

В лице христианской церкви государство получало сильную организацию, располагавшую целым штатом дисциплинированных чиновников — митрополитов, епископов, пресвитеров и диаконов. Кроме того, таким властным натурам, как Константин, церковь импонировала своей монархической организацией, преклонением перед авторитетом, традицией, учением о божественном происхождении власти и отрицательным отношением к республиканским учреждениям.

Церковь же, со своей стороны, помимо всякого рода наград и привилегий, получала в свое распоряжение государственную силу и авторитет императора, необходимый для создания внутрицерковного единства, и военную силу для охраны от «врагов веры христовой» и чужеземных религий. После победы над Лицинием Константин издал ряд постановлений в интересах государственной церкви. Сюда относится запрещение муниципиям принуждать христиан совершать приношения языческим богам, налагать на клириков муниципальные обязанности, разрешение производить отпуск рабов при посредстве церкви и в пользу церкви, введение обязательного воскресного отдыха, освобождение клириков от обязанностей общегражданской подсудности и много других привилегий и наград. «Каждому, — говорится в обращении императора Константина к народу, — позволено, умирая, завещать святой католической православной общине (sanctissimo catholicae venerabilique concilio) свое имущество, которое он пожелает, и это его решение не может

---

[1] *Lact.*, De mort. persecut., XLVIII.
[2] *Herod.* VI, 3; *Panegyrici latini*, XII, 4, 4.

быть оспариваемо»[1]. Символом христианской империи сделался крест, изображавшийся на знаменах (labarum) и монетах.

С Константина начинается «*христианский период*» Римской империи, продолжавшийся до самого ее конца, причем с каждым веком теократия приобретала все большее влияние на весь строй социально-экономической, политической и идеологической жизни. Число христиан после объявления христианской церкви государственной церковью, согласно А. Гарнаку, увеличилось по крайней мере в два раза[2]. Первостепенное значение в церкви отныне приобретали организационные и догматические вопросы, волновавшие христианские общины. За разрешение этих вопросов, имевших не только церковное, но и общегосударственное значение, теперь взялось государство. В 325 г. Константин созвал в городе Никее первый общеимперский (вселенский) *церковный собор*[3]. На собор были приглашены представители всех провинций — епископы и пресвитеры. Ближайшим поводом к созыву вселенского собора послужила *ересь Ария* (Arius), диакона и затем пресвитера египетской епархии. Острым вопросом христианской догматики в то время был вопрос о внутренней природе второго лица божества, бога-сына (Христа), и о его двойственной природе — одновременно бога и человека. Арий признавал только сходство (homoiusios) и отрицал тожество (homousios) бога-сына и бога-отца, как учили ортодоксы (Афанасий).

Константин поддерживал ортодоксов, усматривая в учении Ария опасную идею об умалении авторитета не только бога-сына, но и вообще всякого авторитета, как небесного, так и земного. Во избежание повторения подобных споров на соборе был выработан *канон веры*, известный под названием «никейского символа веры» (symbolum Nicaeanum).

Формально ортодоксия на Никейском соборе одержала победу. Однако провозглашение никейского символа не только не потушило, но еще более разожгло внутрицерковные споры, число ересей все увеличивалось. Наряду с арианами много хлопот ортодоксам и их главе Константину доставили донатисты в провинции Африке, о которых рассказывается ниже.

Догматические споры не ограничивались узким кругом церковников, но захватывали широкие слои городского и сельского населения. Церкви и храмы, в которых происходили богословские споры, не вмещали всех желающих принять участие или присутствовать при этих спорах. Разношерстная толпа ремесленников, торговцев, студентов, рабов, лиц интеллигентских

---

[1] *Cod. Iust.*, I, 2, 1.
[2] *A. Harnack*, Die Mission und Ausbreitung des Christentums, II. 1924, S. 618.
[3] *P. Batiffol*, Les sources de l'histoire du concile de Nicée, 1925.

профессий с жадностью ловила каждое слово, шумно выражая свой восторг или неудовольствие.

На соборах происходили не только ожесточенные словесные турниры, но сплошь и рядом дело доходило до оскорблений противников и даже до рукопашных схваток. Народные массы с разрешением религиозных вопросов связывали разрешение социальных вопросов, борьба за то или другое учение отображала столкновение своеобразно преломлявшихся классовых интересов. «Догматы... стали государственными вопросами» [1]. «Если... классовая борьба носила тогда религиозный отпечаток, если интересы, потребности и требования отдельных классов скрывались под религиозной оболочкой, то это нисколько не меняет дела и легко объясняется условиями времени» (Энгельс) [2].

2. АНТИХРИСТИАНСКАЯ РЕАКЦИЯ ЮЛИАНА

В половине IV в. против ортодоксальной церкви поднялась сильная реакция, возглавляемая императором *Юлианом* (Julianus, 361—363 гг.), прозванным церковниками Апостатом (Apostata — отступник) [3]. Юлиановское движение поддерживали самые разнородные группы. Во главе движения стояла языческая интеллигенция: жрецы, философы и педагоги, особенно остро чувствовавшие торжество христианства. Старые храмы и школы риторов и софистов служили единственными очагами, где еще осмеливались критиковать новую религию или, по крайней мере, находить положительные черты в старой вере, старой науке и старом искусстве. Языческая интеллигенция дольше всего сохраняла античную культуру. Из ее среды выходили и главные критики христианства — Лукиан, Цельс, Юлиан, Либа-

Юлиан Отступник

[1] *Маркс*, Статьи в «Рейнской газете», *Маркс* и *Энгельс*, Собр. соч., т. I, 1928 г., стр. 206.
[2] *Энгельс*, Крестьянская война в Германии, М., Соцэкгиз, 1931 г., стр. 32.
[3] *C. Jullian*, Histoire de la Gaule, t. VII, ch. V, 1926; *C. Negri*, L'imperatore Giuliano l'Apostata, Milano 1902.

ний и др.[1]. К ним примыкали высшие сенаторские круги, ремесленники, в особенности работавшие на языческие храмы, арендаторы храмовых земель и др. Ближайшими советниками Юлиана были известные римские писатели *Либаний* и *Фемистий*, доказывавшие, что христианство несовместимо ни с эллинизмом, ни вообще с какой-либо культурностью. Сам восставший против христианства Юлиан не был чужд религиозно-мистическим настроениям, переплетавшимся в его сознании с учениями Платона и Пифагора.

Высшим источником познания Юлиан считал мистическую интуицию и экстаз, соприкасаясь в этом пункте с восточными религиозными учениями и восточными культами, в особенности с культом солнечного бога Митры и неоплатонизмом. Неоплатонизм, последняя философская система античного мира, насквозь пропитанная мистическими настроениями, был особенно близок римской языческой интеллигенции Поздней империи. «Клянусь тебе, — писал Юлиан неоплатонику Приску, — твое учение для меня источник всех благ, и ты мой спаситель. Я радуюсь, что могу быть вам полезным».

Партия Юлиана не ограничивалась одними теоретическими дискуссиями на тему о неоригинальности и теоретической несостоятельности христианства. Юлиан стремился организовать языческую церковь и противопоставить ее христианской. Практически это выразилось в реставрации храмов греко-римских богов, частью разрушенных, частью превращенных в христианские церкви. При храмах производились раздачи, и была организована помощь бедным и больным. Сам Юлиан занимал пост верховного жреца, с большой педантичностью выполняя все предписания культа и совершая жертвоприношения.

Под влиянием страстной агитации, поднятой юлиановцами против церкви и христианской религии, в декабре 361 г. в Александрии произошел настоящий *христианский погром*. Христианские храмы были разграблены, «мощи святых» выброшены, во время погрома убит арианский епископ Георгий. На это христиане, со своей стороны, ответили разгромом языческих святынь в Антиохии. В отместку Юлиану, выбросившему из рощи Дафн «святые мощи», христиане сожгли замечательный храм Аполлона.

В надежде разжечь среди христиан внутреннюю вражду, Юлиан издал *декрет об амнистии христиан всех толков*. В следующем, 362 году последовал эдикт о запрещении христианам преподавания философии, грамматики и риторики. На этом, собственно, и остановилось поднятое Юлианом антихристианское движение.

---

[1] Отрывки из сочинений противников христианства собраны в хрестоматии *А. Рановича* «Античные критики христианства», М. 1935 г.

После смерти «романтика» Юлиана, в 363 г., движение остановилось, так как оно не имело глубоких социальных исторических корней и в конце концов было прежде всего интеллигентским движением, к которому примкнули некоторые группы, прямо или косвенно материально заинтересованные в сохранении культа старых богов.

За юлиановским движением последовала *ортодоксальная реакция*, направленная против «тирании дьявола». Реставрированные при Юлиане храмы снова были захвачены христианами и превращены в церкви. Из материалов языческих храмов построены многие здания в Константинополе.

«Священные имущества храмов, — пишет современник-наблюдатель, — были конфискованы; статуи богов и героев были с грубою фамильярностью перевезены к такому народу, который смотрел на них не как на предмет поклонения, а как на предмет любопытства; золото и серебро были пущены в обращение, а должностные лица, епископы и евнухи, воспользовались удобным случаем, чтобы удовлетворить и свое религиозное рвение, и свое корыстолюбие, и свою злобу... Провинции уже задолго перед тем привыкли выносить такие же святотатственные грабежи даже со стороны таких государей и проконсулов, которых нельзя было заподозрить в намерении ниспровергнуть установленную религию».

Разногласия и столкновения между государством и церковью не прекратились и после Юлиана. Полного согласия между государством и церковью на римской почве никогда не создалось. Из императоров второй половины IV в. наибольшей ревностью в отношении церкви отличались *Грациан* (375 — 383 гг.), воспитанный духовенством, и его соправитель *Феодосий I*. Названные императоры запретили языческие и еретические культы как антигосударственные, предоставив государственные права только христианам, и притом православным (ортодоксам).

В 381 г., по предложению императора, в Константинополе был созван *Второй вселенский собор*, подтвердивший никейский символ и осудивший арианство и другие ереси. В том же году Грациан созвал собор в *Аквилее*, который в свою очередь подтвердил никейский символ, осудил еретиков и лишил языческие храмы и их служителей привилегий и государственных субсидий.

«Приверженцев Аполлинария, как и всех иных еретиков, приказываем устранить со всех мест, устранить от стен города, собраний почетных граждан, от сообщения с алтарями. Поставленные еретиками клирики не имеют прав... [1]. Пусть не предо-

---

[1] *Cod. Theod.*, XVI, 5, 14, 15.

ставляется никакого места для еретических мистерий, никакой возможности для проявления безумия упрямого духа» (Nullus haereticis mysteriorum locus, nulla ad exercendam animi obstinatoris dementiam pateat occasio) [1].

Символ старого Рима, статуя Победы (Victoria), по приказу императора была вынесена из сената, несмотря на протест сенаторов-язычников во главе с историком Флавианом и писателем Аврелием Симмахом. С 381 г. начинается уже история христианской государственной церкви.

Из последующих постановлений, направленных против язычников и еретиков, следует отметить эдикт Феодосия II и Валентиниана III 428 г., подтверждавший постановления своих предшественников в отношении ересей и расширивший права католической церкви [2].

Наконец Валентиниан III декретом от 451 г. подвел итоги законодательской деятельности римских императоров в отношении христианской церкви.

«Постановляем, — гласил названный рескрипт, — чтобы все привилегии (privilegia), утвержденные общими распоряжениями прежних принцепсов в отношении всех святых церквей ортодоксальной веры (sacrosanctis ecclesiis orthodoxae religionis), оставались твердыми и неприкосновенными на вечные времена».

«Одновременно с этим предписываем, чтобы все распоряжения (pragmaticae sanctiones) прежних принцепсов, изданные против церковных постановлений (contra canones ecclesiasticos)..., считались бы потерявшими свою силу и подлежащими уничтожению» [3].

Одновременно с этим происходило внутреннее *перерождение* как церкви, так и христианства. Чем больше вливалось язычников в ряды христианской церкви, тем больше само христианство воспринимало языческих элементов — догматических правил, обрядов, символов, культов и пр. Языческие храмы обращались в христианские церкви и монастыри, а языческие божества и герои превращались в героев-мучеников и святых, матерь богов Кибела — в деву Марию, и т. д. Языческие праздники становились христианскими праздниками. Христианское рождество заменило языческий праздник зимнего солнцеворота, сретение — праздник луперкалий, пасха заимствована из иудейского культа, христианское воскресенье заменило иудейскую субботу и т. д.

В V в. христианская церковь, распадавшаяся подобно Империи на две половины— западную и восточную, представляла крупную материальную силу.

---

[1] *Cod. Theod.*, XIV, 5, 6.
[2] Ibib., XVI, 5, 65.
[3] *Cod. Iust.*, I, 2, 12.

Экономическую основу церкви составляли церковные поместья (massae, fundi, saltus). С их организацией нас знакомят «письма» папы Григория Великого, относящиеся к началу VI в. [1].

Из «писем» Григория узнаем, что церковные владения, земли церквей и монастырей, занимали значительную часть пространства в западной половине Империи. Свидетельства Григория подтверждаются данными современной археологии и этнографии. К числу археологических и этнографических памятников относятся межевые камни монастырских владений, находимые в Италии, Африке, Галлии, Далмации, в Альпах и в Сицилии, Сардинии и пр. Церковные земли делились на *округа* (condumae), по нескольку округов в каждой провинции. В Сицилии, например, было 400 округов. Во главе *кондумы* стоял арендатор (conductor), отвечавший за исправность поступления оброков и выполнение повинностей. Кондукторы церковных поместий в отличие от кондукторов императорских поместий принадлежали большей частью к низшим классам. Это были мелкие арендаторы, близкие к колонам, имевшие больше обязанностей, чем прав. Бóльшая часть церковных земель, как показал Моммзен, обрабатывалась собственными силами церкви или монастыря, меньшая же часть отдавалась в аренду.

Положение колонов на церковных землях определялось *уставáми*, а в Западной империи — *папскими декретами* (письмами). Из писем Григория I видно, что принцип «приписки» распространялся также и на церковные земли. «Колоны, прикрепленные к земле долголетнею ее обработкою, должны оставаться всегда на своих участках, точно вносить оброки и подчиняться всем обязанностям колонов частновладельческих земель», — гласит статья Феодосиева кодекса [2].

3. СЕКТАНТСТВО И МОНАШЕСТВО

Омирщение ортодоксальной церкви, бросавшееся в глаза расхождение теории и практики и ее сближение с язычеством возбуждали глубокое недовольство среди идейных христиан, отворачивавшихся от церкви и искавших спасения в *сектах* и в отшельнических кельях монастырей. «Христианская церковь, — негодует священник Сальвиан, — гнездо всех пороков, сборище блудников и прелюбодеев, разбойников и убийц».

В последние века Империи существовало великое множество самых разнообразных христианских сект — ариан, донатистов, несториан, евноминиан, македониан, милетиан, пелагиан

---

[1] *Th. Mommsen*, Gesammelte Schriften, IV, S. 177; *E.Beaudouin*, Les grands domaines, 1897—1898, p. 202.

[2] *Cod. Theod*, V, 18, I.

и т. д.[1] Многие из них только по названию были христианскими, по содержанию же своего учения они имели мало общего с христианством. Некоторые секты не налагали на своих последователей никаких обязанностей, другие же, наоборот, требовали от своих членов тяжелых физических и нравственных испытаний. Так, например, в Месопотамии была секта, члены которой питались исключительно травой и кореньями; другие старались отвыкнуть от сна (акиметы); третьи в борьбе с постоянно преследовавшим их дьяволом доходили до исступленной экзальтации. Среди сектантов очень распространено было учение о скором наступлении конца мира, о страшном суде, о тщете богатства, презрении к труду, половой свободе и т. п.

Сходясь на отрицательном отношении к церкви и епископству, сами сектанты находились в резко враждебных отношениях друг к другу.

«Ни один зверь, — пишет Аммиан Марцеллин, — не злобен в такой степени человеку, как христианские сектанты друг к другу» [2].

Того же мнения был еще сатирик Лукиан, повествующий «о возах поношений», которые сектанты и отцы церкви взваливают на своих противников.

На поверхности спор шел о чисто формальных богословских вещах — о природе святого духа, о двух естествах сына божия, о троичности ипостаси и т. д.,— но за богословско-схоластическими спорами всегда стояли те или иные мирские интересы, разделявшие противников.

Рост сектантства и еретичества был одной из причин, побудивших христианскую церковь заключить *конкордат с государством*. На вражде к еретичеству как революционному началу в одинаковой мере сходились обе власти, церковная и светская. Отношение епископальной церкви к еретикам было формулировано еще в III в... Еретиком считался всякий, кто не признавал церковной догмы, выработанной синодом епископов и митрополитов. «Еретиками, — говорится в трактате Киприана «*О единстве церкви*» (De unitate ecclesiae), — называются все, не признающие ортодоксальную (католическую) церковь. Ереси и секты несут страшную опасность: они рассекают церковь, разрушают веру, нарушают мир и оскверняют таинство».

Не менее отрицательно к сектантству и еретичеству относилась также и светская власть, боявшаяся какой бы то ни было самостоятельности мысли и критики существующего строя. По вопросу о борьбе с сектантством, в особенности с революционным сектантством, между церковью и государством, одинаково

---

[1] *Cod. Iust.*, I, 5, 5.
[2] *Amm. Marcell.*, XXII, 5.

защищавшими интересы общественных верхов, расхождения не было.

Закон строжайшим образом запрещал всякого рода молитвенные собрания еретиков, места же собраний — будь то общественные или частные здания — подлежали конфискации, а власти, допустившие такого рода собрания, подвергались выговорам и штрафам.

«Да будет известно всем еретикам, — гласит конституция Аркадия—Гонория от 396 г.,—что подлежат конфискации все места их собраний — будь то церкви, капеллы или же частные дома, приспособленные для неразрешенных собраний. Эти последние отходят к католической церкви» [1].

Через несколько лет последовал новый декрет тех же императоров, грозивший строгими карами манихеянам и донатистам. «Манихеян и донатистов преследуем с справедливейшей суровостью» (Manichaeos... vel Donatistas meritissima severitate persequimur) [2].

Спасаясь от преследований властей и не находя приложения своих сил и способностей в мире, сектанты массами уходили в пустыни и основывали там свои поселения (скиты и монастыри), превращаясь в монахов-анахоретов (отшельников). Отшельничество возникает в Египте и распространяется потом по всей Восточной империи.

«Число анахоретов с каждым днем все возрастает, города пустеют, а пустыни становятся многолюдными». В одном только Константинополе и его окрестностях насчитывалось 70 мужских монастырей.

Из небольших «колоний отшельников» *монастыри* превращались в крупные социально-экономические тела, аналогичные императорским и магнатским сальтусам. Каждый монастырь имел свой устав, своих колонов и рабов, свои мастерские, свой транспорт и пр.

Главой монастыря считался настоятель (игумен) монастыря, окруженный особым штатом.

В начале монастыри и монахи были враждебны ортодоксальной церкви, но в дальнейшем между ними произошло сближение; монастыри и монахи превратились в послушное орудие церкви и папы. Во всех церковных и религиозных спорах монахи принимали живейшее участие, отличаясь бешеным фанатизмом в отношении своих противников — как язычников, так и христиан-еретиков.

---

[1] *Cod. Iust.*, I, 5, 3.
[2] Ibid., I, 5, 4.

4. ДВИЖЕНИЕ ДОНАТИСТОВ

Социальные контрасты в римском обществе последних веков достигли высшей точки. Наряду с небольшой группой богачей — членов императорской фамилии, придворных, светских и церковных аристократов и бюрократов, пользовавшихся всеми благами жизни и утопавших в роскоши, — масса населения, переобремененная работой и бесправная, не имела даже самого необходимого. Вследствие постоянных войн, эпидемий, дороговизны жизни, тяжелых налогов и повинностей население Римской империи беднело, снималось с мест и вымирало. Особенно печальную картину в то время представляли римская деревня и мелкие города. Деревни и мелкие города пустели, между тем как крупные города разбухали от приливавшего в них со всех сторон населения. Однако несладкой была жизнь и в больших городах. Низшие и средние слои города страдали от недостатка средств, отвратительных жилищных условий, налогов, спекуляции, ростовщических процентов и от общего расстройства экономической и политической жизни. Все эти явления, конечно, имели место и в предшествующий период, но они никогда не достигали таких размеров, как в поздней античности. Подавленные нуждой люди уходили в разбой, продавали себя в рабство или кончали самоубийством.

В одном из сочинений миланского епископа *Амвросия* описана тяжелая душевная борьба отца, который лишь продажей одного из своих сыновей может спасти себя и других детей.

«Что мне делать? Никого не продавать? Но если я сохраню одного, мне придется видеть гибель всех от голода. Если я продам одного, какими глазами я буду глядеть на остальных? Ведь мой позор создаст у них подозрение, что я и их продам. С каким стыдом вернусь я домой?»

В другом месте тот же самый писатель говорит о «*толпах нищих и бродяг*», переполняющих улицы города Милана.

Формы классовой борьбы в христианский период Империи оставались прежними: бегство, восстание рабов и колонов, военные бунты, разбойничьи налеты и т. п., но только с одной отличительной чертой — *религиозной окраской*. На всех социальных движениях, как и вообще на всей жизни Поздней империи, лежит религиозный отпечаток.

Из революционных движений IV—V вв. больше всего данных имеется о *движении донатистов* в Африке, совпавшем с новой волной *движения багаудов* в Галлии и Испании. Социально-экономические порядки Африки более всего напоминали галльские порядки. Подобно Галлии, Африка была классической страной крупного землевладения — латифундий — и рано сложившегося колоната. Земельная собственность в Африке находилась

в руках небольшого числа римских магнатов, императоров и туземной (берберийской) аристократии, довольно сильно романизованной. На африканских плантациях и полях работали рабы, римские колоны, германские поселенцы и туземное население — берберы. Одинаковость социально-экономических условий сливала все названные категории в одну массу эксплоатируемых, объединенных одними и теми же классовыми интересами.

Волна революционных движений в Африке начинается с конца III в. На почве преследования христиан во время гонения Диоклетиана и отношения к преследователям, «слугам сатаны», возгорелись споры среди самих христиан. Единая церковь распалась на несколько церквей, каждая из которых считала себя хранительницей «истинной веры» и завещанных апостолами традиций. Официальной (католической, ортодоксальной) церковью считалась римская церковь, возглавляемая римским папой. Против римской церкви поднялись провинциальные церкви, среди них африканская церковь, возглавляемая епископом *Донатом* (Donatus), по имени которого называется и все движение.

На поверхности это была борьба за церковные догмы, в особенности за так называемое второе крещение, по сути же дела боролись за материальные блага — за земли, за доходы, за прихожан и т. д. Донатизм поддерживала большая часть туземных африканских элементов, желавших освободиться от римского засилия и влияния. К этому присоединялись еще другие, уравнительные тенденции, характерные для всех вообще социальных движений античного мира. Донатистское движение протекало под лозунгом «бедной церкви». Упрек в богатстве был главным и наиболее веским аргументом донатистов по отношению к их противникам — католикам-ортодоксам.

«Вы, — говорили донатисты, — потеряли свои души, гоняясь за богатствами. Мы же, нищие духом, не имея ничего, имеем все. Вы обременяете свои души пороками, мы же добровольно отдаем свои тела на смерть и сохраняем свои души... Вы участники чужих грехов и потому достойны смерти... Вы убийцы, развратники, лжецы, сластолюбцы. Нам принадлежат евангельские блаженства, а вам — «горе книжникам и фарисеям»... Мы облеклись во Христа, а вы — в Иуду предателя» [1].

Борьба между католиками и донатистами все расширялась и углублялась, между тем как римское правительство в лице императора Константина не принимало никаких мер против донатистов. Не чувствуя себя достаточно прочно и не будучи уверен в силе самой государственной (католической) церкви,

[1] *August.*, Contra litt. Petilian., II, 9.

Константин предпочитал политику выжидания и компромисса, прилагая все усилия к тому, чтобы помирить враждующие стороны, в одинаковой степени использовать их в государственных интересах.

В самом донатизме имелось несколько течений, отражавших настроение различных социальных групп африканского общества. Наиболее радикальное левое крыло составляли *циркумцеллионы* (circumcelliones), или агонистики (agonistici), т. е. борцы за истинную веру.

В связи с общеимперским кризисом налоговой политикой Диоклетиана — Константина и усилением крепостнических тенденций положение низших слоев все более ухудшалось. Источники по истории поздне-римской Африки не оставляют никакого сомнения в отношении положения низших классов Африки. Этим объясняется многочисленность агонистиков, их стойкость и продолжительность борьбы, тянувшейся более 200 лет.

К агонистикам примыкали все угнетенные элементы без различия их юридического положения, национальности и языка: рабы, колоны, ремесленники, неоплатные должники, преследуемые законом, как мужчины, так и женщины.

Сведения об агонистиках, как и вообще об истории донатизма, мы черпаем почти исключительно из ортодоксальной полемической литературы, главным образом католических епископов IV—V вв. Оптата и Августина, что, конечно, не могло не отразиться на оценке движения и подборе материала. В изображении названных писателей агонистики представляют своеобразную организацию пилигримов, не имеющих определенного местожительства и переходящих из одного места в другое (solent enim ire hac illac nusquam habentes sedis) [1].

«Эти люди по-гречески называются котопиками (cotopices), а по-латыни мы их называем циркумцеллионы. Они ходят по провинциям и не позволяют находиться с братьями в одном месте, жить общим советом и общей жизнью, чтобы жить одной душой, по апостольскому обычаю. Но как мы сказали, они бродят по разным странам» (circumeunt provincias, quia non sinunt se uno in loco cum fratribus uno esse consilio et unam vitam habere communem) [2].

Далее отмечается, что агонистики собираются на могилах святых (sanctorum sepulchra pervidere) и совершают там всевозможные оргии (stuprorum scelera prodiderunt) [3].

---

[1] *August.*, Enarr. in Psalm., 132, 3.

[2] *Sanct. Beat.*, In apocalyps. comment., ed. H. Florez, Madrid 1770, p. 26.

[3] Ibid.; *August.*, Contra Gaud., I, 36, 46.

Массами переходившие из одного места в другое (greges vagorum et vagarum)[1], агонистики проявляли полное равнодушие к жизни. Они не только не дорожили жизнью, но даже искали случая погибнуть смертью мучеников, что, как мы видели, вполне соответствовало настроению всего римского общества Поздней империи. Жизнь становилась тяжелой, монотонной, пустой и безрадостной.

«Всеобщему бесправию и утере надежды на возможность лучших порядков соответствовала всеобщая апатия и деморализация»[2].

Эпидемия убийств, с самого начала оправдываемых донатистами, еще более возросла с конца IV в., после поражений, понесенных агонистиками. Искавшие смерти и мученичества, циркумцеллионы являлись на языческие праздники (festa paganorum), вызывали язычников на ссору и погибали от их оружия, подобно диким зверям в амфитеатре[3].

В отношении к магнатам и кредиторам, своим непосредственным эксплоататорам, агонистики, как и багауды, были беспощадны. Попадавшие в руки агонистиков имения подвергались разгрому и сжигались, а их владельцы, не успевшие спастись, погибали. Августин характеризует движение агонистиков как аграрное движение крестьян (rusticani) и рабов против крупных земельных собственников (possessores) или их уполномоченных-арендаторов (conductores).

«Против землевладельцев поднялась дерзость мужиков» (contra possessores suos rusticana erigatur audacia)[4].

«Отцы семей благородного происхождения отправлялись в каменоломни или на мельницы, где прикованные к жерновам вертели мельничные колеса. Долговые расписки утратили свою силу. Пытавшиеся реализовать свои права кредиторы подвергались нападениям «безумной толпы» (multitudo insana) и должны были искать спасения в бегстве».

Не менее сурово было отношение агонистиков также и к католической церкви, «изменникам и предателям» (traditores, delatores) чистой веры[5]. Церкви предателей сжигались, алтари разрушались, священные сосуды переплавлялись, вещи продавались на базарах, сохранившиеся же здания католиков промывались уксусом, надписи и картины на стенах выцарапывались гвоздями. С римскими чиновниками и служителями церкви обращались крайне сурово, дело нередко доходило до кровопролития.

---

[1] *August.*, De unit. eccl., 19, 50.
[2] *Энгельс*, Бруно Бауэр и раннее христианство, М., Партиздат, 1933 г., стр. 9.
[3] *August.*, Contra Gaud., I, 28, 32.
[4] Ibid., Epist., 108, 6, 18.
[5] *Opt. Mil.*, III, 4.

«Они, — жаловался правоверный служитель церкви, епископ Августин, — не только бьют нас и наносят нам раны палками и мечами, но и с неслыханной жестокостью ослепляют глаза известью и уксусом, грабят наши дома и вооруженными толпами ходят по стране, причиняя смерть, грабежи, пожар...» [1].

Совсем иначе агонистики относились к рабам и вообще к низшим слоям. Попадавшихся им навстречу господ высаживали из экипажей, на их место сажали рабов, а их самих заставляли следовать за повозкой.

«Тогда все дороги, — прибавляет названный автор, — не были безопасны» (etiam itinera non esse tutissima).

Вождями агонистиков были *Аксидо* и *Фазир*, о которых, к сожалению, кроме их берберийских имен, ничего не известно. Мало известна также и программа агонистиков. По аналогии с другими социальными движениями античности и средневековья можно предположить, что агонистики стремились прежде всего сбросить с себя тяготевшую над ними зависимость от земельных магнатов, ростовщиков, чиновников и епископов. Их идеалом являлось мелкое свободное производство общинного типа с ограничением, а может быть даже и полной отменой рабского труда. Лагерь агонистиков служил убежищем, куда стекались рабы, бежавшие от своих господ. Агонистики, говорит Августин, являются патронами беглых рабов. «Какой господин не будет бояться своего раба, если тот убежал под их (агонистиков) патроциний?» (quis non dominus servorum suum timere compulsus est si ad illorum patrocinium confugisset?) [2].

Со времени сближения церкви с рабовладельческим государством и постоянного напоминания о необходимости рабам подчиняться их господам уменьшился прилив рабов в христианские общины, возрастала вражда к ортодоксальной церкви как идеологическому оплоту рабовладельцев. Во время гонений рабы почти всегда принимали сторону враждебной их господам партии и доносили властям об их замыслах, держа тем самым своих хозяев в постоянном страхе. «Рабы глумятся над своими господами, а эти последние дрожат перед ними» (vim servorum metuunt) [3].

Движение донатистов и агонистиков знает периоды подъема и падения. После первого подъема в начале IV в., в середине IV в. происходит ослабление движения вследствие поражения агонистиков при *Октаве* и *Богаи* (347 г.). Тогда, собственно, и начинается эпидемия самоубийств, сжигания на костре, бросания в воду, свержения со скал и тому подобных

[1] *August.*, Epist., 185, 7, 30.
[2] Ibid., 185, 4, 15.
[3] *Euseb.*, Hist. eccl., V, I, 21.

видов добровольного мученичества, производившего неотразимое впечатление на современников. С Юлиана революционная волна усиливается и находится в связи с сильными сепаратистскими движениями в Африке. Наиболее серьезным из всех движений IV в. в Африке было движение, возглавляемое мавретанским князем *Фирмом* и его братом *Гильдоном* (Gildo), объединившими под своими знаменами самые разнородные элементы местного населения, в том числе донатистов и их авангард— агонистиков. Попытка Гильдона не получила осуществления, движение было подавлено, а вместе с ним нанесен был удар и донатистам.

Заключившее конкордат с ортодоксальной церковью правительство в конце IV в. решительно выступило против донатистов и в особенности против их революционного авангарда — агонистиков. Донатистское движение было подавлено, рядом декретов донатистская церковь была объявлена еретической, а все ее имущество стало достоянием римской церкви.

«Все церковные постройки донатистов, — гласит один из *декретов Гонория*, — переходят в собственность католиков. Духовенство донатистов и все те, которые каким-либо образом будут покровительствовать донатистам, лишаются своих прав и состояния и будут сосланы в отдаленные провинции и на острова. За упорство в расколе чиновник первого ранга будет оштрафован 200 фунтами серебра, второго ранга — 100 фунтами серебра, каждый из 10 первых куриалов — 50 фунтами серебра, остальные декурионы — 10 фунтами серебра, землевладельцы и рабы будут жестоко наказаны палочными ударами, а за дальнейшее упорство землевладельцы лишаются третьей части своего имения.

Этот штраф будет взиматься каждый раз, когда кто-либо будет замечен в собрании донатистов. После пятикратного штрафа о виновном должно доносить императору, который за упорство определит более строгое наказание. Чиновники, не взявшие штрафа, будут лишены годового содержания. Донатисты лишаются права занимать какие-либо гражданские должности, заключать контракты, призываться в свидетели, заниматься промыслами и ремеслами» [1].

Против каких бы то ни было революционных попыток предписывалось пускать в ход военную силу. «В том случае, когда нечестивая толпа будет защищаться оружием или неприступностью места и не может быть обуздана местной властью, то африканские судьи законным порядком могут требовать от африканского наместника вооруженных отрядов для укрощения бунтовщиков» [2].

---

[1] *Cod. Theod.*, XVI, 5, 52, 54.

[2] Ibid.

По мере углубления кризиса и приближения к концу Римской империи число законов, направленных против мятежников, увеличивалось, их тон становился более грозным, а кары более жестокими. В Юстиниановом кодексе имеется даже специальная статья «О мятежниках и о тех, которые осмеливаются возбуждать народ против существующих порядков» (De seditiosis et de his qui plebem audent contra rem publicam quietem colligere)[1].

«Всякий, кто, вопреки всем известным нашим распоряжениям, — гласит одна из конституций императора Валентиниана, — попытается стать во главе народа (plebs) и что-либо защищать вопреки закону, понесет тяжелое наказание».

«Ни в каком месте, ни в каком городе, — гласит закон императора Льва (середина V в.), — не должно быть непристойных требований и мятежных криков и никаких неподобающих речей, направленных к оскорблению кого-либо. Произносящие подобного рода речи и возбуждающие к агрессивным действиям должны знать, что они от такого рода слов и действий никакой пользы не извлекут, но подвергнутся взысканиям, налагаемым согласно действующим законам на защитников восстаний и мятежей»[2].

[1] *Cod. Iust.*, IX, 30, 1.

[2] Ibid., IX, 30, 2. Ср. *Cod. Theod.*, IX, 34, 1 (De famosis libellis); IX, 16, 2; XVI, 10, 2.

Глава XXVII

КУЛЬТУРА ПОЗДНЕЙ ИМПЕРИИ

1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Весь строй Поздне-римской империи поражает самыми странными контрастами — умирающая античность сплетается с зарождающимся западноевропейским миром. Вычурность, утонченность, многокрасочность, грандиозность и чувственность языческого Рима сочетаются со средневековой примитивностью, стилизацией, монотонностью и аскетизмом христианства и монашества. На всем духовном творчестве поздней античности лежит печать застоя, подражания, надуманности, догматизма и церковности, свидетельствующая об упадке творческих сил античного мира. Упадочным было все, что являлось продуктом творчества греко-эллинского (языческого) мира и выросло на его социально-экономической основе. Напротив, то, что произрастало из феодальных корней, несло в себе семена прогресса и составляло вклад в феодальную культуру. При этом, говоря о культуре Поздней империи, нельзя упускать из виду, что Поздняя империя продолжалась более 200 лет и что за этот огромный промежуток времени имелись свои подъемы и падения. Особенно резко культурное падение ощущалось непосредственно в период кризиса III в. и в ближайшие за ним десятилетия. С середины же IV в. в связи с общим подъемом наблюдается также оживление и во всех сферах культурного творчества, продолжающееся до IV в. С конца IV в., со времени так называемого великого переселения народов, античный мир вступает в полосу культурного декаданса, продолжающегося до самого падения Римской империи. Ни в одной отрасли культуры упадочность не ощущалась с такой силой и очевидностью, как в области философии. Через все философские произведения III—V вв. красной нитью проходят религиозно-мистические настроения, неверие

в собственные силы, отказ от земной жизни и предпочтение небесного земному. Вера в творческие силы человеческого разума заменялась верой в судьбу, или фатум, управляющий миром по непонятным для людских умов законам.

«Я бы этого не сделал, если бы того не хотел бог» (si deus hoc noluit, non facerem). «Что же можно сделать против судьбы?» — растерянно спрашивает христианский писатель IV в. Григорий Нисский.

Мистики доходили до полного отрицания мира. «О если бы я имел крылья голубя или ласточки, чтобы парить над человеческой жизнью!» «Мир, — проповедует тот же самый Григорий, — ранит мою душу; сердце же мудрого всегда полно печали, ибо печаль и болезни — сладчайшее из всех возможных наслаждений».

«От мирских страстей и страданий дает отдых только природа.»

То, что в предшествующий период только что намечалось, в последние века Рима получило широкое распространение. Философия погрузилась в глубокий скептицизм, выродилась в мистику и, наконец, эволюционировала в теологию. Развилась вера в загробную жизнь, демонов, мертвецов (мощи), гадания, откровения, знахарства и пр. В центре «наук» стояли *теология* и *астрономия*. Суеверие было особенностью не только низших классов, но захватило также и высшие слои римской интеллигенции [1].

В поздне-римском законодательстве имеется большое количество статей, налагающих тяжелые кары за распространение суеверий, ворожбу, чернокнижие, гадания по внутренностям жертвенных животных, по лету и голосу птиц, движению звезд и. т. д. «Многие, — говорится в статье Юстинианова кодекса, — пользуясь магическими средствами, дерзают приводить в смущение элементы природы и подвергать опасности жизнь невинных людей и угрожать, что заклинанием духов каждый может уничтожить своих врагов. Подобного рода людей, как чуждых человеческой природе, следует отдавать на растерзание зверей» [2].

2. ФИЛОСОФИЯ

Повышенный интерес к религиозно-мистическим вопросам находит свое объяснение в социально-политических условиях того времени — в разрыве между мыслью и реальной жизнью.

[1] Со всеми деталями, относящимися к этому вопросу, знакомят работы французского исследователя Кюмона (*Cumont*, Les religions orientales dans le paganisme romain; Paris 1929. *Reizenstein*, Die hellenistischen Mysterienreligionen, Berlin 1927).

[2] *Cod. Iust.*, IX, 18,6. *Cod. Theod.*, IX, 16, 1 (De maleficis et mathematicis et ceteribus similibus).

Социальные группы по каким-либо причинам, экономическим или политическим, выбитые из жизненной колеи, а таковых в изучаемый период было немало, уходили в глубь себя, создавая всякого рода философские и религиозные «миры» и принимая эти абстрактные «миры» за реальные сущности.

Все особенности философского мышления поздней античности запечатлелись в наиболее сложной и имевшей большое влияние философской системе умирающего античного мира — в неоплатонизме, представлявшем своеобразные сочетания философии и религии.

Основателем неоплатонизма считается *Плотин* (203—269 гг.), живший в самый острый период кризиса III в. Учение Плотина — «Эннеады», в шести книгах — известно отчасти по фрагментам его собственных сочинений, главным же образом по сочинениям его учеников — *Порфирия*, *Ямвлиха* и *Прокла*, комментировавших, видоизменявших и дополнявших систему своего учителя. В своей системе Плотин пытался сочетать философию Платона с древней религией в едином мистическом синтезе. Божество, учил Плотин, принадлежит потустороннему миру и по своей сущности непознаваемо. Божество является вечным источником жизни, из которого путем эманации (истечения) получается живое творческое начало, одухотворяющее все живые существа. Потустороннему миру божественного абсолюта противостоит земной мир как бледное его отражение. Высшим стремлением просветленного философией человека должно быть стремление освободиться от телесной оболочки (материи), загрязняющей душу. Достигается это отрешением от мира со всеми его страстями и соблазнами и погружением в мистико-философские размышления. Через посредство разума (нус), отвлеченного, «божественного» начала, заключенного в человеческом существе, человек поднимается до высшего психического напряжения (экстаза), до растворения в высшем бытии[1].

В качестве очистительных средств рекомендовались заклинания, ношение шерстяной одежды, воздержание от пищи, стоическое перенесение несчастий, болезней и т. п. Плотин, говорит его ученик и почитатель Порфирий, стыдился своего тела. Потому он не сообщал ничего о своем происхождении, о своих родителях, отечестве и не позволял портретистам и скульпторам снимать с него портреты и делать его изображения. «Неужели не достаточно того, что мы носим тень (тело), которой нас окружила природа? Для чего одну тень окружать еще другой тенью?». «Самое высшее, — учил Плотин, — чего человек может достичь в земной жизни, это таинственное, мистическое соединение с божеством, достигаемое путем *интуиции* и *экстаза*».

---

[1] *E. Bréhier*, Philosophie de Plotin, 1923.

«Когда душа, освободившись от всего постороннего, приготовилась к восприятию с помощью тех средств, которые известны осознавшим важность подобного акта, — тогда само собой наступает высшее просветление. Все промежуточное исчезает, и душа с этим высшим соединяется в одно нераздельное целое... В этом состоянии душа не чувствует своего тела, не сознает: жива ли она, есть ли она человек, сущность или все» [1].

Корни неоплатонизма уходят, с одной стороны, в эллинскую почву, в философию Платона, а с другой — в религиозно-философские спекуляции древней Персии и Индии. Во время пребывания в Персии Плотин познакомился с персидской религией (маздеизмом) и священной книгой персов Авестой. Характерный для неоплатоников дуализм духа и материи, доброго и злого начала, положен также и в основу маздеизма и его разновидности манихейства, трактующих о вечной борьбе доброго (Ahura-Mazda) и злого начала, бога и дьявола [2].

Для осуществления своего идеала Плотин, как глава религиозно-философской секты, обращался к императору Галлиену с просьбой разрешить в одном из опустошенных городов Кампании основать общину в духе Платона, где он мог бы осуществить свой идеал философа-отшельника. Просьба не была удовлетворена [3].

На практике философия Плотина приводила к отказу от общественной деятельности, презрению земных благ, погружению в самого себя и анахоретизму. В языческом анахоретизме скрывался корень христианского монашества, зарождавшегося в последние века Рима.

В IV в. ученик Плотина *Ямвлих* пытался объяснить и объединить высказывания Плотина в единую систему, создать своего рода языческую церковь, облегчавшую посвященным переход от земной жизни в потусторонний мир извечного (абсолютного) бытия. Высшей точки неоплатонизм достиг в учении *Прокла*, философа V в., ученика «божественного» Ямвлиха. В сочинениях Прокла воплощены все характерные черты философии христианской Империи: абстрактность, схематизация, мистицизм и спиритуализм.

Со времени издания Миланского эдикта господствующей философией в римском обществе становится *христианская философия*, в основном вращавшаяся около тех же самых проблем, которые трактовала и нехристианская (языческая) философия, и усвоившая методы прежних философов, но их значительно упростившая и огрубившая.

---

[1] *Aenneades*, VI.
[2] *Cl. Huart*, La Perse antique et la civilisation iranienne, Paris, 1925.
[3] *Porphyrius*, Vita Plotini, 12.

Христианские философы стремились использовать методы и выводы языческой философии главным образом для доказательства превосходства своего учения и несостоятельности язычества.

Из церковных писателей III — IV вв. большой известностью пользовались: *Ориген*, *Афанасий*, *Евсевий*, *Арнобий*, *Лактанций*, *Василий Великий*, *Григорий Назианзский* и др. Венцом же христианской философии и патристики (литературы «отцов церкви») являются произведения *Августина*, родившегося в Нумидии в 354 г., в семье знатного римлянина. Проведший молодость в кругу знатной молодежи, Августин во вторую половину своей жизни почувствовал тоску и неудовлетворенность и принял христианство, надеясь в нем найти недостававший ему душевный покой и заглушить внутренний разлад. Свои переживания Августин изложил в «Исповеди» (Confessiones), литературно-богословском трактате, представляющем ценность как исторический памятник конца античного мира. В 395 г. Августин сделался епископом в одном из африканских городов и умер во время осады города вандалами (430 г.).

Для историка наиболее интересным произведением Августина, содержащим целую «философию» истории, является его книга *«О государстве божьем»* (De civitate Dei). В философии Августина синтезируются самые противоположные идеи античных философов, язычников, христиан-ортодоксов и христиан-еретиков. Странным образом сочетается сенсуализм манихейства со скептицизмом академиков, рационализмом и спиритуализмом Плотина. Под религиозно-мистическим углом зрения Августин схематизирует всю мировую историю в виде двух царств, или миров: *царства бога* (civitas dei) и *царства сатаны* (civitas diaboli), царства добрых (societas bonorum) и царства порочных (societas impiorum), земной (civitas terrena) и небесной (coelistis) общины. Борьба верных с неверными окончится победой верных, тогда наступит царство великого блаженства высшей (духовной) жизни и радостей.

В конечном итоге философия Августина провозглашает примат духовной жизни над телесной и как вывод из этого — примат духовной общины (церкви) над светским государством, т. е. Римской империей, являющейся воплощением греха и долженствующей погибнуть. После гибели языческой империи наступит новое царство, т. е. господство церкви. Впоследствии, в средние века, философия блаженного Августина была использована католической церковью и римскими папами для доказательства превосходства церкви над государством [1].

---

[1] *P. Alfarik*, L'évolution intellectuelle de Saint Augustin, Paris 1918.

3. ЛИТЕРАТУРА. ИСТОРИЯ

Из других писателей III—V вв., христиан и язычников, среди которых большинство составляли провинциалы, — греки, галлы, испанцы, германцы, африканцы и т. д., — заслуживают быть отмеченными: *Авзоний*, галльский поэт, автор идиллического стихотворения «Mosella», описывающего берега Мозеля, *Клавдиан* и *Макробий*, автор «Сатурналий», застольных бесед литературно-исторического содержания.

Для литературно-художественной направленности и вкуса читающей публики поздней античности особенно типичны такие произведения, как, например, роман сирийца *Гелиодора* «Феаген и Хариклея», составляющий часть более обширного литературного произведения того же автора «*Эфиопика*» в 10 книгах. «Феаген и Хариклея» — сентиментально-эротический роман, повествующий о приключениях дочери эфиопского царя Гидаспа и фессалийца Феагена, находящихся в долгой разлуке и, несмотря на все соблазны и опасности, сохраняющих верность друг другу. Роман кончается моралью — торжеством добродетели связанных любовью существ, получающих в награду за перенесенные ими страдания престол эфиопского царя. В таком же стиле сентиментально-эротического романа писал и другой романист, современник Гелиодора, *Ксенофонт* из г. Эфеса. Оба писателя жили в конце III или начале IV в., когда особенно остро ощущались последствия кризиса. Сентиментально-эротические романы, подобные романам Гелиодора или Ксенофонта, полные приключений и описаний природы, уносили читателя в далекий мир мечты и интимных переживаний.

Излюбленным героем греческих и римских романов был *Дафнис*, красивый юный герой сицилийских пастухов и пастушеской (буколической) поэзии. Дафнис — сын Гермеса и нимфы, брошенный своей матерью в лавровой роще (daphnai — роща) среди Герейских гор, в Сицилии, и воспитанный пастухами в простых, пастушеских нравах и обычаях. В Дафниса влюбилась Ксения, или Номия, которой он изменил и за то был наказан превращением в скалу. Гермес, отец Дафниса, сжалился над ним, взял его на небо, а то место, где стояла скала, превратил в источник свежей холодной воды, где ежегодно собирались сицилийцы, приносили жертвы и устраивали празднества. Пастух Дафнис является героем романа *Лонга* «Дафнис и Хлоя» (конец IV в.), пользовавшегося широкой популярностью среди читающей публики Поздне-римской империи.

Из историков, живших в период кризиса III в., следует отметить *Кассия Диона Кокцеяна* (Cassius Dio Cocceianus). Кассий Дион происходил из знатной и богатой сенаторской семьи,

занимал высшие государственные посты (претора, консула) при Северах, много путешествовал, управлял в качестве проконсула Малой Азией, Африкой, Далмацией и Паннонией. В конце жизни Кассий Дион принялся за составление капитального исторического труда — «Римской истории» с древнейших времен до Северов включительно. «Римская история» Диона состояла из 80 книг, часть которых дошла до нас в подлиннике, а другая в извлечении византийских историков, монахов Ксифилина (XI в.) и Зонары (XII в.). При составлении своего труда Кассий Дион использовал огромный материал первоисточников и сочинений своих предшественников. Работа заняла около 20 лет.

По характеру расположения и обработки материала Дион принадлежит к историкам *прагматистам*, усматривающим цель истории в установлении причинной связи между событиями. В центре его повествования стоят войны, биографии великих людей и придворная история. Историю Дион ставит в тесную связь с политикой и философией. Политика и философия выдвигают проблемы, которые история разрешает на основании конкретного материала. Политика, философия и история неотделимы друг от друга, являясь различными сторонами одного и того же объекта — общества и государства. «Образовательная сторона истории заключается, по моему мнению, в том, что историк путем размышлений освещает сущность фактов, а вместе с тем проверяет правильность своих размышлений, определяя степень их согласия с фактами» [1].

По своим политическим взглядам Дион — монархист и консерватор, боявшийся всяких новшеств, осуждающий государственные перевороты и враждебно настроенный к демократии.

В манере изложения и объяснении исторических событий Дион имеет много черт, роднящих его с историками и писателями поздней античности. При передаче событий он часто прибегает к риторике, преувеличиваниям и шаблонизации, с одной стороны, и обнаруживает склонность к длинным описаниям, занимательным рассказам, вымышленному и чудесному, с другой. Вера в чудеса и в сверхъестественное вмешательство внешних сил красной нитью проходит через все изложение Диона. Исторический процесс в основных моментах остается для Диона иррациональным, необъяснимым силами человеческого разума.

Почетное место среди историков Поздней империи занимает *Аммиан Марцеллин*, составитель «Римской истории» в 31 книге (Rerum gestarum a fine Cornelii Taciti XXXI libri), начиная с императора Нервы.

Аммиан Марцеллин, родившийся в г. Антиохии, на р. Оронте, в 330 г., современник и почитатель Юлиана, пользовался из-

---

[1] *Dio Cass.*, XLVI, 35.

вестностью замечательного мастера по составлению биографий и характеристик исторических деятелей в стиле Тацита, продолжателем которого он считал себя. Историко-философская концепция Аммиана Марцеллина близка к тацитовской, но выражена значительно слабее. В центре изложения Аммиана Марцеллина, по преимуществу военного писателя, стоит военная история, социально-политическая же и культурная история занимает второе место. Помимо войн, его более всего интересуют географические и этнологические описания, оживляющие монотонное и сухое изложение. В церковных вопросах, волновавших тогда римское общество и государство, Аммиан Марцеллин стоит всецело на стороне Юлиана, с презрением и лишь вскользь говорит о церковных соборах и ортодоксальной церкви, иронически замечая, что частые переезды епископа с одного собора на другой только утомляют почтовых лошадей [1]. Отрицательно относится Аммиан Марцеллин также и к почитанию христианских мучеников (sepulchris haerere) [2], хотя к самим мученикам, как сильным и убежденным людям, своего рода героям, он относится положительно и даже сочувственно [3]. Черты упадочности в истории Аммиана Марцеллина резче всего выступают в его пристрастии к напыщенности, многословию, нарочитой учености, архаическим оборотам, чудесному и фантастическому.

Еще в большей степени элемент чудесного, гиперболического и анекдотического содержится в коллективном сборнике биографий римских императоров, от Адриана до Нумериана, предшественника Диоклетиана, известном под именем «*Писателей истории Августа*» (Scriptores historiae Augustae). За образец взяты «Сравнительные биографии» Светония. Живо и интересно написанные очерки Спартиана, Капитолина, Лампридия и других авторов, вошедших в число «Писателей истории Августов», более напоминают исторический роман, написанный в стиле своей эпохи, нежели историю в собственном смысле [4].

Из других историков Поздней империи следует назвать *Евсевия* (IV в.), кесарийского епископа, автора «Истории церкви» в 10 книгах на греческом языке.

Общей для всех поздне-римских историков философией истории является взгляд на исторический процесс, как на борьбу иррационального и рационального начал *Судьбы* (Fortuna)

---

[1] *Amm. Marc.*, XXI, 16, 18; XXII, 5, 4.

[2] Ibid., XIX, 3, 1; XVIII, 7, 7.

[3] Ibid., XXII, 11, 10.

[4] Исчерпывающий анализ «Писателей истории Августов», представляющих много трудностей как с исторической, так и с литературно-композиционной стороны, дан в монографии французского историка Шарля Лекривэн: *Ch. Lecrivain*, Études sur l'histoire Auguste, 1904. См. также *H. Peter*, Die Scriptores Historiae Augustae, 1892.

и *Добродетели* (Virtus), понимая под последним словом всю совокупность человеческих стремлений и усилий.

4. ПРАВО

Из всех видов литературного наследия позднего Рима особое место занимают «*Кодексы императоров*» (Codices), юридические сборники, содержащие правовые нормы и инструкции императоров западной и восточной половины Империи. Первым по времени кодексом считается *Грегорианский кодекс* конца III в. (Codex Gregorianus), разделенный на книги (libri), а книги на титулы (tituli). В первой половине V в., при Феодосии II (438 г.), появился новый, *Феодосиев кодекс* (Codex Theodosianus), состоящий из 16 книг, и, наконец, в VI в. (529 г.) знаменитый *Юстинианов кодекс* (Codex Iustinianus), легший в основу европейского права.

Для практического руководства и всякого рода юридических справок предназначались *Дигесты*, или *Пандекты* (Digestae vel Pandectae), содержащие комментарии и высказывания по различным вопросам юристов классической эпохи.

В состав Дигест вошли сочинения: Муция Сцеволы, Лабеона, Прокула, Нерация, Гая, Папиниана, Ульпиана и других видных римских юристов и знатоков права.

Дигесты делятся на 50 книг, а книги на титулы, разбивающиеся на отдельные отрывки (leges или fragmentae), содержащие имя автора, из которого они взяты. Одновременно с составлением Дигест был составлен учебник права—«*Институции*» (Institutiones), опубликованный в 533 г. В основу «Институций» положены главным образом сочинения Гая и Ульпиана.

Завершением работы юридических комиссий был вышеназванный *кодекс Юстиниана*, содержащий около 5 000 конституций, от Адриана до Юстиниана. Кодекс разделен на 12 книг. Все дополнения и изменения, внесенные в кодекс после его издания, называются *новеллами* (novellae). В большей части кодексы представляют компилятивную работу, составленную на основании богатейшего материала юридических сборников и актов, приспособленных к условиям Поздней империи. Историко-культурное значение кодексов значительно шире, чем простых сборников юридического материала. Заключая в себе огромный исторический материал, они в то же время являются памятниками римского права, мысли, языка, литературы и философии.

В предпосланном кодексу Юстиниана введении, написанном в стиле канцелярских произведений Поздней империи, выражен взгляд римских правоведов и политиков на значение для государства законов и на сущность права. «Высшая защита государства (summa rei publicae tuitio) покоится на двух вещах—оружии и законах (de stirpe duarum rerum, armorum atque legum). Этому счастливый Римский народ (felix Romanorum

genus) обязан тем, что он в прошлые времена достиг господства над всеми другими народами и с божьей помощью удержит это на вечные времена. Одно всегда поддерживалось другим. Вооруженная сила Рима находила свою прочность в законах в такой же мере, как сами законы охранялись с помощью оружия[1]» ...«Величие Римской Империи должно быть не только украшено оружием, но также и вооружено законами, чтобы римский народ мог справедливо управлять как на войне, так и во время мира», — гласит первая строка Свода римского гражданского права (Corpus iuris civilis, praefatio, 7).

Право определяется римскими юристами в отвлеченных понятиях естественного права. Право покоится на справедливости (iustitia). «Справедливость же есть неизменяемая постоянная воля воздавать каждому должное (suum cuique tribuendi). Принципы права таковы: честно жить самому (honeste vivere), не оскорблять другого и каждому воздавать должное. Наука о праве (iuris prudentia) есть знание божеских и человеческих вещей, наука о справедливом» (iusti atque iniusti scientia). Но как видно из других сентенций того же самого юриста, в условиях реальной жизни нормы естественного права сохраняли свою силу только в отношении свободных, на массу же рабов правовые нормы не распространялись. Вследствие этого получалось непримиримое противоречие, которое римские юристы старались оправдать ссылкой на нормы международного права (ius gentium), узаконявшего рабство как социально неизбежный институт. Как известно, говорит Ульпиан, с точки зрения права народов, люди делятся на три категории: 1) свободно-рожденные, 2) их противоположность — рабы (liberis et his contrarium servi) и 3) вольноотпущенники (liberti)[2].

В условиях рабовладельческого строя римское право, несмотря на все его формальное совершенство, не могло разрешить основного противоречия этого строя — антагонизма рабов и рабовладельцев. Реальная действительность поздне-императорского Рима, как сказано, находилась в резком противоречии с нормами естественного права, как это видно, например, из статьи Кодекса «Об исправлении рабов», указывающей на грубость и жестокость нравов. Рабовладельцы применяли в отношении рабов самые жестокие меры: били их дубинами, камнями, наносили смертельные раны острым оружием, сбрасывали в пропасть, отдавали на растерзание зверям, жгли на огне, пытали на специальных приборах (enucleum) и т. п., — словом, допускали «зверства, свойственные бесчеловечным варварам» (saevitia immanium barbarorum)[3].

---

[1] *Cod. Iust.*, De Iustiniano Codice Confirmando.
[2] *Instit.*, I, 1.
[3] *Cod. Iust.*, IX, 14, 1 (De emendatione servorum).

Помимо права в Поздней империи много занимались риторикой, диалектикой, грамматикой, музыкой, астрономией и геометрией. Работа ученых состояла в изучении древних писателей, составлении комментариев, переводов, выборок (breviaria) и т. д.

В количественном отношении литературная продукция Поздней империи очень велика, но в качественном отношении за немногими исключениями, подтверждающими правило, она значительно уступает произведениям классической эпохи. Главным недостатком литературных и поэтических произведений поздней античности является утрата чувства реальной действительности, чувства меры, гармонии, свежести, простоты и правдивости. На всем литературно-художественном творчестве последних столетий Рима лежит печать духовного оскудения и упадочности.

5. АРХИТЕКТУРА И ИСКУССТВО

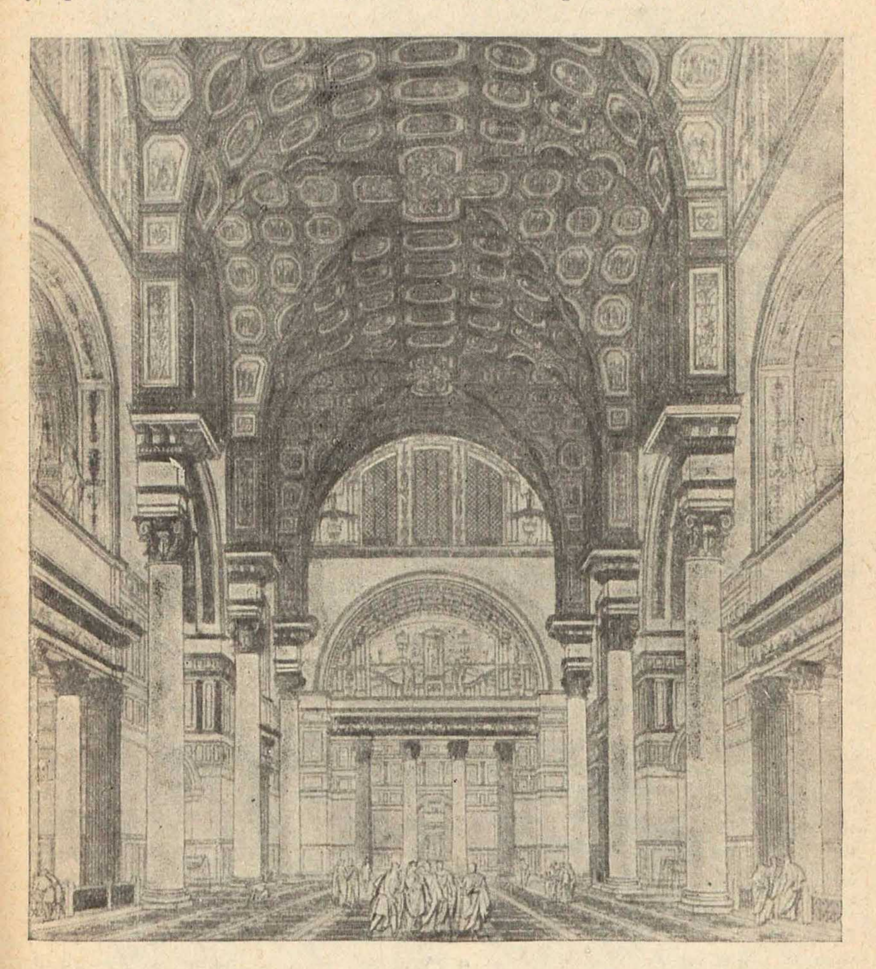
Сказанное о литературе и поэзии приложимо также и ко всем видам пластических и изобразительных искусств. На первом месте стояла *архитектура*. Постройки времен Северов и следовавших за ним династий отличаются грандиозностью, техническим совершенством и богатством материала. Своими размерами, колоссальной тяжестью, блестящей внешней отделкой и пышностью постройки императоров династии Северов и их преемников поражают и подавляют человека. Таковы, например, колоссальные *термы Каракаллы*, *термы и дворцы Диоклетиана* в Спалато (Салоны в Далмации) и Антиохии, *арка Константина* в Риме и многие другие. С технической стороны названные здания, поддерживаемые диференцированными сводами, с массой воздуха и света, указывают на высокий уровень античной строительной техники, но вместе с тем в них уже ощущаются элементы упадка и вырождения.

Характер построек в Поздней империи оставался прежний. Строили термы, дворцы, водопроводы, каналы, мосты, арки, воздвигали колонны, обелиски и конные статуи.

Самым грандиозным и типичным зданием поздне-императорского Рима были *термы Каракаллы*. Это огромное здание с большим центральным помещением (cella media), окруженным целой системой дополнительных, примыкавших к нему зданий.

В собственно банное помещение вело несколько входов, расположенных в различных направлениях. Каждый из входов вел прежде всего в переднюю (vestibulum) и раздевальню (apodyterium). Оттуда посетитель направлялся в главное помещение бань — парильню (tepidarium). Из парильни следовали в ванную комнату с теплой водой (caldarium), и, наконец, посетитель пере-

ходил во фригидарий (frigidarium), бассейн с холодной водой. Центральное отопление бань было расположено посреди двора-парка с массой зелени и растений. В парке имелись специально устроенные помещения для отдыха, спорта и чтения.

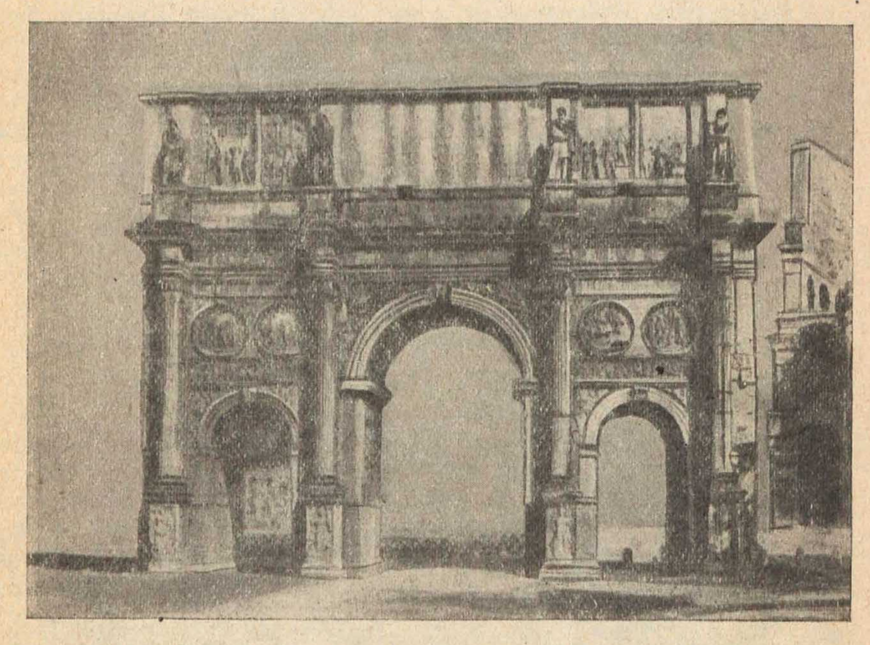

Главная зала терм Каракаллы в Риме

С историко-архитектурной точки зрения термы Каракаллы представляют интерес как пример разрешения античными архитекторами проблемы пространства и света, важнейшей проблемы архитектуры поздней античности [1].

[1] *Н. И. Брунов*, Очерки по истории архитектуры, Academia, 1935 г., стр. 368.

При христианских императорах, кроме того, строилось много церквей (базилик), украшавшихся мозаикой, живописью и скульптурой [1]. По своим архитектурным особенностям христианские базилики IV — V вв. представляют переход от античного типа

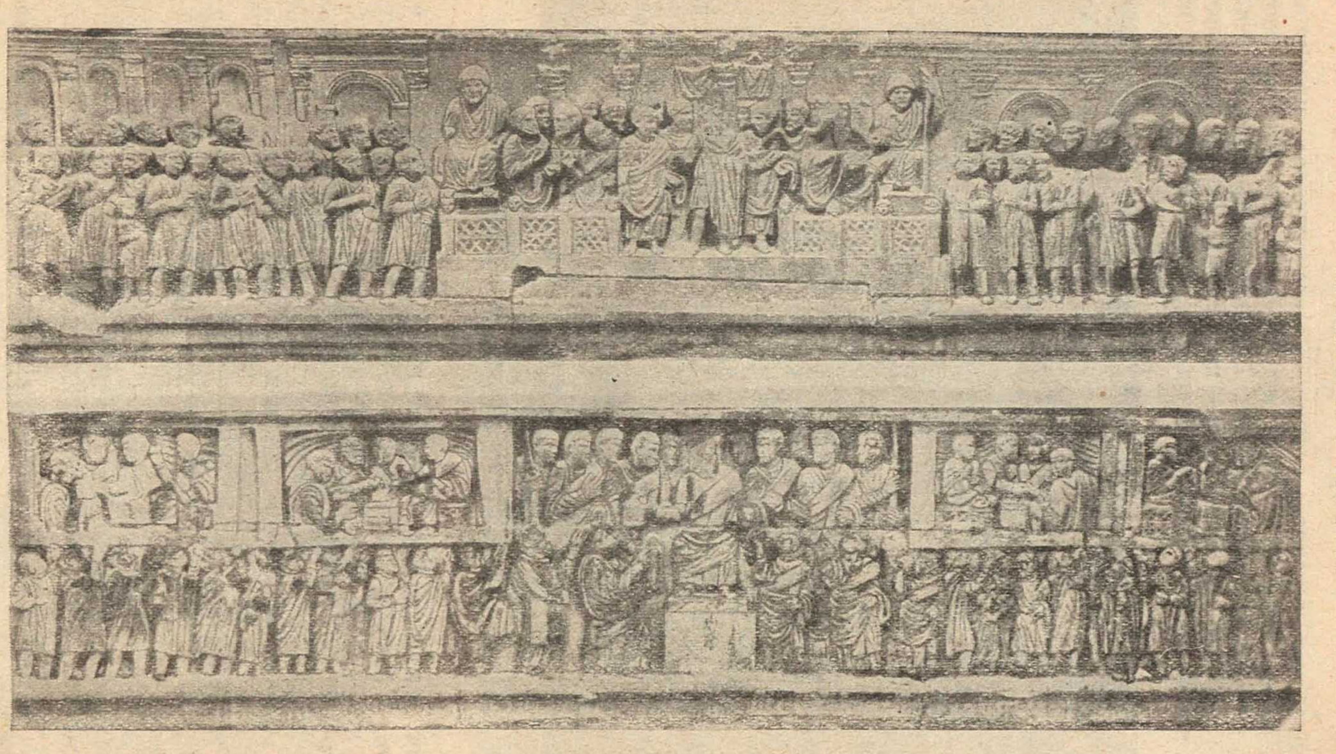

Арка Константина.
Рим

построек к средневековым — романским и византийским памятникам. Исторически христианские базилики вышли из греческих базилик — роскошных зданий, служивших местом судебных заседаний, торговли и денежных операций. По сравнению с монументальными сводчатыми и бетонными сооружениями язычников, христианские здания отличались большей легкостью и воздушностью, что вызывалось религиозными мотивами, с одной стороны, и спешностью работы, с другой. В большинстве случаев христианские базилики строились из материалов старых зданий — разрушенных языческих храмов, дворцов, крепостей и частных домов. Образцом христианских базилик считается базилика св. Петра и базилика св. Агнессы в Риме.

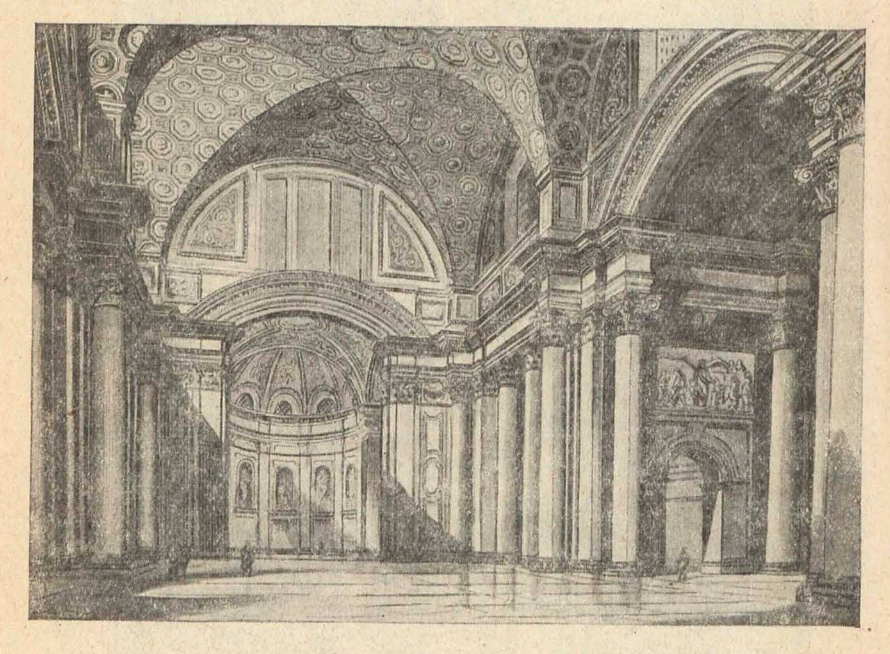
---

[1] *G. Wilpert*, La decorazione constantina della basilica Lateranense, «Rivista di Archeologia Cristiana», 1929.

Фриз на арке Константина в Риме. Наверху: *Речь императора к народу.* Внизу: *Раздача денег*

Базилики строились в Риме, Константинополе, провинциальных городах и местечках, магнатских поместьях и *христианских катакомбах*. Катакомбами, большая часть которых относится к III и IV вв. и меньшая— к I и II вв., назывались длинные подземные коридоры (пещеры), служившие местом погре-

Термы Диоклетиана.
Реконструкция

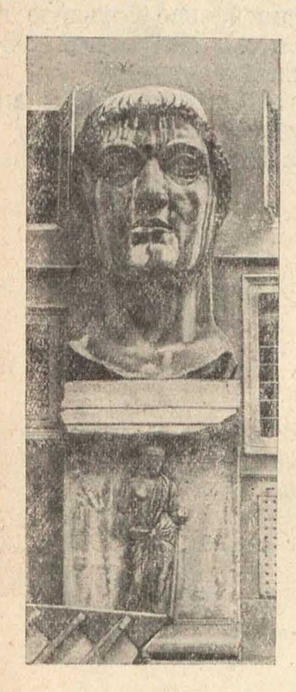
бения христиан. В катакомбах имелись базиликообразные часовни, в которых собирались «почитатели Христа» для отпевания покойников и совершения культовых обрядов. Ни один исторический памятник не свидетельствует с такой очевидностью и убедительностью об умирании старого греко-эллинского мира, как масса христианских катакомб, образующая целый подземный Рим (Roma sotteranea) [1].

В заключение надо отметить еще одну характерную для искусства и общего стиля Поздней империи черту — *влияние Востока*.

Влияние Востока ощущалось во всех сферах жизни — государственных учреждениях, императорском титуле, придворных церемониалах, костюмах, головных уборах и т. д. К отличитель-

[1] *R. Styger*, Die römischen Katakomben, 1933; *O. Beyer*, Die Katakombenwelt.

ным признакам восточного стиля надо отнести ослепительную тяжеловесную роскошь в быту и костюмах придворной аристократии, пряность, многокрасочность, твердость линий и яркость цветов, с одной стороны, отход от реализма и склонность к формализму и стилизации, с другой.

Константин Великий.
Голова колосса

Валентиниан I.
Голова колосса

Влияние восточных мотивов и вытеснение ими старых классических форм отчетливее всего выступает в *ранне-христианском стиле*, как это показали открытые при последних раскопках в Дура-Европе (Dura-Europos), на среднем Евфрате, фрески [1].

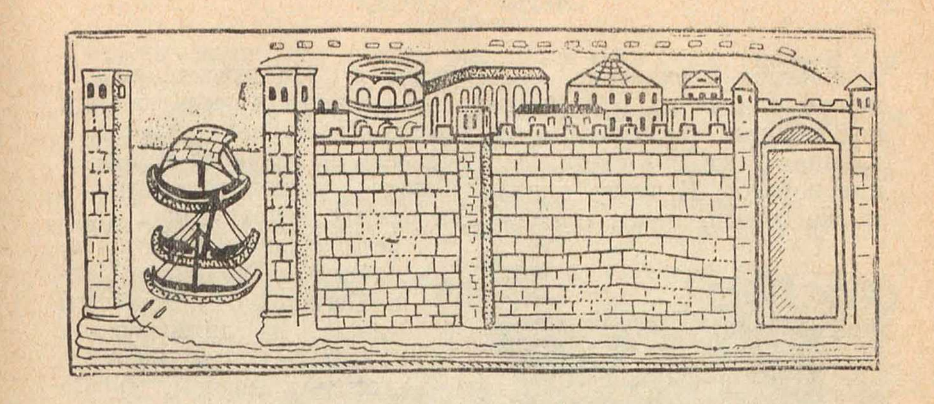
На основании этих фресок, пластических изображений на христианских саркофагах, стенах катакомб (катакомбная живопись) и других памятниках ранне-христианского искусства можно заключить об отходе от реализма и орнаментализма классического стиля в сторону восточной символики и стилизации. Утрачивая связь с действительностью и становясь лишь сред-

[1] *Koch*, Probleme der Spätantike, 47; *Kömstedt*, Vormittelalterliche Malerei, 1929, S. 49.

ством выражения абстрактных идей и целей, искусство из реалистического и орнаментального превращается в формалистическое и *символическое*. Поздне-античные, как и подражавшие им средневековые, художники в своем стремлении подчеркнуть главную идею допускают всевозможные отступления от реальности, изображая, например, непропорционально большую голову, гипертрофированные глаза, уши и т. д., а все остальное отодвигая на второй план или совершенно опуская как несущественное. Так создавался своеобразный абстрактный «трансцендентный» стиль, зародившийся в поздней античности, но достигший полного расцвета в более поздние столетия, в византийском и средневековом искусстве [1].

[1] *Dvorak*, Katakombenmalereien, Die Anfänge der christlichen Kunst, München 1924.

Глава XXVIII

ПАДЕНИЕ ЗАПАДНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

1. РИМЛЯНЕ И ВАРВАРЫ

Параллельно с феодализацией Римской империи происходил процесс варваризации римского общества. На севере и на востоке римляне сталкивались с германцами.

Влияние было взаимным — римляне влияли на германцев, а германцы, со своей стороны, оказывали влияние на римлян. Больше всего взаимовлияние ощущалось в пограничных областях по Рейну, Дунаю и их притокам, изучение которых проливает много света как на историю Поздне-римской империи, так и на историю ранней Германии. Археологические исследования пограничных областей (limes) дали богатый материал в виде огромного количества разнообразной посуды, серебряных и золотых вещей и оружия. Особенно интересна так называемая «серебряная столовая посуда Квинктилия Вара», найденная при раскопках в окрестностях города Гильдесгейма (Hildesheimer Silberfund). Первостепенной важности ценность представляют рельефные изображения и надписи на надгробных памятниках, открываемых по пограничной линии и во внутренних частях Галлии и Германии. Извлекаемые из недр земли предметы, сделанные италийскими, галльскими и германскими мастерами, указывают на проникновение римской культуры в глубь Германии и на романизацию галлов и германцев. Центрами римского влияния служили пограничные города — *Кёльн*, *Майнц*, *Трир* и др., — внедрявшие римские порядки и влиявшие на быт и культуру германских и галльских племенных государств (civitates). На основании остатков городских построек, например городских ворот в Трире (Porta Nigra), и развалин других городов, равно как и массы различных предметов, на-

полняющих германские, бельгийские и французские музеи, можно заключить о богатстве, населенности и культурности пограничных городов, не утративших своего цивилизующего влияния даже в столетия так называемого великого переселения народов. К числу цивилизаторских фактов надо отнести также дороги, мосты и каналы, в разных направлениях прорезывающие «Великую (зарейнскую) Германию» (Magna Germania), о которых мы узнаем из литературных (Itinerarium provinciarum Antonini Augusti, tabula Peutingeriana) и других, главным образом археологических, памятников.

Серебряный сосуд из Гильдесгейма

В пограничных городах и местечках происходили встречи и производился обмен товарами между римскими и туземными — галльскими и германскими — купцами. Одну из главных статей *римско-германской торговли* составляла *торговля рабами*, производившаяся специалистами-работорговцами (mangones) из римлян и туземцев — германцев и галлов.

Римско-германская торговля *не* ограничивалась областями, непосредственно примыкавшими к германской полосе. Римские и галльские купцы заходили далеко в глубь Германии, закупая рабов, меха, янтарь и пр. [1] За приобретаемые товары торговые посредники платили деньгами (solidi), винами и предметами римского ремесла, в особенности оружием и металлическими изделиями.

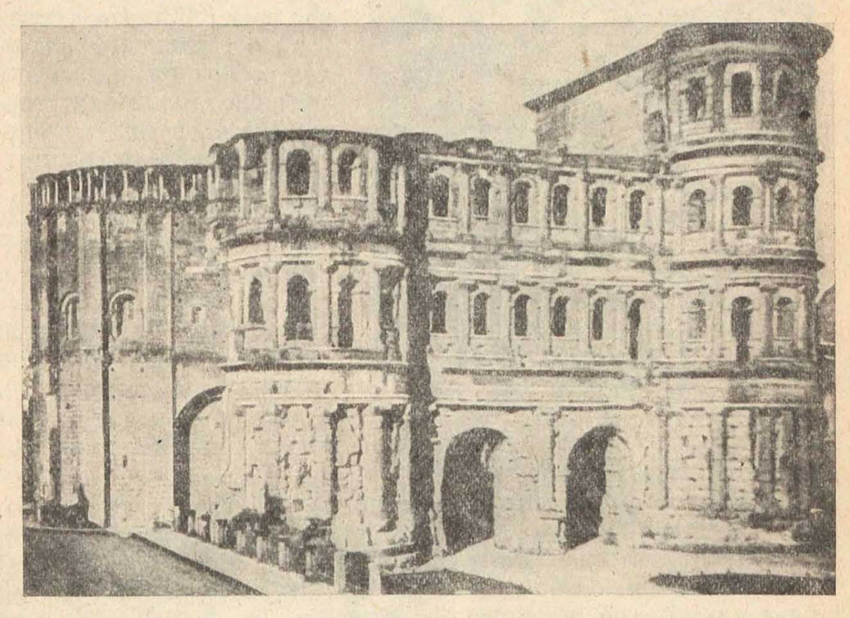
За столетия, протекшие от Цезаря до Тацита — главных наших источников по древнейшему строю германцев до III в., — в германском быту произошли существенные перемены. Из номадов соседние с Римом германские племена превратились в оседлых или полуоседлых земледельцев. Расселения германских племен теперь совершались более планомерно и не такими большими массами, как это было вначале. В сельскохозяйственной

---

[1] *Plin.*, Nat. hist., XXXVII, 45.

технике примитивную соху вытеснили соха более высокой конструкции и плуг с широким лемехом [1].

Следствием разделения труда и обмена был переход от натуральных отношений к товарно-денежным. Около III в. появляется германская монета и возникают ремёсла, с образцами которых знакомят нас археологические находки в различных частях Германии, в частности в Ташбергском болоте. Из

Городские ворота в Трире

массы добытых археологией материалов достаточно назвать глиняные лампы, предметы из золота, серебра и бронзы, предметы туалета (застежки, брошки, гребни, кольца, диадемы, щипцы, серьги различных форм и орнаментов), блюда, ковши, сосуды, бокалы и много других самых разнообразных предметов. Впрочем, необходимо оговориться, что далеко не всегда возможно установить происхождение найденных предметов и определить, были ли они произведениями туземных мастеров или же привезены из соседних стран — Рима и Галлии.

Развитие роскоши предполагает известную социально-экономическую диференциацию и наличие классов. В III — V вв. у многих германских племен выделилась *военноземледельческая*

---

[1] *J. Hoops*, Reallexicon der germanischen Altertumskunde, Ackerbau, B. I, 1913.

Римская глиняная посуда, найденная в Германии

аристократия (нобилитет), увеличилось экономическое неравенство на основе частной собственности на землю и обострились классовые противоречия. Уже во время Тацита (конец I в.) в германском народном собрании решающее значение имели: знатность (nobilitas), военные заслуги (decus bellorum) и интеллигентность (facundia) [1]. В IV — V вв. германская знать старалась во всем подражать римлянам, с которыми она охотно вступала в родственные связи. Под влиянием вышеописанных социально-экономических перемен разлагалась древнегерманская община (марка) и усиливались феодальные начала.

Римское влияние распространялось и на другие народы, жившие на северной и восточной границе Римской империи. Это влияние охватывало племена далекой Британии, равно как и те народы, которые жили на северо-востоке от придунайских провинций (даки, языги, сарматы и др). Одновременно с этим наблюдалось проникновение варваров и в римское общество. Особенно заметен был этот процесс в армии. Отряды варваров (галлов, германцев, нумидийцев и др.) играли заметную роль уже с конца республики [2]. Отряды, варваров прини-

Скованные пленники — Германцы

[1] *Tacit.*, German., 11.
[2] *Caes.*, Bell. civ., III, 4.

мали участие в битве при Фарсале и в александрийской войне[1]. Германские отряды при Тиберии[2] и Марке Аврелии использовались римлянами в борьбе со свободными германцами.

Переломный момент в истории отношений римлян и германцев образует *маркоманнская война* при Марке Аврелии, закончившаяся блестящей победой римского оружия. Император Марк не только пользовался германскими частями в борьбе с германскими народностями, бросая германцев против германцев же (emit et Germanorum auxilia contra Germanos), но вместе с тем и использовал их в качестве рабочей силы. С согласия императора, целое племя квадов было посажено на правах летов (колонов) на опустошенные войной и эпидемией области Римской империи. Примеру Марка последовал его сын Коммод, принявший на службу 13 тыс. квадов и столько же маркоманнов. В период политической анархии III в. оседание германцев на римской почве еще более усилилось. Клавдий II (Готский), Аврелиан и Проб захватывали в плен десятки тысяч германцев, скифов и других варварских народностей, используя их в качестве боевой и рабочей силы.

Германец

«Провинции наполняли варварами-рабами» (impletae barbaris servis provinciae), «не было ни одной области, где не было бы гота-раба» (nec ulla fuit regio, quae Gothum servum triumphali quodam servitio non haberet)[3].

При Пробе 160 тысяч бастарнов были поселены во Фракии[4].

«Земли, которые они (германцы), может быть, прежде опустошали и разграбляли, теперь как рабы возвращали культуре»[5].

---

[1] *Caes.*, Bell. Alex., 29, 4.

[2] *Dio Cass.*, XLVI, 33; *M. Bang*, Die Germanen im römischen Dienst, 1906.

[3] *Script. Hist. Aug.*, Claudius, 9.

[4] *Script. Hist. Aug.*, Probus, 18.

[5] *Eumen.*, Panegyr. Constant., 5, 1.

Аналогичные указания на захваты германцев в плен и использование их в качестве рабочей силы рассыпаны у Аммиана Марцеллина [1], Эвмения и др. Приведенные свидетельства античных писателей-современников опровергают утверждение фашистской историографии о том, что германцы никогда не знали рабства и не были в подчинении у других народов.

С конца III в. вооружение, стратегические и тактические приемы римской армии варваризируются, командный состав и нижние чины почти сплошь вербуются из сынов германских лесов или южнорусских степей (сарматов). Солдат становится синонимом слова «варвар», военная казна называется «варварская казна» (fiscus barbaricus) и т.п. Варваризация римской армии и римского строя, значительная в III в., усилилась при христианских императорах Константине Великом и Феодосии Великом. Среди варварских народностей христианство находило большее число прозелитов, нежели в старом языческом грекоэллинском мире. Германцы селились не только в пограничных районах и северных провинциях, но и в южных провинциях — Сицилии, Сардинии, Африке, Испании и Южной Италии [2].

Семья бастарнов на кочевке

Влияние варваров на Римскую империю особенно усиливается во времена Поздней империи. Диоклетиан и Максимиан были сами по происхождению иллирийцы. Высшие командные должности в армии занимались их соплеменниками.

Родом из Мезии был Константин. Варвары при нем занимают видное положение в войске, при дворе и появляются даже в высшем государственном совете (consistorium principis) [3]. Германцы — вандалы, аламаны, саксы и франки — совершенно овладели римским государством, — жалуется живший при Валенте и Валентиниане историк Аммиан Марцеллин [4].

---

[1] *Amm. Marcell.*, XVII, 13, 3; XIX, 11, 6; XXVIII, 5, 15; XXXI, 9,4.
[2] *Iord.*, Get., 22, 115.
[3] *Eumen.*, Vita Constantini, VI.
[4] *Amm. Marcell.*, XXI, 10, 3.

Нападение римлян на германскую деревню

Для эпохи упадка и разложения последних веков Римской империи характерно подражание варварам. Это подражание становилось модой, захватившей двор и аристократию. Варварам подражали в костюмах, манерах, повадках и разговоре, входили в моду длинная борода и длинные волосы, платье приняло северный покрой, появились башмаки, чулки и даже шубы; варваризировалась также и римская кулинария, прежняя растительная пища заменялась мясным и молочным столом. В аристократических фамилиях и в императорских дворцах находились страстные германофилы, вроде Каракаллы. Самое прозвище Каракалла происходит от галло-германского плаща caracalla. Грациана упрекали в пристрастии к германским офицерам, ходили слухи о переписке Констанция с варварскими вождями и многое другое. К числу рьяных германофилов принадлежал также и император Феодосий Великий, «друг мира и готов».

Пленные германские женщины

Идеализация германского строя, германских нравов и обычаев нашла свое отражение также и в литературе, в особенности у писателей, отрицательно настроенных в отношении римских порядков и римской культуры классической (языческой) эпохи. С подобной идеализацией встречаемся, например, во «Всемирной истории» (Historiarum libri VII adversus paganos) Павла Орозия, христианского писателя и пресвитера V в.

2. «ВЕЛИКОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ НАРОДОВ»

Напор германцев на римские границы особенно чувствительным становится со второй половины IV в., с династии Валентинианов, со времени так называемого *великого переселения народов*. Толчок к великому переселению народов исходил из Центральной Азии.

Казнь пленных германцев

В IV — VI вв. в Азии происходил процесс, аналогичный великому переселению в Европе. Казалось, весь мир пришел в движение. Азиатские государства — Китай, Индия и Персия — испытывали постоянные толчки и давления со стороны многочисленных тюрко-монгольских народностей, просачивавшихся через границы названных стран. Часть тюрко-монгольских народностей — хиунг-ну, или *гунны*, — в своем движении с востока на запад в поисках пастбищ для скота и земли для людей достигли Каспийского моря и через Каспийские ворота пробрались до низовья Волги и Черного моря. Под напором гуннов пришли в движение германские *племена готов* (gothi, gothones); восточные готы (остготы) потеснили западных готов (вестготов). Часть готов подчинилась гуннам, признала гегемонию гуннского хана и вошла в состав Гуннского ханства. Другая же часть готов продвинулась к римским границам, осев на территории Римской империи на правах федератов. Но, не удовлетворившись отведенными ей землями, орда готов взяла марш на восток, в направлении Константинополя. Попытка императора восточной половины Империи Валента задержать готов окончилась неудачей. В ожесточенной сече при *Адрианополе* в 378 г. Валент был разбит и убит. Дальнейшее продвижение готов на восток все же было задержано. Из опасения возможного повторения готского нашествия на Константинополь император Грациан назначил соправителем восточной половины Империи с титулом августа известного полководца, испытанного бойца Флавия Феодосия, испанца по происхождению.

В конце IV и первые десятилетия V в. Римская империя переживала настоящую катастрофу. Центробежные силы развернулись во всю ширь. Повсюду подымались узурпаторы, происходили восстания, захваты городов и поместий, в Африке вновь поднялись донатисты, провинции провозглашали себя самостоятельными империями, дезертирство и разбойничество приняли неслыханные до того времени размеры, как это можно заключить на основании многочисленных документов конца IV и в особенности V в., относящихся к данному вопросу [1].

Со всех сторон напирали варвары. Перемещение войск с восточных границ на запад ослабило восточный фронт и тем самым ускорило продвижение гуннов в Армению, Фракию, Малую Азию и Сирию. Грецию опустошали вестготы под предводительством Алариха, а маркоманны со среднего Дуная прорвались к Адриатике.

В последний раз Римскую империю собрал и объединил Феодосий I Великий, преемник Грациана. Но это объединение было чрезвычайно кратковременным, продолжалось

---

[1] *Cod. Theod.*, VII, 18,4.

всего только один год. После смерти Феодосия (395 г.), его преемниками остались два его несовершеннолетних сына — *Аркадий* и *Гонорий*. С этого времени наступает период глубокого разложения государственной власти, понижения престижа императора и господства временщиков, опекунов императоров. Большая часть императорских опекунов, фактических правителей государства, выходила из варваров, чаще всего из германцев. Опекунами римских императоров становились влиятельные германские вожди, имевшие большие поместья, содержавшие на свой счет дружины и располагавшие массой клиентов и рабов. В качестве высших сановников Римского государства (римских патрициев) варварские вожди по своему усмотрению смещали и назначали римских императоров, пока, наконец, сами не превратились в римских императоров.

Согласно воле умершего императора, опекуном Аркадия (395—408 гг.), августа восточной половины Империи, был назначен галл *Руфин*, а Гонория (395—423 гг.) — вандал *Стилихон* (Stilico), прославившийся победами над бастарнами, готами, гуннами и аланами. Ко всем прочим, разлагавшим римскую государственность, силам прибавилась еще новая сила — *вражда восточного и западного дворов*. Неприязненные отношения между восточным и западным двором и смертельная вражда между опекунами молодых императоров — Руфином и Стилихоном — вконец ослабили силу сопротивления римлян прорвавшимся через границы варварам.

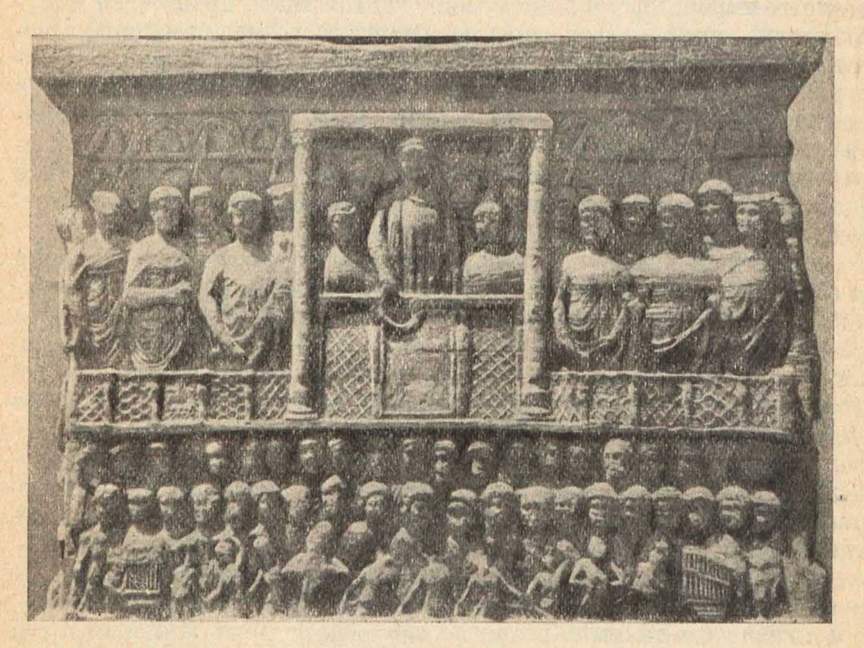
Ненавидевшие друг друга Руфин и Стилихон поочередно обращались за поддержкой к готскому вождю *Алариху* (Alaricus), втягивая его таким образом во внутренние дела Империи и тем самым подготовляя почву для последующего захвата Рима германцами.

После устранения Руфина Стилихон сделался единым главой государства, привлекши на свою сторону старую знать рядом выгодных для нее реформ — сложением тяготевших на аристократических поместьях долгов, заменой поставки рекрутов невысоким денежным налогом и т. д.

И тем не менее дружба Стилихона с аристократией продолжалась недолго. При дворе имелась *группа патриотов* — римлян, подозрительно относившаяся как к самому варвару Стилихону, так и к окружавшей его свите германцев. Патриотам удалось настроить против влиятельного временщика императора Гонория, войти в соглашение с патриотически настроенным офицерством и вызвать ряд восстаний, наиболее серьезным из которых было восстание *Гильдона* в Африке. Отпадение Африки тотчас же отразилось на снабжении столицы, вызвав ряд серьезных взрывов недовольства, возникших на почве голода. Стилихону удалось разбить Гильдона (398 г.), но вслед за этим

последовало вторжение в Италию Алариха, действовавшего с согласия императрицы Евдоксии, жены Аркадия.

В 401 г. вестготы из Иллирика, где они тогда находились, двинулись на Италию, но при *Полленции и Вероне* (402 г.) Аларих был разбит и согласился заключить мир с Римом при условии

Император Феодосий со своими сыновьями в цирковой ложе с венком для победителя

уступки ему части территории. Условие было принято, вестготы получили земли в бассейне реки Савы.

На этом дело не остановилось. За вестготами поднялись остготы, аланы, вандалы, свевы, бургунды, аламаны и многие другие германские и негерманские племена.

Недовольная политикой уступок партия патриотов обвинила Стилихона в государственной измене, убедив в этом слабовольного, поддавшегося различным влияниям, Гонория. Стилихон был осужден и обезглавлен (408 г.).

Смерть Стилихона послужила поводом для нового вторжения вестготов в Италию. Требуя исполнения договора, заключенного со Стилихоном, Аларих два раза осаждал Рим и, наконец, *14 августа 410 г.*, взял столицу мира, подвергнув ее жестокому разграблению, захватил массу добычи и военнопленных, в том числе дочь Феодосия Великого, сестру Гонория, Плацидию [1].

[1] *Iord.*, Get., 30, 157; *Olympiod.*, fr. 15.

В качестве выкупа Аларих получил 5 тыс. фунтов золота, 30 тыс. фунтов серебра, 3 тыс. дорогих пурпуровых одежд, 4 тыс. шелковых камзолов, 3 тыс. фунтов перцу и многое другое. Для уплаты наложенной дани сенат приказал произвести конфискацию храмовых и частных имуществ и перелить дорогие вещи и статуи, в том числе и статую Римской доблести (Virtus), символ римских побед, славы и господства.

В своем движении от Равенны до Рима готский вождь почти не встречал никакого сопротивления. Высшие классы были совершенно деморализованы и неспособны к сколько-нибудь напряженной борьбе, чиновники продажны и трусливы, низшие же классы смотрели на Алариха как на своего избавителя и переходили на его сторону.

Во время осады Рима рабы-германцы устроили погром своих господ, открыли Алариху Саларийские ворота и в количестве 40 тыс. перешли на его сторону[1].

В ненависти к римскому государству объединились варвары, рабы и свободные. К своим противникам Аларих относился с полным презрением. «Чем гуще трава, тем легче ее косить», — ответил вестготский конунг на сообщение о большом числе предполагаемых защитников Рима. На современников взятие «вечного города» произвело потрясающее впечатление.

«Страшный слух, — повествует римский писатель Иероним (335—420 гг.), современник этого события, — пронесся с запада: Рим в осаде, спасение граждан покупается золотом, их вновь осаждают, уже ограбленных, чтобы после имущества лишить и жизни. Срывается голос, и рыдание мешает продолжать письмо. Покорен город, который покорил всю вселенную!»

Далее Иероним описывает отчаянное состояние римских граждан во время осады.

«Рим погиб не столько от меча, сколько от голода и болезней. Безумие голодающих дошло до пределов: рвали друг друга, мать не щадила грудного младенца своего, и ее чрево вновь принимало то, что она родила» [2].

В известной мере захват Рима Аларихом можно считать концом Римской империи и греко-римской античности. Город Рим после разграбления вестготами продолжал существовать и даже заново отстроился, но это уже не был старый императорский Рим. Рим V в. более походил на средневековый папский город со множеством церквей и церковных зданий. Перенесение столицы из Рима на север Италии, в Равенну, и особенно захват «мировой столицы» варварами, свидетельствовавшие о полном упадке рабовладельческой государственности и ослаблении импе-

---

[1] *Zosim.*, V, 42, 3.
[2] *Hieronym.*, Epist., 127, 12.

раторской власти, способствовали возвышению церкви и ее главы — *римского папы*. Функции светского императора переходили к церковному императору — папе, переговоры с варварскими королями, заведывание финансами, благотворительность, образование, устройство зрелищ и развлечений и пр. переходили к церкви. При таком всемогуществе церкви и ее главы, «единственного защитника и отца города», римские императоры вне зависимости от их субъективных настроений в вопросах религии должны были серьезно считаться с христианской церковью и папским авторитетом. В этом заключается причина издания многочисленных декретов об «очищении» языческих храмов и водружении на них «знака святой христианской религии» (креста). Преследования языческой религии, все еще имевшей немалое число сторонников, и декреты в интересах ортодоксальной церкви совпадали с периодами поражений, общественных бедствий, эпидемий и голодовок и, следовательно, с ослаблением государственной власти. Таковы вышеприведенные декреты Гонория и Феодосия II о конфискации храмовых имуществ, запрещении языческих празднеств и культа.

После разграбления Рима Аларих взял путь в хлебородные части Италии—Кампанию, оттуда в Сицилию — и затем в Африку, главную житницу Римской империи. Однако этот план не был осуществлен вследствие трудности перехода и внезапной смерти вождя. Аларих умер в Консенции 34 лет от роду. Вождь готов был погребен с большим почетом в могиле, вырытой рабами, в большом числе находившимися в его стане, на дне реки Бузент. После того как могила Алариха со множеством сокровищ была зарыта, река была возвращена в свое русло, а рабы, знавшие местонахождение могилы, были убиты [1].

Преемник Алариха, его племянник *Атаульф*, отказался от завоевания Африки и повернул в Галлию.

Толчок перемещения народов попрежнему исходил от гуннов. При Аттиле *Гуннское ханство* достигло колоссальных размеров, растянувшись от Кавказа до Рейна и Дуная. На востоке верховенство Аттилы признавалось до китайской стены. Гуннское ханство представляло громадную, но слабо спаянную федерацию, состоявшую из массы самых разнообразных племен — скифов, сарматов, аланов, франков, ругиев и пр. Входившие в состав Гуннского ханства княжества управлялись собственными князьями, вассалами верховного хана.

Объединивший под своей властью все части Гуннского ханства, *Аттила* (434—453 гг.) подчинил своему влиянию правый берег Дуная, имея намерение в дальнейшем распространить свою власть на Балканский полуостров и Фракию вплоть до Констан-

---

[1] *Iord.*, Get., 30, 158.

тинополя. Император восточной империи *Феодосий II* (408—450 гг.), не могший задержать движение Аттилы, пошел на уступки, заплатил единовременно 6 тыс. фунтов золота и, признав себя вассалом гуннского хана, согласился на уплату ежегодной дани в 700 фунтов золотом и уступил часть территории.

После заключения мира с *Феодосием II* Аттила с востока повернул на запад в долину Дуная и по верхнему Дунаю и Рейну двинулся в направлении Галлии. Императором Западной империи в это время был *Валентиниан III* (425—455 гг.), за малолетством которого государством управляла его мать *Галла Плацидия* (Galla Placidia) и командир придворной гвардии (comes domesticorum) иллириец *Флавий Аэций* (Flavius Aetius), опекун молодого императора. Благодаря своему авторитету, Аэцию, одержавшему ряд побед на рейнско-дунайской границе и умевшему ладить с грозным царем гуннов, удалось на время ослабить борьбу придворных котерий и подчинить своему влиянию императора и его мать. Одновременно с этим Аэций вел дипломатическую политику в отношении варваров. В качестве заложника Алариха долго проживший среди варваров и хорошо изучивший их быт и нравы, Аэций искусно пользовался раздорами в лагере врагов, с помощью гуннов разгромил бургундов, франков, заключил мир с королем вандалов Гейзерихом, подавил восстание багаудов и обеспечил снабжение Рима хлебом.

С коалицией римлян и германцев — вестготов, франков и бургундов, Аэций выступил против самого Аттилы, надвигавшегося на Западную Европу. Потребовав от римского императора уступки территории, контрибуции и руки Гонории, сестры Валентиниана, и получив в этом отказ, Аттила с войском, по преданию, доходившим до 700 тыс. человек, двинулся к Рейну, наводнил Галлию и осадил город Орлеан, но по стратегическим соображениям отодвинул свою армию к Марне и в 451 г. на *Каталаунских полях*, близ Труа, столкнулся с Аэцием. Произошла ожесточенная «битва народов», в которой победу одержали римляне и их союзники (готы). Аттила отступил за Рейн и в следующем, 452-м, году предпринял новый поход на Италию, но, потерпев неудачу под Аквилеей, вступил в мирные переговоры с папой Львом, которые не были доведены до конца вследствие внезапной смерти вождя гуннов (453 г.). Разгром Аттилы повлек за собой распад Гуннского ханства, раскрошившегося на свои составные части.

3. КОНЕЦ ЗАПАДНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

В следующем, 454-м, году жертвой придворных интриг и подозрительности императора пал победитель Аттилы Аэций, возбуждавший зависть своим влиянием, богатством и уважением,

которым он пользовался среди варваров, а через год та же самая участь постигла и Валентиниана III, убитого заговорщиками [1]. После Валентиниана идет серия императоров и узурпаторов, быстро сменявших друг друга, что указывало на глубокий кризис римской государственности, противоречивость и неустойчивость социальных группировок. Валентиниана сменил *Петроний Максим*, влиятельный сенатор, глава заговора. Вдова убитого императора Евдоксия из мести за убийство своего мужа призвала на помощь вандальского короля Гейзериха. Последний выступил на защиту свергнутой династии, блокировал своим флотом устье Тибра и после короткой осады 2 июня 455 г. взял «вечный город» и в течение двух недель подверг его жестокому разгрому — «вандализму». Петроний Максим был убит в уличной схватке, а императором провозглашен галльский магнат Авит (Avitus, 455—456 гг.), против которого выступил начальник придворной гвардии свев *Флавий Рицимер* (Flavius Ricimer), искусно лавировавший между борющимися группами. Сколь ни была, однако, искусна политика Рицимера, стоявшего во главе Римского государства до 472 г., все-таки ему не удалось ни восстановить авторитет императорской власти, ни остановить распад Римской империи.

По мере приближения античного мира к закату, разложение римской государственности все расширялось и углублялось. В V в. общее положение было значительно хуже, чем в конце IV в. Войны, постоянные государственные перевороты, непомерные налоги, повинности и реквизиции совершенно подорвали социально-экономическую основу Римского государства. «Все разрушено и разграблено», — говорится в поэме неизвестного автора «О провидении» (De providentia), — у кого было сто волов, осталось только два, кто ездил на лошади, ходит пешком. Поля, города — все изменило вид. Меч, огонь, голод — все бичи зараз губят род человеческий. На земле исчез мир: настал общий конец».

Более других стран пострадала сама Италия, представлявшая в середине V в. жалкое зрелище запустения и одичания. Целые территории были заброшены, превратились в пустыни и малярийные болота, в благословенной Кампании насчитывалось более 500 тысяч югеров пустырей [2].

Печальную картину представлял и сам город Рим, некогда «мраморная столица» Средиземноморской империи, caput mundi; римский форум зарос густой травой, на которой паслись свиньи. Рим уже давно перестал быть столицей Римской империи. Политический центр передвинулся на север, в *Милан* и *Равенну*, в Циспаданской Галлии, расположенные среди лесов и болот и представлявшие собой неприступные крепости. Производитель-

---

[1] *Sid. Apoll.*, 359.
[2] *Cod. Theod.*, XI, 28, 2.

ные силы Империи понижались, общество грубело, человеческая жизнь теряла свою ценность, распространялись суеверия, рождаемость сокращалась.

Как в Италии, так и в провинциях хуже всего приходилось низшим классам римского общества, в особенности сельскому населению — колонам, рабам и мелким посессорам. В конце концов положение низших классов сделалось совершенно невыносимым. Разлагавшееся государство усиливало давление на податные классы, выкачивая из них последние соки и с беспощадной строгостью проводя в жизнь принцип «приписки» к тяглу. «Римское государство превратилось в гигантскую сложную машину исключительно для высасывания соков из подданных» [1].

Выбитые из колеи и снимавшиеся с насиженных мест люди искали убежища за крепкими стенами светских и церковных поместий — замков, окруженных башнями (turres), рвами и оградами. Патроцинии росли, а земельные магнаты превращались в самостоятельных феодальных сеньоров, или князей.

Другой формой социального протеста против фискальной системы, произвола имперской бюрократии и самовластия магнатов, характерной для поздней античности, было *массовое бегство рабов и колонов к варварам*, где жизнь, казалось, была более легкой и простой. Об этом имеется достаточно свидетельств, исходящих из самых разнородных источников.

«В наше время, — повествуется в «Управлении божием» марсельского священника Сальвиана, — единственное желание состоит в том, чтобы не пришлось опять когда-нибудь подпасть под римские законы. Единственная и всеобщая мечта римского простолюдина жить с варварами. И мы еще удивляемся, что не можем победить готов, когда сами римляне предпочитают быть с ними. Итак, наши братья не только не желают перейти от готов к нам, но еще к ним бегут и нас покидают».

«Меня, — продолжает тот же автор, — во всем этом поражает только одно обстоятельство: отчего не все наши бедные и несчастные обращаются к этому средству, чтобы спастись от угнетения. Я думаю, что их удерживает одно: трудность перенести с собой в чужую землю свою рухлядь, свои хижины и свое семейство» [2].

Бегство за пределы Римской империи было последним и наиболее, с государственной точки зрения, опасным видом классовой борьбы, к которому прибегали отчаявшиеся и измученные люди. Массовым бегством колонов, рабов и вообще всех угнетенных слоев Римской империи к врагам объясняются частые поражения и захват римской территории германцами.

---

[1] *Энгельс*, Происхождение семьи, частной собственности и государства, М., Партиздат, 1932 г., стр. 149.

[2] *Salv.*, De gubern. Dei, V, 15—16.

«Налоги, государственные повинности и оброки разного рода погружали массу населения во все более глубокую нищету; этот гнет усиливали до невыносимости вымогательства наместников, сборщиков налогов, солдат. Своим мировым господством римское государство привело к такому положению: свое право на существование оно основывало на поддержании порядка внутри и на защите от варваров извне, но его порядок был хуже злейшего беспорядка, а варваров, от которых оно бралось защищать граждан, последние ожидали как спасителей» [1].

Материальные ресурсы Римского государства сократились до такой степени, что обедневшие императоры не могли даже удовлетворить наемников, требовавших денег и земель, и вследствие этого свергались один за другим.

Во время одного из таких восстаний в 476 г. вождь германских наемников *Одоакр* (Odovakar, или Odoacer) низверг римского императора *Ромула Августула* (Romulus Augustulus), предварительно умертвив его отца Ореста, начальника придворной гвардии. По германскому обычаю, Одоакр был поднят своими дружинниками на щит и провозглашен императором. Поставленный перед совершившимся фактом, восточный император Зенон признал его своим соправителем. Одоакр получил в управление Италию с титулом римского патриция.

Одоакр сохранил древние римские учреждения, но конфисковал треть земли, которую поделил между своими воинами. Ромулу Августулу, последнему римскому императору, германский князь сохранил жизнь, подарил роскошную виллу в Кампании и назначил ежегодную пенсию в 600 солидов. *23 августа 476 г.* [2] — год низложения Ромула Августула и образования на почве Италии первого германского королевства — считается годом *падения Западной римской империи* и концом античного мира. Образование германского королевства в Италии являлось заключительным аккордом расчленения Западной римской империи и распада всех возникших на античной почве социально-политических и культурных образований, опрокинутых варварами.

«Известно, что старый Рим точно так же смотрел на предков нынешних германцев и французов, как смотрят теперь представители «высшей расы» на славянские племена. Известно, что старый Рим третировал их «низшей расой», «варварами», призванными быть в вечном подчинении «высшей расе», «великому Риму», при чем — между нами будь сказано, — старый Рим имел для этого некоторое основание, чего нельзя сказать о представителях нынешней «высшей расы». А что из этого вышло? Вышло

---

[1] *Энгельс*, Происхождение семьи, частной собственности и государства, М., Партиздат, 1932 г., стр. 149.

[2] *Procop.*, Bell. Goth., I, 1.

то, что не-римляне, т. е. все «варвары», объединились против общего врага и с громом опрокинули Рим» [1].

Распад Римской империи в то же самое время был началом средних веков и образования на римской почве полуфеодальных государств, или королевств. В течение V в. на развалинах бывшей Римской империи сложились: 1) *государство вестготов* в Галлии и Испании, 2) *государство бургундов*, 3) *государство франков*, 4) *государство аламанов*, 5) *государство остготов*, 6) *государство Одоакра* в Италии и 7) *государство вандалов* в Африке.

В дальнейшем каждое из названных государств в свою очередь раздробилось на более мелкие политические тела. Процесс образования новых обществ и государств продолжался до крестовых походов (конец XI в.), когда сложились современные западноевропейские государства.

В заключение, подводя итог всему сказанному относительно распада Римской империи, мы видим, что распад Западной римской империи явился следствием двух основных причин: 1) разложения римского рабовладельческого государства и связанной с этим процессом революции рабов и колонов и 2) роста варварских обществ. В обоих случаях социально-экономический процесс шел в сторону феодализации. В то время как обширный ойкос, именовавшийся римским государством, распадался на более мелкие ойкосы — провинции, города и поместья, монастыри, корпорации и пр., — германские общины феодализировались, из родовых и племенных союзов превращались в настоящие государства. В варварских государствах V в. оба феодализирующих процесса встретились и слились в единый поток, из которого впоследствии выросли западноевропейские общества и западноевропейская культура. Разложение рабовладельческого строя вело к революции рабов и колонов и одновременно было вызреванием нового феодального общества. Это был сложный исторический процесс, продолжавшийся около 200 лет и при современном состоянии наших знаний по античной истории далеко еще не ясный и в достаточной мере не изученный.

«Для того, чтобы феодальная система хозяйства доказала свое превосходство над рабской системой хозяйства, на это ушло, кажется, около двухсот лет, если не меньше» [2].

Историческое значение захвата Рима варварами заключалось в том, что они влили в гибнувшую античную цивилизацию новую жизнь и обновили производственные основы. «Исчезло античное рабство, — говорит Энгельс, — исчезли обнищавшие свободные, презиравшие труд как рабское занятие. Между рим-

---

[1] *Сталин*, Отчетный доклад XVII съезду партии о работе ЦК ВКП (б), 1934 г., стр. 14.

[2] *Сталин*, Об оппозиции, М. — Л., 1928 г., стр. 537.

ским колоном и новым крепостным стоял свободный франкский крестьянин... Общественные классы IX столетия сформировались не в обстановке упадка гибнущей цивилизации, а в муках родов новой цивилизации»...

«Германцы, в действительности вновь оживили Европу, и поэтому разрушение государств, происходившее в германский период, закончилось не норманно-сарацинским завоеванием, а дальнейшим развитием феодализма из бенефиций и отдачи под покровительство (коммендации) и столь громадным ростом населения, что всего лишь двести лет спустя были перенесены без вреда сильные кровопускания крестовых походов».

«Но в чем состояло то таинственное волшебное средство, при помощи которого германцы вдохнули новую жизненную силу в умирающую Европу? Была ли это особая, прирожденная германскому племени чудодейственная сила, как это выдумывает наша шовинистическая историография? Отнюдь нет... Но омолодили Европу не их (германцев.—*В. С.*) специфические национальные особенности, а просто... их варварство, их родовой строй».

«...И высшая ступень варварства, до которой добрались германцы перед переселением народов, как раз наиболее благоприятствовала этому процессу. Этим объясняется все» [1].

Так протекал процесс разложения западной половины Римской империи. Иначе развивалась история ее восточной половины.

Римский Восток отделился от Запада еще в конце IV в. Восточная половина Римской империи, как и западная, подвергалась воздействию варваров, главным образом, народов Восточной Европы. Уже в начале VI в. происходят столкновения со славянами. Это не были только военные столкновения. Славяне поселились в различных областях Восточной Римской империи и принесли с собой родовой строй и общину. Они составили сильный слой свободного крестьянства.

Феодализация общественных отношений имела место и в восточной половине империи, но это было феодальное общество иного типа, при котором сохранялось значительно больше рабовладельческих элементов, чем на Западе. Города и городской строй, составляющие базу Римской империи, на Востоке сохранялись в гораздо большей степени, чем на Западе, и потому здесь прочнее сохранились социально-политические и культурные формы, характерные для античных городских обществ. Благодаря этому *Новоримская*, или *Византийская империя*, просуществовавшая до конца XV в., играла роль посредника между античным и европейским миром.

---

[1] *Энгельс*, Происхождение семьи, частной собственности и государства, М., Партиздат, 1932 г., стр. 156—158.

ПРИЛОЖЕНИЯ

БИБЛИОГРАФИЯ

КЛАССИКИ МАРКСИЗМА

Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства.
Энгельс, О первоначальном христианстве, ОГИЗ—ГАИЗ, 1933.
Энгельс, Бруно Бауэр и раннее христианство, Партиздат, М. 1933.
Маркс и *Энгельс*, Немецкая идеология.
Маркс, Капитал, т. I, т. III.
Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. I—III.
Энгельс, Анти-Дюринг.
Энгельс, Диалектика природы.
Ленин, О государстве, Собр. соч., т. XXIV.
Сталин, Речь на I Всесоюзном съезде колхозников-ударников.
Сталин, Отчетный доклад XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б).

ОБЩИЕ РАБОТЫ ПО ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО РИМА

Тюменев А., История античных рабовладельческих обществ, М.—Л. 1935.
Струве В., Хрестоматия по древней истории, ч. II, М. 1936.
Жебелев А. С., Древний Рим, ч. I, Царская и республиканская эпохи, 1922; ч. II, Римская империя, 1923.
Нетушил И. В., Обзор Римской империи, 2-е изд., Харьков 1916.
Низе Б., Очерк римской истории и источниковедения, 3-е изд., Спб. 1910.
Виппер Р., Очерки по истории Римской империи, М. 1908.
Моммзен Т., Римская история, т. I, т. II, М. 1936—1937, т. III, Спб. 1887, т. V, Спб. 1885.
Ферреро Г., Величие и падение Рима, т. I—V, М. 1915—1923.
«The Cambridge Ancient History», vol. VII—XI.
v. VII, The Hellenistic Monarchies and the rise of Rome, 1928.
v. VIII, Rome and the Mediterranean 218—133 B. C., 1930.
v. IX, The Roman Republic 133—44 B. C., 1932.
v. X, The Augustan Empire, 44 B. C. — 70 A. D., 1934.
v. XI, The Imperial Peace A. D. 70—192, 1936.
«Histoire générale» publiée sous la direction de *G. Glotz*.
«Histoire ancienne», troisième partie; «Histoire Romaine», t. I, *Pais E.*, Histoire Romaine des origines à l'achevement de la conquête (133 avant J. C.), Paris 1926, t. II, *Bloch G.* et *Carcopino J.*, La République romaine de 133 à 44 avant J. C., Paris 1935, fasc. 1 et 2, t. III, *Homo L.*, Le Haut Empire, 1933.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО РИМА

Мейер Эд., Экономическое развитие древнего мира, М. 1910.
Мейер Эд., Рабство в древности, М. 1899.
Бюхер К., Возникновение народного хозяйства, М. 1921.
Пельман Р., История античного социализма и коммунизма, изд. Брокгауз-Ефрон.
Вебер М., Аграрная история древнего мира, М. 1923.

Сальвиоли Г., Капитализм в древнем мире, [Харьков] 1923.
Мишулин А. В., О воспроизводстве в античной общественной формации, 1932 («Известия ГАИМК», т. XIII, вып. 8).
Frank T., Economic History of Rome, London 1927.
Toutain J., L'économie antique, Paris 1927 (L'évolution de l'humanité).
Weber M., Die römische Agrargeschichte in ihrer Bedeutung für das Staats- und Privatrecht, Stuttgart 1891.
Gummerus H., Der römische Gutsbetrieb («Klio», Beiheft 5, 1906).
Westermann W. L. Sklaverei, «Pauly-Wissowa Real-Encyclopädie», Suppl. VI, 1936.
Wallon H., Histoire de l'esclavage dans l'antiquité, v. II—III, Paris 1879.
Durchbach F., Choix d'inscriptions de Délos, 1921—1922.
Bang M., Die Herkunft der römischen Sklaven; Röm. Mitt. 1910, S. 25, 1912, S. 27.
Ormerod H., Piracy in the ancient world, Liverpool 1924.
Beloch J., Die Bevölkerung der griechisch-römischen Welt, Leipzig 1886.
Cavaignac E., Population et capital dans le monde méditerranéen antique, Paris 1923.
Hatzfeld J., Les trafiquants italiens dans l'Orient hellénique, Paris 1919.
Pringsheim F., Zum römischen Bankwesen, «Vierteljahresschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte», 1919.
Gelzer M., Die Nobilität der römischen Republik, Leipzig u. Berlin 1912.
Waltzing J.-P., Étude historique sur les corporations professionelles chez les Romains, 1—4 vol., Louvain 1895—1900.
Chapot V., Le monde romain, Paris 1926 (L'évolution de l'humanité).
Дельбрюк Г., История военного искусства в рамках политической истории, т. I, М. 1936.
Kromayer J. u. *Veith H.*, Heerwesen und Kriegführung der Griechen und Römer, München 1928.

ПРАВО. ЛИТЕРАТУРА. РЕЛИГИЯ. АРХИТЕКТУРА

Виллемс П., Римское государственное право, вып. 1—2; Киев 1888—1892.
Нетушил И. В., Очерк римских государственных древностей, вып. 1—2—3, 1894, 1897, 1902.
Покровский И. А., История римского права, 4-е изд., Петроград 1918.
Bruns-Gradenwitz, Fontes iuris Romani antiqui., 7 éd., Tübingen 1909.
Marquardt J., Römische Staatsverwaltung, Bd. I—II, Leipzig 1881—1884.
Mommsen Th., Römisches Staatsrecht, Bd. I—II, 3 Aufl., Leipzig 1887; Bd. III, Leipzig 1888.
Homo L., Les institutions politiques romaines, Paris 1927 (L'évolution de l'humanité).
Модестов В. И., Лекции по истории римской литературы, Спб. 1888.
Schanz M. u. *Hosius C.*, Geschichte der römischen Literatur, München 1927.
Wissowa G., Religion und Kultus der Römer, 2 Aufl., München 1912 (Handbuch der klassischen Altertumswissenschaft).
Grenier A., Le génie romain dans la religion, la pensée et l'art, Paris 1925 (L'évolution de l'humanité).
Брунов Н., Очерки по истории архитектуры, т. II, Academia, М.—Л. 1935.

ДОРИМСКАЯ ИТАЛИЯ

Марр Н., Яфетическая теория, Избран. раб., т. II, 1936.
Марр Н., Сена, Саона, Лютеция и первые обитатели Галлии, этруски и пелазги, Избр. раб., т. I, 1933.
Модестов, Введение в римскую историю. Вопросы доисторической этно-

логии и культурных влияний в доримскую эпоху в Италии и начало Рима, т. I—II, Спб. 1902—1904.
Nissen H., Italische Landeskunde, Berlin 1883—1902.
Homo L., L'Italie primitive et les débuts de l'impérialisme romain, Paris 1926.
Schuchardt C., Alteuropa in seiner Kultur und Stilentwicklung, Berlin 1919.
Conway R. S., Italy in the Etruscan age, Cambridge Ancient History, v. IV, 1926, p. 433—468.
Helbig W., Die Italiker in der Poebene, Berlin 1879.
Grenier A., Bologne villanovienne et étrusque, Paris 1912.
Martha L., La langue étrusque, Paris 1913.
Herbig G., Religion und Kultus der Etrusker, 1902.
Ducati P., Storia dell'arte etrusca, 1927.
Pais E., Storia critica di Roma duranti i primi cinque secoli, v. 5, 1913—1920.
Pinza G., Monumenti primitivi di Roma e del Lazio antico, Roma, 1905,
«Journal of the Anthropological Institute of Great Britain and Ireland», London.

ОБЩИЕ РАБОТЫ ПО ИСТОРИИ РИМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Нич К., История Римской республики, М. 1908.
Drumann W. u. *Groebe P.*, Geschichte Roms in seinem Uebergange von der republikanischen zur monarchischen Verfassung, 6 B-de, 2 Aufl., Berlin 1899—1929.
Piganiol An., La conquête romaine, Paris 1927 (Peuples et civilisations).
Beloch K. J., Römische Geschichte bis zum Beginn der Punischen Kriege, Berlin und Leipzig 1926.
Frank T., Rome and Italy of the Republic, Baltimore 1933 (An economic survey of ancient Rome).

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПО ИСТОРИИ РЕСПУБЛИКИ

Марр Н., Карфаген и Рим, fas и jus. — Сообщ. ГАИМК, 1929, т. II, стр. 372—415.
История древнего мира, т. I, Древний Восток, под ред. В. Струве, М. 1937.
Тураев Б., История древнего Востока, т. II, М. 1936.
Протасова С. И., Борьба общественных идеалов в Риме в эпоху Гракхов, «Из далекого и близкого прошлого», сборник в честь Н. И. Кареева, Пгр. 1923.
Фельсберг Э., Братья Гракхи, Юрьев 1910.
Кончаловский Д. П., Критика данных Аппиана и Плутарха о причинах Гракховского аграрного движения, в сборн. «Из далекого и близкого прошлого», Пгр. 1923, стр. 29 и сл.
Кончаловский Д. П., К вопросу об упадке хлебопашества в Италии в конце Римской республики, сборн. в честь Любавского, Пгр. 1918, стр. 787 и сл.
Мишулин А. В., Спартаковское восстание, М. 1936.
Мишулин А. В., Революция рабов и падение Римской республики, М. 1936.
Буассье Г., Цицерон и его друзья. Очерк о римском обществе времен Цезаря, М. 1915.
Ардашев П., Переписка Цицерона как материал для биографии Цезаря, М. 1891.
Täubler E., Imperium Romanum, Studien zur Entwicklungsgeschichte des römischen Reiches, 1. Die Staatsverträge und Vertragsverhältnisse, Berlin 1913.
Binder J., Die Plebs, Leipzig 1909.
Meyer E., Der Ursprung des Tribunats und die Gemeinde der vier Tribus, Kleine Schriften, I, Halle 1910.

Oberziner, Patriziato e plebe nello svolgimento delle origini romane, Milano 1912.
Täubler E., Untersuchungen zur Geschichte des Decemvirats, Berlin 1921.
Meltzer O., Geschichte der Karthager, Bd. I, 1879; Bd. II, 1896; Bd. III, Kahrstadt J. — 1913.
Gsell S., Histoire ancienne de l'Afrique du Nord, I—VIII, Paris 1913—1928.
Contenau G., La civilisation phénicienne, 1926.
Pais E., Storia di Roma durante le guerre Puniche, v. 1—2, 2 ed., Torino 1935.
Sanctis de G., Storia dei Romani, t. II—III, Torino 1913.
Rathke G., De Romanorum bellis servilibus, Diss, 1904.
Meyer E., Untersuchungen zur Geschichte der Gracchen, Kleine Schriften, I, Halle 1910.
Kornemann E., Zur Geschichte der Gracchenzeit (Klio, Beiheft, 1), 1903.
Münzer F., Tiberius und Gaius Sempronius Gracchus, статья в «Pauly Wissowa Real-Encyclopädie», t. VII, 2, 1912.
Fraccaro P., Studi sull'età dei Gracchi, 1914.
Carcopino J., Autour des Gracques, Paris 1928.
Schulten A., Sertorius, Leipzig 1926.
Levi M., Silla, Milano 1924.
Carcopino J., Sylla ou la monarchie manquée, Paris 1931.
Reinach Th., Mithridate Eupator, roi du Pont, Paris 1890.
Münzer F., Spartakus, «Pauly-Wissowa, Real-Encyclopädie», II Reihe, Bd III, 1.
Meyer E., Cäsars Monarchie und das Principat des Pompeius, 3 Aufl., Stuttgart u. Berlin 1922.

ОБЩИЕ РАБОТЫ ПО ИСТОРИИ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

Гримм Э. Я., Исследования по истории развития римской императорской власти, т. I—II, Спб. 1901—1902.
Bouché-Léclercq, Leçons d'histoire romaine, Paris 1909.
Albertini E., L'Empire romain, Paris 1929 (Peuples et civilisations).
Schiller H., Geschichte der römischen Kaiserzeit, Bd. I, 1—2; Bd. II, Gotha 1883—1887.
Kornemann E., Die römische Kaiserzeit, 1914 (A. Gerke und E. Norden, Einleitung in die Altertumswissenschaft, Bd. III).
Drumann W. u. *Groebe P.*, Geschichte Roms in seinen Uebergängen von der republikanischen zur monarchischen Verfassung, Berlin 1899—1929.
Буасье Г., Картины древнеримской жизни. Очерки общественного настроения времен цезарей, Спб. 1896.
Фридлендер Л., Картины из бытовой истории Рима в эпоху от Августа до конца династии Антонинов, Спб. 1914.
Hirschfeld O., Die kaiserlichen Verwaltungsbeamten bis auf Diocletian, Berlin 1905.
Willems P., Le sénat de la République romaine, Paris 1883.
Abele Th., Der Senat unter Augustus, Paderborn 1907.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ

Charlesworth M., Trade routes and commerce of the Roman Empire, Cambridge 1926.
Della Corte, La fouille de Pompée, 1935.
Thédenat H., Pompei, Paris 1906.
Sorlin-Dorigny, Rustica res., Daremberg et Saglio, Dictionnaire des antiquités, t. IV, p. 916.
Lefebvre de Noettes, La voie romaine et la route moderne, «Revue archéologique», 1925, t. XXII.
Lefebvre de Noettes, La force motrice animale à travers les âges, Paris 1924.

РАБСТВО И КОЛОНАТ

Ciccotti E., Il tramento della schiavitù nel mondo antico, Torino 1899.
Barrow B. H., Slavery in the Roman Empire, London 1928.
Schneider A., Geschichte der Sklaverei im alten Rom, Zürich 1892.
Duff A. M., Freedmen in the early Roman Empire, 1928.
Гревс И., Очерки из истории римского землевладения, преимущественно во времена империи, т. I, Спб. 1899.
Фюстель де Куланж, Римский колонат, Спб. 1908.
Белоруссов М., Колонат, Варшава 1903.
Пригоровский Г., Развитие колонатных отношений в римской Африке, М. 1909.
Beaudouin E., Les grands domaines dans l'Empire romain, Paris 1899.
Heisterberg B., Die Entstehung des Kolonats, Leipzig 1876.
His R., Die Domänen der Römischen Kaiserzeit, Leipzig 1896.

СОСЛОВИЯ. ГОРОДСКОЙ СТРОЙ. ПРОВИНЦИИ

Stein A., Der Römische Ritterstand, München 1927.
Kuhn E., Die städtische und bürgerliche Verfassung des Römischen Reiches bis auf die Zeiten Justinianus, T. I—II, Leipzig 1864—1865.
Liebenam W., Städteverwaltung im römischen Kaiserreiche, Leipzig 1910.
Kornemann E., De civibus Romanis in provinciis imperii consistentibus, 1892.
Weigand E., Baalbek und Rom, die römische Reichskunst in ihrer Entwicklung und Differenzierung, 1914. Jahrb. des deutsch. Arch. Instituts, B. 29.
Winnefeld H., Die Villa des Hadrians bei Tivoli., Berlin 1895.
Kennedy W., Petra, its history and monuments, London 1925.
Jullian C., Histoire de la Gaule, v. I—VII, Paris 1908—1926.
Schulten A., Das römische Afrika, Leipzig 1899.
Broughton T., The romanization of Africa Proconsularis, Baltimore 1929.

РАННЯЯ ИМПЕРИЯ

Gardthausen V., Augustus und seine Zeit, Bd. I—III, Leipzig 1891—1904.
Mommsen Th., Res gestae divi Augusti, 2 Aufl., Berlin 1883.
Ramsay W. M. u. *Premerstein A.*, Monumentum Antiochenum, 1927 («Klio», Beiheft, XIX).
Homo L., Auguste, Paris 1935.
Hammond M., The Augustan principate, Harward 1933.
Lang, Beiträge zur Geschichte des Kaisers Tiberius, Diss., 1911.
Tarver J. C., Tibère, Paris 1934.
Weber W. Traian und Hadrian, Stuttgart 1923.
Weber W., Untersuchungen zur Geschichte des Kaisers Hadrian, Leipzig 1907.
Lacour-Gayet G., Antonin le Pieux et son temps, Paris 1888.
Maccioro V., L'impero Romano nell'età dei Severi, «Riv. stor. ant.», 1905, 10, 1906.
Schulz O., Vom Prinzipat zum Dominat, Paderborn 1919.

ХРИСТИАНСТВО

Буассье Г., Римская религия от Августа до Антонинов, М. 1878.
Буассье Г., Падение язычества, М. 1892.
Велльгаузен Ю., Введение в историю Израиля, Спб. 1909.
Никольский Н. М., Древний Израиль, М. 1922.
Ренан Э., Рим и христианство, «Раннее христианство», отд. II., Спб., изд. Брокгауз-Ефрон. (Общая история европейской культуры, т. VI.),
Ранович А., Античные критики христианства, М. 1935.

Ранович А., Первоисточники по истории раннего христианства, М. 1933.
Reizenstein E., Die hellenistischen Mysterienreligionen. Leipzig—Berlin 1927.
Cumont F., Les religions orientales dans le paganisme romain, Paris 1929.
Toutain J., Les cultes païens dans l'Empire romain, Paris 1905—1917.
Juster J., Les Juifs dans l'Empire romain, Paris 1914.
Faye E. de, Gnostiques et gnostisme, Paris 1925.
Cumont Fr., Les mystères de Sabazius et le judaïsme, «Comptes-rendus de l'Académie des inscriptions», 1906.
Harnack A., Die Mission und Ausbreitung des Christentums in den ersten drei Jahrhunderten, I—II, 4. Aufl., 1923—1924.
Schürer, E., Geschichte des Jüdischen Volkes im Zeitalter Jesu Christi, Bd. II, 2. Aufl., Leipzig 1898.
Eberlein H., Kaiser Mark Aurel und die Christen, Diss., Breslau 1914.

ОБЩИЕ РАБОТЫ ПО ИСТОРИИ ПОЗДНЕЙ ИМПЕРИИ

Гиббон Э., История упадка и разрушения Римской империи, т. I—IV, М. 1883—1884.
Петрушевский Д. М., Очерки по истории средневекового общества и государства, М. 1922.
Lot F., La fin du monde antique et le début du moyen âge, Paris 1928 (L'évolution de l'humanité).
Stein E., Geschichte des Spätrömischen Reiches, B. I, Wien 1928.
Bury J., History of the later Roman Empire, v. I—II, London 1923.

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПО ИСТОРИИ ПОЗДНЕЙ ИМПЕРИИ

Архангельский С., Указ Диоклетиана о таксах, Нижний Новгород 1928.
«Древние германцы», Сборник документов, вводная статья и ред. А. Д. Удальцова, М. 1937.
Stade K., Der Politiker Diocletian und die letzte Christenverfolgung, Wiesbaden 1926.
Blümner H., Der Maximaltarif des Diocletians, Berlin 1893.
Mommsen Th., Ueber das Edict Diocletians «De pretiis rerum venalium», Gesammelte Schriften, II, Berlin 1905.
Bücher K., Beiträge zur Wirtschaftsgeschichte, Tübingen 1922.
Bücher K., Die Diokletianische Taxordnung vom Jahre 301, «Zeitschrift für gesammte Staatswissenschaft», 1894, 50.
Bott H., Die Grundzüge der diocletianischen Steuerverfassung, Diss., Frankfurt 1928.
Burckhardt J., Die Zeit Konstantin des Grossen, 1853.
Piganiol A., L'empereur Constantin, Paris 1932.
Grabe O., Die Preisrevolution im IV Jahrhundert und ihre Ursachen, 1923.
Segrè A., Circolazione monetaria e prezzi nel mondo antico, Roma 1923.
Mickwitz G., Geld und Wirtschaft im Römischen Reich des IV Jahrhundert, Helsingfors 1932.
Allard P., Une grande fortune romaine du cinquième siècle, «Revue des questions historiques», 1907, t. 81, p. 1—30.
Dill S., Roman society in the last century of the Western Empire 2 ed., London 1905.
Huart C., La Perse antique et la civilisation iranienne, Paris 1925 (L'évolution de l'humanité).
Brogan O., Trade between the Roman Empire and the free Germans, «The journal of Roman studies», 1936, p. 2, 195—222.
Bang M., Die Germanen im römischen Dienst, bis zum Regierungsantritt Constantins I, Berlin 1906.
Hoops J., Reallixicon der germanischen Alterumskunde, Ackerbau. Bd. I, 1913.

ПЕРЕЧЕНЬ И ОБЪЯСНЕНИЕ РИСУНКОВ

Этрусский крестьянин за пахотой. Музей виллы Юлия.
Этрусская бронзовая статуэтка VI в. до н. э., найденная в Этрурии, близ Ареццо. Плуг состоит из деревянной дуги, изготовленной из одного куска (buris), металлического лемеха (vomer) и деревянной ручки (stiva). Изображение стоящей позади крестьянина Минервы — позднейшее добавление.
Helbig-Amelung, Führer, II, S. 297, № 1723. Стр. 16.

Танцующие.
Стенная живопись в этрусской гробнице в Тарквиниях, около 475 г. до н. э.
«Propyläen Weltgeschichte», B. II, Berlin 1931, S. 272. Стр. 16.

Этрусская супружеская пара. Рим. Вилла Юлия.
Крышка терракотового саркофага из Черветри. VI в. до н. э.
«Propyläen Kunstgeschichte», B. III, Berlin 1927, S. 517. Стр. 17.

Римская волчица.
Рим. Капитолийский музей. Бронза. VI в. до н. э. Близнецы прибавлены позднее, в XVI столетии.
«Propyläen Weltgeschichte», B. II, S. 255. Стр. 18.

Два латинских воина, несущих павшего в бою товарища.
Рим. Вилла Юлия.
Бронзовая ручка так называемой пренестинской цисты (бронзовой шкатулки цилиндрической формы для хранения туалетных принадлежностей). Ручка изображает двух бородатых воинов в шлеме и полном вооружении, опирающихся на тяжелые копья.
«Propyläen Weltgeschichte», B. II, S. 268. Стр. 61.

Древнеримский плуг и тянущие его быки. Бронзовая статуэтка, найденная в Чивита Кастелляна. Нью-Йорк. Музей искусств.
Группа изображает двух волов, тянущих деревянный плуг. Дышло прикреплено к дуге колышками, плужник — веревками или ремнями.
«Bulletin of the Metropolitan Museum of Art», N. Y. 1910, April, p. 95, fig. 1. Стр. 135.

Сельскохозяйственные орудия. Найдены в большой вилле близ деревни Боскореале (Помпеи). Чикаго. Полевой музей естественной истории.
1. Мотыка.
2. Грабли с зубьями.
3. Заостренная мотыка.
4. Садовый нож.
5. Кирка и топор.
6. Серп.
7 и 9. Вилы.
8. Долото.
H. F. Cou, Antiquities from Boscoreale in the Field Museum of Natural History, 1912, pp. 210 and pl. CLXIII—CLXV. (Field Museum Public. 152, Anthr. Ser. 7, 4.) Стр. 141.

Гай Марий (?). Мраморный бюст. Рим. Ватикан.
«Propyläen Weltgeschichte», B. II, S. 339. Стр. 193.

Митридат VI Эвпатор, царь Понта.
Изображение на монете.
Th. Reinach, Mithridate Eupator, roi de Pont, Paris 1890, tab. I. Стр. 218.

Ваза Митридата. Рим. Капитолийский музей.
Th. Reinach, Mithridate Eupator, roi de Pont, Paris 1890, tab. III. Стр. 219.

Люций Корнелий Сулла. Рим. Ватикан. Стр. 237.

Барельеф могилы булочника.
Могильный памятник Марка Вергилия Эвризака (M. Vergilius Eurysaces). Рим.
На всех сторонах памятника идет одинаковая надпись: «Это могила булочника и поставщика Марка Вергилия Эвризака...» (est hoc monimentum Marcei Vergilei Eurysacis, pistoris, redemptoris).
Изображенные рельефы показывают различные моменты булочного производства: 1) просеивание и мытье зерна, 2) перемол, 3) приготовление теста, 4) раскатывание, выпечка и отправка хлеба магистратам, которым Эвризак как подрядчик поставлял хлеб. Рельеф могилы булочника — типичная картина большого предприятия эпохи Поздней республики или Ранней империи, в котором были заняты сотни рабов.
J. Mariha, Manuel d'archéologie étrusque et romaine, p. 227, fig. 96. Стр. 245.

Банкир-ростовщик.
Мраморный рельеф из Паннонии императорской эпохи. Белград. Музей.
Банкир в римской одежде сидит у стенного складного стола. В левой руке он держит триптихон, главную книгу записи приходов и расходов (codex decepti et expensi), а на столе перед ним лежит мешок, наполненный монетами. У стола стоит раб, который, читая журнал записи прихода и расхода (adversaria или ephemerides), отчитывается перед хозяином.
S. Reinach, Repert. des reliefs, II, p. 160, 2. Стр. 247.

Гавань в Кампании.
Стенная живопись дома в Стабиях. Неаполь. Национальный музей.
Типичная гавань с молами, разнообразными строениями. Слева маленький скалистый остров, триумфальные арки и колонны со статуями.
«Pitture di Ercolano», II, tab. LVI. Стр. 249.

Приморская вилла в Кампании. Стенная живопись дома в Стабиях. Неаполь. Национальный музей.
Вилла, расположенная на берегу моря, очевидно, в Кампании. В море выступает мол, на котором видно несколько прогуливающихся. Фигура в центре — рыбак. Он быстро идет и несет свои рыболовные снасти. Позади виллы видны другие здания и парк.
«Römische Mitteilungen», 1911, 26, S. 75, tab. VIII, 22. Стр. 254.

Рельеф на саркофаге Анния Октавия Валериана в Латеране. Сельскохозяйственные работы в крупном рабовладельческом хозяйстве.
Изображены следующие процессы работы; 1) пахота и обработка земли мотыкой; 2) жатва; 3) перевозка зерна; 4) перемалывание зерна и выпечка хлеба. Работа производится руками рабов. В центре хозяин. Надпись: «Посвящено подземным богам. Люций Анний Валериан. Прощайте надежда и счастье. Нет у меня ничего с вами. Увеселяйте других».
(D[is]. m[anibus]. s[acrum]. L. Annius Octavius Valerianus evasi effugi spes et fortuna valete nil mihi voviscum est ludificate alios).
S. Reinach, Rep. des rel., III, p. 282, 2. Стр. 255.

Ножная колодка для рабов.

Найдена в сельской вилле (villa rustica) близ Грагнано (окрестности Помпей) в эргастуле. Предназначалась для заключенных рабов.

«Notizie degli scavi», 1923, S. 277, fig. 4. Стр. 262.

Развалины школы гладиаторов. Помпеи.

В центре большая колонная зала — гладиаторская казарма. Кругом здания расположены камеры, идущие в два ряда одна под другой, величиной 4 $м^2$, служившие спальнями для гладиаторов. В камерах найдено большое количество оружия гладиаторов. Одна камера служила тюрьмой. В ней были найдены железные колодки.

O. Kiefer., Kulturgeschichte Roms, S. 77. Стр. 263.

Сражение гладиаторов. Рельеф с надгробного памятника в Помпеях. На рисунке изображены пять пар сражающихся гладиаторов. Первая пара — всадники, остальные — пешие. Надписи над головами сражающихся означают имена с указанием количества одержанных побед. Побежденные обращаются к зрителям с мольбой о пощаде, поднимая большой палец.

J. Overbeck, Pompeji in seinen Gebäuden, Altertümern und Kunstwerken, Leipzig 1856, S. 147. Стр. 264.

Конец сражения гладиаторов. Гладиатор направо раненный в левую руку, выведен из строя. С поднятым большим пальцем он молит о пощаде. Из раненой руки течет кровь.

J. Overbeck, Pompeji in seinen Gebäuden, Altertümern und Kunstwerken, S. 141. Стр. 265.

Колумбарий. Помещение, предназначавшееся для хранения погребальных урн вольноотпущенников и рабов. Колумбарии выстраивались при виллах магнатов для своих слуг-вольноотпущенников и рабов. Скромные «голубиные гнезда» находились в резком контрасте с пышными мавзолеями нобилей и всадников.

E. Petersen, Vom alten Rom, Leipzig 1898, S. 109. Стр. 273.

Гней Помпей. Мраморный бюст. Копенгаген.

Th. Rienach, Mithridate Eupator, roi de Pont, p. 376, tab. IV. Стр. 276.

Тигран, армянский царь. Монета. Лондон. Британский музей.

Th. Reinach, Mithridate Eupator, roi de Pont, p. 104, tab. II. Стр. 280.

Марк Туллий Цицерон. Мраморный бюст. Флоренция. Галлерея Уффици.

O. Seeck, Kaiser Augustus (Monographien der Weltgeschichte), XVII, Biefeld und Leipzig 1902, S. 42, Abb. 34. Стр. 288.

Катон Утический. Рим. Капитолийский музей.

A. Rossi, Museo Capitolino, Roma 1910, p. 53. Стр. 332.

Гай Юлий Цезарь. Мрамор. Рим. Дворец консерваторов. Стр. 334.

Марк Юний Брут. Рим. Капитолийский музей.

O. Seeck, Kaiser Augustus, S. 15, Abb. 8. Стр. 346.

Октавиан в юношеском возрасте. Мрамор. Рим. Ватикан.

O. Kiefer, Kulturgeschichte Roms, S. 296. Стр. 352.

Ворота и крепостная стена Перузии. Терраса на левой стороне — пристройка эпохи Ренессанса.

O. Seeck, Kaiser Augustus, S. 69, Abb. 49. Стр. 359.

Секст Помпей. Карнеол. Берлин. Музей.

«Propyläen Weltgeschichte», B. II, S. 362. Стр. 362.

Марк Випсаний Агриппа. Флоренция. Уффици.

O. Seeck, Kaiser Augustus, S. 75, Abb. 47. Стр. 364.

Римский военный корабль (бирема). Мраморный рельеф около 30 г. до н. э. Рим. Ватикан.

«Propyläen Kunstgeschichte», B. III, S. 536. Стр. 368.

Август. Статуя Августа из виллы Ливии в Прима Порто. Мрамор. Рим, Ватикан.

«Propyläen Kunstgeschichte», B. III, S. 550. Стр. 375.

Римские легионеры. Майнц. Бонн. Музей.
В руках первого легионера знамя с изображением орла (aquila). Начиная с Мария орел был знаменем легионов. Его изображение носил aquilifer. Полевой значок имел двоякое значение — как место сборища и как добавление к роговому сигналу. Каждая манипула имела свой значок, которым подавался сигнал для продвижения или остановки войска. Конец значка имел металлическую обивку для втыкания в землю, в середине — ручку для вытаскивания.
J. Kromayer u. *G. Veith*, Heerwesen und Kriegführung der Griechen und Römer, München 1928, Taf. 34, S. 104—106. Стр. 384.

Всадник отряда конницы. Майнц. Музей.
J. Kromayer u. *G. Veith*, Heerwesen und Kriegführung der Griechen und Römer, Taf. 37, 114. Стр. 385.

Палинтонон по Герону, Филону и Витрувию. Метательное орудие для камней крупного калибра.
J. Kromayer u. *G. Veith*, Heerwesen und Kriegführung der Griechen und Römer, Taf. 32, Abb. 93. Стр. 386.

Двойная катапульта по Витрувию.
J. Kromayer und *G. Veith*, Heerwesen und Kriegführung der Griechen und Römer, Taf. 31, Abb. 91. Стр. 387.

Преторианцы в полном вооружении. Мраморный рельеф. Париж. Лувр.
P. Gusman, L'art décoratif de Rome, Paris, pl. 18. Стр. 388.

Покоренные германцы перед Августом. Серебряный кубок из Боскореале (близ Помпей). Коллекция барона Ротшильда. Париж.
«Das alte Germanien», herausg. von W. Capelle, Jena 1929, S. 48. Стр. 393.

Тессера на право посещения зрелищ. Надпись: «Игры» (Lud[i]).
Ch. Daremberg et *E. Saglio*, Dictionnaire des antiquités, fasc. 46, p. 134, fig. 6833. Стр. 407.

Тиберий. Камея. Париж. Национальная библиотека.
J. C. Tarver, Tibère, Paris 1934, p. 128. Стр. 413.

Агриппина Старшая (дочь Випсания Агриппы и Юлии, дочери Августа). Мрамор. Рим. Капитолийский музей.
O. Kiefer, Kulturgeschichte Roms, S. 325. Стр. 421.

Вилла Тиберия (villa Iovis) на о. Капри. Вид с юго-западной стороны. Реконструкция.
C. Weichardt, Das Schloss des Tiberius und andere Römerbauten auf Capri, Leipzig, S. 57. Стр. 422.

Остатки Клавдиева водопровода.
Из устроенных где-либо на возвышении водоемов вода, по уложенным на арках каменным желобам, направлялась в городские бассейны, а отсюда по трубам распределялась по общественным и частным зданиям.
E. Deman, The building of the Roman aqueducts, 1934, p. 13, tab. IV. Стр. 429.

Нерон. Рим. Капитолийский музей.
O. Kiefer. Kulturgeschichte Roms, S. 126. Стр. 431.

Цирковые ристалища. Лондон. Британский музей.
«Propyläen Weltgeschichte», B. II, S. 386. Стр. 433.

«Благоденствие Италии». Рельеф с «Алтаря мира» Августа. Флоренция. Уффици.
Апология политики Августа. В центре изображена Мать-Земля (Terra Mater) с плодами и двумя детьми на коленях, сидящая на скале, усеянной цветами. Животные у ног Матери-Земли символизируют земледелие (вол) и скотоводство (овца). Женщины по бокам, из которых одна сидит на лебеде, а другая—на фантастическом морском звере, олицетворяют реки и моря.
Strong, La scultura romana da Augusto a Constantino, 1923, p. 38, tav. VI. Стр. 450.

Пантеон Агриппы. Наружный вид. Пантеон основан Агриппой в 27 г. до н. э., реставрирован при Адриане и Северах. Надпись наверху: «M. Agrippa L[ucius] F[ilius] Co[n]s[ul] tertium fecit» (Марк Агриппа сын Люция, консул в третий раз, это сделал).
E. Petersen, Vom alten Rom, Leipzig 1898 (Berühmte Kunststätte N 1), S. 85, Abb. 64. Стр. 451.

Внутренний вид Пантеона (храма всех богов).
В нишах помещались изображения богов: Юпитера, Венеры, Сатурна, Меркурия и др.
E. Petersen, Vom alten Rom, S. 65. Стр. 452.

Храм в Ниме, так называемый «maison carrée».
K. Woermann, Geschichte der Kunst aller Zeiten und Völker, B. I, Leipzig und Wien 1900, S. 426. Стр. 453.

Резервуары распределительного бассейна водопровода Юлия (Aqua Iulia).
Построен Агриппой в 33 г. до н. э.
E. Deman, The building of the Roman aqueducts, tab. XXVII. Стр. 454.

Гемма Августа (Gemma Augustea). Камея из оникса. Вена. Музей.
Август изображен в виде Юпитера, у его ног орел, птица Юпитера, в левой руке скипетр, в правой — посох авгура, в знак благоприятных ауспиций, над ним благоприятный знак Козерога, под которым Август родился. Он сидит на троне рядом с богиней Ромой, и оба попирают ногами вооружение покоренных врагов. Позади Нептун — олицетворение моря, и Кибела — олицетворение земли, венчают Августа венком победителя. У ног Юпитера и Кибелы сидит богиня плодородия с двумя детьми — указание на брачные законы Августа. Перед ним Тиберий с лавровым венком и скипетром, сходящий с триумфальной колесницы, которую влечет Виктория. Рядом юный Германик, усыновленный Тиберием. Внизу изображена победа, давшая триумф Тиберию: римские воины сооружают трофей над пленными паннонцами и их женами.
Fr. Koepp, Die Römer in Deutschland (Monographien der Weltgeschichte, XXII), Biefeld und Leipzig, 1905, S. 13. Стр. 455.

Серебряный кубок из Боскореале. Париж. Лувр.
Кубок украшен скелетами. Левая сторона занята алтарем, на котором лежат два черепа. Позади на колонне статуэтка богини Судьбы. Над левым черепом денежный мешок с надписью по-гречески: «Мудрость», а над правым — свиток папируса с надписью: «Мнения». В поле зрения три больших скелета. Первый, рядом с колонной, держит в правой руке большой, наполненный деньгами кошелек, а в левой — бабочку, символ души, которую он преподносит второму скелету. Рядом с кошельком надпись: «Зависть». Второй скелет готовится надеть себе на голову венок из цветов. Между обоими маленький скелет, играющий на лире, с надписью: «Радость». Третий скелет рассматривает череп, который он держит правой рукой. Левой рукой он тянется за цветком. Между вторым и третьим снова помещен маленький скелет, ударяющий в ладони. Над ним надпись, выражающая основную идею художника: «Наслаждайся жизнью, пока еще есть время, ибо завтрашний день неизвестен».
«Monument et mémoires Piot», 1899, 5, tab. VIII, 2. Стр. 456.

Ливия, жена Августа. Помпеи.
O. Kiefer, Kulturgeschichte Roms, S. 296. Стр. 457.

Венера-Победительница (Venus Victrix).
Неаполь. Национальный музей.
O. Kiefer, Kulturgeschichte Roms, S. 112. Стр. 458.

«Альдобрандинская» свадьба. Стенная живопись. Рим. Ватикан.
Эта фреска найдена была кардиналом Цинтио Альдобрандини, по имени которого она получила свое название, в древнеримской вилле на Эсквилине, в конце XVI в. Затем картина попала в Ватикан, где

она находится и в настоящее время, вделанная в стену библиотеки. Новейшие исследователи считают, что на картине изображена не самая свадьба, а только подготовка к ней. В центре — брачная постель, на которой сидит невеста со склоненной головой, закутанная в белое покрывало. Остальные полуодетые фигуры — боги. Налево от невесты сидит Афродита или Пейто. Рядом стоит одна из граций — Харита. Она наливает благовония из флакона в чашу. Юноша, полулежа сидящий у кровати с пламенным взором, обращенным на невесту, согласно новым толкованиям, не жених (женихом не позволяет считать его полуобнаженность), но бог Гименей. Налево мать невесты приготовляет воду для омовения. Направо подруги невесты или наемные музыканты. Одна наливает вино в бронзовый сосуд, другая поет, третья играет на лире.

Картина нарисована в августовскую эпоху, но возможно, что средняя часть относится к раннему эллинизму, в то время как боковые группы добавлены позднейшими художниками. Наряду с композиционными достоинствами картина отличается необычайно нежными тонами красок, хорошо сохранившимися до нашего времени.

O. Kiefer, Kulturgeschichte Roms, S. 20. Стр. 459.

Сенека (так называемый). Бронза. Неаполь. Музей.

O. Kiefer, Kulturgeschichte Roms, S. 126. Стр. 460.

Веспасиан. Рим. Национальный музей. Стр. 463.

Триумфальное шествие с добычей из разрушенного Иерусалимского храма. Мраморный рельеф на арке Тита в Риме (82 г. н. э.). В центре семисвечник из Иерусалимского храма.

«Propyläen Kunstgeschichte», B. III, S. 501. Стр. 465.

Тит. Рим. Ватикан.

O. Kiefer, Kulturgeschichte Roms, S. 333. Стр. 466.

S. C. de imperio Vespasiani (Сенатское постановление о вручении верховной власти Веспасиану, 69 г. н. э.).

Bruns-Gradenwitz, Fontes iuris Romani antiqui, Simulacra, Tübingen, 1912, tab. XVI, 18. Стр. 471.

Траян. Мрамор. Рим. Ватикан. Стр. 474.

Сторожевые башни и склады на Дунае. Римское войско в походе. Рельеф с колонны Траяна.

Th. Schreiber, Kulturhistorischer Bilderatlas, Tab. XLII. Стр. 475.

Индия. Серебряный сосуд, частично позолоченный. Найден в Лампсаке. Константинополь. Оттоманский музей. II—III в. н. э. Греко-индийская или александрийская работа. Женщина, олицетворяющая Индию, сидит на типичном индийском стуле, ножки которого образуют слоновые клыки. В левой руке она держит лук, правая рука молитвенно поднята. Вокруг индийские и африканские животные: попугай, цесарка и две прирученные обезьяны с ошейниками. К ногам олицетворенной Индии два индуса в молитвенной позе приводят прирученного тигра и пантеру. Этот сосуд показывает на достаточную осведомленность римлян об Индии.

«Jahrbuch des deutschen Archäologischen Instituts», 1900, 15, S. 203, Abb. 6. Стр. 479.

Торговое судно из Сидона. Рельеф на саркофаге, найденном в Сидоне. Музей в Бейруте.

Корабль изображен плывущим по волнам. Изображенное судно типично для торговых кораблей императорской эпохи.

«Syria», 1920, B. I, S. 35, Tab. VI, Abb. 10. Стр. 480.

Александрия. Серебряный сосуд с эмблемой. Найден в Боскореале. Париж. Лувр.

Эмблема изображает бюст красивой женщины, голова которой покрыта шкурой головы слона (посредине хобот, по бокам клыки). Шкура слоновой головы характерна для некоторых портретов Але-

ксандра и позднее употреблялась иногда Птолемеями как символ унаследованной от Александра власти. В левой руке она держит рог изобилия, наполненный виноградом, фруктами и увенчанный полумесяцем, прикрепленным на кедровой шишке, атрибуте Аттиса. На роге изобилия изображен бюст Гелиоса, бога солнца, солнечного орла и обе звезды Диоскуров. У груди — различные фрукты (виноград, гранаты, фиги). Среди фруктов — павлин, птица Геры. По фруктам идет пантера. Слева трещотка Изиды. Ниже правой руки — волна и дельфины, обозначающие море. Под фруктами щипцы Гефеста и змеиный жезл Асклепия. Справа от рога изобилия лира Аполлона. Символы, окружающие олицетворенную Александрию, подчеркивают цветущую морскую торговлю и благосостояние города.

O. Seeck, Kaiser Augustus, S. 38, Abb. 30. Стр. 481.

Перевозка вина в Галлии. Рельеф с могильного памятника. Лангр (Лингон). Музей.

Два мула тянут тяжелую четырехколесную повозку, нагруженную огромной бочкой. Возчик, одетый в тяжелый галльский плащ с типичным капюшоном, сидит на козлах, держа в руках вожжи и длинный кнут. На другой стороне памятника изображены опять 2 мула, в другом виде. Умерший, очевидно, был обладателем этих двух мулов, игравших важную роль в его хозяйстве.

E. Esperandieu, Rec. gén., IV, № 3232. Стр. 482.

Перевозка вина на речном судне.

Скульптура с надгробного памятника в Неймагене (реставрирована). Музей.

Весельное судно, нагруженное четырьмя большими винными бочками. В барке шесть гребцов и два рулевых, из которых один, ударяя в ладони, дает такт движению гребцов. Нос и корма барки украшены головой барана и волка.

«Das alte Germanien», herausg. von W. Capelle, S. 433. Стр. 483.

Лавка. Раскопки в Геркулануме 1933/34 гг.

Фронтон дома в Геркулануме с разрушенной наружной стеной, позволяющей судить о его внутреннем расположении. Рядом с входной дверью расположен трактир или винная лавка, удивительно сохранившаяся. На переднем плане большой прилавок с глиняными сосудами, наполненными белыми бобами и горохом. Рядом небольшой очаг для подогревания кушаний и напитков и бронзовая лампа для освещения ночью. Узкая деревянная лестница ведет во второй этаж. Стр. 484.

Дом Обеллия Фирма. Помпеи.

O. Kiefer, Kulturgeschichte Roms, S. 209. Стр. 485.

Сукновальня. Стенная живопись дома Веттиев в Помпеях. Топтание материи в чанах, ворсовка, проба материй, складывание готовых товаров. Рабы и ремесленники изображены в виде амуров.

A. Mau, Pompeji in Leben und Kunst, 1908, S. 350. Стр. 486.

Мелкий торговец. Рельеф с надгробного памятника купца в Лилльбонне (Iuliobona). Руан. Музей. Торговец в своей лавке за прилавком. Товары, которыми он торгует, — благовония и туалетные принадлежности — хранятся в ящиках различной величины и флаконах различной формы.

S. Reinach, Rep. des rel., III, S. 303, 4. Стр. 486.

Ювелирная мастерская. Стенная живопись дома Веттиев в Помпеях. Справа — большая печь. За печью один из амуров занят обработкой металлического сосуда посредством резца (долота). Другой амур пытается раздуть печь мехом и нагревает кусок металла, который держит щипцами. Третий ударяет по небольшому куску металла молотком. Рядом с ним находится стол с 3 открытыми выдвижными ящиками и большими и малыми весами. Заказчик опре-

деляет вес украшения. За ним два амура обрабатывают большой кусок металла на наковальне.

А. Маи, Pompeji in Leben und Kunst, 1908, S. 351. Стр. 487.

Мыловарня. Стела, сооруженная по обету.

Женщина с сосудом и дощечкой сидит в нише. По правую сторону от нее печь и на ней котел. Из кадки торчит ложка. На стене 2 больших шарообразных предмета. Слева от бочки поставлены 4 кадушки одна на другой. В правом углу девочка мешает содержимое деревянного чана.

Возможно, изображается мыловарня, где изготовлялось галльское мыло «Sapo» с богиней Юноной Сапонарией (Iuno Saponaria). Галльское мыло употреблялось главным образом для окраски волос.

S. Reinach, Rep. des reliefs, III, p. 222, 1. Стр. 487.

Лавка продавца поясов и подушек. Рельеф. Галлерея Уффици. Внутренний вид лавки. На стене висят подушки (или шерстяные одеяла), пояса и большой кусок сукна (или одеяло). Два продавца открывают в присутствии собственника лавки шкатулку, в которой находится подушка. Двое покупателей, мужчина и женщина, осматривают товар. За ними стоят два раба.

S. Reinach, Rep. des rel., III, S. 44, 3. Стр. 488.

Постройка корабля. Часть надгробного памятника. Равенна. Музей. На рисунке изображен некий корабельный кузнец Лонгдиен, усердно строящий корабль. Об этом говорит надпись: «P. Longdienus P. f. ad onus properat» (Лонгдиен спешит на работу).

S. Reinach, Rep. des rel., III, p. 128, 3. Стр. 491.

Кузнец. Фрагмент надгробной стелы. Аквилея. Музей.

Кузнец, сидя на стуле, ударяет по куску железа на наковальне, который он держит тисками. Позади него слуга или раб, раздувающий огонь в печи. Направо изделия кузнечного ремесла: тиски, молот, острие, копья, замок.

E. Maionica, Guida dell I. R. Museo dello Stato in Aquileia, 1911, p. 56, № 36. Стр. 491.

Испанские рудокопы. Фрагмент рельефа. Найден в Линаресе в Испании. Девять рудокопов спускаются в два ряда в штольню. Последний в первом ряду держит кирку или молоток, его сосед — лампу. Большая фигура за ними — забойщик. Он несет большие щипцы и фонарь или сосуд для лампового масла. Все одеты одинаково — верхняя часть тела и ноги обнажены, вокруг бедер — короткая туника и штаны и кожаный пояс или фартук. Линарес (древний Кастулон) был некогда одним из важнейших центров испанских рудников, богатых серебром и свинцом.

«Archeologia», 1905, t. 59, tab. LXIX. Стр. 493.

Подъемный механизм — один из описанных Витрувием. Барельеф с гробницы Гатериев. Рим. Латеран. Барельеф эпохи принципата, изображающий гробницу. Вся левая часть барельефа занята изображением подъемной машины, приводимой в движение большим колесом. Она является воспроизведением одной из подъемных машин, описанных Витрувием.

P. Gusman, L'art décoratif de Rome, pl. 27. Стр. 495.

Развалины города Тамугади (Тимгада) в Нумидии. Вид города со стороны театра. Площадь вблизи центра — форум. Здание с двумя колоннами — храм Виктории, рядом с которым находилась платформа, используемая чиновниками как трибуна для сообщения гражданам императорских постановлений. Позади форума идет одна из главных улиц. В конце главной улицы возвышаются руины арки, воздвигнутой в честь Траяна. Остальные руины — остатки частных домов, общественных бань, рынков и христианских церквей, а также знаменитой публичной библиотеки.

A. Ballu, Guide illustré de Timgad (antique Thamugadi), 2 éd. Стр. 499.

Храм в Тебессе (Алжир). III в. н. э. В настоящее время превращен в музей.

S. Gsell, Les monuments antiques de l'Algérie, t. I, Paris 1901, pl. XIX. Стр. 501.

Храм Аполлона. Помпеи. Построен в 10 г. до н. э.

Реставрирован после землетрясения 63 г. У колонны бронзовая фигура Аполлона.

O. Kiefer, Kulturgeschichte Roms, S. 272. Стр. 503.

Амфитеатр в Вероне.

O. Kiefer, Kulturgeschichte Roms, S. 29. Стр. 505.

Члены коллегии глашатаев. Рим. Мозаика. Раскопки 1933/34 г. Мозаичный пол, на котором изображены члены коллегии глашатаев (praecones) со своими знаменами и отличительными знаками — громоздкими жезлами. Здание относится ко времени Септимия Севера и являлось, очевидно, помещением коллегии, воздвигнутым по приказу императора вблизи от цирка и Палатинского холма, т. е. места деятельности глашатаев. Стр. 509.

Побоище между помпеянцами и нуцерийцами. Стенная живопись в Помпеях. Неаполь. Музей.

Изображает момент, относящийся к 59 г. н. э. и описанный Тацитом. Некий Ливиней Регул, удаленный из римского сената, поселился в Помпеях и давал здесь гладиаторские сражения, на которые в большом числе пришли также жители соседнего города Нуцерии, враждовавшие с помпеянцами. Во время представления начались столкновения, перешедшие в настоящее кровавое побоище с оружием в руках, в котором нуцерийцы потерпели поражение. Ливиней Регул и зачинщик побоища были отправлены в ссылку, дуумвиры смещены, были назначены новые выборы, а к выбранным приставлен чрезвычайный комиссар (praefectus iuridicundo), — мероприятия, свидетельствующие, насколько сильны были волнения в городе. Число убитых и раненых было значительно. По жалобе нуцерийцев дело разбиралось в Риме. Нерон предоставил решение сенату, запретившему помпеянцам на 10 лет гладиаторские представления и потребовавшему закрытия всех противозаконных коллегий.

Изображаемый рисунок позволяет судить о том, что представляет собой провинциальный амфитеатр. Он расположен в отдельной части города. Справа — один только дом, на переднем плане — деревья и разного рода лотки и торговые палатки. Ложи для женщин сводчатые. На южной стороне для защиты от солнца устраивался навес.

A. Mau, Pompeji in Leben und Kunst, Leipzig 1900, S. 204. Стр. 510.

Остатки Адрианова вала. Адрианов вал — каменная стена, соединявшая пограничные лагеря в Британии, шедшая на протяжении 117 *км*.

J. Kromayer и. *G. Veith*, Heerwesen und Kriegführung der Griechen und Römer, München 1928, Taf. 49, Abb. 139. Стр. 515.

Адриан. Рим. Ватикан. Стр. 516.

Алиментации. Рельеф с Траяновой арки в Беневенте. Апология императорской власти. Торжественная встреча императора группой из 4 женщин и 2 мужчин. Женщины олицетворяют 4 италийских города. У них на голове короны в виде городских стен. Одна держит на руках ребенка. Двое мужчин — римские граждане. Каждый из них держит маленького мальчика на плечах и рядом с собой несколько большего. Сцена, очевидно, символически изображает благодарность Траяну 4 южноиталийских городов, среди них Беневента, за установление алиментаций.

S. Reinach, Rep. des rel., I, p. 65, 1. Стр. 519.

Римский форум. Юго-западная часть. Реконструкция.

1. *Базилика Юлия* (Basilica Iulia). Постройка ее была начата в 54 г. до н. э. и закончена Августом.
2. *Храм Юпитера Капитолийского* (Iovis Capitolini). Был вторично освящен в 69 г. до н. э., в 4-й раз восстановлен при императоре Домициане.
3. *Храм Сатурна* (Templum Saturni). Освящен в 497 г., возобновлен в 44 г. до н. э., впоследствии разрушен и реставрирован.
4. *Арка Тиберия* (Arcus Tiberii), сооружена в 16 г. н. э.
5. *Храм божественного Веспасиана.* Сооружен при Домициане, восстановлен при Септимии Севере.
6. *Государственный архив* (Tabularium). Построен в 78 г. до н. э.
7. *Ростра.* Старая была построена в 338 г. до н. э. Новая—при Августе.
8. *Храм Конкордии* (Templum Concordiae). Построен в 366 г. до н. э. Расширен в 7 г. до н. э.
9. *Арка Севера* (Arcus Severi). Воздвигнута в 203 г. н. э.
10. Тюрьма (Carcer), построена в эпоху царей, реставрирована в 22 г. н. э.
11. *Кремль с храмом Юноны Монеты* (Iunona Moneta). Построен в 344 г. до н. э.
12. *Курия* (Curia). Построена Юлием Цезарем.

H. Helmolt, Weltgeschichte, B. IV, Leipzig und Wien 1900, S. 400. Стр. 523.

Римский форум. Северо-восточная часть. Реконструкция.
13. *Дом Тиберия* (Domus Tiberiana).
14. *Базилика Юлия.*
15. *Храм Кастора* (Templum Castoris).
16. *Храм Аполлона Палатинского* (построен Августом).
17. *Арка Августа* (Arcus Augusti) воздвигнута в 19 году до н. э.
18. *Арка Тита* (Arcus Titi).
19. *Храм божественного Юлия* (Templum Divi Iulii). Построен Августом на месте, где М. Антоний держал свою речь над трупом Цезаря, осв. в 29 г. до н. э.
20. *Колоссей* (Amphitheatrum Flavium). Постройка его начата была Веспасианом, закончена Титом.
21. *Храм Венеры и Ромы.* Построен Адрианом.
22. *Храм божественного Ромула.*
23. *Храм Антонина и Фаустины* (141 г. н. э.)
24. *Базилика Эмилия* (Basilica Aemilia). Основана в 179 г., перестроена в 54 г., возобновлена в 14 г. до н. э.

H. Helmolt, Weltgeschichte, B. IV, Leipzig und Wien, 1900, S. 400. Стр. 525,

Водопроводная арка времени Адриана.
E. Deman, The building of the Roman aqueducts, S. 16, tab. IV. 526.

Мавзолей Адриана (современный замок Ангела).
E. Petersen, Vom alten Rom (Berühmte Kunststätten, № 1), Leipzig 1898, S. 105. Стр. 527.

Колоссей. Внутренний вид в современном состоянии. Часть пола поднята. Видны подземные сооружения, предназначавшиеся для помещения клеток для зверей и различных механизмов. Постройка Колоссея была начата Веспасианом и закончена Титом в 80 г. н. э. Длина его составляет 188 *м*, ширина 156 *м*, высота $48^1/_2$ *м*. Амфитеатр вмещал от 50—90 тысяч зрителей и имел 45 тысяч мест для сидения.
«Propyläen Kunstgeschichte», B. III, S. 579. Стр. 535.

Колонна Марка Аврелия. Воздвигнута в 173 г. из итальянского мрамора в честь Марка Аврелия и победы над германцами и сарматами. На рельефах отображены различные моменты этой борьбы.
Fr. Koepp, Die Römer in Deutschland (Monographien der Weltgeschichte), S. 57, Abb. 43. Стр. 536.

Нерва. Мрамор. Рим. Ватикан.

Антонин Пий. Мрамор. Рим. Капитолийский музей.
O. *Kiefer*, Kulturgeschichte Roms, S. 337. Стр. 537.

Антиной. Неаполь. Национальный музей.
O. *Kiefer*, Kulturgeschichte Roms, S. 240. Стр. 538.

Весталка. Рим. Музей Терм. II в. н. э.
O. *Kiefer*, Kulturgeschichte Roms, S. 113. Стр. 539.

Марк Аврелий. Конная статуя на Капитолийской площади в Риме. Бронза.
Fr. Koepp, Die Römer in Deutschland, S. 53, Abb. 42. Стр. 540.

Алтарь, изображающий легендарную историю основания Рима. Остия. II в. н. э.
O. *Kiefer*, Kulturgeschichte Roms, S. 288. Стр. 543.

Культ Изиды. Почитание священной воды. Стенная живопись в Геркулануме.
У входа в храм наверху лестницы стоят два жреца и одна жрица. Жрец в середине держит у груди, в складках своей одежды, сосуд со священной водой. Другой жрец и жрица трясут трещотки. Внизу лестницы алтарь, на котором жрец разжигает огонь. Справа и слева— молящиеся. Справа впереди — флейтист. Главное празднество культа Изиды было в ноябре, когда оплакивалась смерть Озириса и разыскивался его труп, а затем через 3 дня праздновалось нахождение его Изидой.
A. Mau, Pompeji in Leben und Kunst, Leipzig 1900, S. 162. Стр. 551.

Святилище Митры. Раскопки в Дура-Европе.
В центре святилища, воздвигнутого римским военачальником Зенобием в 170 г. н. э., большой рельеф с изображением Митры, убивающего быка в пещере. Правая часть рельефа изображает посвящение Зенобия, совершающего возлияние на алтарь. Две маленькие фигуры — предки Зенобия. Позднее в 209 и 211 гг., согласно сохранившейся надписи, было построено новое святилище.
«American Journal of Archeology», 1935, XXXIX, № 1, pl. IV. Стр. 553.

Пригородная вилла. Живопись в ранней христианской могиле. Рим.
В верхней части картины две виллы у стен большого укрепленного города. Между обоими домами пасется большое стадо (ослы, коровы, овцы, козы). Нижняя часть картины не имеет отношения к сюжету верхней части.
«Notizie degli scavi», 1920, tab. IV. Стр. 579.

Большое поместье в Африке (II в. н. э.). Мозаика, найденная в развалинах большой виллы вблизи от Утины (Oudna) в Тунисе (Africa Proconsularis). Наверху картины крестьянский дом или сарай. В боковой стене дома 3 окна и низкая дверь. Рядом с ней прислонен плуг. В воротах стоит пастух, опираясь на длинный посох. К нему приближается стадо коз, овец и коров. Две собаки бегут через поле. Поверх стада пахарь, пашущий поле на двух волах. Рядом с домом палатка и примитивный колодец, в котором мужчина наполнил полукруглое корыто и поит лошадь. Другая лошадь находится между колодцем и домом, привязанная к жерди. Направо мужчина гонит осла. Мозаика изображает часть большого поместья, очевидно скотный двор и сарай. Внизу—сцены охоты. В скалистой местности ползет человек, переодетый козой, и гонит в сети четырех куропаток. Направо другой в болотистой местности охотится на кабана, в то время как его спутник удерживает огромную собаку. Направо от центрального изображения — сцены сельской жизни. Пастух под оливой играет на свирели. Около него стадо коз, одну из которых доит другой пастух. Направо раб-негр, срывающий оливки. Налево трое богато одетых всадников охотятся на львицу.
P. Gauckler, Monuments et mém. Piot., 1897, 3, S. 200, № 21, pl. XXII. Стр. 58.

Гумно. Мозаика из виллы в Злитене. Триполи. Музей.

Гумно отдалено от виллы, виднеющейся в глубине. Один из стоящих мужчин, очевидно, виллик, наблюдает за рабами. Другой погоняет палкой волов, медленно идущих по снопам. Двое других мужчин сдерживают двух брыкающихся и становящихся на дыбы лошадей и гонят их по гумну. Пятый мужчина встряхивает снопы вилами. Рядом с гумном оливковое дерево, под которым сидит женщина — очевидно, владелица усадьбы, дающая указания рабам.

«Aegyptus», 1922, 3, p. 161, fig. 8. Стр. 590.

Помещение при усадьбе, приспособленное для выработки масла. III в. н. э. Бир Сгаун (близ Тебессы). Алжир.

Большое здание, сохранившееся в течение семнадцати веков, было помещением, предназначавшимся для производства масла. При раскопках найдены различные виды прессов и другие приспособления для выделки масла.

S. Gsell, Les monuments antiques de l'Algérie, t. II, Paris 1901, pl. LXXV, Стр. 591.

Вилла Плиния. Реконструкция.

J. Falke, Hellas und Rom, Stuttgart, S. 343. Стр. 596.

Землевладелец. Африканская терракота. Найдена близ Сусс. Местное производство II—III вв. н. э. Молодой мужчина в римской одежде на лошади. Тип и одежда указывают, что изображение относится к представителю класса земельных собственников.

«Bulletin archéologique de la Commission des travaux historiques», 1903, p. 170, № 14. стр. 598.

Крестьянин. Африканская терракота II—III вв. Найдена на римском кладбище в Суссе. Париж. Лувр. Крестьянин в тунике и толстом плаще кельтского покроя, идущий влево. Очевидно, он держит что-либо в руках. Стр. 598.

Уплата аренды. Рельеф на надгробном памятнике в Неймагене. Трир. Провинциальный музей. Землевладелец или ростовщик с двумя помощниками, все трое гладко выбриты и в римской одежде. Они принимают платежи четырех бородатых крестьян в типичной деревенской одежде.

Fr. Koepp, Die Römer in Deutschland, S. 132, Abb. 125. Стр. 601.

Поместье Юлия. Карфагенская мозаика. Тунис. Музей. Мозаика изображает четыре времени года в жизни большого поместья. Она подчеркивает значение колонов, на труде и повинностях которых покоилось все производство поместья. В середине мозаики — большая укрепленная вилла с двумя высокими башнями по бокам. За главной частью здания видны два других, отдельно стоящих дома—конюшня и большая баня с куполообразной крышей. Виллу окружает парк. По обе стороны от виллы изображен хозяин на охоте. Двое слуг — загонщик и псарь — идут впереди. По полю бежит заяц; сзади едет верхом владелец поместья, за ним следует слуга с мешком провианта. В верхней и нижней части картины — сцены из жизни поместья. Слева внизу — *весна.* Нарядно одетая владелица поместья стоит около кресла среди цветов. Вдали собака. Перед госпожей стоит служанка с ожерельем и туалетным ящиком, в то время как мальчик кладет к ее ногам три рыбы. Сзади слуга или колон преподносит корзину цветов.

В нижнем правом углу — *осень.* Хозяин дома сидит в тени деревьев своего фруктового сада, увешанных спелыми плодами. Позади— виноградник. Через сад бежит колон и несет хозяину двух журавлей и свиток с надписью: «Господину Юлию» (Iul[io] dom[ino]) либо прошение, либо выражение почтения. Из виноградника идет другой колон, несущий полную корзину гроздьев винограда и живого зайца.

Наверху налево — *зима*. Мужчина несет двух живых уток, двое мальчиков собирают оливки. Женщина несет корзину с оливками. Это семья колона, несущая натуральный оброк владелице поместья, которая сидит с опахалом в руках в части парка, где помещается птичий двор. По правую сторону от нее петух, прямо против нее — куриный нашест с курами.

Направо сверху — *лето*. Семья другого колона. На заднем плане круглая хижина колона из тростника. Впереди сам колон, пасущий стадо овец и коз. В левой руке у него пастушеский рог. Жена или дочь колона несет козленка.

A. Merlin, Bulletin archéologique du Com. des trav. hist., 1921, S. 95. Стр. 603.

Септимий Север. Бронзовая статуя. Никозия. Музей. Стр. 608.

Юлия Мамея, мать Александра Севера. Париж. Лувр.
O. Kiefer, Kulturgeschichte Roms, S. 352. Стр. 609.

Гелиогабал. Рим. Капитолийский музей.
O. Kiefer, Kulturgeschichte Roms, S. 321. Стр. 620.

Максимин Фракиец. Мраморная голова. Берлин. Музей.
«Propyläen Kunstgeschichte», B. III, S. 628. Стр. 630.

Сражение. Рельеф на саркофаге III в. Рим. Музей Терм. Коллекция Людовизи.
«Propyläen Weltgeschichte», B. II, S. 429. Стр. 633.

Диоклетиан. Изображение на золотом медальоне. Париж. Национальная библиотека. Надпись: «Imp[erator] C[aesar] C[aius] Val[erius] Diocletianus P[ius] f[elix] Aug[ustus], т. е. «император Цезарь Гай Валерий Диоклетиан, благочестивый счастливый Август».
F. Gnecchi, I medaglioni romani, I, p. 11, № 5, tab. IV, 12. Стр. 649.

Эдикт Диоклетиана о продажных ценах 301 г. Отрывок надписи на камне, найденной в Стратоникее в Карии.
«Propyläen Weltgeschichte», B. II, S. 437. Стр. 658.

Константин Великий. Рим. Латеран.
«Propyläen Kunstgeschichte», B. II, S. 437. Стр. 669.

Знаки отличия управляющего финансовым ведомством (comites largitionum) по «Notitia Dignitatum».
«Notitia Dignitatum», S. 35. Стр. 673.

Уличная жизнь большого города. Фрагмент рельефа на крышке саркофага III—IV вв. Стокгольм. Национальный музей.
«Propyläen Kunstgeschichte», B. III, S. 679. Стр. 675.

Парфянский сосуд III—IV в. н. э. Шарообразный, покрытый красной глазурью глиняный сосуд, предназначавшийся для жертвоприношения. Найден близ Тегерана в Персии. Нью-Йорк. Национальный музей. Рельеф на сосуде изображает сцены из сельской жизни. Два верблюда отдыхают, один лежит на земле, другой стоит рядом с привязанной ногой. Сзади погонщик или хозяин в типично иранской одежде (в кафтане и с башлыком на голове) с шарообразным сосудом в руках совершает молитву.
M. Pézard, La céramique archaique de l'Islam, 1920, p. 205, tab. VI, 6. Стр. 676.

Колоны, несущие оброк. Рельеф надгробного памятника в Игеле около Трира. Шесть колонов несут различные виды натурального оброка к дому своего хозяина. Их встречает у входа в атриум, наполовину закрытого занавеской, сам хозяин или его управляющий. Один колон несет яйца, другой — двух рыб, третий — козленка, четвертый — угря, пятый — петуха, шестой — корзину с фруктами.
Dragendorf u. *Krüger*, Das Grabmal von Igel, 1924, Taf. 9. Стр. 684.

Знаки отличия начальника главной канцелярии. Надпись: fabricae. Внизу образцы вооружения, изготовлявшегося мастерскими.

«Notitia Dignitatum», S. 31. Стр. 687.

Африканская вилла и ее владелец. Фрагмент мозаики, найденный в Карфагене. Британский музей.

На рисунке изображен землевладелец, едущий верхом по холмистой местности. Позади — укрепленная вилла. Правой рукой он посылает знак привета. Тип и одежда всадника заставляют предполагать в нем вандала или римлянина из Африки поздней эпохи.

«British Museum Guide to the Greco-Roman Sculptures», 1876, II, p. 80. Стр. 697.

Марк — Еврипид — Иеремия. Изображение христианских святых рабски копировалось с языческих образцов, что видно из сопоставления изображений Марка и Иеремии (миниатюра в рукописи Козьмы Индокоплевта) с изображением греческого драматурга Еврипида. Маску в руках Еврипида в руках евангелистов заменяет евангелие. В остальном та же поза.

«American Journal of Archeology», 1935, v. XXXIX, № 1, p. 110, fig. 13, 14, 15. Стр. 708.

Юлиан Отступник. Музей Торлония в Риме.

К. Morawski, Julian Apostata, Krakow 1901, 35. Стр. 712.

Главная зала терм Каракаллы в Риме. Реконструкция Г. А. Блуе (Париж 1828 г.).

«Propyläen Kunstgeschichte», B. III, S. 618. Стр. 737.

Арка Константина. Рим. Триумфальная арка, построенная в 311 г. н. э. Посвятительная надпись на памятнике гласит:

«Imp[eratori] Caes[ari] Fl[avio] Constantino Maximo P[io] F[elici]
Augusto S[enatus] P[opulus] Q[ue] R[omanus]
Quod instinctu divinitatis mentis
magnitudine cum exercitu suo
tam de tyranno quam de omni eius
factione uno tempore iustis
rem publicam ultus est armis
arcum triumphis insignem dicavit».

«Триумфальную арку эту посвящает римский сенат и народ величайшему, благочестивому, счастливому, благородному императору Флавию Константину за то, что он по побуждению божества и величию духа своего отомстил вместе со своим войском силою праведного оружия за отечество тирану (Максенцию) и всей его партии».

O. Kiefer, Kulturgeschichte Roms, S. 29. Стр. 738.

Фриз на арке Константина в Риме.

Наверху: *Речь императора к народу.*

Внизу: *Раздача денег.*

«Propyläen Kunstgeschichte», B. III, S. 676. Стр. 739.

Термы Диоклетиана. Реконструкция.

Th. Schreiber, Kulturhistorischer Bilderatlas, I, Taf. LVIII, 8. Стр. 740.

Константин Великий. Голова колосса. Мрамор. Рим.

Двор дворца консерваторов.

E. Petersen, Vom alten Rom, Leipzig 1898, S. 53, Bild. 38. Стр. 741.

Валентиан I. Голова колосса из бронзы. Барлетта (Апулия).

O. Kiefer, Kulturgeschichte Roms, S. 353. Стр. 741.

Серебряный сосуд из Гильдесгейма. Берлин. Музей. Большой кратер эпохи Августа. Служил для смешения вина с водой.

Fr. Koepp, Die Römer in Deutschland, S. 71. Стр. 744.

Городские ворота в Трире (Porta Nigra). Наружный вид.

Fr. Koepp, Die Römer in Deutschland, S. 135. Стр. 745.

Римская глиняная посуда, найденная в Германии. Майнц, Музей.

Fr. Koepp, Die Römer in Deutschland, S. 115. Стр. 746.

Скованные пленники — германцы. Майнц. Городская коллекция.

«Das alte Germanien», herausg. von W. Capelle, S. 80. Стр. 746.

Германец. Голова германца с надгробного памятника в Неймагене близ Трира. Трир. Музей.
«Das alte Germanien», S. 416. Стр. 747.
Семья бастарнов на кочевке. Метопа на памятнике в Адамклисси в Добрудже.
«Das alte Germanien», S. 456. Стр. 748.
Нападение на германскую деревню. Рельеф с колонны Марка Аврелия.
«Das alte Germanien», S. 240. Стр. 749.
Пленные германские женщины. Рельеф с колонны Марка Аврелия в Риме.
«Das alte Germanien», S. 272. Стр. 750.
Казнь пленных германцев. Рельеф с колонны Марка Аврелия в Риме.
«Das alte Germanien», S. 200. Стр. 751.
Император Феодосий со своими сыновьями в цирковой ложе с венком для победителя. Цоколь обелиска на Константинопольском ипподроме. Построен в 390 г. н. э.
«Propyläen Weltgeschichte», B. II, S. 451. Стр. 754.

ПЕРЕЧЕНЬ ЗАСТАВОК И КОНЦОВОК

стр. 1. Титульный лист. *Монета эпохи Ранней республики кампанской чеканки* (IV—III вв. до н. э.). Надпись: «Romano».
A. Sallet, Die antiken Münzen, Berlin 1909, S. 79.

стр. 3. Шмуцтитульный лист. Введение. *Этрусские всадники.* Копенгаген. Ни-Карлсбергская глипотека. Раскрашенный терракотовый рельеф VI в. до н. э.
«Propyläen Weltgeschichte», Berlin 1931, B. II, S. 254.

стр. 5. Заставка. *Вид Альбанского озера и Альбанской горы.*
E. Pais, Ancient legends of Roman history, N. Y. 1905, p. 194.

стр. 21. Концовка. *Этрусский воин.* Лондон. Британский музей. Бронзовая статуэтка около 500 г. до н. э.
«Propyläen Weltgeschichte», B. II, S. 257.

стр. 23. Шмуцтитульный лист. Рим в царский период. *Римская волчица.* Произведение ионическо-этрусского искусства V века. Рим. Капитолийский музей.
«Propyläen Weltgeschichte», B. II, S. 255.

стр. 25, гл. I. Заставка. *Легенда об основании Рима.* Рельеф на памятнике, посвященном Клавдию Фавентину, II в. н. э.
P. Gusman, L'art décoratif de Rome, Paris, pl. 60.

стр. 48, гл. I. Концовка. *Клоака Максима.* Реконструкция.
Th. Schreiber, Kulturhistorischer Bilderatlas. I, Altertum, Leipzig 1888, Taf. XI, 16.

стр. 49. Шмуцтитульный лист. Республика. *Развалины форума.*

стр. 51, гл. II. Заставка. *Серебряная монета с изображением плебейских эдилов.* Надпись: AED. PL. (aediles plebis), т. е. «плебейские эдилы». На лицевой стороне изображена голова богини Цереры. На обороте надпись: M. FAN. L. CRT. P. A., т. е. «Марк Фанний и Люций Критоний, плебейские эдилы».
V. Duruy, Histoire des Romains, I, 1879, p. 171.

стр. 81, гл. III. Заставка. *Карфагенская гавань.* Общий вид.
V. Duruy, Histoire des Romains, I, 422.

стр. 104, гл. IV. Заставка. *Пергамский алтарь Зевса.* Реконструкция.
R. Magoffin, F. Duncalf, Ancient and Medieval history, N. Y. 1934, p. 257.

стр. 115, гл. IV. Концовка. *Филипп V Македонский.* Изображение на монете.
«Propyläen Weltgeschichte», B. II, S. 305.

стр. 116, гл. V. Заставка. *Орнамент эпохи Республики.* Архаический стиль. Париж. Лувр.
P. Gusman, L'art décoratif de Rome, pl. 5.

стр. 122, гл. V. Концовка. *Марс, бог войны.* Рим.
R. Magoffin, F. Duncalf, Ancient and Medieval History, p. 305.

стр. 123, гл. VI. Заставка. *Орнамент эпохи республики.* Архаический стиль. Париж. Лувр.

P. Gusman, L'art décoratif de Rome, pl. 13.

стр. 149, гл. VI. Концовка. *Танцовщица*. Берлин. Антикварий.
O. Kiefer, Kulturgeschichte Roms, Berlin 1933, S. 60.

стр. 150, гл. VII. Заставка. *Повседневная жизнь мелкого земледельца*. Часть надгробного памятника. Сульмона. Музей. I в. до н. э. Налево крестьянин, облокотившись на палку или плуг, пасет своих овец. Направо другой крестьянин сдерживает упряжку лошадей или мулов, запряженных в повозку. Далее стоит, очевидно, его жена.
Полуиспорченная надпись гласит: «Я увещеваю людей: не будьте недоверчивы к своим собственным силам».

стр. 188, гл. VII. Концовка. *Отрывок аграрного закона 111 года до н. э.*
Bruns, Fontes iuris Romani, Simulacra, Tübingen 1912, 37, III.

стр. 189, гл. VIII. Заставка. *Сражающиеся легионеры*. Рельеф с колонны Антонина.
Th. Schreiber, Kulturhistorischer Bilderatlas, I, Taf. XI, 16.

стр. 216, гл. VIII. Концовка. *Монета времен Союзнической войны*. Бык (олицетворение Италии) попирает волчицу (олицетворение Рима).
A. Sallet, Die Antiken Münzen, S. 79.

стр. 217, гл. IX. Заставка. *Сулла*. Изображение на монете.

стр. 241, гл. IX. Концовка. *Аппиева дорога*.
O. Kiefer, Kulturgeschichte Roms, Berlin 1933, S. 288.

стр. 242, гл. X. Заставка. Гибель Спартака. Помпеянская фреска, открытая в 1927 г. В правой части фрески изображены два всадника. Над головой одного из них надпись по-оскски, справа налево «Spartaks». Над головой другого: «Pheli... ans» (Felics Pompaians), т. е. «Феликс из Помпей». Феликс из Помпей настигает Спартака и ранит его копьем в бедро. Спартак, держась одной рукой за гриву коня, другой защищается от удара. В левой части картины, возможно, изображается продолжение сражения. Спартак, лишившись коня, продолжает отбиваться от наступающего врага.
«Forschungen und Fortschritte», 1928, № 3, S. 21.

стр. 274, гл. X. Концовка. *Гладиатор-«фракиец»*. Терракотовая статуэтка. Гладиаторы-фракийцы, как и природные фракийцы, были вооружены ножом с кривым наконечником (sica) и небольшим четыреугольным и выгнутым щитом.
W. Daremberg et *E. Saglio*, Dictionnaire des antiquités grecques et romaines, 29 fasc., p. 1596.

стр. 275, гл. XI. Заставка. *Морское сражение*. Помпеянская фреска. Неаполь. Музей.
Th. Schreiber, Kulturhistorischer Bilderatlas, I, Taf. XLVII, 2.

стр. 307, гл. XI. Концовка. *Камера Мамертинской тюрьмы*, в которой были умерщвлены соучастники заговора Катилины. Современный вид.
Постройка этой тюрьмы, называемой также Туллианской (Tullianum) и Carcer, относится еще к царскому периоду. Здание сохранилось до сих пор. В настоящее время в нем помещается католическая церковь.
E. Pais, Ancient legends of Roman history, N. Y. 1905, p. 120.

стр. 308, гл. XII. Заставка. Денарий Цезаря, увеличенный, выпущенный в последние годы его жизни. На обратной стороне изображена богиня мира. На голове Цезаря лавровый венок.
O. Seeck, Kaiser Augustus, Biefeld und Leipzig 1902, S. 42.

стр. 344, гл. XII. Концовка. *Цезарь*. Базальтовый бюст. Берлин. Музей.

O. Seeck, Kaiser Augustus, S. 8.

стр. 345, гл. XIII. Заставка. *Денарий с изображением Марка Антония и Лепида.*

O. Seeck, Kaiser Augustus, S. 63, 55.

стр. 370 гл. XIII. Концовка. *Клеопатра VII.* Известняк. Британский музей. «Propyläen Weltgeschichte», B. II, S. 359.

стр. 371. Шмуц титульный лист. Империя. *Арка Тита.*

стр. 373, гл. XIV. Заставка. *Орнамент.* Декоративный фриз эпохи Августа. Париж. Лувр. *P. Gusman*, L'Art décoratif, pl: 3.

стр. 411, гл. XIV. Концовка. *«Алтарь мира» Августа* (Ara pacis Augustae). Реконструкция. По возвращении Августа в 13 г. до н. э. в Рим после долгого отсутствия, сенат постановил воздвигнуть «Алтарь мира», освященный четыре года спустя. Алтарь стоял в середине небольшого двора, окруженного мраморными стенами с двумя дверьми. Верхняя часть изнутри была украшена гирляндами из фруктов. Снаружи были изображены рельефы с мифологическими и символическими сюжетами.

стр. 412, гл. XV. Заставка. *Клавдий и Мессалина.* Камея из сардоникса. Гаага. Кабинет гемм.

O. Kiefer, Kulturgeschichte Roms, S. 325.

стр. 439, гл. XVI. Заставка. *Торжественная процессия.* В центре Август в одежде жреца. Рельеф с «Алтаря мира». Флоренция. Уффици.

O. Seeck, Kaiser Augustus, Biefeld und Berlin 1902, S. 101.

стр. 461, гл. XVI. Концовка. *Гораций.* Изображение на медальоне. *A. Sallet.* Münzen und Medaillen, Berlin 1898, S. 108.

стр. 462 гл. XVII. Заставка. *Монета, выпущенная Веспасианом в ознаменование покорения Иудеи.* На лицевой стороне — изображение Веспасиана. На оборотной стороне пальма, а под ней плачущая женщина, изображающая Иудею, за пальмой стоит пленник. Надпись: «Покоренная Иудея» (Iudaea capta).

A. Sallet, Die antiken Münzen, S. 98.

стр. 472, гл. XVII Концовка. *Развалины Колоссея.* Внешний вид. *H. Helmolt*, Weltgeschichte, B. IV, S. 444.

стр. 473, гл. XVIII. Заставка. *Сражение с даками.* Рельеф с Траяновой колонны.

Th. Schreiber, Kulturhistorischer Bilderatlas, I. Taf. XLVII.

стр. 532, гл. XVIII. Концовка. Хлебная тессера (конгиарий). Надпись: «Mod[ius] N[umero] l[unus]».

Ch. Daremberg et *E. Saglio*, Dictionnaire des antiquités grecques et romaines, Fasc., 46, p. 133, fig. 6831.

стр. 533, гл. XIX. Заставка. *Орнамент* — фрагмент фриза эпохи Антонинов. Париж. Лувр.

P. Gusman, L'art décoratif de Rome, pl. 46.

стр. 548, гл. XIX Концовка. *Павлин.* Бронза с решетки мавзолея Адриана.

P. Gusman, L'art décoratif de Rome, p. 8.

стр. 549, гл. XX. Заставка. *Митра убивает быка.* Деталь святилища Митры. Из раскопок в Дура-Европе.

«American Journal of Archeology», 1935, № 1, p. IV.

стр. 569, гл. XX. Концовка. *«Добрый пастырь».* Мозаика в христианской базилике в Аквилее.

A Piganiol, L'empereur Constantin, Paris, Rieder, 1932, pl. III.

стр. 570, гл. XXI. Заставка. *Египетская вилла.* Фреска из Геркуланума. I в. н. э. На фреске изображен египетский ландшафт. На берегу канала расположены три виллы. Первая слева состоит из двух башнеобразных строений, окруженных каменной стеной,

средняя состоит из пилона (высокой башни) и важнейших строений — господского дома и башни. Слева колодезь. Третья вилла стоит по другую сторону канала и сходна с двумя другими. Позади главного здания — сад.
«Römische Mitteilungen», 1911, 136. S. 56, Abb. 31.

стр. 606, гл. XXI. Концовка. *Приусадебные строения крупной виллы.* Мозаика.
Найдена в вилле близ Табараки (Thabraca), Африка. III—IV вв. Изображенные строения — сарай, склады и помещения для оливковых и виноградных прессов. Строения окружены оливковыми деревьями и виноградниками. Впереди — птичий двор с несколькими деревьями и тремя строениями. Перед ним пруд. Масличное производство, виноделие, большой птичий двор свидетельствуют, что перед нами типичное поместье магната.
P. Pauckler, Inventaire des mosaïques, II, 1 (Tunisie), № 940.

стр. 607, гл. XXII. Заставка. *Арка Септимия Севера в Ламбезе.* Алжир.
S. Gsell, Les monuments antiques de l'Algérie, I, Paris 1901, 176.

стр. 621, гл. XXII. Концовка. *Монета с изображением Септимия Севера.*
A. Sallet, Die antiken Münzen, 1909, S. 109.

стр. 622, гл. XXIII. Заставка. *Монеты с изображением императоров конца III в. н. э.*
Слева золотой (aureus) *Клавдия Готского.* На лицевой стороне надпись: «Imp[erator] C[aesar] Claudius Aug[ustus]». Голова обращена вправо и украшена лавровым венком. На обороте изображен Марс с надписью: «Marti pacif[ero]», т. е. Марс, вестник мира. Справа золотой — *Аврелиана.* На лицевой стороне надпись: «Imp[erator] C[aius] L[ucius] Dom[itianus] Aurelianus P[ius] F[elix] Aug[ustus]». Голова обращена вправо, на голове у него стальной шлем, на груди — панцырь. На обороте надпись: «Adventus Aug[usti]» и изображение Аврелиана в военном снаряжении, едущего верхом на коне влево. В левой руке он держит копье, а правая поднята для привета. *Cohen*, VI, p. 145, № 161, p. 175, № 1.

стр. 646, гл. XXIII Концовка. Золотой *Проба.* На лицевой стороне надпись: «Imp[erator] C[aesar] M[arcus] Aur[elius] Probus Aug[ustus]». Изображен бюст Проба, обращенный вправо с лавровым венком на голове. На обороте надпись: «P. M. Tr. P. V cos. IIII P. P. Ant[iochiae]». Проб в триумфальной колеснице едет влево с пальмовой ветвью и скипетром в руках.

стр. 647, гл. XXIV. Заставка. *Римский форум.* Трибуна для ораторов. Рельеф с арки Константина.
A. Springer, Handbuch der Kunstgeschichte, I, Leipzig 1901, S. 360.

стр. 678, гл. XXIV. Концовка. *Деталь золотых ворот во дворце Диоклетиана в Салонах.* Реконструкция. *Н. Брунов.* Очерки по истории архитектуры, т. II, Academia, 1935, стр. 391.

стр. 679, гл. XXV. Заставка. Крупная вилла IV—V вв. Мозаика в Африке, Тунис. *Ch. Tissot*, Exploration scientifique dela Tunisie, t. I, Paris 1894, p. 366.

стр. 705, гл. XXV. Концовка. *Гото-римлянин на охоте.* Рим. Антикварий. Бородатый мужчина верхом на лошади с собакой охотится на кабана. Он едет в римском платье поздней эпохи. Седло и сбруя богато украшены. Приведенная мозаика сходна с аналогичными мозаиками из дворца Теодориха в Равенне и относится к этому же времени. «Bull. Comunale» 1904, 32, p. 375.

стр. 706, гл. XXVI. Заставка. Орнамент христианского стиля. Мозаика базилики в Аквилее.
А. Piganiol, L'empereur Constantin, p. 96, pl. III.
стр. 725, гл. XXVI. Концовка. *Мавзолей Елены* — около Рима.
A. Piganiol, L'empereur Constantin, pl. III.
стр. 726, гл. XXVII. Заставка. *Орнамент. Антаблемент храма дворца Диоклетиана.*
Н. Брунов. Очерки по истории архитектуры. Academia, 1935, стр. 392.
стр. 742, гл. XXVII. Концовка. Орнамент. Раскопки в Дура-Европе.
«The excavation at Dura-Europos», N. Haven, 1934, tab. XL—XLI.
стр. 743, гл. XXVIII. Заставка. *Гавань в Равенне.* Мозаика.
«Weltgeschichte» herausg. von. Pflug-Hartung. Das Mittelalter, Berlin, Ullstein, 1909, S. 46.

ПЕРЕЧЕНЬ РИМСКИХ ИМПЕРАТОРОВ

Август — 27 г. до н. э. — 14 г. н. э.
(*C. Octavius*; род. в 63 г. до н. э.; после усыновл. в 44 г.: *C. Iulius Caesar Octavianus*; с 40 г.: *Imp. Caesar*; с 27 г.: *Imp. Caesar Augustus*).

Тиберий — 14—37 гг. н. э.
(*Ti. Claudius Nero*; род. в 42 г. до н. э.; после усыновл. в 4 г. н. э.: *Ti. Iulius Caesar*; как имп.: *Ti. Caesar Augustus)*.

Калигула — 37—41 гг. н. э.
(*C. Iulius Caesar*; род. в 12 г. н. э.; как имп.: *C. Caesar Augustus Germanicus)*.

Клавдий (I) — 41—54 гг. н. э.
(*Ti. Claudius Drusus*; род. в 10 г. до н. э.; после 9 г. н. э.: *Germanicus*; с 4 г. н. э.: *Ti. Claudius Nero Germanicus*; как имп.: *Ti.Claudius Caesar Augustus Germanicus*).

Нерон — 54—68 гг. н. э.
(*L. Domitius Ahenobarbus*; род. в 37 г. н. э.; после усыновл. в 50 г.: *Nero Claudius Drusus Germanicus Caesar)*; как имп.: *(Imp.) Nero-Claudius Caesar Augustus Germanicus)*.

Гальба — 68—69 гг. н. э.
(*Ser. Sulpicius Galba*; род. в 5 г. до н. э.; как имп.: *Ser. Galba Imp. Caesar Augustus*; *Imp. Ser. Sulpicius Galba Caesar Augustus)*.

Отон — 69 г. н. э.
(*M. Salvius Otho*; род. в 32 г. н. э.; как имп.: *Imp. M. Otho Caesar Augustus)*.

Вителлий — 69 г. н. э.
(*A. Vitellius*; род. в 15 г. н. э.; как имп.: *A. Vitellius Augustus Imp. Germanicus)*.

Веспасиан — 69—79 гг. н. э.
(*T. Flavius Vespasianus*; род. в 9 г. н. э.; как имп: *Imp. Caesar Vespasianus Augustus)*.

Тит — 79—81 гг. н. э.
(*T. Flavius Vespasianus*; род. в 39 г. н. э.; как имп.: *Imp. Titus Caesar Vespasianus — Augustus)*.

Домициан — 81—96 гг. н. э.
(*T. Flavius Domitianus*; род. в 51 г. н. э.; как имп.: *Imp. Caesar Domitianus Augustus (Imp. Domitianus Caesar Augustus)*.

Нерва — 96—98 гг. н. э.
(*M. Cocceius Nerva*; род. в 35 г. н. э.; как имп.: *Imp. Nerva Caesar Augustus*; *Imp. Caesar Nerva Augustus)*.

Траян — 98—117 гг. н. э.
(*M. Ulpius Traianus*; род. в 53 г. н. э.; усыновл. Нервой в 97 г.; как имп.: *Imp. Caesar Nerva Traianus Augustus)*.

Адриан — 117—138 гг. н. э.
(*P. Aelius Hadrianus*; род. в 76 г. н. э.; усыновл. Траяном; как имп.: *Imp. Caesar Traianus Hadrianus Augustus)*.

Антонин Пий — 138—161 гг. н. э.
(*T. Aurelius Fulvius Boionius Arrius Antoninus*; род в 86 г. н. э.;

после усыновл. в 138 г.: *T. Aelius Caesar Antoninus*; как имп.: *Imp. Caesar T. Aelius Hadrianus Antoninus Augustus Pius)*.

Марк Аврелий — 161—180 гг. н. э.
(M. Annius Catilius Severus; род. в 121 г.; с 130 г.: *M. Annius Verus*; после усыновл. в 138 г.: *M. Aelius Aurelius Verus Caesar*; как имп.: *Imp. Caesar M. Aurelius Antoninus Augustus)*.

Луций Вер — 161—169 гг. н. э.
(L. Ceionius Commodus; род. в 130 г.; после усыновл. Пием: *L. Aelius Aurelius Commodus*; как имп.: *Imp. Caesar L. Aurelius Verus Augustus)*.

Коммод — 180—192 гг. н. э.
(L. Aelius Aurelius Commodus; род. в 161 г.; как имп.: *Imp. Caesar M. Aurelius Commodus Antoninus Augustus*; *Imp. Caesar L. Aelius Aurelius Commodus Augustus)*.

Пертинакс — 193 г. н. э.
(P. Helvius Pertinax; род. в 126 г.; как имп.: *Imp. Caesar P. Helvius Pertinax Augustus)*.

Дидий Юлиан — 193 г. н. э.
(M. Didius Severus Iulianus; род. в 133 г.; как имп.: *Imp. Caesar M. Didius Severus Iulianus Augustus)*.

Септимий Север — 193—211 гг. н. э.
(L. Septimius Severus; род. в 146 г.; как имп.: *Imp. Caesar L. Septimius Severus Pertinax Augustus)*.

Клодий Альбин — 196—197 гг. н. э.
(D. Clodius Albinus; род. в 140 г.; усыновл. Септ. Севером: *D. Clodius Septimius Albinus Caesar*; в 196 г. объявил себя Августом: *Imp. Caesar D. Clodius Septimius Albinus Augustus*; оспаривал власть у Септимия Севера).

Песцений Нигер — 193—194 гг. н. э.
(C. Pescennius Niger Iustus; как имп.: *Imp. Caesar C. Pescennius Niger Iustus Augustus*; оспаривал власть у Септимия Севера).

Каракалла — 211—217 гг. н. э.
(Septimius Bassianus; род. в 186 г.; как имп.: *Imp. Caesar M. Aurelius (Severus) Antoninus Augustus (Caracallus, Caracalla)*.

Гета — 209—212 гг. н. э.
(L. Septimius Geta; род. в 189 г.; как имп.: *Imp. Caesar P. Septimius Geta Augustus)*.

Макрин — 217—218 гг. н. э.
(M. Opellius Macrinus; род. в 164 г.; как имп.: *Imp. Caesar M. Opellius Macrinus Augustus)*.

Гелиогабал — 218—222 гг. н. э.
(Varius Avitus (Heliogabalus, Elagabalus); род. в 204 г.; как имп.: *Imp. Caesar M. Aurelius Antoninus Augustus)*.

Александр Север — 222—235 гг. н. э.
(Alexianus Bassianus; род. в 208 г., усыновл. Элагабалом в 221 г.; как имп.: *Imp. Caesar M. Aurelius Severus Alexander Augustus)*.

Максимин — 235—238 гг. н. э.
(C. Iulius Maximinus; род. в 172 г.; как имп.: *Imp. Caesar C. Iulius Verus Maximinus Augustus)*.

Гордиан (I) — 238 г. н. э.
(M. Antonius Gordianus; род. в 159 г.; как имп.: *Imp. Caesar M. Antonius Gordianus Sempronianus Romanus Africanus Augustus)*.

Гордиан (II) — 238 г. н. э.
(M. Antonius Gordianus; род. в 192 г.; как имп.: *Imp. Caesar M. Antonius Gordianus Sempronianus Romanus Africanus Augustus)*.

Пупиен — 238 г. н. э.
(M. Clodius Pupienus Maximus; род. в 164 г.; как имп.: *Imp. Caesar M. Clodius Pupienus Maximus Augustus)*.

Бальбин — 238 г. н. э.
(*D. Caelius Calvinus Balbinus*, род. в 178 г.; как имп.: *Imp. Caesar D. Caelius Calvinus Balbinus Augustus*).

Гордиан (III) — 238—244 гг. н. э.
(*M. Antonius Gordianus*; род. в 225 г.; как имп.: *Imp. Caesar M. Antonius Gordianus Augustus*).

Филипп Араб — 244—249 гг. н. э.
(*M. Iulius Philippus*; как имп.: *Imp. Caesar M. Iulius Philippus Augustus*).

Филипп (младший) — 247—249 гг. н. э.
(*M. Iulius Philippus*; род. в 237 г. или 238 г.; как имп.: *Imp. Caesar M. Iulius Philippus Augustus*); соправитель отца, Филиппа Араба.

Деций — 249—251 гг. н. э.
(*C. Messius Decius*; род. в 200 г.; как имп.: *Imp. Caesar C. Messius Quintus Traianus Decius Augustus*).

Деций (младший) — 251 г. н. э.
(*Q. Herennius Etruscus Messius Decius*; как имп.: *Imp. Caesar Q. Herennius Etruscus Messius Decius Augustus*).

Гостилиан — 251 г. н. э.
(*C. Valens Hostilianus Messius Quintus*; как имп.: *Imp. Caesar C. Valens Hostilianus Messius Quintus Augustus*).

Требониан Галл — 251—253 гг. н. э.
(*C. Vibius Trebonianus Gallus*, род. в 207 г.; как имп.: *Imp. Caesar C. Vibius Trebonianus Gallus Augustus*).

Волусиан Галл — 251—253 гг. н. э.
(*C. Vibius Afinius Gallus Veldumnianus Volusianus*; как имп.: *Imp. Caesar C. Vibius Afinius Gallus Veldumnianus Volusianus Augustus*).

Эмилиан — 253 г. н. э.
(*M. Aemilius Aemilianus*; как имп.: *Imp. Caesar M. Aemilius Aemilianus Augustus*).

Валериан — 253—260 гг. н. э.
(*P. Licinius Valerianus*; род. в 193 г.; как имп.: *Imp. Caesar P. Licinius Valerianus Augustus*).

Галлиен — 253—268 гг. н. э.
(*P. Licinius Egnatius Gallienus*; род. в 218 г.; как имп.: *Imp. Caesar P. Licinius Egnatius Gallienus Augustus*).

Постум — 258—268 гг. н. э.
(*M. Cassianius Latinius Postumus*; провозглашен имп. в Галлии, оспаривал власть у Галлиена; как имп.: *Imp. Caesar M. Cassianius Latinius Postumus Augustus*).

Викторин — 268—270 гг. н. э.
(*M. Piavonius Victorinus*; наследовал Постуму, правил Галлией; как имп.: *Imp. Caesar M. Piavonius Victorinus Augustus*).

Тетрик — 270—273 гг. н. э.
(*C. Esuvius Tetricus Pius*; правил в Галлии; как имп.: *Imp. Caesar C. Pius Esuvius Tetricus Augustus*).

Клавдий (II) Готский — 268—270 гг. н. э.
(*M. Aurelius Claudius*; род. в 219 или 220 г.; как имп.: *Imp. Caesar M. Aurelius Claudius Augustus*).

Квинтилл — 270 г. н. э.
(*M. Aurelius Claudius Quintillus*; как имп.: *Imp. Caesar M. Aurelius Claudius Quintillus Augustus*).

Аврелиан — 270—275 гг. н. э.
(*L. Domitius Aurelianus*; род. в 214 или 215 г.; как имп.: *Imp. Caesar L. Domitius Aurelianus Augustus*).

Тацит — 275—276 гг. н. э.
(*M. Claudius Tacitus*; как имп.: *Imp. Caesar M. Claudius Tacitus Augustus*).

Флориан — 276 г. н. э.
(*M. Annius Florianus*; как имп.: *Imp. Caesar M. Annius Florianus Augustus*).
Проб — 276—282 гг. н. э.
(*M. Aurelius Probus*; род. в 232 г.; как имп.: *Imp. Caesar. M. Aurelius Probus Augustus*).
Кар — 282—283 гг. н. э.
(*M. Aurelius Carus*; как имп.: *Imp. Caesar M. Aurelius Carus Augustus*).
Юлиан — 283 г. н. э.
(*Imp. Caesar M. Aurelius Iulianus Augustus*; оспаривал власть у Карина).
Карин 283—285 гг. н. э.
(*M. Aurelius Carinus*; как имп.: *Imp. Caesar M. Aurelius Carinus Augustus*).
Нумериан — 283—284 гг. н. э.
(*M. Aurelius Numerius Numerianus*; как имп.: *Imp. Caesar M. Aurelius Numerius Numerianus Augustus*).
Диоклетиан — 284—305 гг. н.э.
(*Diocles (Valerius Diocletianus)* род. в 225 г.; как имп.: *Imp. Caesar C. Aurelius Valerius Diocletianus Augustus*).
Максимиан — 286—305 гг. н. э.
(*M. Aurelius Valerius Maximianus*, род. в 240 г.; как имп.: *Imp. Caesar M. Aurelius Valerius Maximianus Augustus*).
Констанций (I) — 293—306 гг. н. э.
(*Constantius*; род. в 264 г.; усыновл. Максимианом; как имп.: *Imp. Caesar M. (C.) Flavius Valerius Constantius Augustus*).
Галерий — 293—311 гг. н. э.
(*Galerius*; род. в 242 г.; как имп.: *Imp. Caesar C. Galerius Valerius Maximianus Augustus*).
Караусий — 286—293 гг. н. э.
(*Imp. Caesar. M. Aurelius Maus. Augustus*; был провозглашен императором в Британии, оспаривал власть у Констанция).
Аллект — 293—296 гг. н. э.
(*Imp. C. Allectus Augustus*; преемник свергнутого им Караусия; оспаривал власть у Констанция).
Флавий Север — 305—307 гг. н. э.
(*Imp. Caesar Flavius Valerius Severus Augustus*).
Максимин Дая — 305—313 гг. н. э.
(*Daia*; усыновл. имп. Галерием; как имп.: *Imp. Caesar Galerius Valerius Maximinus Augustus*).
Максенций — 307—312 гг. н. э.
(*Maxentius*; род. ок. 280 г.; как имп.: *Imp. Caesar M. Aurelius Valerius Maxentius Augustus*).
Александр — 308—311 гг. н. э.
(*Imp. Caesar L. Domitius Alexander Augustus*; был провозглашен имп. в Африке; оспаривал власть у Максенция).
Лициний — 308—324 гг. н. э.
(*Licinius*; род. в 248 г.; как имп.: *Imp. Caesar Valerius Licinianus Licinius Augustus*).
Константин (I) — 306—337 гг. н. э.
(*Flavius Valerius Constantinus*; как имп.: *Imp. Caesar C. Flavius Valerius Constantinus Augustus*).
Константин (II) — 337—340 гг. н. э.
(*Flavius Claudius Constantinus*; род. в 317 г.; как имп.: *Imp. Caesar Flavius Claudius Constantinus (iunior) Augustus*).
Констант — 337—350 гг. н. э.
(*Flavius Iulius Constans*; род. в 323 г.; как имп.: *Imp. Caesar Flavius Iulius Constans Augustus*).

Констанций (II) — 337—361 гг. н. э.
(Flavius Iulius (Claudius) Constantius; род. в 317 г.; как имп.: *Imp. Caesar Iulius Constantius Augustus)*.

Магненций — 350—353 гг. н. э.
(Imp. Caesar Flavius Magnus Magnentius Augustus (Flavius Magnentius Maximus Augustus); оспаривал власть у Константа, а после убийства последнего — у Констанция).

Юлиан — 361—363 гг. н. э.
(Imp. Caesar Flavius Claudius Iulianus Augustus).

Иовиан — 363—364 гг. н. э.
(Imp. Caesar Flavius Iovianus Augustus).

Валентиниан (I) — 364—375 гг. н. э.
(Imp. Caesar Flavius Valentinianus Augustus).

Валент — 364—378 гг. н. э.
(Imp. Caesar Flavius Valens Augustus).

Грациан — 367—383 гг. н. э.
(Imp. Caesar Flavius Gratianus Augustus).

Валентиниан (II младший) — 375—392 гг. н. э.
(Imp. Caesar Flavius Valentinianus (iunior) Augustus).

Магн Максим — 383—388 гг. н. э.
(Imp. Caesar Magnus Maximus Augustus).

Флавий Виктор — 384—388 гг. н. э.
(Imp. Caesar Flavius Victor Augustus).

Евгений — 392—394 гг. н. э.
(Imp. Caesar Flavius Eugenius Augustus)

Феодосий (I) — 379—395 гг. н. э.
(Imp. Caesar Flavius Theodosius Augustus).

ЗАПАДНАЯ РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ

Гонорий — 395—423 гг. н. э.
(Flavius Honorius).

Константин (III) — 407—411 гг. н. э.
(Imp. Flavius Claudius Constantinus; был провозглашен императором в Британии, правил в Галлии, оспаривал власть у Гонория).

Приск Аттал — 409—410, 414—415 гг. н. э.
(Priscus Attalus; провозгл. имп. по приказу Алариха в 409—410 гг. на севере Италии; в 414—провозгл. имп. вторично в Галлии; оспаривал власть у Гонория).

Констанций (III) — 421 г. н. э.
(Imp. Flavius Constantius Augustus).

Иоанн — 423—425 гг. н. э.
(Iohannes)

Валентиниан (III)—425—455 гг. н. э.
(Flavius Placidus Valentinianus).

ВОСТОЧНАЯ РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ

Аркадий — 395—408 гг. н. э.

Феодосий (II) — 408—450 гг. н. э.

Петроний Максим 455 г. н. э. *(Petronius Maximus).*

Авит — 455—456 гг. н. э. *(Avitus).*

Майориан — 457—461 гг. н. э. *(Maiorianus).*

Либий Север (III) — 461—465 гг. н. э. *(Libius Severus).*

(Прокопий) Антемий — 467—472 гг. н. э. *(Procopius Anthemius).*

Олибрий — 472 г. н. э. *(Olybrius).*

Глицерий — 473—474 гг. н. э. *(Glycerius).*

Непот — 474—475 гг. н. э. *(Nepos).*

Ромул Августул 475—476 гг. н. э. *(Romulus Augustulus).*

Марциан — 450—457 гг. н. э.

Лев (I) — 457—474 гг. н. э.

Лев Младший — 474 г. н. э.

Зенон Исавритянин — 474—491 гг. н. э.

Анастасий — 491 — 518 гг. н. э.

Юстин (I) — 518—527 гг. н. э.

Юстиниан (I) — 527—565 гг. н. э.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

3000—2000 гг. до н. э. — Установление связей между восточной и западной частями Средиземноморья.
Конец 3000 г. — Начало бронзового века в Италии.
Первая половина 2000 г. — Свайные постройки.
1000—700 гг. — Железный век, культура Виллановы.
IX в. — Финикийское преобладание.
814 г. — Основание Карфагена.
753 (754) г. — Основание города Рима (традиционная дата).

753—509 гг. до н. э. — Царский период.

VII в. — Завоевание Рима Тарквиниями.
VI » — Рим под владычеством этрусков.
VI » — Торговый договор Рима с Карфагеном.
VI » — Сервий Туллий.
509 г. — Изгнание Тарквиния и падение царской власти.

509—31 гг. до н. э. — Республика.

496 г. — Поражение латинов при Регилльском озере.
494 » — Первая сецессия плебеев. Установление должности народных трибунов (по Ливию).
493 » — Возобновление Спурием Кассием союза между Римом и латинскими городами.
486 » — Аграрный закон Спурия Кассия.
451—450 гг. — Комиссия децемвиров и законы XII таблиц.
449 г. — Вторая сецессия плебеев.
449 » — Законы Валерия-Горация.
445 » — Закон Канулея.
444 » — Учреждение магистратуры военных трибунов с консульской властью.
443 » — Введение цензуры.
409 » — Избрание квесторов из плебеев.
396 » — Включение Вейентской области в состав Римской территории.
390 » — Поражение римлян при Аллии. Пожар и захват Рима галлами.
367 (366) гг. — Законы Лициния-Секстия.
343—341 » — I Самнитская война.
356 г. — Доступ плебеев к диктаторской власти.
351 » — Избрание цензоров из плебеев.
340—338 гг. — Римско-латинская война.
337 г. — Получение плебеями претуры.
327—304 гг. — II Самнитская война.
326 г. — Закон Петелия Папирия о запрещении долгового рабства.
312 » — Реформы Аппия Клавдия.

310 г. — Победа при Вадимонском озере.
300 » — Закон братьев Огульниев.
298—290 гг. — *III Самнитская война.*
287 г. — *Закон Гортензия.*
281 » — Столкновение с Тарентом.
280—275 гг. — *Поход Пирра в Италию и Сицилию.*
280 г. — Битва при Гераклее.
279 » — Битва при Аускуле.
275 » — Поражение Пирра при Беневенте.
264—241 гг. — *I Пуническая война.*
264—263 » — Римляне в Сицилии. Союз Гиерона с Римом.
262 г. — Осада Агригента.
260 » — Битва при Липарских островах. Морская победа Дуилия при Милах.
256 » — Экспедиция Регула в Африку. Битва при мысе Экноме.
250 » — Победа Метелла над Гасдрубалом при Панорме.
241 » — *Победа римлян при Эгатских островах. Мир с Карфагеном.*
Перераспределение центурий.
232 » — *Аграрное законодательство Гая Фламиния.*
225—222 гг. — Война с галльскими племенами.
218—201 » — *II Пуническая война.*
218 г. — Поражение римлян при Тицине и Требии.
217 » — Поражение Фламиния при Тразименском озере.
216 » — *Битва при Каннах.*
214—205 гг. — I Македонская война.
213—212 » — Осада и взятие Сиракуз.
211 г. — Взятие Капуи. Поход Сципиона в Испанию.
209 » — Взятие Сципионом Нового Карфагена.
207 » — Битва при Метавре.
205 » — Избрание Сципиона консулом.
202 » — *Битва при Заме.*
200—197 гг. — II Македонская война.
197 г. — *Битва при Киноскефалах.*
192—189 гг. — Сирийская война.
190 г. — *Битва при Магнезии на Сипиле* (недалеко от Смирны).
186 » — Сенатское постановление о вакханалиях.
183 » — Смерть Публия Корнелия Сципиона Африканского Старшего. Смерть Ганнибала.
171—168 гг. — III Македонская война.
168 г. — *Битва при Пидне.*
149—146 гг. — *III Пуническая война.*
149 г. — Закон Кальпурния.
147 » — *Восстание Вириата в Испании.*
146 » — *Разрушение Карфагена.*
146 » *Разрушение Коринфа. Конец греческой самостоятельности.*
143—133 гг. — Нумантинская война.
137—132 » — *Первое восстание рабов в Сицилии.*
133—130 » — *Восстание рабов в М. Азии под предводительством Аристоника.*
133 г. — *Тиберий Гракх — народный трибун.*
133 » — Пергам — римская провинция Азия.
123 » — *Гай Гракх — народный трибун.*
121 » — Галлия Нарбонская — римская провинция.
119 » — Гай Марий — народный трибун.
111 » — *Аграрный закон (Спурия Тория).*
111—105 гг. — *Война с Югуртой.*

111—101 гг. — *Война с кимврами и тевтонами.*
107 г — Первое консульство Мария.
106—43 гг. — Марк Туллий Цицерон
105—101 » — *Второе восстание рабов в Сицилии.*
104 г — Второе консульство Мария.
103—102 гг. — Третье и четвертое консульство Мария.
102 г. — *Победа Мария над тевтонами при Акваx Секстиевых.*
101 » — *Победа Мария над кимврами при Верцеллах.*
101 » — Пятое консульство Мария.
100 » — *Движение Аппулея Сатурнина.*
100—44 гг. — Гай Юлий Цезарь.
91 г. — *Выступление Ливия Друза.*
91—88 гг. — *Союзническая война.*
90 г. — Закон Юлия о союзниках.
89 » — Закон Папирия Плавция.
88—84 гг. — *I война с Митридатом.*
87—82 » — *Господство марианцев.*
87 г. — Седьмое консульство Мария и его смерть (род. в 157 г.).
86 » — Осада Суллой Афин.
84 » — Дарданский мир
83—81 гг. — II война с Митридатом.
82—79 » — *Диктатура Суллы.*
80—72 » — *Восстание Сертория в Испании.*
78 г. — Смерть Суллы.
78 » — *Восстание Лепида.*
74—64 гг. — *III война с Митридатом.*
73—71 » — *Восстание Спартака.*
70 г. — Консульство Помпея и Красса. Реставрация досулланской конституции.
67 » — Закон Габиния.
66 » — Закон Манилия.
64 » — Избрание Цицерона консулом на 63 г.
64 » — Аграрный закон Гая Сервилия Рулла.
63—62 гг. — *Заговор Катилины.*
62 г. — Поражение Катилины при Пистории.
60 » — *I Триумвират.*
59 » — Консульство Цезаря.
58—51 гг. — Галльские войны.
56 г. — Свидание триумвиров в Луке.
55 » — Первый поход Цезаря в Британию.
54—52 гг. — *Великое галльское восстание.*
54 г. — Второй поход Цезаря в Британию.
53 » — Поражение Красса при Каррах и его смерть.
52 » — Победа Цезаря при Алезии.
52 » — Помпей — единоличный консул.
49 г. (14 янв.) — Переход Цезаря через Рубикон, начало гражданской войны.
49—45 гг. — *Война между Помпеем и Цезарем.*
49—44 » — *Диктатура Цезаря.*
48 г. (9 авг.) — *Битва при Фарсале.*
48 г. — Смерть Помпея (род. в 106 г.).
48 » — Восстание М. Целия Руфа.
48—47 гг. — Александрийская война. Война с Фарнаком.
46 г. — Победа Цезаря над помпеянцами при Тапсе (в Африке).
46 » — Возвращение Цезаря в Рим. Установление 10-летней диктатуры Цезаря.
46 » — Закон о муниципиях (lex Iulia municipalis).
45 » — Битва при Мунде (в Испании).

44 г. — Установление пожизненной диктатуры Цезаря.
44 г. (15 мар.) — Смерть Цезаря.
43 г. — Битва при Мутине.
43 » — II Триумвират.
43 » — Смерть Цицерона (род. в 106 г.).
42 » — Битва при Филиппах.
41 » — Перузинская война.
40 » — Брундизийское соглашение.
39 » — Мисенское соглашение.
36 » — Поражение Секста Помпея при Милах.
31 г. (2 сент.) — Битва при Акции.
30 г. — Присоединение Египта.

31 г. до н. э. — 476 г. н. э. — Империя.

27 г. — Установление принципата Августа.
17 » — Первый год нового тысячелетия.
15 » — Покорение Северных областей. Присоединение провинций Реции, Винделикии и Норика.
12 » — Поход Друза в Германию.
14—9 гг. — Покорение придунайских земель.
12—8 » — Покорение северной части Германии.
2 г. н. э. — Закон Фуфия Каниния об отпуске рабов.
6—9 гг. — Восстание в Далмации и Паннонии.
9 г. — Поражение Вара в Тевтобургском лесу.
14—37 гг. — Тиберий.
14—16 » — Походы Германика.
37—41 » — Калигула.
41—54 гг. — Клавдий.
54—68 » — Нерон.
61 г. — Восстание в Британии.
64 » — Пожар в Риме.
66—70 гг. — Иудейская война.
68—69 » — Гражданская война.
69—79 » — Веспасиан.
69—71 » — Восстание батавов.
79—81 » — Тит.
79 г. — Извержение Везувия.
81—96 гг. — Домициан.
96—98 » — Нерва.
98—117 » — Траян.
113 г. — Декрет о сложении задолженности фиску за 16 лет.
115—117 гг. — Завоевание Армении и Месопотамии.
117—138 » — Адриан.
132—135 » — Восстание Бар-Кохбы.
138—161 » — Антонин Пий.
161—180 » — М. Аврелий.
161—165 » — Парфянская война.
167—180 » — Маркоманнская война.
172 г. — Восстание буколов.
180—192 гг. — Коммод.
193—211 гг. — Септимий Север.
211—217 » — Каракалла.
212 г. — Эдикт Каракаллы о распространении прав римского гражданства на провинции (Constitutio Antoniniana).
222—235 гг. — Александр Север.
235—284 » — Кризис III века.
235—238 » — Максимин Фракиец.

238 г. — Движение Гордианов в римской Африке.
238—244 гг. — Гордиан III.
260—268 » — Галлиен.
268—270 » — Клавдий II Готский.
270—275 » — Аврелиан.
284—305 » — Диоклетиан.
80 г. III в. — Начало движения багаудов.
301 г. — Эдикт о твердых рыночных ценах и заработной плате.
303 » — Преследование христиан.
306—337 гг. — Константин Великий.
313 г. — Миланский эдикт.
316 » — Прикрепление декурионов к куриям (конституция Константина).
325 » — Никейский собор.
30 г. IV в. — Начало движения агонистиков (циркумцеллионов) в Африке.
330 г. — Перенесение столицы в Константинополь.
332 » — Постановление Константина о прикреплении колонов.
361—363 гг. — Юлиан Отступник.
375 г. — Приход гуннов в Европу.
378 » — Поселение вестготов в Восточной части Империи.
378 » — Битва при Адрианополе и гибель императора Валента.
379—395 гг. — Феодосий I.
381 г. — Константинопольский собор.
395 » — Распадение Римской империи на Западную и Восточную.
395—408 гг. — Аркадий.
395—423 » — Гонорий.
401 г. — Первое нашествие Алариха в Италию.
410 г. (14 авг.) — Взятие Рима Аларихом.
425—455 гг. — Валентиниан III.
434—453 » — Аттила.
451 г. — Битва на Каталаунских полях.
455 » — Взятие Рима вандалами.
476 г. (23 авг.) — Падение Западной Римской империи.

УКАЗАТЕЛЬ

А

Абдера, финикийская колония в Испании — 86
Абиссиния — 677
Аварик, крепость в Галлии — 313
Авгуры — 52
Август (до 44 г. Гай Октавий, до 27 г. Гай Юлий Цезарь Октавиан) — 124, 292, 326, 347—363, 364—370, 373—375, 377—384, 386—398, 401—414, 417—420, 423, 424, 427, 430, 431, 438, 440—446, 448, 451, 453, 457, 458, 469, 513, 518, 542, 544, 550, 555, 568, 583, 594, 610, 629, 747
Августа Треверов (Трир), город в Бельгике — 671, 676, 686, 743, 744
Августалы — 575
Августин — 730
Августодун, город в Галлии —638
Авентин, холм — 7, 30, 36, 41, 46, 55, 58, 147, 149, 184, 542
Авернское озеро в Кампании —437
Авеста — 729
Авзоний — 698, 731
Авзоны (аврунки) — 12, 25
Авидий Кассий — 530, 531
Авит (Мецилий Авит) — 698, 758
Авиэн — 698, 699
Аврелиан (Луций Домиций Аврелиан) — 483, 510, 636, 637, 640, 641, 644, 645, 646, 648, 649, 747
Аврелиева дорога (via Aurelia)— 478
Аврелий, Г. — 93
Аврелий Антонин, М. — 461, 473, 476, 477, 512, 518, 519, 530, 532, 534, 538, 539, 541, 565, 568, 607, 619, 717, 747
Аврелий Котта, Г. цензор 241 г.—92
Аврелий Котта, М., консул 74 г.— 280
Авреол — 632
Аврунки, — см. авзоны
Агафокл — 67, 68
Ager Gallicus — 94
Ager publicus — 71, 78, 94, 121, 151, 168, 174, 175, 185, 187, 204, 206—208, 290, 600
Ager Romanus — 174
Агнессы базилика — 738
Агонистики (циркумцеллионы) — 721—723
Agri decumates — 471
Агригент (Акрагант), город в Сицилии — 9, 82, 86, 87, 88, 90, 157
Агрикола — 432
Агриппина Младшая, мать Нерона — 430, 431
Агриппина Старшая, внучка Августа — 421, 422, 423
Адгербал — 190
Аддуа, левый приток По — 7
Адриан (Публий Элий Адриан) — 473, 494, 512, 513—518, 520—522, 526, 527, 529, 530, 531, 534, 537, 538, 545, 546, 556, 574, 576, 612, 627, 643, 669, 733, 734
Адриана мавзолей (замок Ангела)— 526
Адрианов вал — 516, 526, 533
Адрианополь, город во Фракии, битва — 668, 752
Адриатическое море — 6, 7, 19, 25, 62, 67, 106, 225, 268, 328, 337, 478, 752
Адрия(Hadria), город в Пицене— 8, 19
Адуатуки — 243
Азелион — 214
Азия, римская провинция — 81, 110, 113, 180, 182, 209, 220, 226, 281, 282, 309, 310, 318, 319, 331, 336, 361, 474, 476, 500, 592, 632, 672

Азия Малая — 12, 13, 82, 105, 160, 174, 278, 365, 370, 539, 677, 722, 732, 752
Азия Центральная — 750
Акарнания, область в Греции—113
Аквилея (Aquileia), город в Северной Италии — 7, 243, 464, 481, 628, 631, 676, 686, 714, 757
Аквилий, М., консул 101 г.—203, 218
Аквинкум (Будапешт), город в Паннонии — 500
Аквитания, область в Галлии — 313, 317, 392, 476
Аквитаны — 312, 317
Аквы Секстиевы, в Нарбонской Галлии, битва — 197, 478
Акрагант (Acragas), греческая колония в Сицилии, см. Агригент
Аксидо — 723
Акуций — 586
Акций, мыс в Греции, битва — 368, 373, 381, 384
Аламаны — 632, 638, 643, 644, 748, 750, 754, 755, 757, 761
Аланы — 753, 754, 756
Аларих — 752, 753, 754—757
Алезия, город в Галлии — 243, 320
Александр, сын Антония и Клеопатры — 373
Александр Македонский — 106, 107, 110, 111, 283, 432, 619
Александр Север (М. Аврелий Север Александр) — 607, 609, 621, 628, 629, 630
Александр Этолийский — 106
Александрийская война — 331, 746—747
Александрия, город в Египте —105, 331, 367, 368, 369, 427, 479, 480, 500, 508, 531, 538, 548, 562, 565, 640, 676, 680, 713
Аллий Максим — 626
Аллия (Allia), приток Тибра, битва — 61, 62, 70
Аллоброги — 376
Альба-Лонга, город в Лации —7, 27—29, 36, 428, 440
Альбанская вилла Сенеки — 580
Альбанские горы — 27, 34, 46
Альбанское озеро — 27
Альбенга (Albingaunum), город в Лигурии — 636
Альбин — см. Клодий
Альбин — см. Постумий
Альпийские провинции — 476
Альпы, горы — 7, 10, 11, 12, 25, 61, 97, 100, 267, 268, 272, 313, 391, 428, 631, 716
Аманд — 638, 639
Амбакты, клиенты у галлов — 312
Амбианы — 316
Амбиорикс — 319
Амбракийская бухта в Греции— 368
Амвросий — 719
Аммиан Марцеллин — 732—733
Амулий — 29
Амфиполь, город в Македонии— 356
Анастасий — 682
Андалузия, соврем. область в Испании — 120
Андриск Филипп (Лже-Филипп) — 119
Анио, приток Тибра — 27, 55, 99, 229
Анк Марций — см. Марций
Анкира (Ангора), город в М. Азии— 380
Анкирская надпись (Monumentum Ancyranum) — 380
Анкона, древнегреческая колония, город в Пицене — 6, 8, 25, 225, 357
Аннибал — см. Ганнибал
Анний Милон, Т. — 322, 323, 324, 341
Аннона — 651—653
Антигон Гонат — 106
Антигон Деметрий — 106
Антигон Дозон — 106
Антигониды — 106
Антиллий — 184
Антиной — 507
Антиох — см. Эвн
Антиох I Сотер — 93, 110
Антиох II Теос — 110
Антиох III Великий — 105, 112—114, 121, 260, 443
Антиох IV Эпифан — 114
Антиохия, город в Сирии — 421, 500, 508, 559, 562, 628, 654, 680, 713, 732, 736
Антоний, Г., консул 63 г. — 290, 306
Антоний, Л. —358—360
Антоний, М., триумвир — 256, 292, 321, 322, 327, 328, 336, 341, 342, 347, 349, 350, 351, 352—354, 356—358, 360, 361, 363, 365—369, 373, 443, 747
Антоний Прим — 464
Антоний Приск — 586
Антонин Пий (Тит Аврелий Антонин) — 473, 512, 537, 548, 569, 576

Антонинов вал — 516
Антонины — 216, 262, 458, 461, 473, 476, 498, 500, 511, 514, 519, 526, 528, 529, 531—533, 541, 543, 544, 564, 565, 569, 600, 605, 607, 611, 612, 614, 618, 625, 685, 692
Анхиз — 440
Анций, город в Лации — 7, 77, 435
Апамея, город в Сирии — 516
Апеннинский полуостров — 5—6, 8, 9, 10, 11, 13, 25, 28, 61, 207, 215
Апеннины, горы — 6, 7, 13, 25, 268, 596
Апис, бык — 369
Аполлинарий — 714
Аполлон — 18, 146, 147, храм А.— 713
Аполлония, город в Иллирии — 119, 352
Аппиан — 545, 546
Аппиева дорога (via Appia) — 68, 71, 227, 323, 486
Аппий Гердоний — см. Гердоний
Аппий Клавдий — см. Клавдий
Аппулей Сатурнин — 203—206
Апулей — 542
Апулийцы — 67
Апулия, область в Южной Италии — 8, 62, 67, 68, 69, 98, 155, 214, 227, 266, 268, 271, 298, 304, 306, 341, 586, 673, 687
Арабы — 479, 483
Аравзион, город в Нарбонской Галлии — 196
Аравийский залив — 476
Аравия — 105, 391, 432, 474, 476, 478, 479, 537, 677
Арагония, соврем. испанская провинция — 120
Арар, приток Родана — см. Саона
Арат — 106
Арвальские братья — 550
Арверны — 312, 314, 319
Аргенторат (Страсбург), город в Галлии — 500
Арголида — 278
Аргос, область в Пелопоннесе —109
Ардашир — 628
Ардея, город в Лации — 7, 27, 146
Ареваки — 121
Арелате, город в Галлии —401, 428, 478, 676, 677
Арий, ариане — 711, 716
Аримин, город в Умбрии — 8, 68, 79, 327, 357
Ариобарзан — 218, 236
Ариовист — 314, 315, 317
Аристид, Элий — 538
Аристобул из Иудеи — 282—.
Аристоник (133—130 гг.) — 1 160, 161, 173
Аристотель — 235, 289, 345, 5
Ариций, город в Лации — 27, 6 146
Арицийская федерация — 60, 6
Аркадий (Флавий Аркадий) —701, 718, 753, 754
Армения — 280, 282, 390, 432, 474, 752
Армения Малая — 217, 282
Арминий — 394
Арн (Арно), река в Этрурии —7, 481
Арнобий — 730
Арпин, город в Лации — 192, 193, 286
Арпы, город в Апулии —8
Арретий, город в Этрурии — 7, 139, 244, 297
Аррий, Кв. — 268
Артаксата, город в Армении — 282, 432
Архелай — 225, 226, 243
Архимед — 100
Асканий (Юл) — 28, 440
Аскул, город в Пицене — 8 210, 213
Асока, царь — 106
Аспрен Элий — 570
Ассирия — 554, 642, 677
Астарта — 82
Астуры — 392
Атаульф — 756
Атлантический океан — 9, 82, 83, 312, 476
Атлас, горы в Африке — 476
Атребаты — 316
Атрия, древнегреческая колония в устье По — 7
Аттал I — 111
Аттал III — 122, 171
Аттик — см. Помпоний
Аттика, область в Греции — 159, 220, 592
Аттила — 756, 757
Аттилии, самнитские всадники— 87
Аттилий Регул, М. — 89
Augusta Taurinorum, город — см. Таврасия
Аускул, город в Апулии —8, 68,
Ауфид, река в Апулии — 98
Афанасий — 711, 730, 731

Афеней — 514
Афенион киликиец, вождь восстания рабов в Сицилии (104—101 гг.)—200, 201, 202, 203, 225
Афенион (Аристион), философ —225
Афина-Полиас (храм) — 111
Афины, город — 46, 125, 220, 225, 226, 235, 242, 285, 534, 537, 634
Афиняне — 5
Афраний, Л., консул 90 г. — 329
Афраний, вождь латинов в Союзнической войне — 209
Афраний Бурр — 430, 435
Африка — 6, 9, 39, 67, 81—83; Пунические войны, — 86, 89, 96, 101—103, 105, 117; провинция — 118, 119, 122; война с Югуртой — 189—191; провинция — 204, 222, 224, 275, 290, 293, 294, 304, 316, 324, 331, 332, 335, 354, 359, 361, 366, 381, 386, 391, 401, 426, 442, 476, 500, 520, 567, 581, 582, 584—586, 592, 600, 614, 615, 626, 631, 671, 676, 677, 711, 716, 719, 721, 724, 732, 748, 752, 754, 756, 761; диоцез—672
Африканцы — 731
Афрон — 556
Ахайя, римская провинция — 120, 158, 204, 634, 672
Ахей — 158
Ахейский союз — 104, 113, 115, 119, 163
Ахилей — 650
Ацерры, город в Кампании — 214
Ацилий Глабрион, Маний, консул 67 г. — 281
Ацилий Глабрион, Маний, претор, командир карательной экспедиции против рабов в Этрурии в 196 г. — 154
Аэций (Флавий Аэций) — 757

Б

Багауды — 637—639, 649, 719, 757
Баграда, река в Африке — 9, 117
Байи, курорт в Кампании — 254
Бактрия, область в Средней Азии—111
Балканский полуостров — 8, 26, 61, 67, 634, 756
Бальб — см. Корнелий
Бардиейцы — 224
Барей Соран — 437
Барка — 84, 85, 96
Баркиды — см. Барка
Бар-Кохба — 529, 556
Басилид — 564
Бастарны — 218, 645, 747, 753
Батиат, Лентул — 263, 264
Бебий, Г., — 190
Белги — 312, 315
Белград — см. Сингидун
Беллона (храм) — 71, 72, 228
Белловаки — 316
Бельгика — 339, 392
Бельгия — 312, 500
Бен Акиба — 529
Беневент, город в Самнии — 8, 26, 68, 79, 87, 211, 519, 586, 587
Беотия, область в Греции — 226
Берберы — 720
Береника, город в Киренаике — 478
Берит, город в Финикии — 664
Бернар Малый, горный проход — 391, 476
Бетика (Дальняя Испания), римская провинция — 120, 392, 476
Бетис, река в Испании, соврем. Гвадалквивир — 82, 95
Библ, город в Финикии — 664
Бибракте, крепость в Галлии — 313, 315
Бион Борисфенский — 106
Битуриги — 313
Блемии — 483
Блоссий — 166
Бовиан, город в Самнии — 8, 213
Богаи, город в Нумидии — 723
Бокх — 359
Боноз — 638
Бонония (Фельзина), город в Северной Италии — 7, 19, 79, 354, 357
Боскореале, деревня близ Помпей — 455
Боскореназе, деревня близ Помпей — 455
Боспорское царство — 217, 390
Боудикка, или Бондикка — 432
Бренн — 62
Британик (Тит Клавдий Британик) — 426, 431
Британия — 9, 313, 318, 336, 360, 374, 375, 401, 426, 432, 434, 476, 478, 500, 529, 607, 610, 632, 634, 640, 645, 667, 671, 672, 676, 677, 687
Британские острова — 317, 686
Брундизий, город в Калабрии — 6, 8, 225, 226, 271, 283, 328, 329, 361, 373, 478, 635

Брундизийское соглашение — 361
Брут — см. Юнии
Бруттии — 25, 66
Бруттий, область в Южной Италии — 8, 25, 69, 100, 266, 271, 279, 341, 586, 673
Будапешт — см. Аквинкум
Бузент, река в Бруттии, приток Кратиса — 756
Буколы — 531
Буксент, город в Лукании, римская колония — 8
Булла Феликс — 627, 635, 636
Бургунды — 754, 757, 761
Бурр — см. Афраний
Бурунитанский сальтус — 626
Бюрократия — 416, 513, 527—528, 615, 647—648

В

Ваала храм в Эмесе — 111
Вавилон, город — 390
Вавилония — 9, 474
Вавилоняне — 15
Вада Сабатия, город в Лигурии—7
Вадимонское озеро в Этрурии — 19, 66
Вакх — см. Дионис
Валенсия — совр. испанская провинция — 120
Валент (Флавий Валент) —750, 752
Валентин — 564
Валентиниан I — 681, 693, 704, 741, 750
Валентиниан III — 643, 704, 715, 757, 758
Валериан — 632, 640, 642, 707
Валерий — 126
Валерий Анциат — 31
Валерий Левин — 68
Валерий Мессала М. — 212, 393
Валерий Попликола — 47, 73
Валерий Флакк, Л., консул 86 г. — 224, 226
Валерий Флакк, Л., консул 100 г., «Междуцарь» (interrex) — 230
Валерий Флакк, писатель — 543
Вандалы — 644, 730, 750, 754, 757, 761
Вар — см. Квинктилий
Варий — 199
Варий Авит, см. Гелиогабал (Элагабал)
Вариний, П. — 265, 266
Варрон (Гай Теренций Варрон), консул 216 г. — 98
Варрон (Марк Теренций Варрон)— 251—253, 340
Василий Великий — 730
Ватиний, П. — 311, 321
Везонтион, город в Галлии — 315
Везувий, гора в Кампании — 263, 264, 472
Вейентская область — 61, 62
Вейи, город в Этрурии — 7, 18, 19, 36, 60, 61, 63
Велабр, холм — 41
Велей, колония ветеранов — 586, 587
Великая Греция — 86
Веллей Патеркул — 449—450
Вена — см. Виндобона
Венафр, город в Самнии — 138, 140, 211
Венера — 146, 409, 441; храм Венеры-матери — 338
Венеты — 317, 480, 481
Венеция, область в Северной Италии — 7, 672
Вента, город в Британии — 686, 687
Венузия, город в Апулии — 98, 357, 442
Вергилий Марон, П., — 440, 441, 445—448, 588
Вергиний — 58
Верона, город в Северной Италии — 7, 754
Вероника — 467
Веррес, Г., — 125, 271, 286, 287
Верцеллы, город в Этрурии, битва — 197
Верцингеторикс — 313, 319, 320
Веспасиан (Тит Флавий Веспасиан) — 463, 464, 466, 469—472, 519, 520, 643
Веста — 35, 208; храм Весты — 214, 367
Vestalia, праздник огня — 35
Вестготы — 752—757, 761
Вестины — 25, 210, 357, 359
Ветераны — 203, 204, 221, 233, 259, 260, 290, 292, 308, 310, 335, 346, 349, 359, 375, 380, 384, 387, 394, 486, 502, 506, 653
Веттий Скатон, П. — 211
Ветуций — 586
Вибулен — 415
Виенна, город в Галлии — 428
Византийская империя — 763
Византия, город — 226, 478
Викарий — 672, 701
Вилланова (эпоха Виллановы) — 11, 12, 13, 15
Виминал, холм—7, 30

Виндекс (Гай Юлий Виндекс) — 438
Виндобона (Вена) — 469, 500
Виниций, М. — 449
Винчестер — см. Вента
Випсаний Агриппа, М. — 365, 367, 368, 392, 395, 410, 412, 453, 457
Вириат — 121
Виромандуи — 316
Viteliu (Италия) — 8, 212
Вителлий Авл — 462, 463, 464, 466, 470
Витрувий Поллион, М. — 458 — 459, 490, 493, 496, 497
Вифиния, вифинское царство — 104, 112, 113, 161, 198, 218, 280, 281, 282, 390, 476, 528, 539, 671
Волатерры, город в Этрурии — 139, 228
Волга, река — 752
Volconalia, праздник подземных сил — 35
Волумний, П., Неукротимый — 17
Волумниев саркофаг — 17
Вольноотпущенники — 70, 72, 94, 127, 153, 221, 223, 234, 239, 244, 245, 246, 257, 273, 284, 303, 327, 336, 339, 358, 361, 362, 380, 394, 400—403, 408, 419, 421, 426, 429, 435, 438, 489, 490, 502, 508, 524, 573—575, 626, 629, 652, 653, 692, 735
Вольсинии, город в Этрурии — 7, 68
Вольски — 25, 69
Волтумна — 19
Вольтурн, римская колония — 77
Вольтурн, река в Кампании — 227
Восток (Oriens), военный округ, префектура — 665, 672
Всадники — 65, 87, 91, 128—132, 155, 168, 173, 180, 183—185, 192, 199, 205, 206, 208, 231, 280, 290, 291, 293, 295, 308, 310, 321, 339, 351, 380, 392, 399, 400, 412, 419, 426, 470, 504.

Г

Габии, город в Лации — 360
Габиний, Авл, консул 58 г., трибун 67 г. — 248, 278, 279, 281, 296
Габиний, Кв., трибун 139 г. — 142
Габиний, П. — соучастник заговора Катилины — 301
Гадес, финикийская колония в Испании — 9, 83, 86, 95, 337, 338, 478.
Гадрия — см. Адрия
Гадрумет, город в Африке — 82, 86, 118, 600.
Гай (Gaius), юрист II в. н. э. — 59, 611, 734.
Галатия, область в М. Азии, римская провинция — 104, 282, 476
Галерий (Гай Галерий Валерий Максимиан) — 668, 671
Галилея в Иудее — 464, 556, 559
Галлиен (П. Лициний Эгнаций Галлиен), — 632, 634, 638, 640, 643, 729.
Галлия, доримская — 312—313; римская провинция — 304, 306, 309, 313—321, 322, 326, 332, 333, 335—337, 374, 381, 392—394, 401, 410, 411, 425, 428, 468, 476, 478, 500, 531, 581, 582, 599, 632, 634, 637—640, 644, 645, 649, 671, 672, 676, 677, 716, 719, 743, 745, 757, 761
Галлия Бельгийская — 639
Галлия Заальпийская — см. Трансальпинская
Галлия Лугудунская — 339, 392, 438, 476, 636
Галлия Нарбонская — 196, 313, 314, 321, 354, 361, 392, 428, 476.
Галлия Предальпийская — см. Цизальпинская
Галлия Трансальпинская — 312, 354
Галлия Транспаданская — 7, 672
Галлия Цизальпинская — 7, 94, 214, 311, 312, 334, 351, 353, 354, 361
Галлия Циспаданская — 7, 391, 758
Галлы — 25, 48, 95, 217, 243, 245, 261, 263, 267, 286, 312, 313, 317, 319, 320, 387, 428, 467—469, 744
Гальба (Сервий Сульпиций Гальба) — 438, 462, 544
Гамилькар Барка, отец Ганнибала — 85, 89, 90, 91, 95, 96
Гамилькар Магон — 86
Ганга, река в Македонии — 356
Ганнибал (Аннибал), сын Гамилькара — 85, 89, 92, 96—102,

107, 112, 113, 116, 117, 120, 121, 132, 150, 165, 227, 260, 261, 270, 376, 443, 467, 546, 608
Ганнибал, сын Гискона — 88
Ганник — 271
Ганнон (Hanno), карфагенский мореплаватель — 83, 84
Ганнон, полководец — 87, 88
Ганнониды, карфагенский род — 84
Гараманты — 447
Гарган (mons Garganus), гора в Апулии — 268
Гардское озеро (Lacus Benacus) в Венеции — 643
Гаронна (Гарумна), река в Галлии — 312, 314, 589
Гаруспики — 19, 428
Гасдрубал — 117
Гасдрубал, брат Ганнибала — 85, 100, 101
Гасдрубал, зять Гамилькара —95, 96
Гейзерих — 757, 758
Гела, греческая колония в Сицилии — 9
Гелиогабал (Элагабал, Варий Авит, М. Аврелий Антонин) — 607, 620, 621, 636
Гелиодор — 731
Гелиополиты — 160, 161
Гелиополь, город в Египте—537
Геллеспонт, пролив — 113, 226
Геллий Попликола, Л.—268
Гельветы — 312, 314, 315
Гельвий Базила — 518
Генуя, город в Лигурии — 7, 480
Георгий — 713
Гераклея, город в Лукании—8, 68
Геракловы столпы — см. Геркулесовы столпы
Герговия, город в Галлии — 313, 319
Гердоний Аппий — 40
Герейские горы в Сицилии — 731
Герентий — 356
Геркуланум, город в Кампании — 211, 472, 484, 486
Геркулес — 18, храм — 615
Геркулесовы столпы (Гибралтар), пролив — 82, 84, 132, 279, 355, 481
Германик — 394, 414, 416, 417, 421—423, 430
Германия — 309, 318, 337, 392, 393—395, 401, 411, 416, 417, 468, 478, 500, 517, 544, 599, 631, 676, 743—747
Германия Верхняя, римская провинция — 417
Германия Нижняя, римская провинция — 417
Германцы — 197, 248, 261, 263, 267, 314, 318, 344, 376, 387, 388, 392, 393, 394, 424, 467—469, 644, 645, 743—748, 750, 752 — 755, 758, 762
Гермес — 731
Гермогениана кодекс — см. Codex
Гермодор — 56
Гермундуры — 530, 628
Герники — 25, 65
Герод Аттик — 538
Герофил — 350
Гессий Флор — 464
Гета (Публий Септимий Гета) — 619
Гетулы — 83
Геты — 391
Гибралтар — 481
Гигин — 584
Гидасп — 731
Гиемпсал — 190
Гиерон II. — 86, 87, 100
Гильдесгейм, город в Германии—743
Гильдон (Gildo) — 724, 753
Гимера, греческая колония в Сицилии — 82, 86
Гиппон Регийский, город в Африке — 86, 91, 600
Гиппонский округ (tractus Hipponensis) — 600
Гипсей — 322
Гиркан — 282, 283
Гирканское море—см. Каспийское
Гиркания, область в М. Азии — 337
Гирций, А. — 353
Глабрион—см. Ацилий
Гностики — 563, 564
Гонорий (Флавий Гонорий) — 701, 718, 724, 753—757.
Гораций, патрицианский род —75
Гораций Флакк, Кв., поэт — 442—447
Гордиан I (Марк Антоний Гордиан) — 631
Гордиан II (Марк Антоний Гордиан) — 631
Гордиан III (Марк Антоний Гордиан) — 631, 632
Гортензий, Кв., диктатор 287 г.— 73
Гортензий, Кв., оратор, консул 69 г. — 281

Гостилиева курия — 323
Гостилий Манцин, Г., римский консул 137 г. —121, 122, 166, 167
Гостилий Тулл — 36
Готы — 632, 634, 643, 644, 668, 747, 752, 753, 754, 756, 758
Готы восточные — см. остготы
Готы западные — см. вестготы
Гракхи — см. Семпронии
Грациан — 714, 750, 752
Грегориана кодекс — см. Codex
Греки — 9, 15, 19, 20, 25, 67, 83, 95, 115, 146, 147, 218, 245, 479
Греция — 5, 6, 39, 46, 56, 67, 106, 107, 108, 109, 113, 120, 160, 163, 225, 235, 334, 341, 352, 379, 437, 546, 599, 604, 622, 623, 671, 752
Григорий I Великий — 716
Григорий Назианзский— 730
Гунны — 753, 757
Гуннское ханство — 752, 756, 757

Д

Давид — 554, 557
Дакия, страна, римская провинция — 473, 476, 478, 500
Далмация, римская провинция — 361, 373, 381, 393, 414, 648, 677, 687, 716, 732, 736
Дамаск, город в Сирии — 562
Дамофил, — 156
Дардан, город в Малой Азии (Дарданский мир) — 226, 279
Дафна — 713
Дафнис — 731
Дева (Deva — Честер), город в Британии — 432
Декурионы — 215, 692
Делос, остров — 143, 219, 225, 243
Деметра (Церера) — 147
Деметрий, вольноотпущенник Помпея — 246
Деметрий Полиоркет — 67
Дентат — см. Курий
Десятинные поля — см. Agri decumates
Децебал — 472, 473
Деций (Гай Мессий Траян Деций), император — 642, 707, 720
Деций Мус, П., консул 340 г. — 66
Диана — 34, 146; храм Д. — 46
Диархия — 399
Диаспора иудейская — 553
Дивициак — 313, 314
Дигесты — 458, 734
Дидий Север Юлиан, М., — 607, 608
Дидона, или Элисса — 82
Диеспитер — см. Юпитер
Диктатор — 51, 74, 76, диктатура Суллы — 230—235, диктатура Цезаря — 334—337
Диодор — 31
Диокл — см. Диоклетиан
Диоклетиан (Г. Валерий Аврелий Диоклетиан) — 639, 642, 644, 648—651, 653, 655, 664—669, 671, 672, 675, 677, 679, 680, 692, 707—708, 710, 733, 736, 740
Диоклея, город в Далмации — 648
Дион — см. Кассий
Дионис (Вакх) — 146
Дионисий Галикарнасский —440
Диополисы, города, основ. Помпеем в Понте — 283
Диофан — 166
Диоцезы — 672
Диррахий, город в Македонии, битва — 119, 328, 329
Долабелла — см. Корнелий
Домены императорские — 470, 599, 600 — 601, 695
Доминат — 378, 647, 694
Домициан (Флавий Домициан) — 472, 544, 545, 568, 583
Домиций Агенобарб, Л., консул 54 г. — 255, 284
Домиций Агенобарб, Л., консул 32 г. — 355, 357, 367
Домиций Корбулон, Г. — 432
Дон — см. Танаис
Донат — 720
Донатисты — 711, 716—718, 721, 723, 724, 752
Дорилай — 226
Дрепан, город в Сицилии — 90
Дримак — 159, 160
Друз — см. Ливий Друз
Друз, сын Агриппины — 422
Друз Клавдий Нерон, пасынок Августа — 392
Друз Нерон, отец императора Клавдия — 425
Друз, сын Тиберия — 414, 415
Друзилла, дочь Германика — 424
Друиды, жрецы в Галлии и Британии — 312, 313
Дуилий (Гай Марк Дуилий), консул 260 г. — 88, 89
Дукаты (военные округа) — 665
Думнорикс — 313

Дунай (Данубий), река — 312, 381, 414, 445, 473, 478, 494, 516, 526, 619, 624, 743, 752, 756, 758
Дуовиры — 500
Дура-Европ (Dura-Europos), город в Месопотамии — 741
Дурия Большая, левый приток р. По — 7
Дурия Малая, левый приток р.По— 7
Дуэро (Дурий), река в Испании— 121

Е

Евдоксия, жена Валентиниана III— 758
Евдоксия, жена императора Аркадия — 754
Евн, вождь рабов — см. Эвн.
Евреи — 114, 464, 474, 479
Евризакес, М. Вергилий — 490
Еврипид—708
Европа — 81, 206, 752, 762
Евсевий — 730, 733
Евфрат, река в Месопотамии—312, 366, 390, 476, 530, 533, 628, 741
Египет, — 104, 105, 107, 220, 236, 290, 292, 293, 330, 331, 332, 366, 367, 369, 370, 373, 374, 381, 386, 391, 393, 400, 427, 476, 500, 517, 527, 529, 531, 539, 599, 618, 619, 632, 634, 642, 644, 649, 650, 672, 677, 718, 746
Египетская монархия — 104
Египтяне — 15, 83, 480, 531
Езекия — 556
Ерма — 564

З

Закон — см. Lex
Зама, город в Африке, битва—102
Занкле (Мессана), греческая колония в Сицилии — 82
Зевса храм — 112, алтарь — 537
Зелоты — 464
Зенон — 760
Зиновия — 483, 632, 640
Зонара — 732

И

Ибер (Эбро), река в Испании — 96, 101, 261
Иберия — см. Испания
Иберы (кельтиберы) — 95, 101, 312, 387
Изида — 552, 558
Израиль — 554
Иерусалим, город в Палестине— 283, 463—465, 467, 508, 529, 554—557, 559
Иерусалим новый — 558, 560, 566
Иисус Христос — 85, 558, 559, 560, 563, 564, 565, 567, 568, 569, 707, 711, 720, 740
Иисус (Язон) — 114
Илерда, город в Испании, битва — 329
Иллирийцы — 115, 142, 217, 261
Иллирик или Иллирия, римская провинция — 107, 131, 176, 339, 361, 394, 632, 634, 665, 671, 672, 681, 754
Ильва (Эльба), остров — 10
Император — 162, 275, 378, 379, 382, 383, 399, 469, 568, 665, 669
Императорские провинции — 381
Империя — 216, 238, 327, 379, 401, 402, 568, 622, 642, 665, 671, 672, 761
Инд, река — 110
Индийцы — 443
Индия — 105, 110, 114, 391, 419, 420, 432, 442, 478, 479, 483, 592, 677, 729, 752
Индостан — 478
Индуциомар — 319
Иоанн из Гискалы — 464
Иоанн Хривостом (Златоуст) —685
Ионическое море — 6, 9
Иония, область в М. Азии — 278
Иосиф Флавий — 467
Ирландия (Иберния), остров — 9
Ирод Агриппа — 426, 467
Ирод Великий — 555, 556
Исаврия, область в М. Азии — 282
Исидор — 531
Исидор—см. Клавдий
Испания, римская провинция — 5, 8, 9, 82, 83, 86, 91, 93, 95, 96, 97, 100, 101, 103, 120, 121, 132, 161, 163, 189, 260, 261, 271, 276, 286, 304, 309, 313, 316, 324, 329, 330, 332, 336, 337, 354, 381, 386, 392, 393, 401, 473, 475, 478, 492, 531, 632, 637, 638, 640, 645, 649, 671, 672, 676, 677, 719, 731, 748, 761
Испания Ближняя — см. Тарраконская
Испания Дальняя — см. Бетика
Испанская война — 120
Истмийский перешеек — 119
Истрия, область в Северной Италии — 67, 672

Италийская федерация (Италийский союз) — 69, 79, 96, 99, 208 (новый Италийский союз)—212
Италия — 5—12, 19, 26, 27, 29—31, 46, 59, 60, 62, 63, 66—71, 80—81, 89, 93, 94, 96, 97, 99—103, 107, 115, 122, 123, 126, 135, 142, 145, 150, 153, 159, 168, 175, 177, 181—183, 185—187, 196—198, 204, 206—207, 209—212, 215, 217, 227, 228, 230, 231, 233, 244, 250, 254, 257, 261, 262, 266, 268, 269, 272, 296, 312, 313, 316, 320, 322, 323, 327, 328, 331, 334—336, 338, 340, 345, 349, 351, 357, 358—361, 373, 384, 385, 394, 401, 408, 410, 418—420, 428—430, 438, 440, 441, 446, 448, 451, 463, 464, 468, 480, 481, 500, 506, 511, 513, 518, 519, 526, 530, 561, 582—584, 594—596, 599, 601, 604, 605, 623, 635, 644, 645, 651, 657, 670—672, 676, 677, 716, 754—761
Италия Северная — 7, 11, 13, 20, 25, 69, 186, 197, 243, 268, 481, 636
Италия Средняя — 7, 11, 13, 25, 63
Италия Южная — 8, 25, 38, 62, 71, 82, 86, 99, 143, 154, 186, 266, 270, 271, 748
Италия — см. Viteliu, Энотрия
Италики — 10, 11, 19, 77, 80, 85, 97, 102, 175, 177, 195, 196, 207, 208, 210, 214, 215, 234, 428, 440, 477, 479
Италиоты — 25
Италы — 25
Иуда Гавлонитянин — 556
Иуда, сын Езекии — 556
Иуда Маккавей — 114
Иудеи — см. Евреи
Иудейская война (66—71 гг.) — 463, 466, 474
Иудейское царство — 467
Иудея, — 114, 282, 283, 426, 463, 464, 466, 467, 529, 530, 554—558, 567
Ицены — 432

К

Кавдинское ущелье (furcula Caudinae) в Самнии — 65, 70
Кавказ — 26, 283, 337, 473, 476, 757
Кадурки — 319
Каете, город — 356
Казин, город в Лации — 138
Калабрия, область в южной Италии — 8, 25, 266, 586, 673, 757
Калгак — 432, 433
Калес, город в Кампании — 79, 141
Калигула (Гай Цезарь Август Германик) — 412, 423—425, 435, 552
Кальвизий Руф, друг Плиния Младшего — 596
Калпурний Бестия, Л., — 190
Кальпурний Пизон, Г. — 437
Кальпурний Пизон, Гн., участник заговора Катилины — 293
Кальпурний Пизон, Гн., наместник Сирии — 421, 422
Кальпурний Пизон, Л., трибун 149 г., консул 133 г. — 131, 166
Кальпурний Пизон, Л., консул 58 г. — 310
Кальпурния, жена Г. Юлия Цезаря — 310
Камалодун (Кольчестер), город в Британии — 426, 432
Камерий, город в Лации — 428
Кампания, область в Италии — 7, 8, 9, 19, 20, 25, 62, 67, 87, 140, 209, 213, 214, 221, 233, 254, 263, 298, 306, 338, 341, 359, 437, 486, 586, 673, 729, 756, 759
Кампанцы — 67
Канны, город в Апулии, битва — 98, 115
Кантабры, — 392
Канулей — 59, 258—см. Lex
Капитолий, холм — 7, 30, 62, 70, 183, 205, 227, 348
Капитолин — 733
Капитон (Capito) — 458
Каппадокия, область в М. Азии, римская провинция — 104, 112, 217, 218, 236, 280, 282, 291, 390, 421, 476
Капри (Капреи), остров — 422
Капуанская федерация — 99
Капуя — 19, 63—65, 69, 99, 100, 174, 182, 227, 233, 263, 272, 298, 304, 357, 376, 478
Кар (М. Аврелий Кар) — 648
Каракалла (М. Аврелий Антонин Каракалла)—607, 609, 619, 620, 636, 640, 750; термы К.—736—737
Карбон — см. Папирий Карбон
Кария, область в М. Азии—113, 537

Карнеад — 149
Карнунт, город в Паннонии, — 469
Карнуты — 319
Карпократ — 563, 564
Карры, город в М. Азии, битва — 316, 317, 390, 464
Карфаген, город в Африке, Карфагенская республика — 9, 30, 38, 39, 68, 70, 80—91, 95—103, 112, 116—119, 142, 143, 145, 163, 182, 183, 222, 338, 442, 447, 476, 500, 562, 600, 603, 687, 688
Карфаген Новый, город в Испании — 95, 101, 121, 245, 492
Карфагеняне (пунийцы) — 15, 20, 39, 68, 84—91, 95—103, 120, 132
Карфалон — 117
Кархедон (Карфаген) — 81
Каспийское (Гирканское) море — 282, 337, 752
Каспийское царство — 442
Кассивелаун — 318
Кассий Г., сенатор при Нероне — 434, 435
Кассий Дион, историк — 731—732
Кассий Лонгин Г., консул 171 г.— 142
Кассий Лонгин Г., трибун 49 г.— 268, 317, 346, 348, 353, 356
Кассий Лонгин Кв., трибун 48 г.— 327, 328
Кассий Спурий, консул 468 г. — 54, 60
Каст — 271, 356
Катакомбы — 740, 741
Каталаунские поля, битва — 757
Каталония, совр. исп. провинция— 120
Катана, греческая колония в Сицилии — 82, 157, 158
Катилина, Л. Сергий — 227, 290, 292—298, 300—308, 310, 311, 341, 530
Катул, консул — см. Лутаций
Катул, Г.Валерий, поэт — 336
Катул, Кв., сенатор — 304
Квады — 530, 628, 747
Квесторы — 51, 74, 124, 339, 500
Квинктилий Вар, П. — 394, 743
Квирин (Янус) — 33, 388, 490
Квиринал, холм — 7, 30, 32, 37
Кёльн (Colonia Agrippina), город в Нижней Германии — 392, 468, 500, 743
Кельтиберы — 121
Кельты (галлы) — 12, 20, 96, 197, 312
Кесария, город в Иудее — 463, 464, 556
Кибела — 146, 206, 455, 715
Киликия, область в М. Азии, римская провинция — 12, 220, 278, 281, 282, 476, 678
Кимвры — 196, 197, 204
Киме — см. Кумы
Киноскефалы, горы в Фессалии, битва — 107
Кипр, остров — 474, 676
Киприан — 564
Кир — 554
Киренаика, область в Африке, римская провинция — 361
Кирена, город в Африке — 474
Китай — 110, 391, 419, 478, 479, 677, 752
Киферея (Венера) — 441
Клавдиан — 731
Клавдии, род — 40, 41, 126, 165, 168
Клавдии, династия — 412, 419, 511, 533
Клавдий, трибун 220 г. — см. Lex
Клавдий Аппий, децемвир — 56, 58
Клавдий Аппий, цензор 312 г. — 71, 72
Клавдий Аппий, консул 264 г. — 87
Клавдий Аппий, консул 143 г., тесть Тиберия Гракха — 170, 174
Клавдий (Тиберий Клавдий Германик) — 412, 418, 425—431, 513, 574, 600
Клавдий Гален, врач — 547
Клавдий Готский — 640, 643, 644, 679, 747
Клавдий Исидор, Гай Цецилий, вольноотпущенник — 257
Клавдий Марцелл — см. Марцелл
Клавдий Нерон Друз, пасынок Августа — см. Друз.
Клавдий Нерон Тиберий, цезарианец — 359
Клавдий Прокул, землевладелец — 686
Клавдий Пульхр — 41
Клазомены, город в М. Азии — 242
Клеон — 157, 158
Клеопатра VII, — 331, 347, 349, 364, 367—369, 373, 384, 443, 632, 747
Клиенты — 14, 15, 39, 40, 42, 45

127, 128, 234, 284—285, 312, 313, 573, 574, 599, 698, 701, 702
Климент Александрийский — 565
Клисфен — 46
Клодий Альбин, Л. — 607, 608
Клодий Глабер, Г., претор 73 г., подавлявший восстание Спартака — 264, 265
Клодий Пульхр, П., трибун 58 г.— 310, 311, 321, 322, 323
Клоний — 199
Кносский дворец — 9
Кодексы — 734
Codex Gregorianus — 669, 734
Codex Hermogenianus — 669
Codex Justinianus — 669, 734
Codex Theodosianus — 669, 734
Коза, римская колония в Этрурии — 68
Колизей — 534
Коллегии — 38, 311, 322, 342, 414, 502, 506—511, 692
Коллинские ворота, битва — 228
Колонат — 587, 593, 604—605, 624; парциарный колонат — 598, 625, 641
Колонии греческие — 8—9
Колонии римские — 77—78, 94, 168, 181—183, 185, 338, 342, 385
Колонии финикийские — 8, 82
Колоны — 284, 520, 521, 524, 566, 580, 587, 594—595, 597, 599, 601—605, 626—627, 629, 631, 632, 635, 650, 652, 653, 655, 680, 681—686, 693, 695, 698, 702, 703, 716, 719, 720, 747, 759
Клузий, город в Этрурии — 59, 62, 275
Колумелла (Л. Ю. Модерат Колумелла) — 459, 578—580, 583, 584
Колхида (Кавказ) — 217, 282
Комит — 672, 701
Коммагена, область в Сирии — 390
Комиции — 101, 170, 183, 185, 208, 209, 221, 239, 339
Комиции куриатные — 33, 44
Комиции трибутные — 55, 70, 73—74, 128, 130, 170
Комиции центуриатные — 44,45, 52, 57, 70, 74, 128, 130, 232
Коммод (М. Аврелий Коммод Антонин) — 473, 532, 547, 607, 612, 619, 747, 749
Консенция, город в Бруттии — 266, 756
Консистория — 671
Константин (Гай Флавий Валерий Константин Август) — 649, 664—671, 674, 675, 677, 678, 680, 689, 692, 709—711, 720, 736, 740, 748, 750, 757
Константинополь, город — 562, 665, 674, 678, 680, 694, 695, 714, 718, 740, 752, 756
Констанций Хлор (Флавий Валерий Констанций), соправитель Диоклетиана — 667, 671
Констанций, император — 696, 750
Constitutio Antoniniana — 619
Консулы — 27, 51, 52, 74—76, 132, 162, 164, 232, 527, 621
Консуляры — 672
Коперник — 548
Копт, город в Египте — 105
Кора, город в Лации — 60
Коринф, город в Греции — 108, 119, 120, 338, 559, 565, 566
Коринфский канал — 337
Кориолан, Гн. Марций — 55
Коркира, остров — 367, 368
Корнелии, род — 41, 367, 368
Корнелии, вольноотпущенники Суллы — 234, 236
Корнелии Сципионы, род — 41, 96, 103, 126, 148
Корнелий Бальб, Л., консул 40 г.— 337
Корнелий Галл, Г. — 369
Корнелий Долабелла, П., трибун 47 г., консул 44 г. — 341
Корнелий Лентул, Л., консул 49 г.— 327
Корнелий Лентул, П. — 103
Корнелий Лентул Сура, П., участник заговора Катилины — 296, 303
Корнелий Лентул Клодиан, Гн., консул 72 г. — 268
Корнелий, Л., претор — 154
Корнелий Сципион, Гн., брат Публия Сципиона Африканского — 100
Корнелий Сципион, Л., консул 83 г. — 227
Корнелий Сципион Азиатский, Л., брат Сципиона Африканского— 113, 125
Корнелий Сципион Африканский, П. — 97, 100—103, 118, 122, 133, 149, 162, 163, 165
Корнелий Сципион Бородатый, Л. — 66, 113

Корнелий Сципион Назика, П., консул 138 г. — 173
Корнелий Сципион Эмилиан, П., консул 147, 134 гг. — 117, 118, 122, 142, 161, 162, 163, 165, 175, 176
Корнелий Сулла, Л., диктатор — 133, 212—214, 220—240, 242, 243, 246, 255, 257—261, 275, 277, 286, 294, 333, 347, 354, 486
Корнелий Сулла, П., консул 65 г., племянник диктатора, катилинарий — 293
Корнелий Фауст Сулла — 310
Корнелий Тацит, П. — см. Тацит
Корнелий Фронтон, М. — 539
Корнелий Цетег, Г., участник заговора Катилины — 296, 301, 303
Корнелий Цинна, Л., консул 87, 86, 85 гг. — 223—225, 227, 297, 349
Корнелия, жена Г. Ю. Цезаря — 308
Корнелия, мать Гракхов — 165
Корнифиция, дочь Марка Аврелия — 619
Корректоры — 672
Корсика, остров — 82, 91, 362, 363, 672
Корункании, род — 428
Корфиний, город в Самнии — 8, 209, 212
Коссиний, легат Вариния — 265
Красное море — 391, 477, 478
Красные камни (Saxa Rubra), битва — 668
Красс, Л. Лициний, консул 95 г., оратор — 192
Красс, М. Лициний, триумвир — 160, 161, 227, 228, 242, 248, 255—258, 270—272, 277, 284, 285—287, 290, 292, 293, 295, 297, 308, 309, 316, 317, 322, 346
Красс, П. Лициний, консул 97 г. — 256
Красс Мерула, Л., претор — 154
Красс Муциан, П. Лициний, консул 131 г. — 160
Кремона, город в Венеции — 7, 79, 357, 464
Креуза — 440
Крикс — 263, 267, 268
Крит, остров — 8, 9, 220, 278
Крито-микенцы, или эгейцы — 13
Кротон, греческая колония, город в Бруттии — 8, 9, 66
Крым, полуостров — 473
Ксантипп — 89
Ксенофонт из Эфеса — 731
Ксифилин — 732
Ктесифон, город в Месопотамии — 390, 474, 628
Кумы (Киме), город в Кампании — 8, 9, 20, 146, 166, 238, 440
Кура (Cyrus), река на Кавказе — 282
Кураторы — 625
Куриалы — 376, 648, 653, 655, 692—694
Куриации, род — 75
Курий Дентат, Маний — 68
Курий, Кв. — 299
Курион — см. Скрибоний Курион
Куртизий, Т. — 420
Курия — 33, 376, 501, 642, 655, 692—694, 703
Кутий Луп — 420

Л

Лабеон, юрист — 458, 734
Лабиен, Т., трибун 63 г. — 333
Лавин, город в Лации — 441
Лаврент, город в Лации — 27
Лагиды — 369
Лактанций — 642, 730
Лампридий — 733
Лангобарды — 628
Ланувий, город в Лации — 27, 60, 323
Лаодика, сириянка — 119
Лаодикея, город в Сирии — 664
Лары — 35
Латин — 28, 440
Латина — 29
Латинская дорога (via Latina) — 227
Латинский (доримский) союз (федерация) 30 городов — 30, 46, 60, 62, 65
Латины — 12, 25, 27, 38, 60, 65, 183, 209, 214, 446
Латифундии — 152, 154, 158, 256, 284, 344, 561, 586—588, 592, 599, 696, 719
Лафрений, Т. — 211
Лаций (Latium), обл. в Средней Италии — 6, 7, 15, 19, 25, 27—30, 32, 36, 38, 54, 60, 61, 186, 209, 440, 442
Лев, восточноримский император — 725
Лев I, римский папа — 758
Левки, местечко в М. Азии — 160

Легаты—75, 124, 388, 621
Leges duodecim tabularum—56—59, 72
Leges Liciniae Sextiae—73, 165
Leges municipales—401
Leges regiae—38
Leges sacratae—73
Legis actiones—59
Лека, М. Порций—296, 299, 304
Lex Aelia Sentia—404
Lex agraria Appuleia—203
Lex agraria (C. Gracchus)—179
Lex agraria (Ti. Gracchus) — 170
Lex agraria a. 111 — 186—188
Lex Boria — 186
Lex Calpurnia — 131
Lex Canuleia — 59
Lex Cassia Terentia — 270
Lex Claudia — 94, 131, 151
Lex de coloniis in agros deducendis — 350
Lex de civitate sociis danda — 183, 206
Lex de collegiis restituendis novisque instituendis — 311
Lex Cornelia — 233
Lex Fufia Caninia — 404
Lex frumentaria — 203
Lex Hadriana de agris rudis—520, 522, 523, 683
Lex Hieronica — 124
Lex Hortensia — 73
Lex Icilia — 55
Lex iudiciaria — 180, 192
Lex Julia de maritandis ordinibus — 403
Lex Julia de mercedibus habitationis — 342
Lex Julia de municipiis — 212, 338
Lex Julia de repetundis — 338
Lex de iure magistratuum — 324
Lex Manciana — 520, 521
Lex Manilia — 290
Lex metalli Vipascensis — 523—524
Lex Ogulnia — 72
Lex Oppia — 133
Lex Papia Poppaea — 403
Lex Petronia — 576
Lex de provincia Asia — 180
Lex de suffragiis — 184
Lex per saturam — 71
Lex Plautia Papiria — 214
Lex Poetelia Papiria — 71
Lex Rubria de Gallia Cisalpina — 338
Lex sumptuaria — 420
Lex Tarpeia Aternia — 55
Lex Thoria — см. Lex agraria
Lex Valeria de imperio — 231
Lex Valeria de provocatione — 73
Lex Vatinia — 311
Lex Villia annalis — 118, 162
Lex de vi — 324
Лелий, Г. — 118, 163, 165, 288
Лентул Батиат—см. Батиат
Лентул—см. Корнелии
Леонтины, город в Сицилии — 155
Лепид — см. Эмилий
Лептида — см. Лептис
Лептис Большой, город в Африке—86, 608, 614
Лесбос, остров — 330
Либаний — 712, 713
Либер (Вакх) — 147
Либера — 147
Либерты — см. Вольноотпущенники
Ливий Тит — 447—450, 547
Ливий Андроник — 148, 149
Ливий Друз, М. (Младший), трибун 91 г. — 206, 208—211, 260
Ливий Друз, М. (Старший), консул 112 г. — 183
Ливийцы — 85, 483
Ливия, страна в Африке — 102, 103, 132, 361, 672
Ливия Друзилла, жена Августа — 412, 438, 455, 457, 547
Лигурия, область в Северной Италии — 7, 672
Лигуры — 10, 13, 25, 95, 312
Лигустин, Спурий — 92
Лидия, область в М. Азии — 113, 226, 678
Ликия, область в М. Азии, римская провинция — 12, 476
Ликс, город в Африке, финикийская фактория, карфагенская крепость — 9, 86
Лилибей, финикийская колония в Сицилии — 9, 82, 90, 200, 201
Линд (Линкольн), город в Британии — 432
Липарские острова — 88
Лирис, река в Лации — 286
Лициний — 668, 709, 710
Лициний Красс — см. Красс
Лициний Лукулл, Л., претор Сицилии во время второго восстания рабов — 202
Лициний Лукулл, Л., консул 73 г. — 271, 272, 310
Лициний Лукулл, Л., консул 74 г. — 242, 246, 254, 256, 280—283, 330

Лициний Максим, прокуратор — 521
Лициний Макр, Г., историк, трибун 73 г. — 31, 277
Лициний Мурена, Л., консул 63 г.— 298
Лициний Нерва, П., претор Сицилии 105 г. — 198, 199
Лициний Столон, С., трибун — 71, 73 — см. Lex
Локры — 108
Локры, греческая колония в Бруттии — 9, 66
Лоллиан — 640
Лолос, мыс на восточном берегу Испании — 95
Ломбардия — 480
Лонг — 731
Лондиний (Лондон) — 426, 537
Лугудун (Лион), город в Галлии — 392, 401, 425, 428, 500, 638, 676, 686
Лузитания, область в Испании — 120, 392, 462, 476
Лузитаны — 120, 121, 309
Лука, город в Этрурии — 316, 317
Лукания, область в Ю. Италии — 8, 66, 67, 69, 266, 271, 673
Луканское озеро — 271
Луканы — 25, 66, 67, 207, 209, 213, 215, 227
Лукиан — 539, 541, 712
Лукреция — 47
Лукулл — см. Лициний
Лукумоны—14, 17, 18, 20, 36, 40
Луна, римская колония в Этрурии — 77
Луперки — 550
Лутаций Катулл, Г.,консул 242 г.— 90
Лутаций Катулл, Кв., консул 78 г. — 281
Лутоза, река в Галлии — 320
Луцеры, триба — 36
Луцилий, — 148
Луцилла — 619
Люмпенпролетариат — 152, 258, 305, 342, 344, 645
Люцерия, город в Апулии — 8, 65, 79

М

Маас (Моза), река в Галлии — 319
Мавретания, римская провинция в Африке — 426, 476, 614, 676
Мавретанские племена (мавретанцы) — 83, 628
Магнезия на Меандре, город в М. Азии — 113, 125, 225
Магнополис (Евпатория в Понте), город, основанный Помпеем — 283
Магон, карфагенский писатель, агроном — 83
Магон, младший брат Ганнибала — 101, 102
Майнц — см. Могонтиак
Македонская монархия — 104, 106
Македонские войны — I, II и III— 106—109, 114—115
Македония, римская провинция — 5, 67, 69, 93, 105, 106, 107, 109, 113, 114, 115, 119, 125, 131, 159, 204, 220, 226, 271, 290, 353, 357, 361, 367, 381, 394, 622, 634, 671, 672, 676
Маккавеи — 114
Макра, река в Этрурии — 7
Макрин (Марк Опеллий Макрин)— 607, 609, 612, 620
Макробий — 731
Макрон (Невий СерторийМакрон)— 423
Максенций (Марк Аврелий Максенций) — 668
Максимиан (Марк Аврелий Валерий Максимиан), соправитель Диоклетиана, 639, 667, 668, 671
Максимин Даза (Галерий Валерий Максимин Даза) — 668
Максимин Фракиец (Гай Юлий Вер Максимин), император — 629—632
Малака,финикийская колония в Испании — 86—95, 501
Малая Азия — см. Азия
Мамертинская тюрьма — 303
Мамертинцы — 87
Мамея, Юлия — 609, 628
Мамурра — 336
Мандубии — 320
Манилий, Г., трибун 66 г. — 281, 282
Манихеяне — 718
Манлий, Г., организатор катилинариев в Этрурии — 304
Манлий, Л., рабовладелец в Венафре — 138
Манлий, М. (Капитолийский) — 56, 70, 71, 259
Манлий Вульсон, Гн., консул 189 г. — 134
Мантуя, город в Галлии Цизальпинской — 13, 357

Манций, легат—см. Lex Manciana
Манцин, Г. — 121, 122, 166
Манцин — см. Гостилий
Маны — 35
Марианцы — 275
Марий, Г. — 189, 192—198, 202—206, 212, 214, 220—224, 229, 233, 235, 236, 240, 242, 246, 255, 286, 304, 308, 333, 350
Марий, Г., младший — 227
Марк — см. Аврелий
Маркион — 564
Маркоманнская война — 530, 531, 608, 628, 632, 747, 753
Маркоманны — 530, 628, 747, 752
Марна (Матрона), река в Галлии — 638, 757
Марруцины — 25, 210
Марс — 29, 34, 35, 87, 208; храм — 338
Марсийская война — 210, 275
Марсово поле — 47, 228, 238, 260, 301, 407, 432
Марсы — 25, 207, 209, 210, 211, 212, 213, 215
Марцаботто, местечко в Этрурии, раскопки — 13
Марцелл, Г. Клавдий, консул 50 г. — 326
Марцелл, Г., консул 49 г. — 327
Марцелл, М. Клавдий, консул 222 г. — 100
Марцелл, М. Клавдий, консул 51 г. — 326
Марцелл, М. Клавдий, племянник Августа — 412; театр Марцелла — 453
Марциал — 539, 540, 588
Марции, род — 73
Марций, Анк — 36, 77
Марций Филипп, Л., консул 91 г. — 208, 209, 225, 227, 260
Марций Филипп, трибун 104 г. — 195
Массинисса — 101, 103, 116, 117, 118, 122, 190
Массалиоты — см. Массиллийцы
Массива, внук Маципсы — 191
Массилийцы — 197, 313
Массилия, древнегреческая колония, город в Нарбонской Галлии — 95, 125, 197, 284, 313, 346
Маттафия — 114
Матфей — 562
Мафон (Matho) — 91
Меандр, река в М. Азии — 226
Мегара, греческая колония в Сицилии — 82
Медиолан (Милан), город в Цизальпинской Галлии — 7, 671, 676, 680, 686, 687, 709, 719, 759
Медулия, город в Лации — 78
Мёзия, римская провинция — 476, 478, 643, 648
Мелий, Спурий — 54
Мелитон — 568
Мелькарт — 82
Меммий, Г. — 190, 205
Мемфис, город в Египте — 105, 259, 369
Менерва — 19
Менодор — 361, 364
Менний, Г., — 139
Меотидское озеро (Азовское море) — 477
Меотийская земля — 442
Меромское озеро — 556
Месопотамия — 316, 322, 474, 628, 677, 717
Мессалина — 430, 431
Мессана, греческая колония, город в Сицилии — 82, 86, 87, 157, 365
Мессапы — 25
Мессия — 443, 467, 556—560
Метавр, река в Умбрии — 100
Метапонт, греческая колония, город в Лукании — 8, 266
Меценат, Г. Цильний — 395, 396, 397, 403, 410
Мидяне — 390
Микены, город в Греции — 8
Миланский эдикт — 709, 710, 729
Милет, город в М. Азии — 219
Милон — см. Анней Милон, Т,
Милы, греческая колония, город в Сицилии — 82, 88, 365
Минерва — 19, 147, 149, 431; храм М.—526
Минтурны, город в Лации—65, 77, 139, 222
Минуций Феликс — 565
Миос-Гормос, город на Красном море — 478
Мисенская гавань — 386
Мисенский мыс в Кампании — 363, 365, 423
Мисенское соглашение — 363, 364
Митилена, город на о. Лесбосе — 166
Митра — 552, 553, 558, 709, 713
Митридат Эвергет — 182

Митридат VI Эвпатор — 161, 182, 214, 217, 218, 220, 225—227, 242, 243, 270, 279—284, 310, 318, 330, 331, 351, 546
Митровица — см. Сирмий
Миципса — 190, 191
Мраморное море — 671
Могонтиак (Майнц), город в Галлии — 469, 500, 743
Мозель (Мозелла), левый приток Рейна — 731
Молон — 309
Молоссы — 69
Мона, остров у берегов Британии — 313
Моргантина, город в Сицилии — 200, 201
Мотиэ, финикийская колония в Сицилии — 9
Муммий, Кв. — 170
Муммий, Л., консул 146 г. — 119
Мунда, город в Испании, битва — 332, 333
Муниципальная конституция Суллы — 234
Муниципальные уставы — 401
Муниципии — 62, 78—79, 80, 168, 215, 338, 339, 401, 500—502, 527, 624, 625, 642, 647, 692, 693, 710
Мурена, Л. Лициний — 298
Мутил — см. Папий
Мутина, город, римская колония в Цизальпинской Галлии — 77, 260, 268, 353
Мутинская война — 354
Мутул, река в Африке — 191
Муции, род — 165, 168
Муций Сцевола, Кв., консул 95 г., юрист — 286, 734
Муций Сцевола, П., консул 133 г. — 166
Мюлуз — см. Везонтион

Н

Набатейское царство в Аравии — 474
Набид — 109
Навпорт, город в Паннонии — 415
Навуходоносор — 554
Назарет, город в Галилее — 559
Наисс, город в Мёзии — 643
Нарбон, город в Галлии — 478
Нарбонская провинция — 313—315
Нарцисс — 426
Неаполь, город в Кампании, греческая колония — 8, 65, 79, 99, 211, 437
Невий, Гн. — 148
Неополисы, города, основанные Помпеем (в Понте) — 283
Нептун, бог морей — 453
Neptunalia, праздник воды — 35
Нераций — 734
Нерва (Марк Кокцей Нерва) — 473, 511, 512, 518, 526, 537, 612
Нервии — 312, 316
Нерон (Нерон Клавдий, Цезарь) — 412, 420, 430—432, 435—438, 461—464, 467, 472, 509, 520, 542, 544, 568, 576, 578, 586, 600
Никефорий, город в Месопотамии — 316
Никея, б. греческая колония, город в Лигурии — 7
Никея, город в М. Азии, собор — 711
Никомед III, Филопатор — 161, 182, 198, 217, 243, 244, 280
Никомедия, город в М. Азии, столица при Диоклетиане — 409, 667, 671, 707
Никополис, город, основ. Помпеем в Понте
Нил, река в Египте — 5, 391, 476, 477, 500
Нильская долина — 105
Ним (Nimes), город в Галлии — 428
Нисибис, город в Месопотамии — 628
Нобили — 91, 94, 101, 126—127, 130, 131, 151, 165, 168, 171, 175, 180, 183, 185, 206, 233, 308, 327
Нобилиоры, род — 148
Новоперсидское царство Сасанидов — 628
Новоримская империя — 763
Новосирийское царство — 158, 362
Новый Карфаген — см. Карфаген Новый
Нола, город в Кампании — 99, 140, 211, 221, 223, 228, 233, 266, 411
Номентанская вилла Сенеки — 580
Норба, город в Лации — 153
Норбан, Г. — 227
Норик, провинция — 628
Нортия — 19
Notitia dignitatum — 670
Нумантинцы — 121, 166

Нуманция, город в Испании, нумантинская война — 121, 122, 158, 163, 192
Нумериан (Марк Аврелий Нумериан) — 733
Нумидийцы — 83, 85
Нумидия, страна в Африке, римская провинция — 103, 190, 191, 220, 332, 476, 614, 730
Нумитор — 29
Нуцерия, город в Умбрии — 211, 233, 266

О

Овидий Назон, П., — 444 — 447
Оденат — 632
Одоакр — 760
Озирис — 552
Океан (Атлантический) — 312, 315, 318, 332
Окризия — 43
Октав, город в Нумидии — 723
Октавиан — см. Август
Октавий — см. Август
Октавий, Гн., консул 87 г. — 223, 224
Октавий, М., трибун 133 г., — 169, 170
Октавия, жена Нерона — 431
Октавия, сестра Августа, жена М. Антония — 367, 369
Оллий, левый приток По — 7
Олонна, левый приток По — 7
Опики (оски) — 25
Опимий, Л. — 183, 184, 190
Оппрам Зевскид — 482
Опс — 35
Оптиматы — 171—173, 176, 182—185, 192, 205, 223, 231, 276, 277, 281, 287, 290, 291, 295, 310, 316, 323, 324, 345
Оргеторикс — 313
Орест — 760
Ориген — 564, 565, 730
Орик, город в Эпире (Греция) — 125
Орлеан (Ценаб, Аврелиани), город в Галлии — 319, 757
Ород — 390
Оронт, река в Сирии — 732
Орхомен, город в Греции — 8, 226
Остготы — 752, 761
Остия, римский порт — 7, 77, 222, 223, 250, 337, 427, 508
Отацилии — 87
Отон (Марк Сальвий Отон) — 438, 462

П

Павел, апостол — 460, 562, 565
Павел, юрист — 458, 611
Пад (По), река, — 19, 25, 268, 481
Пакувий — 379
Палатин, холм — 7, 29, 30, 32, 37, 38, 39, 41, 146, 254, 300, 324, 422, 435, 436, 542
Палестина — 114, 282, 463, 474, 476, 554, 556, 558, 559, 676, 672, 681
Палестрия, город — 38
Палики, гора в Сицилии — 199
Палладий — 581
Паллант — 426
Пальмира, город в Сирии — 479, 640
Пальмирское царство — 644
Памфилия, область в М. Азии, римская провинция—113, 282, 476
Паннония, римская провинция — 393, 394, 412, 414, 476, 478, 607, 628, 645, 676, 687, 732
Панорм, финикийская колония в Сицилии, город — 9, 82, 90
Панса, Г. — 353
Пантикапея, город в Херсонесе Таврическом — 283
Панэций — 149, 163
Папий Мутил, Г., вождь самнитов в Союзническую войну — 210, 228
Папий Мутил, М., консул 9 г. н. э. — 403
Папиниан — 611, 612, 635, 636, 734
Папиний Стаций — 543
Папирий, юрист — 37
Папирий Карбон, Г., консул 120 г.— 174, 176, 223—225, 227, 228, 275, 297
Папирий Курсор, Л., диктатор — 66
Париж, город — 274
Паризии — 319
Парма, правый приток р. По — 7
Парма, римская колония в Галлии Цизальпинской — 77
Парфия, область в М. Азии — 111, 310, 312, 337, 375, 390
Парфяне — 316, 317, 391, 474
Парфянская война — 530
Парфянское царство (Regnum Parthorum) — 114, 366, 390, 628
Патавий, город в Венеции—7, 481
Патриции — 39, 41—45, 47—48, 52—55, 57—59, 70—73, 76, 258, 277, 753

Патрон — 39, 40, 42, 127, 128, 574, 701—703
Патроцинии — 42, 699—705, 759
Пафлагония, царство, римская провинция в М. Азии — 160, 217, 476
Пафлагонцы — 218
Педаний Секунд — 434
Пекулий — 571
Пеласги (лигуры-этруски) — 10, 12, 13
Пелигны — 25, 216
Пелла, столица Македонии — 106
Пелопоннес, область в Греции — 363, 368
Пенаты — 35
Пенджаб, область в Индии — 478
Пергам, город в М. Азии — 111, 219, 220, 242, 409, 547
Пергамское царство — 104, 107, 110, 112, 113, 122, 160, 180
Перперна, Г. — 212, 260, 261
Перперна, М., друг Лепида — 161
Персей — 106, 112, 115, 131, 142
Персидский залив — 476
Персия — 642, 729, 752
Персы — 479, 632, 644, 649
Пертинакс (Публий Гельвий Пертинакс) — 607, 608
Перузия, город в Этрурии, перузинская война — 358—360
Перценний — 414, 415
Пескара, река в Самнии — 212
Пест (Pestum), римская колония — см. Посидония — 8, 68, 141, 211, 271
Песценний Нигер, Г. — 607—609
Петр, апостол — 562
Петра базилика — 738
Петра, город в Аравии — 537
Петрей, М. — 329
Петроний, автор «Сатирикона» — 576, 592
Петроний, Максим — 758
Пидна, город в Македонии, битва— 115, 163
Пизон — см. Кальпурний
Пизы, город в Этрурии — 7
Пикус — 28
Пилат Понтий — 559
Пилемен — 160
Пирей, афинский порт — 226
Пиренеи, горы — 97, 312
Пиренейский полуостров — 100, 120, 392
Пирр — 67—69, 73, 80, 92, 260, 443
Писидия, область в М. Азии, римская провинция — 476
Пистория, город в Этрурии — 307
Пицен, область в Средней Италии— 7, 8, 26, 209, 210, 213, 268, 306, 673
Пиценты — 25
Пифагор — 713
Плавт, Т. Макций — 148
Плавций Сильван, М. — 214
Платон — 542, 713, 728, 729, Академия П. — 536
Плацентия, город в Цизальпинской Галлии — 7, 79, 587
Плацидия, Галла — 754, 757
Плебеи, плебс — 39, 41—45, 48, 53—59, 65, 70—74, 76, 91, 128, 150, 151, 152, 157, 167, 171, 173, 183, 185, 215, 258, 277, 285, 301, 305, 339, 400, 420, 648, 652, 683
Плиний Младший — 539, 595—598
Плиний Старший — 459, 539
Плотин — 728, 729, 730
Плутарх — 546—547
По — см. Пад
Полемон — 538
Полибий — 163—164, 289, 345
Политорий, город — 78
Полленция, город в Лигурии, битва — 754
Помпедий Силон, Кв.—209, 210, 214
Помпеи, город в Кампании — 211, 229, 233, 455, 472, 484, 486—489, 502, 508
Помпей Гн., сын Помпея Великого — 332, 333
Помпей Секст, сын Помпея Великого — 332, 333, 350, 353, 355, 357, 361, 363—366, 368, 583
Помпей Великий, Гн. — 124, 211, 228, 233, 242, 246, 248, 255, 256, 257, 261, 271, 272, 273, 275, 276, 277, 279, 281—287, 290—293, 298, 308, 310, 316, 317, 318, 322—333, 335—338, 345, 346, 555, 593, 746
Помпей Страбон, Гн., отец Помпея Великого, консул 89 г. — 211, 213, 214, 275, 297
Помпеополисы, города, основанные Помпеем в Киликии и Пафлагонии — 283
Помпея, жена Г. Ю. Цезаря — 310
Помпея курия — 348
Помпилий, Нума — 36, 38
Помпоний Аттик, Т. — 255, 273, 325
Помптинские болота в Лации—337

Понт, область в М. Азии, римская провинция —112, 217, 280, 283, 332, 445, 476, 533, 672
Понтийское царство — 104, 283
Понтифики — 36, 52
Попилий Ленат — 356
Попилий Ленат, П., консул 132 г.— 174, 179
Попликола — см. Гелий
Поппей Секунд, Кв. — 403
Поппея Сабина — 431, 435, 437
Популония, город в Этрурии — 139, 491
Популяры — 172—174, 176—177, 183—184, 199, 203, 205, 223, 225, 276, 277, 287, 308, 358
Порсена — 59, 376
Порциева базилика — 323
Порции, род — 428
Порций Катон, М., Младший (Утический), претор 54 г., внук Катона Старшего — 303, 310, 311, 324, 332
Порций Катон, М. (Старший), консул 195 г., цензор 184 г.—117, 121, 133, 140, 148, 251, 253, 406, 539, 577, 593
Порций Катон, М. — 356
Порфирий — 728
Постум — 632, 638, 640
Постумий, Авл, диктатор — 60
Постумий Альба, патриций — 56
Постумий Альбин, Авл, консул 99 г. — 191
Постумий Альбин, Спурий, консул 110 г. — 191
Постумий, Л., наместник Тарента— 155
Президы — 621, 672
Пренесте, город в Лации — 27, 38, 69, 79, 146, 154, 227, 228, 229, 377
Преторы — 73—74, 76, 123—125, 132, 232, 339, 408, 527
Преторианская гвардия — 388, 389, 408, 438, 613
Префектуры — 672
Приам — 440
Принцепс — 324, 378, 381—383, 395, 396, 405, 473, 611, 647, 671
Принципат — 378, 379, 390, 397, 440, 450, 453, 413, 629, 647
Приск — 713
Проб (Марк Аврелий Проб) — 636, 644, 645, 646, 648, 747, 748
Провинция (Прованс) — см. Нарбонская Галлия
Провинции — 123—126, 162, 338, 354, 382, 393, 401, 418, 428, 500, 624, 625, 629, 672, 752
Прокл — 728, 729
Проконсулы — 124, 381, 383, 672, 701
Прокул из Альбенги — 636, 638
Прокул, юрист — 458, 734
Прокулеанцы, школа юристов — 575
Пролетарии — 44, 46, 57, 152, 153, 195, 259, 290, 292, 400, 414, 653
Проперций, — 391, 446, 447
Пропреторы — 124
Пруза, город в Вифинии — 528
Птолемеи — 369
Птолемаида, город в Египте — 105
Птолемей, Клавдий, астроном — 548
Птолемей II Филадельф — 105
Птолемей III Эвергет — 105
Птолемей IV Филопатор — 105, 107
Птолемей V Епифан — 105
Птолемей VII Эвергет — 165
Птолемей XI Авлет — 330
Птолемей XII — 331
Публиканы — 117, 129, 130, 181, 235, 248, 278, 279, 281, 310, 321, 481
Пуническая война первая — 86—91
Пуническая война вторая — 91, 95—103, 393
Пуническая война третья — 116—120
Пуны (poeni — финикийцы) — 85, 448
Путеолы, гавань в Кампании —77, 139, 249, 250, 508, 559

Р

Рабирий Постум, Г. — 248, 249
Рабовладельческий способ производства, р-кий строй — 140, 142—145, 161, 238—239, 570, 571—573, 577, 605—606, 626, 647, 655, 761
Рабы — 14, 15, 39, 40, 46, 53, 70, 72, 90, 92, 101, 103, 125, 137, 138, 140, 142, 143, 145, 152—155, 161, 162, 184, 199, 213, 222, 224, 225, 234, 242—246, 250—252, 254, 257, 259, 261, 272, 273, 278, 284, 301—303,

311—313, 316, 322, 336, 340, 344, 358, 360—362, 392, 394, 401, 404, 408, 411, 421, 426, 429, 434, 435, 467, 489, 507, 508, 524, 529, 560, 566, 570—574, 591, 625, 626, 629, 631, 632, 635, 636, 639, 644, 648, 650, 652, 653, 655, 680, 681, 682, 684, 695, 698, 711, 723, 735, 744, 747, 753, 755, 759; восстания рабов — 153—156, 158, 159, 160, 161, 192, 198, 199, 200, 201, 203, 261—274, 304, 375, 420, 719
Равенна, город и гавань в Циспаданской Галлии — 7, 327, 386, 686, 755, 759
Разена (rasena) или туски, племя— 12, 13
Рамны, триба — 36
Реате, город у сабинян — 470
Регий, греческая колония, город в Бруттии — 8, 66, 82, 174, 211, 478
Региллиан — 640
Регилльское озеро, битва — 60
Регул, М. Атилий — 96
Рейн, река 312, 314, 317, 318, 332, 389, 411, 416—418, 468, 469, 500, 515, 516, 533, 619, 624, 743, 757, 758
Ректоры — 672
Рем — 29, 440
Ремы — 315
Рен, правый приток р. По — 7
Республика — 76, 77, 80, 88, 130, 132, 167, 379
Реция, альпийская область — 12, 13, 582, 628, 672
Рея Сильвия — 29
Рим, город — 27—30, 32, 37, 47, 48, 62, 99, 100, 139, 140, 148, 153, 173, 184, 205, 222, 227, 259, 260, 267, 269, 270, 292, 296, 304, 306, 332, 334, 338, 341, 342, 350, 355, 363, 370, 376, 382, 405—408, 410, 435, 438, 440—442, 444, 458, 504, 508, 526, 558, 559, 562, 631, 634—637, 641, 651, 665, 673, 680, 687, 689, 690, 694, 740, 755, 756, 759
Римляне — 60—63, 65, 67—69, 210, 213, 215, 440—444, 467, 740, 743, 755, 756, 759
Римско-италийская федерация — 65, 80
Римско-латинская война — 65
Рицимер, Флавий — 758
Род (gens) — 14, 33, 37, 40, 41, 46, 48, 52—53
Родан (Рона), река в Галлии — 332, 677, 686
Родос, остров — 107, 125, 149, 159, 226
Родосская республика — 104, 107
Рома — 409
Ромейская империя — 762
Ромул — 13, 29, 33, 36, 39, 42, 45, 61, 167, 336, 440
Ромул Августул — 167, 760
Рона — см. Родан
Рубикон, река — 7, 80, 234, 327, 328
Рубрий — см. Lex
Ругии — 756
Рупилий, П., консул 132 г. — 158, 159
Рутилий Луп, П., консул 90 г. — 211
Руфин — 753

С

Сабеллы — 25, 215
Сабин, юрист — 575
Сабинианцы, школа юристов — 575
Сабины, племя — 25, 36, 37, 69
Сава, река — 754
Сагунт, греческая колония, город в Испании — 96, 101
Садок — 555
Садукеи — 555
Сакрипорт, город в Лации, битва — 227
Саксы — 748, 750
Саламин, город на Кипре — 346
Саламин, остров — 20
Саларийские ворота в Риме — 755
Салассы —391 , 392
Салерн, город в Кампании — 211
Салии, галльское племя — 313
Салии, жреческая коллегия — 36, 72, 550
Саллюстий Крисп, Г. — 342—344, 448
Салманассар — 554
Салоны, город в Далмации — 394, 667, 736
Сальвий (Трифон), сирийский раб, провозгласивший себя царем— 200—202
Сальвий Юлиан, юрист — 514
Сальпенза, город в Испании — 501
Сальтусы — 522, 585, 586, 600—602, 625—627, 647, 696, 703

Самария, область в Палестине — 464
Самний, область в Средней Италии — 7, 8, 65, 68, 186, 211, 212, 213, 228, 260, 268, 673
Самниты — 25, 62, 63, 65, 66, 68, 69, 85, 207, 209, 213, 214, 215, 227, 228
Самнитские войны— 65, 66
Самос, остров — 242
Сантоны — 314
Саона (Арар), приток Роны — 314, 639
Сарацены — 483
Сардиния, остров — 10, 82, 83, 91, 142, 260, 354, 362—364, 381, 476, 672, 716, 748
Сарматы — 217, 218, 391, 748, 756
Сасаниды — 61, 628
Сатурн — 28, 35, 74, 205, 447, 544
Свебы — 754
Светоний Паулин, Г. — 432, 434
Светоний Транквилл, Г., историк— 545, 733
Север Юлий, полководец — 529
Северное море — 312
Северы — 334, 397, 458, 498, 500, 564, 565, 607, 611, 615, 618, 620, 621, 625, 628, 629, 648, 669, 685, 732, 736
Сегеста — см. Эгеста
Секваны — 312, 314, 315
Секстий, Т. — 359
Секстий Латеран, Л. — 71, 73
Селевк I — 110
Селевкиды — 109, 110, 111, 217, 282, 283
Селевкия, город на Тигре — 114, 390, 474
Селена — 373
Селинунт, греческая колония в Сицилии — 82, 474
Семпронии Гракхи, род — 126, 165
Семпронии Гракхи (братья) — 121, 142, 148, 153, 161—163, 165, 181, 185, 186, 188, 189, 194, 195, 206, 258, 631
Семпроний Гракх, Гай, трибун 123, 122 гг. — 130, 165, 166, 170, 177—185, 206, 302
Семпроний Гракх, Тиберий, трибун 133 г. — 158, 165, 167—175, 177—180, 182, 302
Семпроний Гракх, Тиберий, консул 177 г. — 93, 121, 142, 165
Семпроний Лонг, Тиберий — 134
Семпроний Тиберий, консул 218 г.— 97
Семпроний Тудитан, Г., консул 129 г. — 176
Семпроний Тудитан, М. — 134
Семпрония, сестра Гракха — 176
Сена (Секвана), река в Галлии — 275, 312, 315, 638
Сена Галльская, город в Умбрии, колония — 8, 77
Сенат — 33, 45, 56, 63, 64, 72, 74, 76, 87, 94, 96, 101, 103, 126—128, 131, 132, 154, 158, 161, 162, 165, 183, 184, 192, 203, 208, 221, 230, 231, 232, 239, 298, 300, 303, 309, 323, 339, 347, 353, 376, 396, 399, 413, 417, 431, 469, 470, 473, 511, 631, 642, 694
Сенаторы — 168, 180, 192, 204, 208, 295, 296, 303, 339, 346—348, 351, 375, 397, 398, 412, 424, 504, 519, 532, 694—696
Senatus consultum de Bacchanalibus — 146
Senatus consultum de imperio Vespasiani — 469
Сенека (Л. Анней Сенека), — 430, 431, 437, 460, 461, 580, 584
Сеноны — 61, 319
Сентин, город в Умбрии — 66
Сентинские болота — 337
Септимий Север — 607, 608, 609, 611—615, 618, 619, 627, 629, 635
Серапис — 552, храм С. — 331
Серветрия, город в Этрурии — 38
Сервилий, Г., — 210
Сервилий Главция, Г., претор 100 г., вождь популяров — 202, 203, 204, 206, 210
Сервилий Исаврик, П., консул 48 г. — 341
Сервилий Каска, П. — 356
Сервилий Рулл, П., трибун 63 г. — 290, 291, 292, 310
Сервилий, П., консул 48 г. — 341
Сервилий Цепион, Гн. — 192, 206
Сервилий Цепион, Кв. — 310
Серторианская война — 257—261
Серторий, Кв. — 223, 224, 260, 261, 276, 281, 330
Сетия, город в Лации — 153, 154
Сеян, Л. Элий — 422, 423
Сибарис, греческая колония в Бруттии — 8, 9
«Сивиллины книги» — 146
Сивиллы оракул — 347
Сидон, город в Финикии — 82
Сидоний Аполлинарий — 698

Сикулы — 25
Сикций, Л. — 58
Силар, река в Лукании — 7, 271
Силий Италик — 543
Симмах, Кв. Аврелий — 715
Симон, «Царь Иудейский», раб Ирода — 556
Симон, сын Гиора, вождь зелотов — 464
Сингидун (Белград), город в Мёзии — 500
Синуесса, город в Кампании — 65, 77
Сипонтские болота в Апулии — 292
Сиракузы, греческая колония, город в Сицилии — 9, 68, 82, 86, 87, 100, 199
Сирийская война (192—189 гг.) — 113
Сирийская монархия — 104, 110
Сирийцы — 464
Сирия — 105, 107, 113, 132, 220, 236, 282, 316, 317, 353, 361, 370, 381, 386, 421, 426, 474, 476, 530, 531 607, 619, 644, 672, 677, 752
Сирмий, город в Паннонии — 646, 671, 686
Сирт — 83
Сирт Малый, залив у берегов Африки — 116
Сифакс — 101, 103
Сицилийский пролив (fretum Siculum) — 6, 80, 86
Сицилийское восстание рабов первое — 156—159
Сицилийское восстание рабов второе — 198 — 203, 632
Сицилийское государство — 361—365
Сицилия — 5, 6, 8, 9, 10, 38, 39, 67, 68, 82, 86—91, 97, 99, 100, 103, 124, 143, 153—157, 159, 186, 198—203, 243, 244, 270, 271, 275, 278, 290, 354, 361, 362, 363, 365, 381, 561, 584, 604, 623, 632, 672, 676, 716, 731, 748, 756
Скавр — см. Эмилий
Скиллаций, город в Бруттии — 182
Скирта, город в Сицилии — 202
Скифия — 337, 360
Скифополь, город в Сирии — 664, 688
Скифы — 217, 218, 245, 391, 403, 668, 747, 756
Скодра (Скутари), река — 361
Скрибоний Курион, Г., трибун 50 г. — 321, 326, 336
Смирна, город в М. Азии — 160, 500
Согласия богиня (храм) — 185
Созиген — 338
Соломон — 554, 557
Солон — 46, 56
Солунт, финикийская колония в Сицилии — 9, 82
Соляная дорога (via Salaria) — 30
Сосий, Г. — 367
Софоний Тигеллин — 435
Союзническая война — 209, 266, 286
Союзнический вопрос — 177, 208
Спалато — см. Салоны
Спарта — 85, 104, 109, 119
Спартак, Спартаковское восстание — 261—275, 286, 376
Спартиан Элий — 733
Спендий — 91
Средиземное море — 5, 9, 12, 15, 20, 81—83, 86, 97, 278—279, 281, 293
Средиземноморская империя — 185, 327, 337, 476, 478, 498, 623, 643, 758
Средиземноморье — 8, 28, 81, 95, 104, 122, 145, 159, 312, 340, 448, 488, 513, 605, 676
Стабии, город в Кампании — 211, 486
Стай Мурк, Л. — 420
Старый лагерь (Castra Vetera), город в Галлии — 408
Статилий, Л. — 301
Стилихон — 753—754
Страбон — 480—481
Страсбург — см. Аргенторат
Стратоникея, город в М. Азии — 161, 225
Сулла — см. Корнелий
Сулланский переворот 82 г. — 226—230
Сульпиций Камерин, патриций — 56
Сульпиций Руф, П., трибун 88 г. — 221, 222, 224
Суесса, город в Кампании — 79
Суний, мыс в Аттике — 159
Сципион — см. Корнелий

Т

Табель о рангах — см. Notitia dignitatum
Тавр, горы в М. Азии — 113, 282
Таврасия (Augusta Taurinorum), город в Лигурии — 7, 66

Тавромений, город в Сицилии — 157, 158, 159
Танаис, город в устьях Дона — 243
Танар, правый приток По — 7
Танит — 85
Тапс, город в Африке — 82, 86, 118, 332, 333
Тар, правый приток По — 7
Тарент, греческая колония, город в Калабрии — 8, 9, 66—69, 100, 142, 155, 182, 368, 592
Тарквинии, город в Этрурии — 13, 36, 46, 139, 140
Тарквинии, династия — 17, 19, 37—39, 41, 51, 54, 345
Тарквиний Гордый — 38, 47, 48
Тарквиний Римский, Гн. — 17
Тарквиний Приск — 38, 43
Тарквиний, Секст, сын Тарквиния Гордого — 47
Тарпейская скала — 71
Тарракон, город в Испании — 500
Тарракония — 100
Тарраконская провинция — 120, 392, 476
Таррацина, город в Лации — 7, 77
Тартес (Тарсис), город в Испании— 9, 82, 95
Тархна — см. Тарквиний
Ташбергское болото (раскопки) — 745
Тацит (П. Корнелий Тацит) — 422, 449, 543—545, 550, 733, 744, 746
Тевтобод, вождь тевтонов — 197
Тевтобургский лес — 394, 413
Тевтоны — 196, 197
Телезин Понтий — 209, 214, 227, 228
Темза (Тамеза), река в Британии — 426
Тенедос, остров — 280
Терентилий Арса, Г. — 56
Теренций Афер, П., — 148
Теренций — см. Варрон
Термин — 35, 707
Тертуллиан — 565
Тетрик (П. Есувий Тетрик) — 632, 638, 640, 644
Тиберий (Клавдий Нерон) — 397, 412—414, 416—424, 449, 450, 455, 469, 559, 623, 747
Тибр, река — 7, 28, 29, 30, 38, 62, 122, 174, 184, 212, 337, 349, 407, 427, 437, 470, 481, 596, 673
Тибулл Альбий — 391, 446, 447, 588, 594
Тибур, город в Лации — 7, 27, 60
Тибуртинская вилла Адриана — 526
Тиволи, вилла Адриана — 534
Тигеллин — см. Софоний Тигеллин
Тиглат-Пилесар — 554
Тигр, река — 390, 628
Тигран — 218, 280, 281, 282, 284
Тигурины — 196
Тимгад (Тамугади), город в римской Африке — 499
Тингис, город в Африке — 86
Тиния — 19
Тир, город в Финикии — 82, 664
Тиринф, город в Греции — 8
Тирренское (Этрусское) море — 6, 7, 9, 19, 27, 38, 62, 86
Тиррены (туски или этруски) — 12, 13
Тит (Тит Флавий Веспасиан) — 463, 464, 466, 467, 470, 472, 529; арка Т. — 534
Тиции, жреческая коллегия — 550
Тиции, триба — 36
Тицин, левый приток По — 7, 97
Тициний, Г. — 199
Толоза, город в Нарбонской Галлии — 401
Томы, город на западном побережье Черного моря — 445
Торий — см. Lex Thoria.
Тосканское поместье Плиния Младшего — 596
Тразеа Пет, П. — 437
Тразименское озеро в Этрурии, битва — 95, 97, 98
Траян (М. Ульпий Траян) — 473, 474, 476, 494, 510, 512, 515—520, 526, 528, 530, 534, 539, 545, 547, 569, 574, 595, 612, 643
Траянов мост — 494, 526
Траянова колонна — 474, 526, 534
Требаций Теста, Г., — 321
Требеллий Поллион — 632
Требия, правый приток По, битва— 7, 97
Требоний, Г. — 341
Треверы — 317, 319
Трибуны народные — 54—56, 76, 185, 223, 232, 277, 278, 381, 383; военные — 75, 386, 527, 666, 701; эрарные — 277, 400
Трибы — 36, 43, 44, 46—47, 78, 92, 223, 339
Триест (Тергесте) — 394

Тримальхион — 592
Триокала, город в Сицилии — 201, 202
Триполи, область в Африке — 534
Трир — см. Августа Треверов
Трифон — см. Сальвий
Троя, город в М. Азии — 9, 28, 440, 441
Троянцы — 440
Тудитан — см. Семпроний
Туллий Цицерон, Кв. — 254
Туллий Цицерон, М. — 32, 60, 255, 281, 282, 285—292, 294, 295, 298—307, 309, 311, 321, 323, 324, 325, 349, 351—356, 448, 457, 539, 544
Туллий Сервий — 43, 45, 46, 47, 52, 54, 231
Тунисский залив — 81
Турдетания (Испания) — 481, 482
Турин — см. Таврасия
Туроны — 319
Туски — см. Тирренны
Тускул, город в Лации — 27, 60, 428

У

Убии — 468
Ульпиан — 611, 734
Ульпий Кринит — 637
Умбрия, область в Италии — 7, 8, 10, 25, 207, 208, 211, 214, 234, 275, 673
Умбры — 12, 25, 209, 212, 214, 215
Уни (Uni) — 19
Утика, город в Африке — 9, 82, 91, 101, 118, 332, 338

Ф

Фабии, род — 40
Фабий Бутео, М. — 92
Фабий Максим, Кв., диктатор — 98
Фабий Максим Сервилиан, Кв., консул — 121
Фабий Пиктор, Кв., историк — 31, 148
Фабий Санга — 302
Фабрики (императорские мастерские) — 686, 688, 690
Фавн — 28, 35
Фазир — 723
Фалиски — 25
Фаний, Г., — 183
Фангон, Т. Фуфиций — 359
Фарисеи — 555, 556
Фарнак Боспорский — 331, 374
Фарос, о. в Египте — 331
Фарсал, город в Фессалии, битва — 330, 338, 746
Фас (Fas), богиня права — 35
Фасос, остров — 356
Федерация самнитских племен — 62
Фезулы, город в Этрурии — 229, 297
Фельзина — см. Бонония
Фелициссимус — 636, 637
Фемистий, — 713
Феодосиев кодекс — см. Codex
Феодосий I Великий — 681, 690, 696, 714, 748, 750, 752, 753
Феодосий II — 715, 734, 756, 757
Феокрит — 446
Феофраст — 235
Ферентийский источник — 28
Ферентийское озеро — 60
Фермопилы, проход на границе Фессалии — 113
Ферония — 35
Фертур (Френто), река — 7
Фессалийцы — 69
Фессалия, область в Греции — 107, 113, 119, 225, 226, 330
Фессалоники, город в Македонии — 119, 120
Фециалы — 36, 52
Фиатира, город в Лидии — 226
Фивы, город в Греции — 120
Фидены, город на границе Этрурии и Лация — 36, 63
Фиканы, город — 78
Филадельфия, город в Лидии — 678
Филипп Аравитянин (см. Юлий Филипп) — 627, 632
Филипп II — 106
Филипп V — 105, 106, 107, 108, 112, 114, 115, 260
Филипп, псевдо — 115
Филиппы, город в Македонии, битва — 356, 357, 366, 442
Филон, П., — 65
Финикийцы — 82, 85, 479
Финикия, страна — 5, 85, 282, 672, 676, 690
Фирм, город в Пицене — 211
Фирм, александрийский купец — 483, 490
Фирм, мавретанский князь — 724
Флавиан — 715

Флавианское право (ius civile Flavianum)—72
Флавии (династия) — 432, 439, 440, 462, 467, 469, 470, 473, 498, 511, 520, 533, 600
Флавий, Г., эдил — 72, 73
Флавий Фимбрия, Г. — 226
Фламиниева дорога (via Flaminia)— 478
Фламиний, Г., консул 223 г. — 92—95, 97
Фламинин, Т. Квинкций — 93, 108, 109
Фламинины, род — 113, 148
Фламиния, область Северной Италии при Диоклетиане (прежний ager Gallicus) — 672
Фламины — 72
Флор, историк — 449, 547
Флор — см. Гессий
Флора — 35
Флоренция, город в Этрурии — 7, 357
Фонтей, М., — 210, 321
Формий, город в Лации — 336
Фортуна — 146
Форум — 21, 38, 58, 73, 223, 229
Форум Юлия — 338
Forum Julii (Фрежюс), город в Нарбонской Галлии — 401
Фраат III — 280, 282
Фраат IV — 390
Фракийцы — 217, 218, 243, 245, 261, 263, 267, 387
Фракия, римская провинция — 105, 220, 226, 245, 264, 367, 381, 476, 634, 649, 665, 672, 681, 746, 752, 756
Франки — 632, 638, 644, 748, 750, 757, 761
Фрегеллы, город в Лации, колония — 65, 79, 177
Френтаны — 25, 210
Френто, река, — см. Фертур
Фригия, область в М. Азии — 113, 461
Фронтин, Секст Юлий — 459, 586, 602
Фронтон, М. Корнелий — 539
Фульвий Нобилиор, М. — 183
Фульвий Флакк, Кв. — 93
Фульвий Флакк, М., консул 125 г.— 174, 176, 177, 184
Фульвия, жена М. Антония — 358
Фурии, город в Бруттии, греческая колония — 8, 66, 266, 271
Фурий, легат Вариния — 265
Фурий, П. трибун 99 г. — 142
Фурий Камилл, М., — 61, 62
Фуфлиус — 19
Фуцинское озеро — 25, 211, 337, 426, 427

Х

Халдеи — 390
Халкедон, город в М. Азии — 648
Халкида на Эвбее, город — 120, 226
Хаммурапи — 9
Харон — 19
Хереа Кассий — 425
Херонея, город в Греции, битва — 226, 242, 546
Херсонес Фракийский, полуостров — 113
Хиос, остров — 159, 242
Хиосцы — 160
Хиунг-ну (гунны) — 752
Хризогон — 234
Христос — см. Иисус

Ц

Цезарион — 347, 369
Цезарь, титул — 378—379, 671
Цезарь — см. Юлий Цезарь
Целий Руф, М. — 341
Целий, холм — 7, 30, 435
Цельс, критик христианства —712
Цельс — 602
Цензоры — 74, 76, 77
Центурии — 44—45, 91
Цере, город в Этрурии — 17, 46, 139
Цереалис, Петилий — 468
Цереаты, деревня близ Арпина—192
Церера (Деметра), — 35, 147
Цестий Галл, Г. — 464
Цетег — см. Корнелий
Цецилии, род — 165, 168
Цецилий Метелл, Г., консул 113 г.— 229
Цецилий Метелл, Кв., сын Метелла Нумидийского — 227
Цецилий Метелл, Л., консул 251 г. — 89
Цецилий Метелл Македонский, Кв., консул 143 г. — 147
Цецилий Метелл Нумидийский, Кв., консул 109 г. — 119, 191, 192, 194, 203—205
Цецилий Метелл Пий, Кв., консул 80 г. — 233
Цецилий Метелл Сципион, Кв., консул 52 г. — 323
Цецилий Метелл Целер, Кв., консул 60 г. — 306

Цивилис Юлий Клавдий — 467, 468
Цинна — см. Корнелий
Циркумцеллионы — см. Агонистики
Цирта, город в Нумидии — 190
Цирцеи, город в Лации — 153
Цирцейский мыс — 6
Цицерон — см. Туллий Цицерон

Ч

Черное море — 282, 752

Ш

Шельда (Скальдис), река в Галлии — 315
Шираган, раскопки магнатского поместья (на Верхней Гаронне) — 589

Э

Эбро — см. Ибер
Эбуроны — 319
Эвбея, остров — 113, 120, 226
Эвмен II — 111, 113
Эвн — 156, 158
Эгатские острова — 90
Эгейское море — 8, 105, 107, 110, 220, 225
Эгейцы — 13
Эгеста (Сегеста), город в Сицилии — 200
Эгнациева дорога (via Egnatia) — 119, 356
Эгнаций — 209
Эдесса, город в Месопотамии — 474
Эдикт Диоклетиана 301 г. — 656—664
Эдикт Клавдия — 576
Эдикт Миланский — 707
Эдикт Постоянный (Edictum perpetuum) — 513, 514
Эдилы — 74, 76, 232, 339, 408, 500, 527
Эдип — 543
Эдуи — 312, 313, 314, 315, 429
Эзерния, римская колония в Самнии — 68, 213
Эквы — 25, 55
Экном, мыс в Сицилии, битва — 89
Элагабал — см. Гелиогабал
Элиан — 638, 639
Элисса (Дидона) — 82
Эллада — 120, 567, 629
Эльба (Альбис), река — 312, 392, 417
Эмеса, город в Сирии — 111, 316, 346
Эмилиан — 632
Эмилиева дорога (via Aemilia) — 478
Эмилии, род — 126
Эмилий Лепид, М., консул 78 г. — 257, 259, 260, 276
Эмилий Лепид, М., триумвир — 297, 349, 350, 351, 354, 361, 366
Эмилий Павел, Л. консул 219 г. — 98, 115
Эмилий Павел, Л., консул 168 г. — 151, 118, 125, 163
Эмилий Сквар, М., консул 115, 107 гг. — 190, 206
Эмилия, область в Италии — 672
Эней — 29, 438, 440, 441
Энний — 539
Энна, город в Сицилии — 157, 158, 159
Энний — 148
Эномай — 263
Энотрия (Oenotria — Италия) — 8
Эпафродит — 438, 461
Эпиктет — 461
Эпир, область в Греции, римская провинция — 67, 119, 125, 225, 226
Эпироты — 115
Эргастулы — 262, 419
Эрикс, крепость в Сицилии — 89
Эсквилин, холм — 7, 30, 32, 436 634
Эскулапа храм — 118
Этна, гора в Сицилии — 199
Этолийский союз — 104, 107, 113
Этолийцы — 113
Этрурия, область в Италии — 7, 10, 11, 12, 13, 15, 17, 19, 20, 29, 30, 39, 60, 61, 139, 140, 150, 154, 186, 207, 208, 209, 211, 214, 223, 227, 229, 233, 298, 301, 304, 306, 307, 360, 668, 673
Этруски — 11—15, 19, 20, 25, 37, 61, 65, 72, 146, 147, 209, 212, 214, 215, 428
Этрусская династия — см. Тарквинии
Этрусское море — см. Тирренское море
Эфес, город в М. Азии — 218, 219, 409, 500, 559
Эфиопия, страна в Африке — 391
Эшмун — 85

Ю

Юба — 332, 374
Ювенал, Д. Юний — 539—541, 594
Ювентус — 35
Ювенций, П. — 119
Югурта—122, 189, 190, 191, 192, 194, 196, 197
Югуртинская война — 189—196, 235
Юдацилий, Г. — 211, 213, 275
Юл, сын Энея — 308, 440, 441
Юлиан Отступник — 712—714, 724, 732, 733
Юлиева курия — 379
Юлий Цезарь, Г. — 32, 124, 130, 133, 192, 242, 243, 248, 256, 284—287, 290, 292, 293, 297, 303, 308—320, 322—324, 326—359, 362, 369, 373, 377, 396, 401, 410, 413, 422, 424, 425, 428, 441, 442—444, 457, 522, 524, 545, 550, 593, 607, 612, 744, 746
Юлий Цезарь, Л., консул 90 г. — 211, 212
Юлия, дочь Августа — 412
Юлия, дочь Г. Цезаря, жена Помпея — 310
Юлия, жена Мария — 194
Юнии Бруты, род — 73
Юний Брут, Д. — 317, 330, 345, 346, 349, 351, 357, 442
Юний Брут, Л., консул 509 г. — 47
Юний Брут, М., претор 88 г. — 259, 260
Юний Брут, М. — 345, 346, 348, 349, 353, 356, 357, 442
Юний Силан, Д. консул 63 г. — 298
Юнона — 19, 62, 70, 146
Юпитер — 19, 27, 34, 39, 146, 208, 349, 350, 417, 422, 441, 447, 453, 467, 529, 530, 671
Юпитера храм — 333, 529, 530
Юстин Мученик — 568
Юстинианов кодекс — см. Codex

Я

Языги — 530
Ямвлих — 728, 729
Ямний, город в Иудее — 529
Ян (Янус) — 34
Януса Квирина храм — 373, 389
Япиги — 25, 213
Яхве — 467, 529, 530, 552, 554, 555

УКАЗАТЕЛЬ ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

Ammianus Marcellinus — 531, 677, 695, 717, 748, 750
Appianus — 99, 102, 103, 108, 142, 152, 153, 169, 171, 172, 173, 175, 176, 177, 180, 181, 204, 205, 210, 213, 214, 219, 222, 224, 230, 231, 233, 236, 240, 242, 263, 265, 266, 269, 272, 326, 348, 354, 355, 358, 360, 363, 364, 366
Apuleius — 577, 584, 585, 594
Aristides, Aelius — 476, 477, 504
Asconius — 224, 294, 311
Athenaeus — 159, 160
Augustinus — 229, 685, 720—723
Aurelius Victor — 209, 614
Bruns — Gradenwitz, Fontes iuris Romani antiqui, 7 изд. — 187, 188, 469, 501, 521, 522, 683
Caesar — 184, 243, 284, 313, 314, 344, 593, 746, 747
Cassius — см. Dio Cassius
Cato — 30, 132, 134, 136, 137, 139, 140, 577
Catullus — 336
Cicero — 34, 39, 42, 45, 60, 78, 79, 125, 126, 165, 170, 175, 178, 179, 180, 191, 192, 203, 205, 209, 230, 232, 233, 234, 248, 249, 271, 279, 281, 282, 285, 286, 288, 289, 291, 292, 295, 297—302, 304, 306, 321, 325, 337, 351
Codex Hermogenianus (Cod. Herm.) 571
Codex Iustinianus (Cod. Iust.) — 611, 651, 652, 669, 674, 681—685, 689, 690, 692, 694, 696, 702, 711, 715, 717, 718, 721, 723, 730, 731
Codex Theodosianus (Cod. Theod.) — 562, 611, 651—654, 669, 670, 677, 680, 682, 683, 687, 688, 689, 691, 692—694, 696, 701—704, 714, 716, 721, 722, 752, 754, 758
Columella — 580, 583, 584, 595
Corpus agrimensorum Romanorum (Corp. agrim. Rom.) — 586, 602, 651

Corpus inscriptionum latinarum (C. I. L.) — 140, 174, 232, 234, 238, 379, 428, 490, 507, 518, 593, 600, 615, 627
Cyprianus — 524, 564, 584, 717
Digestae (Dig.) — 57, 135, 506, 508, 511, 516, 517, 571, 572, 573, 576, 593, 602, 603, 604, 611, 614, 616, 617, 618, 652, 731
Dio Cassius — 229, 230, 273, 281, 313, 369, 374, 375, 377, 378, 383, 384, 392, 395, 396, 403, 410, 438, 449, 466, 494, 515, 518, 519, 531, 608, 610, 619, 747
Diodorus — 55, 139, 155—158, 168, 181, 184, 199—203, 209, 213, 491—494
Dionysius Halicarnasensis — 12, 28, 31, 32, 40, 42, 60, 62, 78, 258, 259, 440
Dittenberg, Orientis graeci inscriptiones selectae — 627
Edictum de pretiis rerum venalium — 656—663, 686
Eumenius — 667, 747, 750
Eusebius — 568, 695, 709, 723
Eutropius — 269, 272, 530, 531, 638, 668
Fabretti, Inscriptiones antiqui — 571
Festus — 40, 42, 74, 142
Florus — 47, 54, 67, 68, 69, 80, 81, 87, 88, 90, 97—99, 171, 179, 209, 223, 224, 261—264, 268, 270, 273, 274, 328, 329, 332, 547
Frontinus — 265, 586, 602
Gaius — 57, 403, 574, 576
Gellius, Aulus — 39, 77, 171
Geographici latini minores (Geogr. lat. min.) — 676
Gregorius Nyssensis — 727
Herodianus — 610, 611, 629, 631, 710
Herodotus — 12, 84
Hieronymus — 756
Historia monachorum — 655
Horatius — 375, 376, 377, 391, 403, 404, 409, 443, 444, 446, 584, 588, 594
Institutiones Iustiniani (Instit.) — 484, 571, 572, 577
Iochannes — 558, 686
Iochannes Chrysostomus — 685, 686
Iosephus Flavius — 464
Iordanes — 668, 748, 754, 756
Iulianus — 664
Iuvenalis — 193, 541, 585, 594
Lactantius — 642, 653—655, 666, 709, 710
Libanius — 653, 654, 693, 695, 700
Livius — 19, 28, 31—33, 38, 42, 45, 54, 55, 58, 63, 64, 71, 72, 74, 78, 92, 93, 125, 131, 132, 139, 140, 142, 153—155, 168, 170, 171, 179, 191, 231, 233, 243, 258, 259, 268, 271, 272, 273, 294, 410, 448
Lucanus — 593
Lucianus — 717
Macrobius — 172, 272, 379
Mamertinus — 638, 639
Matthaeus — 560, 563
Monumentum Ancyranum (Monum. Ancyr.) — 366, 370, 378, 381, 383, 385, 389—391, 403, 405, 406
Nicolaus Damasius — 338
Nonius — 288
Notitia dignitatum — 672, 686, 687
Novellae Theodosiani — 696
Novellae Valentiniani — 704
Nymphodorus — 159
Olympidorus — 696
Optatus — 721, 722
Orosius — 159, 184, 228, 263, 265, 268, 269, 270, 274, 638, 639, 750, 752
Ovidius — 444, 447, 594
Palladius — 581
Paulus — 566
Petronius — 576, 592
Plautus — 128, 129, 140, 156
Plinius maior — 12, 33, 40, 140, 175, 193, 257, 408, 420, 479, 491, 492, 569, 574, 580—582, 586, 587, 596—598
Plinius Secundus — 476, 570, 518, 528, 574, 580, 587, 596, 597, 598, 744
Plotinus — 728, 729
Plutarchus — 29, 31, 38, 108, 109, 133, 165, 166, 168, 169, 172, 178, 182, 185, 194—197, 220, 228, 230, 235, 236, 256, 257, 261, 264, 265, 268, 269, 270, 271, 272, 276, 278, 279, 283, 319, 320, 322, 329, 330, 333—335, 347—349, 353, 477, 547
Polybius — 39, 81, 86, 90, 109, 125, 127, 129, 163, 345
Porphyrius — 729
Procopius — 760
Quintilianus — 294
Quintilianus, pseudo — 585

Sallustius — 184, 193, 194, 196, 228, 235, 236, 240, 260, 263—267, 271, 274, 277, 280, 294—297, 299, 301, 303—305, 307, 323, 342—344
Salvianus — 638, 685, 698, 701, 704, 716, 759
Sanctus Beatus (Sanct. Beat.) — 721
Scholiae Bobianae — 176
Scriptores Historiae Augustae — 480, 490, 530, 531, 615, 617, 630—632, 634, 636, 637, 640, 641, 643, 644, 646, 667, 747
Seneca — 272, 570, 580, 584, 588, 594
Servius Grammaticus (Serv.) — 20, 582
Sidonius Apollinaris — 699, 758
Strabo — 158, 160, 243, 245, 313, 391, 480—482
Suetonius — 320, 326, 328, 339, 347, 350, 369, 387, 394, 397, 398, 404, 406, 407, 411, 419, 420, 423, 425, 427, 430—432, 435, 436, 438, 472, 576, 583
Symmachus — 690
Tacitus — 42, 185, 193, 376—378, 397, 408, 412, 413—416, 418—420, 421, 429, 430, 432, 433—435, 462, 463, 468, 469, 510, 543, 544, 545, 550, 610, 611, 623, 746, 747
Tertullianus — 504
Theophrastus — 6
Ulpianus — 403, 511, 616
Valerius Maximus — 170, 228
Varro — 12, 26, 30, 33, 54, 167, 251—253
Velleius Paterculus — 142, 172, 181—183, 205, 226, 227, 327, 330, 336, 356, 377, 393, 394
Vergilius — 361, 375, 377, 391, 441, 442, 446, 447, 588
Vitruvius—490, 491, 493, 494, 496, 497
Xiphilinus — 619
Zonara — 74
Zosimus — 631, 755

ИМПЕРИЯ

Глава XIV. Принципат 373
Глава XV. Династия Юлиев-Клавдиев 412
Глава XVI. Культура первого столетия Принципата 439
Глава XVII. Династия Флавиев 462
Глава XVIII. Средиземноморская империя 473
Глава XIX. Римская культура II в. 533
Глава XX. Христианство 549
Глава XXI. Разложение рабовладельческой системы 570
Глава XXII. От Принципата к Доминату 607
Глава XXIII. Кризис III века 622
Глава XXIV. Поздняя империя (Доминат) 647
Глава XXV. Феодализация Римской империи 679
Глава XXVI. Церковь и государство 706
Глава XXVII. Культура Поздней империи 726
Глава XXVIII. Падение Западной римской империи 743

ПРИЛОЖЕНИЯ

Библиография 763
Перечень и объяснение рисунков 769
Перечень заставок и концовок 784
Перечень римских императоров 789
Хронологическая таблица 795
Указатель 800
Указатель цитируемых источников 827
Перечень карт и схем 830

Карты и схемы приложены в конце книги.

ПЕРЕЧЕНЬ КАРТ И СХЕМ

1. Маршруты походов Спартака . . . . к стр. 288
2. Схема группировки военных сил Цезаря и Помпея к началу гражданской войны . . . . к стр. 326
3. Схема продвижения войск Цезаря и Помпея в Италии в 49 г. до н. э. к стр. 327
4. Схема сражений при Диррахии и Фарсале в 48 г. до н. э. . . . . к стр. 329
5. Вторжение гуннов, вестготов и вандалов в Римскую империю . . . . к стр. 756
6. Этнографическая карта Италии около 400 г. до н. э. прил.
7. Италия в эпоху Республики и Ранней империи. Северная часть »
8. » » » » » » » Южная часть »
9. Рост Римского государства »
10. Экономическая карта Римской империи »
11. Позднеримская империя к 395 г. н. э. »

Ответственный редактор
Н. А. Машкин

Справочный материал (указатели, таблицы, библиография), иллюстрации и карты составлены и подготовлены к печати
Т. М. Шепуновой

Технический редактор
Л. Г. Кошутина

Корректора
З. И. Пупол, Е. П. Юревич

Сдано в набор 10/II 1937 г. Подписано к печати 13/VII 1937 г. Формат $60\times92/_{16}$. Печ. л. 29 (с 24 по 52 л.). Уч. авт. л. 34,87. Огиз № 1820. Заказ № 2347. Тираж 75 000 экз. Серия уч. пособ. Цена книги 4 р. 50 к. Цена переплета 1 р. 25 к. Уполномоченный Главлита Б-40524.

Набрано и сматрицировано в 1-й Образцовой типографии Огиза РСФСР треста «Полиграфкнига». Москва, Валовая, 28.
Отпечатано с матриц на 3-й фабрике книги «Красный пролетарий» треста «Полиграфкнига». Москва, Краснопролетарская, 16.

В Ш.

